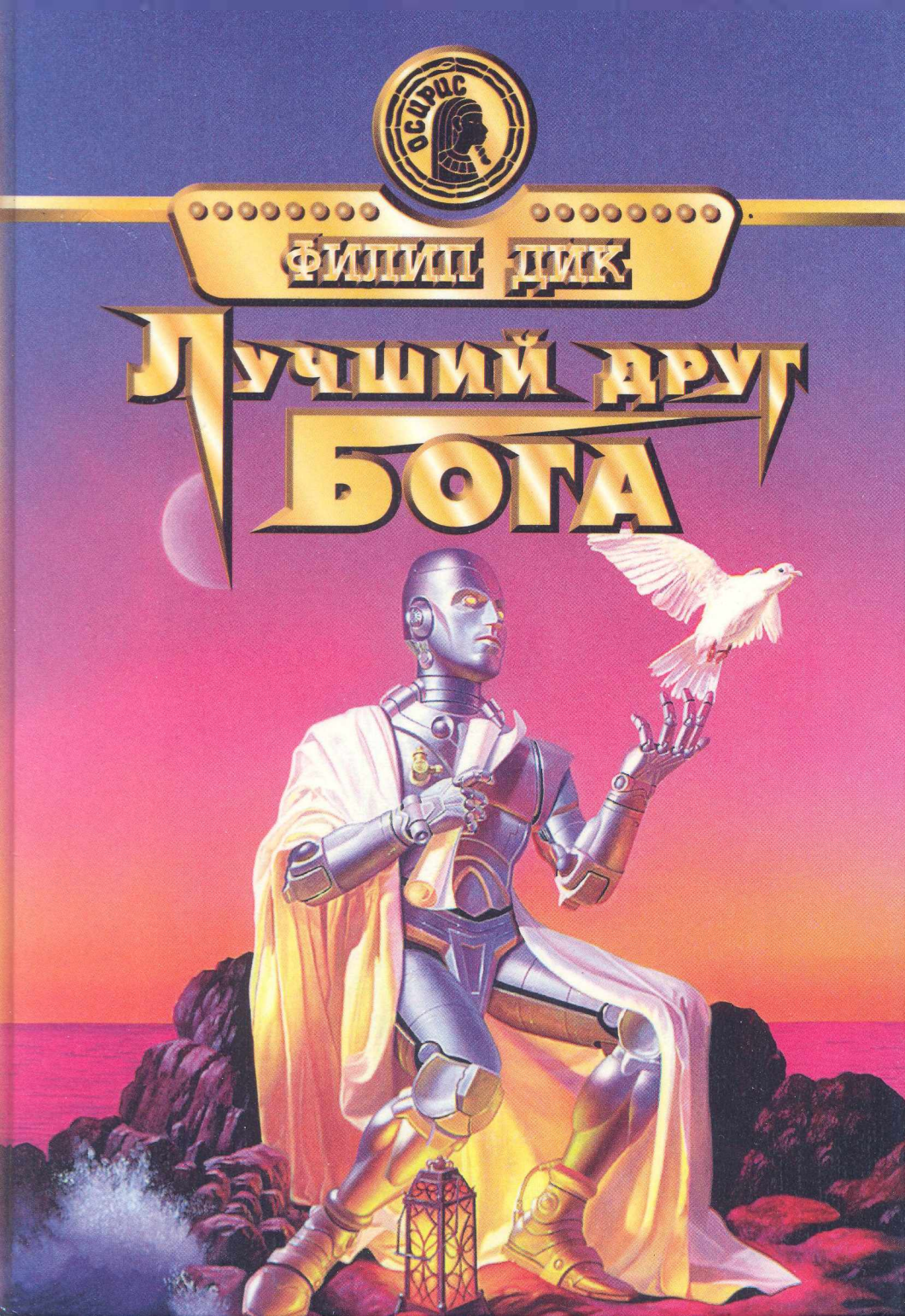
ОСИРИС

ФИЛИП ДИК

Лучший друг Бога



ФИЛИП ДИК

Лучший друг Бога

ГОЛОВА НА БЛЮДЕ

СО СМЕРТЬЮ В КАРМАНЕ

ЛУЧШИЙ ДРУГ БОГА

РОМАНЫ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1996

ББК 84.7 США
Д45

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

ISBN 5-218-00135-X

© Состав, перевод, торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996 г.
© Cover illustration by Michael Whelan, 1978.

Голова на блюде

РОМАН

Перевод с английского
О.А. Воейковой

Глава 1

В семь часов утра Аллан Перселл, молодой перспективный директор самого нового и наиболее творческого из всех исследовательских агентств, лишился спальни. Впрочем, взамен он приобрел кухню. Процесс осуществлялся автоматически под воздействием пропитанной окисью железа пленки, замурованной в стене. Преобразование произошло помимо воли Аллана, но он счел его приемлемым, поскольку уже проснулся и собирался вставать.

Он прищурился, зевнул, поднялся на ноги и принялся шарить рукой, отыскивая кнопку, чтобы выдвинуть плиту, которая, как всегда, чуть выступала из стены. Нужно только хорошенько нажать. Так Аллан и сделал: плита захрипела и выехала наружу.

Он — король в своих владениях, в этой однокомнатной квартире с видом на благословенный Шпиль МОРСа. Приобретение квартиры стоило немалых трудов. Она досталась ему в наследство по завещанию родных, которые на протяжении более сорока лет отстаивали право на аренду. Бесценная коробочка из тонких оштукатуренных плит, кусочек свободного пространства, которое дороже всяких денег.

Если как следует выдвинуть плиту, она разложится еще и на столик, раковину и буфет. Из-под буфета можно извлечь два стула, укрепленные на шарнирах, под пищевыми припасами размещается посуда. Большая часть комнаты уже исчезла, но еще осталось достаточно места, чтобы одеться.

Жена Аллана, Дженет, с трудом натянула на себя комбинацию. Потом нахмурилась и застыла, держа в руках юбку и удивленно озираясь. Центральное отопление еще не добралось до их квартиры, и Дженет поежилась.

Она каждый раз пугалась, просыпаясь таким вот холодным осенним утром; они с Алланом женаты уже три года, но Дженет до сих пор не привыкла к преображениям комнаты.

— В чем дело? — спросил он, скидывая пижаму. Он считал, что свежий, прохладный воздух бодрит, и сделал глубокий вдох.

— Я переставлю ленту. Может, часов на одиннадцать. — Она снова принялась одеваться — медленно, делая много лишних движений.

— Духовка, — сказал Аллан, открывая дверцу. — Положи туда вещи.

Она кивнула и последовала его совету. Необходимо открыть агентство ровно в восемь, а значит, нужно встать пораньше, чтобы успеть проделать получасовой переход по дорожкам, где полно народу. Оживленный шум уже начал просачиваться с нижнего этажа. Из холла доносилось шарканье ног: возле общественной ванной выстраивалась очередь.

— Иди первая, — сказал он Дженет; ему хотелось, чтобы она, наконец, оделась и закончила все приготовления. Она направилась к выходу, и он добавил: — Не забудь взять полотенце.

Она послушно собрала косметичку, мыло, зубную щетку, полотенце, мелкие вещички и ушла. Столпившиеся в холле соседи поздоровались с ней.

— Доброе утро, миссис Перселл.

Сонный голос Дженет:

— Доброе утро, миссис О'Нейл.

И тут дверь закрылась.

После ухода жены Аллан вытряхнул из аптечки две капсулы кортотиамина. У Дженет водились разнообразнейшие таблетки и аэрозоли: лет в двенадцать она подцепила волнистую лихорадку, одно из заразных заболеваний, распространившихся вновь при попытке создания на планетах-колониях ферм в естественных условиях. Он принял кортотиамин от похмелья. Вчера вечером он выпил три стакана вина, да еще на пустой желудок.

Аллан сознательно шел на риск, отправляясь в зону Хоккайдо. Вчера он задержался за работой в агентстве до десяти часов. Но даже усталость не смогла заглушить его тревогу. Тогда он все закрыл и взял маленький корабль, принадлежавший агентству, одноместный скиб, на котором доставлялись срочные заказы в Телеинформацион. Забравшись в него, Аллан вылетел за пределы Новейшего Йорка, бесцельно покружил в воздухе и направился на восток, решив посетить Гейтса и Шугермана. Но пробыл он там недолго и около одиннадцати полетел назад. Это путешествие было ему необходимо. В связи с исследованиями.

Четыре гигантских агентства, относившиеся к той же отрасли, здорово его опередили. Фирма «Аллан Перселл инкорпорейтед» не обладала ни обширными финансовыми возможностями, ни резервами в области идей. День за днем в ней составляли новые пакеты. Служащие агентства — художники, специалист по истории, консультант по вопросам нравственности, стилист и драматург — старались предвосхитить течения будущего, вместо того чтобы разрабатывать схемы, имевшие успех в прошлом. В такой постановке вопроса были свои плюсы и минусы. Большая четверка сознательно ограничила свой кругозор: они составляли стандартные пакеты, успевшие с годами достигнуть совер-

шенства. В их основе лежала испытанная временем формула, к которой в предреволюционные годы обращался майор Стрейтер. В те дни Моральное Совершенствование осуществлялось силами бродячих актерских трупп и лекторов, выступавших с сообщениями, а сам майор проявил гениальность в использовании средств массовой информации. Разумеется, фундаментальная формула отвечает всем требованиям, и все же необходим прилив свежей крови. Майор лично привнес струю свежей крови: будучи выходцем из Империи Африкаанс — воссозданного Трансваальского государства — и весьма влиятельной там фигурой, он вдохнул новую жизнь в нравственные силы, которые в современную ему эпоху пребывали в состоянии спячки.

Вернулась Дженет и сказала:

— Теперь твоя очередь. Я оставила там мыло и полотенце, так что иди прямо сейчас.

Аллан направился к двери, а Дженет полезла доставать тарелки для завтрака.

Как всегда, на завтрак ушло одиннадцать минут. Аллан расправился с едой, как всегда, быстро: кортотиамин снял тошноту. Сидевшая напротив Дженет отодвинула тарелку с недоеденным завтраком и стала расчесывать волосы. Щелчок выключателя — и окно превратилось в зеркало, выполняя двойную функцию, — очередное проявление изобретательности по части экономии пространства, нововведение Жилищного ведомства при Комитете.

— Ты поздно вернулся, — немного погодя сказала Дженет. — Я имею в виду вчера вечером. — Она подняла на него глаза. — Не так ли?

Вопрос удивил его, поскольку жена еще ни разу не пробовала что-нибудь у него выпытать. Дженет жила, словно блуждая в потемках, впадала в смятение по любому поводу и просто не могла питать злобу. Он понял: она и сейчас не пытается что-либо выведать. Дженет беспокоится. Вероятно, вчера она не спала и лежала, уставясь в потолок и гадая, все ли у мужа в порядке, до одиннадцати сорока, пока он не появился на пороге. Когда он разделся и улегся рядом с ней, она ни о чем не спросила, а просто поцеловала его и уснула.

— Ты летал на Хоккайдо? — спросила Дженет.

— Ненадолго. Шугерман подбрасывает мне идеи... Меня вдохновляют разговоры с ним. Помнишь пакет про Гете, который мы сделали? Ну, историю про шлифовку линз? Я ничего об этом не слышал, пока Шугерман не рассказал. Благодаря оптической стороне дела получился отличный пакет — Гете знал, в чем его истинное предназначение.

— Но ведь... — Она взмахнула рукой знакомым нервным движением. — Шугерман — яйцеголовый.

— Меня никто не видел. — Аллан в этом почти не сомневался: по воскресным вечерам в десять часов люди уже обычно в постели. Три стакана вина с Шугерманом, с полчаса он слушал проигрыватель — Том Гейтс поставил чикагский джаз, — вот и все. Аллан уже проделы-

вал такое раньше и ни разу не было ни неприятностей, ни каких-либо затруднений.

Он наклонился и поднял полуботинки, в которых ходил вчера. Они оказались забрызганы грязью. И на каждом виднелись крупные капли засохшей красной краски.

— Из художественного отдела, — сказала Дженет. В первый год существования агентства она выполняла обязанности секретаря приемной и работника картотеки, а потому знала, что где находится. — Зачем тебе понадобилась красная краска?

Аллан не ответил. Он все еще разглядывал башмаки.

— И грязь, — добавила Дженет, — да вот, смотри-ка. — Она потянулась к ботинкам и отодрала клочок травы, присохший к подошве. — Где же ты отыскал траву на Хоккайдо? Среди тамошних развалин ничего не растет... Она зараженная, да?

— Да, — согласился он, — конечно, зараженная.

За время войны остров пропитался насквозь: на него падали бомбы, туда сливали и сбрасывали в невероятном количестве все токсичные и смертоносные вещества, какие только есть на свете. Моральное Совершенствование в таком случае бессильно, не говоря уже об усиленной физической реабилитации. Хоккайдо такой же мертвый и бесплодный, как и в 1972 году, когда закончилась война.

— Трава здешняя, — сказала Дженет, разминая ее пальцами. — Я в этом разбираюсь. — Большую часть жизни она провела на планетах-колониях. — На ощупь гладкая. Эта трава не импортирована, она выросла здесь, на Земле.

Аллан раздраженно спросил:

— Ну и где же?

— В Парке, — ответила Дженет. — Только там и растет трава. Все остальное пространство занято жилыми и административными зданиями. Наверное, ты побывал в нем прошлым вечером.

За окном квартиры в лучах утреннего солнца сиял благословенный Шпиль МОРСа. У его подножия раскинулся Парк. Шпиль и Парк — средоточие МОРСа, его *омфалос*[1]. Там, среди газонов, с кустами и цветами, стоял памятник майору Стрейтеру. Официально одобренная статуя, отлитая еще при жизни майора. Ей уже 124 года.

— Я прогулялся по Парку, — признался Аллан. Он перестал есть, «яичница» остывала на тарелке.

— А как же краска? — спросила Дженет. В голосе ее звучало смутное беспокойство, страх, нападавший на нее в критические моменты, предчувствие беды, от которого она словно цепенела, теряя способность к действию. — Ты ведь не сделал ничего плохого, правда? — Очевидно, она подумала о праве аренды.

Потирая лоб, Аллан поднялся из-за стола.

---

[1] О м ф а л о с — пуп *(греч.)*.

— Уже семь тридцать. Мне пора на работу.

Дженет тоже встала.

— Ты же не доел. — Он всегда все доедал. — Ты не заболел, а?

— Заболел? — переспросил Аллан. — Это я-то? — Он рассмеялся, поцеловал жену в губы и достал пальто. — Когда я в последний раз болел?

— Никогда, — пробормотала она, по-прежнему тревожно и пристально глядя на мужа. — С тобой никогда ничего не случается.

В цокольном этаже жилищной секции у стола секционной надзирательницы столпились предприниматели. Текущая проверка уже началась, и Аллан пристроился в хвост очереди. В утреннем воздухе пахло озоном, благодаря его чистому аромату в голове у Аллана прояснилось. И в нем снова взыграл природный оптимизм.

Учредительский Гражданский Комитет содержал на службе в каждой жилищной секции надзирательницу, и миссис Бирмингэм являла собой типичную представительницу своей профессии: эта тучная краснощекая женщина лет пятидесяти пяти носила пышные платья в цветочек и писала докладные чернильной ручкой — добротной и внушительной. Должность считалась почетной, и миссис Бирмингэм занимала ее уже многие годы.

— Доброе утро, мистер Перселл. — Она просияла, когда подошла очередь Аллана.

— Приветствую, миссис Бирмингэм. — Он приподнял шляпу, поскольку секционные надзиратели придавали большое значение мелким знакам внимания. — Похоже, будет хороший денек, если только небо не затянется.

— Дождь полезен для посевов, — пошутила миссис Бирмингэм. Практически все продовольственные и промышленные товары прибывали на ракетах автофакта, небольшие местные поставки лишь поддерживали определенный уровень мышления и как бы возрождали идеалы. Женщина сделала пометку в желтом блокноте с длинными листками. — Я... еще не видела сегодня вашу милую жену.

Аллан всякий раз находил оправдание опозданиям Дженет.

— Она готовится к собранию Книжного клуба. Сегодня особенный день: ее повысили в должности, теперь она — хранитель.

— Как я рада, — сказала миссис Бирмингэм. — Такая очаровательная женщина. Только немного застенчива. Ей следует больше общаться с людьми.

— Вы, несомненно, правы, — согласился он. — Дженет выросла среди огромного безлюдного пространства. Бетельгейзе-4. Скалы и козы.

Он полагал, что на этом беседа закончится — его собственное поведение редко ставилось под вопрос, — но миссис Бирмингэм вдруг заговорила строго и деловито:

— Вчера вечером вы поздно вернулись, мистер Перселл. Славно провели время?

«О Боже, — вздохнул он. — Наверное, меня засек кто-то из недомерков».

— Не очень.

Он принялся гадать, много ли тот сумел подсмотреть. Если недомерок сел ему на хвост в начале поездки, вполне возможно, что он следил за ним до самого конца.

— Вы побывали на Хоккайдо, — констатировала миссис Бирмингэм.

— Исследования, — сказал Аллан, занимая тем самым оборонительную позицию. — Для агентства.

Тут скрывалась высокая диалектика Общества Морали, что доставляло ему какое-то извращенное удовольствие. Перед ним бюрократ, который действует, не вникая в суть дела, а сам он работает, рассекая наслоения привычек, и попадает прямо в цель. Именно поэтому дела в агентстве идут неплохо, и его собственная жизнь тоже удалась.

— Нужды Телеинформациона превыше личных чувств, миссис Бирмингэм. Вы не можете не понимать этого.

Благодаря его уверенной манере номер прошел, и на лице миссис Бирмингэм снова заиграла слащавая улыбка. Она черкнула что-то ручкой и спросила:

— Мы увидим вас на собрании жилищной секции в среду? Это послезавтра.

— Конечно, — сказал Аллан. За несколько десятилетий он привык терпеливо сносить бесконечный обмен мнениями, близость соседей, собиравшихся в тесной душной комнате. И жужжание недомерков, которые сдавали свои пленки представителям Комитета. — Боюсь, однако, что не смогу быть полезен. — Он был настолько увлечен собственными идеями и планами, что его не интересовало, кто еще допустил промашку и какую. — Последнее время у меня по горло работы.

— Быть может, — сказала миссис Бирмингэм, чуть подтрунивая над ним, однако в ее голосе послышалась нотка высокомерия (мой-прогноз-на-неделю), — в ваш адрес прозвучит критика.

— В мой? — Аллан вздрогнул, ему сразу стало не по себе.

— Мне кажется, я заметила ваше имя, когда просматривала донесения. А может, и нет. Я могу ошибаться. Господи, — она беспечно рассмеялась, — если и так, то это первый случай за много лет. Впрочем, все мы не безупречны, все мы люди.

— Хоккайдо? — спросил он.

Или то, что было потом? Краска, трава. Ему вдруг припомнилось: сверкающая мокрая трава, он скользит по ней, спускаясь с холма, у него кружится голова. Стволы деревьев качаются из стороны в сторону. Он лежит на спине, изумленно глядя вверх. Над ним — окутанное

тьмой небо и облака, будто обрывки материи на фоне черноты. А он растянулся на земле, раскинул руки и глотает звезды.

— Или то, что было потом? — добавил Аллан, но миссис Бирмингэм уже занялась следующим по очереди.

Глава 2

В вестибюле Моджентлок-Билдинг царило оживление, звучал неумолчный шум шагов деловых людей, направлявшихся всяк по своей надобности. Аллан подошел к лифту. Он опоздал из-за миссис Бирмингэм. Лифт любезно подождал его.

— Доброе утро, мистер Перселл, — поздоровался с ним записанный на пленку голос в лифте, потом дверь закрылась. — Второй этаж. «Бевис и компания, импорт-экспорт». Третий этаж, «Американская музыкальная федерация». Четвертый этаж, «Агентство Аллан Перселл инкорпорейтед».

Лифт остановился и открыл двери.

Фред Ладди, ассистент Аллана, растерянно бродил по холлу у входа в приемную.

— Доброе утро, — нечленораздельно промычал Аллан, снимая пальто.

— Аллан, *она тут*. — Фредди вспыхнул. — Явилась раньше меня; я пришел, а она уже сидит.

— Кто? Дженет? — У него в мозгу возник образ представителя Комитета, изгнавшего жену из квартиры и лишившего их права аренды. Улыбающаяся миссис Бирмингэм подкрадывается к Дженет, пока та сидит, безмятежно расчесывая волосы.

— Нет, не миссис Перселл, — сказал Ладди. Понизив голос, он просипел: — Это Сью Фрост.

Аллан невольно вытянул шею, но дверь в приемную была закрыта. Если там и вправду сидит Сью Фрост, произошло знаменательное событие: секретарь Комитета впервые явился к нему с визитом.

— Черт побери, — сказал он.

Ладди взвизгнул:

— Она хочет повидать тебя.

Комитет осуществлял свою деятельность с помощью ряда секретарей различных отделов, подчинявшихся непосредственно Иде Пиз Хойт, которая являлась потомком майора Стрейтера по прямой линии. Сью Фрост занимала должность управляющего Телеинформационом, официальным государственным трестом, контролирующим средства массовой информации. Аллан никогда не имел дела с миссис Фрост и даже ни разу не встречался с ней: по работе он общался с исполняющим обязанности директора ТИ, облысевшим человеком с усталым голосом по имени Майрон Мэвис. Именно Мэвис приобретал пакеты.

— Что ей понадобилось? — спросил Аллан. Вероятно, она узнала, что Мэвис покупает продукцию агентства и что фирма относительно молодая. Слабея от ужаса, он представил себе затяжное расследование со стороны Комитета.

— Попроси-ка Дорис, пусть заблокирует телефон, чтобы мне не звонили. — Дорис — имя одной из секретарш. — Побудь за главного, пока мы с миссис Фрост не закончим разговор.

Ладди устремился следом за ним, выделывая замысловатые па ритуально-молитвенной пляски.

— Желаю удачи, Аллан. Я заменю тебя на посту. Если тебе понадобятся книги...

— Да, я позову тебя. — Он открыл дверь кабинета и увидел Сью Фрост.

Высокая мускулистая женщина довольно крупного сложения. Костюм из простой плотной ткани темно-серого цвета, в волосах — цветок; в общем и целом, женщина поразительной привлекательности. Аллан прикинул, сколько ей лет — середина шестого десятка. В ней почти (а может, и напрочь) отсутствовала мягкость, ничего похожего на многочисленных располневших и разряженных комитетских дам, относившихся ко всем по-матерински. И ноги у нее длинные. Она встала, протянула в приветствии руку, и Аллан почувствовал, какое у нее честное — почти мужское — рукопожатие.

— Здравствуйте, мистер Перселл, — сказала она. В голосе не было чрезмерной экспрессии. — Надеюсь, вы не сердитесь, что я заявилась без предупреждения.

— Отнюдь, — пробормотал Аллан, — садитесь, пожалуйста.

Она снова опустилась в кресло, положила ногу на ногу, внимательно посмотрела на Аллана. Он заметил, что глаза ее и по цвету, и по консистенции напоминают выцветшую солому. Прочная, отполированная до блеска субстанция.

— Сигарету? — Он протянул портсигар, и она вынула одну, кивком благодарив его. Он тоже взял сигарету, чувствуя себя юнцом, оказавшимся в обществе зрелой и опытной женщины.

Его никак не оставляла мысль о том, что Сью Фрост принадлежит к типу профессионалок с изысканными манерами, которым герои пакетов «Блейк-Моффета» в конечном счете не предлагают руку и сердце. От нее веяло безжалостной несгибаемостью. Она ничем не походила на кротких нежных барышень.

— Вам конечно же знакомо вот это, — заговорила Сью Фрост. Она развязала тесемку, открывая папку из манильской бумаги, и достала пачку листов с текстом. На обложке стоял штамп агентства, у нее оказался один из их пакетов, и, очевидно, она прочла его.

— Да, — Аллан кивнул, — это один из наших.

Сью Фрост полистала страницы, затем положила пакет на стол:

— В прошлом месяце Майрон Мэвис утвердил его. Потом у него возникли сомнения, и он, как полагается, переслал его мне. В выходные мне удалось ознакомиться с содержанием.

Пакет лежал под таким углом, что Аллану удалось разглядеть название. Превосходная работа, он сам в ней участвовал: материал можно использовать безо всяких изменений для любых средств массового вещания, принадлежащих ТИ.

— Сомнения? — изобразил удивление Аллан. — Что вы имеете в виду? — У него возникло ощущение глубокой отрешенности, как будто он принимал участие в каком-то жутком религиозном ритуале. — Если пакет не годится, верните его нам. Мы запишем за собой долг, мы так уже делали.

— Пакет сделан прекрасно, — возразила миссис Фрост и затянулась. — Нет, Майрон вовсе не собирался его возвращать. Вы взяли за тему историю человека, который попытался вырастить яблоню на одной из планет-колоний. Но дерево погибло. МОРС заключается в том... — Она опять взяла пакет. — Я не совсем понимаю, в чем тут МОРС. Разве ему не следовало пытаться вырастить это дерево?

— Не на этой планете, — сказал Аллан.

— Вы хотите сказать, что ему место на Земле?

— Я хочу сказать, что ему следовало трудиться на благо общества, а не лелеять собственное частное предприятие где-то на отшибе. Колония стала для него самоцелью. А эти планеты являются только средством. Центр находится здесь.

— *Омфалос*, — согласилась она. — Пуп вселенной. А дерево...

— Дерево символизирует порождение Земли, которое увядает, если его перенести на другую почву. В нем погибло все духовное.

— Но ведь он не мог вырастить его здесь. Для этого нет места. Тут сплошной город.

— Это символика, — объяснил Аллан. — Корни должны оставаться здесь.

Сью Фрост на минуту замолчала, а он нервно курил, то закидывая ногу на ногу, то опять снимая ее, чувствуя, как напряжение в нем по-прежнему растет. В соседнем кабинете загудел коммутатор, Дорис стучала на машинке.

— Видите ли, — вновь заговорила Сью Фрост, — это находится в противоречии с основным принципом. Комитет затратил все, что мог, на сельское хозяйство, чтобы высадить на других планетах растения земного происхождения. Предполагается, что они будут снабжать нас продовольствием. Люди понимают, что подобная задача крайне сложна и чревата всяческими разочарованиями... а вы им говорите, что вырастить сады на других планетах не удастся.

Аллан открыл было рот, но потом передумал и не стал ничего говорить. Он понял, что потерпел полное поражение. Миссис Фрост

испытующе смотрела на него, ожидая, что он будет защищаться, как обычно делают все.

— Вот записка, — сказала она. — Можете ее прочесть. Это пометка Майрона, с которой он переслал мне пакет.

Сделанная карандашом надпись гласила:

«Сью,
снова та же фирма. Пакет первоклассный, но слишком туманный.
На ваше усмотрение».

— Что он имеет в виду? — спросил Аллан, он успел уже рассердиться.

— Он имеет в виду, что идея МОРСа неясна. — Она подалась вперед, к Аллану. — Ваше агентство занимается работой такого рода всего три года. Какой у вас на сегодня валовой доход?

— Мне надо справиться с книгами учета. — Он поднялся на ноги. — Можно я позову сюда Ладди? Хотелось бы, чтобы он взглянул на пометку Майрона.

— Конечно, — согласилась миссис Фрост.

Фред Ладди вошел в кабинет на негнущихся ногах, снедаемый дурными предчувствиями.

— Спасибо, — пробормотал он, когда Аллан вручил ему пакет. Он прочел пометку, но даже проблеск сознания не вспыхнул в его взгляде. Казалось, он настроен на прием невидимых колебаний и смысл происходящего ему открыли не написанные карандашом слова, а витавшее в воздухе напряжение.

— Что ж, — проговорил он наконец. — Нельзя же все время выигрывать.

— Естественно, мы возьмем пакет обратно. — Аллан начал снимать с него приписку, но миссис Фрост сказала:

— А вы не могли бы отреагировать как-то иначе? Я ведь сказала вполне ясно: мы готовы принять работу, но не в теперешней форме. По-видимому, мне следует сообщить вам, что именно мое решение открыло зеленую улицу вашему агентству. По его поводу с самого начала возникли разногласия, и за советом обратились ко мне. — Она достала из папки еще один пакет, тоже очень знакомый. — Помните? Май 2112 года. Мы спорили о нем несколько часов. Он понравился Майрону, он понравился мне. И никому больше. А теперь Майрон струсил. — Она бросила на стол пакет, первый из всех, созданных агентством.

Наступила пауза, затем Аллан сказал:

— Майрон устал.

— Очень. — Она кивнула в знак согласия.

Втянув голову в плечи, Фред Ладди проговорил:

— Может, мы слишком рьяно рванулись вперед. — Он прокашлялся, похрустел костяшками пальцев, глянул в потолок. Капли пота свер-

кали у него в волосах и на гладко выбритом подбородке. — Мы несколько... увлеклись.

Аллан обратился к миссис Фрост:

— Моя позиция проста. В этом пакете мы отразили МОРС, утверждая, что центром всего является Земля. Это фундаментальный принцип, и я в него верю. Не будь у меня веры, я не смог бы создать пакет. Я возьму его обратно, но изменять не стану. Я не собираюсь читать мораль другим, если сам не в состоянии ей следовать.

Фред Ладди тут же предпринял судорожную попытку пойти на попятный.

— Ал, тут дело не в морали, — забормотал он, — а в ясности. Идея МОРСа в этом пакете действительно подана неразборчиво. — Голос его звучал надтреснуто и виновато: Ладди понимал, что делает, и ему было стыдно. — Я... согласен с точкой зрения миссис Фрост. Да, согласен. Выходит, будто мы пытаемся потопить сельскохозяйственные проекты, а ведь мы не имели этого в виду. Разве не так, Ал?

— Ты уволен, — сказал Аллан.

Фред и миссис Фрост уставились на него. Ни он, ни она не поняли, что Аллан заявил это всерьез, что для него это уже дело решенное.

— Пойди к Дорис, получишь у нее расчет.

Аллан взял со стола пакет и, не выпуская его из рук, проговорил:

— Извините, миссис Фрост, но только я уполномочен делать заявления от лица агентства. Мы останемся должны вам за этот пакет и подадим другой. Хорошо?

Она поднялась на ноги, потушив при этом сигарету.

— Вам решать.

— Спасибо! — Аллан почувствовал, что напряжение спало. Миссис Фрост поняла его позицию и одобрила ее. Это важнее всего.

— Сожалею, — пробормотал Ладди. Лицо у него стало мертвенно-бледным. — Я допустил ошибку. Пакет отличный. Он безупречен в теперешнем своем виде. — Он потянул Аллана за рукав и отвел в уголок. — Признаю, я был неправ. — Он понизил голос и говорил прерывистым шепотом: — Давай продолжим обсуждение. Я просто пытался развить одну из множества точек зрения. Ты же всегда хотел, чтобы я высказывал собственное мнение; так вот, по-моему, наказывать меня не стоит, ведь я действовал в интересах агентства, как я их понимаю.

— О твоем увольнении я говорил всерьез, — сказал Аллан.

— Неужели? — Ладди рассмеялся. — Ну естественно, ты говорил всерьез. Ты же здесь босс. — Его трясло. — Ты правда не шутил?

Миссис Фрост взяла пальто и направилась к дверям.

— Я хотела бы ознакомиться с агентством, раз уж выпал такой случай. Не возражаете?

— Ничуть. Я рад, что вы его увидите. Я весьма им горжусь.

Аллан распахнул перед ней дверь, и они вышли в холл. Ладди остался в кабинете, на лице его застыло беспокойное, болезненное выражение.

— Он мне не нравится, — заметила миссис Фрост. — По-моему, вам лучше обойтись без него.

— Все это не доставило мне удовольствия, — сказал Аллан. Но на душе у него стало легче.

Глава 3

Для сотрудников Телеинформациона, расположившихся в холле возле кабинета Майрона Мэвиса, рабочий день подошел к концу. Здание ТИ имело форму полого куба. Пустое пространство в середине использовалось для работы с аппаратурой, предназначенной для улицы. Теперь все уже выключили, потому что было уже пять часов тридцать минут и народ уходил с работы.

Аллан Перселл позвонил жене по телефону-автомату.

— Я не успею к обеду.

— У тебя... все в порядке?

— У меня все отлично, — сказал он. — Не жди меня, поешь. Великие свершения, крупный кризис в агентстве. Я перехвачу что-нибудь прямо тут, в Телеинформационе.

— Ты долго там пробудешь? — с тревогой спросила Дженет.

— Может статься, очень долго, — ответил он и повесил трубку.

Когда Аллан подошел к Сью Фрост, та спросила:

— Сколько времени проработал у вас Ладди?

— Он пришел к нам, когда я открыл агентство.

Три года назад: внезапное осознание этого факта подействовало отрезвляюще. Через некоторое время Аллан добавил:

— Ладди — единственный сотрудник, с которым мне пришлось распрощаться.

Майрон Мэвис, стоявший в глубине кабинета, вручал закрепленному за Комитетом курьеру дубликаты сегодняшней продукции. Эти дубликаты поступят на вечное хранение в архив, чтобы можно было изучить материалы в случае расследования.

Молодой курьер держался чопорно, миссис Фрост обратилась к нему со словами:

— Не уходите, я сейчас поеду обратно, можете отправиться вместе со мной.

Молодой человек тактично отошел в сторону, держа в руках металлические коробки с пленками. На нем была форма тускло-защитного цвета — такую носили бойцы Когорты майора Стрейтера, элитного войскового соединения, набранного из потомков основателя общества МОРСа.

— Родственник, — объяснила миссис Фрост. — Весьма дальний родственник по линии моего отца. — Она кивнула на молодого человека, чье лицо, бесцветное словно песок, ничего не выражало. — Ральф Хадлер. Мне нравится, когда он поблизости. — Она заговорила громче. — Ральф, пойди отыщи *бронеход*. Он на стоянке, где-то сзади.

При встрече с бойцами Когорты, с одним или с целой группой, Аллану становилось не по себе: они отличались бесстрастием и праведностью автоматов; при всей своей немногочисленности они казались вездесущими. Воображение рисовало ему бойцов Когорты в постоянном движении, казалось, каждый из них проделывает за день многомильный переход, словно муравей в поисках пищи.

— Вы тоже поедете, — сказала миссис Фрост Мэвису.

— Естественно, — пробормотал Мэвис. Он принялся расчищать стол, заваленный необработанными материалами.

Мэвис являл собой унылое зрелище: этот вечно взвинченный, снедаемый тревогой человек в мятой рубашке и мешковатых неглаженых брюках терял всякое самообладание, сталкиваясь с чем-либо, выходящим за пределы его понимания. Аллану припомнились долгие путаные переговоры, так что, если Мэвис отправится с ними, покоя в ближайшие несколько часов не видать.

— Встретимся около бронехода, — сказала ему миссис Фрост. — Разберитесь сначала здесь. Мы подождем.

Они с Алланом пошли через холл.

— Какое большое предприятие, — заметил Аллан.

Его поражало то, что какая-то организация — пусть даже государственная — занимает целое здание. И значительная ее часть расположена под землей. Телеинформацион по опрятности и значительности уступал только самому Богу, следующие ступеньки занимали секретари и Комитет.

— Большое, — согласилась миссис Фрост, размашистым шагом пересекая холл, обеими руками она прижимала к груди папку из манильской бумаги. — Только вот не знаю...

— Не знаете чего?

Слова ее прозвучали загадочно:

— Может, лучше бы ему стать поменьше. Вспомните, что случилось с гигантскими пресмыкающимися.

— Вы полагаете, что его деятельность нужно сократить? — Он попытался представить себе, какой вакуум возникнет при этом. — А что взамен?

— Иногда я подумываю о том, чтобы расчленить ТИ на ряд подразделений, которые взаимодействовали бы друг с другом, но имели бы собственное правление. Я не уверена, что одному человеку по плечу ответственность за всю организацию в целом; едва ли следует столько на него взваливать.

— Пожалуй, — согласился Аллан, думая о Мэвисе, — поскольку это сокращает годы его жизни.

— Майрон провел на посту директора ТИ восемь лет. Ему сорок два года, а выглядит он на восемьдесят. У него отрезана половина желудка. Иногда мне кажется, что однажды я позвоню ему и тут выяснится, что он окопался в Санатории и управляет делами оттуда. Или из Иного Мира, как они называют свою психушку.

— И то, и другое, — сказал Аллан, — далеко отсюда.

Они подошли к выходу, и миссис Фрост остановилась.

— У вас была возможность понаблюдать за деятельностью ТИ. Скажите мне честно: он работает эффективно?

— В той части, которую я видел, — да.

— А как насчет продукции? ТИ приобретает ваши пакеты и обрабатывает их для средств массового вещания. Какого вы мнения о конечных результатах? Не искажается ли в процессе идея МОРСа? Как вам кажется, сохраняются в передачах ваши мысли?

Аллан попытался вспомнить, когда ему в последний раз довелось посмотреть стряпню ТИ от начала до конца. Согласно заведенному порядку в агентстве следили за показом и собирали дубликаты программ, разработанных на основе их пакетов.

— Я смотрел телепередачу на прошлой неделе.

Седые брови его собеседницы насмешливо изогнулись.

— Полчаса? Или целый час?

— Эта программа была рассчитана на час, но мы не видели ее целиком. Мы с Дженет играли в «фокусника» в гостях у друзей и решили немного передохнуть, закончив партию.

— Уж не хотите ли вы уверить меня, будто у вас нет телевизора?

— Согласно принципу «домино» от людей, живущих под нами, зависит, когда повалятся все остальные костяшки в нашей секции. Очевидно, заложенные в пакетах идеи достигают цели.

Они вышли на улицу и забрались в бронеход. Аллан прикинул: эта зона относится к самому нижнему диапазону арендной шкалы, между 1 и 14. Особой тесноты здесь не наблюдается.

— Вы одобряете применение принципа «домино»? — спросила миссис Фрост, пока они ждали Мэвиса.

— Весьма выгодно экономически.

— Но у вас есть оговорки.

— Применение принципа «домино» основано на предположении, что каждый человек придерживается тех же убеждений, что и вся группа в целом, не более и не менее того. Система дает сбой, стоит только появиться неформалу. Человеку, у которого возникают собственные идеи, которые он не заимствует у других костяшек из данной секции.

— Как любопытно. Идеи из ниоткуда, — заинтересовалась миссис Фрост.

— Идеи из отдельного человеческого сознания, — пояснил Аллан, отдавая себе отчет в том, что поступает недипломатично, но в то же время чувствуя, что миссис Фрост относится к нему с уважением и хочет выслушать его доводы. — Ситуация редкая, — признал Аллан, — но может случиться и такое.

За стенками бронехода послышался шум. Прибыл Майрон Мэвис с разбухшим портфелем под мышкой и вместе с ним — боец Когорты майора Стрейтера — суровое молодое лицо, курьерский пакет прикован цепочкой к ремню на поясе.

— Я про вас чуть не забыла, — сказала миссис Фрост своему родственнику, когда мужчины забрались в машину.

Бронеход был маленький, они едва в него поместились. Хадлер сел за руль. Он завел мотор, который работал на пару под давлением, и машина начала осторожно продвигаться по дорожке. Они встретили всего три бронехода на пути к зданию Комитета.

— Мистер Перселл подверг критике применение принципа «домино», — сказала миссис Фрост, обращаясь к Майрону Мэвису.

Мэвис прокряхтел что-то нечленораздельное, заморгал — у него сильно полопались сосуды в глазах — и встрепенулся.

— Угу, — пробормотал он, — прекрасно. — И принялся рыться в бумагах, запиханных в карман. — Вернемся, пожалуй, к передачам пятиминуткам. Давай грузи.

Молодой человек, Хадлер, сидел за рулем; выставив подбородок вперед, выпрямившись и застыв, как по стойке «смирно». Впереди кто-то переходил через дорожку, и Хадлер схватился за рычаг. Бронеход передвигался уже на скорости двадцать миль в час, и всем четверым стало не по себе.

— Надо либо летать, — скрипучим голосом проговорил Мэвис, — либо ходить пешком. А так — ни то ни се. Не хватает пары бутылок пива, чтобы все стало как в прежние времена.

— Мистер Перселл верит в уникальность отдельного индивидуума, — продолжала миссис Фрост.

Мэвис пожаловал Аллана взглядом.

— В Санатории тоже об этом размышляют. Дни и ночи напролет, мания у них такая.

— Я всегда считала, что это лишь красивая вывеска, — сказала миссис Фрост. — Чтобы переманить людей на свою сторону.

— Люди переходят на их сторону, когда становятся *невропами*, — заявил Мэвис.

«Невроп» — пренебрежительная кличка, сокращение от слова невропат. Аллану она не нравилась. От нее веяло слепой жестокостью, напоминавшей ему о старинных словечках, в которых прорывалась ненависть, — «ниггер» или «жид».

— Это слабаки и неудачники, которым реальность не по силам. У них в характере отсутствует моральная основа, поэтому им здесь не продер-

жаться; они — как дети: им хочется удовольствий, шипучки и сладкого. Комиксов, которые даст добрый папаша Санаторий.

Глубокая горечь проступила в лице Мэвиса. Эта горечь, как растворитель, проела складки увядшей плоти и обнажила костяк. Никогда еще Аллан не видел Мэвиса таким усталым и разочарованным.

— Что ж, — сказала миссис Фрост, подметив то же самое, — невропы нам все равно ни к чему. Даже хорошо, что они уходят.

— Я иногда задаю себе вопрос: что там делают со всеми этими людьми, — сказал Аллан.

Никто не располагал точными данными о количестве ренегатов, сбежавших в Санаторий: опасаясь неприятностей, родственники склонны были утверждать, будто пропавший человек отправился в одну из колоний. Ведь в конечном счете колонист — всего лишь неудачник, а невроп — добровольный изгнанник, заявивший о себе как о противнике нравственной цивилизации.

— Мне доводилось слышать, — поддерживая разговор, проговорила миссис Фрост, — будто вновь прибывших просителей направляют на работу в большие лагеря рабского труда. Или так поступали коммунисты?

— И те и другие, — уточнил Аллан. — Стремясь завладеть вселенной, Санаторий использует приток людей для создания обширной империи за пределами Земли. Да еще огромную армию роботов. Лица женского пола, подавшие прошение... — Он запнулся и отрывисто завершил рассказ, — подвергаются дурному обращению.

Сидевший за рулем бронехода Ральф Хадлер вдруг сказал:

— Миссис Фрост, за нами движется машина, она пытается нас обогнать. Что мне делать?

— Пропустите ее. — Все обернулись назад. Бронеход, такой же как у них, только с надписью «Лига незагрязненных продуктов и лекарств», пытался осторожно обойти слева. Непредвиденная дилемма повергла Хадлера в панику, и его машина бессмысленно заметалась из стороны в сторону.

— Прижмитесь к обочине и остановитесь, — посоветовал ему Аллан.

— Прибавьте скорость, — бросил Мэвис; он сидел, обернувшись назад, и вызывающе глядел в заднее окошко. — Эта дорожка им не принадлежит.

Бронеход Лиги незагрязненных продуктов и лекарств продолжал надвигаться, хотя чувствовал себя так же неуверенно. Когда Хадлер взял правее, он тут же попытался воспользоваться открывшейся возможностью и рванулся вперед. Рычаг заскользил в руках Хадлера, и машины с отчаянным скрежетом столкнулись бамперами.

Бронеход застыл, и Мэвис, дрожа, выбрался наружу. Миссис Фрост последовала за ним, а Хадлер с Алланом вылезли через дверцу с дру-

гой стороны. В машине Лиги незагрязненных продуктов и лекарств работал на холостом ходу мотор, а водитель — больше в кабине никого не было — высунулся и изумленно моргал глазами. Это был джентльмен средних лет, очевидно, завершающий долгий трудовой день.

— Может, нам удастся подать назад, — сказала миссис Фрост, зачем-то державшая в руках папку из манильской бумаги. Мэвис, испытывая полное бессилие, ходил кругами около бронеходов и тыкал в них носком ботинка. Хадлера словно отлили в бронзе: он стоял неподвижно и не выказывал никаких чувств.

Машины сцепились бамперами, теперь одну из них придется поднимать домкратом. Аллан осмотрел место повреждения, обратил внимание на угол, под которым столкнулись два куска металла, и в конце концов сдался.

— У них есть тягачи для буксировки, — сказал он миссис Фрост. — Попросите Ральфа позвонить в Транспортное объединение. — Он огляделся по сторонам: до здания Комитета уже недалеко. — Отсюда мы сможем добраться и пешком.

Миссис Фрост не стала возражать и пошла вперед, Аллан последовал за ней.

— А как же я? — спросил Мэвис и поспешно сделал несколько шагов.

— Вы можете остаться у машины, — сказала миссис Фрост. Хадлер уже шел к телефонной будке, расположенной возле здания, а Мэвис оказался один на один с джентльменом из Лиги незагрязненных продуктов и лекарств. — Расскажите полиции о происшедшем.

В их сторону уже направлялся полицейский. Чуть позади него появился недомерок, которого привлекло стечение народа.

— Неловко получилось, что да, то да, — проговорила через некоторое время миссис Фрост, шагая к зданию Комитета.

— По-видимому, Ральфу придется отчитываться перед секционным надзирателем. — В мозгу Аллана возник образ миссис Бирмингэм, ему припомнилась прикрывающаяся любезностью злобная тварь, сидящая за столом и сеющая кругом себя неприятности.

— У Когорты есть своя следственная комиссия, — заметила миссис Фрост.

Они подошли к главному входу, и она задумчиво проговорила:

— Мэвис вконец выдохся. Пасует перед любой ситуацией. За несколько месяцев не принял ни одного решения.

Аллан никак не откликнулся. Его это не касается.

— Может, и хорошо, что он там остался, — развивала мысль миссис Фрост. — Меня даже радует, что он не поплетется следом за нами на встречу с миссис Хойт.

Она впервые упомянула о встрече с Идой Пиз Хойт. Аллан остановился:

— Может быть, вам стоило бы объяснить мне, каковы ваши намерения.

— По-моему, вы и так догадались, каковы они, — сказала она и пошла дальше.

Он, разумеется, догадался.

Глава 4

Аллан Перселл вернулся к себе в однокомнатную квартиру в девять часов тридцать минут вечера. Дженет встретила его на пороге.

— Ты поел? — спросила она. — Похоже, что не поел.

— Нет, — признался он и прошел в комнату.

— Я тебе что-нибудь приготовлю. — Она переставила пленку в стене и вернула к жизни кухню, исчезнувшую в восемь часов. Через несколько минут «лосось с Аляски» уже начал запекаться в духовке, и комната наполнилась почти достоверными ароматами. Дженет надела передник и принялась накрывать на стол.

Аллан с размаху опустился к вресло и развернул вечернюю газету. Но читать не смог, поскольку очень устал. Он отодвинул от себя газету. Встреча с Идой Пиз Хойт и Сью Фрост растянулась на три часа. Она вымотала из него все силы.

— Не хочешь рассказать мне, что произошло? — спросила Дженет.

— Потом. — Он принялся катать по столу кусочек сахара. — Как поживает Книжный клуб? Сэр Вальтер Скотт не написал ничего стоящего за последнее время?

— Ничегошеньки, — отрывисто ответила Дженет, подхватив тон разговора.

— Как ты думаешь, Чарльз Диккенс еще не скоро нас покинет?

Дженет отвлеклась от плиты и повернулась к мужу.

— Что-то случилось, и я хочу знать, что именно.

Он уступил, понимая ее беспокойство.

— Мое агентство *не* объявили притоном разврата.

— По телефону ты сказал, что едешь в ТИ. И что в агентстве произошло нечто ужасное.

— Я уволил Фреда Ладди; может, на твой взгляд, это действительно «ужасно». Когда будет готова «лососина»?

— Скоро. Через пять минут.

— Ида Пиз Хойт предложила мне занять должность Мэвиса. Директора Телеинформациона. Все переговоры вела Сью Фрост, — с трудом выдавил из себя Аллан.

Дженет на мгновенье неподвижно застыла у плиты, а потом расплакалась.

— С какой стати ты ревешь? — спросил Аллан.

Она кое-как пролепетала сквозь всхлипывания:

— Не знаю. Мне страшно.

Он по-прежнему развлекался, перекатывая кусочек сахару. Тот разломился пополам, и Аллан раскрошил обе половинки на множество крупинок.

— Не такая уж это и неожиданность. На эту должность всегда назначали кого-нибудь из агентств, а Мэвис выдохся уже несколько месяцев назад. Нелегко в течение целых восьми лет нести ответственность за всеобщий уровень морали.

— Да... ты говорил... ему пора в отставку. — Дженет высморкалась и потерла глаза. — Ты говорил мне об этом в прошлом году.

— Неприятность заключается в том, что на самом деле ему хочется заниматься этой работой.

— Он в курсе?

— Сью Форст сообщила ему. Встреча завершилась при его участии. Мы сидели там вчетвером, пили кофе и все обговаривали.

— Так это *действительно* решено?

Аллан припомнил, с каким лицом прощался с ними Мэвис, и сказал:

— Нет. Не совсем. Мэвис ушел в отставку, он подал заявление, а Сью его утвердила. В обычном порядке. Долгие годы преданной службы, неотступное следование принципам Морального Совершенствования. Я потом кратко переговорил с ним в холле.

На самом деле Аллан прошел вместе с ним четверть мили по дороге из Комитета к дому Мэвиса.

— Ему принадлежит часть планеты в системе Сириуса. Там все большие специалисты по выращиванию скота. Мэвис говорит, что мясо тамошних пород не отличается от земного ни по вкусу, ни по консистенции.

— А что осталось решить? — спросила Дженет.

— Быть может, я не соглашусь.

— Почему?

— Мне хочется остаться в живых по прошествии еще восьми лет. У меня нет желания уединиться в каком-нибудь забытом Богом сельском захолустье на расстоянии десяти световых лет отсюда.

Дженет запихала носовой платок в нагрудный карман и нагнулась, выключая плиту.

— Мы однажды уже обсуждали этот вопрос, когда открывали агентство. Очень откровенно.

— И что мы решили?

Он воспомнил. Они договорились, что примут решение, когда возникнет необходимость, ведь вполне возможно, этого не произойдет никогда. В любом случае Дженет тогда было не до того: она беспокоилась, как бы агентство тут же не развалилось.

— До чего все это бессмысленно. Мы делаем вид, будто эта должность — лакомый кусок. А она им вовсе не является, и никогда не являлась. И никто не пытается представить ее в подобном свете. По-

чему Мэвис согласился на нее? Потому что рассматривал такой поступок как нравственный долг.

— Служение обществу, — тихо сказала Дженет.

— Несение моральной ответственности. Взвалить на себя бремя гражданственности. Высочайшая форма самопожертвования, *омфалос* всей... — Аллан вдруг замолчал.

— Мышиной возни, — докончила за него Дженет. — Ладно, может, денег станет побольше. Или там меньше платят? По-видимому, это не имеет значения.

— Моя семья долго пробивалась наверх. И я тоже принял в этом участие. Вот зачем все делается, вот в чем цель. Мне бы хотелось, чтобы каждый из моих пакетов, посвященных данной теме, получил признание.

Собственно говоря, он имел в виду пакет, который вернула Сью Фрост. Притчу о погибшем дереве. Дерево погибло, оказавшись в изоляции, и, вероятно, МОРС в этом пакете подан запутанно и смутно. Впрочем, самому Аллану все казалось очевидным: человек несет ответственность в первую очередь перед своими собратьями и должен строить собственную жизнь вместе с ними, а не иначе.

— Два человека, — сказал он, — незаконно живут среди развалин, там, на Хоккайдо. Где все заражено. И все умерло. Будущее готовит им лишь одно событие, и они ждут его прихода. Гейтс и Шугерман готовы умереть, лишь бы не возвращаться сюда. Возвращение означает, что им придется жить в обществе, принося в жертву какую-то часть своей неповторимой личности. Что, конечно, ужасно.

— Они живут там не только потому, — проговорила Дженет так тихо, что он с трудом расслышал ее слова. — Ты, наверное, позабыл. Я ведь тоже туда летала. Однажды ты взял меня с собой. Когда мы только-только поженились. Мне захотелось посмотреть.

Он вспомнил. Но ему показалось, что это не важно.

— Вероятно, это своего рода протест. Живут среди развалин, без удобств — может, они хотят тем самым что-то выразить.

— Они жертвуют собственной жизнью.

— Для этого не требуется усилий. И кто-нибудь всегда может их спасти при помощи скорозамораживания.

— Но их гибель означала бы нечто важное. Ты так не считаешь? Может, и нет. — Дженет задумалась. — Майрон Мэвис тоже кое-что обозначил. Почти то же самое. И тебе, наверное, кажется, что в поступке Гейтса и Шугермана есть какой-то смысл, ты ведь продолжаешь летать к ним. И вчера вечером летал.

Он кивнул:

— Летал.

— Что сказала миссис Бирмингэм?

Аллан ответил без особого волнения:

— Я попался на глаза недомерку, в среду меня будут разбирать на секционном собрании.

— Из-за того, что ты там побывал? Раньше они об этом не докладывали.

— Может, раньше они меня не замечали.

— А что произошло потом, ты знаешь? Недомерок видел?

— Будем надеяться, что нет, — сказал он.

— Об этом сообщалось в газете.

Аллан схватил газету. В ней и вправду было написано об этом, да еще на первой странице. Большие заголовки.

НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ПАМЯТНИКОМ СТРЕЙТЕРУ
ВАНДАЛЫ В ПАРКЕ
ВЕДЕТСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ

— Это сделал ты, — бесцветным тоном произнесла Дженет.

— Я, — согласился Аллан, и еще раз прочитал заголовки. — Это действительно моих рук дело. Потратил на него всего час. Я оставил банку с краской на скамейке. Вероятно, ее нашли.

— О ней упоминается в статье. Они заметили, что случилось со статуей, сегодня утром около шести часов, а банку с краской — в шесть тридцать.

— Что еще они обнаружили?

— Прочти статью.

Он разложил газету на столе и стал читать:

«НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ПАМЯТНИКОМ СТРЕЙТЕРУ
ВАНДАЛЫ В ПАРКЕ
ВЕДЕТСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ

Новейший Йорк, 8 октября (ТИ). Полиция ведет расследование по поводу умышленного нанесения повреждений получившей официальное признание статуе майора Жюля Стрейтера, основателя идеи Морального Совершенствования и верховного вождя революции 1985 года. Этот памятник, расположенный в Парке Шпиля, представляет собой статую, в натуральную величину отлитую из бронзированной пластмассы. Она создана в марте 1990 года Пьетро Буэтелло, который на протяжении всей жизни был другом и соратником Основополагателя. Вероятно, нанесение повреждений, охарактеризованное полицией как умышленное и методичное, произошло ночью. Парк Шпиля является моральным и духовным центром Новейшего Йорка, а потому открыт для посетителей в любое время...»

— Когда я пришла домой, газета лежала внизу, — сказала Дженет. — Как всегда. Вместе с письмами. Я прочла ее за обедом.

— Нетрудно понять, почему ты расстроилась.

— Из-за этого? Меня это не расстроило. Они могут лишить нас права аренды, оштрафовать, посадить тебя в тюрьму на год — только и всего.

— И запретить нашим родственникам жить на Земле.

Дженет пожала плечами.

— Мы ведь не умрем. И они не умрут. Я размышляла над этим, просидела одна в квартире три с половиной часа. Сначала я... — Она подумала. — Ну, сначала мне как-то поверилось. Но сегодня утром мы оба поняли: что-то произошло, у тебя же осталась на ботинках грязь, трава и красная краска. Но никто тебя не заметил.

— Недомерок что-то подглядел.

— Но не это. Тебя бы уже забрали. Он увидел что-то другое.

— Интересно, сколько им потребуется времени?

— Почему ты думаешь, что они узнают? Они решат, будто это сделал какой-нибудь человек, потерявший право аренды или вынужденный вернуться в колонию. Или невроп.

— Терпеть не могу это слово.

— Ну, проситель. С какой стати им думать на тебя? На человека, который близок к вершине, который провел сегодняшний день в обществе Иды Пиз Хойт и Сью Фрост. Нелогично.

— Да, — согласился Аллан и признался: — Это кажется нелогичным даже мне.

Дженет подошла к столу.

— Я думала на эту тему. Ты ведь только не знаешь, почему так поступил?

— Совершенно не представляю.

— А что ты чувствовал?

— Очень явственное желание, — сказал он, — неотвязное желание расправиться со статуей раз и навсегда. Для этого потребовалось полгаллона красной краски и умелое обращение с электропилой. Пила лежит на месте, в мастерской агентства, только без лезвия. Я его запорол. Много лет ничего не пилил.

— А ты помнишь, что именно ты сделал?

— Нет, — ответил он.

— В газете об этом не пишут. Что-то они темнят. А значит, что бы ты ни сотворил... — Дженет слабо улыбнулась, глядя на мужа. — Ты отлично справился со своим делом.

Позднее, когда от запеченного «лосося с Аляски» остались лишь несколько косточек, лежащих на пустой тарелке, Аллан откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. Дженет стояла возле плиты и старательно мыла кастрюли и сковородки в отделении, служившем раковиной. В квартире царил покой.

— Можно подумать, — заметил Аллан, — будто сегодня совершенно обычный вечер.

— Мы вполне можем заниматься тем же, что и раньше, — откликнулась Дженет.

На столике около тахты были сложены колесики и шестеренки. Дженет собирала электрические часы. В набор «эрудифакта» помимо деталей входили чертежи и инструкции. Учебные игры — «эрудифакт» для людей без компании, «фокусник» для вечеринок. Чтобы и на досуге занять руки делом.

— Как часы? — поинтересовался Аллан.

— Почти готовы. А потом я возьмусь за бритвенный прибор для тебя. Миссис Даффи — из квартиры напротив — сделала такой своему мужу. Я видела, как она его собирала. Это несложно.

Указывая на плиту, Аллан сказал:

— Ее собрали мои родственники еще в 2096 году, когда мне было одиннадцать лет. Я помню, каким нелепым казалось это занятие, ведь тогда продавались плиты, изготовленные автофактом, они стоили в три раза дешевле. Но отец с братом объяснили мне, в чем тут МОРС. Я до сих пор помню.

— Мне нравится собирать вещи. Это интересно, — проговорила Дженет.

А он все курил свою сигарету и думал: как странно, что он тут сидит, ведь не прошло и двадцати четырех часов с тех пор, как он посмеялся над статуей.

— Я ее обстебал, — сказал он вслух.

— Ты...

— Это словечко, которым мы пользуемся при создании пакетов. Если тему заездить, получается пародия. Высмеивая затасканные темы, мы называем это стебом.

— Да, понимаю, — сказала Дженет. — Я помню, как ты пародировал кое-что из произведений «Блейк-Моффета».

— Вот что меня при этом беспокоит, — сказал Аллан. — В воскресенье вечером я обстебал статую майора Стрейтера. А около шести часов в понедельник Ида Пиз Хойт обратилась ко мне с предложением занять пост директора Телеинформациона.

— Какая между всем этим связь?

— Должно быть, очень непростая. — Он докурил сигарету. — И до того непрямая, что затрагивает все на свете. Но я чувствую, что она есть. Где-то в глубине скрыта причинно-следственная цепочка. Это не случайность. Не совпадение.

— Скажи, а как именно ты ее... обстебал?

— Не знаю. Я не помню... — Он встал. — Ты не жди меня, ложись. А я пройдусь в Парк и посмотрю на нее: вероятно, они еще не успели начать ремонт.

Дженет тут же забеспокоилась:

— Пожалуйста, не выходи из дома.

— Очень хочется, — сказал Аллан, разыскивая пальто, которое поглотил шкаф, пришлось вытянуть его обратно в комнату. — У меня в мозгу неясная картина, ничего толкового. Если учесть ситуацию в це-

лом, мне следовало бы все выяснить. Может, тогда я смогу принять решение насчет Телеинформациона.

Не говоря ни слова, Дженет прошла мимо мужа прямо в холл. Она направилась в ванную, и Аллан догадался зачем. Она прихватила набор бутылочек и теперь наглотается седатиков, чтобы не потерять в этот вечер самообладания.

— Смотри, особенно не налегай, — предупредил он.

Ответа из-за закрытой двери в ванную не последовало. Аллан немного помешкал, а потом ушел.

Глава 5

Над Парком сгустились тени, было очень холодно и темно. Кое-где собрались небольшие группки людей, похожие на лужицы после ночного дождя. Все хранили молчание. Казалось, они питали какую-то туманную надежду и ждали, когда наконец что-нибудь произойдет.

Статуя находилась прямо перед Шпилем, она возвышалась на отдельном постаменте в центре круглой площадки, посыпанной гравием. Вокруг памятника были расставлены скамейки, чтобы люди могли кормить голубей, разговаривать или дремать, приобщаясь к величию монумента. В остальных частях парка склоны поросли травой, среди которой кое-где вздымались темными бугорками кусты и деревья, а в одном из уголков стоял сарай с садовым инвентарем.

Оказавшись в центре Парка, Аллан остановился. Поначалу он пришел в недоумение, не обнаружив знакомых очертаний. И лишь потом сообразил, что случилось. Полиция обшила статую досками. Перед ним стояло прямоугольное деревянное сооружение, гигантский ящик. Значит, он так ее и не увидит. И не выяснит, что же он такое сотворил.

Аллан стоял, уныло глядя в одну точку, и через некоторое время заметил, что рядом с ним кто-то пристроился. Потрепанного вида гражданин с худыми руками, одетый в замызганную шинель до пят, тоже застыл, уставясь на ящик.

Какое-то время оба молчали. Наконец гражданин откашлялся и сплюнул в траву.

— Ни хрена не видно, уж будьте уверены.

Аллан кивнул.

— Они специально ее огородили, — сказал гражданин, — чтобы не было видно. Знаете почему?

— Почему? — спросил Аллан.

Сухопарый гражданин придвинулся поближе.

— До нее добрались анархисты. Изуродовали страшно. Полиция кое-кого из них поймала, а кое-кого нет. Они еще не схватили главаря. Но схватят. И знаете, что они тогда обнаружат?

— Что?

— Они обнаружат, что ему платит Санаторий. И это только начало.

— Чего?

— В ближайшие несколько недель, — поведал худощавый гражданин, — в общественных зданиях прозвучат взрывы. В здании Комитета и ТИ. К тому же они заразили воду радиоактивными частицами. Сами увидите. У нее уже появился странный привкус. Полиция в курсе, но у нее связаны руки.

Рядом с сухопарым гражданином остановился толстый коротышка с рыжими волосами. Попыхивая сигарой, он раздраженно проговорил:

— Это просто кто-то из подростков. Шайка ополоумевших юнцов, которым нечем больше заняться.

Сухопарый гражданин хрипло рассмеялся:

— Они хотят, чтобы вы именно так и подумали. Конечно, безобидная шалость. А я вам кое-что скажу: *люди, которые это сделали, хотят уничтожить МОРС*. Они не успокоятся, пока не втопчут в грязь нравственность и приличия. Они жаждут возвращения неоновых реклам, разврата и наркотиков. Им хочется, чтобы установилась безграничная власть жадности и расточительства, чтобы снедаемый тщеславием человек корчился в выгребной яме собственной алчности.

— Это подростки, — повторил коротышка. — Ничего это не значит.

— И от гнева Господа Всемогущего небо свернется, как свиток, — продолжал вещать сухопарый; Аллан побрел прочь. — Окровавленные тела атеистов и развратников усеют улицы, и священным огнем будет выжжено зло в сердцах человеческих.

В стороне от всех, засунув руки в карманы пальто, стояла девушка; она наблюдала за Алланом, пока тот шел по дорожке. Поравнявшись с нею, Аллан помедлил в нерешительности, а затем спросил:

— Что тут произошло?

У нее были темные волосы и высокая грудь, а гладкая загорелая кожа чуть светилась в полумраке. Девушка заговорила, голос ее звучал спокойно и уверенно:

— Сегодня утром они заметили, что статуя выглядит совсем не так, как раньше. Вы разве не читали об этом? В газете было сообщение.

— Читал, — сказал он.

Девушка стояла на поросшем травой холмике, Аллан подошел к ней. Внизу среди теней находились останки изуродованной статуи. Пока памятник из бронзированной пластмассы мирно спал ночью, кто-то коварно напал на него. Теперь, вновь оказавшись на этом месте, Аллан смог оценить происшедшее объективно, он перестал связывать события с собой и посмотрел на них глазами постороннего — как все эти люди, — который случайно зашел сюда и удивился.

Среди гравия виднелись капли красного цвета. Эмаль из художественного отдела агентства. Вдруг Аллану открылся апокалиптический подтекст этой картины. Ему удалось представить, что рисовало воображение другим людям.

Цепочка красных пятен — это кровь, кровь статуи. Враг подкрался к ней по мокрым рыхлым комьям земли, нанес удар и впился зубами в сонную артерию. Статуя истекала кровью, струи текли по бедрам, по ногам; красная склизкая кровь хлынула из нее, и статуя умерла.

Стоя рядом с девушкой, Аллан понял, что статуя погибла. Он почувствовал, что внутри деревянного ящика — пустота, вся кровь вытекла, и осталась лишь полая оболочка. Теперь ему показалось, будто статуя пыталась защищаться. Но она потерпела поражение, и даже скорозамораживание ее не спасет. Статуя погибла навеки.

— Сколько времени вы здесь пробыли? — спросила девушка.

— Всего пару минут, — сказал он.

— Я заходила сюда сегодня утром. И по дороге на работу видела ее.

И тогда он сообразил: она видела статую до того, как соорудили деревянный ящик.

— Что именно с ней сделали? — спросил Аллан, искренне желая все узнать. — Вы не разглядели?

— Не бойтесь.

— Я вовсе не боюсь. — Аллан пришел в недоумение.

— Боитесь. А ведь все в порядке. — Она рассмеялась. — Им придется ее убрать. Они не смогут починить ее.

— Вас это радует? — изумленно спросил Аллан.

Глаза девушки вспыхнули светом, в них заплясали смешинки.

— Надо бы нам отпраздновать это событие. Выпить по коктейлю. — Потом свет в ее глазах померк. — Если человеку, который это сделал — кем бы он ни оказался, — удастся избежать наказания. Давайте-ка уйдем отсюда, хорошо? Пошли.

Девушка повела его через газон к тротуару, потом по дорожке. Она шла быстрыми шагами, держа руки в карманах, Аллан следовал за ней, вдыхая вечерний воздух, колючий и холодный, и постепенно мистическое, похожее на сон ощущение, навеянное Парком, выветрилось у него из головы.

— Я рад, что мы ушли оттуда, — пробормотал он в конце концов.

Девушка удрученно кивнула:

— Туда легко войти, а выйти трудно.

— Вы это почувствовали?

— Конечно. Утром, когда я проходила мимо, это ощущалось не так сильно. Сияло солнце, было светло. Но сегодня вечером... — Она поежилась. — Я простояла целый час, пока не пришли вы, и только тогда очнулась. Смотрела на нее, не двигаясь с места. Как в трансе.

— Меня поразили эти капли, — проговорил Аллан. — Будто кровь.

— Просто краска, — прозаично заметила девушка. Она сунула руку за пазуху и вытащила сложенную газету. — Хотите почитать? Обыкновенная быстро сохнущая эмаль, такую используют во всех учреждениях. Ничего таинственного в ней нет.

— Они никого не поймали, — сказал он, до сих пор ощущая какую-то неестественную отрешенность. Но уже не так сильно, скоро все пройдет.

— Поразительно, с какой легкостью можно этакое вытворить и сбежать. А почему бы нет? Парк не охраняется, никто даже не видел этого человека.

— У вас есть какие-нибудь предположения?

— Ну... — протянула она и поддала ногой камешек, лежавший на дороге, — кто-то разозлился, потому что лишился права аренды. Или выразил таким образом подсознательное возмущение против МОРСа. Сопротивляясь давлению, которое оказывает система.

— А что, собственно, сделали со статуей?

— Газета не вдается в подробности. Не стоит детально расписывать подобные события, это опасно. Вы видели статую и знаете, как Буэтелло изобразил Стрейтера. Традиционная воинственная поза: рука простерта вперед, одна нога позади другой, как будто он сейчас ринется в бой. Голова гордо вскинута. На лице печать великой мудрости.

— Он как бы смотрит в будущее, — пробормотал Аллан.

— Именно. — Девушка замедлила шаг, резко повернулась на каблуках и уставилась в темную мостовую. — Преступник, или шутник, или кто-то еще выкрасил статую в красный цвет. Это вам известно. Потом он каким-то образом обезглавил ее, очевидно, воспользовался каким-то электрическим инструментом для резки. А затем вложил голову в простертую руку.

— Понятно, — кивнул Аллан, внимательно слушая.

— Потом, — тихим монотонным голосом продолжала девушка, — этот человек обработал выставленную вперед ногу — правую — высокотемпературной накладкой. Статуя отлита из термопласта. Когда нога стала гибкой, преступник придал ей другое положение. Теперь майор Стрейтер держит в руке собственную голову, будто собираясь зафутболить ее куда-нибудь подальше. Весьма оригинально и весьма не к месту.

Помолчав, Аллан заметил:

— Учитывая обстоятельства, трудно упрекнуть их в том, что они обшили статую досками.

— Им пришлось так поступить. Но кое-кто успел ее увидеть, прежде чем соорудили ящик. Первым делом они вызвали бойцов Когорты майора Стрейтера — наверное, ожидали еще каких-нибудь происшествий. Когда я проходила мимо, эти унылые молодые люди в коричневой форме стояли кольцом вокруг статуи. Но ее еще можно было разглядеть. Потом, в течение дня, они поставили ящик. — Она добавила: — Видите ли, люди смеялись. Даже бойцы Когорты. Они не могли ничего с собой поделать. Начали потихоньку хихикать, а потом им

было уже не сдержаться. Я от души пожалела молодых людей... они смеялись и сами себя за это ненавидели.

Они дошли до освещенного перекрестка. Девушка остановилась. На лице ее появилось озабоченное выражение. Она пристально поглядела на Аллана большими глазами, изучая его лицо.

— Вы в жутком состоянии, — сказала она. — И все из-за меня.

— Нет, — покачал головой Аллан, — я сам виноват.

Она положила руку ему на плечо:

— Что случилось?

Он сказал ироническим тоном:

— Осложнения на работе.

— А-а. — Девушка кивнула. Но не выпустила его плеча из цепких пальцев. — Ну, а жена у вас есть?

— Очень милая.

— Разве она вам не помогает?

— Она беспокоится еще больше, чем я. В данный момент она сидит дома и принимает седатики. У нее просто фантастическая коллекция всевозможных таблеток.

Девушка спросила:

— Вам нужна помощь?

— Нужна, — ответил Аллан и даже не удивился своей искренности. — Очень.

— Я так и подумала. — Девушка пошла дальше, он последовал за ней. Казалось, она проигрывает в уме различные варианты. — В наше время, — сказала она, — трудно добиться помощи. Принято считать, будто она никому не требуется. Я могу оставить вам свой адрес. В случае чего вы обратитесь по нему?

— Не берусь обещать...

— Но вы попробуете им воспользоваться?

— Я еще ни разу в жизни не просил помощи, — признался Аллан. — Сам пока не знаю, что я буду делать.

— Вот он. — Девушка передала ему сложенный листок бумаги. — Уберите в бумажник. Не читайте... просто спрячьте до тех пор, пока он вам не понадобится. Тогда и достанете его.

Он убрал листок, она неотрывно следила за каждым его движением.

— Хорошо, — сказала девушка удовлетворенно. — Спокойной ночи.

— Вы уходите? — Аллан не удивился, это показалось ему совершенно естественным.

— Мы еще увидимся. Я уже встречала вас раньше. — Девушка свернула на боковую дорожку, и ее почти полностью скрыла тьма. — Спокойной ночи, мистер Перселл. Берегите себя.

Спустя некоторое время, когда девушка совсем пропала из виду, он понял, что она поджидала его там, в Парке. Поскольку знала, что он туда придет.

Глава 6

На следующий день Аллан так и не дал ответа миссис Форст. Пост директора ТИ оставался свободным, так как Мэвис ушел и никто его не заменил. Колесики огромного механизма продолжали крутиться по инерции, и Аллан подозревал, что мелкие чиновники всех инстанций по-прежнему ставят печати на бланках и заполняют документацию. Чудовище еще живет, но не так, как положено.

Ему захотелось выяснить, сколько у него времени на размышления. Он набрал номер Комитета и попросил к телефону миссис Фрост.

— Да, сэр, — раздался голос автоответчика. — Секретарь Фрост сейчас на конференции. Вы можете оставить тридцатисекундное сообщение, которое будет доведено до сведения миссис Фрост. Благодарю вас. Зииииииииииии!

— Миссис Фрост, это Аллан Перселл. Как я упоминал в нашем вчерашнем разговоре, существует ряд обстоятельств. Должность главы агентства позволяла мне сохранять определенную независимость. Вы привели в качестве возражения тот факт, что моим единственным потребителем является Телеинформацион, а значит, я практически работаю на него. Вы отметили также, что моя независимость возрастет, а не уменьшится, если я займу пост директора Телеинфомрациона.

Он замолчал, не зная, как выразиться дальше.

— С другой стороны, — вновь начал было Аллан, но тут истекли тридцать секунд. Он подождал, пока автоответчик на другом конце линии снова произнесет ту же белиберду, а потом заговорил: — В конце концов, я создал это агентство собственными руками. Я волен вносить в него изменения. Там я распоряжаюсь всем. А Телеинформацион безличен. На самом деле над ним не властен никто. Он подобен леднику.

Аллану показалось, что его слова звучат ужасно, но они записаны на пленку, забрать их уже невозможно. Он стал закругляться.

— Миссис Фрост, боюсь, мне понадобится некоторое время, чтобы все обдумать. Я понимаю, что тем самым ставлю вас в затруднительное положение, и очень сожалею. Боюсь, однако, задержки никак не избежать. Я постараюсь дать вам ответ в течение недели, и, пожалуйста, не подумайте, будто я пытаюсь ввести вас в заблуждение. Мне вправду трудно.

Он повесил трубку, откинулся на спинку кресла и погрузился в мрачные раздумья.

Отсюда, из кабинета, статуя майора Стрейтера казалась далекой и не имеющей особого значения. Перед ним стоит всего одна проблема: проблема работы. Либо он останется в агентстве, либо уйдет с повышением в Телеинформацион. Но если представить дело таким образом, дилемма крайне проста. Он достал монетку и пустил ее катиться по столу. Пусть случай решит за него, если возникнет необходимость.

Открылась дверь, и вошла его секретарша Дорис.

— Доброе утро, — жизнерадостно заговорила она. — Фред Ладди просит, чтобы вы дали ему рекомендательное письмо. Мы сделали расчет. Деньги за две недели плюс то, что оставались ему должны. — Она села напротив Аллана, держа наготове блокнот и карандаш. — Вы не хотите продиктовать письмо?

— Трудно сказать. — Он, конечно, хотел, потому что Ладди нравился ему, и Аллан надеялся, что тот найдет мало-мальски приличную работу. Но в то же время ему показалось, что нелепо давать рекомендацию человеку, которого он уволил за нечестность и отсутствие лояльности, выражаясь на языке МОРСа. — Вероятно, мне придется поразмыслить и об этом.

Дорис встала.

— Скажу ему, что вы очень заняты. Что придется немного подождать.

Аллан почувствовал облегчение и отпустил ее с этой отговоркой. Похоже, сейчас он был не в состоянии принять решение по какому-либо вопросу. Все проблемы, и мелкие, и крупные, витали где-то на высоте Олимпа, разве их заставишь спуститься на грешную землю.

По крайней мере, полиция его не выследила. Он испытывал почти полную уверенность в том, что недомерок, собирающий информацию для миссис Бирмингэм, не располагает данными о происшествии в Парке. Завтра в девять утра он будет знать это точно. Однако Аллан не особенно тревожился. Мысль о том, что полиция вломится к нему в дом, арестует и вышлет его, абсурдна. Подлинную озабоченность вызывали у него лишь работа и он сам.

Он сказал девушке, что нуждается в помощи, и это правда. Не потому, что выставил статую на посмешище, а потому что сам не знает, зачем так поступил. Странно, что мозг у него работает автономно, не сообщая владельцу ни о целях своих действий, ни о побуждениях. Впрочем, мозг — это орган тела, такой же, как селезенка, почки или член. Каждый из них занимается своим делом. Почему бы и мозгу не работать так же? Если рассуждать подобным образом, ничего странного тут нет.

И все-таки он должен разобраться в том, что происходит.

Он достал бумажник и вытащил оттуда кусочек бумаги. На нем были всего три слова, написанные женским почерком.

«Санаторий
Гретхен Мальпарто».

Значит, девушку зовут Гретхен. И Аллан не ошибся в своих предположениях; она действительно бродила в Парке среди ночи, действуя в интересах Психиатрического санатория, что запрещено законом.

Рука Санатория, последнего прибежища для дезертиров и неудачников, легла на плечо Аллана.

Он почувствовал слабость. Болезненная неуверенность овладела им, его вдруг словно залихорадило — ощущение слабого притока какой-то липкой энергии, от которого никак не отделаться.

— Мистер Перселл, — донесся до него голос Дорис — дверь оставалась открытой. — Пришел ответ на ваш звонок. Телефон записывает сообщение.

— О'кей, Дорис, — откликнулся Аллан, с усилием отмахнувшись от раздумий, он потянулся и щелкнул кнопкой на телефоне.

Магнитофонная лента послушно перемоталась назад и, переключившись на воспроизведение, принялась изрыгать записанное сообщение.

— Десять ноль пять. Щелк. Зииииииииииии! Мистер Перселл. — Потом зазвучал любезный невозмутимый женский голос. Аллан узнал его, и на душе у него стало еще тяжелее. — Говорит Сью Фрост, вы звонили мне сегодня утром, некоторое время назад. Мистер Перселл, мне очень жаль, что меня не было на месте, когда вы позвонили. — Пауза. — Я глубоко сочувствую вам по поводу создавшейся ситуации. Нетрудно понять, в каком положении вы оказались. — Еще одна пауза, на этот раз более долгая. — Мистер Перселл, вы, несомненно, сознаете, что мы предложили вам пост директора, предполагая, что вы сможете занять его сразу.

Механизм переключился на следующий тридцатисекундный отрезок.

— Десять ноль шесть. Щелк. Зииииииииииии! Продолжение. — Миссис Фрост прокашлялась. — Нам кажется, что неделя — довольно долгий срок, если принять во внимание непростое положение дел в Телеинформационе. Обязанности директора не выполняет никто, ведь, как вам известно, мистер Мэвис уже покинул этот пост. Мы не уверены, стоит ли нам просить его подождать и не уходить в отставку, однако, быть может, так нам и придется поступить. Мы предлагаем вам принять решение не позднее субботы. Поймите, пожалуйста: мы сочувственно относимся к вашим обстоятельствам и не хотим вас торопить. Но Телеинформацион — это жизненно важная организация, поэтому интересы общества требуют, чтобы вы дали ответ как можно скорее. Итак, я буду ждать от вас известий.

Механизм щелкнул. Оставшаяся часть пленки была чиста.

По тону миссис Фрост Аллан догадался, что она обратилась к нему с официальным заявлением, отражающим точку зрения Комитета. Он без труда представил себе, как будут прослушивать эту пленку в ходе расследования. Запись для протокола, да еще со страховкой. «Четыре и пять десятых дня», — подумал он. Четыре и пять десятых дня, чтобы решить, кто он такой и кем ему надлежит быть.

Он снял трубку и начал было набирать номер, но потом передумал. Звонить из агентства чересчур рискованно. Он вышел из кабинета.

— Опять уходите, мистер Перселл? — спросила Дорис, сидевшая за своим столом.

— Я скоро вернусь. Надо зайти в военторг насчет припасов. — Он похлопал себя по карману пальто. — Дженет попросила меня кое-что забрать.

Аллан вышел из Моджентлок-Билдинг и тут же забрался в телефонную будку. Безучастно глядя в одну точку, он набрал номер.

— Психиатрический санаторий, — послышался в трубке казенный, но дружелюбный голос.

— Скажите, здесь нет Гретхен Мальпарто?

Возникла пауза.

— Мисс Мальпарто временно покинула Санаторий. Может, вы поговорите с доктором Мальпарто?

Ощущая неясное раздражение, Аллан спросил:

— С ее мужем?

— Доктор Мальпарто — брат мисс Мальпарто. Будьте любезны, представьтесь, пожалуйста.

— Я хотел бы записаться на прием, — сказал Аллан. — У меня осложнения на работе.

— Да, сэр. — Шуршание бумаг. — Ваше имя, сэр?

Он замялся, но тут же нашелся.

— Я приду под именем Коутс.

— Хорошо, мистер Коутс. — Дальнейших вопросов на этот счет не последовало. — Завтра в девять утра вас устроит?

Он уже было согласился, но тут вспомнил о секционном собрании.

— Запишите меня лучше на четверг.

— Четверг, девять часов, — живо откликнулась девушка. — Доктор Мальпарто. Большое спасибо, что позвонили.

Аллан вернулся в агентство, чувствуя себя немного получше.

Глава 7

В высокоморальном обществе 2114 года от Рождества Христова еженедельные собрания секций проводились в различные часы дня. Поэтому надзиратели ближайших жилищных секций участвовали в каждом из них, заседая в президиуме, а местный надзиратель выполнял роль председателя. Поскольку надзирательницей жилищной секции Перселла являлась миссис Бирмингэм, именно ей и был предоставлен этот высокий пост. Ее коллеги, одетые в цветастые шелковые платья, заняли стулья на трибуне по обе стороны от нее.

— Ненавижу это помещение — сказала Дженет, задержавшись у дверей.

Аллан и сам его ненавидел. Здесь, в большом зале цокольного этажа жилищной секции, заседали все местные лиги, комитеты, советы, клубы и ордены. В помещении стоял затхлый запах пыли и бесконечных наслоений документации, накопившейся за долгие годы. Отсюда

исходило санкционированное законом выслеживание друг друга и копание в чужом белье. В этом зале личные дела человека становились всеобщим делом. Просуществовавшая много веков христианская исповедальня достигла кульминационной точки развития в виде секционных собраний, посвященных изучению души каждого из ее членов.

Как обычно, народу оказалось больше, чем мест, многим приходилось стоять, люди столпились в проходах и по углам. Кондиционеры стонали, перелопачивая клубы дыма. Этот дым всякий раз озадачивал Аллана, ведь вроде бы ни у кого нет сигарет, и курить запрещено. И тем не менее вот он, дым. Быть может, это наследие прошлого, своего рода напоминание об очистительном пламени.

Внимание привлекла стайка недомерков. Уже явились, похожие на уховерток ищейки. Каждый из недомерков достигал всего полутора футов в длину. Эти твари стремительно передвигались на волосок от земли — или от вертикальной поверхности, — развивая невероятную скорость, и ничто не ускользало от их взгляда. Сейчас недомерки в инертном состоянии. Открыв металлические корпуса, надзиратели достали из них пленки с донесениями. Недомерки проведут в бездействии время, которое займет собрание, а потом их запустят снова.

В этих металлических осведомителях было нечто зловещее, но кое-что все же ободряло. Недомерки никого не обвиняли, они лишь докладывали о том, что видели и слышали. Они не могли придать своим сообщениям какую-либо окраску и ничего не могли выдумать. Поскольку обвинение предъявляли машины, истерические слухи, злоба или паранойя не представляли угрозы для подсудимого. Вопрос о виновности не ставился, доказательства были уже налицо. Здесь обсуждали лишь степень тяжести моральных прегрешений. Подсудимый не мог заявить, что его обвиняют несправедливо, он мог лишь сослаться на невезение, на то, что так глупо попался.

Сидевшая на трибуне миссис Бирмингэм сверилась с повесткой дня и посмотрела, все ли пришли. Отсутствие на собрании рассматривалось как *проступок*. Вероятно, Аллан и Дженет явились последними: миссис Бирмингэм подала сигнал и собрание началось.

— Нам, по-видимому, не удастся посидеть, — прошептала Дженет, когда дверь за ними закрылась.

От тревоги у нее осунулось лицо: еженедельные секционные собрания были для нее катастрофой, источником безнадежности и отчаяния. Каждую неделю ей казалось, что обличение и крах неминуемы, но до сих пор все обходилось. Прошло много лет, но никто так и не зарегистрировал за ней ни единой оплошности. И поэтому она пришла к убеждению, что злой рок просто копит силы, чтобы однажды разгуляться вовсю.

— Когда меня вызовут, — тихонько проговорил Аллан, — не раскрывай рта. Не пытайся никого поддержать. Чем меньше будет сказано, тем больше у меня шансов.

Дженет бросила на мужа страдальчески-возмущенный взгляд.

— Они разорвут тебя на части. Ты только посмотри на них. — Она окинула взглядом зал. — Так и ждут случая на кого-нибудь наброситься.

— Большинству людей здесь скучно, им хотелось бы уйти. — Действительно, некоторые погрузились в чтение утренней газеты. — Так что не волнуйся. Если никто не кинется меня защищать, все потихоньку утрясется и, может, мне удастся отделаться устным порицанием. В том случае, разумеется, если не поступило донесений насчет статуи.

— В первую очередь мы рассмотрим дело мисс Дж. Э.

Подразумевалась Джулия Эбберли, знакомая всем присутствующим. Время от времени Джулию разбирали на собраниях, однако каким-то образом ей все же удавалось сохранить право аренды, завещанное родственниками. Теперь эта длинноногая светловолосая девушка с интригующими очертаниями груди забралась на трибуну для подсудимых, а в ее широко раскрытых глазах застыл испуг. В этот день она надела скромное ситцевое платье, комнатные туфли на низком каблуке и собрала волосы в хвостик, как у девочки.

— Мисс Дж. Э., — объявила миссис Бирмингэм, — сознательно и по собственной воле занималась непотребным делом с мужчиной ночью 6 октября 2114 года.

В большинстве случаев «непотребным делом» оказывался секс. Аллан прикрыл глаза, готовясь перестрадать заседание. Негромкий шелест пронесся по залу, газеты отложили в сторону. Апатии как не бывало. Именно эта сторона дела казалась Аллану особенно отвратительной, похотливое стремление во всех деталях выслушать рассказ о чьей-то оплошности; потребность, которую выдавали за добродетель.

Тут же прозвучал первый вопрос:

— Мужчина был тот же, что и в прошлых случаях?

Мисс Дж. Э. покраснела.

— Д-да, — призналась она.

— Разве мы вас не предупреждали? Разве не говорилось вам здесь же, в этом зале, что надо возвращаться домой в нормальное время и вести себя, как положено порядочной девушке?

По всей вероятности, теперь говорил другой человек. Настенный динамик вещал этаким искусственным голосом. Чтобы не померк ореол правосудия, вопросы прокачивали через общий канал, где голос расчленялся на составные части, а потом восстанавливался, но уже без характерной окраски. В результате обвинитель становился безликим, а если вопросы задавал человек сочувствующий, он неожиданно превращался в защитника, что выглядело несколько странно.

— Хотелось бы узнать, что это за «непотребное дело», — подал голос Аллан, испытывая привычное отвращение из-за того, что его речь

утратила характерные черты и звучит гулко и безжизненно. — Может, весь шум из-за ерунды.

Миссис Бирмингэм неприязненно оглядела зал с высоты трибуны, пытаясь определить, кто произнес эти слова. Затем она зачитала отрывок из сводки.

— «Мисс Дж. Э. сознательно и по собственной воле... совокуплялась... в ванне, расположенной в общественной ванной комнате своей жилищной секции».

— По-моему, это совсем не ерунда, — произнес голос, и тут словно собаки посрывались с цепи. Обвинения так и посыпались одно за другим, сливаясь в неясный похотливый гул.

Стоявшая рядом с Алланом Дженет съежилась и прижалась к мужу. Чувствуя, как ей жутко, он обнял ее за плечи. Еще немного, и тот же голос примется терзать его самого.

В девять пятнадцать фракция, склонная оправдать мисс Дж. Э., похоже, чего-то добилась. Совет секционных надзирателей обменялся мнениями и отпустил девушку, вынеся ей устное порицание; она радостно выскользнула из зала. Миссис Бирмингэм опять встала, держа в руках листок с повесткой дня.

Аллан почувствовал облегчение, услышав собственные инициалы. Он пошел вперед, слушая текст обвинения и радуясь, что скоро все останется позади. Недомерок, слава Богу, сообщил примерно то, что и предполагалось.

— Мистер А. П., — объявила миссис Бирмингэм, — 7 октября 2114 года явился домой в 11 часов 30 минут вечера в состоянии алкогольного опьянения, упал на лестнице при входе в данную жилищную секцию и при этом произнес слово, недопустимое с точки зрения морали.

Аллан взобрался на трибуну для подсудимого, и прения начались.

Опасность существовала всегда: в зале мог оказаться гражданин, питающий к нему глубоко затаенную идиосинкразию, который долго лелеял и копил в душе ненависть, ожидая именно такого случая. Вполне возможно, что за годы, прожитые в этой жилищной секции, Аллан задел какое-нибудь безымянное существо; неукротимая жажда мести могла вспыхнуть из-за того, что он прошел куда-то раньше очереди, позабыл поздороваться, наступил кому-нибудь на ногу и все такое прочее, — такова уж человеческая натура.

Но, оглядевшись по сторонам, он не заметил особенного оживления. Никто не бросал на него демонических, горящих злобой взглядов, и, похоже, никто не проявил ни малейшего интереса, кроме застывшей в ужасе жены.

Он смотрел на дело оптимистически, и не без причины, ведь предъявленное ему обвинение никак не назовешь тяжелым. В общем и це-

лом не так уж все и плохо. Думая об этом и чувствуя прилив бодрости, Аллан предстал перед своим многоликим обвинителем.

— Мистер Перселл, — раздался голос, — мы очень давно не видели вас на этом месте. — Он поправился: — Я хотел сказать, мистер А.П.

— Несколько лет, — ответил Аллан.

— Сколько вы выпили?

— Три стакана вина.

— И от этого опьянели? — Голос тут же ответил на собственный вопрос: — Так записано в обвинении.

Затем отчетливо прозвучал следующий вопрос:

— Где вы пили?

Аллану не хотелось снабжать их новыми данными, и он ограничился кратким ответом:

— На Хоккайдо.

Миссис Бирмингэм знает, что он там побывал; похоже, это не имеет значения.

— Что вы там делали? — произнес голос, но его тут же перебили:

— Это несущественно. Не имеет отношения к делу. Придерживайтесь фактов. Не важно, чем он занимался до того, как напился.

Аллану показалось, что эти слова произнесла Дженет. Он не стал вмешиваться в прения.

— Разумеется, важно. Значительность действия определяется его мотивами. Собирался ли напиться? Никто никогда *не собирается* напиться. Откуда мне знать об этом.

Аллан сказал:

— Я вообще непривычен к любого рода спиртному и пил на пустой желудок.

— А как насчет слова, которое он произнес? Да, как насчет этого? Мы ведь даже не знаем, что это было за слово. Что, по-моему, и к лучшему. Как, неужели вы уверены, что он из числа людей, которые запросто употребляют «такие вот» слова? Я имел в виду лишь одно: если мы узнаем, что за слово он произнес, это все равно никак не повлияет на ход дела.

— К тому же я устал, — добавил Аллан. За годы работы в области средств массовой информации он изучил кратчайшие маршруты сознания МОРСа. — Я провел весь день на работе, хотя и было воскресенье. По-видимому, я проработал дольше, чем следовало бы по соображениям здоровья, но я люблю, когда к понедельнику на письменном столе ничего не остается.

— Скромный джентльмен честных правил, — произнес голос. И тут же отпарировал: — Которому хватает воспитания, чтобы не переходить на личности. Браво, — вещал голос, — вы ловко поставили его на место. А может, ее.

Затем среди хаотического сплетения мнений возникла и сформировалась отчетливая точка зрения. Насколько Аллан мог судить, говорил один человек.

— Попытки эти просто смехотворны. Мистер Перселл — один из наиболее уважаемых членов секции. Как известно почти каждому из нас, агентство, в котором работает мистер Перселл, поставляет множество материалов, которые использует Телеинформацион. Неужели кто-то ждет, что мы поверим, будто человек, который трудится на благо поддержания морального уровня общества, сам морально неустойчив? Как бы это характеризовало наше общество в целом? Просто парадокс, что да, то да. Ведь именно такие благородные люди, преданно служащие обществу, примером собственного поведения создают нам образец для подражания.

Не веря своим ушам, Аллан пристально поглядел через зал на жену. Вид у Дженет был ошеломленный. Да и слова подобраны в несвойственной для нее манере. Очевидно, говорил кто-то другой.

— Семья мистера Перселла арендует здесь квартиру на протяжении нескольких десятилетий, — продолжал голос. — Мистер Перселл родился здесь. Многие люди приходили и уходили за то время, которое он тут прожил. Лишь немногие из нас сумели сохранить право аренды так же долго, как и он. Сколько человек из присутствующих посещали этот зал до появления мистера Перселла? Поразмыслите над этим. Мы проводим собрания вовсе не затем, чтобы попирать достоинство человека. Мистер Перселл занял это место вовсе не для того, чтобы мы осыпали его издевками и насмешками. Похоже, кое-кто здесь полагает: чем респектабельнее человек, тем больше причин для нападок на него. Но, нападая на мистера Перселла, мы ставим под удар лучшее, что есть в нас самих. И никто от этого не выигрывает.

Аллану стало неловко.

— В основе деятельности подобных собраний, — продолжал голос, — лежит мысль о том, что человек несет моральную ответственность перед обществом, в котором живет. Мысль прекрасная. Но общество тоже несет моральную ответственность перед человеком. Если общество просит человека публично покаяться в грехах, оно обязано как-то откликнуться. Оно должно проявить уважение и оказать поддержку. Общество не может не понимать, что ему оказывают честь, если это место занимает такой гражданин, как мистер Перселл. Его жизнь посвящена заботе о нашем благополучии, усовершенствованию нашего общества. Если ему раз в жизни захотелось выпить три стакана вина и произнести одно слово, недопустимое с точки зрения морали, мне кажется, пусть он так и сделает. Мне это не мешает.

Наступила тишина. Все сидевшие в зале присмирели в приливе благоговения. Никто не смел заговорить.

Стоявшему на трибуне Аллану хотелось, чтобы кто-нибудь обрушился на него с нападками. Чувство неловкости переросло в стыд. Человек, который его расхваливал, ошибался, ведь он не знал о нем очень многого.

— Погодите минутку, — возразил Аллан. — Скажем без обиняков: я поступил плохо. Я не имею права напиваться и сквернословить, точно так же как и все другие.

Голос произнес:

— Перейдем к следующему делу. Похоже, ничего особенного тут нет.

Восседавшие на трибуне пожилые дамы посовещались и через некоторое время вынесли вердикт. Миссис Бирмингэм поднялась на ноги.

— Соседи мистера А. П. находят нужным воспользоваться данным случаем, чтобы осудить его поведение 7 октября ночью, но считают, что, в силу безупречности его характеристики в прошлом, необходимость в дисциплинарных взысканиях отсутствует. Мистер А.П., вы можете вернуться в зал.

Аллан спустился вниз и подошел к жене. Не помня себя от радости, Дженет изо всех сил прижалась к нему.

— Кто бы ни был этот человек, благослови его Бог.

— Я такого не заслужил, — обеспокоенно проговорил Аллан.

— Заслужил. Конечно, заслужил. — Безрассудный блеск в ее глазах. — Ты замечательный человек.

Невдалеке, у одного из столиков, спокойно стоял невысокий пожилой мужчина с седыми чуть поредевшими волосами и сдержанной улыбкой. Мистер Вейлс. Он взглянул на Аллана и тут же отвернулся.

— Вот этот человек, — решил Аллан. — Вейлс.

— Ты уверен?

На трибуну поднялся следующий подсудимый, и миссис Бирмингэм огласила обвинение:

— 9 октября 2114 года миссис Р.М. всуе употребила имя Господне в присутствии мужчин и женщин, действуя сознательно и по собственной воле.

Голос произнес:

— Пустая трата времени.

И началась дискуссия.

Когда собрание закончилось, Аллан подошел к Вейлсу. Выйдя из зала, тот задержался, словно поджидал его. Аллан несколько раз встречался с ним в холле, но не мог припомнить, чтобы им доводилось о чем-нибудь разговаривать, они лишь обменивались пожеланиями доброго утра.

— Это были вы, — сказал Аллан.

Они пожали друг другу руки.

— Рад, что мне удалось вас выручить, мистер Перселл. — Голос Вейлса звучал бесцветно, ничем особенным он не отличался. — Я заметил, что вы вступились за девушку. Вы всегда помогаете людям, которых разбирают. И я дал себе обещание: если мистер Перселл когда-нибудь окажется на этом месте, я сделаю для него то же самое. Мы все уважаем вас, мистер Перселл, вы нам нравитесь.

— Спасибо, — смущенно улыбнулся Аллан.

Когда они с Дженет поднимались к себе в квартиру, она спросила:

— В чем дело? — Собрание осталось позади, поэтому она впала в состояние болезненного возбуждения. — Почему у тебя такой мрачный вид?

— У меня мрачное настроение, — ответил он.

Глава 8

Доктор Мальпарто проговорил:

— Доброе утро, мистер Коутс. Пожалуйста, снимайте пальто и садитесь. Располагайтесь поудобнее.

И тут доктора охватило странное неприятное чувство, потому что стоявший перед ним человек был вовсе не «мистер Коутс», а Аллан Перселл. Мальпарто поспешно поднялся на ноги, извинился и вышел в коридор. Его затрясло от волнения. Лицо оставшегося в кабинете Перселла выражало смутное недоумение. Высокий, привлекательный, пожалуй, чересчур серьезный мужчина лет тридцати в тяжелом пальто. Вот он — человек, которого Мальпарто надеялся встретить. Но он не ждал его так скоро.

Он вынул ключ, открыл свою картотеку и взял досье Перселла. Бегло просмотрел его на обратном пути в кабинет. Содержание оставалось таким же загадочным, как и прежде. Вот крайне ценная энцефалограмма, неустранимый синдром тоже на месте. Мальпарто вздохнул от удовольствия.

— Прошу прощения, мистер Перселл, — сказал он, закрывая за собой дверь. — Сожалею, что заставил вас ждать.

Пациент нахмурился:

— Давайте придерживаться имени Коутс. Или старый принцип насчет врачебный тайны больше у вас не в чести?

— Пусть будет «мистер Коутс». — Мальпарто сел и надел очки. — Скажу вам откровенно, мистер Коутс, я ждал вашего прихода. Примерно неделю назад мне в руки попала ваша энцефалограмма с заключением Диксона. У меня возник большой интерес к вам, и я испытываю глубокое удовлетворение, поскольку мне представился случай заняться... — Он кашлянул. — Вашей проблемой. — Он чуть было не сказал «вашим делом».

Мистер Коутс беспокойно заерзал в удобном, обтянутом кожей кресле. Он закурил сигарету, нахмурился, потер складку на брюках.

— Мне необходима помощь. У нас ее никому не оказывают, и в этом состоит один из недостатков МОРСа; людей просто объявляют неполноценными и изгоняют из общества.

Мальпарто кивнул в знак согласия.

— К тому же, — сказал мистер Коутс, — меня разыскала ваша сестра.

Это известие обескуражило Мальпарто. Гретхен не только ввязалась в это дело, но и проявила изрядное хитроумие. Со временем мистер Коутс пришел бы и сам, но Гретхен сократила срок ожидания вдвое. Он задумался над вопросом: к чему ей это?

— А вы не знали? — спросил мистер Коутс.

Он решил ответить честно.

— Нет, не знал. Что, впрочем, не важно. — И зашуршал страницами карточки. — Мистер Коутс, не могли бы вы охарактеризовать своими словами, в чем заключается ваша проблема?

— В работе.

— А именно?

Мистер Коутс закусил губу.

— Пост директора ТИ. В понедельник мне предложили его занять.

— В настоящее время вы являетесь главой независимого исследовательского агентства? — Мальпарто сверился со своими бумагами. — Когда вы должны дать ответ?

— Не позднее послезавтра.

— Крайне интересно.

— Не правда ли? — сказал мистер Коутс.

— У вас не очень много времени. Как вам кажется, вы сможете принять решение?

— Нет.

— Почему нет?

Пациент замешкался с ответом.

— Вы боитесь, не прячется ли у меня в шкафу недомерок? — Мальпарто ободряюще улыбнулся. — Здесь единственное во всей нашей благословенной цивилизации место, куда недомеркам закрыт доступ.

— Я слышал об этом.

— Счастливая прихоть истории. Кажется, жена майора Стрейтера питала благосклонность к психоаналитикам. Последователь Юнга с Пятой авеню исцелил ее от частичного паралича правой руки. Представляете себе женщин такого типа?

Мистер Коутс кивнул.

— Поэтому, — сказал Мальпарто, — после создания Правительственного Комитета и национализации земли нам позволили продолжать свою деятельность. Нам, то есть бойцам психофронта, оставшимся в живых после войны. Стрейтер был человек осмотрительный. Необычное свойство. Он понимал, что необходимо...

Мистер Коутс сказал:

— В воскресенье вечером кто-то передвинул рычажок у меня в голове. И я превратил статую майора Стрейтера в карикатуру. Что и мешает мне принять предложение и стать директором ТИ.

— А-а, — сказал Мальпарто и впился взглядом в энцефалограмму, в неустранимую кривую. У него возникло ощущение, будто он повис

вверх ногами над океаном и пляшущая пена забивает его легкие. Он осторожно снял очки и протер их носовым платком.

За окном кабинета раскинулся город, — плоская поверхность, лишь шпиль МОРСа возвышается точно в центре. От него концентрическими кольцами расходились зоны, аккуратные линии и завитки, упорядоченные пересечения. «По всей планете», — подумал доктор Мальпарто. Словно шкура огромного млекопитающего, наполовину погрузившегося в грязь. Увязшего в подсыхающей глине суровой пуританской морали.

— Вы родились здесь, — проговорил он наконец.

Все сведения, история жизни пациента у него в руках; он перелистал страницы.

— Все мы здесь родились, — отозвался мистер Коутс.

— Вы познакомились с женой в одной из колоний. Что вы делали на Бет-4?

Пациент сказал:

— Проверял пакет. Я работал консультантом в тогдашнем агентстве «Уинг-Миллера». Мне хотелось создать пакет, основанный на опыте колонистов-сельскохозяйственников.

— Вам понравилось там?

— В каком-то смысле — да. Похоже на границу продвижения поселенцев. Мне запомнился дощатый фермерский домик с беленными стенами. Он принадлежал ее родственникам... ее отцу. — Он приумолк на мгновенье. — Мы с ним часто спорили. Он издавал местную газету в маленьком городке. Мы спорили и пили кофе ночи напролет.

— А... — Мальпарто заглянул в карточку. — Дженет принимала участие в спорах?

— Изредка. Она слушала. По-моему, она боялась отца. И, может быть, чуть-чуть побаивалась меня.

— Вам тогда было двадцать пять лет?

— Да, — ответил мистер Коутс. — А Дженет — двадцать два года.

Мальпарто сверился с досье:

— Ваш отец к тому времени уже умер. А мать еще была жива, не так ли?

— Она умерла в 2111 году, — сказал мистер Коутс. — Немногим позже.

Мальпарто поставил видео- и аудиопленки.

— Можно мне записать нашу беседу?

Пациент подумал.

— Да, пожалуй. Все равно я у вас в руках.

— В моей власти? Как будто я — волшебник? Вряд ли. В моих руках оказалась ваша проблема: рассказав о ней, вы как бы переложили ее на меня.

Похоже, мистер Коутс перестал испытывать напряжение.

— Спасибо, — сказал он.

— На сознательном уровне, — продолжил Мальпарто, — вы не знаете, почему надругались над статуей, мотивы прячутся где-то в глубине. По всей вероятности, эпизод, связанный со статуей, является частью более обширного процесса, тянувшегося, быть может, многие годы. Если мы станем заниматься отдельным происшествием, нам никогда не удастся его понять; смысл кроется в обстоятельствах, которые ему предшествовали.

Пациент скорчил гримасу.

— Вы тут волшебник.

— Мне бы хотелось, чтобы вы воспринимали меня как-нибудь иначе.

Его покоробило от представлений, в которых он узнал расхожий стереотип: обыватели стали относиться к психоаналитикам из Санатория со смешанным чувством страха и преклонения, как будто Санаторий представлял собой какой-то храм, в котором психоаналитики были жрецами. Как будто они занимаются какой-то ритуальной бредятиной, а ведь на самом деле работа ведется строго научно, в лучших традициях психоанализа.

— Не забывайте, мистер Коутс. — Мальпарто нахмурился. — Я смогу вам помочь, только если вы этого захотите.

— Сколько это будет стоить?

— Нужно выяснить, какой у вас доход. Стоимость лечения определят, исходя из вашей платежеспособности.

Весьма характерно для учения МОРСа, — извечная бережливость протестантов. Ничего не следует тратить впустую. Всегда нужно хорошенько поторговаться.

Голландская реформатская церковь жива даже в душе этого беспокойного еретика... мощь несгибаемой революции, положившей конец эпохе Расточительства, уничтожившей «греховность и коррупцию», а вместе с ними досуг и душевный покой, способность посидеть просто так и ничего не брать в голову.

«Интересно, как жилось тогда?» — подумал Мальпарто. В те дни, когда дозволялась праздность. В каком-то смысле это был золотой век, и в то же время существовало странное смешение, удивительный сплав свободы эпохи Возрождения с ограничениями эпохи Реформации. В душе каждого человека жило и то, и другое — два начала в борьбе друг с другом. И в конце концов голландские проповедники, вещавшие об адском пламени, одержали победу...

Мистер Коутс сказал:

— Давайте поглядим на лекарства, которые вы тут применяете. И на ваши световые и высокочастотные новинки техники.

— Всему свое время.

— Господи, мне нужно дать ответ миссис Фрост не позднее субботы.

— Посмотрим на ситуацию здраво. Мы не добьемся никаких значительных изменений за сорок восемь часов. Мы исчерпали запас чудодейственных средств несколько веков назад. Нас ожидает долгий трудоемкий процесс, перед нами множество препятствий.

Мистер Коутс нервно зашевелился.

— Вы считаете, что в центре всего — насмешка над статуей, — сказал Мальпарто. — Давайте от этого отталкиваться. Что вы делали перед тем, как вошли в Парк?

— Я навестил друзей.

Мальпарто уловил что-то в тоне пациента и спросил:

— Где? Здесь, в Новейшем Йорке?

— На Хоккайдо.

— Разве там кто-нибудь живет? — Мальпарто был искренне удивлен.

— Несколько человек. Они не живут подолгу.

— Вы и раньше там бывали?

— Время от времени. Я ищу идеи для пакетов.

— А что вы делали до того?

— Почти весь день работал в агентстве. Потом мне стало... скучно.

— Вы отправились на Хоккайдо прямо из агентства?

Пациент чуть было не кивнул в ответ, но потом на лице его возникло какое-то непонятное выражение.

— Нет, я немного прогулялся. Я забыл об этом. Как мне теперь припоминается, я зашел... — Он замолчал надолго. — В военторг. Чтобы взять пива 3,2. Только зачем мне понадобилось пиво? Я не особенно его люблю.

— Что-нибудь произошло?

Мистер Коутс пристально посмотрел на него.

— Не помню.

Мальпарто сделал пометку.

— Я ушел из агентства. А потом все события как облаком закрыло. Полчаса, не меньше, будто провалились.

Мальпарто поднялся на ноги и нажал на кнопку селектора.

— Будьте добры, попросите, пожалуйста, зайти ко мне двух невропатологов. И пусть нас никто не беспокоит, пока я не дам знать, что свободен. Отмените встречу со следующим пациентом. Если появится моя сестра, я хотел бы с ней повидаться. Да, пропустите ее. — Он отключил селектор.

Мистер Коутс взволнованно спросил:

— А что теперь?

— Теперь исполнится ваше желание. — Он отомкнул дверцу шкафа с оборудованием и принялся доставать приборы. — Лекарства и новинки техники. Попробуем копнуть поглубже и выяснить, что произошло с того момента, как вы вышли из агентства, до времени, когда вы очутились на Хоккайдо.

Глава 9

Его угнетала тишина. В Моджентлок-Билдинг никого больше не было, он один трудился в толще колоссальной гробницы. Небо на улице затянуло облаками. В восемь тридцать он сдался.

В восемь тридцать, а не в десять.

Он закрыл ящики стола, вышел из агентства и направился вдоль улицы по темному тротуару. Вокруг ни души. Все дорожки пусты: воскресным вечером здесь не увидишь людей, потоком устремляющихся домой с работы. Только очертания жилищных секций, закрытые военторги, недружелюбное небо.

Занимаясь историческими исследованиями, он узнал об исчезнувшем явлении, о неоновых рекламах. Теперь его обрадовало бы появление хоть нескольких вывесок, которые нарушили бы однообразие. Ослепительно яркий вихрь реклам, объявлений, мигающих надписей навсегда ушел из жизни. Все это выброшено на свалку, будто кипа выцветших цирковых афиш; история перетолчет их в кашу, а на новой бумаге напечатают учебники.

Он шел по дорожке, не видя ничего, и вдруг впереди засветились огоньки. Его потянуло к свету, и через некоторое время он очутился возле приемной станции автофакта.

Кольцо огней достигало нескольких сотен футов в высоту. Внутри этого кольца совершал посадку корабль автофакта, бочкообразный цилиндр, покрывшийся за время путешествия щербинами и ржавчиной. На борту корабля, как и там, откуда он прилетел, не было людей. И приемные устройства работали без их вмешательства. Когда роботы-диспетчеры посадят корабль, другие саморегулирующиеся механизмы разгрузят его, проверят партии товаров, переправят ящики в магазин и сложат там. Продавец да покупатели, других людей здесь нет.

Сейчас вокруг станции собралась небольшая группа дорожных смотрителей, они наблюдали за работой машин. Как обычно, большую часть зрителей составляли подростки. Засунув руки в карманы, задрав голову, мальчишки, не отрываясь, глядели вверх. Шло время, но ни один так ни разу и не шевельнулся. Все молчали. Никто не подходил и не отходил.

— Большой, — заметил наконец один из мальчишек. Высокий, с тускло-рыжими волосами и угреватым лицом. — Корабль-то.

— Да, — подтвердил Аллан и тоже запрокинул голову. — Интересно, откуда он, — сказал Аллан, чувствуя себя весьма неловко. Он воспринимал индустриальные процессы как движение планет: все происходит автоматически, будто нечто собой разумеющееся.

— Он с Беллатрикса-7, — заявил мальчишка, и двое из его молчаливых спутников кивнули. — Продукция Тангстена. Они уже целый день выгружают круглые стеклянные лампы. Беллатрикс — всего лишь эксплуатационная система. Все они непригодны для проживания.

— Провались этот Беллатрикс, — сказал кто-то из ребят.

Аллан пришел в недоумение.

— Почему?

— Какая тебе разница?

Мальчишки презрительно оглядели его. В конце концов кто-то сказал хриплым голосом:

— Мы хотим улететь.

— Куда?

Презрение переросло в неприязнь, мальчишки отошли подальше от Аллана.

— *Прочь*. Туда, где просторно. Где что-то происходит.

Рыжий мальчишка сообщил:

— На Сириусе-9 выращивают грецкие орехи. Почти такие же, как здесь. На вкус никакой разницы. Целая планета деревьев с грецкими орехами. А на Сириусе-8 выращивали апельсины. Только они погибли.

— На них напали мучнистые червецы, — мрачно добавил один из ребят, — и поели все апельсины.

Рыжеволосый паренек сказал:

— Лично я полечу на Орионус. Там разводят настоящих свиней, их не отличить от здешних. Попробуйте скажите, в чем разница. Попробуйте.

— Но это далеко от центра, — сказал Аллан. — Подумайте трезво, ведь ваши родные потратили не одно десятилетие, чтобы получить право на аренду в такой близости от него.

— Мать твою... — с горечью сказал один из мальчишек, и они разошлись в разные стороны.

Аллан остался один, осмысливая очевидный факт: МОРС не дается при рождении. Это образ жизни, которому необходимо научиться. Мальчишкам живется невесело, и, столкнувшись с ними, Аллан припомнил об этой истине.

Военторг, при котором находилась приемная станция автофакта, еще не закрылся. Аллан зашел в него, доставая на ходу бумажник.

— Конечно, — сказал невидимый продавец, когда он прокомпостировал карточку для покупок. — Но только сорт 3,2. Вы в самом деле собираетесь его пить? — На фоне стены с товарами светилась витрина, в которой размещались бутылки с пивом. — Его же из соломы делают.

Однажды, много лет тому назад, Аллан пробил в карточке купон на пиво 3,2 и получил 0,7 л шотландского виски. Бог его знает, откуда оно там взялось. Может, сохранилось еще с довоенных времен, а складской робот обнаружил его и автоматически засунул на единственную свободную полку. Больше такого не случалось ни разу, но Аллан снова и снова пробивал этот купон, питая, как ребенок, неясную надежду. По-видимому, произошло невероятное, система дала сбой, такое бывает даже в безупречном обществе.

— Верните деньги, — попросил он и поставил на прилавок нераскупоренную бутылку. — Я передумал.

— Я же говорил, — сказал продавец и снова прикрепил купон к карточке.

Аллан постоял немного с пустыми руками, тщетные попытки вымотали его. А затем вышел обратно на улицу.

Мгновение спустя он уже поднимался по пандусу к маленькому летному полю на крыше, которым агентство пользовалось для срочных перелетов. В сарае под замком стоял одноместный скиб.

— И это все? — спросил Мальпарто. Он отключил решетчатую систему из проводов и линз, нацеленных на пациента. — С момента ухода из агентства и до того, как вы отправились на Хоккайдо, больше ничего не произошло?

— Больше ничего. — Мистер Коутс лежал ничком на столе, вытянув руки вдоль тела. Над ним возвышались двое техников, снимавших показания датчиков.

— Это тот самый случай, который вы не могли вспомнить?

— Да, мальчишки на станции автофакта.

— Вы приуныли?

— Да, — признался мистер Коутс. Голос его звучал бесцветно, личность пациента пребывала в состоянии диффузии под изолирующим воздействием медикаментов.

— Почему?

— Потому что это несправедливо.

Мальпарто не усмотрел в этом ничего существенного, происшествие показалось ему незначительным. Он рассчитывал на сенсационное открытие — убийство, совокупление, бешеный взрыв эмоций, а может, и все, вместе взятое.

— Продолжим, — с неохотой сказал он. — Займемся эпизодом на Хоккайдо. — Он приостановился. — Встреча с мальчишками. Вы вправду считаете, что она очень важна?

— Да, — ответил мистер Коутс.

Мальпарто пожал плечами и жестом велел техникам включить решетку с приборами.

Вокруг стояла тьма. Скиб снижался над островом, он сам управлял своим полетом и разговаривал сам с собой механическим голосом. Аллан прижался затылком к спинке сиденья и закрыл глаза. Свист воздуха при снижении стал тише, на приборной панели замигал синий огонек.

Искать поле не имело смысла, весь Хоккайдо представлял собой поле. Аллан нажал кнопку режима посадки, и корабль, действуя по собственному усмотрению, начал спускаться к покрытой пеплом земле. Через некоторое время он перехватил сигнал передатчика Шугермана и изменил курс. Используя сигнал как маяк, корабль произвел

посадку. Он слегка подпрыгнул, громыхнул и остановился. Стало тихо, только гудели, перезаряжаясь, батареи.

Аллан открыл дверцу и довольно неуверенно начал выбираться наружу. Пепел осел у него под ногами, как будто он ступил в кашу. Этот пепел имел сложный состав, в него входили органические и неорганические соединения. Люди и их пожитки, переплавленные в черно-серую массу. В послевоенные годы из пепла получали неплохой строительный раствор.

Справа что-то тусклое светилось. Он пошел на огонек, который в конце концов превратился в Тома Гейтса, помахивающего фонариком.

— МОРС вам, — сказал Гейтс, костлявый тщедушный человечек с глазами навыкате, нечесаной шевелюрой и изогнутым, как у попугая ара, носом.

— Как дела? — спросил Аллан, пробираясь следом за щуплой тенью к круглому отверстию, служившему входом в подземное убежище, сооруженное во время войны и уцелевшее по сей день. Гейтс с Шугерманом укрепили и усовершенствовали его; Гейтс заколачивал гвозди, а Шугерман руководил.

— Я поджидал Шугги. На нашей стороне скоро уже рассветет, а он всю ночь закупал припасы. — Гейтс нервно хихикнул. — Торговля идет вовсю. На сегодняшний день у нас неплохой расклад. Куча вещей, которые, не будем лицемерить, нужны людям.

Спустившись по лестнице в убежище, они оказались в главном его помещении. Там царил беспорядок, повсюду — разномастная мебель, книги, картины, жестяные и стеклянные банки с пищей, продукты в коробках, ковры, безделушки и просто барахло. Проигрыватель ревел во всю мощь, звучал чикагский вариант «Не могу раскачаться». Гейтс улыбнулся и сделал музыку потише.

— Чувствуйте себя как дома. — Он бросил Аллану коробку с крекерами, а следом за ней кусок чеддера. — Они в порядке, абсолютно безопасны. Слушай, мы тут все копали, копали. Под пеплом, потом под землей. Гейтс и Шугерман нанялись в археологи.

Останки былого. Тонны обломков, годных к употреблению, полупригодных и не годных ни на что; предметы, которым нет цены, побрякушки и полный хлам. Аллан присел на ящик со стеклом. Вазы и бокалы, высокие стаканы, граненый хрусталь.

— Шустрилы-коробейники, — сказал он, разглядывая бокал с надбитым краешком, созданный кем-то из давно уже умерших мастеров двадцатого века. Бокал с рисунком: олень и охотник. — Неплохо.

— Могу продать, — предложил Гейтс. — Пять баксов.

— Слишком дорого.

— Ну, три бакса. Нам надо побыстрее двигать все это. Скорость оборота увеличивает прибыль. — Гейтс радостно захихикал. — Чего бы тебе хотелось? Бутылку шабли Беринжера? Тысяча долларов. Экземпляр «Декамерона»? Две тысячи долларов. Электрическую вафельни-

цу? — Он принялся подсчитывать. — Зависит от того, какую ты хочешь. Если ту, что превращается в гриль для сандвичей, будет дороже.

— Ничего мне не надо, — пробормотал Аллан. Перед ним лежала огромная кипа полуистлевших газет, журналов и книг, обвязанная коричневой веревкой. На верхней значилось «Сэтердей ивнинг пост».

— «Пост» за шесть лет, — сказал Гейтс. — С 1947-го по 1952-й. В прекрасном состоянии. Скажем, полторы штуки. — Он стал яростно рыться в груде неупакованных книг, лежавших рядом, разбрасывая их и обрывая страницы. — Вот милая вещица. «Йейльский вестник». Один из тех самых малоформатных литературных журналов. Есть статьи про Трумэна Капоте, Джеймса Джонса. — Глаза его лукаво блеснули. — Очень много секса.

Аллан принялся рассматривать линялую, пропитавшуюся водой книжку в дешевом переплете — разбухшее месиво из грязных страниц:

ДЖЕК ВУДСБИ

НЕУТОМИМАЯ ДЕВСТВЕННИЦА

Аллан раскрыл ее наугад и наткнулся на захватывающий отрывок.

«...Ее груди походили на два беломраморных конуса, обтянутых тонкой оболочкой порванного шелкового платья. Он потянул ее к себе и почувствовал, как жарко пышет в вожделении ее прекрасное тело. Тихо постанывая, она прикрыла глаза. «Пожалуйста», — проговорила она, задыхаясь, и сделала слабое движение, пытаясь оттолкнуть его. Платье ее совсем распахнулось, открывая взору биение крепкой, упругой, цветущей плоти...»

— Господи помилуй, — сказал Аллан.

— Отличная книжка, — отметил Гейтс, присев на корточки рядом с ним. — Тут их еще много. Вот, — он выкопал другую и подпихнул ее Аллану, — почитай.

Я, УБИЙЦА

Время и сырость стерли имя автора. Аллан открыл потрепанную книжку в мягком переплете и принялся читать.

«...Я снова выстрелил ей в пах. Кишки с кровью вывалились наружу и насквозь промочили разорванную юбку. Мои ботинки скользили по полу, залитому кровью. Искромсанная грудь попалась мне под ноги, и я нечаянно наступил на нее каблуком, но какая, к черту, разница, она все равно мертва...»

Аллан нагнулся, вытащил толстую, покрытую плесенью книгу в сером переплете и раскрыл ее.

«...Сквозь заплетенное паутиной окно Стивен Дедалус следил за пальцами гранильщика драгоценных камней; тот ощупывал потускневшую от времени цепочку, испытывая ее. Пыль легла паутиной на окно и на подносы с образцами. От пыли потемнели привычные к труду пальцы и схожие с когтями стервятника ногти...»

— Крутая книжка, — сказал Гейтс, заглядывая Аллану через плечо. — Особенно в конце. Полистай ее.

— Почему она здесь? — спросил Аллан.

Гейтс всплеснул руками.

— Приятель, это же *та самая*. Забористей всего, что тут есть. Знаешь; сколько я выручаю за один экземпляр? Десять тысяч долларов! — Он попытался забрать книгу, но Аллан вцепился в нее.

«...Пыль спала на тусклых завитках бронзы и серебра, на залитых киноварью ромбах, на темных, как вино, рубинах, прокаженных каменьях...»

Аллан положил книгу.

— Совсем неплохо. — У него возникло какое-то странное ощущение, и он еще раз внимательно прочел отрывок.

Ступеньки лестницы заскрипели, и в комнату вошел Шугерман.

— Что, недурно? — Увидев книгу, он кивнул. — Джеймс Джойс. Отличный писатель. «Улисс» нынче приносит нам немало денег. Гораздо больше, чем Джойс получил за всю жизнь. — Он опустил свою поклажу на пол. — Там, наверху, остались вещи, которые я выгрузил с корабля. Напомни, чтобы я не забыл. Мы можем перенести их вниз попозже. — И этот крупный человек с круглым лицом, заросшим синеватой щетиной, принялся стаскивать с себя шерстяное пальто.

Разглядывая «Улисса», Аллан спросил:

— Почему эта книга оказалась вместе с прочими? Она совсем другая.

— Слова в ней такие же, — сказал Шугерман. Он вставил сигарету в мундштук, искусно вырезанный из слоновой кости, и закурил. — Как идут дела, мистер Перселл? Как агентство?

— Прекрасно, — сказал он. Книга все не шла у него из головы. — Но ведь...

— Тем не менее книга порнографическая, — сказал Шугерман. — Джойс, Хемингуэй. Дегенеративный хлам. Первый Комитет по книгам, учрежденный майором, занес «Улисса» в черный список еще в 1988 году. Вот. — Он подобрал пачку книг и стал бросать их Аллану на колени — одну, вторую. — Таких еще много. Романы двадцатого века. Теперь они все исчезли. Их запретили. Сожгли. Уничтожили.

— А для чего написаны эти книги? Почему их смешали с мусором? Раньше ведь так не делали, верно?

Последнее замечание позабавило Шугермана, а Гейтс загоготал и шлепнул себя рукой по колену.

— Какому МОРСу они учат? — спросил Аллан.

— Никакому, — сказал Шугерман. — Эти романы учат как раз анти-МОРСу.

— Вы их читали? — Аллан полистал «Улисса» и еще сильней изумился и заинтересовался. — Почему? Что вы в них нашли?

Шугерман задумался.

— В отличие от всего остального, это — настоящие книги.

— Что это значит?

— Трудно сказать. Они кое о чем говорят. — Лицо Шугермана расплылось в улыбке. — Перселл, я же яйцеголовый. Я назвал бы эти книги «литературой». Так что меня лучше не спрашивать.

— Эти ребята, — объяснил Гейтс, дыша в лицо Аллану, — написали про то, как все было в эпоху Расточительства. — Он стукнул кулаком по книге. — В ней рассказано об этом. В ней есть все.

— Их следует хранить, — сказал Аллан. — А не выбрасывать вместе с хламом. Они необходимы как летопись истории.

— Конечно, — сказал Шугерман, — чтобы мы смогли представить себе, как люди жили в те времена.

— Это ценные книги.

— Очень ценные.

Аллан сердито воскликнул:

— В них правда!

Шугерман зашелся от смеха. Он вынул из кармана платок и вытер глаза.

— Все верно, Перселл. В них правда, единственная и неповторимая чистейшая правда. — Он вдруг перестал смеяться. — Том, дай ему книгу Джойса. В подарок от нас с тобой.

— Но ведь «Улисс» стоит десять штук! — изумился Гейтс

— Отдай ему книгу. — Шугерман уперся, в голосе его послышались раздраженные, ворчливые нотки. — Пусть она будет у него.

— Я не могу ее взять, — сказал Аллан, — она слишком дорогая.

Он понял, что не в состоянии заплатить за книгу. У него нет десяти тысяч долларов. А еще он понял, что хотел бы ее иметь.

Шугерман долго и сердито смотрел на Аллана, чем привел его в смущение.

— МОРС, — пробормотал он наконец. — Никаких подарков. Ладно, Аллан, извини.

Он поднялся на ноги и прошел в соседнюю комнату.

— Не выпьешь ли стаканчик хереса?

— Хорошее вино, — сказал Гейтс. — Из Испании. Настоящий херес.

Шугерман вернулся с полупустой бутылкой, отыскал три стакана и разлил в них вино.

— Выпьем, Перселл. За доброту, правду и... — Он подумал. — За нравственность.

Они выпили.

Сделав последнюю пометку, Мальпарто дал знак техникам. Решетку откатили в сторону, и в кабинете зажегся свет.

Лежавший на столе пациент заморгал и слабо пошевелился.

— А потом вы вернулись? — спросил Мальпарто.

— Да, — сказал мистер Коутс. — Я выпил три стакана хереса, а затем полетел обратно в Новейший Йорк.

— И больше ничего не произошло?

Мистер Коутс с трудом приподнялся и сел.

— Я вернулся, поставил на место скиб, взял инструменты и банку красной краски и сделал из статуи посмешище. Оставил на скамейке пустую банку и отправился домой.

Первый сеанс закончился, а Мальпарто абсолютно ничего не выяснил. С пациентом ничего не случилось ни на Хоккайдо, ни до того; он повстречал каких-то мальчишек, попытался купить бутылку шотландского виски, увидел книгу, — вот и все. Никакого смысла.

— Вы когда-нибудь проходили экстрасенс-тесты? — спросил Мальпарто.

— Нет. — Пациент поморщился от боли. — У меня разболелась голова от ваших медикаментов.

— У меня есть несколько дежурных тестов, я хотел бы проверить вас по ним. Сегодня уже поздновато; может, в следующий раз. — Он решил, что в ходе терапии больше не стоит обращаться к воспоминаниям пациента. Незачем вытаскивать на поверхность позабытые переживания и события прошлого. Теперь он станет работать, обращаясь к уму мистера Коутса, а не к потаенному содержимому его сознания.

— Удалось что-нибудь узнать? — спросил мистер Коутс, вставая; ноги у него не гнулись.

— Кое-что. Один вопрос. Меня интересует, к чему приведет ваша шутка. Как вы считаете...

— У меня из-за нее будут неприятности.

— Я не вас имел в виду. А общество МОРСа.

Мистер Коутс подумал.

— Ни к чему. Разве что полиция теперь найдет, чем заняться. А у газет появится материал для печати.

— А для людей, которые увидят карикатуру на статую?

— Никто ничего не увидит, статую обшили досками. — Мистер Коутс потер подбородок. — Ее видела ваша сестра. И кое-кто из бойцов Когорты, их выставили вокруг статуи для охраны.

Мальпарто пометил это у себя.

— Гретхен сказала, что некоторые из бойцов Когорты смеялись. Статуя приобрела своеобразный вид, вы, наверное, слышали об этом.

— Слышал, — сказал Мальпарто. Потом он справится на этот счет у сестры. — Значит, они смеялись. Интересно.

— Почему?

— Да ведь бойцы Когорты — штурмовики общества МОРСа. Их бросают на самую грязную работу. Когорта — оплот бдительности. И они, как правило, не смеются.

Мистер Коутс задержался у дверей кабинета.

— Мне непонятно, что это значит.

Доктор Мальпарто подумал: *ясновидение.* Способность предугадывать будущее.

— Встретимся в понедельник, — сказал он и взял журнал приема. — В девять. Вас устроит?

Мистер Коутс подтвердил, что его это устроит, а затем в мрачном настроении отправился на работу.

Глава 10

Стоило ему войти в кабинет, как появилась Дорис:

— Мистер Перселл, что-то случилось. Гарри Прайар хотел бы поговорить с вами.

Прайар, возглавлявший художественный отдел, занял место Фреда Ладди и временно выполнял обязанности ассистента Аллана.

Вошел Прайар, вид у него был угрюмый.

— Речь пойдет о Ладди.

— Он разве не ушел? — спросил Аллан, снимая пальто. Он все еще пребывал под воздействием медикаментов Мальпарто, болела голова, и он плохо соображал.

— Он ушел, — сказал Прайар. — В «Блейк-Моффет». Как нам сообщили из ТИ сегодня утром, до вашего прихода.

Аллан застонал.

— Он в курсе всего, что у нас подготовлено, — продолжал Прайар. — Новые пакеты. Рабочие идеи. А значит, «Блейк-Моффет» тоже в курсе.

— Сделайте переучет, — сказал Аллан. — Посмотрите, что он взял. — Окончательно впав в уныние, он уселся за стол. — Сразу, как закончите, сообщите мне.

На переучет ушел весь день. В пять часов ему доложили о результатах.

— Обобрал нас вчистую, — сказал Прайар. И затряс головой от восхищения. — Наверное, не один час трудился. Мы, конечно, можем наложить на материалы арест и попытаться востребовать их через суд.

— «Блейк-Моффет» способен вести тяжбу годами, — сказал Аллан, вертя в руках желтый блокнот с длинными листками. — Когда мы получим пакеты обратно, они уже устареют. Придется нам сочинять новые. Лучше прежних.

— Это круто, — сказал Прайар. — Ничего подобного раньше не случалось. Мы видали, как пиратствует «Блейк-Моффет», мы теряли материалы, у нас перехватывали идеи. Но чтобы кто-то из высшего эшелона обобрал нас до нитки — такого с нами еще не бывало.

— Мы еще никогда никого не увольняли, — напомнил ему Аллан. И подумал о том, какую обиду он нанес Ладди этим увольнением. — Они могут здорово нам навредить. И, вероятно, так и сделают, заполучив Ладди. У него на нас зуб. Раньше мы с этим не сталкивались. Личные чувства. Злоба, грызня не на жизнь, а на смерть.

Когда Прайар ушел. Аллан встал и заходил по кабинету. Завтра пятница, последний день, в течение которого можно раздумывать насчет должности директора ТИ. Проблема, связанная со статуей, до конца недели не разрешится, ведь Мальпарто сказал, что лечение растянется на неопределенный срок.

Либо он уйдет в ТИ в нынешнем своем состоянии, либо откажется от должности. В субботу он все еще будет оставаться непредсказуемой личностью, и когда-нибудь в глубине сознания может соскочить тот же рычажок.

Он с грустью подумал: сколь ничтожной оказалась на практике помощь Санатория. Доктор Мальпарто витает в облаках, он намерен проводить тесты и проверять реакцию пациента на протяжении всей его жизни. А в это время реально существующая ситуация осложняется. Ему придется принять решение без помощи Мальпарто. И вообще без чьей-либо помощи. Он вернулся в исходную позицию, которую занимал до того, как Гретхен сунула ему клочок бумаги.

Он снял трубку и набрал номер своей квартиры.

— Алло, — донесся до него испуганный голос Дженет.

— С вами говорят из Объединения погребальных услуг, — сказал Аллан. — На меня возложена обязанность сообщить вам, что вашего супруга засосало в коллектор корабля автофакта и больше никаких известий от него не поступало. — Он взглянул на часы. — Это произошло ровно в пять пятнадцать.

Дженет в ужасе притихла, но после паузы сказала:

— Так ведь сейчас пять пятнадцать.

— Прислушайтесь, — сказал Аллан, — вам еще удастся уловить шум его дыхания. Он пока что не совсем пропал, но увяз уже основательно.

— Ты — бессердечное чудовище.

— Собственно говоря, я хотел узнать, — сказал Аллан, — что мы делаем сегодня вечером?

— Я веду Лининых детей в исторический музей. — (Лина — замужняя сестра Дженет.) — А ты не делаешь ничего.

— Я составлю вам компанию, — решил он. — Хочу кое-что обсудить с тобой.

— Что именно? — тут же спросила она.

— Да все то же самое. — Исторический музей ничуть не хуже любого другого места, через него проходит столько людей, что никакой недомерок не выделит их из общей массы. — Вернусь домой около шести. Что на обед?

— Как ты относишься к бифштексу?

— Прекрасно, — хмыкнул Аллан и повесил трубку.

После обеда они зашли к Лине и забрали детей. Восьмилетний Нед и семилетняя Пэт радостно помчались по дорожке сквозь сумерки и поднялись по лестнице в музей. Аллан с женой шли не торопясь, рука об руку и почти не разговаривая. Наконец-то выдался славный вечер. Тихо, хоть по небу и разбросаны облачка. На улице много людей, которые вышли поразвлечься одним из немногих доступных им способов.

— Музеи, — сказал Аллан. — Выставки произведений искусства. Концерты. Лекции. И обсуждение общественных дел. — Ему вспомнился проигрыватель Гейтса, исполнявший «Не могу раскачаться», вкус хереса и, прежде всего, сор двадцатого столетия, собранный воедино в разбухшей от воды книге, в «Улиссе». — И всегда можно сыграть в «фокусника».

Дженет прижалась к нему и задумчиво проговорила:

— Иногда мне хочется снова стать маленькой. Смотри, как они побежали.

Дети уже скрылись в помещении музея. Экспонаты еще вызывают у них интерес, затейливые картины не успели им наскучить.

— Мне хотелось бы, — сказал Аллан, — отвезти тебя куда-нибудь, где ты сможешь сбросить напряжение. — Он стал думать, где бы найти такое место. Может, на далекой планете-колонии, когда они состарятся и выйдут на пенсию. — Чтобы вернулись дни твоего детства. Чтобы ты смогла скинуть туфли и пошевелить пальцами.

Такой он увидел ее впервые: скромная, худенькая и очень хорошенькая девушка, жившая на буколической Бетельгейзе-4 со своими родственниками, которые не имели права аренды.

— А не могли бы мы отправиться в путешествие? — спросила Дженет. — Куда угодно... может, в такое место, где есть широкие поля, и реки, и... — Она запнулась. — И трава.

Всеобщее внимание в музее привлекал экспонат двадцатого века. Полностью реконструированный белый оштукатуренный дом с газоном и дорожкой, с гаражом и «фордом» на стоянке. В доме было все: мебель, горячая еда на столе, душистая вода в отделанной кафелем ванной. Все двигалось, говорило, пело и светилось. Экспонат вращался, открывая взгляду все до единой детали интерьера. Около загород-

ки вокруг него стояли посетители, следившие за тем, как у них на глазах вращается жизнь эпохи Расточительства.

Над домиком горела надпись:

ТАК ОНИ ЖИЛИ

— Можно я нажму на кнопку? — закричал Нед, подбегая к Аллану. — Ну можно? Еще ведь никто не нажал. Пора нажимать.

— Конечно, — сказал Аллан. — Давай. Пока тебя не опередили.

Нед понесся обратно, протиснулся к загородке, где его ждала Пэт, и ткнул пальцем в кнопку. Посетители благодушно взирали на домик с богатой обстановкой, они знали, что сейчас произойдет. Но пока еще немного можно полюбоваться последними минутами существования дома. Они упивались изобилием: запасы консервов, большая морозилка, плита, раковина, стиральная машина, сушилка и автомобиль, сделанный, казалось, из алмазов и изумрудов.

Надпись над экспонатом погасла. Всклубилось, заволакивая дом, уродливое облако дыма. Лампочки горели уже не так ярко, свет стал тускло-красным, затем погас. Экспонат затрясся, и до зрителей донесся глухой грохот, ленивая дрожь подземного вихря.

Когда дым развеялся, дом исчез. От экспоната осталась лишь большая груда обломков. Кое-где торчали стальные опоры, повсюду валялись кирпичи и куски штукатурки.

Уцелевшие после катастрофы обитатели дома сидели в подвале среди развалин и тряслись над жалкими своими пожитками: приемником, лекарствами, канистрой с дезактивированной водой и собакой, из которой они потом варили тушенку. Их осталось лишь трое, вид у них был больной и измученный. Вместо одежды — лохмотья, а на коже — следы лучевых ожогов.

Над обращенной к зрителям частью экспоната сферической формы возникла заключительная надпись:

И УМЕРЛИ

— Ух ты, — сказал прибежавший обратно Нед. — Как это у них получается?

— Очень просто, — ответил Аллан. — На самом деле на площадке нет никакого дома. Только проецируемое сверху изображение. Одна картинка просто меняется на другую. Когда ты нажимаешь на кнопку, начинается процесс замены.

— Можно я еще раз нажму? — попросил Нед. — Пожалуйста, я хочу нажать еще раз, мне хочется снова взорвать дом.

Аллан с женой пошли дальше, он сказал:

— Мне хотелось, чтобы ты спокойно пообедала. Тебе это удалось?

Она стиснула ему руку.

— Рассказывай.

— Буря возвращается, и мы, увы, еще пожнем ее. Сердитая буря. Ладди ушел прямиком к «Блейк-Моффету» и прихватил с собой все, что ему удалось заграбастать. Имея на руках такой улов, он, пожалуй, станет вице-президентом.

Она сокрушенно кивнула.

— Ого.

— Мы в некотором роде разорены. У нас нет резервов; несколько интересных идей — вот все, чем мы располагали. А Ладди забрал их... и оставил нас ни с чем примерно на год. Приблизительно такое время мы проработали бы с ними. Но основная проблема не в этом. Получив место у «Блейк-Моффета», он сможет отомстить мне. И сделает это. Скажем прямо: я публично уличил Ладди в подхалимстве. А это неприятно.

— Что ты намерен предпринять?

— Разумеется, стану защищаться. Ладди трудолюбив, компетентен, предприимчив по части организации. Но он не оригинален. Он мог взять чью-нибудь идею — мою, например, — и выдоить из нее довольно многое. Ему случалось выращивать по целому пакету из малюсенького зернышка. Но в творческих способностях он нам уступает. Так что, может, мы и обскачем «Блейк-Моффета», если через год я еще не сойду с этой сцены.

— Ты, похоже, бодро настроен.

— А почему бы и нет? — Аллан пожал плечами. — Ладди лишь усугубил ситуацию, которая и так нелегка. «Блейк-Моффет» всегда тянул нас на дно, словно тяжелый камень. Всякий раз, как у них выходит пакет на тему «мальчику-достается-хорошая-девочка», мы ощущаем на себе дыхание старости. Нам необходимо разгрести пыль и выбраться наружу, тогда мы сможем двигаться. — Он взмахнул рукой. — Как жители этого дома.

Богатый дом двадцатого века с «фордом» и стиральной машиной фирмы «Бендикс» вновь возник на прежнем месте. Процесс вернулся к собственному началу.

— Так они жили, — процитировал Аллан. — И умерли. Мы могли оказаться на их месте. Мы живы, но это ничего не значит.

— Что произошло в Санатории?

— Ничего. Я побывал у психоаналитика, погрузился в воспоминания, потом встал и ушел. В понедельник пойду снова.

— Они смогут помочь тебе?

— Со временем, конечно.

Дженет спросила:

— Как ты поступишь?

— Соглашусь. Стану работать директором Телеинформациона.

— Понятно. — Затем вновь спросила: — Почему?

— По ряду причин. Во-первых, потому, что из меня выйдет хороший директор.

— А как же статуя?

— Статуя никуда не денется. Когда-нибудь я узнаю, почему мне захотелось поднять ее на смех, но до субботы мне не успеть. А пока что надо жить. И принимать решения. Кстати говоря... зарплата примерно такая же, как у меня сейчас.

— Если ты уйдешь в ТИ, Ладди будет легче навредить тебе?

— Ему будет легче навредить агентству, потому что я уйду оттуда. — Он задумался. — Может, я его расформирую. Поживем — увидим; все зависит от того, как пойдут у меня дела в ТИ. Возможно, через полгода я захочу вернуться.

— А тебе самому он все-таки может навредить?

Он честно признался:

— Ладди сможет причинить немало неприятностей и мне тоже. Я стану дичью, на которую дозволено охотиться всем и каждому. Посмотри на Мэвиса. В этой области есть четыре гиганта, и все они пытаются проникнуть в ТИ. А на меня навалится гигант, которого к тому же подзуживает комар.

— По-видимому, — сказала Дженет, — это еще одна из причин. Ты хочешь быть во всеоружии при стычке с Ладди.

— Я не против поединка с ним, верно. К тому же не мешало бы нанести удар и по «Блейк-Моффету». От них веет смертью, они окостенели. Как только стану директором Телеинформациона, постараюсь, чтобы они оказались не у дел.

— Вероятно, они это предчувствуют.

— Конечно. Лучше не брать у них больше одного пакета в год, я говорил об этом миссис Фрост. Оставаясь просто конкурентом «Блейк-Моффета», я так и буду годами бегать с ними наперегонки, иногда мне удастся их задеть, иногда им меня. Но если я стану директором ТИ, состоится разговор начистоту. Как только я займу должность, иного пути не останется.

Дженет рассматривала экспонат: исчезнувшие цветы — маки, лилии, гладиолусы и розы.

— Когда ты скажешь миссис Фрост?

— Я зайду к ней завтра. Вероятно, она на это рассчитывает... последний рабочий день. Очевидно, она согласится с моим мнением относительно «Блейк-Моффета», ей такое понравится. Впрочем, и этот вопрос прояснится только со временем.

На следующее утро он взял напрокат маленький бронеход, на котором и добрался от своей жилищной секции до здания Комитета.

Он подумал, что Майрон Мэвис вскоре освободит квартиру, от которой можно пешком дойти до ТИ. Существующие правила предписывали всем арендовать жилье поблизости от места работы, и в течение следующей недели ему придется подать заявку на квартиру

Мэвиса. Когда он займет пост директора ТИ, перед ним встанет необходимость вжиться в эту роль. Свобода крайне невелика, но он уже свыкся с ограничениями. Такова цена служения обществу на более высоком уровне.

Не успел он ступить на порог здания Комитета, как секретарша тут же пропустила его. Ему не пришлось ждать: через пять минут перед ним распахнулись двери личного кабинета миссис Фрост.

Она любезно привстала с места.

— Мистер Перселл, как славно.

— Вы прекрасно выглядите. — Они пожали друг другу руку. — Могу ли я поговорить с вами сейчас?

— Разумеется, — сказала миссис Фрост и улыбнулась. Сегодня она надела элегантный коричневый костюм из какой-то хрусткой, неизвестной ему ткани. — Садитесь.

— Благодарю вас. — Он сел, развернувшись лицом к ней. — Мне показалось, что тянуть до последнего момента бессмысленно.

— Вы пришли к решению?

— Я согласен занять эту должность. А также прошу прощения за проволочку.

Миссис Фрост отмела извинения мановением руки.

— Вам нужно было время. — Лицо ее просияло, источая тепло и восторг. — Я так рада.

Ее слова растрогали Аллана, и он, не кривя душой, сказал:

— Я тоже.

— Когда вы сможете приступить к работе? — Она рассмеялась и всплеснула руками. — Посмотрите, я волнуюсь не меньше вас.

— Хотелось бы начать как можно скорее. — Немного подумав, он решил, что ему удастся разобраться с делами в агентстве от силы через неделю. — Может, со следующего понедельника.

Ответ разочаровал ее, но она постаралась не подать виду.

— Да, примерно столько времени вам и понадобится для перехода с одной работы на другую. И, может быть, мы могли бы встретиться на досуге. Пообедаем как-нибудь вечерком. Сыграем в «фокусника». Я заядлый игрок, стараюсь не упустить случая. И мне бы очень хотелось познакомиться с вашей женой.

— Прекрасно, — ответил Аллан, вполне разделяя ее энтузиазм. — Договоримся на этот счет.

Глава 11

Большой серый сон, свисающий словно клочья паутины, облепил его, жадно притянув к себе. Он закричал, испуская не звуки, а звезды. Они поплыли вверх к паутинообразной кольчуге, зацепились за нее и угасли.

Он снова закричал, и на этот раз волна собственного голоса покатила его вверх по склону. Продравшись с треском сквозь вьющиеся растения, с которых капала влага, он остановился, угодив в глинистую канаву, наполовину залитую водой. Эта противная вода жалила его в ноздри, он чуть не захлебнулся и, тяжело дыша, забарахтался и пополз, цепляясь за корни.

Он лежал в мокрой чаще среди быстро растущих существ. От мощных растений валил пар; толкаясь и отпихивая друг друга, они тянулись к воде. Они шумно пили, росли, увеличиваясь в объеме, и взрывались, осыпаясь дождем. Заросли вокруг него изменялись, проживая столетия. Лунный свет с трудом проникал через набухшую листву и ложился вокруг клейкой желтой изморосью, густой, как сироп.

А посреди этого копошащегося растительного месива высилось искусственное сооружение.

Он напряг все силы и устремился к нему. К плоскому вертикальному строению, твердому и хрупкому. Оно не пропускало света. Оно было сделано из досок.

Он прикоснулся к стене, и его захлестнула радость. Он закричал, и на этот раз звук понес его тело вверх. Он парил, медленно плавая в воздухе, цепляясь за деревянную поверхность, царапая по ней ногтями. Занозы впивались в тело. Он распиливал дерево металлическим колесом, снимал его, словно шелуху, сбрасывая на землю и топча ногами. Доски с шумом ломались, в тишине сновидения носилось эхо.

Под деревом оказался камень.

Испытывая благоговение, он воззрился на него. Камень выстоял, он не разрушен, не унесен прочь. Он высится по-прежнему, как и в его памяти. Изменений не произошло, и это очень хорошо. Его охватило чувство восторга.

Он подался вперед, сделал усилие и оторвал от камня круглую его часть. Тяжесть придавила его, он отшатнулся в сторону и с головой нырнул в сочащееся влагой, теплое растительное месиво.

Некоторое время он лежал, уткнувшись лицом в слизь и тяжело дыша. По щеке проползло насекомое. Вдали послышался жалобный звук, что-то задвигалось. Наконец, собравшись с силами, он поднялся и стал искать. Круглый камень лежал у самой воды, наполовину затянутый илом. Он нашел металлическое колесо и отпилил вцепившиеся в него корни. А потом, расхрабрившись, поднял камень и потащил его прочь по заросшему травой, бескрайнему, уходящему в бесконечность холму.

Он одолел холм и с грохотом забросил камень в маленький бронеход, стоявший там. Никто не заметил его. Рассвет уже почти наступил. Расчерченное желтыми полосами небо скоро отфильтруется и превратится в серую дымку, сквозь которую сможет пробиться солнце.

Он забрался на переднее сиденье, завел паровой двигатель и осторожно повел машину по чуть влажной и слегка светящейся дорожке,

простиравшейся вдаль. По обе стороны от него возвышались жилищные секции, похожие на глыбы угля, на причудливо затвердевшее органическое вещество. Внутри ни света, ни движения.

Добравшись до своей секции, он бесшумно поставил машину на стоянку и потащил камень вверх по пандусу к черному ходу. Прошло немало времени, прежде чем он, дрожа и обливаясь потом, забрался на свой этаж. Он открыл дверь и затащил камень в квартиру.

Совершенно выбившись из сил он с облегчением опустился на краешек кровати. Все позади, он сделал это. Жена беспокойно заворочалась в постели, вздохнула и уткнулась лицом в подушку. Дженет не проснулась, и никто не проснулся. Город и общество объяты сном.

Спустя какое-то время он разделся и лег в постель. И почти сразу же уснул; ни мозг, ни тело больше не испытывали ни тревоги, ни напряжения.

Теперь он тоже спал, как амеба.

Глава 12

Спальню залил теплый приятный солнечный свет. В постели рядом с Алланом лежала его жена, такая же теплая и приятная. Волосы Дженет упали ему на лицо; он повернулся, чтобы поцеловать ее.

— М-м, — промычала Дженет и заморгала.

— Утро. Пора вставать.

Но сам он лежал, не двигаясь. На него напала лень. Всем существом ощущая блаженное удовлетворение, он не стал подниматься, а обнял Дженет за плечи и притянул ее к себе.

— Пленка... уже включилась? — спросонья спросила она.

— Сегодня суббота. Всем распоряжаемся мы сами. — Поглаживая плечо Дженет, он проговорил: — «Биение цветущей упругой плоти...»

— Спасибо, — пробормотала жена, зевнула и потянулась. И тут же посерьезнела. — Аллан, тебе ночью было плохо? — Дженет стремительно приподнялась и села. — Часа в три ты встал с постели, вышел в ванную. И довольно долго не возвращался.

— Как долго? — Он ничего не помнил.

— Не возьмусь сказать. Я заснула. Но все равно долго.

Как бы там ни было, сейчас он себя чувствует хорошо.

— Ты подумала про тот случай в воскресенье. У тебя в голове все перепуталось.

— Нет, это произошло сегодня ночью. Вернее, рано утром. — Она совсем проснулась, выскользнула из постели и встала. — Ты ведь не выходил на улицу, правда?

Он призадумался. В памяти осталась неясная фантасмагория, сплетение происшествий, какие случаются во сне. Противный привкус воды, ощущение близости влажных растений. «Я побывал на далекой планете,

сплошь покрытой зарослями, — решил он. — Там среди джунглей живут знойные жрицы, а груди у них точно беломраморные конусы. — Он попытался вспомнить текст отрывка. — Обтянутые тонкой оболочкой платья. Выглядывающие наружу. Вздымающиеся от жаркого вожделения».

Потеряв терпение, Дженет схватила его за руку и потянула.

— Вставай. Мне стыдно за тебя. Ты... как мальчишка.

Аллан встал и принялся искать полотенце. Он обнаружил, что руки у него одеревенели. Он согнул их, разогнул, потер запястья, стал осматривать царапину.

— Ты поранился? — в тревоге спросила Дженет.

Поранился. А еще он заметил, что костюм, который он прошлым вечером повесил на плечики, валяется беспорядочной кучей на полу. Аллан поднял его, разложил на кровати и расправил. Костюм испачкан, одна штанина порвана.

В холле захлопали двери, жильцы выходили из квартир, выстраивались в очередь около ванной. Сонное бормотание.

— Мне идти первой? — спросила Дженет.

Он кивнул, продолжая разглядывать костюм:

— Давай.

— Спасибо. — Она открыла шкаф и потянулась, чтобы достать комбинацию и платье. — Как мило, что ты всегда пропускаешь меня... — Голос ее постепенно затих. — Аллан!

— Что такое?

Он метнулся к шкафу, приподнял Дженет и отставил ее в сторону.

На днище шкафа лежала голова из бронзированного термопласта. Ее благородные глаза смотрели мимо Аллана, уставясь на что-то в отдалении. Она оказалась крупной, больше натуральной величины. Между туфлями и узлом с грязным бельем покоилась голова огромной голландской химеры. Голова майора Стрейтера.

— О Боже, — прошептала Дженет, прижав руки к лицу.

— Спокойно. — Он ни разу не слышал, чтобы она поминала имя Господне всуе, это показатель полного краха и надвигающейся беды. — Пойди проверь, заперта ли дверь.

— Заперта. — Дженет снова подошла к нему. — Она ведь от статуи, так? — Голос ее звучал визгливо. — Сегодня ночью ты пошел и принес ее. Вот куда ты ходил.

Значит, заросли не приснились Аллану. Он пробирался по темному безлюдному Парку, падая среди цветов и трав. А потом поднимался и шел дальше, пока не оказался возле общитой досками статуи.

— Каким образом... тебе удалось добраться с ней до дома? — спросила Дженет.

— На бронеходе. — По иронии случая на том самом, который Аллан взял напрокат, чтобы посетить Сью Фрост.

— Аллан, что теперь будет? — уныло проговорила Дженет, на лице ее застыла маска отчаяния. — Что же нам делать?

— Оденься и иди мыться. — Он стал снимать с себя пижаму. — И ни с кем не разговаривай. Никому ни словечка, будь оно все трижды проклято...

Она приглушенно пискнула, повернулась, схватила халат и полотенце и выскочила за дверь. Оставшись один, Аллан достал чистый костюм и оделся. К тому времени, когда он приступил к завязыванию галстука, ему удалось практически полностью вспомнить все, что произошло ночью.

— Значит, это не прекратилось, — вернувшись, сказала Дженет.

— Запри дверь.

— Ты так и не оставил своих занятий. — Голос ее звучал хрипловато и подавленно. В ванной она проглотила пригоршню седатиков и пилюль, снимающих чувство тревоги. — У тебя это не прошло.

— Нет, — признал он, — не прошло.

— Ну и что дальше?

— Не спрашивай. Я в таком же недоумении, как и ты.

— Тебе придется как-то от нее отделаться. — Укоряюще глядя, Дженет пошла прямо на него. — Нельзя же допустить, чтобы она тут валялась... будто часть трупа.

— Здесь вполне безопасно.

Вероятно, никто его не видел. Как и в прошлый раз. Иначе его давно бы уже арестовали.

— И ты согласился стать директором. Ты совершаешь безумные поступки, пребываешь в подобном состоянии и все же соглашаешься на эту должность. Ты ведь не пил вчера вечером?

— Нет.

— Значит, дело не в этом. Так в чем же?

— Спроси доктора Мальпарто. — Он подошел к телефону и поднял трубку. — Или я спрошу его сам. Если он на месте. — Аллан набрал номер.

— Психиатрический санаторий, — ответил дружелюбный казенный голос.

— Доктор Мальпарто принимает сегодня? Говорит его пациент.

— Доктор Мальпарто придет в восемь часов. Попросить его позвонить вам? Назовитесь, пожалуйста, кто говорит?

— Говорит мистер... Коутс, — сказал Аллан. — Передайте доктору Мальпарто: я хотел бы срочно с ним повидаться. Скажите, что я приду к восьми. Я буду ждать, пока он меня не примет.

Сидевший в кабинете Психиатрического санатория доктор Мальпарто взволнованно проговорил:

— Как по-твоему, что случилось?

— Впусти пациента и спроси у него. — Гретхен стояла возле окна и пила кофе. — Не держи ты его за дверью, он там мечется, будто зверь. Вы оба такие...

— У меня не вся аппаратура на месте. Я дал кое-что напрокат сотрудникам Хили.

— Может, он поджег здание Комитета.

— Оставь шутки.

— Он вполне мог. Спроси у него, мне любопытно.

— В тот вечер, когда ты наткнулась на него около статуи. — Он бросил на сестру враждебный взгляд. — Ты не знала, что это он ее разукрасил?

— Я знала, что кто-то это сделал. Нет, я не знала, что... как вы его тут зовете... — Она схватила медицинскую карту и перелистала страницы. — Мне не было известно, что мистер Коутс — тот самый шутник. Я пошла туда, потому что мне стало интересно. Раньше ничего подобного не происходило.

— В скучном мире мы живем, не так ли? — Мальпарто вышел в коридор и отворил дверь в приемную. — Мистер Коутс, пройдите, пожалуйста, в кабинет.

Мистер Коуст быстрыми шагами пошел за ним. Застывшее напряженное лицо, устремленный вперед взгляд.

— Я рад, что вы согласились меня принять.

— Вы же сказали девушке из регистратуры, что это срочно. — Мальпарто препроводил его в кабинет. — Моя сестра Гретхен. Вы ведь уже знакомы.

— Привет, — улыбнулась Гретхен, попивая кофе. — Что вы на этот раз натворили?

Мальпарто заметил, как вздрогнул пациент.

— Садитесь, — пригласил он, указывая на стул.

Мистер Коутс послушно опустился на сиденье, а Мальпарто сел лицом к нему. Гретхен по-прежнему стояла у окна, держа в руках чашку. И явно не собиралась уходить.

— Кофе? — предложила она к неудовольствию Мальпарто. — Черный и горячий. И настоящий к тому же. Из вакуумных упаковок, со старых складов армии США. Вот. — Она налила чашку, протянула ее мистеру Котсу, и тот взял ее. — Совсем немного осталось.

— Очень вкусно, — пробормотал мистер Коутс.

— Видите ли, — сказал Мальпарто, — как правило, я не провожу сеансы в такое раннее время. Но ввиду крайней...

— Я украл голову статуи, — перебил его мистер Коутс. — Сегодня ночью, около трех часов.

«Потрясающе», — подумал Мальпарто.

— Я принес ее домой и спрятал в шкафу. Дженет нашла ее утром. И я позвонил вам.

— А вы... — Мальпарто запнулся, — собирались с ней что-нибудь сделать?

— Ничего, насколько мне известно.

Гретхен поинтересовалась:

— Кстати, какова будет ее рыночная стоимость?

— Чтобы оказать вам помощь, — сказал Мальпарто, бросив на сестру раздраженный взгляд, — мне необходимо сначала собрать данные о вашем мозге. Я должен изучить его потенциальные возможности. Поэтому я попрошу вас пройти серию тестов, предназначенных для выявления различных экстрасенсорных способностей.

Пациент явно засомневался.

— А это необходимо?

— Возможно, причина, по которой у вас возник комплекс, скрывается за пределами обычных человеческих способностей. Лично я предполагаю, что в вашей психике имеется какой-то уникальный элемент. — Он притушил свет в кабинете. — Вам знакома колода ЭСВ, то есть экстрасенсорного восприятия?

Мистер Коутс сделал вялый жест рукой.

— Прекрасно. — Мальпарто вынул колоду карт. Сосредоточился. — К вам поступает изображение?

— Это круг, — сказал мистер Коутс.

Он ошибся, и Мальпарто достал следующую карту.

— А это что?

— Квадрат.

Тест на выявление телепатических данных ничего не показал, и Мальпарто пометил это в списке.

— Теперь, — заявил он, — перейдем к другому тесту. Вам больше не придется читать мои мысли. — Он перемешал карты и выложил их на стол рубашкой вверх. — Посмотрите на них и скажите мне, где какая.

Пациенту удалось назвать правильно одну из пяти.

— Пока что мы оставим колоду. — Мальпарто извлек стаканчик для бросания костей. — Взгляните на кости. Они выпадают, получается число, все происходит случайно. Я попрошу вас сосредоточиться, выбрав определенную цифру, семь или пять, любую из тех, что могут выпасть.

Пациент просидел пятнадцать минут, сосредоточенно думая о костях. Мальпарто сверил показания со статистической таблицей. Значительных отклонений не обнаружилось.

— Вернемся к картам, — сказал Мальпарто и снова собрал их в колоду. — Мы проведем тест на предугадывание. Я попрошу вас определить, какую карту я собираюсь вынуть. — Он положил колоду на стол и стал ждать.

— Круг, — безразличным тоном сказал мистер Коутс.

Мальпарто передал сестре лист со списком результатов, тест на выявление способностей к предугадыванию продолжался около часа.

Под конец пациент выбился из сил и помрачнел, а результаты так и остались неясны.

— Карты не лгут, — процитировала Гретхен и отдала ему листок.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что пора переходить к следующему тесту.

— Мистер Коутс, — спросил Мальпарто, — как вы считаете, вы в состоянии пройти дальнейшие тесты?

Доведенный до изнеможения пациент поднял голову:

— А они нам что-нибудь дают?

— По-моему, да. Мы выяснили, что у вас отсутствуют какие-либо обычные экстрасенсорные способности. Я подозреваю, что вы представляете собой экстра-плюс. Ваши способности относятся к числу более редких.

— ЭЭВ, — иронически пояснила Гретхен. — Экстраэкстрасенсорное восприятие.

— Первый тест этой серии, — сказал Мальпарто, не обращая внимания на сестру, — поможет проверить, воздействует ли ваша воля на другого человека. — Он разложил доску и взял кусок мела. — Я встану здесь, а вы сосредоточьтесь и попробуйте заставить меня написать определенное число. При этом ваша воля как бы накладывается на мою.

Прошло некоторое время. Наконец, чувствуя какие-то неясные сигналы чужого волеизъявления, Мальпарто написал: 3-,-9.

— Неправильно, — пробормотал мистер Коутс. — Я задумал число .,842.

— А теперь, — сказал Мальпарто, доставая серый камешек, — мне хотелось бы, чтобы вы создали дубликат предмета из неорганического вещества. Попытайтесь сотворить копию, непосредственно соприкасающуюся с оригиналом.

Этот тест тоже закончился неудачей. Разочарованный Мальпарто убрал камешек.

— Мистер Коутс, перейдем к левитации. Я попрошу вас закрыть глаза и при помощи психической энергии попробовать оторваться от пола.

Мистер Коутс попробовал, но безрезультатно.

— На этот раз, — оживленно проговорил Мальпарто, — мы попытаемся определить ваши способности к общению с более низкими формами жизни. — Он достал коробку с ящерицей. — Встаньте и наклоните голову поближе к крышке. Проверьте, не удастся ли вам настроиться на схему мышления ящерицы.

Ничего не получилось.

— Может, у ящериц нет схемы мышления? — спросил мистер Коутс.

— Чепуха. — Недовольство Мальпарто стремительно росло. Он принес миску с водой, в которой плавал волос. — Попытайтесь. Возможно, вы сумеете оживить волос. Попробуйте превратить его в червя.

Мистеру Коутсу не удалось этого сделать.

— Вы вправду пытались? — спросила Гретхен.

Мистер Коутс улыбнулся:

— Изо всех сил.

— По-моему, это не так уж трудно, — сказала она. — Разница между волосом и червем невелика. В пасмурный день...

— Теперь, — перебил ее Мальпарто, — мы проверим ваши способности к исцелению. — Он заметил царапину на запястье у Аллана. — Направьте поток психической энергии на поврежденные ткани. Постарайтесь восстановить их целостность.

Царапина осталась на месте.

— Как жаль, — посетовала Гретхен. — Это могло бы пригодиться.

В припадке отчаяния Мальпарто притащил палочку для поиска воды и велел пациенту определить, где она. Чаша с водой была тщательно спрятана, и мистер Коутс принялся, тяжело ступая, бродить по кабинету. Палочка не шелохнулась.

— Дерево никудышное, — сказала Гретхен.

Мальпарто в тоске прочел список оставшихся тестов:

Способность общаться с душами умерших.

Способность претворять свинец в золото.

Способность принимать разные обличья.

Способность вызывать дождь из насекомых-паразитов и/или нечистот.

Способность убивать или причинять вред на расстоянии.

— Мне кажется, — проговорил он наконец, — что вы устали и начали подсознательно противиться сотрудничеству. Поэтому я принял решение: перенесем остальные тесты на другой раз.

Гретхен спросила мистера Коутса:

— Вы можете сотворить огонь? Можете сразить семерых одним ударом? А может ваш папаша моего переплюнуть?

— Я могу что-нибудь украсть, — сказат пациент.

— Это не Бог весть что. А помимо того?

Он подумал.

— Боюсь, что больше мне сообщить нечего. — Он встал и сказал, обращаясь к Мальпарто: — Полагаю, назначенный на понедельник прием отменяется.

— Вы уходите?

— Знаете, — сказал он, — я не вижу смысла тут сидеть. — Он взялся за ручку двери. — Мы ничего не выяснили.

— И вы больше не вернетесь?

Он задержался в дверях.

— Вероятно, нет, — решил он. Единственное, чего ему сейчас хотелось, это пойти домой. — Я позвоню вам, если передумаю. — Он начал закрывать за собой дверь.

И тогда вокруг погасли все огни.

Глава 13

Бух, бух.

Автобус прямо с остановки взмыл в воздух и полетел над крышами. Внизу поблескивал упорядоченный рисунок домов и газонов между ними. А вот и плавательный бассейн, похожий на синий глаз. Однако Аллан заметил, что раскинувшийся под ними бассейн не совсем круглый. С одной стороны возле воды находился мощенный плиткой внутренний дворик. Он увидел столики, пляжные зонты и фигуры сидевших без дела людей.

— Четыре, — металлическим голосом сообщил автобус.

Женщина поднялась с места и подошла к задней двери. Автобус приземлился на остановке, дверь открылась, и женщина вышла.

— Будьте осторожны, — сказал автобус. — Выходите сзади. — Он снова поднялся в воздух, и опять внизу засверкали дома.

Сидевший рядом с Алланом крупный мужчина вытер пот со лба.

— Теплый денек.

— Да, — согласился Аллан. И сказал себе: «Молчи. Ничего не делай. Даже не двигайся».

— Молодой человек, вы не могли бы подержать это минутку? У меня развязался шнурок. — Мужчина передал ему охапку свертков. — Походишь по магазинам, потом тащи на себе покупки домой. Вот в чем хитрость.

— Пять, — сказал автобус. Никто не встал с места, и машина полетела дальше. Внизу показался торговый квартал: кучка ярких лавок.

— Говорят, делай покупки поблизости от дома, — снова заговорил крупный мужчина. — Но если поехать в центр, можно сэкономить. Распродажи, знаете ли. Помногу покупают. — Он вытащил из длинного бумажного пакета куртку. — Что, славная? Настоящая воловья кожа. — Он показал Аллану баночку с воском. — Надо следить, чтобы она не пересохла, не то потрескается. И от дождя портится. Тоже хитрость. Да ведь нельзя же, чтобы все сразу.

— Выходите через заднюю дверь, — сказал автобус. — Не курите. Пожалуйста, пройдите в конец салона.

Внизу проплывали дома.

— Вы нормально себя чувствуете? — спросил мужчина. — У вас такой вид, будто немного перегрелись на солнышке. В эти жаркие деньки многие выбираются позагорать. Не больно-то это разумно. — Он усмехнулся. — Знобит? Подташнивает?

— Да, — сказал Аллан.

— Наверное, все бегали, в кварту играли. Хорошо играете? — Он окинул Аллана оценивающим взглядом. — Плечи крепкие, и руки тоже. Такой молодой человек, как вы, скорей всего будет правым крайним. А?

— Нет пока, — сказал Аллан. Он выглянул в окошко, потом посмотрел на город сквозь прозрачный пол автобуса. В голову пришла мысль:

он ведь даже не знает, где выходить. Не представляет, куда он едет, и зачем, и где теперь находится.

Он не в Санатории. Это единственный факт, который имелся в его распоряжении. Аллан ухватился за него и поместил его в центре своей новой вселенной. Используя его как точку отсчета, он попытался осторожно добраться до чего-нибудь.

Это не общество МОРСа, потому что там не было плавательных бассейнов, широких газонов, домов, стоящих на расстоянии друг от друга, и автобусов со стеклянным днищем. И люди не нежились на солнышке посреди дня. Там не было игры под названием «кварта». Но это и не исторический экспонат, вроде дома двадцатого века в музее, потому что Аллан заметил дату на журнале, который читал человек, сидевший через проход от него: нынешний год и месяц.

— Не могли бы вы ответить на мой вопрос? — обратился он к крупному мужчине.

— Конечно, — просиял тот.

— Как называется этот городок?

Мужчина изменился в лице.

— Да это же Чикаго.

— Шесть, — сказал автобус. Две молодые женщины встали, и автобус пошел на посадку, чтобы выпустить их. — Выходите сзади. Не курите, пожалуйста.

Аллан поднялся с сиденья, выбрался в проход и вышел из автобуса следом за женщинами.

В воздухе, напоенном ароматом растущих поблизости деревьев, ощущалась свежесть. Аллан глубоко вдохнул, сделал несколько шагов и остановился. Выйдя из автобуса, он оказался в жилом квартале, вокруг — только дома да широкие улицы, вдоль которых были посажены деревья. Повсюду играли ребятишки, а на лужайке возле одного из домов загорала девушка. Довольно смуглое тело, упругая высокая грудь. Соски приятного бледно-розового цвета.

Увидев обнаженную молодую леди, растянувшуюся на траве, Аллан окончательно убедился, что находится за пределами общества МОРСа. Он никогда еще не сталкивался с подобным зрелищем. Сам того не желая, Аллан направился к ней.

— Что вы хотите? — спросила девушка. Она распростерлась на спине среди высокой зеленой травы, подложив руки под голову.

— Я заблудился, — сказал он первое, что пришло ему на ум.

— Это улица Холли, а та, что ее пересекает, — Глен. А куда вам надо?

— Мне надо домой, — ответил он.

— А где это?

— Не знаю.

— Посмотрите на удостоверение личности. Загляните в бумажник.

Он полез в карман пиджака, вынул бумажник и обнаружил там удостоверение, кусочек пластика с выбитыми на нем словами и цифрами: *2319, Пеппер-Лейн.*

Такой у него адрес, а над ним значится имя. Он прочел и его тоже: *Коутс, Джон Б.*

— Я перескочил, — сказал он.

— Через что? — девушка подняла голову.

Он наклонился и показал ей удостоверение личности.

— Посмотрите, тут написано «Джон Коутс». Но меня зовут Аллан Перселл, я выбрал имя Коутс наугад. — Он провел пальцем по рельефной надписи на пластике, ощупывая ее.

Девушка приподнялась и села, подобрав под себя загорелые ноги. Соски по-прежнему смотрели вверх, и упругая грудь выдавалась вперед.

— Как интересно.

— Значит, теперь я мистер Коутс.

— А что же случилось с Алланом Перселлом? — Она пригладила волосы, откинула их назад и улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

— Наверное, он остался там... — предположил мистер Коутс. — Только ведь Аллан Перселл — это я, — сказал Аллан. — Бессмыслица какая-то.

Девушка грациозно поднялась на ноги, положила руку ему на плечо и вывела его на тротуар.

— Там, на углу, коробка вызова такси. Попросите отвезти вас домой. Пеппер-Лейн примерно в двух милях отсюда. Хотите, я вызову вам машину?

— Нет, — качнул головой Аллан, — я справлюсь.

Он побрел по тротуару в поисках коробки вызова такси. И прошел мимо, поскольку никогда в жизни их не видел.

— Вот она! — крикнула девушка, сложив руки рупором.

Он кивнул и нажал на кнопку. Спустя мгновение на мостовую рядом с ним опустилось такси и спросило: «Куда прикажете, сэр?»

Поездка заняла всего минуту. Такси приземлилось, Аллан опустил в щель монетки, и вот он уже стоит перед домом.

Перед своим домом.

Большой дом, возвышавшийся за грядой кедров, увитых побегами перца, производил сильное впечатление. По обе стороны от вымощенной кирпичом дорожки раскинулись газоны, опрыскиватели распыляли над ними воду. Позади находился сад, в котором цвели георгины и глицинии, он напоминал ворсистую заплатку ярко-красного и фиолетового цвета.

На крыльце перед домом сидел ребенок. Проворная нянька устроилась на перилах рядом с ним, камера следила за малышом. Ребенок заметил мистера Коутса, улыбнулся, протянул к нему ручки и залопотал.

Массивная входная дверь из крепкого дерева с медными вставками была распахнута настежь. Из глубины дома доносились звуки танцевальной музыки, играл джаз-оркестр.

Аллан вошел в дом.

В гостиной никого не оказалось. Он осмотрел ковер, камин, пианино и нажал несколько клавиш. А затем направился в столовую. Посередине стоял большой обеденный стол красного дерева, а на нем ваза с ирисами. По стенам тянулись покрытые глазурью пластины с затейливым рисунком. Он осмотрел их и пошел дальше, в холл. Широкая лестница вела на второй этаж; вскинув голову, он увидел площадку и открытые двери. А затем направился в кухню.

Кухня потрясла его. Длинное, сияющее белизной помещение, оснащенное всяческими приборами, о некоторых он знал понаслышке, а про иные и вообще не слыхивал. На огромной плите что-то тушилось, он заглянул в кастрюлю и понюхал. Барашек, решил Аллан.

Пока он стоял и нюхал, у него за спиной послышался шум. Дверь черного хода распахнулась, и в кухню, тяжело дыша, вошла раскрасневшаяся женщина.

— Дорогой! — воскликнула она, подбегая к нему. — Когда же ты вернулся?

Смуглое лицо, встрепанные волосы до плеч подрагивают в такт шагам. Огромные глаза, живой взгляд. На женщине шорты, лифчик и сандалии.

Перед ним стояла Гретхен Мальпарто.

Часы на каминной полке показывали четыре тридцать. Гретхен задвинула шторы, и гостиная погрузилась в полумрак. Она ходила по комнате, куря сигарету и судорожно взмахивая руками. Она переоделась в юбку из набивного ситца и крестьянскую блузку. Ребенок, которого Гретхен звала Донной, спал в своей колыбельке на втором этаже.

— Что-то не так, — еще раз сказала Гретхен. — Ты бы хоть объяснил, что именно. Черт побери, неужели я должна просить тебя? — Она повернулась и вызывающе поглядела ему в лицо. — Джонни, это на тебя не похоже.

Аллан растянулся на кушетке, держа в руке стакан со слингом, из джина с водой, сахаром и мускатным орехом. Он лежал, разглядывая нежно-зеленый потолок, пока пронзительный голос Гретхен не вывел его из равновесия:

— Джонни, ради Бога!

Он встрепенулся.

— Я здесь, рядом. Я пока еще не на улице.

— Скажи, что с тобой? — Она подошла к нему и присела на валик кушетки. — Это из-за того, что произошло в среду?

— А что произошло в среду? — Он почувствовал какой-то отрешенный интерес.

— На вечеринке у Фрэнка. Когда ты застал меня наверху с... — Она отвернулась. — Не помню, как его зовут. Такой высокий блондин. Ты, похоже, разозлился и подвыпил. Это из-за него? Мне казалось, мы договорились не вмешиваться в дела друг друга. Или, по-твоему, это одностороннее соглашение?

— Сколько времени мы уже женаты? — спросил он.

— Надо полагать, ты собираешься читать мне нотации. — Она вздохнула. — Валяй. Только потом моя очередь.

— Просто ответь мне на вопрос.

— Не помню.

— Мне казалось, жены всегда помнят, — задумчиво произнес он.

— Ох, брось ты. — Она встала с кушетки и подошла к проигрывателю. — Давай поедим. Я скажу, чтобы нам подали обед. Или ты хочешь поесть в городе? Может, ты почувствуешь себя лучше на людях, если мы не будем сидеть тут в тесноте?

Аллан вовсе не ощущал тесноты. С кушетки, на которой он лежал, нижний этаж дома был виден почти целиком. Комната за комнатой... как будто он поселился в административном здании. Снял целый этаж, даже два этажа. А в саду за домом стоит коттедж для гостей, в нем три комнаты.

Собственно говоря, Аллан вообще ничего не ощущал. Слинг подействовал на него как анестезия.

— Голову купить не хочешь? — спросил он.

— Не поняла.

— Каменную голову. Или, выражаясь абсолютно точно, из бронзированного термопласта. Подвергается воздействию режущих инструментов. Тебе это ни о чем не говорит? Ты сочла мой поступок весьма оригинальным.

— Давай-давай, мели себе.

Он напомнил:

— Год? Два? Приблизительно...

— Мы поженились в апреле 2110 года. Значит, четыре.

— Изрядный срок, — сказал он, — миссис Коутс.

— Да, мистер Коутс.

— А этот дом? — Он понравился Аллану.

— Этот дом, — раздраженно сказала Гретхен, — принадлежал твоей матери, и мне надоело об этом слушать. Я очень жалею, что мы сюда переехали, лучше бы мы продали эту проклятую махину. Два года назад мы могли получить за него неплохие деньги, а теперь недвижимость упала в цене.

— Скоро снова поднимется. Так всегда бывает.

Возмущенно глянув на него, Гретхен пошла через гостиную, направляясь к холлу.

— Я пойду наверх, переоденусь к обеду. Скажи, чтобы она подавала.

— Подавайте, — сказал он.

Гретхен злобно фыркнула и ушла. Он услышал, как зацокали по лестнице каблуки, затем топот стих.

Замечательный дом, просторный и современный, выстроен надежно, да и мебель роскошная. Он еще сто лет простоит. В саду полно цветов, холодильник ломится от еды. Ну, чем тебе ни рай, подумал он. Будто картина воздаяния за годы служения обществу. За все жертвы, за борьбу, за споры и перебранки. За миссис Бирмингэм и муки, испытанные на секционных собраниях. За постоянное напряжение в неумолимом обществе МОРСа.

Частью своего существа Аллан потянулся к этой жизни, зная, какое имя она носит. Джон Коутс очутился в своем собственном мире, который являл собой противоположность МОРСу.

Где-то прямо над ухом послышался голос:

— Небольшой островок «эго» остался.

Другой голос, женский, ответил:

— Только в глубине.

— Полнейший уход в себя, — сказал мужчина. *— Шок, вызванный неудачей, провалом экстрасенс-тестов. Он уже стоял на пороге Санатория, хотел вернуться и не смог.*

Женщина спросила:

— Нет ли другого выхода, получше?

— В ту минуту ему нужен был хоть какой-то. Он не мог возвратиться к МОРСу, а помощи в Санатории не нашел. Отчасти в этом виноват я. Впустую потратил время на тесты.

— Ты думал, что они помогут. — Казалось, женщина подошла поближе. *— Он нас слышит?*

— Сомневаюсь. Этого никак не определить. Каталепсия полная, поэтому он не может подать нам знак.

— Сколько времени это продлится?

— Трудно сказать: дни, недели, а может, всю оставшуюся жизнь. — Голос Мальпарто как будто удалялся. И Аллан напрягся, вслушиваясь в слова. *— Не пора ли сообщить его жене?*

— Ты можешь что-нибудь рассказать о его внутреннем мире? — Голос Гретхен тоже начал затихать. *— Какая фантазия его поглотила?*

— Спасительная. — Голос пропал, потом ненадолго зазвучал снова. *— Время покажет.*

Все стихло.

Мистер Джон Коутс закричал, пытаясь подняться с кушетки:

— Ты их слышала? Слышала?

На лестничную площадку вышла Гретхен, в одной руке — щетка для волос, через другую перекинуты чулки.

— В чем дело?

Он воззвал к ней в отчаянии.

— Вы с братом разговаривали. Разве ты не слышала? Это... — Он умолк.

— Это что? — Она спокойно спустилась по лестнице. — О чем ты говоришь?

На полу, куда упал его стакан, образовалась лужица, он наклонился и подтер ее.

— У меня есть для тебя новость, — сказал он. — Все это не взаправду. Я болен, это психоз, уход в себя.

— Ты меня удивляешь, — сказала она. — Нет, на самом деле. Говоришь как второкурсник колледжа. Солипсизм... скептицизм. Епископ Беркли, все эти разговоры о предельной реальности.

Когда Аллан притронулся пальцами к стакану из-под джина, стена у него за спиной исчезла.

Не разгибаясь, он поглядел на мир за пределами дома. И увидел улицу, другие дома. Он боялся поднять голову. Камин и полка, ковер и мягкие кресла... даже лампа и безделушки — все пропало. Осталась пустота. И только.

— Вот он, — сказала Гретхен, — у тебя под рукой.

Он уже не видел стакана, тот исчез вместе с комнатой. Сам того не желая, Аллан повернул голову. У него за спиной не осталось ничего. Гретхен тоже исчезла. Он оказался один среди пустоты. Только соседний дом виднелся вдалеке. По улице проехала машина, за ней вторая. В окне соседнего дома задернули занавеску. Повсюду сгущался мрак.

— Гретхен, — позвал Аллан.

Ответа не последовало. Тишина.

Глава 14

Он закрыл глаза и напряг волю. Сначала он представил себе комнату, потом — Гретхен, столик для кофе, пачку сигарет и зажигалку рядом с ней. Воображение дорисовало пепельницу, шторы, кушетку и проигрыватель.

Когда он открыл глаза, комната вернулась на место. Но Гретхен ушла. Он был один в доме.

Все шторы были задернуты; что-то в глубине души — наверное, интуиция — подсказало ему, что час уже поздний. Вроде бы прошло время, подумал он. Часы на каминной полке показывали восемь тридцать. Неужели прошло целых четыре часа? Четыре часа...

— Гретхен? — произнес Аллан в порядке эксперимента. Затем подошел к лестнице и стал подниматься наверх. Девушки по-прежнему не было и в помине. В доме тепло, воздух был свеж и приятен. Где-то работала автоматическая система отопления.

Справа комната, ее спальня. Он заглянул туда.

Маленькие часы слоновой кости на туалетном столике показывали не восемь тридцать, а без четверти пять. Гретхен про них забыла. Она перевела часы только внизу.

Аллан бегом кинулся вниз, прыгая через две ступеньки.

Голоса слышались, когда он лежал на кушетке. Опустившись на колени, он принялся прощупывать ткань на спинке и валиках, под подушками. Потом отодвинул кушетку от стены.

Первым он обнаружил динамик, прикрепленный к пружине спинки; второй и третий — плоские, как бумага, — скрывались под ковром. По его подсчетам в комнате находилось не меньше дюжины динамиков.

Поскольку Гретхен поднималась наверх, панель управления наверняка там. Он еще раз взобрался по лестнице и вошел к ней в спальню.

Ему не сразу удалось признать ее. Панель лежала прямо на виду, на туалетном столике среди баночек, тюбиков и коробочек с косметикой. Щетка для волос. Он схватил ее и начал вращать пластмассовую ручку.

Снизу донесся громкий мужской голос:

— *Небольшой островок «эго» остался.*

Гретхен ответила:

— *Только в глубине.*

— *Полнейший уход в себя,* — продолжал Мальпарто. — *Шок...*

Аллан рывком повернул ручку обратно, и голоса умолкли. Спрятанная где-то в стенах дома лента остановилась посреди записи.

Он снова спустился вниз и стал разыскивать механизм, при помощи которого Гретхен сделала так, чтобы дом исчез. Он нашел его и огорчился. Вмонтированное в камин устройство, одно из приспособлений для создания уюта. Он нажал на кнопку, и комната, мебель, разнообразные ткани и материалы растаяли. Мир за пределами дома остался на месте: дома, улица, небо. Сияли звезды.

Этот прибор оказался всего лишь романтической игрушкой, для долгих скучных вечеров. Гретхен — весьма деятельная особа.

В шкафу, под стопкой одеял, он обнаружил вещественное доказательство — постеленную на полку газету. Она называлась «Страж Веги». Значит, он не в мире фантазии, а на четвертой планете системы Вега.

Он попал в Иной Мир, постоянное убежище, принадлежавшее Психиатрическому санаторию. Санаторий содержал его для людей, обратившихся с просьбой об убежище, а не о лечении.

Аллан отыскал телефон, набрал ноль.

— Назовите, пожалуйста, номер, — проговорила телефонистка негромким, отдающим металлом и ужасно бодрящим голосом.

— Соедините меня с одним из космических портов, — сказал он, — с любым, где совершаются перелеты между системами.

В трубке загудело, защелкало, и его соединили с билетной кассой. Размеренный голос на другом конце линии сказал:

— Да, сэр. Чем могу служить?

— Сколько стоит билет до Земли? — Его охватил ужас, он принялся гадать, сколько же времени он здесь провел. Неделю? Месяц?

— Билет первого класса в один конец. Девятьсот тридцать долларов. Плюс двадцатипроцентный налог на роскошь. — Голос был абсолютно бесстрастным.

Таких денег у него не было.

— В какой системе ближайшая отсюда остановка?

— Сириус.

— Сколько стоит билет? — У него в бумажнике никак не больше пятидесяти долларов. А эта планета находится под юрисдикцией Санатория, она официально передана ему.

— Билет первого класса в один конец. Вместе с налогом... стоимость составит семьсот сорок два доллара.

Аллан стал считать.

— Сколько стоит звонок отсюда на Землю.

Агент по продаже билетов сказал:

— Мистер, вам придется обратиться с этим вопросом в телефонную компанию. Мы этим не занимаемся.

Аллан снова вызвал телефонистку.

— Я хотел бы позвонить на Землю.

— Да, сэр. — Похоже, телефонистка не удивилась. — По какому номеру, сэр?

Он назвал номер Телеинформациона, а потом телефона, с которого звонил. Все оказалось очень просто.

В трубке что-то загудело, прошло несколько минут, затем телефонистка сказала:

— Извините, сэр. Ваш номер не отвечает.

— А сколько там сейчас времени?

Минута молчания, затем:

— В этом часовом поясе сейчас три утра, сэр.

Он проговорил хриплым голосом:

— Послушайте, меня похитили. Мне необходимо выбраться отсюда... вернуться на Землю.

— Я могу соединить вас с космодромом, с которого совершаются полеты из одной системы в другую, сэр, — сказала телефонистка.

— У меня всего пятьдесят баксов!

— Мне очень жаль, сэр. Если хотите, я все же соединю вас с одним из космодромов.

Аллан повесил трубку.

Сидеть в доме было совершенно бессмысленно, но он задержался и напечатал на машинке записку довольно-таки мстительного содержания. И положил ее на кофейный столик, чтобы Гретхен никоим образом не оставила ее без внимания.

«Дорогая миссис Коутс,

ты ведь помнишь Молли. Я наткнулся на нее в «Медной кочерге», лопни мои глаза. Она заявила, будто беременна, да ты же представляешь, что это за дамочка. Пожалуй, лучше мне побыть с ней, пока мы не устроим сама-знаешь-что. Дорого, но такова расплата».

Он подписался *«Джонни»*, а потом ушел из дома.

В Ином Мире повсюду сновали такси, и через пять минут Аллан уже добрался до делового района в центре, где было множество народу и очень светло.

В космопорте, нацелясь носом в небо, стоял большой корабль. Чуть ли не паническое отчаяние охватило Аллана: он понял, что корабль вот-вот отправится в соседнюю систему, грузовики с припасами подъезжали и отъезжали, погрузка закончится уже совсем скоро.

Аллан рассчитался за такси и потащился через усыпанную гравием стоянку при космодроме, затем вдоль по улице, пока не добрался до очага жизни, ресторана, где дела шли полным ходом, — здесь было шумно, звучали голоса и толпились клиенты. Чувствуя себя по-дурацки, Аллан застегнул пальто на все пуговицы и пошел от дверей прямо к кассе.

— Руки вверх, леди, — сказал он, оттопырив карман. — Пока я не разнес вам голову тепловым лучом Макаллистера.

Девушка ахнула, подняла руки и раскрыла рот — послышалось испуганное блеянье. Сидевшие поблизости за столиками клиенты глядели, не веря собственным глазам.

— О'кей, — довольно громко сказал Аллан. — А теперь давайте деньги. Выкладывайте их на стойку, а не то я вышибу вам мозги тепловым учом Макаллистера.

— Господи! — сказала девушка.

У Аллана за спиной выросли два полисмена Иного Мира в шлемах и накрахмаленной синей форме; они схватили его за руки. Девушка шлепнулась на пол и скрылась из виду, а полицейский рывком вытащил руку Аллана из кармана.

— Невроп, — сказал один из полицейских. — Суперневроп. Славное место погибнет из-за таких вот нарушителей порядка.

— Отпустите меня, — сказал Аллан, — пока я не разнес вам головы тепловым лучом Макаллистера.

— Приятель, теперь Санаторий не обязан оказывать тебе помощь, — сообщил ему один из полицейских, пока они выволакивали его из ресторана. — Ты совершил уголовное преступление, тем самым показав, что доверять тебе нельзя.

— Я всех вас разнесу на части, — пригрозил им Аллан, когда они принялись запихивать его в полицейскую машину. — Тепловой луч свое дело знает.

— Достань-ка его удостоверение. — Полицейский вынул из кармана Аллана бумажник. — Джон Коутс. Пеппер-Лейн. Что ж, мис-

тер Коутс, вы попытали счастья. А теперь отправляйтесь обратно в МОРС. Как вам это нравится?

— Вам не удастся меня выслать, вы до этого не доживете, — сказал Аллан. Машина неслась к летному полю, где все еще стоял корабль. — Я до вас доберусь. Вот увидите.

Машина, летевшая на высоте фута от гравия, выехала на поле и помчалась прямо к кораблю. Завыла сирена, работники космодрома оставили свои занятия и принялись глазеть на происходящее.

— Скажите им, чтобы подождали, — сказал один из полицейских. Он вынул микрофон и связался с летной вышкой. — Еще один суперневроп. Откройте люк.

Через несколько минут машина подъехала к кораблю, они поровнялись дверцами, и Аллана передали в руки корабельного шерифа.

— Добро пожаловать обратно в МОРС, — пробормотал усталый собрат-суперневроп, когда Аллана поместили рядом с ним в подзорный отсек.

— Спасибо, — ответил Аллан, чувствуя облегчение. — Приятно вернуться домой. — И задумался над вопросом: успеет ли он попасть на Землю к воскресенью? В понедельник пора приступать к работе в Телеинформационе. Неужели потеряно слишком много времени?

Уууух, пол ушел из-под ног. Корабль взлетел.

Глава 15

Он отправился в путь в четверг вечером, а к исходу воскресного дня возвратился на Землю. Разумеется, он выбрал названия дней условно, но промежуток времени был рассчитан правильно. Усталый, изрядно вспотевший Аллан сошел с корабля и вновь очутился в обществе МОРСа.

Летное поле находилось неподалеку от Шпиля и от его жилищной секции, но Аллан отказался от мысли о прогулке пешком, сочтя такое требование излишне строгим: он не заметил у жителей из Иного Мира, ездивших на автобусах, признаков вырождения. Он направился к телефонной будке и позвонил Дженет.

— Ой! — выдохнула она. — Тебя отпустили? Ты... в порядке?

Он спросил:

— Что сказал тебе Мальпарто?

— Мне сообщили, что ты отправился в Иной Мир на лечение и, вероятно, пробудешь там несколько недель.

Теперь все стало еще понятнее. По прошествии нескольких недель он остался бы без должности директора и утратил бы всякий статус в МОРСе. И тогда, лишившись работы и права аренды, он был бы вынужден остаться на Веге-4, независимо от того, удалось бы ему обнаружить обман или нет.

— А он не упоминал о том, что ты полетишь ко мне?

Взволнованное дыхание Дженет в трубке.

— Да-да, упоминал. Он говорил, что ты приспособишься к Иному Миру, и, если ты не сможешь жить в этом, тогда...

— Я не сумел приспособиться к Иному Миру. Там куча народу просто валяется, задрав ноги, и загорает. Бронеход на месте? Тот, что я брал напрокат?

Выяснилось, что Дженет вернула бронеход в агентство проката. Плата велика, а Санаторий уже начал откраивать часть доходов Аллана. Он счел это полным безобразием: работники Санатория похитили его, притворившись, будто проводят лечение, и еще предъявили счет за оказанные услуги.

— Возьму другой. — Он уже собрался было повесить трубку, но потом спросил: — Миссис Фрост не появлялась?

— Она звонила несколько раз.

Это прозвучало зловеще.

— Что ты ей сказала? Что я тронулся умом и сбежал в Санаторий?

— Сказала, что ты разбираешься с делами и тебя лучше не отрывать. — Дженет хрипло задышала в трубку, звук показался ему оглушительным. — Аллан, я так рада, что ты вернулся. Я очень волновалась.

— Сколько таблеток ты приняла?

— Да... немного. Я... не могла спать.

Он повесил трубку, отыскал еще одну монетку в 25 центов и набрал номер персонального телефона Сью Фрост. Через некоторое время она сняла трубку... знакомый, исполненный достоинства и спокойствия голос.

— Говорит Аллан, — сказал он. — Аллан Перселл. Просто хотел проверить, как дела. У вас все в порядке?

— Мистер Перселл, — отрывисто сказала она. — Явитесь ко мне в течение десяти минут. Имейте в виду, это приказ, и не иначе.

Щелк.

Он уставился на умолкший телефон. А потом вышел из будки и отправился пешком.

Квартира миссис Фрост выходила окнами на Шпиль, как и все апартаменты секретарей Комитета. Аллан отдышался, набрался сил и стал подниматься по лестнице. Чистая рубашка, ванна и продолжительный отдых вовсе не помешали бы, но времени на излишества нет. Впрочем, можно сказать, что его внешний вид — следствие недельных трудов по завершению дел в агентстве, когда он день и ночь работал, не покладая рук, пытаясь собрать воедино все разнозненные нити. Имея это в виду, он нажал на кнопку звонка миссис Фрост.

— Входите.

Она отошла в сторону, и он переступил порог. В комнате сидели устало выглядевший Майрон Мэвис и Ида Пиз Хойт, державшаяся угрюмо и натянуто.

— Приветствую, — сказал Аллан, почуяв недоброе.

— Итак, — проговорила миссис Фрост, затем обошла вокруг Аллана и повернулась к нему лицом. — Где вы пропадали? В агентстве вас не было, мы проверяли несколько раз. Мы даже послали своего представителя на заседание ваших сотрудников. В ваше отсутствие делами «Аллан Перселл инкорпорейтед» заведует некий мистер Прайар.

Аллан поразмыслил: солгать или сказать правду? И решил солгать. Общество МОРСа не потерпит правды, оно подвергнет его наказанию и будет существовать дальше. А директором ТИ назначат кого-нибудь из ставленников «Блейк-Моффета».

— Гарри Прайар исполняет обязанности управляющего, — сказал он, — точно так же, как Майрон исполняет обязанности директора ТИ, пока я не заступлю на должность. Вы ведь не хотите сказать, что платили мне за прошлую неделю? — Этого наверняка не было. — Мы же договорились вполне определенно: я выхожу на работу в следующий понедельник, то есть завтра. На протяжении всей прошедшей недели я имел право располагать собой. На это время у ТИ не прибавилось на меня прав по сравнению с прошлым годом.

— Дело в том... — заговорила было миссис Фрост, но тут раздался звонок в дверь. — Извините. Наверное, это они.

Она открыла, и в комнату вошел Тони Блейк из «Блейк-Моффета». Следом за ним показался Фред Ладди с портфелем под мышкой.

— Добрый вечер, Сью, — приветливо сказал Тони Блейк, осанистый, хорошо одетый мужчина лет шестидесяти с белоснежными волосами и в очках без оправы. — Добрый вечер, Майрон. Весьма польщен, миссис Хойт. Добрый вечер, Аллан. Рад вашему возвращению.

Ладди не сказал ничего. Все расселись по местам, надменно глядя друг на друга и нагнетая напряженность. Аллан крайне остро почувствовал, до чего мешковато сидит на нем костюм и какая несвежая у него рубашка; с каждой минутой он все меньше походил на перетрудившегося бизнесмена и все больше — на радикала из колледжа эпохи Расточительства.

— Продолжим, — сказала миссис Фрост. — Мистер Перселл, ваша жена сообщила нам, что вы в агентстве, но вас там не оказалось. Вначале мы пришли в недоумение, поскольку рассчитывали на взаимное доверие между нами. Нам показалось странным, что вы таинственно исчезли из виду в подобной ситуации, а невразумительные отговорки и опровержения вашей...

— Послушайте, — сказал Аллан, — вы имеете дело не с многоклеточным организмом класса простейших и не с животным класса млекопитающих, вы разговариваете с человеком, который является

гражданином общества МОРСа. Или вы будете обращаться со мной учтиво, или я ухожу. Я устал и хотел бы поспать. Решайте сами.

Миссис Хойт отрывисто бросила:

— Сью, он абсолютно прав. Перестаньте изображать босса, и, ради Бога, не надо всем своим видом излучать праведность. Предоставьте это Всевышнему.

— По-видимому, вы мне не доверяете, — обернувшись, ответила миссис Фрост. — Может, сначала разберемся с этим вопросом?

Сидевший, развалясь в кресле, Майрон Мэвис захихикал:

— Да, мне это больше по вкусу. Пожалуйста, начните с этого, Сью.

Миссис Фрост разволновалась:

— Право, наш разговор пошел не в том направлении. Не сварить ли кофе? — Она встала с места. — К тому же есть немного бренди, если никто не сочтет, что оно пойдет во вред интересам общественности.

— Мы тонем, — сказал Мэвис и улыбнулся Аллану. — Буль-буль. Нас захлестнуло волной греха.

Напряженность спала. Блейк и Ладди принялись совещаться, послышались шорох и бормотание. Ладди надел очки в роговой оправе, и оба серьезно склонили головы над содержимым портфеля. Миссис Фрост подошла к плитке и поставила кофейник. Миссис Хойт сидела, погрузившись в созерцание пятна на полу, и ни с кем не заговаривала. На ней, как обычно, были роскошные меха, темные чулки и туфли на низком каблуке. Аллан относился к ней с глубоким уважением, он знал о ее способности ловко управлять людьми.

— Вы ведь в родстве с майором Стрейтером? — спросил он. — Я не ошибаюсь?

Миссис Хойт удостоила его взглядом.

— Да, мистер Перселл. Майор — мой предок по отцовской линии.

— Какая ужасная история со статуей, — вставил Блейк. — Подумать только, что за вредительство. Просто неописуемо.

Аллан совсем позабыл про статую. И про голову. Она по-прежнему лежит в шкафу, если только Дженет как-нибудь от нее не избавилась. Неудивительно, что она целыми упаковками глотала таблетки: голова пролежала рядом с ней всю неделю.

— Его поймают, — решительно заявил Ладди. — Или их. Лично я убежден, что в деле замешана организованная банда.

— От этого веет каким-то сатанизмом, — сказала Сью Фрост. — Взять и украсть голову. Вернуться через несколько дней и — прямо из-под носу у полиции — утащить ее Бог знает куда. Интересно, удастся ли когда-нибудь отыскать ее. — Она принялась расставлять чашки с блюдцами.

Когда всем подали кофе, разговор начался с того, на чем прервался. Но шел он уже в сдержанном тоне. Все несколько поостыли и принялись за дело.

— Конечно, у нас нет причин для ссоры, — сказала миссис Фрост. — Наверное, я переволновалась. Правда, Аллан, подумайте, в какое положение мы из-за вас попали. В прошлое воскресенье, неделю назад, я позвонила вам домой. Мне хотелось застать и вас, и вашу жену, чтобы договориться, когда мы проведем вечерок за игрой в «фокусника».

— Сожалею, — пробормотал Аллан, внимательно разглядывая стену и воображая, будто вертит что-то в руках. В каком-то смысле эти риторические извинения затруднительней всего прочего.

— Вы не хотели бы рассказать нам, что случилось? — продолжала миссис Фрост. К ней вернулась обычная сноровка, на лице заиграла милая, обаятельная улыбка. — Считайте это дружеским расследованием. Здесь только ваши друзья, даже мистер Ладди.

— А что тут делает команда из «Блейк-Моффета»? — спросил он. — Не понимаю, какое они имеют к этому отношение. Возможно, я выражусь чересчур резко, но мне кажется, происходящее касается лишь вас, миссис Хойт и меня.

Последовал напряженный обмен взглядами, и он понял, что вопрос далеко еще не исчерпан. Как будто нельзя было догадаться по одному только присутствию Блейка и Ладди.

— Продолжайте, Сью, — проговорила миссис Хойт голосом, похожим на шуршание гравия.

— Когда попытки связаться с вами ни к чему не привели, — снова заговорила миссис Фрост, — мы созвали совещание и решили подождать. В конце концов, вы — взрослый человек. Но затем нам позвонил мистер Блейк. В прошедшие годы ТИ тесно сотрудничал с «Блейк-Моффетом», и все мы знакомы друг с другом. Мистер Блейк принес материалы, которые вызвали у нас тревогу, и мы...

— Какие материалы? — спросил Аллан. — Давайте на них поглядим.

— Они здесь, Перселл. Не волнуйтесь, всему свое время.

Блейк бросил Аллану несколько листков, тот подхватил их и принялся просматривать.

А тем временем миссис Фрост вновь обратилась к Аллану:

— Хочу задать вам вопрос, Аллан. Как друг. Оставьте бумаги, я расскажу вам, что в них. Не разошлись ли вы с женой? Не случилось ли между вами ссоры, которую вы предпочитаете скрывать; не послужило ли что-то в ваших отношениях причиной довольно-таки основательной размолвки?

— Значит, вот о чем речь. — Ему показалось, будто он соприкоснулся с абсолютным холодом. Один из тупиков, в которых то и дело оказываются беспокойные граждане МОРСа. Развод, скандал, секс, другая женщина — полный набор тяжелых затруднений, испытываемых теми, кто состоит в браке.

— Естественно, — проговорила миссис Хойт, — при подобных обстоятельствах вам пришлось бы отказаться от должности директора.

Человек, занимающий столь высокий пост, облеченный доверием... ну, остальное вам известно.

Бумаги запрыгали у него в руках — беспорядочный набор слов, предложений, указаний даты и места. Он махнул рукой и отложил их в сторону.

— Блейк располагает документальным подтверждением на сей счет? — (Они приступили к травле, но пошли по ложному следу. К счастью для Аллана.) — Хотелось бы послушать.

Прокашлявшись, Блейк сказал:

— Две недели назад вы сидели в одиночестве в агентстве и работали. В восемь тридцать вы все закрыли и ушли. Вы побродили, зашли в военторг, затем вернулись в агентство и взяли корабль.

— Что дальше? — Его интересовало, много ли им удалось узнать.

— Затем мы потеряли вас из виду. Мы... э-э-э... не располагаем средствами для преследования.

— Я полетел на Хоккайдо. Справьтесь у секционной надзирательницы. Выпил три стакана вина, вернулся домой и упал на крыльце. Все это занесено в протокол. Меня разбирали на собрании и реабилитировали.

— Угу. — Блейк кивнул. — Ну что ж. Мы утверждаем, что вы встречались с женщиной, что такое бывало и раньше, что вы сознательно и по доброй воле прелюбодействовали с ней.

— Крах системы недомерков, — едко сказал Аллан. — Эмпирическим данным пришел конец. Мы возвращаемся к охоте на ведьм, к кострам. Истерия и инсинуации.

— Во вторник на этой неделе, — продолжал Блейк, — вы вышли из агентства и стали звонить из телефонной будки. Вы не посмели говорить по телефону из кабинета, кто-нибудь мог услышать ваш разговор.

— С этой девушкой? — Они, по крайней мере, изобретательны. И, вероятно, сами верят в свою историю. — Как ее зовут?

— Грейс Мальдини, — сказал Блейк. — Приблизительно двадцати двух лет, рост пять футов пять дюймов, вес около ста двадцати пяти фунтов. Темные волосы, смуглая кожа; вероятно, итальянка по происхождению.

Гретхен, конечно же. Теперь он по-настоящему растерялся.

— В четверг утром вы опоздали на работу на два часа. Вы пошли пешком и затерялись среди дорожек. Вы намеренно выбирали места, где движение гуще всего.

— Умозаключения, — сказал Аллан.

Но Блейк говорил правду, он направлялся тогда в Санаторий. Грейс Мальдини? В чем же дело?

— В субботу утром на той же неделе, — продолжал Блейк, — вы проделали то же самое. И ускользнули ото всех, кто мог бы следить за вами. Где-то вы встретились с этой девушкой. В тот день вы больше не возвращались к себе в квартиру. Вечером, восемь дней назад, вы поднялись на борт корабля, совершающего перелеты между сис-

темами, вместе с девушкой, которая зарегистрировалась под именем Грейс Мальдини. А вы назвались Джоном Коутсом. Когда корабль долетел до Центавра, вы с девушкой пересели на другой, и вам опять удалось уйти от слежки. Всю прошлую неделю вы провели за пределами Земли. Ваша жена, сообщившая, что вы «заканчиваете работу в агентстве», ссылалась именно на этот промежуток времени. Сегодня вечером, примерно полчаса тому назад, вы сошли с межсистемного корабля в костюме, который сейчас на вас, позвонили из будки по телефону, а потом явились сюда.

Все с интересом смотрели на Аллана и ждали. Квинтэссенция секционных собраний: жадное любопытство, стремление услышать все вплоть до сенсационных подробностей, оправдывая это высоким чувством долга, — таково общество МОРСа.

Теперь Аллан, по крайней мере, узнал, как его доставили с Земли в Иной Мир. Под воздействием медикаментов Мальпарто он покорно выполнял все необходимое, а Гретхен выдумала имена и позаботилась об остальном. Четыре дня вместе с ней, и на свет впервые появился Джон Коутс.

— Предъявите девушку, — сказал Аллан.

Все молчали.

— Где же она? — На поиски Грейс Мальдини можно потратить целую жизнь. А без нее все это лишь домыслы. — Хотелось бы на нее взглянуть. Где она живет? Что арендует? Где работает? И где она в данный момент?

Блейк извлек фотографию, и Аллан посмотрел на нее. Расплывчатый снимок: они с Гретхен сидят рядом в больших креслах. Гретхен читает журнал, он спит. Без сомнения, снимали на корабле, с противоположного конца салона.

— Невероятно, — насмешливо сказал он. — Это я, а на соседнем со мной месте — женщина.

Майрон Мэвис взял фотографию, внимательно поглядел на нее и презрительно фыркнул.

— И цента не стоит. Даже крохотного кусочка ржавого мексиканского цента. Заберите ее.

Миссис Хойт задумчиво проговорила:

— Майрон прав. Она ничего не доказывает.

— Почему вы присвоили себе имя Коутс? — вмешался Ладди. — Если за вами нет никакой вины...

— Докажите и это, — сказал Мэвис. — Просто смешно. Пора домой, я устал, и у Перселла вид утомленный. Завтра понедельник, вы же знаете, что значит для нас этот день.

Миссис Фрост встала, сложила руки на груди и обратилась к Аллану:

— Все мы сходимся в том мнении, что данный материал ни в коем случае нельзя рассматривать как доказательство. Но он вызывает тре-

вогу. Очевидно, что вы звонили по телефону, посещали какие-то необычные места и отсутствовали всю прошлую неделю. Я поверю всему, что вы скажете. И миссис Хойт тоже.

Миссис Хойт склонила голову.

— Вы расстались с женой? — спросила миссис Фрост. — Один простой вопрос. Да или нет?

— Нет, — ответил Аллан, и это полностью соответствовало истине. Тут он не солгал. И посмотрел ей прямо в глаза. — Никаких измен, никаких интрижек и тайных любовниц. Я летал на Хоккайдо, добывал материалы. Звонил другу мужского пола. — Хорош друг. — И навещал того же самого друга. На прошлой неделе мне, по несчастью, довелось столкнуться с независящими от меня обстоятельствами, которые возникли в связи с моим уходом из агентства, из-за того что я согласился на должность директора. Мои побуждения и поступки направлены на благо общества, и совесть моя совершенно чиста.

Миссис Хойт сказала:

— Отпустите мальчика. Пусть примет ванну и поспит.

Сью Фрост пошла навстречу Аллану, протягивая руку.

— Извините. Мне очень жаль. Вы же знаете.

Они обменялись рукопожатием, и Аллан сказал:

— Завтра утром в восемь?

— Отлично. — Она смущенно улыбнулась. — Нам пришлось проверить. Обвинения такого рода... вы же понимаете.

Аллан понимал. Он повернулся к Блейку и Ладди, которые запихивали материалы обратно в портфель.

— Пакет номер 355-Б. Старые кумушки, соседки по жилищной секции, вскипятили целый котелок грязи и принялись травить преданного супруга, а котелок возьми до опрокинься, и вся грязь полетела прямо им в лицо.

Не поднимая глаз, Блейк пробормотал пожелания спокойной ночи и поспешно убрался восвояси. Ладди последовал за ним. Аллан задумался над вопросом: сколько времени ему отпущено, долго ли они будут идти по ложному следу?

Глава 16

Его новый кабинет в Телеинформационе вычистили, подмели и подкрасили, туда перевезли письменный стол из агентства, чтобы подчеркнуть преемственную связь. К десяти часам Аллан почти освоился с окружением. Он уже посидел в большом вращающемся кресле, попользовался точилкой для карандашей, постоял за стеной, позволявшей окинуть взглядом весь штат его сотрудников, занимающих целое здание, оставаясь при этом невидимым.

Пока он приходил в состояние равновесия, в кабинет заглянул Майрон Мэвис, чтобы пожелать ему удачи. Судя по его виду, он всю ночь не сомкнул глаз.

— Неплохое местечко, — сказал Мэвис. — Очень много солнечного света, и воздух приятный. Весьма полезно для здоровья, посмотрите на меня.

— Надеюсь, вам не приходится продавать собственные копыта на клей, — сказал Аллан, чувствуя себя крайне неловко.

— Пока что нет. Пойдемте. — Мэвис повел его к выходу из кабинета. — Я познакомлю вас с сотрудниками.

Они протиснулись меж поздравительных букетов из «цветов», выставленных вдоль коридора. В нос ударил резкий неприятный запах криптофлоры. Аллан остановился, просматривая карточки.

— Как в оранжерее, — сказал он. — Эти от миссис Хойт.

Там оказался букет от Сью Фрост, от Гарри Прайара, от Дженет. Безвкусные букеты от четырех агентств-гигантов, включая «Блейк-Моффет». При каждом карточка с положенными по случаю поздравлениями. Представители агентств вскоре прибудут. И безымянные букеты без карточек. Аллан подумал: кто же их прислал? Соседи по жилищной секции? Быть может, невысокий мистер Вейлс, вступившийся за него на секционном собрании? Букеты от людей, не указавших своего имени, но желавших ему удачи. Среди них оказался крошечный потрепанный пучок каких-то синеньких цветов.

— Настоящие, — сказал Мэвис, — понюхайте. По-моему, они называются колокольчиками. Вероятно, кто-то выкопал их из прошлого.

Наверное, Гейтс и Шугерман. Вполне возможно, что один из анонимных букетов прислали из Психиатрического санатория. Аллан испытывал в глубине души убеждение: Мальпарто попытается вернуть утраченную власть.

Подчиненные оставили работу и выстроились для смотра. Аллан пожимал руки, наугад задавал вопросы, делал умные замечания, приветствовал тех, кого успел запомнить. Когда они с Мэвисом обошли все здание, наступил полдень.

— Неприятная заварушка возникла вчера вечером, — сказал Мэвис на обратном пути в кабинет. — Агентство «Блейк-Моффет» метило на пост директора на протяжении многих лет. Наверное, у них задницы прыщами пошли от того, что его заняли вы.

Аллан раскрыл принесенную с собой папку и вынул из нее пакет.

— Помните? — Он передал его Мэвису. — С него все и началось.

— О да. — Мэвис кивнул. — Погибшее дерево. Антиколонизационный МОРС.

— Вы же прекрасно понимаете, что к чему, — сказал Аллан.

Мэвис вкрадчиво сказал:

— Ну, конечно, символ духовного голодания. Отрыва от родной почвы. Вы намерены пустить его в ход? Новая волна Возрождения в

пропаганде. Вы хотите оказать этому свету такую же услугу, какую Данте оказал тому.

— Данный пакет, — сказал Аллан, — давным-давно устарел. Его следовало выпустить много месяцев назад. По-видимому, я мог бы начать поострожней, отдать в обработку уже закупленные материалы. И как можно меньше вмешиваться в дела сотрудников. Пусть себе работают, как привыкли, подход, снижающий риск. — Он открыл пакет. — Но...

— Никаких «но». — Мэвис нагнулся к Аллану, прикрыл рот рукой и хрипло прошептал: — Пароль: стели мягче.

Он пожал Аллану руку, пожелал ему удачи, примерно с час поболтался в одиночестве по зданию, а потом ушел.

Аллан увидел, как Мэвис, шаркая ногами, побрел восвояси, и лишь тогда осознал, какое бремя взвалил на себя. Но, ощутив его тяжесть, он почувствовал и прилив сил.

— Семерых одним ударом, — отметил он.

— Да, мистер Перселл. — На его слова живо откликнулись по селектору сразу несколько секретарш.

— Мой папаша переплюнет вашего, — сказал Аллан. — Просто проверка оборудования. Можете спать дальше, или чем еще вы там занимаетесь.

Он снял пальто, сел за стол и принялся разбирать содержимое пакета. Ему по-прежнему не хотелось ничего в нем менять, поэтому он поставил пометку «удовлетворительно» и опустил его в корзину. Корзина тут же унесла пакет, и теперь в каком-то звене длинной цепи его примут и пустят в обработку.

Аллан снял телефонную трубку и позвонил жене.

— Ты где? — спросила она, словно не смея поверить. — Ты в...?

— Я там, — подтвердил Аллан.

— К-как работа?

— Власть без ограничений.

Похоже, ей стало легче.

— Хочешь, вечерком отпразднуем?

Идея показалась ему привлекательной.

— Конечно. Для нас это грандиозный триумф, надо им насладиться. — Аллан попытался сообразить, что приличествует такому случаю. — Могу принести домой кварту мороженого.

Дженет сказала:

— Я чувствовала бы себя куда лучше, если бы ты рассказал, что произошло вчера вечером у миссис Фрост.

Незачем давать ей лишний повод для беспокойства.

— Ты напрасно тревожишься. Все кончилось благополучно, а остальное не имеет значения. Сегодня утром я пустил в ход пакет про дерево. Теперь им не удастся схоронить его под слоем пыли. Я намерен перевести сюда лучших работников агентства, таких ребят, как

Гарри Прайар. Я буду сокращать штат, пока не останется команда, которой можно управлять.

— Ты ведь не станешь делать передачи, слишком трудные для понимания? Я хочу сказать, не стоит показывать людям вещи, которые выше их разумения.

— Никто не знает, что именно выше человеческого разумения, — сказал Аллан. — Материалам, созданным на основе прогнивших кочерыжек, пора на покой, настало время всяческой новизны. Мы попробуем всего понемногу.

Дженет задумчиво проговорила:

— Помнишь, как было весело, когда мы только начинали? Создавали агентство, забрасывали ТИ свежими идеями, пакетами нового образца?

Аллан помнил.

— Думай об этом и дальше. Вечером увидимся. Все складывается прекрасно, так что не волнуйся. — Он сказал «до свидания», а потом повесил трубку.

— Мистер Перселл, — донесся из селектора голос, — несколько человек хотели бы повидаться с вами, они ждут.

— О'кей, Дорис, — сказал он.

— Вивиан, мистер Перселл. — В голосе послышался смешок. — Мне пропустить первого?

— Пусть войдет, будь то «он», «она» или «оно», — сказал Аллан. Он сложил руки на столе и пристально поглядел на дверь.

Первым посетителем оказалась женщина, точнее говоря, Гретхен Мальпарто.

Глава 17

Гретхен надела облегающий синий костюм, в руке она держала шитую бисером сумочку. Лицо ее побледнело и осунулось, глаза потемнели от волнения. От нее пахло свежими цветами — красивая, шикарная женщина. Она закрыла дверь и сказала:

— Я нашла твою записку.

— Родился мальчик. Шесть фунтов.

Казалось, в воздухе по всему кабинету поплыли крошечные крупинки; он уперся ладонями в стол и закрыл глаза. Когда он открыл их снова, крупинки исчезли, а Гретхен осталась; она сидела, закинув ногу на ногу, и теребила пальцами края юбки.

— Когда вы прилетели сюда? — спросила она.

— В воскресенье вечером.

— А я сегодня утром. — Она пошевелила бровями, и лицо ее скривилось от глухой боли. — Вы так внезапно скрылись.

— Ну, — сказал он, — просто догадался, где мы.

— Неужели там было так плохо?

— Я могу позвать сюда людей и выкинуть вас вон. Могу запереть вас где-нибудь. Могу сделать с вами все что угодно. Могу даже устроить так, чтобы вас арестовали и отдали под суд за уголовное преступление, вас, вашего брата и всю эту безумную контору, которой вы заведуете. Но тогда мне придет конец. Даже если сюда войдет Вивиан, чтобы записать что-нибудь под диктовку, а вы окажетесь здесь, мне конец.

— Кто такая Вивиан?

— Одна из новых секретарш. Я получил ее вместе с должностью.

На лице Гретхен снова проступил румянец.

— Вы преувеличиваете.

Аллан встал, подошел к двери и осмотрел ее. Обнаружив замок, он запер ее. Затем нажал на кнопку селектора и приказал:

— Пусть меня никто не беспокоит.

— Да, мистер Перселл, — ответила Вивиан.

Аллан снял трубку телефона и набрал номер агентства. К телефону подошел Гарри Прайар.

— Гарри, — сказал Аллан, — двигай сюда в ТИ, возьми скиб или бронеход. Поставь его как можно ближе к зданию, а потом поднимись ко мне в кабинет.

— Что случилось?

— Когда доберешься, позвони мне от секретарши. Не пользуйся селектором. — Он повесил трубку, потянулся и вырвал из гнезда провода селектора. — Эти штуки все записывают, — пояснил он Гретхен.

— Вы и в самом деле серьезно настроены.

— Уж будьте уверены. — Он скрестил руки на груди и прислонился к боковине стола. — Ваш брат сумасшедший?

Она сглотнула.

— Он... в каком-то смысле, да. Нарастающая маниакальность. Они все ненормальные. Экстрасенс-мистицизм. А у вас на энцефалограмме такая загогулина, вот его и повело.

— А вы сами?

— Я тоже, как видно, умом не отличаюсь. — Голос у нее стал тоненьким и ломким. — Я летела сюда четыре дня, у меня было время подумать. Я отправилась следом, как только увидела, что вас нет. Я... вправду надеялась, что вы вернетесь в дом. Принимала желаемое за действительное... там так уютно и красиво. — Она вдруг яростно выкрикнула: — Какой же вы дурак!

Аллан взглянул на часы и решил, что Гарри Прайар появится минут через десять. Вероятно, в данный момент он выводит скиб на крышу агентства.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросила Гретхен.

— Отвезу куда-нибудь и выкину. — Он подумал: может, Гейтс его выручит. Неплохо бы подержать ее на Хоккайдо. Впрочем, подобные

уловки свойственны им самим. — Вам не показалось, что по отношению ко мне это было весьма некрасиво? — спросил Аллан. — Я пришел к вам за помощью. И вел себя честно.

Уставясь в пол, Гретхен проговорила:

— Виноват мой брат. Я ничего не знала заранее, вы собрались уходить, пошли к дверям, а потом свалились. Он выстрелил из газового пистолета. Кому-то поручили переправить вас в Иной Мир, они собирались поместить вас на грузовой корабль в состоянии каталепсии. Я побоялась, как бы вы не умерли. Это рискованное предприятие. И поэтому полетела с вами.

Аллан уже почти не сердился, скорей всего она говорила правду.

— Вы умеете воспользоваться случаем, — пробормотал он. — Весьма хитроумная затея. Особенно здорово было, когда дом начал исчезать. А что за загогулина у меня на энцефалограмме?

— Мой брат принялся ломать над ней голову с той минуты, как увидел ее. Но так и не сообразил что к чему, и Диксон тоже. Какая-то экстрасенсорная способность, ясновидение, так он считает. Он думает, что вы сыграли шутку со статуей, чтобы избежать гибели от рук бойцов Когорты. По его мнению, бойцы Когорты убивают людей, которые забрались чересчур высоко.

— Вы тоже так думаете?

— Нет, — сказала она, — ведь я-то знаю, что означает эта загогулина. Ваш мозг обладает способностью, которой нет у других. Но это не ясновидение.

— А что же?

— У вас есть чувство юмора, — помедлив, ответила Гретхен.

В кабинете стало тихо, Аллан задумался, а Гретхен сидела, поглаживая юбку.

— Может быть, и так, — наконец произнес Аллан.

— А чувство юмора несовместимо с МОРСом. И с нами. Вы не «мутант», вы просто полноценный человек. — Голос ее набирал силу. — Ваша шутка и все, что вы проделали. Да вы же пытаетесь восстановить равновесие в мире, который его утратил. И не смеете признаться в этом даже самому себе. На поверхности у вас лежит вера в МОРС. А в глубине — эта самая загогулина, неустранимая кривая, которая хихикает, хохочет и шалит.

— Как-то по-детски, — заметил Аллан.

— Вовсе нет.

— Спасибо. — Он улыбнулся, глядя на нее с высоты своего роста.

— Все к чертям перепуталось. — Она вынула из сумочки носовой платок, вытерла глаза и засунула в карман пиджака. — Вы получили эту должность. Директор Телеинформациона, великого оплота нрав-

ственности. Блюститель норм общественной морали. Вы создаете моральные нормы. Ужасная путаница и неразбериха.

— Но я хочу здесь работать.

— Да, вы живете согласно высоким правилам морали. Но они не совпадают с правилами морали данного общества. Вам ненавистны секционные собрания. Безликие обвинители. Недомерки, — любители совать нос в чужие дела. Бессмысленная борьба за право аренды. Постоянное волнение, напряжение и тревога — взгляните на Майрона Мэвиса. И примесь подозрительности и чувства вины. Повсюду... какой-то налет. Все боятся, как бы не осквернить, не сделать что-нибудь неприличное. Нездоровое отношение к сексу, людей травят за совершение действий, положенных им по природе. В целом эта структура похожа на огромную камеру пыток, в которой люди не сводят глаз друг с друга, стараясь подметить каждый промах, пытаясь уничтожить ближнего. Охота на ведьм и звездные палаты. Цензура и запугивания, мистер Синий Нос предает анафеме книги. Дети не должны и слышать о дурном. Идея МОРСа возникла в больном мозгу, а теперь МОРС порождает людей с искалеченным сознанием.

— Ладно, допустим, — кивнул Аллан. — Только я не намерен валяться на траве и глазеть на загорающих девушек. Будто коммивояжер в отпуске.

— И это все, что вы увидели в Санатории?

— Это все, что я увидел в Ином Мире. А Санаторий представляет собой механизм для обработки людей.

— Санаторий делает нечто большее. Он предоставляет людям убежище, где они могут укрыться. Когда тревога и недовольство становятся губительны для них... — Она взмахнула рукой. — Они переходят на ту сторону.

— При этом они не бьют стекол в магазинах. И не насмешничают над статуями. Я предпочитаю насмешничать над статуями.

— Однажды и вы пришли к нам.

— Насколько я понял, — сказал Аллан, — Санаторий является частью общей системы. МОРС — одна ее сторона, а вы — другая. Две стороны медали, МОРС — это сплошной труд, а у вас бадминтон да шахматы. Общество состоит из него и вас, вы служите опорой и поддержкой друг другу. Я не могу находиться по обе стороны сразу, но из двух эта кажется мне предпочтительней.

— Почему?

— Здесь хоть что-то делается. Люди работают. А вы им говорите: пойдите погуляйте, половите рыбку.

— Значит, обратно вы со мной не полетите, — рассудительно сказала Гретхен. — Я, собственно, на это и не рассчитывала.

— Так зачем же вы сюда явились?

— Чтобы объясниться. Чтобы вы узнали, каким образом произошла вся эта история и какую роль я в ней играла. Почему я вмешалась.

И чтобы вы поняли самого себя. Я хотела, чтобы вы отдавали себе отчет в собственных чувствах... знали о ненависти, которую питаете к МОРСу. О глубоком возмущении, которое вызывает у вас его жестокость. Вы на пути к единому целому. А я хотела помочь. Может, тем самым мне удастся возместить вам то, что мы у вас отняли. Ведь вы просили нас о помощи. Мне очень жаль.

— Сожалеть о содеянном — неплохая идея, — хмуро констатировал Аллан. — Шаг сделан в верном направлении.

Гретхен встала и взялась за ручку двери.

— Я сделаю и следующий шаг. До свидания.

— Ну-ка сядьте на место. — Он попытался подтолкнуть ее к стулу, но она высвободила руку. — А что теперь? — спросил он. — Снова речи?

— Нет. — Она повернулась лицом к нему. — Я сдаюсь. И больше не причиню вам никаких неприятностей. Возвращайтесь к своей малышке-жене, отягощенной тревогами, там вам самое место.

— Она моложе вас, — сказал Аллан. — И размером поменьше.

— Превосходно, — пренебрежительно бросила Гретхен. — А... она понимает, что с вами? Ей известно про кривую, из-за которой вы не похожи на других и которая не позволяет вам сжиться с системой? Сможет она помочь вам вытащить это свойство на свет должным образом? Ведь это важно, куда важнее всего прочего. Даже ваша героическая поза, ваша новая должность на самом деле не...

— Все тот же труженик на благо общества, — сказал Аллан, слушая ее вполуха; он ждал появления Гарри Прайара.

— Вы ведь поверили тому, что я рассказала? О вас, об этом скрытом свойстве.

— О'кей, — вздохнул Аллан, — можете считать, что я поверил вашим россказням.

— Но это правда. Я... вы действительно не безразличны мне, Аллан. Вы очень похожи на отца Донны. Он все пытался улизнуть от системы, то уезжал, то возвращался. Те же подозрения и сомнения. Теперь он вернулся сюда насовсем. Я распрощалась с ним. И точно так же прощаюсь с вами.

— Последний вопрос, — сказал Аллан. — Для протокола. Вы на самом деле предполагаете, будто я стану платить по вашему счету?

— И вправду глупо получилось. Все делается согласно заведенным порядкам, в вашем случае проставлена пометка «за предоставленные услуги», чтобы никто не смог опознать предъявленный счет. Я объявлю его недействительным. — На лице ее вдруг появилось смущенное выражение. — Хочу вас кое о чем попросить. Вероятно, вам покажется смешным.

— Слушаю вас.

— Почему бы вам не поцеловать меня на прощание?

— Я не подумал об этом. — Аллан стоял, не двигаясь.

Гретхен сняла перчатки, положила их рядом с сумочкой и поднесла тонкие пальцы к его лицу.

— Никакой Молли на самом деле не существует, правда? Вы ее просто выдумали. — Ногти ее впились Аллану в шею, она притянула его к себе и поцеловала. Он уловил в ее дыхании слабый аромат мяты, губы у нее были влажные. — Какой вы замечательный, — проговорила она, отворачиваясь.

И вдруг пронзительно закричала.

На полу в кабинете сидела металлическая тварь, по форме напоминающая уховертку; поднятые вверх усы-рецепторы тихонько гудели. Недомерок подбежал поближе, затем метнулся назад.

Аллан схватил со стола пресс-папье и запустил им в недомерка. Он промахнулся, тварь по-прежнему двигалась. Она попыталась выбраться наружу через окно, откуда и проникла внутрь. Она побежала вверх по стене, и тут Аллан придавил ее ногой; поврежденный недомерок свалился на пол и пополз, описывая дугу. Аллан схватил пишущую машинку и обрушил ее на недобитого недомерка. А затем принялся искать, где в нем хранится пленка.

В это время дверь кабинета с треском распахнулась и в комнату ворвался второй недомерок. А следом за ним Фред Ладди, который тут же защелкал фотоаппаратом со вспышкой. Вместе с ним прибежали техники из «Блейк-Моффета», полностью экипированные для работы, — провода, наушники, камеры, микрофоны и батарейки. За командой из «Блейк-Моффета» следовала орда визгливых взбудораженных работников ТИ.

— Предъявите нам счет за замок! — закричал Ладди и споткнулся о шнур микрофона. — Кто-нибудь там, вытащите пленку из разбитого недо...

Два техника проскочили мимо Гретхен и подхватили останки раздавленного недомерка.

— Вроде бы цела, Фред.

Ладди делал снимки, лентопротяжный механизм тянул пленку, а неповрежденный недомерок восторженно гудел. В кабинет битком набились люди со всяческой аппаратурой, Гретхен нахохлившись стояла в уголке, а где-то вдали послышался вой охранной системы.

— Мы высверлили замок! — крикнул Ладди, подбегая к Аллану с фотоаппаратом в руках. — Ты нас не слышал, ты в это время расправлялся с недомерком, которого мы заслали через окно. Ну и горазды же лазать эти штуки — шестой этаж!

— Беги, — сказал Аллан Гретхен, расталкивая людей у нее на пути. — Спускайся вниз и проваливай отсюда.

Стряхнув оцепенение, она бросилась к раскрытой двери. Заметив это, Ладди пришел в смятение, взвизгнул, сунул фотоаппарат кому-то из своих подчиненных и рванулся следом. Он схватил девушку за руку, но Аллан настиг его и с размаху нанес ему удар в челюсть.

Ладди свалился, а Гретхен, издав отчаянный вопль, скрылась в коридоре.

— Ох, парень, — ликующе крикнул кто-то из работников «Блейк-Моффета», помогая Ладди подняться, — какие у нас снимки!

В кабинете находилось уже трое недомерков, и вот-вот прибегут новые. Аллан присел на кондиционер, чтобы передохнуть. Повсюду царила полная неразбериха, люди из «Блейк-Моффета» все еще щелкали фотоаппаратами, а сотрудники ТИ пытались восстановить порядок.

— Мистер Перселл, — пронзительно закричала прямо в ухо Аллану одна из его секретарш, по-видимому Вивиан, — что нам делать? Вызвать полицию?

— Выгоните их отсюда, — ворчливо проговорил Аллан. — Позовите работников из других отделов и вышвырните их вон. Они не имеют права здесь находиться.

— Да, сэр, — сказала секретарша и умчалась.

К нему подошел Ладди, которого с обеих сторон подпирали соратники. Он снова завладел своим фотоаппаратом и теперь ощупывал подбородок.

— Первая пленка цела. На нее заснято, как ты обжимаешься тут со своей пташкой. И все остальное тоже: как ты раздавил недомерка, как ударил меня, как выпихнул отсюда девушку. Запертая дверь, вырванные из селектора провода — полный набор.

Среди толкучки появился Гарри Прайар.

— Аллан, что случилось? — Он увидел Ладди и недомерков. — Ой, нет, — сказал он. — Нет.

— Недолго ты продержался, — сказал Ладди Аллану. — Ты... — Он увернулся от Прайара, который двинулся прямо на него.

— Похоже, — сказал Прайар, — я опоздал.

— Как ты сюда добирался? На руках шел?

Размеры хаоса начали постепенно уменьшаться. Сотрудников «Блейк-Моффета» вместе с оборудованием силком препровождали за дверь. Они лучезарно улыбались. Помрачневшие подчиненные Аллана собирались небольшими кучками, поглядывали на него и шепотом переговаривались между собой. Ответственный за ремонтные работы в ТИ осматривал дыру в двери кабинета на том месте, где прежде стоял замок. Люди из «Блейк-Моффета» прихватили замок с собой, очевидно, в качестве трофея.

— Вторжение, — сказал Прайар. — Никогда бы не подумал, что у Ладди хватит на такое духу.

— Идея принадлежит Блейку, — сказал Аллан. — А Ладди вершит кровную месть. Круговорот вещей в природе. Я уел Ладди, теперь он уел меня.

— Им удалось... ну, они заполучили, что хотели?

— Полный короб, — сказал Аллан. — Я перешел всякие рамки и раздавил недомерка.

— А кто эта девушка?

Аллан скорчил гримасу.

— Просто знакомая. Племянница, приехавшая из деревни. Моя дочь. К чему спрашивать?

Глава 18

Поздним вечером того же дня они с Дженет сидели в темноте, прислушиваясь к звукам, которые просачивались через стены из других квартир. Рокот голосов, далекая музыка, громыхание кастрюль и сковородок и неразборчивые отзвуки, причиной которым могло послужить что угодно.

— Хочешь, погуляем? — спросил он.

— Нет, — сидевшая рядом Дженет чуть шевельнулась.

— Может, ляжем спать?

— Нет. Просто посидим.

Через некоторое время Аллан сказал:

— По пути в ванную я столкнулся с миссис Бирмингэм. Конвой бронеходов доставил донесения. Под охраной из шести человек. Теперь она куда-то их припрятала, вероятно, в старый чулок.

— Тебя будут разбирать на секционном собрании?

— Да, и я намерен защищаться всеми доступными средствами.

— От этого будет какой-нибудь толк?

Аллан поразмыслил.

— Нет.

— Значит, — сказала Дженет, — все кончено.

— Мы лишимся права аренды, очевидно, ты это имеешь в виду. Но миссис Бирмингэм ничего больше не сможет поделать. Стоит нам уехать отсюда, как ее власти придет конец.

— Ты смирился с этим, — сказала Дженет.

— Почему бы и нет. — Он принялся искать сигареты, но потом оставил это занятие. — А ты?

— Твоя семья трудилась ради этой квартиры не один десяток лет. Все годы, которые твоя мама проработала в агентстве «Саттон». А папа в художественном отделе ТИ.

— Совокупный статус. — Аллан махнул рукой. — Можешь мне не напоминать. Но я все еще директор Телеинформациона. А вдруг я исхитрюсь и получу у Сью Фрост право на аренду квартиры. С формально-юридической точки зрения мне положено его иметь. Мы должны поселиться в квартире Майрона Мэвиса, чтобы я мог ходить пешком на работу.

— Разве теперь она предоставит тебе такое право? После всего, что сегодня случилось?

Аллан попытался представить себе Сью Фрост, выражение ее лица, звук ее голоса. Оставшуюся часть дня он проболтался в кабинете, ожи-

дая звонка от нее, но так и не дождался. Свыше не поступило ни слова, власть имущие пока помалкивали.

— Ей грозит разочарование, — сказал он. — Она питала на мой счет надежды, подобные которым возникают только у матерей.

Вверх по лесенке, поколение за поколением. Старушечьи прожекты, тайные стремления и хлопоты родителей, пропихивающих детей на ступеньку повыше. Изнеможение, пот, могила.

— Нетрудно догадаться, что «Блейк-Моффет» посвятил ее в курс дела, — сказал он. — Похоже, настало время рассказать тебе о том, что происходило вчера у нее дома.

Аллан поведал Дженет обо всем, но жена ничего не ответила. В квартире было слишком темно, и он не видел ее лица; он подумал: не упала ли она от горя в обморок. А может, ему на голову вот-вот обрушится буря первобытных страстей? Наконец он легонько подтолкнул ее локтем, и она сказала:

— Я боялась, что стрясется что-нибудь в этом роде.

— С чего бы это?

— У меня возникло такое ощущение. Может, я ясновидящая. — (Аллан рассказал ей о тестах доктора Мальпарто по выявлению экстрасенсорных способностей.) — И девушка все та же?

— Девушка, которая привела меня в Санаторий, которая помогла меня похитить, которая уперлась бюстом мне в лицо и заявила, будто я — отец ее ребенка. Очень привлекательная девушка, владелица большого красивого дома. Но ведь я вернулся. Похоже, никто не считает, что это важно.

— Я считаю, — сказала Дженет. — Как ты думаешь, она сознательно принимала участие в этой инсценировке?

— Подобная мысль не приходила мне в голову. Но нет. От этой затеи выигрывает только «Блейк-Моффет». А Санаторий не является частью «Блейк-Моффета». Гретхен просто глупо и безответственно себя вела, преисполнившись девичьего пыла. У них это называется неокрепшей любовью. Плюс идеалистические представления о своем призвании. И братец у нее такой же: идеалист, трудящийся во имя блага пациента.

— Но ведь это бред какой-то, — возразила Дженет. — Она всего лишь зашла к тебе в кабинет, и ты всего лишь поцеловал ее на прощание. А в результате ты терпишь полный крах.

— Эта жизнь — «непотребное дело», — сказал Аллан, — что станет окончательно ясно около девяти часов в среду. Интересно, что сможет предпринять в мою защиту мистер Вейлс. Для него это будет крайне сложной задачей.

Но на самом деле секционное собрание не имеет особого значения. Неизвестной величиной является Сью Фрост, однако может пройти еще несколько дней, прежде чем проявится ее реакция. Ведь ей необходимо посоветоваться с Идой Пиз Хойт, чтобы эта реакция несла на себе печать полной бесповоротности.

— По-моему, ты как-то говорил, что принесешь домой кварту мороженого, — вяло проговорила Дженет.

— Это выглядело бы глупо, — откликнулся Аллан, — учитывая все обстоятельства.

Глава 19

В среду утром зал в цокольном этаже жилищной секции оказался набит битком. Юбочный телефон разнес весть о предстоящем разбирательстве, в основном потрудились женщины. В воздухе облаком висел дым от сигарет, система кондиционирования не могла с ним справиться. В дальнем конце зала на трибуне восседали надзирательницы, — явились все до единой.

Дженет, одетая в свеженакрахмаленное платье, вошла в зал чуть раньше Аллана. Она направилась прямиком к пустовавшему столу и села у микрофона. По негласному правилу один стол оставался свободным: предполагалось, что в решающую минуту жена придет на помощь мужу. Лишить ее этого права означало бы публично оскорбить МОРС.

В прошлый раз ни один из столов не пустовал. В прошлый раз положение еще не было критическим.

— Это серьезно, — сказал жене Аллан, занимая позицию у нее за спиной. — И это надолго, с нами примутся сводить счеты, нас ждет поражение. Так что ты не впутывайся. Не пытайся меня спасти, потому что спасти меня невозможно. Как мы и порешили вчера вечером.

Уставясь перед собой невидящим взором, Дженет кивнула.

— Когда они вопьются в меня зубами, — тихонько, словно мурлыкая песенку, говорил Аллан, — не взвивайся и не пытайся отбиться ото всех сразу. Тут все при полном снаряжении, их прямо-таки разбирает. А где же мистер Вейлс, человек невысокого роста?

Среди собравшихся не оказалось человека, который верил в Аллана Перселла, двери уже закрыли — он не придет.

— Вероятно, они выискали прореху в его правах аренды, — сказал Аллан. Миссис Бирмингэм поднялась с места и взяла листок с повесткой дня. — Или вдруг выяснилось, что ему принадлежит сеть торчковых домов, простирающаяся от Новейшего Йорка до Орионуса.

Дженет сидела, все так же глядя вперед, он не замечал за ней прежде подобной твердости. Казалось, она облечена в некий футляр, непроницаемый снаружи и не пропускающий ничего изнутри. Он подумал: уж не приберегает ли она силы для одного мощного броска. По-видимому, это выяснится, когда дамы зачитают свой вердикт.

— Здесь пыльно, — проговорил Аллан среди воцарившейся в зале тишины.

Кое-кто глянул на него и тут же отвернулся. Он катится под гору, людям невыгодно, чтобы их хоть как-то связывали с ним.

В конце зала недомерки сдавали пленки с записями. Всего семь штук. Аллан прикинул: шесть на его долю, одна на всех остальных.

— Вначале мы рассмотрим дело мистера А. П., — объявила миссис Бирмингэм.

— Отлично, — сказал Аллан, испытывая облегчение.

Головы снова повернулись в его сторону. Рокот голосов взмыл в воздух и смешался с завесой табачного дыма.

Его охватило какое-то злобное веселье. Ряды праведников с серьезными лицами... да это же ни дать ни взять церковь, в которой собрались на сходку ханжи-прихожане. Засунув руки в карманы, он пошел размашистым шагом к трибуне для обвиняемых. Дженет по-прежнему сидела за своим столом, с застывшим и непроницаемым, как у деревянного изваяния, лицом. Аллан кивнул ей, и заседание открылось.

— Мистер А. П., — проговорила миссис Бирмингэм громким властным голосом, — днем 22 октября 2114 года сознательно и по доброй воле занимался непотребным делом с молодой женщиной на своем рабочем посту и в рабочее время. Далее мистер А. П. сознательно и по доброй воле уничтожил государственный прибор контроля, желая ускользнуть от слежки, а затем с той же целью ударил по лицу гражданина МОРСа, нанес ущерб частному имуществу и всяческими доступными ему способами пытался скрыть содеянное.

Громкоговоритель немного пощелкал, собираясь приступить к вещанию. Заработала связующая сеть, динамик погудел, пожужжал и заговорил.

— Уточните. Дайте определение «непотребного дела».

Миссис Бирмингэм поправила очки и стала читать дальше:

— Мистер А. П. впустил молодую женщину в свой кабинет, расположенный в здании Телеинформационного треста Комитета, заперся там вместе с ней, приняв все меры к тому, чтобы никто не застиг их врасплох, а когда это все же произошло, «обнимался и целовался с ней, чувственно лаская ее лицо и плечи», причем тело его «соприкасалось с телом женщины».

— Это тот самый мистер А. П., которого мы разбирали две недели назад? — спросил голос.

— Да, — не колеблясь сказала миссис Бирмингэм.

— А на прошлой неделе он отсутствовал на собрании? — Затем голос заявил: — Мы вызвали мистера А. П. не потому, что он пропустил предыдущее собрание, мы уже разобрались с этим его проступком.

Участники собрания были настроены по-разному. Как обычно, многие испытывали любопытство, а некоторые скучали, и происходящее не особенно их занимало. Однако часть зрителей выказала необычайный интерес, именно они и привлекли к себе внимание Аллана.

— Мистер А. П., — произнес голос, — вы тогда впервые встретились в этой молодой женщиной?

— Нет, — сказал он, — я виделся с ней и прежде. — В вопросе крылась западня, которую расставляли каждый раз: если он ответит утвердительно — да, впервые, — ему можно будет предъявить обвинение в неразборчивости в связях. На проступки по части секса смотрели более снисходительно, если они совершаются с одним и тем же партнером; мисс Дж. Э. оправдали на этом основании, и он тоже намеревался им воспользоваться.

— Часто? — спросил до бесконечности невыразительный голос.

— Не слишком. Мы были добрыми друзьями. И теперь ими являемся. Я весьма высокого мнения о мисс Г. М. Я отношусь к ней с глубоким уважением, и моя жена тоже.

— Ваша жена знакома с ней? — спросил голос. И ответил на собственный вопрос: — Он только что об этом сказал.

Аллан проговорил:

— Позвольте мне кое-что разъяснить. Мисс Г. М. — женщина сознательная. Я непоколебимо верю в ее моральную безупречность. Иначе я не впустил бы ее к себе в кабинет. — Всем уже известно о его новой должности, поэтому он предпринял решительный шаг. — Находясь на посту директора Телеинформациона, я обязан проявлять особую осмотрительность при выборе друзей. Поэтому...

— Сколько времени вы занимаете этот пост?

Аллан замялся.

— Я вышел на работу в понедельник.

— И тогда же там появилась эта молодая женщина?

— На протяжении всего дня приходило и уходило множество людей. Приносили букеты «цветов», вам ведь знакома процедура, связанная с поздравлениями. Меня осаждали благожелатели. Мисс Г. М. оказалась среди них. Она зашла пожелать мне удачи.

Голос сказал:

— Большой удачи. — Несколько человек с понимающим видом ухмыльнулись. — Вы заперли дверь, не так ли? Вы оборвали провода селектора? Вы позвонили по телефону с просьбой доставить бронеход, чтобы скрыться вместе с ней?

Он не предполагал, что в официальных донесениях имеются подобные сведения. Ему стало не по себе.

— Я запер дверь, потому что целый день люди то и дело врывались в кабинет. Я был взвинчен, нервничал. Честно говоря, получение такой должности вывело меня из равновесия, мне не хотелось вообще никого видеть. А что касается селектора... — Он бессовестно соврал, вовсе не испытывая стыда. Система не оставила ему иного выхода. — Я не успел освоиться в новом кабинете и нечаянно зацепился за провода. Они оборвались. Любому служащему известно: такое случается часто... и именно в подобный момент.

— Именно, — произнес голос.

— Мисс Г. М., — продолжал Аллан, — пробыла у меня около десяти минут. Когда в кабинете появился прибор контроля, я прощался с ней. Она спросила, нельзя ли ей поцеловать меня в знак наилучших пожеланий. Прежде чем я успел ей отказать, она так и поступила. Вот что произошло, вот что увидел контролирующий прибор.

— Вы попытались его уничтожить.

— Мисс Г. М. закричала, растерявшись от неожиданности. Прибор проник в кабинет через окно; ни она, ни я этого не заметили. Честно говоря, мы приняли его за что-то опасное. Я сейчас уже точно не помню, за что именно. Я услышал крик мисс Г. М., заметил неясное движение. Я инстинктивно дернул ногой и попал в прибор.

— А человек, которого вы ударили?

— Когда мисс Г. М. вскрикнула, дверь взломали и в кабинет ворвались охваченные истерией люди. Какое-то время там творился сущий бедлам, как и указано в донесении. Один из этих людей подбежал к мисс Г. М. и схватил ее; я подумал, что он хочет на нее напасть, и мне не оставалось ничего иного, как вступиться за нее. Будучи джентльменом, я счел это своей обязанностью.

— Данные в донесении подтверждают это? — спросил голос.

Миссис Бирмингэм стала проверять.

— Человек, которому был нанесен удар, пытался силой задержать молодую женщину. — Она перевернула страницу. — Здесь отмечено, однако, что мистер А. П. велел женщине скрыться с места происшествия.

— Естественно, — сказал Аллан. — Поскольку я боялся, что на нее нападут, мне хотелось, чтобы она убежала в безопасное место. Представьте себе, какое создалось положение. Мисс Г. М. заходит ко мне в кабинет, чтобы пожелать...

— Не та ли это мисс Г. М., — перебил его голос, — с которой вы провели четыре дня и *ночи* на борту курсирующего между системами корабля? Та самая мисс Г. М., которая зарегистрировалась под вымышленным именем, желая скрыть настоящее? Не с этой ли мисс Г. М. вы несколько раз совершали прелюбодеяние в различных местах? Разве не соответствует истине тот факт, что вы все скрывали от жены, которая на самом деле ни разу не встречалась с этой женщиной и не могла составить о ней никакого мнения, а потому относится к ней так же, как все нормальные женщины относятся к любовнице мужа?

Всеобщее смятение, шум и крики.

Аллан подождал, пока они поутихнут.

— Я никогда ни с кем не прелюбодействовал. Я не состою в интимной связи с мисс Г. М. Я ни разу...

— Вы обнимали ее и целовали, разве это не называется интимными ласками?

— Мужчина, — сказал Аллан, — способный заниматься сексом в первый день работы на новой должности, — человек весьма необычный.

Одобрительный смех, редкие аплодисменты.

— Мисс Г. М. хороша собой? — Этот вопрос, по всей вероятности, задала чья-то жена.

Специально подосланный человек, который задавал вопросы, исходя из дополнительных данных, на время замолчал.

— Наверно, — сказал Аллан. — Если над этим задуматься... Да, она привлекательна. Некоторые мужчины сочли бы ее хорошенькой.

— Когда вы встретились с ней впервые?

— О, приблизительно... — И тут он замолчал. Он чуть было не попался. Он совершил бы ошибку, ответив «две недели назад». В мире МОРСа двухнедельная дружба не позволяет обнимать и целовать друг друга. — Мне придется хорошенько припомнить, — сказал так, будто речь шла о десятилетиях. — Когда мы с ней впервые встретились, я работал... — Аллан говорил все тише, потом замолчал и дождался, пока задававшим вопросы не стало невтерпеж.

Голос сказал:

— Каким образом вы с ней познакомились?

В глубине души Аллан чувствовал, как близко подобрался к нему враг. Есть множество вопросов, на которые он не в состоянии ответить и от которых не сможет уклониться. И это один из них.

— Я не помню, — сказал он и увидел, как пол разверзся у него под ногами, приоткрыв бездну, в которую он сейчас провалится. — Вероятно, через общих знакомых.

— Где она работает?

— Не знаю.

— Почему вы отправились с ней в путешествие на четыре дня?

— Докажите это. — Хоть такой выход еще остался. — Так написано в донесении?

Миссис Бирмингэм тщательно просмотрела рапорт и отрицательно покачала головой.

— Мистер А. П., — произнес голос, — мне хотелось бы спросить вас вот о чем. — Аллан не мог определить, выступает ли все тот же обвинитель, но из осторожности предположил, что это так. — Две недели назад, когда вы вернулись домой, напившись, вы были с этой же женщиной?

— Нет, — сказал он совершенно честно.

— Вы уверены? Вы сидели один в кабинете, вы полетели на скибе на Хоккайдо, вы появились здесь несколько часов спустя, явно после того, как...

— Тогда я даже не был с ней знаком, — сказал он. И понял, что совершил непоправимую ошибку. Но, увы, было уже слишком поздно.

— Вы познакомились с ней «меньше двух недель назад»?

— Я встречал ее и раньше. — Голос у него стал тонким, как писк насекомого, он терял силы от сознания провала. — Но знал ее не особенно хорошо.

— Что же такое произошло за истекшие две недели? Именно в это время между вами и возникла связь?

Аллан решил не торопиться и подумать. Что бы он ни ответил, ситуация безнадежна. Впрочем, иного завершения быть не могло.

— Я не заметил, — почти безразлично ответил он наконец, — чтобы она вообще между нами возникла, в то время или в какое-нибудь другое.

— Взаимоотношения с молодой женщиной, которая не является вашей женой и с которой вы обнимаетесь, лаская друг друга и соприкасаясь телами, с вашей точки зрения не...

— Человеку с больным воображением покажутся грязными любые взаимоотношения, — сказал Аллан. Он встал с места и повернулся лицом к людям, сидевшим внизу в зале. — Мне хотелось бы видеть, с кем я говорю. Вылезайте из укрытия, дайте взглянуть на вас.

Безликий голос продолжал:

— Вы всегда даете волю рукам при виде молодых женщин, с которыми вам доводится сталкиваться на протяжении дня. У вас такая привычка? Вы используете служебное положение, чтобы...

— Вот что я вам скажу, — заявил Аллан. — Назовите себя, и я вышибу из вас мозги. Мне осточертели эти безликие нападки. Такие собрания используют люди с грязными садистическими наклонностями, они выпытывают все вплоть до омерзительнейших деталей, они готовы опорочить любого невинного человека, если тот попадется им в лапы, они видят что-то постыдное и нечистое в любых нормальных отношениях между людьми. Прежде чем я покину эту трибуну, мне хотелось бы сделать заявление общего теоретического характера. Мир стал бы куда лучше, если бы в нем не было этой патологической инквизиции. Каждое из подобных заседаний причиняет больше вреда, чем все совокупления, в которые вступали друг с другом мужчины и женщины с самого сотворения мира.

Он опустился на место. В ответ не раздалось ни звука. Зал погрузился в полнейшую тишину. Прошло некоторое время, и миссис Бирмингэм сказала:

— Если никто больше не желает ничего заявить, Комитет приступает к вынесению решения.

Безликий «голос правосудия» не откликнулся. Аллан сидел съежившись, он вдруг понял, что в его защиту не прозвучало ни слова. Дженет по-прежнему оставалась неподвижной, как деревянный истукан. Может, она согласна с обвинителями? Но в тот момент он решил, что это не имеет значения.

Как показалось Аллану, дамский совет обменивался мнениями излишне долго. В конце концов, решение известно заранее. Аллан потеребил нитку на рукаве, покашлял и нетерпеливо заерзал на стуле. Наконец миссис Бирмингэм встала.

— Соседи по жилищной секции, — заявила она, — вынуждены, к сожалению, сообщить, что считают мистера А. П. нежелательным здесь

лицом. Это крайне печально, поскольку мистер А. П. на протяжении многих лет являлся образцовым жильцом данной секции, также как и его родственники в прошлом. Следует заметить, что мистер А. П. родился в той квартире, которую сейчас занимает. Поэтому Комитет, выступая от лица соседей мистера А. П. по жилищной секции, лишь с глубокой неохотой вынужден объявить, что лишает его права аренды с 6 ноября 2114 года и с еще большей неохотой обязывает мистера А. П. и членов его семьи покинуть и освободить от вещей занимаемую ими площадь к указанной дате. — Миссис Бирмингэм с минуту помолчала, а затем перешла к официальной части. — Мы также надеемся на понимание со стороны мистера А. П., ведь в сложившихся обстоятельствах у Комитета и соседей по жилищной секции не оставалось иного выбора, и все мы желаем ему больших успехов в личной жизни. Вдобавок Комитет хотел бы заявить, что его члены с уверенностью считают мистера А. П. человеком величайшей стойкости и силы духа. Комитет убежден, что мистер А. П. преодолеет эти временные затруднения.

Аллан громко расхохотался.

Миссис Бирмингэм бросила на него недоуменный взгляд, затем сложила бумаги с текстом вердикта и отошла назад. Аллан спустился по лесенке с трибуны и прошел через переполненный зал к столу, за которым сидела его жена.

— Пошли, — сказал он ей, — мы вполне можем уйти.

Пробираясь к выходу, они услышали, как миссис Бирмингэм бубнит, зачитывая текст следующего обвинения.

— Теперь мы рассмотрим дело Р. П., мальчика, возраст девять лет, который сознательно и по доброй воле утром 21 октября 2114 года нацарапал слова порнографического содержания на стене общественной ванной комнаты второго этажа данной жилищной секции.

— Что ж, — сказал Аллан жене, когда за ними заперли дверь, — вот и все.

Она кивнула.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Все это как будто не по-настоящему.

— По-настоящему. Через две недели нам придется убраться отсюда. Временные затруднения. — Он покачал головой. — Ну и фарс.

В коридоре, зажав под мышкой свернутую газету, слонялся без дела мистер Вейлс. Завидев Аллана и Дженет, он нерешительно двинулся к ним.

— Мистер Перселл...

Аллан остановился.

— Здравствуйте, мистер Вейлс. Нам вас недоставало.

— Я не был там, — с виноватым и в то же время оживленным видом сказал мистер Вейлс. — Мистер Перселл, у меня подошла очередь на следующую квартиру. Поэтому я и отсутствовал, я больше не имею отношения к вашей жилищной секции.

— А-а... — протянул Аллан. Значит, они не выпихнули его потихоньку, они купили право аренды квартиры рангом повыше и подарили его мистеру Вейлсу. По всей видимости, он и не знает, отчего ему так повезло; в конце концов, у него свои проблемы.

— Как прошло собрание? — спросил мистер Вейлс. — Мне кто-то сказал, что вас опять разбирали.

— Да, — подтвердил Аллан.

— Что-нибудь серьезное? — забеспокоился мистер Вейлс.

— Не слишком. — Аллан похлопал его по плечу. — Все уже позади.

— Надеюсь, из-за моего...

— Это ничего бы не изменило. Но все равно спасибо.

Они пожали друг другу руки.

— Заходите в гости, — сказал напоследок мистер Вейлс. — Мы с женой будем рады повидать вас.

— О'кей, — сказал Аллан. — Зайдем непременно. Когда окажемся по соседству.

Аллан отвел Дженет обратно в квартиру, а затем, проделав пешком долгий путь до Телеинформациона, направился в свой новый кабинет. Его подчиненные пребывали в подавленном настроении; поздоровавшись с ним, они тут же возвращались к прерванной работе. Его двухчасовое отсутствие означало, что секционное собрание состоялось, и все понимали, откуда он пришел.

Зайдя в кабинет, Аллан ознакомился со сводкой планов на день. Пакет про дерево пошел в обработку, это его порадовало. Он вызвал к себе кое-кого из служащих ТИ, обсудил с ними технические вопросы, потом посидел какое-то время в одиночестве, покурил и подумал.

В одиннадцать тридцать в кабинет с веселым видом ворвалась привлекательная и деловитая миссис Фрост. Она решила нанести ему визит.

— Не стану надолго вас отрывать, — заявила она. — Я понимаю, как вы заняты.

— Я просто сидел тут, — пробормотал он.

Но она продолжала:

— Мы хотели узнать, не свободны ли вы с женой сегодня вечером. Я собираю у себя народ на игру в «фокусника», всего несколько человек, и нам бы очень хотелось, чтобы вы тоже пришли. Будут Мэвис, миссис Хойт и, возможно...

Он перебил ее.

— Вы хотите, чтобы я подал в отставку? Дело в этом?

Она вспыхнула.

— Раз уж мы решили собраться, я подумала, что представится удобный случай для дальнейшего обсуждения некоторых...

— Скажите прямо, — попросил Аллан.

— Ладно, — согласилась она и с подчеркнутой сдержанностью проговорила: — Мы хотели бы получить от вас прошение об отставке в письменном виде.

— Когда?

— Как можно скорее.

— Вы хотите сказать — сейчас?

Выказывая почти безупречное самообладание, Сью Фрост сказала:

— Да, если это вам удобно.

— А если нет?

Похоже, ей не удалось понять его сразу.

— Иначе говоря, — развил мысль Аллан, — что будет, если я откажусь уйти в отставку?

— Тогда, — проговорила миссис Фрост, невозмутимо глядя Аллану в лицо, — вас уволят.

— С какого числа?

И тут она впервые дрогнула.

— Нужно, чтобы решение утвердила миссис Хойт. Собственно говоря...

— Собственно говоря, — продолжил Аллан, — для этого потребуется решение всего Комитета. Право на аренду остается за мной до шестого числа, и раньше этого срока вам не удастся законным порядком выдворить меня из ТИ. А до тех пор я останусь директором. Если я вам понадоблюсь, можете позвонить мне сюда, в кабинет.

— Вы серьезно? — сдавленным голосом проговорила миссис Фрост.

— Да, — ответил Аллан. — Такое случалось когда-нибудь прежде?

— Н-нет.

— Я так и думал. — Он взял со стола бумаги и принялся их изучать: за время, которое ему осталось, нужно будет проделать немалую работу.

Глава 20

Мистер Вейлс в полном одиночестве осматривал свою новую квартиру в секции Р6 арендной зоны номер 28. Исполнилась мечта всей его жизни. Он продвинулся не на одну, а на целых две зоны в направлении к *омфалосу*. Жилищное ведомство рассмотрело его прошение, признало его образ жизни в высшей степени добродетельным и оценило его преданность интересам общества.

Мистер Вейлс походил по комнате, потрогал стены и пол, посмотрел в окно, заглянул в шкаф. Он провел рукой по плите, подивился своим приобретениям. Предыдущие жильцы оставили даже предметы из «эрудифакта»: часы, бритвенный прибор, мелкие приспособления.

Мистеру Вейлсу казался невероятным тот факт, что его заурядная личность получила признание. Прошения скапливались на столах ра-

ботников Жилищного ведомства в кучи высотой по десять футов. Несомненно, Бог существует. Несомненно, случившееся доказывает, что в конце концов победа достается кротким, смиренным и непритязательным людям.

Мистер Вейлс сел, вскрыл пакет и вынул из него вазу. Он приобрел ее, чтобы подарить жене. Праздничный подарок. Сине-зеленая ваза, испещренная светлыми искорками. Мистер Вейлс повернул ее, подул на покрытую глазурью поверхность, крепко сжал вазу в руках.

Потом его мысли обратились к мистеру Перселлу. Он припомнил все случаи, когда мистер Перселл вступался за людей, оказавшихся в роли жертвы на еженедельных секционных собраниях. Все добрые слова, которые он сумел найти. И утешение, которое он нес мученикам во время испытаний.

Мистер Вейлс представил себе, как, должно быть, выглядел Аллан Перселл, когда его разбирали на последнем собрании секции. Представил себе рвущих его на части псов и вцепившихся ему в горло сучек.

— Я его предал! Я позволил им распять его! — вдруг воскликнул он.

Острая тоска охватила его, он стал раскачиваться взад-вперед. А потом вскочил на ноги и запустил вазу в стену. Ваза разбилась; сине-зеленые осколки, испещренные светлыми искорками, заплясали вокруг.

— Я — Иуда, — сказал мистер Вейлс. Он прикрыл глаза руками, чтобы не видеть этой квартиры. Она стала ему противна. Вот он и получил то, чего всегда желал, а это ему больше не нужно.

— Я передумал! — крикнул он, но его никто не услышал. — Можете забрать ее назад!

В комнате стояла тишина.

— Сгинь! — закричал мистер Вейлс.

И открыл глаза. Комната осталась на месте. Она не послушалась, не исчезла.

Мистер Вейлс принялся подбирать осколки вазы. Он порезал пальцы кусочками стекла и обрадовался этому.

Глава 21

На следующее утро Аллан явился в свой кабинет в здании Телеинформациона ровно в восемь часов. По мере того как его подчиненные занимали рабочие места, он обращался к каждому с просьбой зайти к нему в кабинет, и наконец там собрались все тридцать три сотрудника. Пока сотни рядовых работников продолжали трудиться, сидя за столами, Аллан обратился к тем, кто возглавлял различные отделы и заведовал ими.

— Вчера от меня потребовали, чтобы я ушел в отставку. Это связано со скандалом, который произошел здесь в понедельник днем. Я отказался уйти, а потому остаюсь директором хотя бы до тех пор, пока Комитет не соберется на заседание и не уволит меня.

Подчиненные восприняли это известие довольно настороженно. Один из сотрудников, начальник отдела планирования, спросил:

— Сколь долго, по вашему мнению, вы еще пробудете на этом посту?

— Примерно с неделю, — ответил Аллан. — Может, чуть дольше.

— И вы намерены продолжать работу в течение этого времени?

— Я намерен трудиться в полную меру сил и способностей, — сказал Аллан. — Многое необходимо сделать, и я собираюсь этим заняться. Однако вы имеете право знать о создавшемся положении.

Элегантная женщина в очках, тоже из заведующих, спросила:

— По закону вы являетесь директором, верно? Пока они вас не уволят...

— Пока не подписан официальный приказ об увольнении, я остаюсь единственным правомочным директором треста, то есть вашим начальником со всеми соответствующими полномочиями, явными и неявными. Естественно, все мои распоряжения вызовут сильнейшие подозрения. Вероятно, следующий директор надменно отменит их.

Сотрудники вполголоса обменялись замечаниями.

— Вам следует поразмыслить, — сказал Аллан, — до того, как я обращусь к вам с поручениями. Не берусь предположить, какие неприятности на вас свалятся, если вы станете работать со мной и выполнять мои приказы. На этот счет я могу гадать с таким же успехом, как и вы сами. Может, следующий директор всех вас уволит. А может, и нет.

— Маловероятно, — сказал кто-то из сотрудников.

— Я даю вам несколько часов, обсудите этот вопрос между собой. Скажем, до полудня. Те из вас, кто предпочтет избежать риска, могут отправиться по домам и выждать там до конца срока моих полномочий. Я уверен, что это не вызовет неудовольствия у работников Комитета; возможно, они сами предложат вам поступить таким образом.

Один из сотрудников спросил:

— Чем именно вы намерены заняться? Может, нам стоит узнать об этом прежде, чем мы придем к решению.

— Я так не думаю, — сказал Аллан. — Вам следует принять решение, исходя из иных предпосылок. Если вы останетесь, вам придется выполнять мои распоряжения, какими бы они ни оказались. Важно, чтобы вы ответили себе на следующий вопрос: готовы ли вы работать на человека, который попал в немилость?

Подчиненные ушли из кабинета, Аллан остался один. Через закрытую дверь из коридора доносился невнятный гул голосов.

Когда наступил полдень, практически все заведующие отделами потихоньку ушли домой. Он остался без сотрудников администрации. Работа пока не прекращалась, но работников становилось все меньше и меньше. Странная пустота воцарилась в здании. В обезлюдев-

ших кабинетах и коридорах эхом отдавался гул машин, а разговаривать, похоже, никому не хотелось.

Он нажал кнопку селектора и сказал:

— Вивиан, зайдите ко мне на минутку.

Вошла молодая женщина довольно неряшливого вида, державшая в руках карандаш с блокнотом.

— Да, мистер Перселл. Меня зовут Нэн, мистер Перселл. Вивиан ушла.

— А вы остаетесь? — спросил он.

— Да, сэр. — Она надела очки с толстыми стеклами и приготовилась записывать под диктовку.

— Я попрошу вас обойти все отделы. Уже полдень, и, вероятно, те, кто остался на месте, будут работать с нами на протяжении предстоящей недели. Выясните, где образовались прорехи.

— Да, сэр. — Она сделала пометку.

— В частности, мне необходимо знать, какие из отделов могут функционировать, а какие нет. Затем пришлите ко мне административных работников высшей категории из тех, что остались. Если никого из администрации нет, пришлите людей, которые, по вашему мнению, лучше других знакомы с рабочим процессом.

— Да, сэр. — Она удалилась.

Спустя час в кабинет нерешительно вошел долговязый, неуклюжий человек средних лет.

— Мистер Перселл, — сказал он, — меня зовут Глиби. Меня попросили зайти к вам. Я заведую музыкальным отделом. — Он оттопырил большим пальцем правое ухо, сообщая тем самым небезынтересную новость: он страдал глухотой.

— Садитесь, — сказал Аллан, ему понравился этот человек, и его обрадовало, что остался хоть один из членов администрации. — Вы были здесь в восемь часов? Слышали мое сообщение?

— Да, слышал. — Очевидно, он читал по губам.

— Ну и как? Мы сможем работать?

Глиби призадумался и стал раскуривать трубку.

— Трудно сказать. Некоторые из отделов практически закрылись. Мы можем перераспределить кадры. Попробуем сгладить потери. Заткнем самые большие дыры.

Аллан спросил:

— Вы действительно готовы выполнять мои распоряжения?

— Да. Готов, — ответил Глиби, попыхивая трубкой.

— Вам могут предъявить обвинение в действиях, несовместимых с МОРСом.

— Я сойду с ума, если просижу у себя в квартире целую неделю без дела. Вы не представляете, что у меня за жена.

— Кто здесь проводит исследования?

Глиби пришел в недоумение.

— Этим занимаются агентства.

— Я имею в виду настоящие исследования. Проверку точности исторических данных. Разве система не предусматривает самой тщательной проработки передач?

— Этим занимается девушка по имени Филлис Фрейм. Она работает здесь уже тридцать лет. У нее большое помещение в подвальном этаже, миллионы карточек и записей.

— Она не ушла? Если нет, вызовите ее сюда.

Мисс Фрейм не ушла, через некоторое время она появилась в кабинете. Важная молчаливая дама мощного телосложения с волосами стального цвета и бесстрашным взглядом.

— Вы меня вызывали, директор?

— Садитесь, пожалуйста. — Аллан протянул ей портсигар, но она отказалась от сигареты. — Известно ли вам, какое создалось положение?

— Какое?

Он разъяснил.

— Так что имейте это в виду.

— Я буду иметь это в виду. Зачем вы меня вызывали? Мне хотелось бы поскорей вернуться к работе.

— Мне нужен, — сказал Аллан, — подробный очерк биографии майора Стрейтера. Основанный не на материалах пакетов и программ, а на фактах, имеющих отношение к его жизни, привычкам, особенностям характера и так далее. Мне потребуются объективные данные. А не чье-то мнение. Данные, целиком соответствующие истине.

— Да, директор.

— Как скоро вы сможете составить биографический очерк?

— К шести часам. — Она уже направилась к дверям кабинета. — Включить в него материалы, касающиеся близких родственников майора?

Это поразило Аллана.

— Да, очень хорошо.

— Благодарю вас, директор. — Дверь закрылась, и мисс Фрейм исчезла.

В два часа к Аллану снова пришел Глиби, он принес окончательно уточненный список оставшихся работников.

— Мы могли бы оказаться и в худшем положении. Только людей, способных принимать решение, почти нет. — Он быстро прочел список. — Стоит дать им какое-нибудь задание, они тут же приступят к его выполнению. Но что же мы им поручим?

— У меня есть кое-какие идеи, — сказал Аллан.

Когда Глиби вышел из кабинета, Аллан позвонил в свое агентство.

— У меня имеются вакансии, — сообщил он, — которые необходимо заполнить. Пожалуй, я возьму людей из нашего агентства. Я занесу их в платежные ведомости ТИ и постараюсь получить деньги у главного казначея. Если мне это не удастся, я заплачу им из фондов агент-

ства. Мне здесь не хватает работников, так что я посылаю тебе список всех, кто нужен.

— При этом у нас сократится штат, — сказал Прайар.

— Несомненно. Но всего на неделю или около того. Расскажи нашим ребятам, в каком я положении; выясни, кто хочет со мной работать. А потом действуй, постарайся хорошенько. Дюжины человек должно хватить. А ты сам что думаешь?

— Поработаю на тебя, — ответил Прайар.

— Я в *глубокой немилости*.

— Если меня спросят, заявлю, что ты запудрил мне мозги.

Около четырех часов дня в ТИ тоненькой струйкой начали стекаться сотрудники агентства. Глиби распределял их по отделам, предварительно побеседовав с каждым. К концу дня удалось набрать временный штат работников. Глиби был настроен оптимистически.

— Ваши люди — специалисты по прокладке курса, — сообщил он Аллану. — И они привыкли работать с вами. К тому же им можно доверять. Это славно! По моим предположениям, среди нас затесалось несколько ставленников Комитета. Хотите, учредим какую-нибудь коллегию по проверке лояльности?

— Это несущественно, — сказал Аллан. — Главное, чтобы мы видели готовую продукцию. — Он изучил сообщение о программах, находящихся в стадии обработки; часть из них вычеркнул, другим дал зеленую улицу, а иные перевел на тупиковые пути. Теперь сборочные линии будут доступны и смогут принять новые материалы.

— Что это? — спросил Глиби, когда Аллан достал листы линованной бумаги.

— Мои предварительные наброски. Сколько времени обычно проходит от начальной стадии до завершающей?

— Ну, — сказал Глиби, — допустим, пакет одобрили в понедельник. Обычно у нас на него уходит от одного месяца до пяти, в зависимости от того, для какого из средств массовой информации готовится программа.

— Иисусе, — вздохнул Аллан.

— Срок можно сократить. С тематическими программами мы управляемся... — он прикинул, — недели за две.

Аллан повернулся к Гарри Прайару, который стоял и слушал.

— Как тебе это нравится?

— Ко времени, когда ты уйдешь отсюда, — покачал головой Прайар, — у тебя так и не будет ни одной готовой программы.

— Согласен, — сказал Аллан. — Глиби, для гарантии нам придется уложиться в четыре дня.

— Такое случилось всего один раз, — сказал Глиби, теребя мочку уха. — В тот день, когда скончался Уильм Пиз, отец Иды Пиз Хойт. Мы сделали огромную программу для всех информационных средств за двадцать четыре часа.

— Даже с обвязками успели?

— Обвязки, рекламные листки, шаблонные надписи. Все дела.

Прайар спросил:

— К нам присоединится еще кто-нибудь? Или вся команда уже в сборе?

— Есть у меня еще двое, — сказал Аллан. — Завтра я отвечу вам точно. — Он взглянул на часы. — Они могли бы играть у нас ведущую роль как специалисты по оригинальным идеям.

— Кто они? — спросил Глиби. — Мы их знаем?

— Одного зовут Гейтс, — сказал Аллан, — а другого — Шугерман.

— А если я спрошу, что вы собираетесь сделать?

— Я вам отвечу, — сказал Аллан. — Мы от души потешимся над майором Стрейтером.

Когда в эфир вышла первая реклама, Аллан сидел рядом с женой. По его распоряжению в их однокомнатной квартире установили портативный телевизор. Была уже половина первого ночи, почти весь Новейший Йорк уснул.

— Передающая антенна, — сказал он Дженет, — находится в здании ТИ. Глиби собрал достаточное количество видеотехников, чтобы запустить передатчик, который, как правило, в такой час уже не работал.

— Ты так взволнован, — заметила Дженет. — Меня радует твоя новая затея, ведь она очень много для тебя значит.

— Только бы нам удалось все провернуть, — сказал он, думая о своем.

— А потом? — спросила она. — Что произойдет потом?

— Увидим, — сказал он.

И тут пошла реклама.

На фоне послевоенной разрухи, возникшей как следствие баталий, виднелись жалкие остатки поселения. Оставшиеся в живых, полуголодные, полуобгоревшие люди, медленно и неуверенно пробирались среди развалин.

Голос за кадром: «Учитывая интересы общества, Телеинформацион вскоре выпустит в свет дискуссионную программу, посвященную проблеме растущего значения ассимиляции для наших дней. Участники программы проанализируют вопрос: не следует ли перед лицом актуальной угрозы прибегнуть к политике активной ассимиляции, которой придерживался в послевоенные годы майор Стрейтер? Сведения о дне и времени передачи появятся в районных информационных журналах».

Реклама закончилась, картина разрухи и запустения растаяла. Ощущая невероятную гордость, Аллан выключил телевизор.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он Дженет.

— И это все? — Похоже, она испытывала разочарование. — Не особенно много.

— Эта реклама с вариациями будет повторяться каждые полчаса на всех каналах. Метод Мэвиса «давай грузи». Плюс по утке в каждой из газет, сообщения во всех программах новостей и мелкие намеки россыпью по прочим средствам информации.

— Я не припомню, что это за «активная ассимиляция». А что значит «актуальная угроза»?

— К понедельнику ты узнаешь все полностью, — сказал Аллан. — Самое главное выйдет в «Живых картинах времени». Не хочу портить тебе впечатление.

Внизу у муниципальной стойки он купил завтрашнюю газету, уже поступившую в продажу. Левую колонку на первой странице занимала сочиненная Гейтсом и Шугерманом утка.

«ТОЛКИ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ АССИМИЛЯЦИИ

Новейший Йорк, 29 окт. (ТИ); из достоверных источников сообщается, что ряд лиц, принадлежащих к высшим кругам Комитета, которые предпочли до поры до времени сохранить свои имена в тайне, высказываются в поддержку возобновления политики активной ассимиляции, осуществлявшейся в послевоенный период и разработанной майором Стрейтером в целях борьбы с распространенными тогда источниками опасности для Морального Совершенствования. Возрождение интереса к ассимиляции, причиной которому послужило наличие актуальной угрозы, говорит о беспокойстве, вызванном жестокостью и беззаконием, которые проявились в дикарском нападении на памятник майора Стрейтера, расположенный в Парке Шпиля. Бытует мнение, что терапевтические методы Психиатрического здравоохранения и попытки Психиатрического санатория справиться с нынешним отсутствием стабильности и беспорядками не привели к...»

Аллан сложил газету и стал подниматься к себе в квартиру. Примерно через день главные костяшки «домино» из общества МОРСа получат эту информацию. «Активная ассимиляция» как средство устранения «актуальной угрозы» станет предметом всеобщего обсуждения.

«Активная ассимиляция» была его детищем. Он ее выдумал. Шугерман привнес идею «актуальной угрозы». Вдвоем они разработали всю тему целиком, от начала и до конца.

Аллан изрядно порадовался. Они уже добились некоторых успехов.

Глава 22

В понедельник утром работа над программой завершилась. Вооруженные работники ТИ отнесли пленку наверх, к передатчику, и встали дозором возле нее. Двери здания накрепко заперли, никто не входил и не выходил. На протяжении всего дня различные средства массовой ин-

формации передавали короткие сообщения на ту же тему, упоминания и намеки звучали, будто назойливое кваканье лягушек в пруду. Напряжение постепенно росло, возникла атмосфера предвкушения сенсации. Публика отнеслась к вопросу «активной ассимиляции» с живым интересом, хотя никто не знал, что это значит.

— Выяснилось, — сказал Шугерман, — что приблизительно две трети опрошенных высказались в пользу осторожного возобновления активной ассимиляции. — Провели опрос общественного мнения, только что поступили его результаты.

— Активная ассимиляция больно хороша для этих негодяев, — заявил Гейтс. — Нечего баловать предателей.

Вечером, без четверти восемь, Аллан созвал сотрудников к себе в кабинет. Среди собравшихся царил оптимизм.

— Ну вот, — сказал Аллан, — осталось совсем недолго. Еще пятнадцать минут, и мы в эфире. Никто не хочет выйти из игры?

Все дурацки заулыбались.

— Ты еще не получил приказ об увольнении? — спросил Гейтс.

Уведомление Комитета прибыло заказным пакетом, Аллан вскрыл его и прочел краткое официальное сообщение. Срок истекает во вторник в полдень. После чего он перестает быть директором Телеинформациона.

— Прочтите мне раскладку мероприятий, — попросил он Глиби.

— Простите? Да, гм. — Глиби взял подготовленный список и прочел текст полного плана освещения темы. — «До сих пор мы занимались подготовкой почвы. Сегодня в восемь выйдет сама дискуссия. Завтра вечером «по просьбе общественности» мы выпустим в эфир повторение дискуссионной программы».

— Лучше дать его пораньше, — сказал Аллан. — Мы оставляем им слишком много времени, они примут меры.

— Пустите его сегодня вечером, попозже, — предложил Шугерман. — Около десяти, когда все отправляются на боковую.

Глиби нацарапал пару пометок.

— Мы уже разослали дубликаты по колониям. Текст дискуссии записан и во вторник появится без сокращений в печати, плюс высказывания за и против. В сегодняшние вечерние программы новостей включены краткие сводки. Мы отбили на прессах копии в мягком переплете, они поступят в журнальные отделы военторгов. Мы подготовили вариант для юношества, но, честно говоря, мне кажется, нам не успеть с распространением по школам, на это потребуется еще четыре дня.

— И опрос общественного мнения, — добавил Шугерман.

— Прекрасно, — сказал Аллан, — совсем неплохо управились, а не прошло и недели.

Вошел служащий ТИ.

— Мистер Перселл, там что-то произошло. Секретарь Фрост и миссис Хойт сидят в комитетском бронеходе на улице. Они хотели бы войти.

— Отряд примиренцев, — сказал Прайар.

— Я побеседую с ними на улице, — сказал Аллан. — Покажите мне, где они остановились.

Служащий спустился вместе с ним на нижний этаж и вывел его из здания. Они пробрались через возведенную у входа баррикаду. На заднем сиденье маленького синего бронехода сидели, будто проглотив аршин, две женщины с перекошенными лицами. Ральф Хадлер занимал место за рулем. Он притворился, будто не замечает и вообще никак не воспринимает Аллана. Они живут в разных мирах.

— Привет, — бросил Аллан.

Миссис Хойт сказала:

— Недостойно ведете себя. Мне стыдно за вас, мистер Перселл, вправду стыдно.

— Я приму это к сведению, — сказал Аллан. — Еще что?

— Может, вы хоть из приличия расскажете нам, чем вы тут занимаетесь? — тихим сдавленным голосом проговорила Сью Фрост. — Она помахала газетой. — «Активная ассимиляция». Силы небесные, да что это такое? Вы что, окончательно все посходили с ума?

— Посходили, — подтвердил Аллан. — Но, по-моему, это ни на что не влияет.

— Это ведь фальсификация, верно? — принялась обвинять его Сью Форст. — Вы все выдумали. Какая-то чудовищная шутка. Я, пожалуй, решила бы, что вы приложили руку к измывательству над статуей майора Стрейтера, и могла бы подумать, что вы имеете отношения к этой вспышке дикарства и анархизма, не знай я наверняка, что это не так.

Выбор слов явственно говорил о размахе кампании. Слушая, как она произносит заученные, будто по шпаргалке, фразы, Аллан почувствовал, что ему становится не по себе.

— Послушайте, — с вымученной любезностью сказала через некоторое время миссис Хойт, — если вы уйдете в отставку, мы позаботимся, чтобы вам вернули право аренды. Вы сможете продолжить работу в агентстве; вернетесь туда, где были прежде. Мы подготовим текст обязательства, по которому Телеинформацион будет покупать вашу продукцию. — Она помялась. — И примем меры по обличению действий «Блейк-Моффета» и его участия в расставленной вам ловушке.

— Вот теперь мне понятно, что я стою на верном пути, — сказал Аллан. — Постарайтесь не пропустить сегодняшние телевизионные передачи, вы сможете полностью ознакомиться с материалами по «активной ассимиляции».

Вернувшись в здание, он остановился и посмотрел, как отъезжает, выпуская клубы пара, синий броневик. Просто поразительно: как только повеяло скандалом, пламя их праведности изрядно приугасло. Он поднялся на лифте наверх и присоединился к сотрудникам, ждавшим его в кабинете.

— Почти время, — сказал Шугерман, бросив взгляд на часы. — Осталось пять минут.

— Если прикинуть приблизительно, — заметил Глиби, — передачу увидят костяшки «домино», представляющие семьдесят процентов населения. Один этот выход в эфир должен привести к почти полному насыщению информацией.

Гейтс извлек из чемоданчика две бутылки шотландского виски по 0,7 л.

— Давайте-ка отметим, — сказал он, откупоривая их. — Кто-нибудь, принесите стаканы. Или пустим бутылки по кругу.

Зазвонил телефон, Аллан снял трубку.

— Аллан, привет, — послышался скрипучий голос Майрона Мэвиса. — Как дела?

— Просто замечательно, — ответил Аллан. — Не хотите подъехать и присоединиться к нам?

— Извините. Не могу. Я увяз в дорожных сборах. Надо упаковать все пожитки для отправки на Сириус.

— Постарайтесь посмотреть сегодняшнюю передачу, — сказал Аллан. — Она начнется через пару минут.

— Как Дженет?

— Вроде бы чувствует себя неплохо. Она рада, что игра пошла в открытую. — Он добавил: — Дженет будет смотреть передачу дома.

— Передайте ей привет, — сказал Мэвис. — И удачи вам в вашем безумном предприятии.

— Спасибо, — поблагодарил Аллан.

Он попрощался с Мэвисом и повесил трубку.

— Время, — сказал Шугерман.

Гейтс включил большой телевизор, и все собрались около него.

— Поехали!

— Поехали, — откликнулся Аллан.

Миссис Джорджина Бирмингэм поставила напротив телевизора самое удобное кресло, радостно ожидая начала любимой программы «Живые картины времени». Она устала от работы и дневного сумбура, но духовные отложения в глубинах сознания напомнили ей о том, что подвижнический труд сам по себе является вознаграждением.

По телевизору шла вставка между передачами. На экране появился большой гнилой зуб с перекошенной от боли физиономией. А рядом с ним ханжески-глумливо усмехался здоровый зуб. Между ними завязался диалог в манере Сократа, конечным результатом которого явились разгром и изгнание больного зуба.

Миссис Бирмингэм с готовностью мирилась со вставками между передачами, так как они творили благое дело. А ради программы «Живые картины времени» вполне можно сделать над собой некоторое уси-

лие. Каждый понедельник она спешила вечером домой и за десять лет не пропустила ни одной передачи.

По экрану рассыпались яркие огни фейерверка, из динамика донесся грохот залпов. На фоне неясных очертаний войны глубокой зазубренной полосой пролегла надпись:

ЖИВЫЕ КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ

Вот наконец и ее любимая передача. Миссис Бирмингэм сложила на груди руки, откинула назад голову и увидела на экране стол, за которым сидели четыре почтенных джентльмена. Дискуссия уже началась, с экрана доносились какие-то слова. На них наложился голос ведущего.

— Живые картины времени. Леди и джентльмены, за этим столом собрались четыре человека, каждый из которых является весьма авторитетным лицом в своей области. Они пришли сюда, чтобы обсудить вопрос жизненной важности для всех граждан общества МОРСа. Ввиду чрезвычайной значимости этой передачи она пойдет без перерывов, уже начавшаяся дискуссия будет передаваться безостановочно до конца часа. Темой этого вечера станет...

На экране возникли слова:

АКТИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ В СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ

Миссис Бирмингэм пришла в восторг. На протяжении некоторого времени ей то и дело приходилось слышать об активной ассимиляции, а теперь представился удобный случай выяснить раз и навсегда, что же это такое. Из-за недостаточной осведомленности она чувствовала себя как-то не у дел.

— Справа от меня расположился доктор Джозеф Глиби, выдающийся педагог, лектор, автор многочисленных книг по проблемам крупного социального значения. — Показали худощавого человека средних лет, который курил трубку, потирая мочку уха. — Справа от доктора Глиби сидит мистер Хэрольд Прайар, искусствовед, архитектор, автор многих разделов Британской Энциклопедии. — На экране появился человек чуть пониже ростом, с серьезным вдумчивым лицом. — Рядом с мистером Прайаром вы видите профессора Шугермана, чьи исторические исследования стоят в одном ряду с творениями Гиббона, Шиллера, Тойнби. Сегодня нам выпал счастливый случай видеть профессора здесь. — Камера передвинулась вперед, демонстрируя крупные внушительные черты лица профессора Шугермана. — А соседнее с профессором место занимает мистер Томас Л. Гейтс, юрист и гражданский лидер, являвшийся на протяжении ряда лет консультантом Комитета.

Теперь на экране появился ведущий, и миссис Бирмингэм оказалась лицом к лицу с Алланом Перселлом.

— А я, — проговорил мистер Перселл, — Аллан Перселл, директор Телеинформациона. — Он занял место в дальнем конце стола возле графина с водой. — Джентльмены, не могли бы вы сказать для начала несколько слов об этимологии активной ассимиляции? Каким же образом майор Стрейтер разработал курс действий, оказавшийся столь эффективным в борьбе с оппозиционными группировками?

— Видите ли, мистер Перселл, — внушительно покашливая и теребя подбородок, заговорил профессор Шугерман, — майору неоднократно приходилось воочию убеждаться в том, сколь пагубной оказалась война для основных сельскохозяйственных областей, производящих продукты питания, например, для животноводческих районов Запада, пшеничных полей Техаса и молочной промышленности Новой Англии. Все они подверглись чуть ли не полному уничтожению, и, естественно, люди испытывали тяжкие лишения, если не самый настоящий голод, о чем всем нам известно. Это привело к снижению всеобщей производительности труда и нанесло удар по индустриальной реконструкции. И, разумеется, коммуникационные линии в тот период времени оказались нарушены, отдельные районы пребывали в изоляции, повсюду царила анархия.

— В связи с вышесказанным, — вставил доктор Глиби, — проблемы, связанные с падением норм морали, характерным для эпохи Расточительства, чрезвычайно осложнились в силу краха, который потерпела и без того весьма ограниченная система правления.

— Совершенно верно, — подтвердил профессор Шугерман. — Поэтому в создавшихся исторических условиях перед майором Стрейтером встала необходимость изыскания новых источников питания... почва же, как мы знаем, достигла высокой степени насыщения токсичными металлами, ядами, пеплом. Стада домашних животных по большей части вымерли. — Он поднял глаза к потолку. — Мне кажется, к 1975 году в Северной Америке осталось менее трехсот голов крупного рогатого скота.

— По-моему, цифра верная, — с готовностью подтвердил мистер Перселл.

— Таким образом, — продолжил рассказ профессор Шугерман, — сторонники Морального Совершенствования, действовавшие в полевых условиях бригадами, — это более или менее автономные подразделения, нам знаком такой метод, — столкнулись с практически неразрешимой проблемой: как накормить и обеспечить уходом целый ряд лиц из враждебных группировок данного района, перешедших на их сторону? В связи с этим я мог бы добавить следующее: похоже, майор Стрейтер задолго предвидел неуклонный спад животноводства, который наблюдался на протяжении последующего десятилетия. Он принял меры до наступления спада, и, разумеется, историки обратили особое внимание на своевременность таких мер.

Профессор Шугерман вздохнул, сцепил пальцы рук, посмотрел на них, а потом заговорил снова:

— Для полного понимания ситуации необходимо представить себе, как мы жили тогда, по сути дела без правительства, в мире грубой силы. Представления о морали существовали лишь внутри подразделений сторонников Совершенствования, за их пределами царил принцип: «Ворон ворону глаз да выклюет, человек человеку волк». Закон джунглей, борьба за выживание безо всяких сдерживающих барьеров.

Изображение пятерых участников дискуссии, сидящих за столом, растаяло, на его месте появились знакомые картины первых послевоенных лет. Развалины, запустение, рычащие над кусками мяса дикари. В неряшливых лачугах развешаны просушенные шкуры. Мухи. Грязь.

— Многие из членов оппозиционных группировок, — продолжал профессор Шугерман, — ежедневно попадали к нам в руки, усложняя тем самым проблему, уже приобретавшую очертания катастрофы, проблему постоянного обеспечения питанием в опустошенных районах. МОРС набирал размах, но никто из нас не возлагал идеалистических упований на возможность решить задачу создания однородной культурной среды всего за ночь. Вероятно, весьма отрезвляющим фактором, вскоре обратившим на себя внимание майора, явилось наличие фракции так называемых «невозможных» — группировок, которые нам никогда не удастся склонить на свою сторону, причинявших наибольший вред. Поскольку действия сторонников Совершенствования принципиально были направлены против этих самых «невозможных», вполне естественно, что согласно разработанному майором Стрейтером плану именно «невозможным» предстояло превратиться в самый естественный источник ассимиляции. Дальнейшие...

— Если позволите, профессор Шугерман, — прервал его мистер Гейтс, — считаю необходимым выразить свое несогласие. Разве не правда, что активная ассимиляция происходила и ранее, до возникновения Плана МОРСа? По своей сути майор был эмпириком, он заметил спонтанные проявления ассимиляции и незамедлительно использовал их в своих интересах.

— Боюсь, подобная точка зрения не позволяет по достоинству оценить способности майора Стрейтера в области планирования, — вмешался мистер Прайар. — То есть, по-вашему, получается, будто активная ассимиляция просто взяла и... произошла. Нам известно, однако, что активная ассимиляция являлась основной системой, предшествовавшей системе автофакта, занявшей впоследствии ее место.

— Полагаю, здесь мы столкнулись с наличием двух точек зрения, — сказал ведущий, мистер Перселл. — Но в любом случае все сходятся во мнении, что майор Стрейтер действительно использовал активную ассимиляцию в первые послевоенные годы, чтобы решить проблему обеспечения питанием жителей сельских областей и сократить численность враждебных и «невозможных» элементов.

— Да, — сказал доктор Глиби. — К 1997 году по меньшей мере десять тысяч «невозможных» подверглись ассимиляции. При этом уда-

лось получить множество побочных продуктов, представляющих ценность для экономики: клей, желатин, кожу, волосы.

— Можем ли мы установить дату первого случая активной ассимиляции? — спросил мистер Перселл.

— Да, — ответил профессор Шугерман, — это произошло в мае 1987 года, когда сотня русских «невозможных» была захвачена в плен, убита и затем подверглась обработке силами сторонников Совершенствования, действовавших на территории Украины. По-моему, в день 4 июля майор Стрейтер и сам поделил «невозможного» с членами своей семьи.

— Вероятно, общепринятым методом обработки являлось отваривание, — высказался мистер Прайар.

— Отваривание и конечно же поджаривание. В вышеупомянутом случае воспользовались рецептом миссис Стрейтер, который предполагает обжаривание на открытом огне.

— Таким образом, термин «активная ассимиляция», — сказал мистер Перселл, — в историческом смысле охватывает различные формы умерщвления, приготовления (путем отваривания, зажаривания на сковородке или на открытом огне, а также запекания, — короче говоря, любым из кулинарных способов) и поедания лиц, принадлежащих к враждебным группировкам: при этом возможно, хотя и не обязательно, сохранение в коммерческих целях таких побочных продуктов, как кожа, кости и ногти.

— Именно, — кивая, подтвердил доктор Глиби. — Следует, однако, отметить, что употребление в пищу враждебных элементов без разбору и без официального...

— *Бам!* — сказал телевизор, миссис Бирмингэм в тревоге приподнялась с кресла. Изображение исчезло, экран потемнел.

Обсуждение вопроса «активной ассимиляции» внезапно пропало из эфира.

Глава 23

Аллан сказал:

— Они обрубили нам электричество.

— Линии передач, — откликнулся Глиби, передвигаясь в темном кабинете на ощупь. В здании Телеинформациона погасли все огни, телевизионный передатчик наверху затих, передача прервалась. — У нас есть аварийная генераторная установка, она не зависит от городской системы питания.

— Для работы передатчика требуется немалая мощность, — сказал Шугерман, раздвигая занавески на окне и вглядываясь в очертания дорожек, проступавшие внизу сквозь вечернюю темноту. — Кругом бронеходы. По-моему, это бойцы Когорты.

Освещая путь зажигалкой Аллана, они с Глиби пробрались вниз по лестнице к аварийным генераторам. Следом за ними спустились Гейтс и техник, обслуживающий передатчик.

— Через десять — пятнадцать минут мы сможем его запустить, — сказал техник, проверив, какова мощность каждого из генераторов. — Но долго они не продержатся, уж слишком велик расход энергии. Какое-то время он проработает, а потом... будет как сейчас.

— Сделайте все, что можно, — приказал Аллан. И подумал: интересно, много ли вынесли зрители из этой передачи. — Как вы считаете, нам удалось донести до них наш МОРС? — спросил он Шугермана.

— Наш антиМОРС, — уточнил Шугерман. И криво улыбнулся. — Они в полной боевой готовности, все мосты сожжены. Очевидно, мы выразились вполне ясно.

— Поехали, — сказал Гейтс. Заработали генераторы, наверху замелькали огоньки. — Снова в эфире.

— На некоторое время, — заметил Аллан.

У Дженет Перселл был телевизор с маленьким экраном — портативный аппарат, который принес Аллан. Лежа на диванчике в их однокомнатной квартире, она ждала, когда вернется изображение. Через некоторое время картинка появилась снова.

— ...ит, — говорил профессор Шугерман. Изображение померкло, потемнело, исказилось от помех. — Но как мне кажется, предпочтение отдавали обжариванию на открытом огне.

— Это не соответствует имеющимся у меня данным, — внес поправку доктор Глиби.

— В действительности предметом нашей дискусии, — сказал ведущий, муж Дженет, — является вопрос о применении активной ассимиляции в сегодняшнем мире. Выдвигаются предложения по возобновлению активной ассимиляции как карательной меры в ходе борьбы с нынешним всплеском анархизма. Доктор Глиби, вы не хотели бы высказаться по этому поводу?

— Разумеется. — Доктор Глиби вытряхнул остатки недокуренного табака из трубки в стоявшую на середине стола пепельницу. — Мы должны помнить, что активная ассимиляция изначально служила средством решения проблемы пропитания, а вовсе не орудием для обращения враждебных элементов на путь истинный, как нередко предполагают. Естественно, я весьма обеспокоен сегодняшней вспышкой жестокости и вандализма, квинтэссенцией которой явилось чудовищное измывательство над памятником в Парке, однако вряд ли возможно утверждать, будто мы испытываем затруднения по части питания. В конце концов, система автофакта...

— В историческом плане, — прервал его профессор Шугерман, — возможно, вы и правы, доктор. А если взглянуть на дело с точки зре-

ния эффективности, каким будет воздействие на «невозможных» в наши дни? Разве опасность оказаться сваренным и съеденным не станет сдерживающим фактором для импульса враждебности? Я уверен, она создала бы мощный подсознательный барьер.

— Мне кажется, — поддержал его мистер Гейтс, — что, позволяя подобным антисоциальным элементам просто сбежать, спрятаться, найти прибежище в Санатории, мы чересчур облегчили им жизнь. Мы предоставляем диссидентствующим лицам возможность безнаказанно скрыться, натворив гадостей. Что, несомненно, подвигло их к расширению деятельности. Знай они, что их съедят...

— Всем хорошо известно, — вставил мистер Прайар, — что жестокие карательные меры не способствуют снижению уровня преступности. Вы ведь знаете, что карманных воришек когда-то вешали. Это ни к чему не привело. Ваша теория изрядно устарела, мистер Гейтс.

— Вернемся, однако, к основному вопросу нашей дискуссии, — сказал ведущий, — можем ли мы с уверенностью утверждать, что при замене изгнания преступников поеданием оных не возникает желательных последствий в плане пищеварения? Профессор Шугерман, вы — историк, так не могли бы вы рассказать нам, как относилась общественность в целом к использованию отварного врага в повседневной кулинарии?

На экране телевизора появилась коллекция исторических реликтов: шестифутовые решетки для зажаривания на открытом огне, огромные плоские блюда, на которых мог уместиться человек, различные столовые приборы. Банки со специями. Вилки с зубцами колоссальных размеров. Ножи. Кулинарные книги.

— Без сомнения, это являлось искусством, — с готовностью заговорил профессор Шугерман. — Правильно приготовленный отварной враг представлял собой лакомство для гурманов. На сей счет до нас дошли высказывания самого майора. — Профессор Шугерман снова появился в кадре, он перелистывал свои конспекты. — В последние годы жизни майор употреблял в пищу только отварного врага, кроме редких исключений. Его жена также любила это блюдо больше прочих; как мы уже упоминали, ее рецепты признаны наиболее изысканными из всех существующих. Согласно произведенным однажды Э. Б. Эриксоном подсчетам, майор Стрейтер и его ближайшие родственники лично осуществили ассимиляцию по меньшей мере шестисот «невозможных», достигших полной зрелости. Таким образом, тут мы имеем дело с более или менее официальной точкой зрения.

— *Бам!* — сказал телевизор, и изображение снова исчезло с экрана. По нему, словно в калейдоскопе, заметались разноцветные точки и узоры, а динамик завизжал и завыл, громко жалуясь и протестуя.

— ...традиционным в семье Стрейтеров. Говорят, будто внук майора упоминал о том, что отдает предпочтение...

Опять тишина. Потом треск, исковерканное изображение.

— ...поэтому я не могу излишне подчеркивать собственное содействие программе. Последствия... — Изображение опять скомкалось, какие-то звуки, короткие вспышки. Внезапно с ревом ворвались атмосферные помехи. — ...послужит наглядным уроком и поможет отварному врагу снова занять в наши дни подобающее место на...

Экран телевизора забулькал, потемнел и на какое-то время ожил.

— ...можно использовать как пробную веху при выборе пути. А там были и другие?

Послышался голос Аллана:

— ...несколько человек: предполагается, что в настоящее время на них объявлена облава.

— Но ведь главарь пойман! А миссис Хойт лично выразила...

Опять помехи. На экране появился диктор программы новостей, стоящий возле стола вместе с четырьмя ее участниками. Ведущий, мистер Аллан Перселл, изучал сводку новостей.

— ...ассимиляции в подлинных исторических сосудах, которые использовали у них в семье. Испробовав тщательно приготовленный образчик отварного заговорщика, миссис Ида Пиз Хойт охарактеризовала это блюдо как «отменно вкусное» и «достойное украсить столы»...

Изображение опять пропало, на этот раз навсегда. Через несколько секунд вдруг послышался таинственный голос человека, не принимавшего участия в дискуссии, который объявил:

— В связи с техническими неполадками просим зрителей выключить телевизоры на весь оставшийся вечер. Сегодня передач больше не будет.

Это сообщение повторялось каждые несколько минут. В нем звучали резкие нотки, свойственные бойцам Когорты майора Стрейтера. Дженет поняла, что властям удалось справиться с ситуацией. Она задумалась: все ли в порядке с мужем.

— Технические неполадки, — говорил казенный голос. — Выключите ваши телевизоры.

Она оставила его включенным и принялась ждать.

— Вот и все, — проговорил Аллан.

Из темноты донесся голос Шутермана:

— И все-таки нам удалось ее прогнать. Они не успели вовремя прервать передачу.

Зажженные спички и зажигалки немного осветили кабинет. Триумфальная победа прибавила Аллану бодрости.

— Пожалуй, и по домам. Мы сделали свое дело, прогнали эту телегу.

— Может, до дому будет нелегко добраться, — сказал Гейтс. — На улице, поджидая тебя, стоят бойцы Когорты. Аллан, они метят в тебя.

Аллан подумал о том, что Дженет сидит одна в квартире. Они непременно туда наведаются, если захотят его изловить.

— Мне надо зайти за женой, — объяснил он Шугерману.

— Внизу, — сказал тот, — стоит бронеход, можешь его взять. Гейтс, спустись вместе с ним, покажи ему, где машина.

— Нет, ребята, — возразил Аллан, — я не могу вас бросить. В особенности Гарри Прайара и Джо Глиби, у них нет возможности затеряться где-нибудь на Хоккайдо. — Как же, я уйду, а вас тут перехватают одного за другим.

— Если ты выберешься отсюда, — сказал Глиби, — то окажешь нам величайшую из услуг. Им наплевать на нас, они знают, кто задумал всю эту телегу. — Он покачал головой. — Каннибализм. Лакомство для гурманов. Рецепты самой миссис Стрейтер. Давай-ка лучше двигай отсюда.

Прайар добавил:

— Такова расплата за талант. Его видно за версту.

Шугерман взял Аллана за плечи и твердой рукой подтолкнул его к выходу.

— Покажи ему бронеход, — сказал он Гейтсу. — Только проследи, чтобы его не заметили, когда выйдете на улицу. Бойцы Когорты — что гнев Господень.

Пока они с Алланом шли вниз по длинным лестничным маршам, спускаясь на первый этаж, Гейтс спросил:

— Ты счастлив?

— Да, если бы только не Дженет. — И еще он будет скучать по людям, которых собрал вместе. Как приятно, как замечательно было стряпать телегу с Гейтсом и Шугерманом, с Глиби и Прайаром.

— Может, они поймали ее и сварили. — Гейтс прыснул, и пламя спички, которую он держал, задрожало. — Что маловероятно. Не беспокойся на этот счет.

На этот счет Аллан не беспокоился, но теперь пожалел, что не учел возможности незамедлительных действий со стороны Комитета.

— Не больно-то они дремали, — пробормотал он.

Их обогнала команда техников; они бежали, освещая лестницу фонариками.

— Смывайтесь, — нараспев говорили они. — Смывайтесь, смывайтесь. — Гулкий шум их шагов постепенно затих.

— Все кончено, — захихикал Гейтс. — Поминай как звали.

Они добрались до вестибюля. В темноте толкались работники ТИ, некоторые пробирались через баррикады к темным дорожкам. Вспыхивали фары бронеходов, люди перекликались друг с другом, кто-то свистел, царила веселая неразбериха. Вся эта сумбурная деятельность напоминала вечеринку, однако настало время прощаться.

— Сюда, — указал Гейтс, пробираясь сквозь брешь в баррикаде. Аллан последовал за ним, и они оказались на дорожке. За спиной у них возвышалось огромное мрачное здание Телеинформациона, угасшего и лишенного привычной власти. Вечерний туман покрыл влагой остав-

ленный у дорожки бронеход. Аллан с Гейтсом забрались в него и захлопнули дверцы.

— Я поведу, — сказал Аллан. Он завел мотор, и бронеход плавно выехал на дорогу, выпуская клубы пара. Когда квартал остался позади, он включил фары.

На перекрестке Аллан свернул, и тут за ними покатил какой-то бронеход. Его заметил Гейтс и загикал от восторга.

— Вот и они — давай жми!

Аллан довел скорость до предельной, около тридцати пяти миль в час. Пешеходы в испуге разбегались. В зеркале заднего обзора ему удалось различить лица преследователей из второго бронехода. Машину вел Ральф Хаддлер. Рядом с ним сидел Фред Ладди. А на заднем сиденье — Тони Блейк из «Блейк-Моффета».

Гейтс высунулся в окошко и закричал:

— Жарим, варим, парим! Жарим, варим, парим! Поди поймай!

Лицо Ральфа Хаддлера ничего не выразило, когда он вынул пистолет и выстрелил. Пуля со свистом пронеслась мимо Гейтса, который тут же спрятал голову.

— Будем прыгать, — решил Аллан. Бронеход приближался к крутому повороту. — Держись. — Он отжал рукоятку до отказа. — Сначала придется остановиться.

Гейтс подобрал ноги под себя, опустил голову и весь согнулся, приняв позу эмбриона. На выходе из поворота Аллан резко ударил по тормозам, маленькая машина завизжала и затряслась, ее начало швырять из стороны в сторону, а затем, чуть не развалившись, она воткнулась в изгородь. Дверца распахнулась, она еще раскачивалась, когда Гейтс не то выкатился, не то выпал, стукнувшись о тротуар, и вскочил на ноги. Тем же путем неуклюже выбрался наружу и Аллан, у него кружилась голова и звенело в ушах.

Второй бронеход со свистом несся, совершая поворот, и, даже не сбросив скорость — Хаддлер так и остался никчемным водителем, — столкнулся с застрявшей на дороге целью преследования. Обломки бронехода полетели во все стороны, два пассажира и водитель исчезли под ними. Пистолет Хаддлера заскользил по дорожке, с грохотом ударился о фонарный столб и отскочил в темноту.

— Ну, пока, — пропыхтел Аллану Гейтс и вприпрыжку помчался прочь. Потом приостановился и улыбнулся, глянув через плечо. — Жарим, варим, парим. Только они нас и видели. Передай привет Дженет.

Аллан торопливо передвигался в полумраке среди пешеходов, попадавшихся, казалось бы, на каждом шагу. Оставшийся позади Хаддлер выбрался из-под развалин двух броненосцев, поднял пистолет, осмотрел его и неуверенно прицелился в Аллана, но потом сунул оружие за пазуху. Аллан уходил все дальше, и силуэт Хаддлера пропал из виду.

Он добрался до квартиры и обнаружил, что Дженнет уже полностью одета. Лицо у нее побелело от возбуждения. Она заперла дверь, и ему пришлось ждать, пока она не справилась с цепочкой.

— Ты ранен? — спросила она, заметив у него на щеке кровь.

— Поцарапался немного. — Он взял ее за руку и повел в холл. — Они заявятся сюда с минуты на минуту. Слава Богу, что на дворе ночь.

— А что это было? — спросила она, торопливо спускаясь вместе с Алланом по лестнице. — На самом деле майор Стрейтер не ел людей, правда?

— В буквальном смысле слова нет, — сказал он. Но в каком-то плане, и весьма реальном, все соответствовало истине. МОРС с жадностью пожирал человеческие души.

— Далеко мы направляемся? — спросила Дженет.

— На космодром, — прокряхтел Аллан, крепко уцепившись за жену. К счастью, путь оказался недолгим. Похоже, Дженнет пребывала в хорошем настроении, она волновалась и нервничала, но подавленности не испытывала. Быть может, причиной ее уныния была обыкновенная скука... предельная пустота однообразного мира.

Держась за руки и глотая ртом воздух, они выбежали на поле.

Там они увидели подсвеченные лампочками контуры большого межсистемного корабля, который готовился к перелету из системы Земли в систему Сириуса. Пассажиры столпились у входа в лифт, они прощались с провожающими.

Аллан побежал по усыпанному гравием полю, крича:

— Мэвис! Подождите нас!

Среди пассажиров стоял суровый сгорбленный человек в тяжелом пальто. Майрон Мэвис поднял голову, бросив на них угрюмый взгляд.

— Стойте! — крикнул Аллан, когда Мэвис отвернулся. Крепко зажав в руке пальцы Дженет, он кинулся к краю пассажирской платформы, остановился и прохрипел: — Мы с вами.

Мэвис внимательно оглядел их, у него сильно полопались сосуды в глазах.

— Правда?

— У вас есть место, — сказал Аллан. — Вы — владелец целой планеты. Ну, Майрон же. Нам необходимо улететь.

— Половины планеты, — уточнил Мэвис.

— Какая она? — тяжело дыша, проговорила Дженет. — На ней хорошо?

— Там в основном стада, — ответил Мэвис. — Фруктовые сады и множество машин, которые так и просят, чтобы их пустили в дело. Море работы. Можете сносить горы и осушать болота. Вам придется попотеть, там не позагораешь, сложа руки.

— Отлично, — сказал Аллан. — Именно это нам и требуется.

Из темноты у них над головой механический голос произнес речитативом: «Уважаемые пассажиры, пройдите в лифт. Просим всех провожающих покинуть поле».

— Возьмите, — сказал Мэвис и сунул Аллану в руки чемодан. — И вы тоже. — Он вручил Дженет перевязанную шпагатом коробку. — И не раскрывайте рта. Если вас о чем-нибудь спросят, предоставьте мне вести переговоры.

— Сын и дочь, — сказала Дженет и прижалась к нему, держа мужа за руку. — Вы позаботитесь о нас, правда? Мы будем вести себя тихо, как мышки. — Еще не успев отдышаться, она засмеялась и обняла сначала Аллана, а потом Мэвиса. — Вот и все, мы улетаем!

На краю поля возле ограды собралась небольшая группа людей. Аллан оглянулся и увидел мальчишек. Вот они, как всегда, сбились в темную тесную кучку. И, как обычно, следят за происходящим на корабле. Рассуждая, прикидывая и гадая, куда он отправляется... пытаясь представить себе колонию. Что там, поля под посевами? Или рощи апельсиновых деревьев? Или молодые саженцы, холмы и пастбища для овец, коз, коров, свиней? На этой планете были пастбища для крупного рогатого скота. Ребята наверняка знают об этом. Должно быть, обсуждают ее сейчас, перебрасываясь репликами. Или не обсуждают. Нет нужды, ведь они уже так давно следят за кораблями.

— Мы не сможем улететь, — сказал Аллан.

— В чем дело? — Дженет упорно тянула его за собой. — Нам не выйти из лифта, он вот-вот начнет подниматься.

— О боги, — простонал Мэвис. — Вы передумали?

— Мы возвращаемся, — сказал Аллан. Он поставил чемодан Мэвиса на пол и взял у Дженет из рук коробку. — Может, попозже. Когда доведем здесь все до конца. Надо еще кое-что сделать.

— Безумие, — сказал Мэвис. — Безумие, превосходящее все в своем роде.

— Нет, — сказал Аллан, — и вы знаете, что это не так.

— Прошу тебя, — прошептала Дженет. — В чем дело? Что стряслось?

— Вы ничем не можете помочь этим ребятам, — сказал ему Мэвис.

— Я могу остаться с ними, — сказал Аллан. — Могу открыто заявить о собственных настроениях. — Хотя бы так.

— Вам решать. — Мэвис вскинул руки вверх, как бы говоря «сдаюсь». — Ну вас к черту. Я даже не представляю, о чем вы говорите. — Впрочем, судя по выражению его лица, он понял все. — Я умываю руки, это дело меня не касается. Поступайте, как считаете нужным.

— Ладно, — сказала Дженет. — Давай вернемся и покончим со всеми делами. Раз уж это необходимо.

— Вы оставите для нас местечко? — спросил Аллан Мэвиса.

Мэвис со вздохом кивнул.

— Да, я буду вас ждать.

— Вероятно, мы прилетим не очень скоро.

Мэвис похлопал его по плечу.

— Но я все-таки увижу вас обоих. — Он поцеловал Дженет в щеку, а потом очень чинно, с чувством пожал им руки. — В свое время.

— Спасибо, — сказал Аллан.

Мэвис стоял среди пассажиров рядом со своим багажом и смотрел, как они уходят.

— Удачи вам! — донесся до них его голос, потонувший затем в шуме машин.

Аллан вместе с женой медленно шел через поле. От бега у него появилась одышка, а Дженет еле волочила ноги. За спиной у них поднимался в небо корабль, рев его становился все оглушительнее. Впереди раскинулся Новейший Йорк; среди огромного пространства, заполненного жилищными секциями и административными зданиями, вздымался Шпиль. На Аллана вдруг сошло отрезвление, и ему стало немного стыдно. Впрочем, теперь он закончит начатое тогда, воскресным вечером, в темном Парке. Значит, все хорошо. И стыдиться больше нечего.

— Что они с нами сделают? — спросила через некоторое время Дженет.

— Мы все переживем, — Аллан говорил с полнейшей убежденностью. — Что бы ни произошло. Мы объявим в открытую, что стоим на другой стороне, а именно это и важно.

— А потом отправимся на планету Майрона?

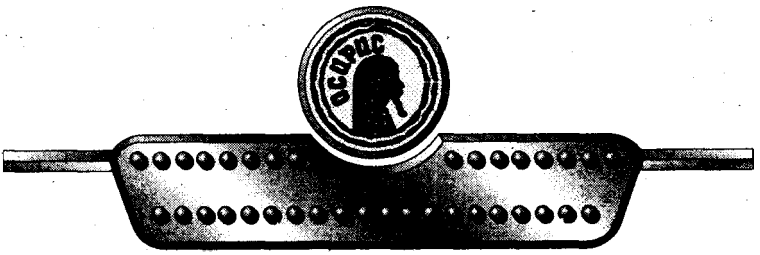
— Отправимся, — пообещал он. — Тогда уже будет можно.

На краю поля стояли мальчишки и прочий люд: родственники пассажиров, мелкие служащие космодрома, прохожие и полицейские на отдыхе от дежурства. Аллан с женой подошли к ним и остановились возле ограды.

— Я — Аллан Перселл, — сказал он, сообщая об этом с гордостью. — Я — тот самый человек, который сделал посмешище из памятника майору Стрейтеру. Мне хотелось бы, чтобы об этом узнали все.

Люди разинули рты, пошептались, а затем растаяли, расползлись кто куда. Остались только подростки, они держались особняком и молчали. Свободный от дежурства полицейский поморгал и направился к телефону.

Обняв жену за плечи, Аллан спокойно дожидался прибытия бронехода с бойцами Когорты.



Со смертью в кармане

РОМАН

Перевод с английского
Н.А. Перевезенцевой

Глава 1

Ранним солнечным утром Стюарт Макконти подметал тротуар перед входом в «Модерн ТВ. Продажа и ремонт телевизоров», привычно отмечая шум машин, проезжающих по Шаттак-авеню, и перестук каблучков секретарш, спешащих в свои конторы, — все звуки и запахи новой наступающей недели, за время которой хороший продавец может многое успеть. Он думал о горячем рогалике и кофе часов в десять утра — его втором завтраке. Он думал о покупателях, с которыми уже имел дело, — как они все возвращаются, чтобы сделать покупку — может быть, сегодня — тогда его книга продаж переполнится, подобно библейской чаше. Продолжая подметать, он напевал песенку из нового альбома Будди Грекo и думал, каково это: быть всемирно известным певцом, так, что все хотят тебя видеть и поэтому платят деньги за вход к Харраху в Рено или модные ночные клубы Лас-Вегаса, где Стюарт никогда не бывал, но о которых так много слышал.

Ему было двадцать шесть лет; в пятницу после работы он иногда ездил по десятиполосному шоссе из Беркли в Сакраменто и через Сьерру в Рено — там можно было сыграть и найти девушек. Он работал у Джима Фергюссона, владельца «Модерн ТВ», за жалованье и процент с продажи, считался хорошим продавцом и потому неплохо зарабатывал. Кроме того, в 1981 году дела шли недурно. Еще один год экономического бума, за время которого Америка стала сильнее и богаче, что ощущал каждый.

— Доброе утро, Стюарт, — крикнул ему через улицу пожилой ювелир мистер Кроди. Он шел в свой магазинчик. Все конторы и лавки открывались, было уже больше девяти. Даже доктор Стокстилл, психиатр, специалист по психосоматическим расстройствам, появился с ключом в руке, чтобы начать дорогостоящий прием в своем стеклянном офисе, выстроенном на деньги страховой компании. Доктор Стокстилл ставил свою шикарную заграничную машину возле самого входа — он мог себе позволить платить по пять долларов в день за парковку. Затем прошла хорошенькая длинноногая секретарша доктора, на голову выше хозяина.

И конечно, пока Стюарт, опершись на щетку, стоял и наблюдал, к офису доктора уже подбирался бочком первый псих.

Наблюдая за ним, Стюарт думал: в мире полно психов. Психиатры гребут деньги лопатами. Если бы мне пришлось идти к психиатру, я бы вошел и вышел через черный ход. Никто не увидел бы меня и не хихикал. Он думал: может быть, некоторые из пациентов доктора так и поступают, и черный ход существует для больных или, скорее, для тех (он поправился), кто не хочет выставлять себя на всеобщее обозрение, — для тех, у кого просто проблемы, война на Кубе, например, и кто вовсе не псих, а только встревожен.

У него у самого были основания для тревоги — его могли призвать на кубинскую войну, которая сейчас безнадежно завязла в горах, несмотря на новые миниатюрные бомбы, уничтожающие живую материю, — они доставали жирных китаёз, как бы глубоко те ни закопались. Стюарт не обвинял президента — кто же знал, что китайцы решат выполнить договор о взаимопомощи. Только мало кто возвращался домой после сражений с китаёзами, не заразившись вирусной костной инфекцией. Тридцатилетний боевой ветеран походил на высохшую мумию, пролежавшую на дворе не меньше ста лет... и Стюарт Макконти с трудом представлял себе, как можно прийти в себя после такого, снова продавать стереотелевизоры и продолжать делать карьеру продавца.

— Доброе утро, Стю! — Девичий голос вернул его к действительности. — Размечтался с утра? — Это прошла мимо, улыбнувшись ему, маленькая темноглазая официанточка из кондитерской Эди.

— Да нет, какого черта! — возразил Стюарт и снова начал энергично подметать тротуар.

На другой стороне улицы крадущийся пациент доктора Стокстилла — сплошное черное пятно: черные волосы и глаза, бледная кожа, плотно закутан в угольно-черный плащ — помедлил, чтобы зажечь сигарету и оглядеться. Стюарт увидел осунувшееся лицо, широко раскрытые глаза и заметил рот, особенно рот — крепко сжатый, но в то же время с обвисшей плотью, как будто зубы и челюсти давным-давно сточило непомерное давление, а напряжение осталось, — и Стюарт отвел глаза от этого несчастного лица.

Значит, вот что это такое... — подумал он. Быть сумасшедшим... Истончаться, как бы пожираться чем-то... он не знал чем. Временем или, может быть, водой — чем-то бесконечно текучим. Он видел подобные лица и раньше, наблюдая за тем, как приходят и уходят пациенты доктора, но никогда не видел такого полного и страшного износа.

Внутри «Модерн ТВ» зазвонил телефон, и Стюарт поспешил к нему. Когда он вернулся на улицу, человек в черном уже ушел, и день сразу снова стал ясным и многообещающим, но Стюарту, взявшемуся опять за щетку, было не по себе.

Я знаю этого человека, подумал он. Я видел его на фотографии или встречал в магазине. Либо он старый покупатель, может быть даже друг Фергюссона, либо какая-нибудь важная шишка.

Раздумывая над этим, он продолжал подметать.

Своему новому пациенту доктор Стокстилл предложил:

— Кофе? Чай? Кока-кола? — и прочел про себя карточку, которую мисс Пурселл положила ему на стол. — Мистер Триз, — произнес он вслух. — Вы, случайно, не в родстве с известным семейством английских литераторов? Айрис Триз, Макс Биирбойм...

Мистер Триз сказал с резким акцентом:

— Это мое не настоящее имя. — Голос его звучал раздраженно и нетерпеливо. — Оно пришло мне на ум, когда я разговаривал с вашей девушкой.

Доктор Стокстилл удивленно взглянул на пациента.

— Я известен всему миру, — сказал мистер Триз. — Странно, что вы меня не узнаете, вы, должно быть, затворник или того хуже. — Он резко провел дрожащей рукой по длинным черным волосам. — Меня ненавидят и хотели бы уничтожить тысячи, даже миллионы людей. Естественно, я должен принимать защитные меры — вот я и назвался вымышленным именем.

Он откашлялся и быстро затянулся сигаретой, держа ее по-европейски — горящим концом вниз, почти обжигая кисть руки.

О Господи, подумал доктор Стокстилл. Теперь я узнал его. Это же Бруно Блутгельд, физик. И он говорит чистую правду — множество людей и здесь и на Востоке хотели бы добраться до него из-за неправильных расчетов 1972 года, из-за ужасного выхода из-под контроля ядерного атмосферного взрыва, который, по расчетам Блутгельда, не должен был никому причинить вреда.

— Вы хотите, чтобы я узнал вас? — спросил доктор Стокстилл. — Или вы предпочитаете оставаться мистером Тризом? Решайте — мне все равно.

— Давайте просто двигаться дальше, — проскрипел мистер Триз.

— Будь по вашему, — доктор Стокстилл устроился поудобнее и чиркнул пером по листу отрывного блокнота. — Продолжайте.

— Говорит ли вам что-нибудь, как психиатру, невозможность находиться в обычном автобусе с дюжиной или около того незнакомых людей? — Мистер Триз внимательно наблюдал за реакцией доктора.

— Может быть, — сказал Стокстилл.

— Я чувствую, как они пялятся на меня.

— Почему?

— Из-за моего уродства, — сказал мистер Триз.

Не подавая виду, доктор Стокстилл ухитрился быстро рассмотреть пациента. Он видел перед собой человека средних лет, крепкого тело-

сложения, с черными волосами и заметной черной щетиной на необычно бледном лице. Он видел под глазами мешки от усталости и напряжения и отчаяние в самих глазах. У физика была угреватая кожа, ему следовало бы подстричься, черты лица искажало беспокойство, но никакого «уродства» доктор не заметил. За исключением явного переутомления, это было обычное лицо; оно не привлекло бы внимания в толпе.

— Разве вы не видите пятен? — хрипло спросил мистер Триз, указывая на щеки и подбородок. — Эти уродливые отметины, отличающие меня от всех.

— Нет, — сказал Стокстилл, рискуя говорить прямо.

— Они там, — продолжал мистер Триз, — под кожей. Но тем не менее люди замечают их и пялятся. Я не могу поехать на автобусе, войти в ресторан или театр. Я не могу пойти в Сан-Францисскую оперу, на балет, симфонический концерт и даже в ночной клуб — посмотреть на какого-нибудь из этих современных певцов. Если мне и удается войти незамеченным, то почти сразу приходится уходить. На меня начинают обращать внимание, я слышу реплики...

— Повторите их.

Мистер Триз замолчал.

— Вы сами только что сказали, — продолжал Стокстилл, — что вы известны всему миру, — разве не естественно для людей перешептываться, когда среди них появляется знаменитость собственной персоной? Разве не всегда так было? Ваша работа вызывает споры, как вы говорите... вражду, и, возможно, имеют место пренебрежительные замечания. Но ведь каждый, на кого обращают внимание...

— Не то! — прервал его мистер Триз. — К такому я привык. Я ведь пишу статьи, появляюсь на телеэкранах — я привык, я знаю, что такое публичное внимание... Это же связано с моей личной жизнью. С моими самыми затаенными мыслями. — Он пристально посмотрел на Стокстилла и сказал: — Они читают мои мысли и рассказывают мне о моей личной жизни во всех подробностях. У них есть доступ к моему мозгу.

Paranoia sensitiva, подумал Стокстилл. Хотя, конечно, надо провести тестированиие... особенно тесты Роршаха. Эта болезнь может быть развитием вяло текущей шизофрении, это могут быть финальные стадии хронического болезненного процесса. Или...

— Одни люди могут видеть пятна на моем лице и читать мои мысли более четко, чем другие, — сказал мистер Триз, — я наблюдал целый спектр возможностей. Кто-то едва осознает, другие моментально оценивают Gestalt моих отличий, моих стигматов. Вот, например, когда я шел сюда, на другой стороне улицы негр подметал тротуар... он прекратил работу и уставился на меня. Конечно, он был слишком далеко, чтобы насмехаться, тем не менее он видел. Это типично, как я заметил, больше для представителей низших классов, чем для образованных и культурных людей.

— Интересно, почему так? — спросил Стокстилл, продолжая делать заметки в блокноте.

— Это уж вам виднее, если вы вообще хоть в чем-нибудь разбираетесь. Женщина, рекомендовавшая вас, говорила, что вы весьма компетентны.

Мистер Триз смотрел на доктора так, словно не замечал в нем пока никаких следов компетентности.

— Думаю, лучше узнать от вас предысторию, — сказал Стокстилл. — Я полагаю, меня рекомендовала Бонни Келлер. Как она поживает? Я не видел ее с апреля прошлого года или около того... Ее муж, наконец, оставил работу в сельской школе, как намеревался?

— Я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать Джорджа и Бонни Келлер, — сказал мистер Триз. — Я загнан в угол, доктор. В любой момент может быть принято решение — покончить со мной. Это состояние тревоги длится так долго, что... — он остановился. — Бонни думает, что я болен, а я ее очень уважаю, — голос его стал низким и почти неслышным. — Поэтому я обещал, что схожу к вам хотя бы один раз.

— Келлеры по-прежнему живут в Вест-Марине?

Мистер Триз кивнул.

— У меня там летний домик, — сказал Стокстилл. — Я поклонник парусного спорта. Стараюсь как можно чаще выходить в залив Томпалес. А вы ходили когда-нибудь под парусом?

— Нет.

— Расскажите мне, где и когда вы родились?

— В Будапеште, в 1934 году, — сказал мистер Триз.

Доктор Стокстилл, искусно задавая вопросы, постепенно выяснял историю жизни своего пациента в деталях, факт за фактом. Это было важно для последующей работы: сначала диагноз, а затем, если возможно, лечение. Анализ, а затем терапия. Известный всему миру человек с бредовой идеей, что незнакомые люди пялятся на него, — как в таком случае отличить реальность от фантазии? Что является границей, отделяющей одно состояние от другого?

Было бы так легко, понял Стокстилл, найти в этом случае патологию. Легко и заманчиво. Человек, которого так ненавидят... и я разделяю их чувства, признался доктор сам себе, — ИХ, о которых говорит Блутгельд или, скажем, Триз. Я ведь тоже часть общества, часть цивилизации, которую поставили под угрозу чудовищные ошибки в расчетах этого человека. Могло ведь быть так — и вполне может быть, — что и мои дети погибли бы из-за этого человека, высокомерно заявившего, что он не может ошибаться.

Но здесь было нечто большее, чем простое высокомерие. Сейчас Стокстилл чувствовал в этом человеке искаженную личность. Он видел его интервью по телевизору, слушал, как он говорит, читал его фантастические антикоммунистические речи — и пришел к обоснованному выводу, что Блутгельд таил в душе ненависть к людям, глубочай-

шую и всепроникающую, достаточную для того, чтобы заставить его на каком-то уровне подсознания хотеть ошибиться, заставить хотеть рискнуть жизнями миллионов.

Неудивительно, что директор ФБР Ричард Никсон так яростно выступал против «...воинствующего поклонника антикоммунистов в высших научных кругах». Никсон тревожился задолго до трагической ошибки 1972 года. Элементы паранойи с манией не только безошибочности, но и величия были налицо — и проницательный знаток людей Никсон распознал их, так же как и многие другие наблюдатели.

И они явно были правы.

— Я приехал в Америку, — говорил мистер Триз, — для того, чтобы скрыться от коммунистических агентов, которые хотели убить меня. Они охотились за мной уже тогда... и нацисты, конечно, тоже. Они все охотились за мной.

— Понятно, — сказал Стокстилл, продолжая писать.

— Они все еще преследуют меня, но, в конце концов, они останутся с носом, — хрипло сказал мистер Триз, зажигая новую сигарету. — Потому что Бог на моей стороне. Он видит, что мне нужно, и Он часто говорит со мной и дарует мне необходимую мудрость, чтобы пережить моих преследователей. Сейчас я работаю над новым проектом недалеко от Ливермора. Его результаты будут сокрушительны для наших врагов.

Наши враги, думал Стокстилл. Кто наш враг, если не вы, мистер Триз? Не вы ли сидите здесь и несете параноидальный бред? Как вам удалось получить высокий пост, который вы сейчас занимаете? Кто ответит за вручение вам власти над жизнями других людей и за сохранение этой власти даже после фиаско 1972 года? Вы и они — вот наши настоящие враги.

Все опасения подтверждаются; вы безумны, ваше присутствие здесь доказывает это. Или нет? Стокстилл думал: нет, ничего не доказывает и, возможно, я должен расписаться в собственном бессилии; возможно, с моей стороны неэтично пытаться иметь с вами дело, учитывая те чувства, которые я к вам питаю... я не могу занять беспристрастную позицию, я не могу смотреть на вас только с научной точки зрения — поэтому и мой анализ и мой диагноз могут оказаться ошибочными.

— Почему вы так смотрите на меня? — спросил мистер Триз.

— То есть? — прошептал Стокстилл.

— Вам отвратительно мое уродство?

— Нет, нет, — ответил Стокстилл, — совсем не поэтому...

— Тогда все дело в моих мыслях — вы их прочли, они кажутся вам отвратительными, и вы бы хотели, чтобы я никогда не обращался к вам?

Поднявшись на ноги, мистер Триз резко двинулся к выходу.

— Всего хорошего.

— Подождите, — Стокстилл пошел за ним. — Давайте закончим хотя бы с биографией, мы только-только начали...

Пристально глядя на доктора, мистер Триз сказал после некоторой паузы:

— Я доверяю Бонни Келлер. Я знаю ее политические взгляды... она не участвует в мировом коммунистическом заговоре, имеющем целью уничтожить меня при любой возможности.

Он снова сел и казался сейчас более собранным. Но в его позе чувствовалась настороженность. Он не позволит себе расслабиться в присутствии врача ни на момент, Стокстилл знал это. Он не откроется, не будет искренен. Он и дальше останется недоверчивым и, возможно, будет прав, думал доктор.

Паркуя машину, Джим Фергюссон, владелец «Модерн ТВ», увидел своего продавца Стюарта Макконти, который облокотился на щетку перед магазином и не подметал, а мечтал о чем-то. Следуя за его взглядом, Фергюссон увидел, что продавец не любуется проходящей мимо девушкой или какой-нибудь необычной машиной — Стю нравились девушки и машины, и это было нормально, — а рассматривает пациентов, входящих в офис доктора на другой стороне улицы, а это уже нормальным не назовешь. Так или иначе, какое до них дело Макконти?

— Ну-ка, — сказал Фергюссон, быстро подходя к магазину, — прекрати это. В один прекрасный день ты можешь заболеть, и как тебе понравится, если какой-нибудь тупица будет пялиться на тебя, когда ты пойдешь к доктору?

— Представляете, — повернул голову Стюарт, — я только что видел какого-то важного парня, входящего туда, но я не смог узнать его.

— Только псих следит за другими психами, — сказал Фергюссон, прошел в магазин к конторке, раскрыл регистрационный журнал и начал вносить в него изменения и счета текущего дня.

Так или иначе, думал он, подождем, что ты скажешь, узнав, кого я нанял ремонтировать телевизоры, — тут тебе действительно будет на что посмотреть.

— Послушай, Макконти, — сказал Фергюссон, — знаешь этого парнишку без ног и рук, который приезжает сюда на коляске? Того фокомелуса с красивыми отростками, чья мать принимала тот порошок в начале 60-х? Того, что вечно вертится вокруг, потому что хочет чинить телевизоры?

Стюарт замер со щеткой в руках.

— Вы наняли его?

— Да, вчера, пока ты был на выездной торговле.

Подумав, Макконти сказал:

— Это плохо для дела.

— Почему? Его никто не увидит, он будет сидеть внизу в ремонтной мастерской. Кроме того, мы должны давать им работу. Ведь это не их вина, что они без рук и без ног, это немцы виноваты.

Помедлив, Стюарт Макконти сказал:

— Сначала вы наняли меня, негра, теперь фока. Ну, я должен пожать вам руку, Фергюссон, вы пытаетесь поступать правильно.

Чувствуя, как в нем закипает гнев, Фергюссон сказал:

— Я не только пытаюсь, я делаю. Я не предаюсь пустым мечтам, как ты. Я — человек, который принимает решение и выполняет его.

Он направился к сейфу.

— Его зовут Хоппи. Он будет здесь сегодня утром, попозже. Ты видел, как ловко он манипулирует своими электронными руками; они чудо современной техники.

— Видел, — сказал Стюарт.

— И тебе это неприятно?

Стюарт ответил, яростно жестикулируя:

— Это неестественно...

Фергюссон пристально посмотрел на него:

— Послушай, не вздумай передразнивать парнишку. Если я только поймаю на этом тебя или любого, кто у меня работает...

— Ладно, — проворчал Стюарт.

— Тебе скучно, — сказал Фергюссон, — и это плохо, потому что ты не выкладываешься полностью. Ты расслабляешься в рабочее время. Если бы ты вкалывал как следует, у тебя не было бы времени опираться на щетку и подшучивать над бедными больными людьми, идущими к доктору. Я запрещаю тебе торчать перед магазином. Если я тебя на этом поймаю, ты отсюда вылетишь.

— О Господи, да как же мне приходить и уходить? Перво-наперво, как я попаду в магазин? Через стену?

— Ты можешь приходить и уходить, — решил Фергюссон, — но ты не должен слоняться без дела.

Пристально глядя в спину хозяина, Стюарт Макконти вяло протестовал:

— Испугался... как же...

Однако Фергюссон не обращал на своего продавца никакого внимания — он начал включать телевизоры и рекламу, готовясь к новому дню.

Глава 2

Обычно по утрам, часов около одиннадцати, фокомелус Хоппи Харрингтон подъезжал к зданию «Модерн ТВ». Он проскальзывал в магазин, останавливал свою электронную коляску у прилавка и, если Джим Фергюссон находился поблизости, спрашивал у него разрешения спуститься вниз: понаблюдать за работой двух телемастеров.Однако, если Фергюссона не было на месте, Хоппи, немного помедлив, уезжал, зная, что продавцы не разрешат ему спуститься; они только посмеивались и уклончиво отвечали на его вопросы. Фокомелус не

возражал. Или, насколько мог судить Стюарт Макконти, не показывал виду, что возражает.

На самом деле, осознал Стюарт, он не понимает Хоппи. Хоппи — с его острым лицом, ясными глазами и быстрой нервной речью, которая часто прерывалась заиканием. Стюарт не понимал Хоппи ПСИХОЛОГИЧЕСКИ. Почему фокомелус так хотел ремонтировать телевизоры? Что особенного было в этой работе? Посмотреть на фока, когда он околачивался вокруг, — так ремонт телевизоров был самой волнующей профессией на свете. На самом деле эта работа была тяжелой, грязной и низкооплачиваемой. Но Хоппи решительно настроился стать телемастером, и сейчас он своего добился, потому что Фергюссон тоже решительно настроился поступить правильно по отношению ко всем угнетенным меньшинствам мира. Фергюссон состоял членом Американского союза гражданских свобод, Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и Лиги помощи инвалидам. Последняя, насколько знал Стюарт, представляла собой не что иное, как общество международного масштаба, созданное, чтобы способствовать подбору посильной работы для всех пострадавших от ошибок современной науки и медицины, в том числе и для множества жертв катастрофы Блутгельда 1972 года.

А как теперь буду выглядеть я? — спрашивал себя Стюарт, сидя наверху в офисе и просматривая свой журнал учета продаж. Я имею в виду, думал он, если фок будет работать здесь... это практически делает меня радиационным уродом, как будто я не цветной, а просто получил радиационный ожог первой степени. Думая об этом, он помрачнел.

Давным-давно, представил он себе, все жители Земли были белыми, а потом, скажем десять тысяч лет назад, какой-то сукин сын взорвал в верхних слоях атмосферы бомбу и некоторые из нас получили радиационный ожог, и он стал постоянным, изменил наши гены. И вот мы такие, какие есть.

Пришел второй продавец, Джек Лайтейзер, присел у стола наискосок от Стюарта и закурил сигару «Корина».

— Я слышал, Джим нанял этого парнишку в коляске, — сказал он, — знаешь, почему он так поступил? Для рекламы. Все газеты Сан-Франциско напишут о нем. Любит Джим видеть свое имя в газетах. Если вдуматься — это умно. Первый розничный торговец Восточного побережья, который нанял фока.

Стюарт только хмыкнул.

— Джим себя идеализирует, — продолжал Лайтейзер, — он не просто торговец, он — современный римлянин, гражданственно мыслящая личность. Конечно, он образованный человек, получил степень магистра в Стэнфорде...

— Теперь это никому не нужно, — сказал Стюарт. Он сам получил магистерскую степень в Калифорнийском университете в 1975-м, а посмотрите, где он сейчас?

— Когда он получал диплом, — настаивал Джек, — это еще имело значение. Ведь он заканчивал в 1947-м, он был в списке отличников.

Внизу, у входа в «Модерн ТВ», появилась коляска, в центре которой, перед приборной панелью, виднелась тонкая фигура.

— Вот паразит, — охнул Стюарт.

Лайтейзер посмотрел на него:

— Он перестанет быть паразитом, когда приступит к работе. У парнишки почти совсем нет тела, одни мозги, и неплохие. И честолюбие у него есть. Господи, да все, чего он хочет, — уйти из школы и начать работать. Уважаю таких.

Они наблюдали за Хоппи — как он катил к лестнице, ведущей в отдел ремонта.

— Парни внизу уже знают? — спросил Стюарт.

— Конечно. Джим сказал им еще вчера. Они отнеслись философски; ты же знаешь ремонтников — поворчали, но это ничего не значит, они ворчат по любому поводу.

Услышав голоса продавцов, Хоппи быстро взглянул вверх. Его тонкое, бледное лицо бросало им вызов, глаза сверкали.

— Эй, мистер Фергюссон на месте?

— Нет, — сказал Стюарт.

— Мистер Фергюссон нанял меня.

— Да, — сказал Стюарт.

Ни он, ни Лайтейзер не двинулись с места; они оставались сидеть у стола, глядя вниз на фока.

— Могу я спуститься вниз? — спросил Хоппи.

Лайтейзер пожал плечами.

— Пойду выпью кофе, — сказал Стюарт, вставая. — Поглядывай тут за залом, ладно?

— Конечно, — ответил Лайтейзер, кивнув, и продолжал курить сигару.

Когда Стюарт проходил через зал, фок был там; он еще не начал трудный спуск по лестнице, ведущей в подвальный этаж.

— Привидение 1972 года, — сказал Стюарт, проходя мимо.

Фок покраснел и сказал заикаясь:

— Я родился в 1964-м, у меня нет ничего общего с тем взрывом.

И пока Стюарт шел через зал к выходу, фок продолжал кричать ему вслед:

— Это порошок... талидомид... Об этом знают все...

Ничего не отвечая, Стюарт направился к кофейне.

Фокомелусу было трудно спускаться в коляске по лестнице в подвал, где работали у своих верстаков телемастера, но через некоторое время он приноровился, крепко сжимая перила механическими экстензорами, которыми правительство США заботливо снабдило его. На самом деле

экстензоры были не так уж хороши. Их изготовили годы назад, и они не только частично износились, но и устарели, о чем Хоппи, изучавший литературу по теме, хорошо знал. Теоретически правительство было обязано заменить коляску на более современную модель; Акт Реминтона четко оговаривал это. Хоппи уже обращался к старшему сенатору от штата Калифорния Альфу М. Партланду, но ответа пока не получил. Но Хоппи был терпелив. Много раз он писал конгрессменам США по самым разным поводам, и часто ответы представляли собой отписки, приходили с опозданием или не приходили вовсе.

Однако в этом случае закон был на стороне Хоппи Харрингтона. Заставить власть имущих дать ему то, на что он имел право, являлось только вопросом времени. Здесь он был непреклонен, терпелив и непреклонен. Они обязаны помочь ему, хотят они того или нет. Так учил его отец, владелец овечьего ранчо в долине Сонома, — всегда требовать то, на что имеешь право.

Он услышал звуки: телемастера работали. Хоппи помедлил, открыл дверь и оказался лицом к лицу с двумя мужчинами, сидящими у длинного верстака, по которому были раскиданы в беспорядке инструменты и тестеры, приспособления и телевизоры в различных стадиях разборки. Мастера заметили его.

— Послушай, — сразу же сказал один из них, ошеломив Хоппи. — На ручной труд смотрят свысока. Почему бы тебе не заняться чем-нибудь умственным, вернуться в школу и получить аттестат?

Он повернулся к Хоппи, выжидательно глядя на него.

Нет, думал Хоппи, я хочу работать руками...

— Ты бы мог стать ученым, — сказал другой мастер, не отрываясь от работы; он проверял цепь вольтметром.

— Как Блутгельд, — сказал Хоппи.

Мастера одобрительно засмеялись.

— Мистер Фергюссон говорил, что вы дадите мне какую-нибудь работу, — сказал Хоппи. — Какой-нибудь несложный блок для начала, ладно?

Он ждал, боясь, что они не откликнутся, но один из них указал ему на проигрыватель-автомат.

— Что с ним? — спросил Хоппи, изучая ремонтный ярлык. — Я уверен, что могу починить его.

— Пружина сломалась, — ответил мастер, — не выключился после последней пластинки.

— Понятно, — сказал Хоппи. Он поднял проигрыватель экстензорами и перетащил его на свободное место на дальнем конце верстака. — Я буду работать здесь.

Никто не протестовал. Он взял плоскогубцы. Это легко, думал он, я тренировался дома. Он сосредоточился на проигрывателе, одновременно краем глаза наблюдая за мастерами. Я проделывал это много раз; почти всегда все получалось и с каждым разом все лучше и луч-

ше, аккуратнее. И более предсказуемо. Пружина — маленькая деталь, думал он, самая маленькая, какую они смогли найти. Такая легкая, дунешь — улетит. Я вижу, где ты сломана. Молекулы металла не соединены, как надо. Он сосредоточился на поврежденном месте, держа плоскогубцы так, чтобы ближайший к нему ремонтник не мог ничего видеть; он притворился, что вытягивает пружину, пытаясь удалить ее.

Когда он заканчивал работу, он понял, что кто-то вошел, встал за его спиной и наблюдает. Он повернулся — это был Джим Фергюссон, его наниматель. Фергюссон ничего не говорил, просто стоял со странным выражением лица,засунув руки в карманы.

— Готово, — нервно сказал Хоппи.

— Дай-ка посмотреть, — сказал Фергюссон. Он взял проигрыватель и поднес его поближе к лампе.

Видел ли он? — гадал Хоппи. Понял ли он? И если понял — что он думает? Возражает он, не возражает — или просто испуган?

Молчание продолжалось, пока Фергюссон проверял проигрыватель.

— Где ты взял новую пружину? — вдруг спросил он.

— Нашел на верстаке, — не моргнув глазом ответил Хоппи.

Все обошлось. Фергюссон, если и видел что-то, то ничего не понял. Фокомелус расслабился и почувствовал ликование, полное удовольствие вместо тревоги; он улыбнулся мастерам и оглянулся вокруг в поисках нового задания.

Фергюссон спросил:

— Ты нервничаешь, если за тобой наблюдают?

— Нет, — сказал Хоппи, — люди могут пялиться на меня сколько душе угодно. Я знаю, что я — другой. На меня пялятся с тех пор, как я родился.

— Я имею в виду: когда ты работаешь?

— Нет, — снова сказал Хоппи, и его голос звучал громко, может быть, слишком громко. — Прежде, чем у меня появилась коляска, — сказал он, — прежде, чем правительство обеспечило меня хоть чем-то, мой папаша обычно таскал меня на спине в одеяле. Как рюкзак. Как индианка — ребенка.

Он застенчиво рассмеялся.

— Понятно, — сказал Фергюссон.

— Так было в Сономе, — продолжал Хоппи, — где я вырос. У нас были овцы. Однажды баран боднул меня, и я полетел в воздух. Как мяч.

Он снова засмеялся; оба мастера молча смотрели на него, прервав работу.

— Держу пари, — сказал один из них после паузы, — что ты приземлился и покатился.

— Да, — подтвердил Хоппи смеясь. Сейчас они все смеялись: и Фергюссон, и мастера; они представили, как это было: семилетний Хоппи Харрингтон, без рук и ног, только голова и туловище, ка-

тится по земле, вопя от испуга и боли. Это выглядело смешно, Хоппи знал и рассказывал так, чтобы было смешно; он заставил их смеяться.

— Теперь-то ты лучше вооружен, — сказал Фергюссон, имея в виду коляску.

— О да, — ответил Хоппи, — и я разрабатываю новую, моей собственной конструкции, сплошная электроника. Я столько читал об управлении непосредственно из мозга, так делают в Швейцарии и Германии. Ты связан прямо с двигательными центрами мозга, так что нет запаздывания, ты можешь двигаться даже быстрее, чем... обычная физиологическая конструкция. — Он чуть не сказал «чем человек». — Через пару лет я усовершенствую коляску, — продолжал фок, — и это будет шагом вперед даже по сравнению со швейцарской моделью. И тогда я смогу выбросить этот правительственный хлам.

Фергюссон торжественно провозгласил:

— Я восхищен твоим мужеством.

Смеясь, Хоппи сказал с запинкой:

— С-спасибо, мистер Фергюссон.

Один из мастеров подал ему ЧМ-тюнер.

— Он дрейфует. Глянь-ка — что можно подрегулировать.

— Ладно, — сказал Хоппи, беря блок металлическими экстензорами. — Я уверен, что у меня получится. Я много раз пробовал дома. У меня есть опыт.

Такую работу он считал самой легкой; ему даже не надо было особо сосредоточиваться на блоке. Как будто ее придумали специально, чтобы показать его возможности.

Взглянув на календарь, висевший на стене в кухне, Бонни Келлер вспомнила, что сегодня ее друг Бруно Блутгельд должен был отправиться к психиатру доктору Стокстиллу в Беркли. Видимо, он уже провел час со Стокстиллом, получил первый сеанс терапии и ушел. Сейчас он, без сомнения, едет назад в Ливермор в свой офис, находящийся в Радиационной лаборатории — той самой, из которой Бонни ушла несколько лет назад из-за своей беременности. Там, в 1975-м, она и познакомилась с Бруно Блутгельдом. Сейчас ей был 31 год, она жила в Вест-Марине, ее муж Джордж стал вице-президентом школьного совета, и она была очень счастлива.

Она продолжала ходить на сеансы психоанализа — раз в неделю вместо трех, как раньше, — и во многих отношениях она понимала себя, свои подсознательные импульсы и паратактические систематические искажения реальности. Психоанализ в течение шести лет сделал для нее большое дело, но полностью она не вылечилась. На самом деле возможности «вылечиться» не существовало; сама жизнь была «болезнью», и постоянное развитие (вернее, явно увеличиваю-

щаяся адаптация) должно было либо продолжаться, либо привести к психическому застою.

Она вовсе не собиралась впадать в застой. Прямо сейчас она читала «Закат Европы» на немецком; она уже прочла 50 страниц, и они того стоили. А кто еще из тех, кого она знала, читал эту книгу хотя бы по-английски?

Ее интерес к немецкой культуре, литературе и философии возник несколько лет назад под влиянием знакомства с доктором Блутгельдом. Хотя она три года учила немецкий в колледже, он не пригодился ей в ее взрослой жизни, как и многое другое, что она тогда тщательно изучала. Это откладывалось в подсознании, пока она заканчивала колледж и поступала на работу. Магнетическое присутствие Блутгельда оживило и расширило многие ее академические интересы — любовь к музыке и живописи, например... она многим была обязана Блутгельду и благодарна ему.

Конечно, сейчас почти каждый в Ливерморе знал, что Блутгельд болен. У него была слишком чувствительная совесть, и он никогда не переставал мучиться со времени ошибки 1972 года, которая, как знали все, кто был тогда в Ливерморе, не являлась только его ошибкой, не была его персональным грехом, но он так считал — и заболел из-за этого, и болезнь усугублялась с каждым годом.

Множество специалистов, качественная аппаратура, лучшие компьютеры были задействованы в ошибочных вычислениях, которые были ошибочными не по отношению к объему знаний 1972 года, но только по отношению к реальной ситуации. Чудовищные массы радиоактивных облаков не выбросило в космос, а притянуло гравитационным полем Земли, и они вернулись в атмосферу. Никто не удивился этому больше, чем персонал Ливермора. Сейчас, конечно, слой Джемисона-Френча изучили подробнее. Даже популярные журналы вроде «Тайм» и «ЮС ньюс» могли доступно объяснить, что и почему было сделано неправильно. Но ведь прошло девять лет...

Подумав о слое Джемисона-Френча, Бонни вспомнила и о главном сегодняшнем событии, которое она чуть не пропустила. Она сразу же пошла к телевизору в гостиной и включила его. Неужели старт уже был, подумала она, поглядев на часы. Нет, еще полчаса. Экран зажегся, показались ракета и стартовая башня, персонал, грузы, оборудование; все это пока находилось на Земле, и, может быть, Уолтер Дангерфильд и миссис Дангерфильд еще не поднялись на борт.

Первая пара, эмигрирующая на Марс, лукаво подумала она, представив, как чувствует себя в эту минуту Лидия Дангерфильд, высокая светловолосая женщина, знающая, что их шансы добраться до Марса составляют, по оценке компьютера, 60%. Они везли с собой великолепное оборудование, просторные жилища и мощные конструкции, но что, если все это и они вместе с ним превратятся в пепел по дороге? По крайней мере, попытка произведет впечатление на Советский блок,

которому не удалось основать колонию на Луне. Русские то ли задохнулись все разом, то ли умерли с голоду — никто не мог сказать точно. Как бы то ни было, колония исчезла. Она выпала из истории так же таинственно, как и вошла в нее.

Идея НАСА — послать не группу людей, а только пару — мужа и жену — страшила Бонни. Она инстинктивно чувствовала, что, делая ставку только на эту пару, НАСА рискует проиграть. Надо было бы послать несколько человек из Нью-Йорка, несколько из Калифорнии, думала Бонни, наблюдая на экране техников, проводящих последние предстартовые проверки. Как это называется? Страховаться от возможных потерь? Так или иначе, не все должно быть поставлено на карту... хотя именно так НАСА всегда делала: один астронавт — за один запуск и множество шумихи вокруг. Когда в 1967-м Генри Ченселлор сгорел дотла на своей космической платформе, человечество наблюдало за этим по ТВ, охваченное ужасом, конечно, но тем не менее ему позволили наблюдать. И реакция общества была такова, что освоение космоса западным миром отодвинулось на пять лет.

— Итак, вы видите, — негромко, но настойчиво говорил комментатор программы «Новости», — последние приготовления закончены. С минуты на минуту ожидается прибытие мистера и миссис Дангерфильд. Давайте мысленно окинем взглядом весь громадный объем проделанной работы, чтобы быть уверенными...

Вздор, сказала про себя Бонни Келлер, задрожав, и выключила телевизор. Я не могу видеть это.

С другой стороны, чем занять себя? Просто сидеть, полируя ногти, все шесть часов, а фактически — и две последующие недели тоже? Единственным выходом было бы не помнить, что сегодня день, когда первая пара должна отправиться в путь. Однако сейчас это было невозможно.

Ей нравилось думать о них, как о первой паре... что-то из сентиментального, старомодного научно-фантастического рассказа. Снова Адам и Ева — только Уолт Дангерфильд не был Адамом. С его ненавязчивым саркастическим остроумием, с его запинающейся, почти циничной манерой речи, когда он говорил с репортерами, он более походил на последнего (по времени, конечно), чем на первого человека. Бонни обожала его. Дангерфильд не был ни простофилей, ни стриженным «под ежик» юным блондином-автоматом, нанятым когда-то для выполнения новейшей задачи воздушных сил. Уолт был реальной личностью. За это-то, без сомнения, НАСА и выбрала его. Гены Дангерфильда впитали всю культуру, все наследие человечества за несколько тысяч лет, чтобы расцвести сейчас. Уолт и Лидия должны найти некую NOVA TERRA... и там будет жить множество рассудительных маленьких Дангерфильдов, расхаживающих по Марсу и говорящих умно, но с тем же оттенком легкой живости, которым обладал Дангерфильд.

«Представьте себе длинное, свободное от движения шоссе, — сказал однажды Дангерфильд, отвечая на вопрос репортера о степени опасности путешествия, — миллион миль широченного шоссе без всякого транспорта, никаких медленных грузовиков. Представьте себе, что вы отправились в путь в четыре часа утра... только ваш автомобиль — и никого. Как говорится, о чем беспокоиться?». И затем последовала чудесная дангерфильдовская улыбка.

Нагнувшись к телевизору, Бонни снова включила его. На экране возникло круглое, в очках лицо Уолта Дангерфильда. Он был уже в скафандре, но пока без шлема. Лидия молча стояла за ним, в то время как Уолт отвечал на вопросы.

— Я слышал, — Уолт растягивал слова, как будто прожевывал вопрос перед ответом, — я слышал, что в Буа, штат Айдахо, есть одна МСЛ, которая беспокоится о нас. — Он бросил быстрый взгляд на кого-то в комнате, кто, видимо, задал вопрос. — МСЛ? Ну, это великий, сейчас давно забытый термин Герба Кайена для Маленьких Старых Леди, которых вы найдете всюду. Может быть, одна из них уже на Марсе, и мы будем жить на одной улице с ней. Как бы то ни было, если я правильно понял, старушка из Буа немного беспокоится о Лидии и обо мне, боясь, что с нами может что-нибудь случиться. Поэтому она послала нам талисман на счастье. Он поднял что-то, неуклюже держа его пальцами в перчатке скафандра.

Репортеры оживились.

— Мило, не так ли? — спросил Дангерфильд. — Я скажу вам, что это такое. Это средство от ревматизма.

Репортеры расхохотались.

— На всякий случай, если мы схватим ревматизм на Марсе. Или подагру? Кажется, это все-таки от подагры, так она пишет в письме.

Он взглянул на жену:

— Подагра, не правда ли?

Я полагаю, думала Бонни, у них нет талисманов от метеоров или радиации. Ей было грустно, как от нехорошего предчувствия. Или это оттого, что сегодня — день посещения Бруно Блутгельдом психиатра? Этот факт наводил на мысли о смерти и о радиации, о неправильных расчетах и ужасных неизлечимых болезнях.

Я не верю, что Бруно стал параноидальным шизофреником, думала она. Это только временное ухудшение ситуации, и при надлежащей психиатрической помощи — парочка каких-нибудь пилюль — все будет в порядке. Просто эндокринное расстройство проявляет себя таким образом, а эндокринологи сейчас творят чудеса. И это совсем не дефект личности — это психотическая основа раскрывает себя в стрессовой ситуации.

Но откуда мне было знать, мрачно думала Бонни. Бруно пришлось сесть перед нами и рассказать, что «они» отравили ему питьевую воду,

прежде чем и Джордж, и я догадались, как он болен. До этого он казался просто подавленным.

Прямо сейчас она могла представить Бруно с рецептом на какие-то таблетки, которые стимулировали бы кору головного мозга или подавили бы промежуточный мозг; как бы то ни было, современный западный эквивалент китайского лекарства на травах подействовал бы, изменяя метаболизм мозга Бруно, избавляя его от мании, как будто сметая паутину. И снова все было бы хорошо; она, Джордж и Бруно снова вместе, составляя гармоничное трио, играя Баха и Генделя по вечерам... это было бы, как в старые времена — две деревянные флейты «Black Forest» (настоящие) и ее пианино. Дом, полный музыки барокко и аромата свежеиспеченного хлеба, и бутылка вина «Буэна Виста» из старейшего винного погреба в Калифорнии...

Уолт Дангерфильд на экране выглядел так, как будто он сделал удачное замечание в манере Вольтера и Уилла Роджерса, вместе взятых.

— О да, — отвечал он женщине-репортеру в смешной соломенной шляпе, — мы надеемся открыть много неизвестных форм жизни на Марсе. — И он смотрел на шляпу, как будто хотел сказать: «Видимо, вот одна из них».

И снова репортеры смеялись.

— Мне кажется, это приближается к нам, — сказал Дангерфильд своей тихой, спокойной жене, указывая на шляпу. — Милая, да оно нападает на нас!..

Он по-настоящему любит ее, поняла Бонни, наблюдая за Дангерфильдами. Интересно, испытывал ли Джордж такие же чувства ко мне, как Уолт к своей жене? Честно говоря — сомневаюсь. Если бы испытывал, то никогда не позволил бы мне сделать два аборта. Она стала еще печальнее и повернулась к телевизору спиной.

Они должны были бы послать Джорджа на Марс, думала она с горечью. Или, еще лучше, послать нас всех: Джорджа, меня и Дангерфильдов. Джордж мог бы завести интрижку с Лидией, если бы осмелился, а я могла бы пойти в постель с Уолтом. Я была бы прекрасным товарищем в великом приключении. Почему нет?

Хочу, чтобы случилось хоть что-нибудь, сказала она себе. Пусть позвонит Бруно и скажет, что доктор Стокстилл вылечил его. Или пусть Дангерфильды вдруг вернутся, или китайцы начнут третью мировую, или Джордж разорвет наконец контракт с этой ужасной школой... он давно собирается так поступить. Что угодно, что-нибудь. Может быть, думала она, я должна достать свой гончарный круг и горшок; вернуться снова к так называемому творчеству, анальной форме или чему угодно. Я могла бы сделать неприличный горшок. Сделать, обжечь в печи у Вайолет Клэтт и послать его в Сан-Ансельмо, в Общество народного творчества, в то бабское общество, которое в прошлом году отклонило мою сварную бижутерию. Мне кажется, они бы одобрили неприличный горшок, если бы это был ХОРОШИЙ неприличный горшок.

Небольшая толпа собралась перед витриной «Модерн ТВ», чтобы наблюдать на экране цветного стереотелевизора отлет Дангерфильдов. Это событие показывали каждому американцу, где бы он ни был — дома или на работе. Стюарт Макконти стоял позади толпы, скрестив руки на груди, и тоже смотрел на экран.

— Дух Джона Л. Льюиса, — в своей обычной сдержанной манере говорил Уолт Дангерфильд, — понял бы истинное значение повременной оплаты... если бы не он, мне бы, возможно, заплатили за этот полет около 5 долларов с условием, что моя работа начнет засчитываться только по прибытии на место.

Лицо Уолта было спокойно: приближалось время, когда он и Лидия должны были войти в кабину корабля.

— Только запомните: если что-то случится с нами, если мы исчезнем... не ищите нас. Оставайтесь дома — и я уверен, что мы с Лидией где-нибудь внезапно проявимся.

— Удачи вам, — жужжали репортеры, пока должностные лица и техники НАСА не вытеснили Дангерфильдов из поля зрения телекамер.

— Это продлится долго, — сказал Стюарт Лайтейзеру, стоявшему за ним и тоже наблюдавшему за происходящим.

— Дурак он, что летит, — сказал Лайтейзер, жуя зубочистку, — он никогда не вернется, этого даже не скрывают.

— А с чего ему хотеть вернуться? — спросил Стюарт, — что здесь у нас такого хорошего?

Он завидовал Уолту Дангерфильду, он хотел, чтобы он, Стюарт Макконти, стоял там перед телекамерами — на глазах у всего мира.

Из подвала по лестнице поднялся Хоппи Харрингтон и энергично протиснулся вперед на своей коляске.

— Они уже взлетели? — нервно спросил он Стюарта, вглядываясь в экран. — Он сгорит, случится так, как в 65-м. Я этого, конечно, не помню, но...

— Заткнись ты, — беззлобно оборвал его Лайтейзер, и фокомелус, покраснев, замолк.

Все продолжали смотреть на экран, думая каждый о своем, а в это время с конического носа ракеты при помощи крана сняли последнюю группу техников. Отсчет времени должен был вот-вот начаться; ракету уже заправили топливом, проверили — и двое людей вошли в нее. Маленькая толпа перед витриной оживилась и начала переговариваться.

Позднее, сегодня, в какой-то момент после полудня, их ожидание будет вознаграждено. ДАТЧАНИН-IV взлетит, выйдет на орбиту вокруг Земли за час или около того, и люди будут стоять перед телевизором, наблюдая, как ракета делает виток за витком, пока наконец кем-то внизу не будет принято решение и на командном пункте не включат зажигание последней ступени. Тогда орбитальная ракета изменит траекторию и оставит наш мир. Они видели подобное и раньше, каждый запуск походил на предыдущий, но сейчас все было по-другому, пото-

му что на этот раз люди никогда не вернутся. Стоило провести день перед телевизором ради такого зрелища — и толпа готова была ждать.

Стюарт Макконти думал о ленче и как потом он вернется сюда, снова займет свой пост и вместе с другими будет стоять и наблюдать. Сегодня он сделает мало или не сделает ничего, не продаст никому ни одного телевизора. Но это было не важно. Он не мог пропустить такое событие. Может быть, и я когда-нибудь... сказал он себе, может быть и я эмигрирую. Позже. Когда накоплю достаточно денег, чтобы жениться, забрать жену и детей и начать новую жизнь на Марсе. Когда там будет действительно настоящая колония, а не только машины.

Он представил себя Уолтом Дангерфильдом, привязанным в кабине на вершине конуса ракеты, рядом с привлекательной женщиной. Пионеры, он и она, основывающие новую цивилизацию на новой планете. Но затем в желудке у Стюарта заурчало, и он понял, до чего проголодался; он больше не мог оттягивать ленч.

И пока он стоял, наблюдая громадную колонну ракеты на экране, мысли его обратились к супу и булочкам, бифштексу и яблочному пирогу с мороженым в кафе Фреда.

Глава 3

Почти каждый день Стюарт Макконти обедал в кафе Фреда, расположенном на той же улице, что и «Модерн ТВ». Сегодня, войдя в кафе, он, к своему негодованию, увидел, что коляска Хоппи Харрингтона стоит в глубине зала и Хоппи спокойно ест — так непринужденно, как будто он здесь завсегдатай . Черт побери, подумал Стюарт. Куда ни сунься — всюду фоки! Я ведь даже не заметил, как он исчез из магазина.

Все-таки Стюарт уселся за столик и взял меню. Фоку не удастся испортить мне обед, сказал он себе, просматривая меню, чтобы увидеть, нет ли сегодня чего-нибудь особенного и подешевле. Приближался конец месяца, деньги у Стюарта кончались, и он с нетерпением ждал очередной выплаты; чек должен был вручить ему лично Фергюссон в конце недели.

Когда Стюарт приступил к супу, до него донесся пронзительный голос фока. Хоппи рассказывал какой-то анекдот, но кому? Конни, официантке? Стюарт повернул голову и увидел, что, действительно, и официантка, и Тони-бармен стоят возле коляски, слушают, и никто из них не проявляет к фоку ни малейшего отвращения.

Тут Хоппи заметил Стюарта.

— Привет, — сказал он.

Стюарт кивнул и отвернулся, сосредоточившись на супе.

Фок разглагольствовал о своем изобретении, о каком-то электронном приспособлении, которое он то ли построил, то ли собирался стро-

ить — Стюарт не мог сказать точно и, признаться, не заботился об этом. Не его дело, что там Хоппи строит, какие сумасбродные идеи выдает мозг этого человечка. Без сомнения, что-нибудь извращенное, сказал себе Стюарт. Какая-нибудь причудливая штука вроде вечного двигателя... может быть, вечнодвижущаяся коляска для самого Хоппи. Стюарт рассмеялся про себя, идея ему понравилась. Я должен рассказать это Лайтейзеру, решил он. Вечное движение Хоппи — и затем он подумал: фокомобиль. Тут он рассмеялся громко.

Хоппи услышал смех и, без сомнения, решил, что Стюарт смеется над его рассказом.

— Эй, — позвал он, — перебирайся сюда, я угощу тебя пивом.

Придурок, подумал Стюарт. Разве он не знает, что Фергюссон запрещает нам пить пиво в обед? Это закон. Только глотни пива — и можешь не возвращаться в магазин, а окончательный расчет получишь по почте.

— Послушай, — сказал он фоку, повернувшись к нему вместе со стулом. — Когда ты поработаешь на Фергюссона подольше, ты крепко подумаешь, прежде чем выдавать такую чушь.

Покраснев, фок пролепетал:

— Что ты имеешь в виду?

Тони сказал:

— Фергюссон не позволяет своим служащим выпивать. Это против его религии, да, Стюарт?

— Точно, — ответил Стюарт. — И лучше не забывать об этом.

— Меня никто не предупреждал, — сказал фок, — и, кроме того, я не собирался пить пиво сам. Но я не вижу, по какому праву наниматель диктует своим работникам, чем они могут заниматься в свободное время. Это их законный обед, и они, если хотят, могут выпить пива.

Голос его стал резким и полным непримиримого негодования. Сейчас Хоппи уже не смеялся.

Стюарт сказал:

— Фергюссон не хочет, чтобы от его продавцов несло, как от пивоваренного завода. Так можно отпугнуть какую-нибудь пожилую леди-покупательницу.

— Может быть, это и правильно для тебя, — сказал Хоппи, — но я-то не продавец... Я — телемастер, и я буду пить пиво, если хочу...

Бармен Тони выглядел смущенным:

— Послушай, Хоппи... — начал он.

— Молод ты заказывать пиво, — сказал Стюарт. Сейчас все окружающие смотрели на них и прислушивались к разговору.

Фок стал совершенно пунцовым.

— Я совершеннолетний, — сказал он тихо, но упрямо.

— Не давай ему пива, — сказала Конни бармену, — он всего лишь ребенок.

Запустив экстензор в карман, Хоппи вынул паспорт и, открыв его, положил на прилавок.

— Мне двадцать один год, — сказал он.

Стюарт рассмеялся:

— Чушь! — Должно быть, фок предъявил какую-нибудь подделку. Хитрюга сделал ее сам или спер у кого-нибудь. У него навязчивая идея: он должен быть, как все.

Внимательно рассмотрев паспорт, бармен сказал:

— Да, там написано, что он — совершеннолетний... Но, Хоппи, помнишь, как в прошлый раз я налил тебе пива, и помнишь...

— Ты обязан обслужить меня, — сказал фок.

Хмыкнув, бармен вышел и принес бутылку пива, которую поставил перед Хоппи, не открывая.

— Открывашку, — потребовал фок.

Бармен снова вышел и принес консервный нож. Он бросил его на стойку, и Хоппи открыл бутылку.

Фок сделал глубокий выдох и залпом выпил пиво.

Что будет? — удивился Стюарт, заметив, как странно смотрят на Хоппи Тони, Конни и даже пара завсегдатаев. Он что, потеряет сознание или еще хуже? Может быть, станет берсерком? Стюарт чувствовал отвращение и неловкость одновременно. Я бы хотел просто сидеть и есть, думал он. Я бы хотел очутиться подальше отсюда. Что бы ни случилось, я не хочу это видеть. Я пойду обратно в магазин, решил он, и буду смотреть репортаж с космодрома. Я хочу наблюдать за полетом Дангерфильда, за важным для Америки событием, а не за этим уродом. У меня нет на него времени.

Но он оставался на месте, потому что с Хоппи Харрингтоном творилось что-то непонятное, и Стюарт, как ни пытался, не мог оторвать от него глаз.

Фокомелус развалился в коляске, словно собираясь заснуть. Он сполз вниз, голова его лежала на рычаге управления, глаза почти закрылись, взгляд остекленел.

— Господи, — сказал бармен, — он снова проделал это.

Тони обращался к окружающим, как будто просил их придумать что-нибудь, но никто не шевельнулся; все замерли на своих местах.

— Я знала, что так будет, — сказала Конни. В голосе ее слышались упрек и горечь.

Губы фока шевельнулись, и он пробормотал:

— Спросите меня... Кто-нибудь, сейчас, спросите меня...

— О чем тебя спрашивать? — сердито сказал Тони. Он повернулся и с негодующим видом направился к своей стойке с грилем.

— Спросите меня, — опять повторил Хоппи бесцветным, потусторонним голосом, как будто в обмороке. Наблюдая за ним, Стюарт понял, что это и был обморок, род эпилепсии. Он жаждал очутиться

подальше от фока, но все еще не мог двинуться; он должен был наблюдать вместе с остальными.

Конни сказала Стюарту:

— Ты не отвез бы его обратно в магазин? Ну-ка, подтолкни коляску... — Она сердито смотрела на него, но он ничего не мог поделать; он отпрянул и жестом выразил свою беспомощность.

Фок дергался в коляске и что-то бормотал, его металлические и пластмассовые экстензоры изгибались.

— Спрашивайте меня, — повторял он, — спрашивайте, пока не поздно. Я могу рассказать вам сейчас... я вижу...

Тони сказал из-за стойки:

— Задали бы вы ему какой-нибудь вопрос, ребята. Пришли бы вы в себя. Я знаю, что кто-нибудь соберется и спросит его, а если не вы, то я — у меня есть к нему парочка вопросов.

Он отложил лопатку и подошел к фоку.

— Хоппи, — громко сказал он, — прошлый раз ты говорил, что там сплошная тьма. Это действительно так? Там вовсе нет света?

Губы фока дрогнули:

— Света мало... Он тусклый... Желтый... Как будто догорающий...

За спиной Стюарта появился пожилой ювелир из лавки через улицу.

— Я был здесь прошлый раз, — шепнул он Стюарту. — Хочешь знать, что он видит? Могу сказать тебе, Стю, — он видит ТО, ЧТО ПОСЛЕ.

— После чего? — спросил Стюарт, став так, чтобы лучше видеть и слышать. Сейчас все придвинулись ближе, боясь пропустить что-нибудь.

— Ты знаешь, — сказал мистер Кроди, — то, что за могилой. После смерти. Ты можешь смеяться, Стюарт, но это правда: когда он выпьет пива, он впадает в транс, вот как сейчас, и начинает видеть потусторонний мир или что-то вроде этого. Спроси Тони, Конни или кого-нибудь из посетителей — тех, кто был в прошлый раз.

Сейчас над сползшей скрюченной фигурой в центре коляски склонилась Конни.

— Хоппи, откуда исходит свет? От Бога? — Она нервно рассмеялась. — Ты знаешь, как в Библии? Я хочу сказать — это правда?

Хоппи бормотал:

— Серая тьма... Как пепел... Там громадная равнина. Ничего, кроме пожаров, свет исходит от них... Они горят всюду... Ничего живого...

— А ты где? — спросила Конни.

— Я плыву, — ответил Хоппи, — плыву над землей... нет, сейчас я очень высоко. Я невесом. У меня больше нет тела, поэтому я плыву высоко, так высоко, как хочу. Если мне захочется, я могу остановиться и зависнуть, и мне не надо спускаться вниз. Мне здесь нравится, я могу облететь Землю... Она подо мной, и я могу летать вокруг, сколько хочу.

Нависая над коляской, мистер Кроди, ювелир, сказал:

— Хм, Хоппи, а нет ли там еще кого-нибудь? Или каждый из нас приговорен к изоляции?

Хоппи пробормотал:

— Сейчас я... вижу других. Я спустился вниз и приземлился в сумерках. Я иду.

Он идет, думал Стюарт. На чем? Ноги без тела? Так это выглядит после смерти? Он рассмеялся про себя. Что за представление? — думал он. Ну и осадочек после пива! Но все-таки он подошел к коляске поближе и протиснулся вперед, чтобы лучше видеть.

— Значит ли это, что ты возродишься в другой жизни, как учат на Востоке? — спросила пожилая дама-посетительница в пальто из искусственной кожи.

— Да, — удивленно сказал Хоппи, — новая жизнь. У меня другое тело. Я могу делать все, что угодно.

— Ходить, — сказал Стюарт.

— Да, — пробормотал Хоппи, — и ходить... Я — как все. Нет, лучше всех! Я могу делать все то же, что они, и гораздо больше. Я могу идти куда хочу, а они — нет. Они не могут двигаться.

— Почему они не могут двигаться? — требовательно спросил бармен.

— Просто не могут, — ответил Хоппи. — Они не могут перемещаться по воздуху, по дорогам или на кораблях. Они просто застыли. Здесь все другое. Я могу видеть их, как будто они мертвы, как будто они приколоты булавками и мертвы. Как трупы.

— Они могут говорить? — спросила Конни.

— Да, — сказал фок, — они могут разговаривать друг с другом. Но они должны... — Он помолчал, и затем его тонкое лицо исказилось торжествующей улыбкой. — Они могут говорить только через меня.

Интересно, что бы это значило, думал Стюарт. Звучит как мегаломаниакальные мечтания, в которых Хоппи правит миром. Компенсация за то, что он на самом деле ущербен... чего еще ждать от фока.

Сейчас, когда Стюарт все понял, происходящее уже не казалось ему таким интересным, и он вернулся к своему столику.

Бармен продолжал спрашивать:

— Это хороший мир? Скажи мне, он лучше нашего или хуже?

— Хуже, — сказал Хоппи. И затем добавил: — Хуже для тебя. Это то, что заслужил каждый. Это справедливость.

— Тогда для тебя — лучше? — спросила Конни.

— Да, — ответил фок.

— Послушай, — крикнул официантке со своего места Стюарт, — разве ты не понимаешь, что это психологическая компенсация за его уродство? Таким способом он защищается. Как ты можешь относиться к этому серьезно?

— Я и не отношусь серьезно, — сказала Конни. — Но это интересно. Я читала о медиумах, так они, кажется, называются. Они впадают

в транс и могут сообщаться с потусторонним миром, совсем как он. Разве ты не слышал? Вроде бы и наука это подтверждает... Так, Тони?

Она повернулась к бармену за поддержкой.

— Не знаю, — угрюмо сказал Тони, возвращаясь к своему грилю и поднимая лопатку.

Сейчас фок, казалось, еще глубже впал в послепивной транс; казалось, он заснул, ничего не видя. По крайней мере, он никак не реагировал на попытки окружающих увидеть потусторонний мир — или что это там было — его глазами. Сеанс окончился.

Да уж, сказал себе Стюарт. Интересно, как бы отнесся к этому Фергюссон, интересно: нанял бы он на работу не просто калеку, но калеку, подверженного эпилептическим припадкам или чему-то вроде этого. Интересно также, стоит ли мне рассказывать ему что-нибудь, когда я вернусь в магазин? Если Фергюссон узнает, может быть, он сразу вышвырнет Хоппи за порог. И я бы не винил Фергюссона за это. Пожалуй, мне лучше ничего не говорить ему, решил он.

Фок открыл глаза и позвал слабым голосом:

— Стюарт...

— Чего тебе?

— Я... — Голос фока звучал слабо, почти болезненно, как будто попытка говорить была слишком тяжела для его немощного тела. — Послушай, ты не можешь... — Он остановился, затем медленно подъехал к столику Стюарта. — Ты не можешь отвезти меня назад в магазин? Не сейчас, когда поешь. Я был бы тебе очень благодарен.

— С чего это? — спросил Стюарт. — Ты что, сам не можешь?

— Мне плохо, — сказал фок.

Стюарт согласился:

— Ладно. Когда поем.

— Спасибо, — сказал фок.

Полностью игнорируя его, Стюарт продолжал есть. Лучше бы фок не показывал так явно, что мы знакомы, думал он. Лучше бы фок выкатился отсюда и ждал где-нибудь в другом месте. Но Хоппи сидел, потирая лоб левым экстензором, и выглядел слишком измученным, чтобы двигаться снова, даже по кафе.

Позднее, когда Стюарт вез коляску с фоком по тротуару обратно в «Модерн ТВ», тот сказал тихим, слабым голосом:

— Это большая ответственность — видеть то, что после...

— Да, — буркнул Стюарт, оберегая свою независимость, выполняя свой долг, не более того: он толкал коляску — и все. Если я тебя везу, думал он, это не значит, что я должен разговаривать с тобой.

— Первый раз, когда это случилось... — начал фок, но Стюарт резко оборвал его:

— Меня это не интересует. — И добавил: — Я хочу одного: скорее вернуться назад и увидеть, стартовала ли ракета. Может быть, она уже на орбите.

— Думаю, что так, — сказал фок.

Они стояли на перекрестке, ожидая, когда изменится сигнал светофора.

— Первый раз, когда это случилось, — сказал фок, — я очень испугался...

Он продолжал говорить, пока Стюарт перевозил коляску через улицу.

— Я сразу узнал, что это... то, что я видел. Дым и пожары... все полностью черное, грязное... Как шахта или место, куда сваливают шлак. Ужасно, — он задрожал, — но так ли ужасно по сравнению с нынешним положением? Для меня — нет.

— Меня устраивает, — коротко сказал Стюарт.

— Конечно, — сказал фок, — ты ведь не отклонение от биологической нормы.

Стюарт хмыкнул.

— Знаешь, какое мое первое воспоминание детства? — спросил фок тихо. — Меня принесли в церковь, завернутым в одеяло. Положили на церковную скамью, как... — его голос прервался, — принесли и унесли в одеяле, завернутым, чтобы никто не заметил. Это придумала мать. Она не могла видеть, как отец несет меня на спине и все смотрят...

Стюарт опять хмыкнул.

— Это ужасный мир, — сказал фок. — Некогда и вы, негры, должны были страдать. Если бы ты жил на юге, ты бы и сейчас страдал. Ты об этом забыл, потому что тебе позволили забыть, но мне... мне не дают забыть. Кроме того, лично я — не хочу забывать. В том, другом мире все будет иначе. Ты узнаешь это, ты тоже будешь там.

— Нет, — сказал Стюарт, — когда я умру, я — умру. У меня нет души.

— Ты тоже, — продолжал фок, — один раз я видел тебя там.

Испуганный, несмотря ни на что, Стюарт сказал:

— Пошел ты...

— Один раз, — настаивал фок, — я видел тебя, это был ты, сомнений нет. Хочешь знать, чем ты занимался?

— Нет.

— Ты ел дохлую сырую крысу.

Стюарт ничего не сказал, он только быстрее и быстрее толкал коляску по тротуару к магазину, так быстро, как мог.

Когда они вернулись назад в магазин, они увидели, что толпа все еще стояла перед телевизором. Ракета взлетела; она только что оставила Землю, и еще не было известно, вовремя ли отделились ступени.

Хоппи спустился вниз, а Стюарт остался наверху перед телевизором. Но слова фока так расстроили его, что он не мог сосредоточить-

ся на экране. Он бесцельно бродил из угла в угол, затем, увидев наверху, в офисе, Фергюссона, поднялся туда.

Фергюссон сидел за столом, изучая кипу контрактов и счетов. Стюарт подошел к нему.

— Послушайте, этот чертов Хоппи...

Фергюссон оторвался от счетов.

— Да нет, ничего... сказал Стюарт, чувствуя, что смелость покидает его.

— Я видел, как он работает, — сказал Фергюссон, — я спускался вниз и наблюдал за ним, когда он не подозревал о моем присутствии. Согласен, в нем есть что-то неприятное. Но он умеет работать. Я наблюдал за тем, что он делает, и это было сделано грамотно — вот и все, на что стоит обращать внимание.

Он строго посмотрел на Стюарта.

— Я же сказал: ничего... — буркнул Стюарт.

— Ракета взлетела?

— Только что.

— Из-за этого цирка мы не продали сегодня ни одного наименования, — сказал Фергюссон.

— Цирк! — Стюарт сел на стул напротив Фергюссона, так, чтобы время от времени поглядывать в зал. — Это же история!

— Это, парни, ваш способ делать историю: стоять вокруг и глазеть.

Фергюссон снова начал разбирать счета.

— Послушайте, — наклонился к нему Стюарт, — я расскажу вам, что натворил Хоппи. В кафе Фреда.

Фергюссон прервал работу и посмотрел на него.

— С ним случился припадок, — сказал Стюарт. — Он спятил.

— Только без вранья. — Фергюссон выглядел недовольным.

— Он спятил, потому что... он выпил пива. И он видит то, что случится после смерти. Он видел, как я ел дохлую крысу. Сырую. Так он сказал.

Фергюссон рассмеялся.

— В этом нет ничего смешного.

— Как раз, есть. Он отплатил тебе за то, что ты его дразнил, а ты настолько глуп, что поверил.

— Он действительно видел это, — стоял на своем Стюарт.

— А меня он видел?

— Он не сказал. Он поступает так все время: они дают ему пива, он впадает в транс, и они задают ему вопросы. О том, на что это похоже. Я случайно был там, обедал. Я даже не видел, как он оставил магазин. Я не знал, что он будет там.

Мгновение Фергюссон сидел, хмурясь и размышляя, затем нажал кнопку внутренней связи, которая соединяла офис и ремонтную мастерскую.

— Хоппи, поднимись в офис. Я хочу поговорить с тобой.

— Я не хотел причинять ему неприятности, — сказал Стюарт.

— А я уверен, что хотел, — возразил Фергюссон, — но я должен убедиться; я имею право знать, что делают мои служащие, находясь в общественном месте, не совершают ли действий, которые могут дискредитировать фирму.

Они подождали и через некоторое время услышали приглушенный звук коляски, поднимающейся по ступенькам в офис.

Едва успев появиться, Хоппи сказал:

— Чем я занимаюсь в обеденное время — это мое дело, мистер Фергюссон. Я так считаю.

— И ты не прав, — сказал Фергюссон, — это и мое дело тоже. Ты видел меня после смерти, как Стюарта? Что я делал? Я хочу знать, и тебе лучше рассказать мне правду, или ты вылетишь отсюда сегодня же — в первый день работы.

Фок тихим твердым голосом ответил:

— Я не видел вас, мистер Фергюссон, потому что ваша душа погибнет и не возродится.

Некоторое время Фергюссон изучал фока.

— Почему так? — спросил он наконец.

— Это ваша судьба, — сказал Хоппи.

— Я не совершил ничего преступного или аморального.

Фок сказал:

— Это космический процесс, мистер Фергюссон. Не вините меня.

Затем он замолчал.

Повернувшись к Стюарту, Фергюссон сказал:

— Да уж! Дурацкий вопрос — дурацкий ответ.

Снова повернувшись к фоку, он спросил:

— Видел ли ты еще кого-нибудь из тех, кого я знаю, мою жену например? Хотя, нет — ты ведь никогда не встречал ее. А Лайтейзер? Что случится с ним?

— Я не видел его, — сказал фок.

Фергюссон спросил:

— Как ты починил проигрыватель? Как ты НА САМОМ ДЕЛЕ починил его? Такое впечатление, что ты исцелил его, сделал сломанную пружину снова целой. Как тебе это удалось? С помощью какой-нибудь экстрасенсорной силы или чего-то подобного?

— Я починил его, — сказал фок металлическим голосом.

Фергюссон повернулся к Стюарту.

— Он не признается. Но я наблюдал за ним. Он сосредоточился на пружине каким-то особенным образом. Может быть, ты и прав, Макконти, может, и не стоило нанимать его. Но, в конце концов, важен результат... Слушай, Хоппи, сейчас ты работаешь на меня, и я не хочу, чтобы ты бездельничал и будоражил нашу улицу своими трансами. Ты мог заниматься этим прежде, но сейчас — прекрати. Впадай в транс дома, ясно?

Он снова принялся за счета.

— На этом все. Идите вниз, парни, и работайте, вместо того чтобы стоять здесь.

Фок сразу же развернул коляску и начал спускаться по лестнице. Стюарт, держа руки в карманах, медленно последовал за ним.

Когда Стюарт спустился и вернулся к телевизору, он услышал, как комментатор взволнованно сказал, что первые три ступени ракеты, кажется, отошли нормально.

Хорошие новости, думал Стюарт. Яркая глава вписана в историю человеческой расы. Сейчас он чувствовал себя немного лучше и пристроился у прилавка, откуда мог хорошо видеть экран.

С чего это я должен есть дохлую крысу? — спросил он себя. Наверное, следующее воплощение ужасно, если придется так жить. Даже не приготовить крысу, но только схватить и жадно съесть. Всю целиком, со шкурой. Шкурой и хвостом. Он вздрогнул.

Как я могу наблюдать за тем, как делается история? — сердито думал он, если я должен думать о дохлых крысах? Я хочу полностью погрузиться в великий спектакль, разворачивающийся перед моими глазами, а вместо этого — такой мусор в мозгу из-за этого садиста, этого радиационного выродка, которого Фергюссону приспичило взять на работу. Свинство!

Затем он подумал о Хоппи, не связанном больше со своей электронной коляской. Не о безруком и безногом инвалиде, а — как говорил сам Хоппи — парящем властелине мира. Эта мысль была даже противнее мысли о крысе.

Держу пари, он там кое-что видел, сказал себе Стюарт. То, о чем не собирается рассказывать и неспроста хранит при себе. Он сообщает нам ровно столько, чтобы смутить нас, а потом замолкает. Если он может впадать в транс и видеть следующее воплощение, тогда он может видеть все, потому что — куда уж дальше. Не верю я во все эти восточные штучки, сказал он себе. То есть не по-христиански это.

Но он верил во все, что говорил Хоппи, потому что верил своим глазам. Это действительно был транс. Все — правда.

Хоппи видел ЧТО-ТО. И это «что-то», без сомнения, было ужасающим.

Что еще он видит? — думал Стюарт. Хотел бы я заставить маленького ублюдка рассказать: что еще знает его злой извращенный мозг обо мне и об остальных, обо всех нас?

Хотел бы я, думал Стюарт, видеть так же, как он. И это казалось ему настолько важным, что он больше не смотрел на телевизионный экран. Он забыл об Уолтере и Лидии Дангерфильдах и об истории, творящейся на его глазах; он думал только о Хоппи и происшествии в кафе. Он хотел бы перестать, но не мог.

Он думал и думал.

Глава 4

Отдаленное пыхтение, послышавшееся со стороны дороги, заставило мистера Остуриаса повернуть голову и посмотреть, что происходит. Стоя на опушке дубовой рощи, разросшейся по склону холма, он взглянул вниз из-под руки и увидел на дороге маленький фокомобиль Хоппи Харрингтона. Посередине, в своей коляске, восседал фокомелус; управляя фокомобилем, он объезжал дорожные рытвины. Но пыхтение исходило не от фокомобиля, тот ездил на электрических батареях.

Это грузовик, сообразил мистер Остуриас. Один из грузовиков Ориона Страуда с мотором, переделанным под дровяное топливо. Сейчас он видел его — грузовик мчался с большой скоростью прямо на Хоппи. Фокомелус, казалось, не слышал, как громадная машина догоняет его.

Дорога принадлежала Ориону Страуду, он купил ее у округа год назад и имел полное право разрешать или не разрешать какому-нибудь транспорту, кроме его грузовиков, ездить по ней. Но он не должен был взимать пошлину. Несмотря на это, грузовик на дровяном топливе явно намеревался смести фокомобиль со своего пути. Он мчался, не замедляя хода.

Господи, подумал мистер Остуриас и непроизвольно поднял руку, как бы останавливая грузовик. Сейчас тот был почти за коляской, а Хоппи все еще не обращал на него внимания.

— Хоппи! — закричал мистер Остуриас, и голос его вызвал эхо в послеполуденной лесной тишине — только его голос и пыхтение грузовика.

Фокомелус посмотрел вверх, но, никого не увидев, продолжал ехать дальше. Грузовик был сейчас так близко от Хоппи, что... мистер Остуриас закрыл глаза. Когда он снова их открыл, он увидел, что фокомобиль стоит на обочине. В последний момент грузовик просигналил, Хоппи успел свернуть — и был спасен.

Усмехаясь, Хоппи помахал экстензором вслед грузовику. Казалось, что происшедшее ни в малейшей степени не испугало и не взволновало фокомелуса, хотя он должен был сообразить, что грузовик мог расплющить его. Хоппи повернулся и помахал мистеру Остуриасу, не видя его, но зная, что тот здесь.

Руки мистера Остуриаса, руки обычного школьного учителя, дрожали. Он нагнулся, поднял пустую корзину и направился по склону холма в сырую тень старого дуба. Мистер Остуриас собирал грибы. Повернувшись спиной к дороге, он вошел в тень, зная, что Хоппи спасен и теперь он может забыть о происшедшем. Мысли его обратились к громадным рыжим Cantharellus cibarius, грибам-лисичкам.

Да, в черном перегное сиял цветной круг, мягкая, бесформенная масса, почти похороненная в гниющих листьях. Мистер Остуриас уже мог представить себе, каков гриб на вкус; она была молодой, но большой, эта лисичка, ее вымыли на поверхность недавние дожди. Нагнув-

шись, он подрезал гриб под самый корень, чтобы как можно больше попало в корзину. Еще одна такая лисичка — и ужин обеспечен. Он посмотрел вокруг, не двигаясь с места и не разгибаясь.

Другая... менее яркая... возможно, более старая... Он разогнулся и бесшумно пошел к ней, как бы боясь спугнуть и потерять. По его мнению, ничто не могло сравниться с лисичкой по вкусу, даже нежные ворсистые шляпки других грибов. Он знал все грибные места на поросших дубами склонах холмов и в лесах округа Марин. Всего он собирал восемь разновидностей лесных и пастбищных грибов. Почти все эти годы он провел, изучая их, и дело того стоило. Большинство людей боялось собирать грибы, особенно после Катастрофы; они опасались новых неизвестных мутантов, ведь книги теперь не могли помочь.

К примеру, думал мистер Остуриас, лисичка, которую я только что срезал: не бледновата ли она? Перевернув гриб, он внимательно изучил его прожилки. Возможно, что это псевдолисичка, которая раньше здесь не встречалась. Она могла оказаться ядовитой и даже смертельно опасной. Он понюхал ее и уловил слабый запах плесени.

Стоит ли бояться есть эту штуку? — спросил он сам себя. Если фокомелус встречает свою опасность лицом к лицу, то и я должен смотреть в лицо своей.

Он положил лисичку в корзину и пошел дальше.

Снизу, с дороги, до него донеслись отрывистые, резкие звуки; он остановился и прислушался. Звуки повторились, и мистер Остуриас, поколебавшись, пошел назад, пока снова не оказался на том же месте над дорогой.

Фокомобиль все еще стоял на обочине, он не уехал. В нем сидел, согнувшись, его безрукий и безногий создатель. Что он делает? По телу Хоппи прошла судорога, он поднял голову, и мистер Остуриас, к своему удивлению, увидел, что фокомелус плачет.

Это страх, понял мистер Остуриас. Фокомелус перепугался насмерть, но, сделав над собой сверхчеловеческое усилие, не подавал виду, пока грузовик не скрылся за поворотом, пока Хоппи не убедился, что он — один и может дать волю своим чувствам.

Если ты так боялся, думал мистер Остуриас, почему так долго ждал, почему не свернул с пути грузовика?

Тощее тело фокомелуса сотрясалось, раскачивалось взад-вперед, тонкие ястребиные черты его лица искажало отчаяние. Интересно, что сделал бы доктор Стокстилл, наш местный врач? — думал мистер Остуриас. Он все-таки был психиатром перед Катастрофой, и у него всегда имелись какие-то теории насчет того, что заставляет фокомелуса лезть на рожон.

Потрогав грибы в корзинке, мистер Остуриас подумал: мы все время на грани смерти. Но разве раньше было лучше? Химикаты, вызывающие рак, смог, отравляющий целые города, пожары, авиакатастрофы... никогда мы не жили легко, ни раньше, ни теперь. Всегда надо было быть начеку. Нам следует не падать духом и, насколько

это возможно, наслаждаться жизнью, сказал он себе. Он снова подумал о сковородке вкусных жареных грибов, пахнущих настоящим маслом, чесноком и имбирем, и о своем домашнем пиве... какой это будет великолепный обед, кого бы ему пригласить разделить с ним трапезу? Кого-нибудь, кто ему очень нравится, или кого-нибудь важного? Джорджа Келлера, подумал он. Джорджа, директора школы, моего начальника. Или кого-нибудь из членов школьного совета, может быть, самого Ориона Страуда — большого, толстого и круглого человека.

И затем он пригласит также жену Джорджа, Бонни Келлер, самую хорошенькую женщину в Вест-Марине, может быть, даже во всем округе. Вот, думал он, те, кто ухитряется неплохо существовать в теперешнем обществе... Келлеры даже преуспели после Катастрофы. Во всяком случае, они жили лучше, чем прежде.

Взглянув на солнце, мистер Остуриас определил время. Было уже около четырех часов пополудни — самое время поспешить назад в город, чтобы послушать сателлит, когда он будет в зоне слышимости. Не хотелось бы пропустить передачу, сказал себе мистер Остуриас. Даже за миллион серебряных долларов, так, кажется, говорится. «Бремя страстей человеческих»... Сорок глав были уже прочитаны, и становилось действительно интересно. Все внимательно слушали это особенное чтение; без сомнения, человек на сателлите сделал удачный выбор. Интересно, знает ли он об этом? — спросил себя мистер Остуриас. У меня нет возможности сообщить ему — я могу только слушать, я не могу подать реплику отсюда, из Вест-Марина.

Жаль, это могло бы поддержать его.

Должно быть, Уолт Дангерфильд ужасно одинок на своем сателлите, сказал себе мистер Остуриас. День за днем крутиться вокруг Земли! После ужасной трагедии — смерти жены — Уолт никогда больше не был таким, как раньше, это чувствовали все. Если бы мы только могли вернуть его на Землю, но тогда мы бы никогда больше не услышали, как он говорит с нами. Нет, решил мистер Остуриас. Если бы мы вернули его, ничего хорошего из этого не вышло бы; он бы не вернулся назад по-настоящему. Он свихнулся бы, если б решил покинуть сателлит после всех этих лет.

Подхватив корзину с грибами, мистер Остуриас поспешил на станцию Пойнт-Рейс, где находился приемник — их единственная связь с Уолтом Дангерфильдом на сателлите, а через него — со всем миром.

— Компульсивная личность, — сказал доктор Стокстилл, — существует в загнивающем мире. Это требует развитой интуиции. Только представьте себе.

— Тогда все мы должны быть компульсивными, — ответила Бонни Келлер, — потому что именно это и происходит вокруг нас... не так ли?

Она улыбнулась доктору, и он не смог удержаться от ответной улыбки.

— Можете смеяться, — сказал он, — но психиатрия нужна сейчас даже больше, чем раньше.

— Она вообще не нужна, — решительно возразила Бонни, — я даже не уверена, что в ней когда-нибудь была необходимость, но тогда, при моем энтузиазме... вы ведь помните, доктор?

Они разговаривали в большой комнате, где настраивала радио Джун Рауб. Она строго сказала:

— Потише, пожалуйста. Мы почти поймали волну.

Наша начальница говорит, подумал доктор Стокстилл. И мы делаем так, как нам велят. Подумать только, что перед Катастрофой она была всего лишь машинисткой в местном отделении Американского банка.

Бонни нахмурилась, начала отвечать миссис Рауб, затем внезапно наклонилась к доктору и сказала:

— Давайте выйдем отсюда. Джордж придет вместе с Эди. Пойдемте.

Она схватила его за руку и протащила мимо рядов стульев с сидящими людьми к выходу. Доктор Стокстилл очутился вместе с ней за дверьми на крыльце.

— Эта Джун Рауб, — сказала Бонни, — раскомандовалась...

Она всматривалась в дорогу, которая шла мимо Форестер-холла:

— Я не вижу ни мужа, ни дочери, я даже не вижу нашего дорогого учителя Остуриаса. Он, конечно, как всегда, в лесах, собирает поганки, чтобы прикончить нас всех. И один Бог знает, где сейчас Хоппи. Болтается где-нибудь по своему обыкновению.

Она размышляла вслух, стоя на крыльце в сумерках раннего вечера и, на взгляд доктора Стокстилла, выглядела особенно привлекательно; на ней был вязаный свитер и длинная тяжелая самодельная юбка, волосы ее были собраны сзади в пламенеющий рыжий узел. Красавица, сказал себе доктор. Плохо только, что за нее говорили. С невольным раздражением он подумал: говорили неоднократно.

— Вот идет мой дражайший супруг, — сказала Бонни. — Он ухитрился оторвать себя от школьных дел. А с ним и Эди.

На дороге показалась высокая стройная фигура директора школы; рядом с ним, держа его за руку, шла уменьшенная копия Бонни — маленькая рыжеволосая девочка с ясными, умными, неожиданно темными глазами. Они приблизились к крыльцу, и Джордж приветствовал их улыбкой.

— Началось? — спросил он.

— Еще нет, — ответила Бонни.

Эди сказала:

— Чудесно, потому что Билл не любит пропускать передачу; он очень расстраивается.

— Кто это — Билл? — спросил доктор Стокстилл.

— Мой брат, — ответила Эди со всей невозмутимостью своих семи лет.

Я не знал, что у Келлеров двое детей, недоумевал доктор. К тому же он не видел никакого другого ребенка, кроме Эди.

— А где же Билл? — спросил он.

— Со мной, — ответила Эди, — как всегда. Вы разве не знакомы с Биллом?

Бонни сказала:

— Воображаемый приятель, — и сразу как-то поскучнела.

— Вовсе не воображаемый, — возразила ей дочь.

— Хорошо, — раздраженно сказала Бонни. — Он реален. Познакомьтесь с Биллом, — обратилась она к доктору, — с братом моей дочери.

Лицо Эди стало сосредоточенным, и она сказала после некоторой паузы:

— Билл рад наконец познакомиться с вами, доктор Стокстилл. Он говорит: привет.

Стокстилл рассмеялся:

— Передай ему, что и я рад познакомиться с ним.

— А вот и Остуриас, — сказал Джордж Келлер, сопроводив сказанное указующим жестом.

— Вместе со своим обедом, — ворчливо сказала Бонни. — Почему он не учит нас собирать грибы? Разве он не наш учитель? Должна сказать, Джордж, я иногда удивляюсь, что человек, который...

— Если он нас научит, — сказал Стокстилл, — мы съедим все грибы в округе.

Он знал, что ее вопрос был в большей степени риторическим; нравилось им это или не нравилось, но они все уважали стремление мистера Остуриаса хранить свои секреты при себе — он имел право распоряжаться своими микологическими познаниями по собственному усмотрению. Каждый обладал каким-то объемом знаний и черпал из него. В противном случае мы бы не выжили, размышлял доктор, мы бы присоединились к громадному большинству, молчаливым мертвецам под ногами, к миллионам, которых, в зависимости от точки зрения, можно причислить к счастливым или несчастным. Иногда ему казалось, что пессимизм неуместен, в другие дни он думал о мертвых, как о счастливчиках. Но пессимизм был для него преходящим состоянием, и он уж точно не ощущал его сейчас, стоя в сумерках рядом с Бонни Келлер, всего лишь в шаге от нее. Так близко, что мог легко коснуться ее... но этого делать не стоило. Она даст ему по носу, думал он. Хороший точный удар — и потом Джордж услышал бы... как будто получить по носу от Бонни — недостаточно.

Он громко рассмеялся. Бонни подозрительно посмотрела на него.

— Простите, — извинился он, — я витал в облаках.

Мистер Остуриас шел прямо к ним, лицо его раскраснелось от волнения.

— Давайте войдем, — сказал он, тяжело дыша, — а то пропустим чтение Дангерфильда.

— Вы ведь знаете все, что будет дальше, — сказал Стокстилл. — Вы знаете, что Милдред вернется и снова войдет в жизнь героя, снова сделает его несчастным; вы знаете об этом так же хорошо, как я — как мы все.

Его тронуло волнение учителя.

— Я сегодня не собираюсь слушать, — сказала Бонни, — мне не вытерпеть замечаний Джун Рауб.

Искоса поглядев на нее, доктор Стокстилл сказал:

— Вы ведь можете стать главой общины на следующий месяц.

— Думаю, что Джун нуждается в лечении у психоаналитика, — сказала Бонни доктору. — Она так агрессивна и мужеподобна, это неестественно. Почему бы вам не увести ее куда-нибудь и не дать ей пару сеансов психотерапии?

Стокстилл сказал:

— Опять посылаете мне пациента, Бонни? Я пока еще помню предыдущего...

Трудно было бы забыть, думал он, потому что это случилось в тот самый день, когда на заливы упали бомбы. Годы назад. В прежнем воплощении, как сказал бы Хоппи.

— Вы добились бы улучшения, — сказала Бонни, — если бы начали лечить его. Просто времени не хватило...

— Спасибо за защиту, Бонни, — улыбнулся он.

Мистер Остуриас сказал:

— Кстати, доктор, мне довелось сегодня наблюдать за странным поведением нашего маленького фокомелуса. Я бы хотел знать ваше мнение, когда представится возможность. Должен сказать, что он привел меня в недоумение... я удивляюсь ему. Способность противостоять неблагоприятным условиям у Хоппи, конечно, есть. Это вселяет мужество во всех нас, если вы понимаете, что я имею в виду... — Учитель остановился. — Но пора в зал.

Стокстилл сказал Бонни:

— Кто-то говорил мне, что Дангерфильд как-то упоминал вашего старого приятеля.

— Упоминал Бруно? — Бонни сразу же оживилась. — Он уцелел, да? Я была уверена, что он жив.

— Нет, этого Дангерфильд не говорил. Он сказал что-то ехидное о первой великой Катастрофе. Вы помните 1972-й?

— Да, — коротко ответила она. — Я помню.

— Дангерфильд, как мне рассказывали... — На самом деле он прекрасно помнил, кто рассказал ему о словах Дангерфильда. Это была Джун Рауб, но ему не хотелось еще больше настраивать Бонни против

нее. — Вот, что он сказал: «Сейчас мы все живём в катастрофе Блутгельда, мы все — привидения 72-го». Конечно, это не так уж оригинально, мы слышали такое и раньше. Мне просто недоставало того напора, с каким Дангерфильд сказал это... Тут все дело в его манере речи. Никто, кроме него, так не скажет.

Задержавшись у дверей в Форестер-холл, мистер Остуриас повернулся и прислушался к их разговору, затем вмешался.

— Бонни, — спросил он, — вы знали Бруно Блутгельда перед Катастрофой?

— Да, — ответила она, — я некоторое время работала в Ливерморе.

— Сейчас он, конечно, мертв...

— Я всегда думала, что он жив, — задумчиво сказала Бонни, — он был или есть — великий человек. То, что случилось в 72-м, не его ошибка. Только тот, кто ничего о нем не знает, считает его виновным.

Не сказав ни слова, мистер Остуриас повернулся к ней спиной, поднялся по ступенькам холла и ушел.

— В одном вас нельзя обвинить, — заметил Стокстилл, — в скрытности.

— Кто-то должен сказать людям правду, — возмутилась Бонни. — Он судит о Бруно, начитавшись газет. Эти газеты! Единственное, чем наша жизнь стала лучше, так это тем, что исчезли все газеты, если не считать эту маленькую глупую «Ньюс энд Вьюс», которую я лично газетой не считаю. О Дангерфильде так не скажешь: он не лжец.

Вслед за мистером Остуриасом Бонни и доктор прошли в заполненный до отказа Форестер-холл, чтобы послушать передачу, которую Дангерфильд вел для них с сателлита.

Слушая знакомый голос, пробивающийся через атмосферные помехи, мистер Остуриас думал о Бруно Блутгельде и о том, что, может быть, физику удалось выжить. Возможно, Бонни и права. Она знала этого человека, и, как он мог понять из ее разговора с доктором Стокстиллом (подслушивание — опасное занятие в наши дни, но он не мог устоять), она послала Блутгельда к психиатру для лечения... подтверждая этим одно из глубочайших убеждений самого мистера Остуриаса, что доктор Блутгельд был психически болен в течение нескольких последних лет перед Катастрофой — был опасным безумцем, и это проявлялось в его личной и — что более важно — в его общественной жизни.

Собственно, в этом никто не сомневался. Общество на свой лад отдавало себе отчет, что с этим человеком творится неладное, что в публичных выступлениях физика присутствует какая-то навязчивая идея, патология, и мучительная гримаса, искажающая его лицо, как бы находит отражение и в его речах. Он говорил об изощренной тактике врага, систематически разлагающего государственные учреждения и организации, даже дом и семью. Блутгельд видел врага повсюду — в

книгах и фильмах, людях и политических организациях, придерживавшихся взглядов, отличных от его собственных. Конечно, он сделал все возможное, чтобы придать своим взглядам наукообразный вид; он не был разглагольствующим недоучкой из заштатного городка на Юге. Нет, Блутгельд излагал свои теории в интеллигентной, возвышенной, хорошо продуманной манере. Но, на поверку, они были не более разумны, не более рациональны и не более трезвы, чем бредовые речи пьяницы и женоненавистника Джо Маккарти или ему подобных.

Надо сказать, что в свои студенческие годы мистер Остуриас однажды встречал Джо Маккарти и нашел его довольно приятным. Но ничего приятного не было в Бруно Блутгельде, а мистер Остуриас тоже встречал его, и не просто встречал. Оба они состояли в штате Калифорнийского университета в одно и то же время, хотя, конечно, Блутгельд был профессором, начальником отдела, а Остуриас — простым преподавателем. Но они часто встречались и спорили, сталкиваясь в коридорах после занятий — и на людях, и один на один. В конце концов, именно Блутгельд организовал увольнение Остуриаса.

Это было легко, потому что мистер Остуриас всячески поддерживал небольшие, радикально настроенные студенческие группы, выступавшие за мир с Китаем и Советским Союзом; вдобавок он был против испытаний бомбы, на которых доктор Блутгельд настаивал даже после 1972 года. Он непочтительно отзывался об испытаниях 72-го и называл их примером психотического мышления в высших научных кругах... — реплика, направленная в Блутгельда и, без сомнения, так и понятая им.

Кто трогает змею — рискует быть укушенным, думал мистер Остуриас; увольнение не удивило его, но еще больше укрепило его взгляды. Возможно, что если бы Блутгельд дал себе труд подумать... Но, скорее всего, Блутгельд никогда больше не думал о случившемся; Остуриас был рядовым преподавателем, и университет не заметил его отсутствия — все шло по-прежнему, чего, без сомнения, и хотел Блутгельд.

Я должен поговорить с Бонни Келлер, сказал себе Остуриас. Я должен выяснить все, что ей известно об этом человеке. Она всегда с удовольствием вступает в разговоры, так что здесь проблем не будет. Мне интересно также, что может сообщить на эту тему доктор Стокстилл. Я уверен, если он видел Блутгельда хотя бы раз, то в состоянии подтвердить мой диагноз: параноидальная шизофрения.

Из громкоговорителя доносился голос Уолта Дангерфильда, монотонно читающего «Бремя страстей человеческих», и мистер Остуриас начал внимательно слушать, как всегда захваченный силой повествования. Проблемы, которые казались ему важными в старые дни, думал он: невозможность убежать от страстей, от несчастливых человеческих связей... Сейчас мы рады ЛЮБОЙ человеческой связи. Мы многому научились.

Сидя неподалеку от школьного учителя, Бонни Келлер думала: еще один ищет Бруно. Еще один осуждает его, делает козлом отпущения за все случившееся. Как будто ОДИН ЧЕЛОВЕК мог вызвать мировую войну и принести смерть миллионам, даже если бы хотел.

С моей помощью, сказала она себе, вы его не найдете. Я могла бы очень помочь вам, мистер Остуриас, но я не стану. Поэтому возвращайтесь назад к вашей маленькой пачке книг без обложек и к вашей охоте за грибами. Забудьте о Бруно Блутгельде, или, вернее, о мистере Тризе, как он называет себя сейчас. С того самого дня семь лет назад, когда начали падать бомбы и он шел среди развалин Беркли и не мог, как и все мы, понять — что же произошло?

Глава 5

Перекинув плащ через руку, сгорбившись и не глядя по сторонам, Бруно Блутгельд шел по Оксфорд-стрит через территорию Калифорнийского университета. Дорогу он знал хорошо, а видеть студентов и прочий юный народ не имел ни малейшего желания. Его не интересовали ни проезжающие мимо машины, ни окружающие здания, многие из которых были недавно построены. Он не видел города Беркли, потому что тот не интересовал его. Он думал, и ему казалось — сейчас он ясно понимает, что довело его до болезни. Он не сомневался, что болен, он чувствовал себя очень больным — оставалось только определить источник заражения.

Болезнь, думал он, пришла к нему извне — отвратительная инфекция, вынудившая его пойти на прием к доктору Стокстиллу. Сделал ли психиатр какие-нибудь определенные выводы на основе сегодняшнего первого визита? Бруно Блутгельд не был в этом уверен.

Так он шел и вдруг заметил, что все боковые улицы с левой стороны уходят вниз, как будто город накренился и постепенно опрокидывается. Блутгельд расстроился; явление было знакомо ему — его астигматизм всегда усиливался в стрессовых ситуациях. Из-за него он чувствовал себя, как бы идущим по наклонному тротуару, вздыбившемуся с одной стороны, так что все соскальзывало с его панели; он ощущал, что постепенно соскальзывает и сам, ему стало трудно переставлять ноги. Его разворачивало, клонило влево, как и весь окружающий мир.

Всего лишь ощущения, но как жизненно, как похоже на реальность, думал он. Оказывается, важно не только, ЧТО вы воспринимаете, но и КАК. Он шел и посмеивался. Легко потерять равновесие, сказал он себе, когда у тебя обострение астигматизма. Все-таки как глубоко вошло чувство равновесия в наше осознание окружающего мира... слух зависит от чувства равновесия; это неосознанное базовое ощущение, лежащее в основе других чувств. Возможно, я подцепил labyrinhitis в мягкой форме — вирусную инфекцию среднего уха. Похоже на то.

Да, вот оно — нарушение чувства равновесия, как он и ожидал, начинало влиять на слух. Просто восхитительно, как объединяют усилия глаз и ухо, чтобы получился такой Gestalt; сначала зрение, затем чувство равновесия, а сейчас — неполадки со слухом.

Он шел и слышал глухое глубокое эхо, которое вызывали его собственные шаги, эхо от его ботинок, ударявших по асфальту; не резкий перестук, который могли бы произвести женские каблучки, а слитный, низкий гул, почти грохот, как если бы звуки исходили из глубины пещеры.

Они были неприятны, они отзывались болью у него в голове, вызывая острую реверберацию. Он пошел медленнее, изменил походку, стал смотреть под ноги, стараясь ступать мягче.

Я знаю причину, сказал он себе. Так уже бывало раньше: нормальные шумы отдаются эхом в лабиринте ушных ходов. Как и нарушение зрения, явление имело простую физиологическую основу, хотя многие годы оно озадачивало его и пугало. Все объяснялось просто — неловкая поза, скелетное напряжение, особенно у основания шеи. И действительно, поворачивая голову из стороны в сторону, он мог проверить свою теорию; он услышал, как хрустнул шейный позвонок — короткий резкий звук, который немедленно вызвал самые болезненные реверберации в ушных каналах.

Должно быть, я сегодня переволновался, сказал себе Бруно Блутгельд. Сейчас пошли такие искажения чувственных восприятий, которых раньше не было.

Сверху начал опускаться тусклый дымный туман, оседая на зданиях и автомобилях и придавая им вид мрачных, безжизненных могильных холмов без цвета и движения.

Но где же люди? Казалось, что он бредет, предоставленный сам себе, совершая свое трудное путешествие от Оксфорд-стрит до того места, где он оставил «кадиллак». Невозможно представить, думал он, чтобы никого не было на улице. Как будто все попрятались от дождя... дождя легких черных хлопьев, которые, казалось, заполнили воздух, мешая дышать, видеть и двигаться.

Он остановился. И, стоя там, на перекрестке, глядя на поперечную улицу, которая, понижаясь, переходила во что-то вроде темноты, и затем направо, где она поднималась и обрывалась, он увидел, к своему изумлению, — и этого уже нельзя было сразу же объяснить специфическим повреждением каких-нибудь физиологических функций, — он увидел, как появились трещины. Здания слева от него раскололись. В них появились зубчатые разломы, как будто самое твердое из веществ, сам бетон, который составлял основу города, образуя улицы и дома, самые фундаменты вокруг него, — все рассыпалось в прах.

Господи, подумал он, что это? Он вглядывался в туман из частичек сажи; небо сейчас исчезло, полностью затопленное потоком тьмы.

И затем, пробираясь в темноте среди разрушенных бетонных секций, он увидел в развалинах маленькие дрожащие тени: люди, те пешеходы, которые были здесь прежде и затем исчезли, — сейчас они вернулись, но все уменьшились в размерах и глядели на него изумленно и слепо, ничего не говоря, просто с праздным любопытством.

ЧТО ЭТО? — снова спросил он себя, на этот раз говоря громко, и услышал, как глухо отдавался его голос. Все разбито; город разбит на куски. Что разрушило его? Что случилось с ним? Он сошел с тротуара, пробираясь среди разбросанных, разъединенных частей Беркли. Дело не во мне, понял он, произошла какая-то чудовищная катастрофа. В ушах у него грохотало, от этого шума сажа шевелилась и перемещалась. Добавляясь к грохоту, звучал автомобильный гудок — но очень далеко и слабо.

Стоя в зале «Модерн ТВ» и наблюдая за репортажем о полете Дангерфильдов, Стюарт Макконти, к своему удивлению, увидел, что изображение на экране пропало.

— Потеряли картинку, — с возмущением сказал Лайтейзер.

Люди перед телевизором недовольно зашевелились, но Лайтейзер продолжал жевать зубочистку.

— Сейчас налажу, — сказал Стюарт, наклонившись, чтобы переключиться на другой канал; репортаж о полете передавали по всем программам.

На всех каналах было пусто. Не было и звука. Он переключил каналы еще раз. Ничего.

Из подвала выбежал на улицу один из телемастеров, крича:

— Атомная тревога!

— Что, что?.. — изумленно спросил Лайтейзер, лицо его вдруг стало старым и усталым, и, увидев это, Стюарт Макконти без каких-нибудь дальнейших слов или даже мыслей все понял. Ему не надо было думать, он знал, и он выбежал из магазина на улицу, он выбежал на пустой тротуар и остановился — и люди перед телевизором, увидев его и бегущего телемастера, тоже побежали в разные стороны: кто — через улицу, свободную от транспорта, кто — прямо, кто стал крутиться на месте, как будто каждый из них видел что-то свое, как будто не одно и то же происходило со всеми.

Стюарт с Лайтейзером бежали по тротуару к серым металлическим дверцам люка, ведущего в подземный склад, который когда-то, давным-давно, использовался аптекой для хранения товаров, но сейчас пустовал. Стюарт колотил по металлическим дверцам, то же делал Лайтейзер, и оба они кричали, что люк заперт, что его можно открыть только изнутри. Когда у входа в магазин мужской одежды показался продавец и увидел их, Лайтейзер заорал на него, чтобы тот бежал вниз и отпер люк.

— Открывай! — вопили Лайтейзер и Стюарт и еще несколько человек, стоящих или сидящих на корточках у люка, ожидая, пока его отопрут. Наконец продавец повернулся и побежал обратно в магазин. Минутой позже под ногами у Стюарта раздался лязг.

— Отойдите, — сказал коренастый пожилой человек, — сойдите с люка.

Люди смотрели вниз в холодную тьму, пещеру под тротуаром, пустую полость. И они прыгнули в нее, упали на дно; они лежали, вжавшись в сырой бетонный пол, свернувшись клубком или распластавшись — они извивались, как червяки, и вжимались в крошащуюся грязь с мертвыми жуками и запахом гнили.

— Закройте люк, — сказал какой-то мужчина.

Казалось, в подвале не было ни одной женщины, или если они и были, то молчали. Уткнувшись головой в бетонный угол, Стюарт прислушивался, но слышал только мужчин, слышал, как они цеплялись за створки наверху, пытаясь закрыть их. Сейчас в подвале собралось больше людей; они падали, кувыркаясь и крича, как будто их сбрасывали сверху.

— Когда, о Господи! — сказал кто-то.

Стюарт сказал:

— Сейчас.

Он знал, что это случится сейчас; он знал, что бомбы приближаются, — он чувствовал их. Казалось, все происходило внутри него. Бам, бам, бам, падали бомбы, или, может быть, это было что-нибудь посланное армией на помощь — остановить бомбы; может быть, это была защита. Дайте мне спуститься ниже, думал Стюарт, как можно ниже. Дайте мне уйти в землю. Он вжался в пол, перекатываясь, чтобы проделать ложбинку. Сейчас люди лежали на нем сверху; плащи и пальто душили его, но он был рад, он не возражал — он не хотел пустоты вокруг себя; он хотел, чтобы его закрыли со всех сторон. Он не нуждался в дыхании. Глаза его были закрыты, так же как и все другие отверстия тела: нос, уши и рот, все закрыто; он заделал все щели и ждал.

Бам, бам, бам.

Земля вздрогнула.

Мы уцелеем, сказал Стюарт. Здесь, внизу, в земле, безопасно. Мы — внутри, здесь — безопасно. Он пройдет поверху, этот ветер. Над ними с громадной скоростью мчался ветер; Стюарт знал это, знал, что сам воздух уплотнился и стал подобен твердому телу.

В кабине на острие конуса ДАТЧАНИН-IV, все еще испытывая большие перегрузки, Уолт Дангерфильд слышал в наушниках голоса, доносившиеся снизу из контрольного бункера:

— С третьей ступенью все в порядке, Уолт. Ты на орбите. Мне тут передают, что зажигание последней ступени включат в 15.45, а не в 15.44.

Орбитальная скорость, сказал себе Дангерфильд, изогнувшись и стараясь рассмотреть жену. Она была без сознания; он сразу же отвернулся и сосредоточился на своем кислородном баллоне; он знал, что с ней ничего не случилось, но не хотел видеть ее мучений.

Все в порядке, думал он, с нами обоими все в порядке. Мы на орбите, в ожидании последнего ускорения. Это не так плохо.

Голос в наушниках сказал:

— Пока что все идет по плану, Уолт. Здесь президент. До начальной коррекции зажигания еще 8 минут 6 секунд. Если в коррекцию вкрались небольшие...

Статические разряды заглушили голос, и он исчез.

Если в коррекцию вкрались небольшие, но важные вычислительные ошибки, сказал себе Уолт Дангерфильд, нас сразу же вернут назад. Мы проверяли эту ситуацию на автоматических моделях. И позднее мы повторим попытку. Опасности нет, повторное вхождение в атмосферу отработано.

В наушниках опять возник голос:

— УОЛТ, НАС АТАКУЮТ!

— Что? — спросил он. — Что ты сказал?

— Господи, помилуй нас! — сказал голос в наушниках. Он уже умер, этот человек, голос его звучал бесстрастно, а потом наступила тишина.

— Кто? Кто атакует? — кричал в микрофон Уолт Дангерфильд. Он подумал о пикетах и демонстрациях, представил себе летящие кирпичи и разъяренные толпы. На бункер напали психи или кто-нибудь в этом роде...

Он с трудом освободился от привязных ремней и посмотрел в иллюминатор на Землю. Облака и океан — настоящий глобус. То тут, то там на нем как будто чиркали спичками; он увидел дымки и вспышки. Его охватил ужас. Неслышно плывя в космосе, он глядел вниз на пылающие островки, понимая, что они значат.

Это смерть, думал он. Смерть пылает пятнами, сжигая, секунда за секундой, жизнь мира.

Он продолжал наблюдение.

Доктор Стокстилл знал, что под зданием одного из больших банков находится квартальное бомбоубежище, но он не мог вспомнить — под каким именно. Держа за руку свою секретаршу, он выбежал из офиса, пересек Сентр-стрит, ища черно-белый указатель, который давно уже был частью постоянного фона дневной деловой жизни шумной улицы. Указатель примелькался, стал незаметным, а сейчас Стокстилл нуждался в нем; он хотел, чтобы указатель появился перед ним, как в первый раз — как реальный знак чего-то очень важного: средства для спасения жизни.

Но первой заметила знак его секретарша и дернула доктора за рукав, указывая дорогу, — она кричала ему в ухо снова и снова, пока он не услышал, — и тогда он тоже увидел знак. Доктор Стокстилл повернул, они пересекли улицу, огибая замершие машины и лавируя между пешеходами, и потом они сражались за то, чтобы попасть в подвальное бомбоубежище.

Пробиваясь все ниже и ниже в подвал, все глубже и глубже втискиваясь в людскую массу, доктор Стокстилл вспомнил о пациенте, которого он только что видел, он думал о мистере Тризе и мысленно обратился к нему: ты сделал это. Посмотри, что ты сделал, ты убил нас всех.

Его секретаршу оттерли от него, и доктор остался один среди незнакомых людей; он дышал им в лица и ощущал их дыхание. И все время он слышал вопли, крик женщин и, наверное, маленьких детей. Сюда попали покупательницы из окрестных магазинов, обычные домохозяйки. Закрыты ли двери? — подумал доктор. Началось ли уже? Началось. Он закрыл глаза и стал громко молиться, пытаясь услышать свой голос. Но голос терялся в шуме.

— Прекратите причитать, — сказала какая-то женщина так близко около его уха, что оно заболело.

Он открыл глаза; пожилая дама свирепо смотрела на него, как будто не происходило ничего особенного — только он слишком громко молился. Все ее силы были направлены на то, чтобы заставить его замолчать, и он, изумленный, действительно замолчал. Это все, о чем вы думаете? — удивился он, почти восхищаясь прямизной ее мышления и ее сумасшедшей настойчивостью. Конечно, сказал он про себя.

— Ты, чертова дура, — сказал он громко, но она не услышала. — Я что, тебе мешаю? — продолжал он, но она по-прежнему не слышала его, она уже свирепо смотрела на кого-то другого, кто ударил или толкнул ее. — Извините, — сказал он, — извините, но вы — старая глупая корова, вы...

Он бранился с женщиной вместо того, чтобы молиться, и чувствовал при этом большое облегчение; это было даже лучше молитвы.

И вдруг, в середине его возмущенной речи, к нему пришла таинственная необъяснимая уверенность: началась война, их бомбят, возможно, они погибнут, но уронил на них бомбы Вашингтон, а вовсе не китайцы и не русские; что-то случилось с автоматикой космической системы обороны, она вышла из строя — и никто ничего не может сделать. Да, война и смерть, но в то же время и ошибка — отсутствует цель. Он не ощущал враждебности к силам наверху. Они не мстили, не действовали обдуманно; они были глухи, холодны, полностью равнодушны. Как будто его же автомобиль переехал его; это могло произойти и не было бы осознанным действием. Не политика — просто авария, неудача, случайность.

Сейчас он чувствовал себя полностью свободным от ненависти к врагу, потому что не мог вообразить, действительно не верил и даже

не понимал самой идеи. Как будто его последний пациент мистер Триз, он же доктор Блутгельд — или как там его, — собрал всю ненависть, ничего не оставив кому-нибудь еще. Блутгельд превратил Стокстилла в другую личность, которая не могла ненавидеть даже сейчас. Безумный Блутгельд сделал безумной саму идею Врага.

— Мы отплатим им, мы отплатим, мы отплатим... — монотонно твердил кто-то рядом с доктором.

Стокстилл удивленно посмотрел на него: кому тот собирается отплатить? На них падали с неба неодушевленные предметы, как отплатить за них небу? Повернуть вспять естественные силы, как бы пустить фильм задом наперед? Своеобразно, но бессмысленно. Похоже, что человек находился в тисках своего подсознания. Он не был больше живущим, рационально мыслящим существом, он скатился к некоему архетипу.

Когда началась атака, Джим Фергюссон как раз спустился вниз в отдел ремонта. Взглянув на Хоппи Харрингтона, он увидел выражение его лица в тот момент, когда по ЧМ-радиосети передали сигнал атомной тревоги и сразу же включилась система защиты. Он увидел на тонком, костлявом лице фокомелуса ухмылку, как будто, услышав и осознав сообщение, Хоппи исполнился радости, радости самой жизни. Фок засиял в то же мгновение, сбросил все, что ограничивало его или держало на поверхности земли, все, что замедляло его движения. Глаза его закрылись, губы искривились; он, казалось, высунул язык, поддразнивая Фергюссона.

Фергюссон сказал ему:

— Ты грязный маленький уродец.

Фок засмеялся:

— Это конец!

Лицо его уже приняло обычное выражение. Возможно, он даже не слышал, что сказал ему Фергюссон; он, казалось, находился в состоянии самопогружения. Он весь дрожал, и его искусственные ручные экстензоры, торчавшие из коляски, ходили ходуном.

— Все слушайте меня, — сказал Фергюссон, — мы ниже уровня улицы.

Он поймал и удержал телемастера Боба Рубинштейна.

— Ты, слабоумный осел, стой, где стоишь. Я поднимусь наверх и приведу сюда людей. Расчистите для них место, как можно больше...

Он отпустил телемастера и побежал по лестнице вверх.

Когда он поднялся на одну-две ступеньки, держась за перила, используя их как опору, что-то произошло с его ногами. Нижняя часть туловища осталась на месте, а сам он завалился назад, упал и покатился, и на него дождем посыпались тонны белой штукатурки. Он ударился головой о бетонный пол и понял, что здание разрушено, исчезло

вместе со всеми находившимися в нем людьми. Он тоже ранен, разорван на две половины, и только Хоппи и Боб Рубинштейн, может быть, остались в живых.

Он попытался заговорить, но не смог.

Хоппи все еще находился у верстака, когда почувствовал толчок и увидел, как дверной проем наполнился кусками штукатурки и деревянными обломками лестницы, а среди них виднелось что-то мягкое, куски плоти; если это было Фергюссоном, то он был мертв. Здание содрогнулось и ухнуло, как будто одновременно захлопнулись все двери. Мы заперты, подумал Хоппи. Верхний свет погас, и сейчас он не видел ничего. Тьма. Пронзительно закричал Боб Рубинштейн.

Фок покатил свою коляску назад в черную пустоту подвала, направляя себя экстензорами. Он ощупью находил путь среди штабелей больших картонных коробок с телевизорами; он забирался как можно дальше, медленно и осторожно прокладывая себе путь, прокапывая ход от дверей в глубь подвала. На него ничего не упало. Фергюссон был прав: здесь, ниже уровня улицы, безопаснее. Все, кто оставался наверху, превратились в лохмотья плоти, перемешанные с белым сухим порошком, бывшим некогда зданием, но здесь — другое дело. У нас просто не хватило времени, подумал Хоппи. Они объявили тревогу, и все сразу же началось — и до сих пор продолжается. Он мог чувствовать ветер, который сейчас беспрепятственно гулял по поверхности, — все, что могло встать на его пути, исчезло. Наверх спешить не стоит, решил фок. Радиация. Не будем повторять ошибку япошек, которые сразу же вылезли наружу и заулыбались.

Интересно, сколько я смогу продержаться здесь? — подумал он. Месяц? Без воды, разве что труба лопнет. Без воздуха, разве что его молекулы просочатся через развалины. Все же лучше оставаться тут, чем пытаться пробиться наверх. Я не выйду, повторял он. Я знаю, что делаю. Я не так глуп, как другие.

Сейчас он не слышал ничего. Никаких толчков, никакого дождя падающих обломков в темноте вокруг него: только дребезжали маленькие предметы, не закрепленные на стеллажах и полках. Молчание... Он не слышал и Боба Рубинштейна... Спички. Он достал из кармана спички, зажег одну и увидел, что коробки с телевизорами упали и отрезали его от остального помещения. Он был один в своем собственном укрытии.

Парень, сказал он себе с ликованием, ты счастливчик! Это место предназначено как раз для тебя. Я останусь здесь надолго; я могу провести здесь много дней и все равно выживу, я знаю, я ИЗБРАН, чтобы остаться в живых, как Фергюссон был избран, чтобы умереть немедленно. Это воля Господа. Господь знает, что делает. Нет никаких сомнений в том, что Он следит за нами. Проводится большая чистка мира. Надо же освободить место для избранных, например для меня.

Он погасил спичку, и темнота вернулась, но он не возражал. Скрючившись в середине коляски и ожидая, он думал: это мой шанс, все это

не случайно. Когда я выберусь отсюда, начнется другая жизнь. Судьба целенаправленно поработала над этим с самого начала, еще до моего рождения. Сейчас я все понял: я вижу, почему мое существование так отличалось от других. Причина ясна. Интересно, сколько уже прошло времени, подумал он, начиная испытывать нетерпение. Час? Я не могу сидеть и ждать, понял он. То есть, если я должен, я буду ждать, но хотелось бы, чтобы все произошло скорее. Он старался уловить звуки, которые могли бы означать, что наверху работают люди — спасательные армейские команды, но нет — ничего до сих пор не слышно.

Надеюсь, сказал он себе, это продлится не слишком долго. Так много дел, работы выше головы.

Когда я выберусь отсюда, мне следует взяться за организацию, думал он, потому что именно это будет нужнее всего: организация и руководство; каждый будет вкалывать. Может быть, я и сейчас могу кое-что обдумать.

Сидя в темноте, он строил планы. Воображение его разыгралось. Он не тратил времени зря, не ленился только потому, что не мог двигаться. Голова его распухла от оригинальных идей; он с трудом выносил ожидание, представляя себе, как эти идеи заработают, стоит только начать. Большая часть их касалась изменения образа жизни. Исчезнет любая зависимость от большого общества. Маленькие города будут полностью обособлены, как описывает в своих книгах Эйн Рэнд. Конец подчинения, массового сознания и ненужного хлама; никакого фабричного барахла вроде этих штабелей коробок с цветными телевизорами, окружающих его со всех сторон. Сердце Хоппи колотилось от волнения и нетерпения, он еле выдерживал ожидание — ему казалось, что прошли уже миллионы лет. А его все еще не нашли, хотя поиски уже начались. Он знал это; он чувствовал, как они работают, приближаются к нему...

— Скорее! — громко закричал он, размахивая ручными экстензорами, концы которых ударяли по коробкам с телевизорами, издавая глухой звук. Барабанная дробь неслась из темноты, как будто в подвале собралось множество живых существ, целый выводок людей, а не только один Хоппи Харрингтон.

Находясь в своем доме на склоне одного из холмов округа Марин, Бонни Келлер услышала, что классическая музыка, лившаяся из стереоприемника в гостиной, прекратилась. Она вышла из спальни, вытирая акварельную краску с рук и гадая, перегорела ли опять та же самая лампа, которую Джордж недавно менял. И тут, поглядев в окно, она увидела на юге, на фоне неба, толстый столб дыма, плотный и коричневый, как обрубок дерева. Пока она изумленно рассматривала его, оконное стекло лопнуло, рассыпалось в пыль, и Бонни упала и заскользила по полу вместе с порошкообразными остатками стекла.

И все предметы домашней обстановки, перекувырнувшись, упали и разбились, как будто дом наклонился в сторону.

Опять Святой Эндрю виноват, подумала Бонни. Опять такое же ужасное землетрясение, как восемьдесят лет назад... и все, что мы построили, — все погибло. Перекатываясь, она ударилась о противоположную стену дома, только сейчас стена была под ней, а пол поднялся; она увидела, как лампы, столы и стулья мчатся вниз, разбиваются и разламываются, — и так странно было вдруг осознать их непрочность. Она не могла понять, как ее вещи, которыми она владела годы, могли так легко распасться. Сейчас одна лишь стена под ней оставалась прочной.

Мой дом, думала она, исчез. Все, что принадлежало мне, все, что я любила... Как это несправедливо.

Она лежала, тяжело дыша, голова ее болела. Ощупывая себя, она увидела свои дрожащие руки, белые, покрытые светлым порошком. На запястье засыхали полоски крови из невидимой раны. На голове, подумала она, потерла лоб — и кусочки штукатурки упали с ее волос. Сейчас — хотя она и не понимала этого — пол снова был на месте, и стена стояла прямо, как всегда. Все вернулось в нормальное положение. Но вещи — они все были разломаны и расколоты. Дом, полный мусора, думала она. Недели, месяцы понадобятся, чтобы привести его в порядок... но никогда ничего не будет по-прежнему. Пришел конец нашей жизни, нашему счастью.

Она встала и начала пробираться к выходу; она споткнулась об обломки стула и отбросила их к мусоропроводу у дверей. В воздухе клубились какие-то частицы, она вдыхала их, задыхалась от них и ненавидела их. Стекло было повсюду; все ее прекрасные зеркальные окна разбиты. Теперь они представляли собой пустые квадратные дыры с несколькими уцелевшими осколками, которые падали и разбивались у нее на глазах. Она нашла дверь — створки перекосило. Толкая их, навалившись на них всем телом, она заставила дверь приоткрыться ровно настолько, чтобы протиснуться в нее. Пошатываясь, Бонни вышла из дома и отошла от него на несколько ярдов, чтобы осмотреться и понять, что произошло.

Головная боль стала сильнее. Неужели я слепну? — удивилась она, поняв, что ей тяжело держать глаза открытыми. Разве я видела свет? Смутное воспоминание о какой-то вспышке у нее осталось: как будто неожиданно открылся затвор фотоаппарата, так быстро, что ее глазные нервы не среагировали, — фактически она ничего НЕ ВИДЕЛА. И все-таки с ее глазами произошло что-то неладное, она чувствовала это. Казалось, что и с ее телом творилось что-то не то, — и неудивительно. Но с землей ничего не случилось, Бонни не видела никаких трещин. И дом стоял; только окна были разбиты и все вещи повреждены. Скелет, пустой контейнер без всякого содержимого.

Она медленно пошла прочь от дома, думая: лучше я схожу за помощью. Мне нужна медицинская помощь. Потом, когда она оступилась и чуть не упала, она посмотрела вокруг и сразу же снова увидела

на юге колонну коричневого дыма. Неужели Сан-Франциско уже в огне? — спросила она себя.

Он горит, решила она. Пришла беда. Пострадал весь город, не только мы в Вест-Марине. Не только несколько сельских жителей, но все горожане. Наверное, тысячи погибли. Должны объявить национальную тревогу, задействовать армию и Красный Крест; мы не забудем этого до самого смертного часа. Она начала плакать, закрыв лицо руками, не видя и не заботясь, куда идет. Сейчас Бонни плакала не о себе и не о своем разрушенном доме, она плакала о городе на юге. Она плакала обо всех его жителях, обо всем, что в нем было, и о том, что случилось с ним.

Я никогда не увижу его снова, знала она. Сан-Франциско больше нет, все кончено. Сегодня. Так, плача, она брела по направлению к городу; она уже могла слышать людские голоса, доносящиеся снизу, и шла туда.

Возле нее остановилась машина. Дверца открылась, водитель протянул ей руку. Она не знала его, не знала даже, живет он поблизости или приехал издалека. Тем не менее она уцепилась за него.

— Успокойтесь... все хорошо... — сказал мужчина, обнимая ее за талию.

Рыдая, она прижалась к нему, откинулась на сиденье машины и притянула его к себе.

Позже Бонни опять шла по дороге, на этот раз по ведущему вниз прямому шоссе, обсаженному дубами, старыми узловатыми дубами, которые она так любила. Небо над ней было черным и серым, затянутым тяжелыми облаками, которые монотонной процессией тянулись к северу. Должно быть, это дорога к ранчо Медвежьей долины, сказала она себе. Ступни Бонни болели, и когда она остановилась, то обнаружила, что где-то потеряла туфли. На ней были все те же заляпанные краской джинсы, в которых ее застало землетрясение... Но после всего — землетрясение ли это? Водитель машины, напуганный и лепечущий, как дитя, сказал что-то, но речь его была слишком бессвязной, он был охвачен паникой, и она не смогла понять его. Я хочу домой, сказала себе Бонни. Я хочу назад в мой собственный дом, и я хочу мои туфли. Конечно, их взял тот человек, конечно, они в его машине. И я никогда не увижу мои туфли снова.

Она брела, морщась от боли, мечтая встретить хоть кого-нибудь, дивясь небу над головой и становясь все более одинокой с каждым мгновением.

Глава 6

Трогая с места пикап, Эндрю Джилл бросил последний взгляд на женщину в заляпанных краской джинсах, с которой он только что расстался; он увидел, как она устало бредет босиком по обочине, а затем поворот дороги скрыл ее от него. Он не знал ее имени, но ему каза-

лось, что она, с ее рыжими волосами и маленькими изящными ступнями, была самой хорошенькой женщиной, которую он когда-нибудь видел. И я, изумленно думал он, только что занимался с ней любовью на заднем сиденье моего «фольксвагена».

Все происшедшее казалось ему каким-то карнавальным шествием выдумок — и женщина, и грандиозные взрывы на юге, которые разворотили местность и окрасили небо над головой в серый цвет. Он знал, что либо началась война, либо произошло еще что-то — скверное и совершенно новое и для всего мира, и для него лично.

Сегодня утром он выехал из Питаламы в Вест-Марин, чтобы доставить в аптеку на станции Пойнт-Рейс груз вересковых английских курительных трубок из своего магазина. Он торговал легкими спиртными напитками, преимущественно винами, табачными изделиями и всем, что необходимо настоящему курильщику, вплоть до маленьких никелированных приспособлений для чистки и набивки трубок. Он ехал и думал: цел ли его магазин? задет ли район Питаламы?

Скорее, я спущусь в ад, чтобы посмотреть, как там дела, сказал он себе, а затем сразу же вспомнил маленькую рыжеволосую женщину в джинсах, которая то ли вскочила в его пикап, то ли позволила ему втянуть себя в машину (сейчас он не помнил, как это случилось на самом деле), и ему показалось, что он должен ехать за ней и убедиться, что с ней все в порядке. Далеко ли она живет? — думал он. Как мне найти ее? Он уже хотел снова увидеть ее, он никогда не встречал и не видел никого похожего на нее. Было ли все случившееся между ними результатом шока? Поступала ли она так раньше... и — что важнее — поступит ли так снова?

Однако он не поворачивал назад; руки его онемели, казалось, из них ушла жизнь. Он был измотан до крайности. Я знаю, что еще ничего не кончено, сказал он себе. Им удалось сбросить одну бомбу в район заливов, и они не остановятся, они будут расстреливать нас и дальше. Сейчас он видел в небе короткие очереди световых вспышек, и через некоторое время дальний гром сотрясал его пикап и заставлял машину дергаться и становиться на дыбы. Это прекращают свое существование бомбы, решил он. Может быть, вступили в действие силы обороны. Сколько нам еще предстоит вынести!

Не стоило также забывать о радиации.

Облака над его головой медленно плыли на север. Он знал, что облака смертельно радиоактивны, но, казалось, они были слишком высоко, чтобы как-то повлиять на жизнь внизу, на его жизнь и жизнь этих кустов и деревьев вдоль дороги. Может быть, все мы через несколько дней лишимся сил и умрем, думал Эндрю Джилл. Может быть, это только вопрос времени. Стоит ли прятаться? Не лучше ли повернуть к северу и попытаться убежать подальше? Но радиоактивные облака идут именно на север... Я лучше останусь здесь, сказал он себе, и попытаюсь найти какое-нибудь пристанище. Вроде бы я когда-то где-

то читал, что этот район наименее опасен: воздушные потоки проходят в глубь материка к Сакраменто, минуя Вест-Марин.

Пока что ему не встретилось ни единого человека. Только та женщина — единственное человеческое существо, которое он видел после падения первой мощной бомбы, после того, как осознал, что происходит. Ни машин, ни пешеходов. Но они скоро покажутся, думал он. Скоро тысячи людей начнут подниматься сюда, умирая по пути. Беженцы. Может быть, надо как-то подготовиться, чтобы помочь им... Но у него в «фольксвагене» не было ничего, кроме курительных трубок, тюков с табаком и бутылок калифорнийского вина из маленьких винных погребов; никакого медицинского оборудования, да он и не знал, как им пользоваться. Кроме того, ему было уже за пятьдесят, и у него было больное сердце: пароксизмальная тахикардия. Чудо, что он не получил сердечного приступа, когда они с этой женщиной занимались любовью на заднем сиденье «фольксвагена».

Моя жена и двое детей, думал он. Может быть, они мертвы. Я должен немедленно вернуться в Питаламу. Позвонить?.. Чепуха. Телефон конечно же не работает... Он продолжал ехать: бесцельно, не представляя куда и зачем. Он не знал размеров опасности, не знал, окончена атака врага или только началась. В любую секунду меня могут уничтожить, подумал он.

Пока что в своем старом «фольксвагене», который он купил шесть лет назад, он чувствовал себя в безопасности. Что бы там ни случилось, автомобиль не изменился; он был по прежнему крепким и надежным, тогда как — и Эндрю Джилл это чувствовал — весь мир, все остальные вещи ужасно и бесповоротно изменились.

Он не желал видеть это.

Что, если Барбара и мальчики мертвы? — спросил он себя. Странно, но это предположение вызвало у него вздох облегчения. Начинается новая жизнь, свидетельство чему — встреча с рыжеволосой женщиной. Со старым покончено... кстати, табак и вино могут стать теперь очень ценным товаром. Не лежит ли в моем пикапе целое состояние? Если я не поверну сейчас обратно в Питаламу, я могу запросто исчезнуть, и Барбара никогда не найдет меня. Он почувствовал неожиданный прилив энергии и веселья.

Но тогда он, Боже упаси, должен расстаться со своим магазином, а это похуже всякой опасности и любого разделения. Я не могу бросить свое дело, решил он. Двадцать лет постепенного налаживания крепких связей с клиентами, кропотливое изучение людских потребностей и служение им.

Хотя... возможно, все мои покупатели мертвы, как и моя семья. Я должен понять, что ВСЕ изменилось, не только то, что меня не касается.

Медленно ведя машину, он пытался обдумать каждую возможность, но, чем больше он размышлял, тем тяжелее и неуютнее чувствовал

себя. Не думаю, что кто-нибудь из нас останется в живых, решил он. Возможно, мы все получили дозу облучения, и моя встреча с женщиной на дороге — последнее значительное событие и в моей и в ее жизни, — без сомнения, она тоже приговорена.

Господи, думал он с горечью. Какой-то болван из Пентагона прошляпил; у нас должно было быть два или три часа после сигнала тревоги, а было пять минут. Не больше!

Он не питал никакой ненависти к врагу, он ощущал только стыд и чувствовал себя преданным. Возможно, штабные крысы из Вашингтона остались живы и невредимы, забившись в свои бетонные бункеры, как Адольф Гитлер перед концом войны. А нас бросили на произвол судьбы — умирать. Эта мысль не давала ему покоя, это было ужасно.

Вдруг он заметил на сиденье рядом с собой две туфельки, два поношенных шлепанца. Их оставила та женщина. Он печально смотрел на них. Некая память, думал он мрачно.

И затем он вдруг понял: нет, не только память. Это знак для меня: остаться в Вест-Марине, начать все с самого начала. Если я останусь, я знаю, я найду ее снова. Надо только быть терпеливым. Вот почему она оставила туфельки; она уже тогда знала, что я поломаю свою жизнь, останусь здесь, что после того, что произошло, я не смогу уехать. К черту мой магазин в Питаламе! К черту жену и детей!

И, весело насвистывая, Эндрю Джилл поехал дальше.

Теперь у Бруно Блутгельда не осталось никаких сомнений: он видел нескончаемый поток машин, стремящихся выбраться из города в одном направлении — на север. Беркли превратился в решето, из каждой ячейки которого выдавливало людей. Жители Окленда, Сан-Леандро и Сан-Жозе — все они протискивались сквозь улицы, ставшие сейчас улицами с односторонним движением. Значит, дело не в моей болезни, сказал себе доктор Блутгельд, стоя на тротуаре и не имея возможности перейти улицу, чтобы добраться до своего собственного автомобиля. Однако он отдавал себе отчет, что, хотя все произошло в действительности, хотя и пришел конец всему, он все равно в ответе за разрушение городов и гибель людей.

Он думал: в каком-то смысле, я — причина случившегося.

Нервно стиснув напряженные руки, он сказал себе: я должен внести коррективы. Этого не должно быть. Я должен прекратить это.

Вот что случилось, понял он: они предприняли атаку, чтобы погубить меня, но они не учли некоторых способностей, которые, видимо, заложены в моем подсознании. Я и сам управляю ими только отчасти; они исходят со сверхличностных уровней, которые Юнг назвал «коллективным бессознательным». Враги не учли почти бесконтрольную силу моей ответной психической энергии, и сейчас она излучается на них, являясь реакцией на их действия. Я тоже не могу управлять ею;

она просто подчиняется психическому закону причины и следствия, но я должен взять на себя моральную ответственность за происшедшее, потому что это я, мое сверх-Я, Я-Сам, превышающее пределы сознательного эго. Я должен утихомирить его сейчас, когда оно сделало свое дело. Несомненно, сделано уже достаточно, но не слишком ли я пострадал при этом?

Нет, в чисто физическом смысле, в чистой области действия и противодействия, ущерб не так уж велик. Закон сохранения энергии, поддержания равновесия, сработал: его «коллективное бессознательное» откликнулось пропорционально злу, причиненному ему врагами. Однако сейчас пришло время возместить потерянное; логически рассуждая, это следующий этап. Только вот исчерпало ли себя его подсознание... или нет? Он испытывал сомнение и сильное смущение — действительно ли реактивный процесс окончен, завершила ли его метабиологическая система защиты ответный цикл или ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ?

Пытаясь прийти к определенному выводу, он сделал глубокий вдох. Небо — смесь частиц. Раздробленного ими света достаточно для того, чтобы осмотреться. Что лежит за ними, скрытое, как в утробе матери? «Утроба», думал он, чистая сущность находится внутри меня, в то время как я стою здесь и рассуждаю. Хотел бы я знать: все эти люди, проезжающие мимо меня, эти мужчины и женщины с пустыми лицами — ЗНАЮТ ЛИ ОНИ, КТО Я? Понимают ли они, что я — средоточие, центр катаклизма? Наблюдая за ними, Блуттельд вскоре получил ответ: они знали, что он был источником всего случившегося, но боялись проявить какое-нибудь неуважение к нему. Они усвоили урок.

Протянув к ним руку, он провозгласил:

— Не бойтесь, больше ничего не случится. Обещаю вам.

Поняли они? Поверили? Он чувствовал, как их мысли притекают к нему, ощущал их панику, боль и ненависть, бездействующую сейчас, потому что они увидели, на что он способен. Я понимаю ваши чувства, подумал он в ответ или сказал громко — ему самому было неясно. Вы получили горький, тяжелый урок. И я — тоже. Я должен следить за собой более тщательно; в будущем я должен охранять доверенные мне силы с большим благоговением, относиться к ним с большим почтением.

Куда мне теперь надлежит отправиться? — спросил он себя. Подальше отсюда, так, чтобы все постепенно затихло естественным образом? Ради них. Хорошая идея, мягкая, гуманная, беспристрастное решение проблемы.

Могу ли я уйти? — спросил он себя. Конечно. Потому что, начав действовать, силы стали в какой-то мере управляемыми. Как только он осознал их, он смог подчинить их. Все происшедшее просто результат его невежества. Возможно, что с помощью интенсивного психоанализа он вызвал бы их вовремя, и тогда можно было бы избежать таких разрушительных последствий. Но что сейчас беспокоиться об этом! Он повернул

обратно. Я могу пройти сквозь поток машин и уйти отсюда, доказывал он сам себе. Чтобы убедиться в своих возможностях, он сошел с тротуара прямо на дорогу; другие люди тоже пытались так сделать, другие пешеходы, многие из которых несли домашний скарб, книги, лампы, кошек и даже птиц в клетках. Он помахал им, показывая, что они должны следовать за ним, переходить вместе с ним, потому что он может пройти через автомобильный поток по своей воле.

Движение почти прекратилось. Казалось, что его застопорили машины, пытающиеся выехать из боковой улицы, но Блутгельд знал лучше, это была только видимость. Настоящая причина — его желание перейти на другую сторону. Прямо перед ним оказался промежуток между двумя автомобилями, и доктор Блутгельд повел группу пешеходов через дорогу.

Куда я, собственно, направляюсь? — спросил он себя, не обращая внимания на людей, толпившихся вокруг, пытающихся высказать ему свою благодарность. Куда-нибудь подальше, прочь из города? Я опасен, думал он. Я должен уйти на пятьдесят — шестьдесят миль к востоку, возможно дойти до Сьерры и найти какое-нибудь уединенное место. Вест-Марин! Я могу вернуться туда. Там Бонни. Я могу остаться с ней и с Джорджем. Думаю, это достаточно далеко, но если нет — я продолжу путь. Надо изолировать себя от этих бедняг, которые не заслуживают дальнейшего наказания. Если необходимо, я буду странствовать вечно и никогда нигде не остановлюсь.

Конечно, раздумывал он, я не смогу попасть в Вест-Марин на машине; никакой из этих автомобилей больше не сдвинется с места: слишком перегружены дороги. Да и Ричардсон-Бридж наверняка разрушен. Мне придется идти пешком. Это займет несколько дней, но, в конечном счете, я доберусь до места. Я пойду по дороге Блэк-Пойнт по направлению к Валледжо и далее прямо через болота. Земля ровная; я могу, если необходимо, срезать путь.

Во всяком случае, я наложу на себя эпитимью за содеянное мною. Добровольное паломничество — путь к исцелению души.

Он двинулся в путь, сосредоточившись в то же время на окружающих его разрушениях. Он смотрел вокруг с мыслью о восстановлении, о возвращении городу, если возможно, прежнего вида. Когда он подходил к обрушившемуся дому, он замедлял шаг и говорил: «ПУСТЬ ЭТОТ ДОМ СНОВА СТАНЕТ ЦЕЛЫМ!» Когда он видел раненых, он говорил: «ПУСТЬ ЭТИ ЛЮДИ БУДУТ ПРИЗНАНЫ НЕВИННЫМИ И ПРОЩЕНЫ!» Каждый раз он делал придуманное им движение рукой, которое должно было означать, что отныне он позаботится, чтобы ничего подобного не случилось снова. Возможно, враги наконец усвоили урок, думал он, и оставят меня в покое сейчас.

Но ему пришло в голову, возможно, они поступят как раз наоборот: выбравшись из-под руин, они исполнятся даже большей решимости погубить его. Их враждебность скорее усилится, чем пойдет на убыль.

Подумав о том, как они будут мстить, он испугался. Может быть, мне следует скрыться, думал он. Сохранить имя «мистер Триз» или использовать какое-нибудь другое в целях маскировки. Сейчас-то они осторожны... но, боюсь, ненадолго.

И все же, даже сознавая это, он продолжал идти и делать рукой особенный, понятный им жест. Несмотря ни на что, он прикладывал усилия для их блага. Он не испытывал к ним чувства враждебности, ненависть таили только они.

На набережной доктор Блутгельд выбрался из потока движения, чтобы бросить взгляд на белый, разбитый вдребезги город Сан-Франциско, лежащий на другой стороне залива. Все, что могло стоять, упало. Желтое пламя и дым поднимались над городом так высоко, что Блутгельд не верил своим глазам. Казалось, город превратился в сухую, сгорающую без следа ветку. Однако из него все еще выбирались люди. Блутгельд видел прыгающие на поверхности залива обломки; люди бросали в воду все, что могло плавать, и пытались переправиться в округ Марин.

Доктор Блутгельд стоял там и не мог продолжать путь, он забыл о своем паломничестве. Сначала он должен позаботиться о них, а затем, если сможет, и о самом городе. Забыв обо всем, он сосредоточился на городе, обеими руками делая новые жесты, которых не знал прежде; он перепробовал все и наконец после долгого времени увидел, что дым начал светлеть. Это вселило в него надежду. Но качающихся на воде людей, беглецов, становилось все меньше и меньше, пока залив совсем не опустел и на поверхности его не остались только обломки.

Поэтому теперь Блутгельд сосредоточился на спасении непосредственно людей; он продумывал пути отхода на север и то, что ожидает там беженцев. Во-первых, вода, во-вторых, пища. Он не забыл ни об армии, доставляющей провиант, ни о Красном Кресте; он подумал и о маленьких провинциальных городках, открывающих свои склады для пострадавших. Наконец то, чего он желал, со скрипом начало осуществляться, и он долго еще оставался на месте, управляя процессом. Обстановка улучшалась. Люди находили медицинскую помощь, лечили ожоги — он позаботился об этом. Он подумал также и об исцелении их душ; важно было, чтобы они избавились от страха, снова почувствовали уверенность в себе, пусть самую рудиментарную.

И тут, к своему изумлению и ужасу, Блутгельд заметил, что, пока он заботился об улучшениии их состояния, его собственное резко ухудшилось. Он отдал все для общего блага. Одежда его превратилась в лохмотья и напоминала дерюгу. Пальцы ног вылезали из туфель. Борода отросла, усы лезли в рот, а волосы свободно закрывали уши и доходили до рваного воротника. Он чувствовал себя старым, больным и опустошенным, но ни о чем не жалел. Проделанная работа стоила того. Но как долго он простоял здесь? Поток машин уже давно пре-

кратился, только правее, на шоссе, лежали поврежденные и брошенные остовы автомобилей. Прошли недели? Может быть, месяцы? Он проголодался, ноги его дрожали от холода, поэтому он снова двинулся дальше.

Я отдал им все, что у меня было, сказал он себе и почувствовал обиду и даже гнев. И что я получил взамен? — думал он. Только то, что сейчас я слишком устал, чтобы дойти до округа Марин; мне придется остаться здесь, на этой стороне залива, пока я не отдохну и не приду в себя. Он медленно продолжал идти, и его негодование росло.

Но как бы то ни было, свою работу он выполнил. Невдалеке от себя он увидел пункт первой помощи с рядами потрепанных палаток; он увидел женщин с нарукавными повязками и знал, что это медсестры. Он увидел мужчин в касках с оружием. Закон и порядок, понял он. Благодаря моим усилиям все восстанавливается. Они в неоплатном долгу передо мной, но, конечно, и не подозревают об этом. Пожалуй, я оставлю их в неведении, решил он.

Когда он подошел к первой палатке, один из вооруженных мужчин остановил его. Подошел другой мужчина с блокнотом. Блуттельда спросили, откуда он.

— Из Беркли.

— Имя?

— Мистер Джек Триз.

Они записали все это, затем оторвали талон и дали ему. На талоне был номер, и мужчины объяснили, что он должен беречь талон, потому что без него ему не выдадут продуктовый паек. Его также предупредили, что, если он попытается — или уже пытался — получить паек на другом пункте, его расстреляют. Затем мужчины ушли, оставив его стоять с нумерованным талоном в руке.

Надо ли рассказать им, что все это — моих рук дело? — колебался он. Что только я виноват и навечно осужден за мой смертельный грех, за то, что я — причина случившегося? Нет, решил он, если я им скажу, они заберут у меня талон и не дадут паек. А я ужасно, ужасно хочу есть.

Одна из медсестер подошла к нему и деловым, бесстрастным голосом спросила:

— Рвота? Головокружение? Изменение цвета стула?

— Нет, — сказал он.

— Какие-нибудь поверхностные ожоги, которые не заживают?

Он покачал головой: нет.

— Тогда идите, — сказала медсестра, — и избавьтесь от своих тряпок. Вас проверят на вшивость, побреют голову и сделают уколы. Только не требуйте противотифозную вакцину, у нас ее нет.

К своему смущению, он увидел человека с электробритвой, питающейся от бензинового генератора. Мужчины и женщины терпеливо стояли в очереди, ожидая, когда им побреют голову. Санобработка? —

удивился он. Мне казалось, что я ее предусмотрел. Или я забыл про болезни? Видимо, забыл. Он пошел в указанном направлении, недовольный своей оплошностью. Должно быть, я не учел многих жизненно важных вещей, думал он, присоединяясь к очереди.

На Берклийских холмах, в подвале разрушенного дома на Цедарстрит, Стюарт Макконти заметил что-то жирное и серое, мелькнувшее между бетонными блоками. Он поднял щетку — конец ее ручки был заострен, как пика, — и пополз вперед.

Человек по имени Кен, вместе с которым он был в подвале, болезненно желтый, умирающий от радиационного облучения, сказал:

— Ты ведь не собираешься есть это?

— Еще как собираюсь, — сказал Стюарт, продолжая ползти по пыли, осевшей в открытом подвале, пока он неподвижно лежал за разбитым бетонным блоком. Напуганная крыса громко пищала. Это существо вылезло из Берклийского коллектора и сейчас хотело бы вернуться обратно, но между ним и коллектором был Стюарт. Правильнее сказать, думал Макконти, — между НЕЮ и коллектором. Без сомнения, это женская особь. Мужские варианты поменьше.

Крыса взвизгнула в панике, и Стюарт вонзил в нее заостренный конец палки. Животное опять издало долгий, пронзительный крик. Насаженная на палку, она все еще была жива, она продолжала визжать, поэтому Стюарт стряхнул ее на землю и размозжил ей голову каблуком.

Кен сказал:

— Ты хоть приготовь ее как-нибудь.

— Нет, — ответил Стюарт, уселся поудобнее, достал перочинный ножик, который он нашел в кармане мертвого школьника, и принялся свежевать крысу.

Кен неодобрительно наблюдал за ним и, когда Стюарт кончил есть, сказал:

— Странно, что ты еще меня не съел.

— Крысы не противнее сырых креветок, — возразил Стюарт. Сейчас он чувствовал себя намного лучше — за последние несколько дней крыса была его первой пищей.

— Почему бы тебе не добраться до одного из спасательных пунктов, о которых вчера объявляли с геликоптера? — спросил его умирающий. — Если я правильно понял, они говорили, что такой пункт есть неподалеку, в здании хиллсайдской школы, всего за несколько кварталов отсюда. Ты легко дойдешь до него...

— Нет, — буркнул Стюарт.

— Почему?

Ответ, хотя Стюарт и не собирался отвечать, заключался в том, что Стюарт просто боялся выбраться из подвала на улицу. Он не знал почему. Может быть, потому, что на поверхности, поднимая осевший

пепел, что-то двигалось и он не мог понять что. Он предполагал, что это американцы, но, может быть, это были китайцы или русские. Их голоса звучали странно и отдавались эхом даже днем. И геликоптер — Стюарт не доверял ему. Может быть, это вражеский трюк, чтобы выманить людей наружу и пристрелить. Во всяком случае, со стороны равнинной части города все еще доносились выстрелы. Они начинались перед рассветом и продолжались с перерывами до наступления темноты.

— Ты не можешь сидеть здесь вечно, — сказал Кен, — это неразумно.

Он лежал, укутанный в одеяла, взятые с одной из кроватей в доме; саму кровать выбросило наружу, когда здание рухнуло, и Стюарт с Кеном нашли ее среди развалин — аккуратно заправленную, со всеми постельными принадлежностями, включая две пуховые подушки.

О чем Стюарт заботился на самом деле, так это о том, что за пять дней в развалинах Цедар-стрит он набрал тысячи долларов, извлекая их из карманов мертвецов и из домов. Другие «мусорщики» охотились за пищей и разными полезными вещами — огнестрельным оружием, ножами, и ему было стыдно, что только он один искал деньги. К тому же он догадывался, что, выйдя наружу и добравшись до спасательного пункта, он узнает правду: деньги не имеют сейчас никакой цены. И если он, такой осел, покажется на спасательном пункте, неся наволочку, полную денег, все животики надорвут — и правильно: так ему, ослу, и надо.

И крыс, казалось ему, никто не ел. Возможно, вокруг было полно нормальной еды — один он ничего об этом не знал. Вполне в его духе — сидеть здесь внизу и есть такое, от чего любой откажется. Может быть, с вертолетов сбрасывают упаковки с аварийными пайками; может быть, это происходит рано утром, когда он спит, и, конечно, все пайки подбирают до того, как он их хотя бы увидит. Уже несколько дней в нем росло и крепло глубокое убеждение, что его обошли, что где-то что-то свободно выдается — возможно, при полном свете дня — каждому, кроме него. Такое уж мое счастье, мрачно сказал он себе, и крыса, которую он только что съел, уже не казалась ему роскошью.

За последние несколько дней, которые Стюарт провел, прячась в разрушенном бетонном подвале, он имел возможность поразмышлять о себе и понял, что ему всегда было тяжело поступать, как другие люди; только прикладывая величайшие усилия, он действовал, как они, казался одним из них. Проблема не имела ничего общего с его негритянским происхождением: одни и те же затруднения возникали при общении как с белыми, так и с черными. Не зависело это и от социальных трудностей в обычном смысле слова; причина лежала глубже. Взять, например, Кена, умирающего человека, лежащего перед ним. Стюарт не мог понять его; он чувствовал себя отделенным от него. Может быть, барьер воздвигло то, что произошло; мир сейчас четко разделился на два новых лагеря — на тех, кто слабел с каждым днем,

кто погибал, и на таких, как Стюарт, кто собирался выжить. И возможностей сообщения между ними не существовало, потому что миры эти слишком отличались друг от друга.

Однако не только это отделяло его от Кена, существовало нечто большее, та же самая старая проблема, которую бомбовая атака не создала, но просто вытащила на поверхность. Сейчас пропасть стала шире; было очевидно, что он, в сущности, не понимал смысла большинства действий, происходящих вокруг него... Он мрачно вспомнил своей ежегодный визит в автоинспекцию для продления автомобильных прав. Теперь, когда он лежал в подвале, ему казалось яснее с каждой минутой, что другие люди ходили в автоинспекцию на Сакраменто-стрит по УВАЖИТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ, а он ходил потому, что ходили они; он, как малолетка, просто повторял их действия. Сейчас вокруг не было никого, за кем *можно было бы* следовать, сейчас *он* был один. И поэтому он не мог ничего придумать и не мог принять хоть какое-нибудь решение даже ради собственной жизни.

Поэтому он просто лежал и ждал, и, пока он ждал, он размышлял о вертолете, летающем у них над головой, о неясных тенях на улице, но больше всего на свете он хотел бы знать — осел он или нет.

И вдруг он вспомнил еще кое-что: Хоппи Харрингтона в кафе Фреда. Хоппи видел его, Стюарта Макконти, поедающего крыс, но от волнений и страхов последних дней Стюарт совершенно забыл о фоке. Сейчас то, о чем говорил Хоппи, сбылось, значит, вот что это было — реальность, а вовсе не загробная жизнь!

Будь ты проклят, маленький урод, думал Стюарт, лежа и ковыряя в зубах кусочком проволоки. Ты обманщик; ты навлек на нас несчастье.

Удивительно, как доверчивы люди. Мы ведь верили ему, может быть, оттого, что он так отличался от нас... и казалось более вероятным, что именно с ним происходит такое — или происходило? Сейчас он, должно быть, мертв, погребен в ремонтной мастерской. Вот то единственно хорошее, что принесла с собой война, — все уроды погибли. Но затем Стюарт сообразил, что война породила новых, и следующий миллион лет уроды будут расхаживать всюду. Рай Блутгельда, сказал себе Стюарт. Физик небось доволен сейчас — бомбу испытали по-настоящему.

Кен пошевелился и прошептал:

— Может, удастся убедить тебя хотя бы переползти улицу? Там лежит труп... у него могут быть сигареты...

К черту сигареты, думал Стюарт. У него может быть бумажник, набитый деньгами. Он посмотрел туда, куда указывал Кен, и отчетливо увидел среди разбитых камней на противоположной стороне улицы труп женщины. Его сердце забилось сильнее: он увидел объемистую сумку, которую женщина все еще прижимала к себе.

Кен сказал устало:

— Плюнь ты на деньги, Стюарт. Это у тебя навязчивая идея, символ неизвестно чего...

Когда Стюарт выполз из подвала, Кен повысил голос и крикнул ему вслед:

— Символ богатого общества. — Он зашелся в кашле, напрягся, но ухитрился добавить: — А его нет больше...

Да, подумал Стюарт, для тебя — и пополз дальше. Действительно, когда он добрался до сумки и открыл ее, он нашел пачку банкнотов достоинством в один, пять и даже двадцать долларов. Еще там лежали сладкие леденцы, которые он сначала прихватил с собой, но потом ему пришло в голову, что они могут быть радиоактивными, и он их выбросил.

— Сигареты есть? — спросил Кен, когда он вернулся.

— Никаких, — ответил Стюарт, развязывая наволочку, в которой хранились деньги; он сложил туда сегодняшнюю добычу и снова спрятал наволочку в узкую щель, зарыв ее в сухой пепел, заполнявший подвал.

— Как насчет партии в шахматы? — слабым голосом предложил Кен, открыв деревянную коробку с фигурами, которую они нашли в развалинах дома. Он уже обучил Стюарта правилам игры; до войны тот ни разу не играл.

— Не хочется, — ответил Стюарт. Он наблюдал за движущейся в сером небе далекой тенью. Самолет? Ракета?.. Какой-то цилиндр...

Господи, думал Стюарт, неужели это бомба? Он мрачно следил, как цилиндр спускается все ниже и ниже, но не пытался лечь и спрятаться, как в первый раз, в те несколько начальных минут, от которых так много зависело — хотя бы то, что они выжили.

— Что это? — спросил он.

Кен внимательно всмотрелся в приближающийся предмет и сказал:

— Аэростат.

Стюарт не поверил ему:

— Это китайцы!

— Нет, действительно аэростат. Небольшой... Я думаю, это то, что называется дозорным аэростатом. Не видел ничего подобного с самого детства.

— А не мог китайский десант перебраться через Тихий океан на аэростатах? — спросил Стюарт, представив тысячи маленьких сигарообразных аэростатов и на каждом из них — взвод солдат-монголоидов с крестьянскими лицами, вооруженных чешскими автоматами, держащихся за каждый крюк или скобу, прилипших к каждой складочке. — Чего еще ждать от них — они понижают мир до своего уровня, отбрасывают его на пару веков назад. Вместо того чтобы поучиться у нас...

Он остановился, потому что увидел на аэростате надпись по-английски: «ВОЕННО-ВОЗДУШНАЯ БАЗА ГАМИЛЬТОН».

Кен сказал сухо:

— Это один из наших.

— Интересно, где они его взяли, — удивился Стюарт.

— Как просто, — сказал умирающий. — Я думаю, что с бензином и керосином сейчас покончено. Нам предстоит увидеть теперь много странных средств передвижения. Вернее, тебе предстоит...

— Прекрати жалеть себя, — сказал Стюарт.

— Я не жалею ни себя, ни кого-нибудь другого, — сказал Кен, осторожно доставая шахматы из коробки. — Хороши... Сделаны в Мексике, как я вижу. Ручная работа, без сомнения... но очень тонкая.

— Объясни мне еще раз, как ходит слон, — попросил Стюарт.

Аэростат с базы военно-воздушных сил Гамильтон становился все больше и больше по мере приближения. Но оба человека в подвале склонились над шахматной доской, не обращая на него никакого внимания. Возможно, он фотографирует. Или выполняет стратегическое задание, и на нем установлено переговорное устройство для связи с Шестой армией к югу от Сан-Франциско. Кто знает? И кому это интересно? Аэростат плыл над ними, а Кен в это время двинул вперед на две клетки свою королевскую пешку, начав игру.

— Игра начинается, — объявил он и добавил глухо: — Во всяком случае, для тебя, Стюарт. Странная, незнакомая, новая игра впереди... можешь даже поспорить со мной на свою наволочку, если хочешь.

Фыркнув, Стюарт обдумал положение и решил передвинуть пешку, стоящую перед ладьей, для начала гамбита, но как только коснулся ее, сразу понял, что сделал глупость.

— Можно взять ход назад? — спросил он с надеждой.

— Если ты прикоснулся к фигуре, ты должен ею пойти, — сказал Кен, выдвинув вперед одного из своих коней.

— Это нечестно... Я ведь только учусь... — заныл Стюарт. Он глянул на Кена, но болезненно-желтое лицо умирающего было непреклонно. — Ладно, — сказал он покорно и сделал ход королевской пешкой, повторив ход Кена. Я буду ходить так, как ходит Кен, решил он. Так безопаснее.

Из аэростата, зависшего прямо у них над головой, кружась и разлетаясь, посыпались вниз белые листовки. Стюарт и Кен прервали игру. Одна из листовок упала рядом с ними, Кен дотянулся до нее и поднял. Он прочел листовку и передал ее Стюарту.

— Барлингэйм, — прочел Стюарт. — Они призывают нас отправиться пешком в БАРЛИНГЭЙМ и присоединиться к ним. Это же в пятидесяти или шестидесяти милях отсюда, весь залив надо обойти. Психи!

— Точно, — сказал Кен, — к ним не явится ни одна душа.

— Черт побери! Я не могу дойти даже до Леконте-стрит, до ближайшего спасательного пункта, — сказал Стюарт. Он с негодованием поглядывал на аэростат базы Гамильтон, все еще плывущий над ними. Им меня не заполучить, сказал он себе. Пошли они...

— Здесь написано, — продолжал Кен, читая листовку, — что, если ты доберешься до Барлингэйма, они гарантируют тебе воду, пищу,

сигареты, уколы против чумы и лечение радиационных ожогов. Каково? А о девочках ни слова.

— Ты еще способен интересоваться девочками? — разволновался Стюарт. — Господи, я ничего не чувствовал с тех пор, как упала первая бомба; похоже, что эта штука скукожилась от страха и атрофировалась.

— Это потому, что промежуточный мозговой центр подавляет сексуальный инстинкт перед лицом опасности, — сказал Кен, — но он восстановится.

— Нет, — сказал Стюарт, — любой ребенок, родившийся теперь, будет уродом. Надо издать закон: никаких связей в течение, скажем, десяти лет. Мир, населенный уродами... я такого не перенесу. У меня есть кое-какой опыт: один такой работал в «Модерн-ТВ» вместе со мной, то есть в отделе ремонта. С меня хватит. Я хочу сказать, что Блутгельда следовало повесить вниз головой за то, что он сделал.

— То, что сделал Блутгельд в 70-е, — сказал Кен, — пустяк по сравнению со всем этим...

Он обвел рукой развалины.

— Согласен, — сказал Стюарт, — но он положил начало...

Сейчас аэростат плыл над их головами обратно. Возможно, что запас листовок на нем истощился, и он возвращался на аэродром базы Гамильтон, на другую сторону залива или еще куда-то. Глядя на него, Стюарт сказал:

— Поговори с нами еще немного.

— Он не может, — улыбнулся Кен, — это очень простое существо. Он сказал все, что мог... Ты собираешься играть или я должен двигать твои фигуры? Мне — без разницы...

Стюарт неуверенно передвинул слона — и сразу же, по выражению лица Кена, понял, что опять пошел неправильно.

В углу подвала, среди бетонных блоков, какое-то юркое существо шлепнулось сверху и, разглядев их, испуганно заметалось в поисках спасения. Стюарт сразу же отвлекся от игры и оглянулся, ища свою щетку.

— Играй, — прикрикнул на него Кен.

— Хорошо, хорошо, — сказал Стюарт раздраженно. Он сделал ход, почти не думая, его внимание было приковано к крысе.

Глава 7

В девять часов утра Элдон Блэйн стоял перед аптекой станции Пойнт-Рейс, ожидая пока она откроется. Под мышкой он держал потертый чемоданчик, перевязанный веревкой. Тем временем внутри здания аптекарь с трудом отпирал засовы и боролся с металлической дверью. Элдон нетерпеливо прислушивался к его возне.

— Минуточку, — крикнул аптекарь срывающимся голосом. Отперев наконец дверь, он извинился: — Она была раньше задней стенкой вагонетки. Ее надо открывать руками и ногами. Входите, мистер.

Он отвел высокую створку в сторону, и Элдон увидел темное помещение аптеки с безжизненной колбой электролампочки, свисающей с потолка на ветхом проводе.

— Мне нужен антибиотик широкого спектра действия, — быстро сказал Элдон, — тот, что применяется при респираторных заболеваниях.

Он старался не проявлять особой настойчивости и не собирался рассказывать аптекарю ни о том, сколько городов Северной Калифорнии он посетил за последние несколько дней, пешком и на попутках, ни о том, как больна его дочь. Он знал, что все это только повысит цену. К тому же он не заметил, чтобы в аптеке было много товара. Может быть, того, что ему надо, тут не окажется.

Внимательно разглядывая Элдона, аптекарь сказал:

— Не вижу, чтобы вы принесли что-нибудь в обмен. Что вы можете предложить, если, допустим, у меня есть то, что вы ищете?

Маленький пожилой человек, он нервно пощипывал седую бородку и явно подозревал, что Элдон — грабитель. Возможно, он видел грабителя в каждом.

— Там, где я живу, меня знают как оптика, — сказал Элдон.

Раскрыв чемоданчик, он показал аптекарю ряды целых и почти целых линз, оправы и готовые очки, найденные им на всех помойках района заливов, особенно в громадных развалах возле Окленда.

— Я могу скорректировать почти любой дефект зрения, — сказал он, — у меня тут целый оптический набор. У вас близорукость, дальнозоркость или астигматизм?

— Дальнозоркость, — медленно проговорил аптекарь, — только, боюсь, у меня нет того, что ВАМ надо.

Он жадно заглядывал в чемоданчик.

— Так бы и сказали сразу, — разозлился Элдон. — Я бы уже давно ушел. Мне сегодня надо добраться до Питаламы, там много аптек — только бы найти попутный грузовик.

— Может быть, вы обменяете пару стекол на что-нибудь другое? — жалобно попросил аптекарь. — У меня есть редкое сердечное лекарство, глюконат хинидина. Вы могли бы потом обменять его на что угодно. Во всем округе Марин ни у кого нет глюконата хинидина, только у меня.

— А врач здесь поблизости есть? — спросил Элдон, помедлив на краю заросшей травой провинциальной улицы с несколькими жилыми домами и магазинчиками.

— Да, — сказал аптекарь с ноткой гордости в голосе, — доктор Стокстилл. Он переехал сюда несколько лет назад. Но вы не найдете у него никаких лекарств — только у меня.

Держа под мышкой чемоданчик, Элдон Блэйн шел по улице и с надеждой вслушивался в хлопанье дровяного мотора грузовика, далеко разносившееся в тишине раннего калифорнийского утра. Но звук удалялся. Грузовик, увы, ехал в другую сторону.

Раньше все эти районы к северу от Сан-Франциско принадлежали нескольким зажиточным скотоводам. На лугах паслись коровы, но сейчас они исчезли — так же, как овцы, волы и вообще все животные мясной породы. Акр земли выгоднее было использовать для выращивания зерновых культур или овощей. Теперь об этом знали все. По обеим сторонам дороги Элдон видел тесно посаженные ряды рано созревающего гибрида кукурузы, а между рядами — высокие волосатые стебли, на которых росли странные желтые тыквы, похожие на кегельные шары. Это был необычный восточный сорт тыкв. Их употребляли в пищу целиком — с мякотью и кожурой. Когда-то такими тыквами в калифорнийских долинах пренебрегали... но сейчас все изменилось.

Стайка ребятишек, торопясь в школу, перебежала заросшую дорогу перед ним. Элдон Блэйн увидел их потрепанные книги и пакеты с завтраками, услышал звонкие голоса и подумал: хорошо, что есть и другие дети, здоровые и занятые делом, непохожие на его собственного ребенка. Если Гвен умрет, другие заменят ее. Мысль эта, промелькнув, не вызвала в нем особых эмоций. Каждый понимал, как обстоят дела, и каждый должен был смириться.

Школа стояла в седловине двух холмов. Судя по тому, что осталось от одноэтажного здания современной архитектуры, оно, без сомнения, строилось перед самой войной амбициозными, общественно-активными гражданами, которые связали себя десятилетними обязательствами, не подозревая, что не доживут до внесения платы. Таким образом, сами того не предполагая, они получили школу бесплатно.

Вид школьных окон заставил Блэйна рассмеяться. Стекла, собранные по кусочкам в развалинах старых сельских зданий, были самого разного размера. Их удерживали на месте замысловатые переплеты. Конечно, прежние стекла вылетели в один миг, думал он. Стекло... Большая редкость в наши дни... если у вас есть хоть какое-нибудь стекло, вы богаты. Он покрепче прижал к себе чемоданчик и пошел дальше.

Несколько ребятишек, увидев незнакомого человека, остановились, поглядывая на него с опаской и любопытством. Он улыбнулся им, гадая, чему они учатся и кто их учит. Древняя старушка, вызванная с пенсии, чтобы снова сесть за учительский стол? Местный житель, когда-то окончивший колледж? Или, что более вероятно, несколько матерей объединились и учат своих детей сами, используя бесценные запасы книг из местной библиотеки.

Он повернулся, услышав велосипедный звонок. Его окликнул женский голос.

— Вы — оптик?

Темноволосая женщина, строгая и в то же время симпатичная, в джинсах и мужской хлопчатобумажной рубашке, быстро крутила педали велосипеда, догоняя Элдона, подпрыгивая вверх-вниз на каждой колдобине.

— Пожалуйста, подождите. Я только что разговаривала с Фредом Квинном, нашим аптекарем, и он рассказал мне о вас.

Поравнявшись с ним, она остановилась, с трудом переводя дыхание.

— Мы не видели оптика несколько месяцев. Почему бы вам не приходить чаще?

— Я не торговец, — сказал Элдон Блэйн, — я просто пытаюсь отыскать антибиотики, которые мне нужны. — Он чувствовал раздражение. — Мне надо в Питаламу, — добавил он, а затем понял, что с завистью смотрит на велосипед, и по его лицу это видно.

— Мы можем их достать, — сказала женщина. Сейчас она выглядела старше, чем на первый взгляд. Судя по морщинкам на ее слегка загорелом лице, ей было около сорока. — Я член Комитета Вест-Марина по планированию, и я знаю, что мы можем найти то, что вам надо, если вы немного подождете. Задержитесь на два часа. Нам нужно несколько пар очков... Короче, я не собираюсь вас отпускать.

Она говорила твердо и убедительно.

— Вы случайно не миссис Рауб? — спросил Элдон Блэйн.

— Да, — удивилась она, — как вы догадались?

— Я из района Болинаса, — сказал он. — Мы знаем все, что вы здесь делаете. Если бы кто-нибудь, вроде вас, был в нашем Комитете...

Он побаивался ее. Насколько он знал, миссис Рауб всегда добивалась своего. Она и Ларри Рауб организовали жизнь в Вест-Марине после того, как прошел первый шок. В старые дни она была никем, и Катастрофа дала ей — как и многим другим — возможность показать, на что они действительно способны.

Когда они двинулись обратно, миссис Рауб спросила:

— Кому нужны антибиотики? Явно — не вам, вы выглядите совершенно здоровым.

— Моя маленькая дочь умирает, — сказал он.

Миссис Рауб не говорила утешительных слов — их не осталось больше в этом мире, — она просто кивнула.

— Инфекционный гепатит? — спросила она. — Откуда вы берете воду? У вас есть устройство для хлорирования? Если нет...

— Это не гепатит. Похоже на стрептококковую инфекцию горла.

— Прошлой ночью мы слышали с сателлита, что несколько фармацевтических фирм в Германии снова начали работать, поэтому, если повезет, мы опять увидим немецкие лекарства, по крайней мере на Восточном побережье.

— Вы принимаете сателлит? — взволнованно спросил он. — У нас сломан приемник, а наш мастер сейчас где-то на юге Сан-Франциско разыскивает по свалкам детали для холодильника и вернется не рань-

ше чем через месяц. Скажите, что Дангерфильд сейчас читает? Когда мы последний раз слышали его, а это было чертовски давно, он читал «Провинциальные письма» Паскаля.

Миссис Рауб сказала:

— Сейчас он читает «Бремя страстей человеческих».

— Это, случайно, не про того парня, который никак не может развязаться со своей девушкой? — спросил Элдон. — Кажется, я помню эту книгу... Дангерфильд читал ее несколько лет назад. Девушка все время возвращается к герою. Она не погубит его жизнь, в конце концов?

— Не знаю. Боюсь, что в прошлый раз мы еще не принимали передач.

— Дангерфильд — великий диск-жокей, — сказал Элдон, — лучший из всех, кого я слышал ДО Катастрофы. Знаете, мы ведь не пропускали ни одной его передачи. Каждый вечер на нашей пожарной станции собиралось по две сотни человек. Думаю, что кто-нибудь из нас мог бы починить приемник, но Комитет решил, что следует оставить аппаратуру в покое и дожидаться возвращения нашего мастера. Если он вообще вернется... тот, кто был до него, тоже отправился в путешествие по свалкам и не вернулся.

Миссис Рауб сказала:

— Теперь-то ваша коммуна поняла необходимость резервного оборудования? Я всегда утверждала, что без него не обойтись.

— Нельзя ли послать к вам нашего представителя? Он послушает вместе с вами, а потом перескажет нам.

— Пожалуйста, — сказала миссис Рауб, — но...

— Конечно, это будет не то, — согласился Элдон. — Совсем не то...

Он замолчал. Что говорить о Дангерфильде? Он сидит там наверху, на сателлите, проходящем над ними каждый день. Связь с миром... Дангерфильд смотрит вниз и видит все: все изменения, к лучшему и к худшему. Он принимает каждую передачу, записывает ее, а затем прокручивает запись. Только благодаря ему мы все объединены.

В голове Элдона до сих пор звучал знакомый голос, который уже давно не слышала их коммуна. Но он все еще мог вспомнить его: низкий, богатый смешок, правдивые интонации — никогда никакой фальши. Никаких лозунгов, никаких воззваний к 4 июля — никогда ничего из той дряни, которая довела их всех до нынешнего состояния.

Однажды он слышал, как Дангерфильд сказал:

— Хотите узнать, почему я не попал на войну? Почему они предусмотрительно запустили меня в космос перед самым ее началом? Они понимали, что не стоит давать мне пистолет... я бы пристрелил командира. И он засмеялся, превратив все в шутку, но то, что он сказал, было правдой, все, что он говорил, было правдой, даже когда казалось шуткой. Политически неблагонадежный Дангерфильд сейчас поднялся выше всех, проносясь над их головами год за годом. Он был тем единственным человеком, которому они верили.

От расположенного на склоне холма дома Раубов хорошо был виден весь Вест-Марин — его поля, засаженные овощами, ирригационные канавы, коза, отвязавшаяся от колышка, и, конечно, лошади. Стоя у окна в гостиной, Элдон Блэйн видел внизу около фермы большого першерона, который, без сомнения, использовался для того, чтобы таскать плуг... а когда приходило время ехать в округ Сонома за припасами, мог тащить и автомобиль.

Он видел на дороге автомобиль, запряженный лошадью. Если бы миссис Рауб не догнала Блэйна, он вскоре был бы в Питаламе. Сейчас она бодро крутила педали своего велосипеда, направляясь на поиски антибиотиков. К удивлению Элдона, она оставила его одного в доме, не боясь, что он может что-нибудь украсть. Он повернулся, чтобы осмотреться. Стулья, книги, одежда в шкафах, еда и даже бутылка вина на кухне... Он бродил по дому, в котором сохранилось все. Дом был почти таким, как перед войной, кроме, разумеется, бесполезных, давно отключенных электроприборов.

Сквозь окна, выходящие во двор, он заметил зеленый бок деревянной цистерны и догадался, что у Раубов был свой источник воды. Действительно, выйдя наружу, он увидел чистый, незамутненный ручей.

У ручья притаилось какое-то устройство, похожее на тележку. Он с изумлением смотрел, как манипуляторы, отходящие от тележки, наполняли ведра и выливали воду в цистерну. В центре тележки сидел человек без рук и без ног. Он кивал, как будто дирижировал механизмами вокруг себя. Это фокомелус, понял Элдон, фокомелус, вмонтированный в свой фокомобиль — соединение тележки и управляемых манипуляторов, служащих механическим замещением отсутствующих конечностей. Но что он делает здесь? Ворует воду Раубов?

— Эй, — сказал Элдон.

Фокомелус мгновенно повернул голову, тревожно взглянул на Элдона, и затем что-то сильно ударило оптика по туловищу — он откинулся назад, изогнувшись, стараясь сохранить равновесие, и обнаружил, что его руки плотно прижаты к туловищу. Проволочная петля, вылетевшая из фокомобиля, захлестнула его. Фокомелус оборонялся.

— Вы к-кто? — спросил фокомелус, заикаясь от желания поскорее получить ответ. — Я вас н-не знаю.

— Я из Болинаса, — сказал Элдон. Проволочная петля врезалась туже. — Я оптик. Миссис Рауб сказала, чтобы я подождал ее здесь.

Петля, казалось, ослабла.

— Я не могу рисковать, — сказал фокомелус, — и не отпущу вас, пока не вернется Джун Рауб.

Ведра снова начали черпать воду. Они размеренно поднимались и опускались до тех пор, пока цистерна, прицепленная к фокомобилю, не наполнилась доверху.

— А ты что здесь делаешь? — спросил Элдон, — воруешь воду?

— Имею право, — сказал фокомелус, — каждый в округе получает от меня намного больше, чем я беру у него.

— Отпусти меня, — попросил Элдон, — я только пытаюсь найти лекарство для моей маленькой дочери. Она умирает...

— Моя дочь... она умирает... — передразнил его фокомелус, точно имитируя голос оптика. Он откатился от ручья и приблизился к Элдону. Фокомобиль его блестел, как новенький. Это была одна из самых совершенных конструкций, которые Элдон Блэйн когда-либо видел.

— Отпусти меня, — снова попросил Элдон, — и я дам тебе пару очков бесплатно. Любую пару, по твоему выбору.

— Мои глаза безупречны, — сказал фокомелус, — все во мне совершенно. А без того, что отсутствует, я отлично обхожусь. На этот холм, например, я заберусь быстрее тебя.

— Кто построил твой фокомобиль? — спросил Элдон. За семь лет, прошедших после Катастрофы, машина, конечно, поизносилась бы и частично сломалась, как и все вокруг.

— Я сам построил его, — ответил фокомелус.

— Как ты мог построить свой собственный фокомобиль? Это невозможно.

— Раньше я управлял манипуляторами с помощью тела, теперь — с помощью мозга. И все сделал сам. Я здешний мастер. Те старые экстензоры, которые выдавало правительство до войны, — они были хуже, чем даже такие руки и ноги из плоти, как у тебя.

Фокомелус скривился. Его тонкое худое лицо с острым носом и очень белыми зубами идеально подходило для выражения того чувства, которое он демонстрировал сейчас Элдону Блэйну.

— Дангерфильд говорит, что мастера теперь — самые нужные люди в мире, — сказал Элдон. — Однажды мы слышали, как он объявил Всемирную неделю мастеров и назвал имена самых известных. Как тебя зовут? Может быть, он и тебя упоминал?

— Меня зовут Хоппи Харрингтон, — сказал фокомелус. — Но я знаю, что он не называл меня. Пока что я держусь в стороне, еще не пришло время открыться миру. Но я собираюсь... Я позволяю здешним аборигенам видеть малую толику того, на что я способен, но они предпочитают не распространяться об этом.

— Конечно, они молчат, — сказал Элдон, — они не хотят потерять тебя. Вот у нас сейчас нет мастера, и мы это чувствуем. Как ты думаешь: смог бы ты ненадолго съездить в Болинас? У нас есть чем тебе заплатить. После Катастрофы к нам через горы мало кто добрался, так что мы почти не пострадали от грабежей.

— Я был в Болинасе, — сказал Хоппи. — Вообще-то я объездил все вокруг, добрался даже до Сакраменто. То, что я видел, не видел никто. Я могу проехать на своем «мобиле» пятьдесят миль в день! — По его худому лицу прошла судорога и он запнулся. — Я не вернусь в Болинас, потому что около него водятся морские чудовища.

— Что за чушь! — возмутился Элдон. — Суеверие! Кто сказал такое о нашей колонии?

— Думаю, что Дангерфильд.

— Нет, он не мог. На него можно положиться, он такую ерунду не пересказывает. Я никогда, ни в одной из его программ, не слышал, чтобы он повторял суеверную чепуху. Может быть, он шутил? Держу пари — он просто пошутил, а ты принял все за чистую монету.

— Водородная бомба разбудила морских чудовищ и вызвала их из глубины, — сказал Хоппи.

Казалось, он говорил серьезно.

— Ты должен приехать и посмотреть на нашу коммуну, — сказал Элдон. — Мы развиваемся и преуспеваем больше, чем любой другой город. У нас есть даже уличные фонари, целых четыре штуки. Вечером их зажигают на час. Ты ведь мастер — как ты можешь быть таким суеверным...

Фокомелус выглядел раздосадованным.

— Ни в чем нельзя быть уверенным, — проворчал он, — может быть, я слышал об этом и не от Дангерфильда.

Снизу донесся стук лошадиных копыт, и они обернулись. На дороге показался всадник — полный краснолицый человек, поднимавшийся к ним. Подъехав ближе, он крикнул Элдону:

— Вы оптик?

— Да, — сказал Элдон, и пока всадник сворачивал на подъездную дорожку, ведущую к дому, спросил его: — Вы привезли антибиотики, мистер?

— Их привезет Джун Рауб, — сказал краснолицый толстяк и остановил лошадь возле Элдона. — Слушайте, оптик, дайте-ка поглядеть — что там у вас? Я близорук, и у меня сильный астигматизм левого глаза. Можете мне помочь?

Он спешился и подошел к ним.

— Не могу обслужить вас в настоящий момент, — сказал Элдон. — Хоппи Харрингтон связал меня.

— Господи, Хоппи, — встревожился толстяк, — отпусти оптика. Я ждал его несколько месяцев и не хочу больше ждать ни минуты.

— Ладно, Лерой, — угрюмо согласился Хоппи. И металлическая петля спала с Элдона, развернулась и скользнула по земле к фокомелусу, восседающему в центре своего сверкающего хитроумного «мобиля».

Когда сателлит проходил над Чикаго, его крыловидные вытянутые антенны поймали далекий слабый сигнал, и Уолтер Дангерфильд услышал в наушниках тихий голос:

— ...и, пожалуйста, передайте «Вальсирующую Матильду», многие из нас хотели бы ее послушать. И передайте «Песню дятла» и... — Слабый сигнал исчез, и слышались только помехи.

Да уж, наемешливо подумал Дангерфильд, это вам не лазерная связь.

Он сказал в микрофон:

— Что ж, друзья, к нам поступила заявка на «Вальсирующую Матильду». — Он нажал переключатель на контрольной панели. — Великий баритональный бас Питер Доусон — кстати, «Питер Доусон» — это еще и название очень хорошего шотландского виски, — исполняет «Вальсирующую Матильду».

С помощью довольно изношенного блока памяти он нашел нужный ролик, и через несколько мгновений «Вальсирующая Матильда» уже транслировалась на Землю.

Пока играла музыка, Уолт Дангерфильд настраивал приемник, пытаясь снова поймать тот слабый сигнал. Вместо этого он влез в переговоры между воинскими подразделениями, задействованными в какой-то полицейской операции в Иллинойсе. Их оживленная болтовня заинтересовала его, и он слушал, пока не кончилась музыка.

— Удачи вам, парни в военной форме, — сказал он в микрофон, — поймайте этих «уличных горлопанов» и — благословляю вас всех.

Он хихикнул, потому что если какое-нибудь человеческое существо могло не бояться возмездия со стороны военных, то это он. Никто на Земле не мог до него добраться — уже шесть попыток после Катастрофы окончились неудачей.

— Поймайте этих нехороших мальчиков... или мне следует сказать: этих ХОРОШИХ ПАРНЕЙ. Скажите, кто хорош, кто плох в наши дни?

Его приемник за последние несколько недель принял множество жалоб на жестокость армии.

— Дайте-ка я вам кое-что скажу, — мягко произнес он. — Приглядывайте получше за своими винтовочками — вот и все.

Он начал просматривать фонотеку сателлита в поисках «Песни дятла».

— Вот она, — сказал он и включил запись.

Внизу под ним лежал во тьме мир, повернутый к нему ночной стороной. Однако он уже мог видеть ореол дневного света, появившийся из-за кромки. Скоро его сателлит влетит в новый день. То тут, то там светились огоньки, похожие на дырочки, проколотые в поверхности планеты, которую он покинул семь лет назад — покинул для другого места назначения и с другими целями, куда более грандиозными.

Сателлит Дангерфильда не был единственным сателлитом в околоземном пространстве, но только на его борту еще теплилась жизнь. Обитатели других сателлитов давно погибли. Правда, у них не было таких запасов, как у него и Лидии, — запасов, рассчитанных на десятилетия жизни в чужом мире. Ему повезло: кроме пищи, воды и воздуха у него были миллионы миль аудио- и видеозаписей, чтобы не дать ему соскучиться. И сейчас с их помощью он не давал скучать остальным — осколкам цивилизации, успевшим запустить его на Марс.

На свое счастье, они не довели дело до конца. Их неудача принесла им с тех пор неплохие дивиденты.

— Трам-та-ра-рам, — пропел Уолт Дангерфильд в микрофон, используя устройство, предназначенное для передачи его голоса на миллионы миль, а не только на нынешнюю пару сотен. — На что годится таймер от старой мойки-сушилки? Эту информацию передал мастер из района Женевы. Спасибо вам, Георг Шильпер. Я знаю — всем будет интересно послушать, как вы рассказываете о своей идее.

Он подключил к передатчику запись с голосом мастера. Сейчас Георг Шильпер поделится частицей своих знаний со всеми жителями района Великих Озер США. Без сомнения, они сумеют с толком распорядиться полученной информацией. Мир изголодался по знаниям, разбросанным по разным уголкам мира, знаниям, которые, если бы не Дангерфильд, оставались бы там, где появились, может быть, навсегда.

После пленки с Георгом Шильпером он поставил запись со своим чтением «Бремени страстей человеческих» и поднялся, задыхаясь, уставший от долгого сидения.

Его беспокоила боль в груди. Однажды появившись, боль осталась и локализовалась пониже грудной клетки. Он в сотый раз прокручивал один из медицинских микрофильмов, медленно просматривая часть, относящуюся к сердцу. Что я чувствую? Как будто какая-то рука сдавила меня и не дает дышать? — спросил он себя. Как будто кто-то навалился всем своим весом? Во-первых, трудновато вспомнить, что такое «вес»... Может быть, я ощущаю жжение внутри... и, если так, — до еды или после?

На прошлой неделе ему удалось связаться с госпиталем в Токио и описать симптомы своей болезни. Врачи не смогли сказать ничего определенного. Они посоветовали ему сделать электрокардиограмму. В этих-то условиях? Вообще как кто-нибудь мог сейчас сделать кардиограмму? Либо японские врачи жили в прошлом, либо Япония возрождалась быстрее, чем он предполагал, чем предполагали все. Он взволнованно подумал: я уже столько продержался. Хотя ему этот срок не показался таким уж долгим, может быть, из-за того, что он потерял чувство времени. И он был занят. В этот момент шесть его магнитофонов работали на шести частотах, и, прежде чем закончится чтение книги Моэма, он обязан прослушать пленки. Может быть, они окажутся пустыми или на них запишутся часы бессмысленной болтовни? Неизвестно. Если бы только я мог, думал он, использовать высокоскоростную передачу... но подходящих декодеров в мире больше не существовало. Можно было бы сжать часы до секунд и передавать по очереди в каждую зону полный отчет. А сейчас ему приходилось делить информацию на небольшие части и многократно повторять их. Чтобы прочесть таким способом роман, требовались иногда месяцы.

По крайней мере, он сумел снизить частоту передатчика сателлита до частоты, которую люди на Земле могли принимать на обычный

приемник с амплитудной модуляцией. Это было его личное большое достижение, оно, собственно, и сделало его тем, кем он стал.

Чтение книги Моэма закончилось, и автомат перемотал пленку к началу. При переходе в следующую зону слышимости чтение начнется снова. Уолт Дангерфильд не обращал внимания на переключения, он консультировался со справочными медицинскими микрофильмами. Я думаю, это только спазмы пилорического клапана, решил он. Если бы у меня был фенобарбитал... но он кончился несколько лет назад. Лидия в последнем приступе самоубийственной депрессии проглотила все таблетки — проглотила и умерла. Как ни странно, ее депрессию вызвало внезапно наступившее молчание советской космической станции. До этого момента она верила, что их всех найдут и благополучно вернут на Землю. Русские умерли от голода, все десять человек. Никто не мог предположить этого, потому что они выполняли свои должностные обязанности и скороговоркой передавали данные научных наблюдений почти до самого конца, до самого последнего часа.

Трам-та-ра-рам, сказал себе Дангерфильд, прочтя о пилорическом клапане и его спазмах, люди, я заполучил эту симпатичную болячку, потому что слишком потакал своим слабостям. Разве вы не согласны, что мне сейчас нужнее всего общественные работы?

Он щелкнул по микрофону, прерывая магнитофонное вещание.

— Помните старую довоенную рекламу? — спросил он свою тихую, невидимую аудиторию внизу. — Как же она звучала?.. У вас-то как — по-прежнему: больше Эйч-бомб — меньше радости? — Он засмеялся. — Термоядерная война не слопала вас всех? Нью-Йорк, можете вы «поймать» меня еще раз? Каждый, кто слышит мой голос, все шестьдесят пять, быстро чиркните спичкой, чтобы я знал — вы здесь...

В его наушниках раздался громкий сигнал:

— Дангерфильд, это нью-йоркский порт. Можете вы дать нам прогноз погоды?

— О, — сказал Дангерфильд, — у нас ожидается ПРЕКРАСНАЯ погода. Вы можете выходить в море на своих маленьких лодочках и ловить маленькую радиоактивную рыбку. Беспокоиться не о чем.

Заговорил другой голос:

— Мистер Дангерфильд, не могли бы вы передать некоторые из имеющихся у вас оперных арий? Нам бы особенно хотелось: «Твоя маленькая рука замерзла...» из «Богемы».

— Черт возьми! Я могу СПЕТЬ ее, — сказал Дангерфильд, и, доставая ролик, начал тенором напевать в микрофон.

Вечером, вернувшись в Болинас, Элдон Блэйн дал дочке первую дозу антибиотика и затем быстро отвел жену в сторону.

— Слушай, у них в Вест-Марине есть первоклассный мастер, о котором они никому не говорят. Всего в двадцати милях отсюда. Я ду-

маю, нам надо послать туда группу, похитить его и привезти к нам. И добавил: — Он фок, но ты бы видела фокомобиль, который он построил. Никто из наших мастеров в подметки ему не годится.

Надевая шерстяной пиджак и собираясь выйти на улицу, он добавил:

— Я собираюсь просить Комитет проголосовать за мое предложение.

— А как же наш декрет против людей с отклонениями от нормы? — запротестовала Патриция. — И этот месяц в Комитете председательствует миссис Уоллес, ты же знаешь ее, она никогда больше не позволит никакому фоку прийти сюда, а тем более поселиться. Я хочу сказать, что четверо таких у нас уже есть, и она всегда на них жалуется.

— Этот декрет касается только тех, кто может стать обузой для коммуны, — сказал Элдон, — я-то знаю, я помогал писать его. Хоппи Харрингтон не обуза, он приобретение. Декрет не относится к нему, и я собираюсь поспорить с миссис Уоллес и побороться за Хоппи. Я уверен, что смогу получить официальное разрешение, и уже придумал, как мы все организуем. Они пригласили нас прийти послушать сателлит. Мы придем, но только для виду, совсем не для того, чтобы слушать Дангерфильда. Пока они будут заняты, мы похитим Хоппи, выведем его фокомобиль из строя и отбуксируем сюда. И они никогда не узнают, что случилось. Пусть неудачник плачет! А наши полицейские сумеют нас защитить.

— Я побаиваюсь фоков. Говорят, что они обладают особенными, неестественными силами. Возможно, и твой Хоппи построил фокомобиль при помощи колдовства.

Элдон Блэйн с издевкой рассмеялся:

— Тем лучше. Может быть, именно этого нам и не хватает — колдовских чар. Введем должность колдуна коммуны. Я — за!

— Пойду посмотрю на Гвен, — сказала Патриция, направляясь к отгороженной части комнаты, где лежал ребенок. — Не хочу иметь ничего общего с твоими планами. То, что ты собираешься делать, кажется мне отвратительным.

Элдон Блэйн вышел в ночную тьму. Через мгновение он уже вышагивал по тропинке к дому Уоллесов.

Пока граждане Вест-Марина один за другим входили в Форестер-холл и рассаживались, Джун Рауб настраивала переменный конденсатор двенадцативольтного автомобильного приемника. Она заметила, что Хоппи Харрингтон не пришел. Как это он сказал?

— НЕ ЛЮБЛЮ СЛУШАТЬ БОЛЬНЫХ.

Странно, подумала Джун Рауб, что он имел в виду?

Из динамика послышались шумы и затем — первые слабые сигналы сателлита. Через несколько минут они будут ясно слышны... Если

вдруг не сядет электролитическая батарея приемника. Такое уже случалось раньше.

Ряды сидящих внимательно слушали первые слова Дангерфильда, которые начали пробиваться сквозь помехи:

— ...тиф, вызванный вшами, вспыхнул в Вашингтоне и распространился до самой границы с Канадой, — говорил Дангерфильд, — поэтому, друзья мои, держитесь подальше от тех мест. Если это правда, дела плохи. А вот информация из Портленда в Орегоне — повеселее. С Востока прибыли два корабля. Неплохая новость, правда? Согласно тому, что я слышал, это два больших зафрахтованных судна, нагруженные мануфактурой маленьких фабрик Японии и Китая.

Слушатели, полный зал людей, взволнованно зашевелились.

— И еще — домашний совет от консультанта на Гавайях... — сказал Дангерфильд, но сейчас же его голос затих, и снова слышались лишь помехи.

Джун Рауб вертела регулятор громкости, но безуспешно. На лицах людей, сидевших в комнате, ясно читалось разочарование.

Если бы здесь был Хоппи, думала Джун. Он настраивает приемник гораздо лучше меня. Нервничая, она посмотрела на мужа, ища поддержки.

— Погодные условия, — сказал тот со своего места в первом ряду, — надо терпеть.

Но некоторые слушатели глядели на нее враждебно, как будто сателлит замолчал по ее вине. Она беспомощно развела руками.

Дверь Форестер-холла отворилась, и несмело вошли трое мужчин. Один из них был оптик, двух других она не знала. Смущенно озираясь, они искали свободное место, в то время как все в зале рассматривали их.

— Кто вы? — спросил мистер Споллинг, ответственный за хранение запасов пищи. — Вас кто-нибудь звал?

Джун Рауб сказала:

— Я пригласила делегацию из Болинаса прийти и послушать с нами. Их приемник испорчен.

— Ш-ш-ш... — зашикало несколько человек, потому что опять раздался голос с сателлита:

— ...так или иначе, — говорил Дангерфильд, — я испытываю боль, в основном когда сплю и перед тем, как поем. После еды она вроде бы исчезает: это заставляет меня подозревать язву, а не сердечную болезнь. Поэтому, если какие-нибудь врачи слышат меня и имеют доступ к передатчику, они могут звякнуть мне и высказать свое мнение. Если нужно, я дам дополнительную информацию.

Изумленная Джун Рауб слушала, как человек на сателлите продолжал все более детально описывать симптомы своей болезни. Это то, что имел в виду Хоппи Харрингтон? — спросила она себя. Дангерфильд

превратился в ипохондрика, и никто не заметил перемены, за исключением Хоппи с его обостренной чувствительностью. Джун вздрогнула. Бедный человек, обреченный совершать виток за витком вокруг Земли до тех пор, пока, как у русских, не кончатся все его запасы пищи или воздуха и он не умрет.

Что мы тогда будем делать? — спросила она себя. — Без Дангерфильда... как мы сможем жить?

Глава 8

Орион Страуд, глава совета вест-маринской школы, подкрутил керосиновую лампу так, что школьная комната для заседаний осветилась ярким белым светом, и все четыре члена школьного совета смогли хорошенько разглядеть нового учителя.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал Страуд, — но прежде всего позвольте представить вам мистера Барнса. Он — из Орегона и сказал мне, что он ученый, специалист по натуральным пищевым продуктам. Правильно, мистер Барнс?

Новый учитель, невысокий, юношеского вида человек, одетый в рубашку цвета хаки и рабочие брюки, нервно откашлялся:

— Да. Я знаком с химией и с биологией растений и животных, особенно с лесными растениями — ягодами и грибами.

— Последнее время нам не везло с грибами, — сказала миссис Толман, пожилая дама, бывшая членом школьного совета еще до Катастрофы, — и мы решили больше не связываться с ними. Мы и так уже потеряли несколько человек. Они либо пожадничали, либо были неосторожны, либо просто мало знали о грибах.

— Но мистер Барнс не новичок, — возразил Страуд. — Он занимался в университете в Дэвисе и научился отличать ядовитые грибы от съедобных. Он действует наверняка и не прикидывается знатоком. Не так ли, мистер Барнс?

Он посмотрел на нового учителя, ожидая подтверждения.

— Существуют вполне съедобные виды грибов, и о них нельзя сказать ничего плохого, — согласился мистер Барнс. — Я изучал леса и пастбища вашего района и видел несколько великолепных экземпляров; вы без всяких опасений можете разнообразить свое меню. Я даже знаю их латинские названия.

Члены совета оживились и начали переговариваться. Страуд понял, что последние слова Барнса явно произвели на них впечатление.

— Почему вы оставили Орегон? — неожиданно спросил директор школы Джордж Келлер.

Новый учитель смело встретил его взгляд:

— Из-за политики.

— Вашей или чужой?

— Чужой, — ответил Барнс. — Я не занимаюсь политикой. Я учу детей, как делать чернила и мыло, как обрезать хвосты овцам, даже если овцы уже взрослые... И у меня есть свои собственные книги...

Из маленькой связки рядом с ним он вытащил книгу и показал совету, в каком она хорошем состоянии.

— Добавлю еще кое-что: в вашей части Калифорнии есть все необходимое для изготовления бумаги. Вы знаете об этом?

Миссис Толман сказала:

— В принципе — да, мистер Барнс, но мы не знаем точной рецептуры. Для этого нужна кора деревьев, не так ли?

Лицо нового учителя приняло загадочное выражение, и он замолчал. Страуд знал, что миссис Толман вправе была задать свой вопрос, но учитель хотел сохранить свои знания при себе, потому что совет школы еще не принял его на работу. Его знания были еще его личной собственностью — он ничего не отдавал бесплатно. И, конечно, он действовал разумно; Страуд понимал это и уважал его. Только дурак мог отдать все, не получив ничего взамен.

В разговор вступила мисс Костиган, новый член школьного совета:

— Я немного занималась грибами, мистер Барнс. На что вы в первую очередь обратите внимание, определяя ядовитость гриба?

Она пристально смотрела на нового учителя, явно намереваясь поймать его на конкретных деталях.

— Смертоносная оборка у основания ножки, — ответил мистер Барнс. — У поганок она есть, у большинства других грибов — нет. И общая окраска. Обычно у смертельно ядовитых поганок белые споры и, конечно, белые гимениальные пластинки.

Он улыбнулся мисс Костиган, и она улыбнулась в ответ.

Миссис Толман рассматривала связку книг нового учителя.

— Я вижу у вас тут «Психологические типы» Карла Юнга. Вы, случайно, не психолог? Как приятно, что в нашей школе появится учитель, который может рассказать о съедобных грибах и в то же время является специалистом по Фрейду и Юнгу.

— Бесполезные знания, — раздраженно сказал Страуд, — нам требуются практики, а не академики. — Он почувствовал себя лично задетым — мистер Барнс ни словом не обмолвился о своих теоретических интересах. — Психология не поможет очистить зараженные цистерны, — добавил он.

— Думаю, мы готовы проголосовать за мистера Барнса, — сказала мисс Костиган, — я за то, чтобы нанять его, по крайней мере временно. Кто-нибудь возражает?

Миссис Толман сказала мистеру Барнсу:

— Знаете, мы ведь убили нашего предыдущего учителя, вот почему нам понадобился другой; и мы послали мистера Страуда поискать кого-нибудь на побережье. Он нашел вас.

Мистер Барнс кивнул с каменным выражением лица:

— Я знаю, но меня это не волнует.

— Его звали мистер Остуриас, и он тоже хорошо разбирался в грибах, — сказала миссис Толман, — хотя он всегда собирал их только для себя. Он никогда нам ничего не рассказывал, и мы уважали его права. Мы приняли решение убить его совсем не поэтому. Мы убили его, потому что он лгал нам. Видите ли, оказалось, что он явился к нам совсем не для того, чтобы учить детишек в школе. Он искал человека по имени Джек Триз, который, как выяснилось, живет в районе Вест-Марина. Наша миссис Келлер, уважаемый член коммуны, жена присутствующего здесь Джорджа Келлера, — близкий друг мистера Триза, она-то и рассказала нам обо всем. Конечно, мы действовали открыто и официально через шефа полиции Эрла Кольвига.

— Я понимаю, — бесстрастно сказал мистер Барнс. Он слушал, не задавая вопросов.

В разговор вступил Орион Страуд:

— Суд, который приговорил его к смерти, состоял из меня, Кэса Стоуна, крупнейшего землевладельца Вест-Марина, миссис Толман и миссис Джун Рауб. Я сказал «приговорил к смерти», но, как вы понимаете, сам акт... то есть выстрел... его произвел Эрл. После вынесения приговора начинается работа Эрла.

Он внимательно рассматривал нового учителя.

— Ваши действия, — сказал мистер Барнс, — вполне законны и правомерны. Хотя... меня это не особенно интересует... И, — улыбнулся он, — я собираюсь поделиться с вами СВОИМИ микологическими познаниями, и не стану скрывать их, как мистер Остуриас.

Все одобрительно закивали. Напряжение в комнате спало, члены совета начали тихо переговариваться. Зажглась сигарета — одна из особых первосортных сигарет Эндрю Джилла «Золотой ярлык». Ее богатый, насыщенный запах распространился по комнате, поднимая настроение и заставляя присутствующих доброжелательнее относиться к новому учителю и друг к другу.

При виде сигареты на лице мистера Барнса отразилось удивление, и он спросил внезапно охрипшим голосом:

— У вас есть ТАБАК? Спустя семь лет? — Он явно не верил своим глазам.

Довольно улыбаясь, миссис Толман сказала:

— У нас нет табака, мистер Барнс, потому что, разумеется, его нет нигде. Но у нас есть специалист по табакам. Он создает для нас особые первосортные сигареты «Золотой ярлык» из отборных овощей и трав, сохраняя состав смеси — и это понятно — в строжайшей тайне.

— Сколько они стоят? — спросил мистер Барнс.

— По курсу бумажек штата Калифорния, — сказал Орион Страуд, — около сотни долларов за штуку. По довоенному курсу серебра — пятицентовик.

— У меня есть пять центов... — Мистер Барнс запустил дрожащую руку в карман, пошарил там, вынул монету и протянул ее курильщику. Это был Джордж Келлер, усевшийся поудобнее, откинувшись на спинку стула и скрестив ноги.

— Извините, — сказал Джордж, — но я не хочу ничего продавать. Лучше пойдите прямо к мистеру Джиллу; днем он почти всегда в магазине. Это здесь, на станции Пойнт-Рейс, но, конечно, он ездит и по окрестностям. У него «фольксваген»-пикап на лошадиной тяге.

— Воспользуюсь вашим советом, — сказал мистер Барнс и бережно спрятал монету обратно в карман.

— Вы собираетесь переправляться на пароме? — спросил окленд-ский чиновник. — Если нет, то убрали бы свою машину, она загораживает проезд.

— Собираюсь, — ответил Стюарт Макконти. Он сел в машину и дернул вожжи, чтобы заставить Эдварда Принца Уэльского, своего коня, тронуться с места. Эдвард дернулся, и безмоторный «понтиак» 1975 года выпуска въехал через ворота на пирс.

Залив, синий и неспокойный, раскинулся по обе стороны пирса, и Стюарт видел сквозь ветровое стекло, как устремилась вниз чайка, чтобы выхватить из-под свай что-то съедобное. Он видел также рыбачьи сети... люди ловили себе что-нибудь на ужин. Некоторые мужчины донашивали остатки военной формы. Возможно, это были ветераны, живущие под пирсом. Стюарт поехал дальше.

Если бы он мог позволить себе телефонный звонок в Сан-Франциско! Но подводный кабель снова вышел из строя, сигналы шли через Сан-Хосе и весь полуостров, и, когда достигали Сан-Франциско, вызов стоил уже десять долларов серебром. Поэтому, если вы не миллионер, звонки исключались. Стюарт должен был торчать на пирсе два часа, пока вернется только что ушедший паром. Но мог ли он столько ждать?

Стюарт Макконти ехал в Сан-Франциско по чрезвычайно важному делу.

До него дошли слухи, что где-то там найдена одна из сбившихся с курса гигантских советских ракет. Она зарылась в землю около Бельмонта, и какой-то фермер, вспахивая поле, откопал ее. Этот фермер продавал ее на детали, которых в одной только системе наводки насчитывалось несколько тысяч. Фермер брал пенни за любую деталь по выбору. Стюарту требовалось для работы множество разных деталей. Но они были нужны многим. Поэтому, кто подоспеет первым, тот и получит все; если он не переберется через залив как можно скорее, он опоздает. Для него и для его дела не останется ни одной электронной детали.

Он продавал (а другой человек делал) маленькие электронные ловушки. Сейчас, когда все животные мутировали, они научились легко избегать обычных ловушек, какими бы хитроумными те ни были. Особенно изменились кошки, и мистер Харди придумал великолепную электронную ловушку для кошек, даже лучше, чем его ловушки для крыс и собак.

Кто-то выдвинул теорию, что за послевоенные годы кошки научились разговаривать. По ночам люди слышали, как они вопят в темноте, издавая неестественно быстрые серии разных звуков, совершенно не похожие на прежнее мяуканье. Кроме того, кошки собирались в маленькие стаи и — это было почти доказано — запасали пищу. Именно эти запасы провианта, аккуратно сложенные и умело спрятанные, настораживали людей больше, чем новые звуки. Но, как бы там ни было, кошки — так же, как собаки и крысы, — стали опасными. Они повсеместно нападали на маленьких детей и поедали их — по крайней мере, ходили такие слухи. И люди, конечно, в свою очередь ловили их, где только можно, и съедали. Особой популярностью пользовались собаки — фаршированные рисом, они считались деликатесом. Местная газетка «Трибюн», выходившая в Беркли раз в неделю, печатала рецепты супа, жаркого и даже пудинга из собак.

Размечтавшись о собачьем пудинге, Стюарт понял, как он голоден. Ему казалось, что он никогда не наедался досыта с того самого дня, как упала бомба. Последний раз он обедал по-настоящему в кафе Фреда в тот самый день, когда увидел фока, впадающего в его дурацкий транс.

Интересно, где сейчас этот маленький уродец? — Стюарт не вспоминал о нем целую вечность.

Конечно, теперь вокруг развелось множество фоков, восседавших в своих «мобилях», совсем как Хоппи, — безрукие и безногие боги, каждый в своей собственной вселенной. Вид их все еще пугал Стюарта, хотя за прошедшие дни он навидался всякого... И это зрелище было не самым худшим. Он решил, что лично ему противнее всего видеть шествующих по улице симбиотов — нескольких людей, связанных анатомически, имеющих какой-нибудь общий орган. Воплощение идеи сиамских близнецов в мире Блутгельда — но близнецов могло быть и больше двух. Однажды он видел целых шесть особей, связанных воедино. Их слияние происходило не в утробе матери, а вскоре после рождения. Таким образом спасали жизнь тем, кто родился без какого-нибудь жизненно важного органа. Им требовалась симбиотическая связь, чтобы остаться в живых. Одна поджелудочная железа могла сейчас служить многим людям — триумф биологии, конечно, но, на взгляд Стюарта, было бы милосерднее позволить этим несчастным умереть.

Справа от него вспарывала поверхность залива небольшая лодка, хозяин которой — безногий ветеран — греб по направлению к груде

железа, бывшей, без сомнения, затонувшим кораблем. Громадный корпус был весь утыкан множеством рыбацких удочек. Они принадлежали ветерану, и он плыл проверять их. Наблюдая за лодчонкой, Стюарт вдруг подумал: а не попытаться ли достичь на ней противоположного берега? Он мог предложить ветерану пятьдесят центов за путешествие в один конец. Почему нет? Стюарт вышел из машины на пирс и подошел к воде.

— Эй, — крикнул он ветерану, — плывите сюда.

Он вынул из кармана пенс и бросил его на пирс. Ветеран услышал и увидел монету, сразу же повернул свою лодочку и изо всех сил стал грести к пирсу — так, что на лице его выступил пот. Он внимательно оглядел Стюарта и, приставив ладонь к уху, спросил:

— Рыбу? Сегодня я еще ничего не поймал, может быть, позже. Как насчет небольшой акулы? Безопасность гарантируется...

Он показал счетчик Гейгера на батарейках, привязанный к его поясу куском веревки — на тот случай, понял Стюарт, если счетчик упадет в воду или кто-нибудь попытается украсть его.

— Нет, — сказал Стюарт, присев на корточки у края пирса, — я хочу перебраться в Сан-Франциско. Я заплачу вам четверть доллара за поездку в один конец.

— Я не могу оставить свои удочки, — сказал ветеран, и его улыбка пропала. — Я должен вытащить их, все до единой, или кто-нибудь заберет их, пока меня не будет.

— Тридцать пять центов, — сказал Стюарт.

В конце концов они сошлись на сорока.

Стюарт стреножил Эдварда Принца Уэльского, повесил замок так, чтобы никто не мог увести коня, и вскоре уже плыл к Сан-Франциско, взлетая вверх и вниз на борту ветеранской лодочки.

— Чем вы зарабатываете себе на жизнь? — спросил ветеран. — Вы ведь не сборщик налогов?

Он откровенно разглядывал Стюарта.

— Нет, — ответил Стюарт, — я просто продаю электронные ловушки.

— Слушай, приятель, — сказал ветеран, — у меня была ручная крыса, она тоже жила под пирсом, как и я. Она была такой умной, что могла играть на дудочке. Я не разыгрываю тебя, это чистая правда. Я сделал маленькую деревянную дудочку, и она играла на ней носом... звук был почти как у азиатской носовой флейты из Индии. Она жила у меня, но потом ее задавили. Я видел, как это произошло, но ничего не мог поделать. Она перебегала пирс, искала что-то... может быть, кусочек тряпки... у нее была постель, которую я для нее сделал, она то и дело простужается... то есть простужалась... из-за того, что у крыс-мутантов, а у этого вида в особенности, вылезает шерсть.

— Я таких видел, — сказал Стюарт, вспоминая, как хорошо безволосые коричневые крысы избегают даже электронных ловушек мисте-

ра Харди, — я действительно верю в то, о чем вы рассказываете, я хорошо знаю крыс. Но они не идут ни в какое сравнение с маленькими полосатыми серо-коричневыми кошками. Ведь вам пришлось сделать дудочку самому, крыса не могла ее смастерить?

— Ваша правда, — сказал ветеран, — но она была настоящей артисткой. Вам бы послушать, как она играла. Здесь каждый вечер после ловли рыбы собиралась топа. Я пытался научить ее играть «Чакону» Баха.

— Однажды я поймал одну из этих полосатых кошек, — сказал Стюарт, — и держал ее у себя месяц, пока она не сбежала. Она умела делать маленькие заостренные вещички из жестяных консервных банок. Она сгибала жесть или делала что-то в этом роде; я никогда не видел ее за работой, но вещички были опасными.

Ветеран спросил, продолжая грести:

— Как сейчас обстоят дела на юге Сан-Франциско? Я-то не могу выйти на сушу. — Он показал на нижнюю часть своего тела. — В моей лодочке есть люк, когда мне требуется принять ванну. Найти бы где-нибудь дохлого фока и забрать его коляску. Она называется «фокомобиль».

— Я знал самого первого фока, — сказал Стюарт, — перед войной. Он был великолепен, мог починить все, что угодно.

Он закурил сигарету с суррогатом табака, ветеран жадно разглядывал ее.

— Вы, должно быть, знаете, — продолжал Стюарт, — что юг Сан-Франциско теперь — сплошная равнина; он был сильно разрушен, и сейчас там одни фермы. Никто не стал снова застраивать землю, да там и были в основном ряды маленьких домиков, так что не осталось даже подходящих фундаментов. На фермах выращивают кукурузу и фасоль. Я-то еду для того, чтобы посмотреть на большую ракету, которую только что нашел один из фермеров. Мне нужны реле, лампы и другая электроника для ловушек мистера Харди. — Он помедлил. — Вам бы надо завести такую ловушку.

— Зачем? Я питаюсь рыбой, и с чего бы мне ненавидеть крыс? Мне они нравятся.

— Мне они тоже нравятся, — сказал Стюарт, — но вам следует быть предусмотрительным, вы должны заглядывать в будущее. Если мы не проявим бдительности, Америку могут когда-нибудь захватить крысы. Наш долг перед страной — ловить и убивать крыс, особенно самых умных, которые станут естественными лидерами.

Ветеран глянул на него:

— Слышу речи продавца.

— Я говорю искренне.

— Вот за это я и не люблю продавцов, они верят своим собственным россказням. Вы отлично знаете, на что будут способны самые умные из крыс даже через миллион лет эволюции. В лучшем случае, они смогут быть нашими слугами, слугами человеческих существ. Может быть,

они будут носить письма и делать несложную работу. Но стать опасными... — Он покачал головой. — Сколько стоит одна ваша ловушка?

— Десять долларов серебром. Бумажные деньги не берем. Мистер Харди — человек пожилой, а вы же знаете стариков, — рассмеялся Стюарт, — они не считают бумажки за деньги.

— Давайте, я расскажу вам об одной крысе, которую я как-то видел, — начал ветеран, — она совершила героический поступок...

Стюарт прервал его:

— На этот счет у меня есть собственное мнение. Не стоит спорить.

Они замолчали. Стюарт наслаждался видом залива, а ветеран греб. Был погожий день, и по мере приближения к Сан-Франциско Стюарт все больше думал об электронных деталях, которые он доставит мистеру Харди, и о фабрике на авеню Сан-Пабло, возле развалин того, что когда-то было западным крылом Калифорнийского университета.

— Что у вас за сигарета? — спросил наконец ветеран.

— Эта? — Стюарт осмотрел окурок, который он уже приготовился было погасить, спрятать в металлическую коробку и положить в карман. Коробка была полна окурков, которые Том Франди, местный табачник из Южного Беркли, распотрошит и сделает новые сигареты.

— Эта сигарета, — сказал он, — привозная из округа Марин. Особенный первосортный «Золотой ярлык», сделанный... — Он помедлил, желая произвести эффект. — Может быть, мне не стоит говорить вам...

— Эндрю Джиллом, — сказал ветеран. — Если вы, скажем, продадите мне целую сигарету, я дам вам десять центов.

— Они стоят пятнадцать центов штука, — сказал Стюарт. — Их везут вокруг Блэк-Пойнта и Сиа-Пойнта, а потом по долине Лукас откуда-то из-за Никозии.

— Как-то раз мне довелось попробовать одну из сигарет Эндрю Джилла, — сказал ветеран, — она выпала из кармана у пассажира парома. Я выловил ее из воды и высушил.

Неожиданно для себя Стюарт протянул ему окурок.

— Господи, — сказал ветеран, не глядя на него. Он стал грести быстрее, губы его шевелились, на глазах показались слезы.

— У меня есть еще, — сказал Стюарт.

Ветеран повернулся к нему:

— Я скажу вам, мистер, что еще у вас есть. У вас есть настоящая человечность, а она так редко встречается в наши дни. Очень редко.

Стюарт кивнул. Он чувствовал, что в отношении последнего ветеран прав.

Постучав в дверь небольшого деревянного домика, Бонни спросила:

— Джек? Вы дома?

Дернув дверь, она нашла ее незапертой и сказала мистеру Барнсу:

— Может быть, он пошел к своему стаду. Сейчас сезон ягнят, и у него столько хлопот. Рождается много ягнят, а они не всегда могут пройти через родильный канал без посторонней помощи.

— Сколько голов в отаре? — спросил Барнс.

— Сотни три. Они свободно пасутся по оврагам, так что точно сосчитать невозможно. Вы случайно не боитесь баранов?

— Нет, — ответил Барнс.

— Тогда пойдемте.

— Он тот самый человек, которого бывший учитель хотел убить, — тихо сказал Барнс, когда они пересекали вытоптанные овцами поля, направляясь к низкому гребню, поросшему елями и кустарником.

Барнс заметил, что многие кусты объедены. Голые ветки доказывали, что отара мистера Триза находилась поблизости.

— Да, его хотели убить, — подтвердила женщина, широко шагая, засунув руки в карманы, и быстро добавила: — Но я не знаю почему. Джек ведь только овцевод. Я знаю, что разводить овец на землях, пригодных для пахоты, незаконно... но вы сами видите, только малая часть земли может быть вспахана, здесь сплошные овраги. Возможно, мистер Остуриас позавидовал...

Я не верю ей, думал Барнс. Однако все это его не особенно интересовало. Он намеревался избежать ошибки своего предшественника, кем бы или чем бы ни оказался мистер Триз. Пока что для мистера Барнса он был всего лишь частью окружающего мира, который не был больше ни вполне аристотелевым, ни гуманным. Представление, сложившееся у него о мистере Тризе, заставляло Барнса чувствовать себя неудобно. Образ, который сформировался в его мозгу, нельзя было назвать успокоительным.

— Жаль, что мистер Джилл не пошел с нами, — сказал Барнс. Он еще не успел познакомиться со знаменитым табачным экспертом, о котором столько слышал даже до приезда в Вест-Марин. — Вы говорите, что у вас здесь есть музыкальное общество? На чем вы играете?

Ему было интересно, потому что когда-то он сам играл на виолончели.

— Эндрю Джилл и Джек Триз — на флейтах, — сказала Бонни. — А я — на пианино. Мы исполняем старинную музыку — Генри Пёрселла, Иоганна Пэчелбела. Иногда к нам присоединяется доктор Стокстилл, но... — Она помедлила, сдвинув брови. — Он так занят. Ему приходится объезжать столько городов. К вечеру он совершенно измотан.

— А вы принимаете в свое общество посторонних? — спросил Барнс с надеждой.

— Что вы исполняете? Предупреждаю — мы играем только классику. У нас не просто общество любителей. Джордж, Джек и я играли вместе в старые дни, до Катастрофы. Мы начали девять лет назад. Джилл присоединился к нам уже после...

Она улыбнулась, и Барнс заметил, какие у нее красивые зубы. Столько людей страдают сейчас от нехватки витаминов и от радиационной болезни... зубы выпадают, развивается парадонтоз. Барнс ухаживал за своими зубами, как только мог, но без особого успеха.

— Когда-то я играл на виолончели, — сказал он, сознавая, что говорить об этом бессмысленно, потому что — увы! — ни одной виолончели поблизости не было. Вот если бы он играл на каком-нибудь духовом инструменте...

— Жалко, — сказала Бонни.

— Может быть, в округе сохранились хоть какие-нибудь струнные инструменты? — спросил он, веря, что, если необходимо, сможет научиться играть, скажем, на альте. Я бы с удовольствием, думал он, если бы это дало мне возможность присоединиться к их обществу.

— Никаких, — сказала Бонни.

Прямо перед собой они увидели овцу суффолкской породы с темной мордой. Она посмотрела на них, затем встряхнулась, повернулась и убежала. Барнс заметил, что овца была крупная, красивая, упитанная, с густой шерстью. Интересно, режут ли их, подумал он и почувствовал, как рот его наполнился слюной. Он не пробовал баранины целую вечность.

Он спросил у Бонни:

— Мистер Триз режет их или растит только для того, чтобы получить шерсть?

— Только для шерсти, — ответила она. — Он испытывает страх перед убийством и ни за что не сделает этого, что бы ему ни предложили взамен. Конечно, у него воруют овец... это единственный способ получить мясо, но предупреждаю вас: его стадо хорошо охраняется.

Она указала на вершину холма, и Барнс увидел стоящую там и наблюдающую за ними собаку. Он сразу же определил, что это результат весьма сильной и полезной мутации. На морде у собаки было явно осмысленное выражение.

— Я бы не стал подходить близко к стаду, — сказал Барнс. — Собака не доставит нам хлопот? Она знает вас?

— Поэтому я и пошла с вами, — ответила Бонни. — Из-за собаки. У Джека она одна, но этого вполне достаточно.

Сейчас собака быстро бежала к ним.

Когда-то, предположил Барнс, ее предки были известными серыми или черными немецкими пастушескими овчарками. Он определил это по ее ушам и морде. Но сейчас... Он напрягся и ждал ее приближения. В кармане у него, конечно, был нож, много раз выручавший его, но в данном случае нож явно был бесполезен. Поэтому он старался держаться поближе к беззаботно идущей женщине.

— Привет, — сказала Бонни собаке.

Та уселась перед ними, открыла пасть и со скрежетом заговорила. Звук был ужасен, и Барнс содрогнулся. Похоже было на то, как если

бы раненый человек судорожно пытался бы заставить работать поврежденные голосовые связки. Из этого скрежета он разобрал одно-два слова, да и в тех не был уверен. Бонни, однако, казалось, понимала все.

— Милая Терри, — сказала она собаке. — Спасибо, милая Терри.

Собака завиляла хвостом. Бонни сказала Барнсу:

— Мы найдем Джека в четверти мили отсюда, если пойдем по тропинке.

Она пошла вперед, широко шагая.

— Что сказала собака? — спросил Барнс, когда они отошли достаточно далеко, чтобы Терри не услышала их.

Бонни расхохоталась. Это рассердило Барнса, он нахмурился.

— Господи, — сказала она, вытирая слезы — собака совершенствовалась в течение миллионов лет и наконец добилась успеха. Произошло одно из чудеснейших событий эволюции, а вы не можете понять, что она сказала. Извините, но это чертовски смешно. Я рада, что вы спросили меня, когда она уже не могла нас слышать.

— Я не удивлен, — защищался он, — вернее, я не так уж удивлен. Это вам, погрязшим здесь в своем маленьком деревенском мире, все кажется чудом, но я-то изъездил все побережье и видел такое, что заставило бы вас... — Он не закончил фразу. — Эта собака — ничто в сравнении с тем, что я видел, хотя лично я согласен, что произошло важное событие.

Все еще смеясь, Бонни взяла его под руку:

— Да, вы человек из большого мира. Вы видели все, что там есть, вы правы. Что же вы видели, Барнс? Имейте в виду, мой муж — ваш начальник, а Орион Страуд — его начальник. Так почему вы приехали сюда? Не слишком ли здесь уединенно? Не слишком ли по-деревенски? Я-то думаю, что здесь прекрасное место для жизни, у нас стабильная коммуна. Но, как вы правильно заметили, чудес у нас не так уж много. И нет уродов, как в больших городах, где радиация была гораздо сильнее. Конечно, у нас есть Хоппи...

— Удивили, — сказал Барнс, — фоков сейчас везде полным-полно. Вы их встретите повсюду.

— Но вы нанялись на работу именно сюда, — сказала Бонни, внимательно глядя на него.

— Я же рассказывал вам, что у меня возник политический конфликт с двумя маленькими местными чиновниками, возомнившими себя королями в своих собственных маленьких королевствах.

Бонни сказала задумчиво:

— Мистер Остуриас интересовался политикой. И психологией — совсем как вы. — Она продолжала изучать его, пока они шли. — Он, правда, не был таким симпатичным... Голова у него была маленькая и круглая, как яблоко. И у него дрожали ноги, когда он бежал... не надо было ему убегать. — Сейчас она говорила спокойнее. — Он великолепно готовил тушеные грибы, молодые штяпки и лисички — он знал их

все. Вы пригласите меня на грибной обед? Прошло так много времени... мы пытались сами собирать грибы, но у нас ничего не получилось, мы сразу отравились.

— Считайте, что вы приглашены, — сказал он.

— Вы находите меня привлекательной? — спросила она его.

Он ошеломленно пробормотал:

— Конечно... Естественно, нахожу. Он крепко держался за ее руку, как будто она вела его. — Почему вы спрашиваете? — осторожно спросил он со все возрастающим чувством, природу которого не мог понять. Оно было новым для него. Оно походило на возбуждение, но имело холодный, рациональный оттенок, поэтому, может быть, это и не было чувством, возможно, это был род внезапной подсознательной, интуитивной догадки о себе и об окружающем пейзаже, обо всех вещах вокруг, которые он видел, — оно, казалось, учитывало каждый аспект действительности и больше всего относилось к идущей рядом женщине.

За долю секунды, не имея никаких фактов, он понял, что у Бонни Келлер роман с кем-то, может быть с табачным экспертом Джиллом, Орионом Страудом или даже с этим мистером Тризом. Но в любом случае роман был окончен или, по крайней мере, заканчивался, и Бонни подыскивала замену. Она искала ее инстинктивно, скорее практически, а не как восторженная школьница с горящими глазами. Без сомнения, у нее было много романов, казалось ей уже приходилось изучать людей, чтобы определить, насколько они ей подходят. А я, думал он, интересно, гожусь ли я? И нет ли тут опасности? Господи, она же сама говорила, что ее муж — мой начальник, директор школы...

Но, может быть, у него слишком разыгралось воображение? Казалось невероятным, чтобы эта привлекательная женщина, лидер коммуны, едва познакомившись с ним, выбрала его... Но она еще не выбрала, она просто находилась в процессе исследования. Он проходил испытание и пока что не преуспел. В нем пробудилась гордость — подлинное чувство, окрасившее холодное, рациональное понимание, существовавшее минутой раньше. Ее искажающая сила немедленно дала о себе знать. Он сразу же захотел победить, быть выбранным, несмотря на риск. При этом он не чувствовал ни любви, ни сексуального влечения к ней. Слишком рано. Все, что было затронуто, — гордость и желание не быть отвергнутым.

Это судьба, думал он и удивлялся, до чего же он примитивно устроен. Его мозг работал на низшем уровне, не выше уровня морской звезды; один-два рефлекса — и все.

— Послушайте, — спросил он, — где этот ваш Триз?

Теперь он шел впереди нее, сосредоточенно вглядываясь в хребет, поросший деревьями и цветами. В зеленой ложбинке он увидел гриб и сразу же направился туда.

— Посмотрите, — сказал он, — его называют лесным цыпленком. Очень вкусный гриб. И редко встречается.

Подойдя ближе, Бонни Келлер нагнулась к грибу, и Барнс на мгновение увидел ее обнаженные бледные колени, когда она присела на траву.

— Вы собираетесь срезать его, — спросила она, — и унести домой в качестве трофея?

— Я действительно унесу его, — ответил он, — но не как трофей. Просто для того, чтобы бросить на сковородку с кусочком жареной говядины.

Ее темные красивые глаза пристально наблюдали за ним. Она сидела, откинув назад волосы, и, казалось, собиралась заговорить, но не произнесла ни слова. Наконец ему стало неудобно; очевидно, она ждала от него чего-то, и ему пришла в голову отрезвляющая догадка, что от него ждут не слов, а действий.

Они смотрели друг на друга, и сейчас Бонни тоже выглядела испуганной, как будто ей передались его чувства. Никто из них не двигался, каждый сидел и ждал, когда другой сделает первый шаг. У него появилось неожиданное предчувствие, что, если он коснется ее, она либо даст ему пощечину, либо убежит... и последствия будут самыми катастрофическими. Она могла... Господи, они же убили своего прежнего учителя! Неожиданное и убедительное предположение пришло ему в голову — МОГЛО ВЕДЬ БЫТЬ И ТАК: Бонни завела интрижку с мистером Остуриасом, а тот угрожал рассказать все ее мужу? Или что-то подобное... Неужели здесь таится опасность? И если да, то к черту мою гордость: мне этого не надо.

Бонни сказала:

— А вот и Джек Триз.

С хребта спускалась собака-мутант, претендующая на умение говорить, а вслед за ней шел человек с осунувшимся лицом, сутулый, с круглыми, наклоненными вперед плечами. На нем был потрепанный плащ, городской пиджак и грязные серо-голубые брюки. Никоим образом он не походил на фермера. Он выглядит, думал мистер Барнс, как пожилой клерк страховой компании, проблуждавший в лесу месяц или около того. Заросший черной щетиной подбородок неприятно контрастировал с неестественно белой кожей. Мистер Барнс немедленно ощутил неприязнь к мистеру Тризу. Но только ли внешность была тому причиной? Боже мой, сколько он перевидал искалеченных, обожженных, раненых и умирающих людей и животных за последние годы... нет, его реакция на мистера Триза основывалась, пожалуй, на свойственной тому неуклюжей походке. Так мог идти только очень больной человек, человек больной в известном смысле, каких Барнс никогда не видел.

— Привет, — сказала Бонни, поднявшись на ноги.

Собака подпрыгнула, ведя себя сейчас более по-собачьи.

— Я — Барнс, новый школьный учитель, — сказал Барнс, тоже поднимаясь и протягивая руку.

— Я — Триз, — сказал больной человек, также протягивая руку. Пожимая ее, Барнс ощутил, что она неожиданно влажная. Было трудно, если не невозможно, удержать такую руку — и он сразу же выпустил ее.

Бонни сказала:

— Джек, мистер Барнс — авторитет по части подрезания хвостов у овец, когда они становятся взрослыми и возрастает опасность столбняка.

— Понимаю, — кивнул Триз. Но, казалось, он кивал автоматически. Казалось, на самом деле он ничего не понимал и ни о чем не заботился. Наклонившись, он похлопал собаку по спине и сказал, будто обучая ее: — Барнс.

Собака простонала:

— Брн-н-э.

Она тявкнула, выжидательно глядя на хозяина.

— Правильно, — сказал мистер Триз, улыбаясь и демонстрируя полное отсутствие зубов, голые десны.

Даже хуже, чем у меня, подумал Барнс. Должно быть, этот человек находился внизу, около Сан-Франциско, когда упала большая бомба. Или, как в моем случае, все дело в недостаточном питании. Как бы то ни было, он старался не смотреть на мистера Триза и отошел, засунув руки в карманы.

— У вас много земли, — сказал он через плечо, — в какой юридической конторе вы оформляли право на нее? В округе Марин?

— Я ничего не оформлял, — сказал мистер Триз, — я просто использую ее. Совет граждан Вест-Марина разрешает мне это, благодаря любезности Бонни.

— Симпатичная собака, — сказал Барнс, повернувшись, — она действительно может говорить, она четко произнесла мое имя.

— Скажи «добрый день» мистеру Барнсу, — приказал мистер Триз.

Собака застонала, затем проскрипела:

— Дбр-р-р д-н-н м-р-р брн-н-э...

Она снова засопела, наблюдая за Барнсом. Тот вздохнул про себя, а вслух сказал собаке:

— Просто великолепно.

Та взвизгнула от радости и запрыгала вокруг него.

От этого мистер Барнс почувствовал к ней некоторую симпатию. Действительно, замечательный шаг вперед. Однако собака отпугивала его, так же как и сам мистер Триз. У них обоих имелось какое-то особенное, неестественное свойство, как будто жизнь в лесу, в изоляции, отрезала их от нормального мира. Они не одичали, не скатились к чему-нибудь, напоминающему варварство. Они были всего лишь очевидно неестественны. Они просто не нравились ему.

Но Бонни ему нравилась, и ему было интересно: какого черта она связалась с таким уродом, как Триз. Неужели то, что он владел таким количеством овец, придавало ему вес в маленькой коммуне? Или здесь было нечто большее, что-то, могущее объяснить попытку бывшего — ныне мертвого — учителя убить мистера Триза?

Любопытство Барнса росло. Возможно, это был тот же самый инстинкт, который появлялся, когда он находил новый вид грибов и чувствовал настоятельную потребность определить, узнать точно, к какому виду они принадлежат. Не очень лестно для мистера Триза, ехидно подумал Барнс, сравнение с каким-то грибом. Но это была чистая правда, именно такое чувство он испытывал к ним обоим — к хозяину и его странной собаке.

Мистер Триз спросил у Бонни:

— Ваша малышка не с вами сегодня?

— Нет, — ответила Бонни, — она немножко нездорова.

— Что-нибудь серьезное? — хрипло спросил мистер Триз. Он выглядел озабоченным.

— Боль в животе. Сколько я помню, Эди время от времени жалуется на нее... Боль нарастает и усиливается. Возможно, это аппендицит, но операция в наши дни слишком опасна... — Бонни замолкла на полуслове, затем повернулась к Барнсу: — Моя маленькая дочка, вы еще не видели ее... она любит эту собаку, Терри. Они с ней — добрые друзья и болтают целыми часами, когда мы здесь.

Мистер Триз сказал:

— Она и ее брат.

— Послушайте, — сказала Бонни, — мне это осточертело. Я просто заболеваю. Я уже приказала Эди прекратить свои выдумки. Потому-то я и рада, когда она приходит сюда и играет с Терри. У девочки должны быть настоящие товарищи по играм, иначе она станет интравертом, живущим в мире иллюзий. Вы ведь учитель, мистер Барнс, согласитесь, что ребенок должен опираться на реальность, а не на фантазию...

— В наши дни, — задумчиво сказал Барнс, — я могу понять ребенка, ушедшего в мир фантазий... трудно винить его за это. Возможно, нам всем следовало бы так поступить...

Он улыбнулся, но ни Бонни, ни мистер Триз не ответили на улыбку.

Бруно Блуттельд ни на мгновение не отводил взгляда от нового учителя — если этот невысокий молодой человек, одетый в брюки защитного цвета и рабочую рубашку, действительно был учителем, как сказала Бонни.

Он пришел за мной? — спросил себя Блуттельд. Как предыдущий?.. Думаю, да. И Бонни привела его сюда... значит, даже она — на их стороне? Против меня?

Не верю, подумал он. После всех этих лет. Ведь именно Бонни разоблачила настоящую цель прихода мистера Остуриаса в Вест-Марин. Бонни спасла Блуттельда, и он был благодарен ей. Если бы не она, его сейчас не было бы в живых, и он никогда не забывал этого. Так что, может быть, мистер Барнс действительно был тем, кем он назвался, и волноваться не о чем. Блуттельд вздохнул немного свободнее. Он успокоился и уже предвкушал, как покажет Барнсу новорожденных суффолкских ягнят.

Но рано или поздно, сказал он себе, кто-нибудь выследит меня и убьет. Вопрос только во времени. Они все ненавидят меня и никогда не оставят в покое. Мир все еще разыскивает человека, ответственного за то, что случилось, и я не могу винить их. Они имеют на это право. Все-таки именно я несу на своих плечах груз ответственности за смерть миллионов, потерю трех четвертей населения земного шара — и они, и я помним об этом. Только Бог имеет власть простить и забыть такое чудовищное преступление против человечества.

Он думал: не я причина смерти мистера Остуриаса. Я позволил бы ему уничтожить меня. Но Бонни и другие... они так решили. Они — потому что я не могу больше принимать решения. Бог не дозволяет мне этого. Сейчас мое дело — жить здесь, пасти моих овец и ждать ТОГО, КТО ПРИДЕТ, человека, назначенного, чтобы произвести последний суд. Мстителя от лица мира.

Когда он придет? — спросил себя Блуттельд. — Скоро? Я жду много лет. Я устал... надеюсь, что мне осталось недолго ждать.

Мистер Барнс говорил:

— Кем вы были, мистер Триз, до того, как стали овцеводом?

— Физиком-атомщиком, — ответил Блуттельд.

Бонни поспешно сказала:

— Джек был преподавателем физики. В институте. Не здесь, конечно.

— Преподаватель, — сказал мистер Барнс, — тогда у нас много общего.

Он улыбнулся доктору Блуттельду, и Блуттельд автоматически улыбнулся ему в ответ. Бонни нервно наблюдала за ними, стиснув руки, будто бы боясь, что может произойти что-то ужасное.

— Мы должны чаще видеться, — сказал Блуттельд, угрюмо кивая, — мы должны общаться.

Глава 9

Когда Стюарт Макконти вернулся в Ист-Бэй из своего путешествия на юг полуострова Сан-Франциско, он обнаружил, что кто-то — скорее всего, ветераны, живущие под пирсом, — убил и съел Эдварда Принца Уэльского. Остались скелет, ноги и голова — все, что не

представляло ценности ни для него, ни для кого-нибудь другого. Стюарт растерянно стоял возле лошадиных останков. Да, поездка оказалась дороговатой. Кроме того, он еще и опоздал: фермер уже распродал все электронные детали советской ракеты по пенни за штуку.

Без сомнения, мистер Харди заведет другого коня, но Стюарт любил Эдварда Принца Уэльского. К тому же неразумно убивать лошадей для еды, потому что без них не обойтись при решении других жизненно важных проблем. Лошади стали сейчас основным транспортным средством, потому что дерево было сожжено в погребах людьми, спасавшимися от холода, и использовано в автомобилях с дровяными моторами. Именно лошади оказались главным источником силы в отсутствии электричества. Они были незаменимы при восстановительных работах. Нелепость гибели Эдварда Принца Уэльского сводила Стюарта с ума. Дикость, варварство — именно то, к чему они боялись скатиться. Случившееся было анархией — прямо в центре города, в деловой части Окленда, средь бела дня. Такого можно было ожидать разве что от красных китайцев.

Теперь он медленно брел по направлению к авеню Сан-Пабло. Солнце клонилось к закату — великолепному и яркому, к какому они привыкли за годы, прошедшие после Катастрофы. Стюарт едва замечал его. Может, мне стоит заняться чем-нибудь другим, сказал он себе. Маленькие ловушки для животных — это средство к существованию, но перспектив никаких. Я хочу сказать: разве можно стать кем-то, занимаясь таким бизнесом?

Потеря Эдварда Принца Уэльского повергла его в уныние. Он шел, смотря себе под ноги на разбитый, поросший травой тротуар. Путь его лежал мимо груд щебня, когда-то бывших зданиями фабрик. Из норы в развалинах за ним жадно наблюдало какое-то существо, которое, мрачно предположил он, следовало бы повесить за задние ноги, предварительно содрав шкуру.

Теперь понятно, почему Хоппи решил, что его видения относятся к загробному миру. Развалины, мерцающая бледность туманного неба... голодные глаза, неотрывно следящие за Стюартом, прикидывающие, стоит ли нападать. Наклонившись, Стюарт поднял острый обломок неизвестного вещества, комок органики и неорганики, склеенный какой-то белой слизью. Обитатель развалин превратил часть щебня вокруг себя в эмульсию для каких-то своих целей. Замечательное, должно быть, животное, думал Стюарт. Но что с того? Мир вполне обошелся бы без этих замечательных неупорядоченных жизненных форм, вылезших на свет Божий за последние годы.

Я тоже эволюционировал, сказал он, повернувшись в первый и последний раз лицом к неизвестному существу, опасаясь, что оно увяжется за ним. Я соображаю быстрее, чем раньше, я достойный противник — так что вали отсюда!

Видимо, неизвестное существо согласилось. Оно даже не вылезло из норы.

Да, я эволюционировал, думал он, но остался таким же сентиментальным. Потому что по-настоящему горюю о своем коне. Чтоб они сдохли, эти ветераны-преступники, сказал он себе. Наверное, набросились на Эдварда всей толпой, как только мы отплыли. Если бы я мог уехать из этого города в провинцию, где нет такой жестокости и варварства. Именно так поступил после Катастрофы психиатр доктор Стокстилл. Он сразу же уехал из Ист-Бэя, я видел его отъезд. Умный человек — он не пытался вернуться в старую колею, начать все сначала на том же месте, как я.

Я хочу сказать, думал Стюарт, что нахожусь сейчас не в лучшем положении, чем до проклятой Катастрофы. Тогда я продавал телевизоры, сейчас — электронные ловушки. Какая разница? Одно другого не лучше. Фактически я качусь под гору.

Чтобы поднять настроение, он вынул одну из оставшихся сигарет «Золотой ярлык» Эндрю Джилла и закурил.

Целый день, понял он, потрачен зря на охоту за химерами на той стороне залива. Через два часа будет темно, и он отправится спать в подвальную комнатенку, обитую кошачьими шкурками, которую мистер Харди сдавал ему за доллар серебром в месяц. Конечно, он может зажечь лампу, заправленную жиром; зажечь ее ненадолго и почитать книгу или часть книги — его библиотека состояла в основном просто из отрывков, остальные части книг погибли или были потеряны. Или он мог пойти к старикам Харди послушать вечернюю передачу с сателлита.

В конце концов, с одного из передатчиков в трущобах Западного Ричмонда ему только что удалось послать Дангерфильду просьбу исполнить «Танцы сегодня вечером», любимую старомодную песенку, которую он помнил с детства. Неизвестно, найдется ли она на миллионах миль магнитофонной пленки в фонотеке сателлита, поэтому, может быть, Стюарт ждал напрасно.

Он шел и напевал про себя:

Ах, что за новости я слышал:
Сегодня танцы вечерком.
Такие новости, ей-богу —
Танцы вечерком!
Что ж, себя я парнем настоящим покажу,
Я свою девочку обниму и закружу...

На его глазах выступили слезы, когда он вспомнил старомодную песенку из той, прошлой жизни. Сейчас все ушло, сказал он себе. Все «заблутгельдело», как говорится. И что нам осталось взамен? Крыса, играющая на носовой флейте... да и той уже нет. У него была еще одна любимая старинная песенка: о человеке с ножом. Он попытался вспом-

нить, о чем в ней пелось. Что-то про акульи зубы... острые акульи зубы. Слишком смутно, никак не вспомнить... Мать Стюарта ставила для него пластинку, и человек с медовым голосом пел эту песенку — и было так прекрасно.

Держу пари, что никакой крысе так не сыграть, сказал он себе. Даже через миллион лет. Я хочу сказать, что сейчас это практически сакральная музыка. Она из нашего священного прошлого, которое не сможет разделить с нами ни одно замечательное животное, и ни один мутант. Прошлое принадлежит только нам, настоящим человеческим существам. Я хотел бы (эта идея воодушевила его) обладать способностями Хоппи. Я хотел бы уметь впадать в транс, но не для того, чтобы смотреть вперед, как он, — я хочу смотреть НАЗАД.

Если Хоппи жив, может ли он по-прежнему делать так? Пытается ли? Интересно, где он, этот провидец? Да, вот кем он был — провидцем. Первый фок. Держу пари, что он спасся. Возможно, он убежал к китайцам, когда они высадили десант на севере.

Я бы вернулся, решил он, к тому первому моменту, когда встретил Джима Фергюссона, когда искал работу, а для негра все еще трудно было найти работу, связанную с обслуживанием людей. В чем Фергюссону не откажешь, так это в полном отсутствии любых предрассудков. Я помню этот день. Я продавал алюминиевые кастрюли, ходил по домам, а потом нашел другую работу, но там тоже надо было ходить из дома в дом. Боже мой, понял Стюарт, ведь моя первая настоящая работа была у Джима Фергюссона, потому что не считать же настоящей работу мелким «комми».

Думая о Джиме Фергюссоне, мертвом с того самого дня, когда упала бомба, он вышел на авеню Сан-Пабло с маленькими, понатыканными вдоль нее магазинчиками, в которых продавалось все — от вешалок для пальто до сена. Один из них, находящийся поблизости, был предприятием «Гомеостатические ловушки Харди», и Стюарт направился туда.

Когда Стюарт вошел, мистер Харди, сидевший за монтажным столом в глубине магазина под яркой дуговой лампой, оторвался от работы и взглянул на него. Все вокруг было завалено электронными деталями, которые мистер Харди насобирал в разных уголках Северной Калифорнии, в том числе в руинах Ливермора. Харди завел знакомство с некоторыми государственными служащими, и они позволяли ему копаться там, в запретной зоне.

Когда-то Дин Харди работал инженером на радиостанции в деловой части Окленда. Сухощавый пожилой человек с тихим голосом, он носил зеленый джемпер и галстук — это сейчас-то, когда любой галстук казался чудом. Своими седыми курчавыми волосами он напоминал Стюарту безбородого Санта-Клауса с притворно строгим

лицом и озорным юмором. По своим физическим данным мистер Харди был невелик и весил только 120 фунтов, но нрав у него был горячий, и Стюарт уважал его. Харди было около шестидесяти, и во многих отношениях он заменил Стюарту отца. Настоящий отец Стюарта, умерший после Катастрофы 1972 года, служил агентом страховой компании — тихий человек, также носивший галстук и джемпер, — но без жесткости Харди, без его взрывов темперамента. Может, они и были, но Стюарт при них никогда не присутствовал или не помнил их.

И Дин Харди походил также на Джима Фергюссона.

Это больше, чем любая другая причина, повлияло на приход Стюарта к Харди три года назад. Он сознавал это, он не отрицал и не хотел отрицать этого. Он потерял Джима Фергюссона, и его тянуло к кому-то, похожему на него.

Он сказал мистеру Харди:

— Эдварда съели, — и присел на стул у дверей.

Сразу же из жилой части дома, оторвавшись от приготовления обеда, появилась Элла Харди, жена его нанимателя.

— Ты ОСТАВИЛ коня без присмотра?

— Да, — признался он.

Грузная, разъяренная женщина смотрела на него с негодованием.

— Я думал, — оправдывался Стюарт, — что на общественном грузовом пирсе Окленда он будет в безопасности. Там есть чиновник...

— Обычный случай, — устало сказал мистер Харди. — Подонки. Должно быть, это те ветераны, которые живут в норах под пирсом. Хоть бы кто-нибудь бросил туда бомбу с цианистым калием. Они гнездятся там сотнями. А где автомобиль? Полагаю, тебе пришлось оставить его?

— Простите, — сказал Стюарт.

Миссис Харди язвительно заметила:

— Эдвард стоил 85 серебряных американских долларов. Недельная выручка, между прочим.

— Я верну деньги, — твердо сказал Стюарт.

— Не беспокойся, — вмешался мистер Харди, — у нас есть еще лошади при магазине в Оринде. А электронику ты привез?

— Не повезло, — сказал Стюарт, — когда я приехал, все уже разобрали. Вот только... — Он вынул из кармана горсть транзисторов. — Фермер отвернулся, и я подобрал их бесплатно. Не знаю, сгодятся ли они на что-нибудь... — Он положил транзисторы на монтажный стол: — Для путешествия, занявшего целый день, — немного.

Он чувствовал себя более мрачным, чем всегда.

Не сказав ни слова, Элла Харди вернулась на кухню и задернула за собой занавеску.

— Не хочешь ли пообедать с нами? — спросил Харди, выключая лампу и снимая очки.

— Нет, — ответил Стюарт, — мне как-то не по себе. Я очень расстроился, когда вернулся и увидел, что Эдварда съели.

Он бесцельно кружил по магазину. Наша связь с животными, думал он, сейчас стала другой. Она много теснее, нет той пропасти, которая разделяла нас раньше.

— Там, на другой стороне залива, — сказал он, — я видел нечто такое, чего еще никогда не видел. Летающие животные, похожие на летучих мышей, но не мыши. Больше похожи на ласку, очень худые и длинные, с большой головой. Их называют «томми», потому что они парят перед окнами и подглядывают, как Том-портной[1].

Харди сказал:

— Это белки. Я видел таких. — Он откинулся на стуле и ослабил галстук. — Они произошли от белок парка Золотые Ворота. — Он зевнул. — Однажды я разработал план использования их в качестве посыльных — теоретически, конечно. Они могут парить, летать или что они там проделывают — на расстояние около мили. Но они слишком дикие. Я отказался от своего плана после того, как поймал одну такую, — он показал Стюарту правую руку. — Видишь, у меня на пальце шрам. Его оставила белка-«томми».

— Человек, с которым я разговорился, сказал, что они очень вкусные. Как цыплята былых времен. Их продают в забегаловках в деловой части Сан-Франциско. Там есть старушки, продающие их за четверть доллара уже приготовленными, горячими и очень свежими.

— И не пытайся пробовать, — сказал Харди, — многие из них ядовиты. Должно быть, из-за того, чем они питаются.

— Харди, — неожиданно сказал Стюарт, — я хочу уйти из города в деревню.

Его наниматель пристально посмотрел на него.

— Слишком здесь много жестокости, — пояснил Стюарт.

— Жестокости везде много.

— Нет, если уйти от города подальше, скажем миль на пятьдесят или сто.

— Но там трудно найти работу.

— А вы продавали какие-нибудь ловушки в деревне? — спросил Стюарт.

— Нет.

— А почему?

— Животные-мутанты живут в городах, в развалинах. Ты ведь знаешь это, Стюарт. Ты витаешь в облаках. Деревня бесплодна, там нет потока идей, которые посещают тебя в городе. Там ничего не происходит — люди потихоньку фермерствуют да слушают сателлит. Кроме того, в деревне ты рискуешь столкнуться с предубеж-

---

[1] Том-портной — чересчур любопытный человек. Герой легенды о леди Годиве, пораженный слепотой за подглядывание.

дениями против негров. Они там вернулись к старым расовым предрассудкам.

Харди снова надел очки, включил лампу и занялся сборкой стоящей перед ним ловушки.

— Это один из величайших мифов: превосходство деревни над городом. Я уверен, что ты вернешься назад через неделю.

— Мне бы хотелось взять несколько видов ловушек и отправиться, скажем, в окрестности Напы, — настаивал Стюарт. — Может быть, добраться до долины Сент-Эллен. Их можно было бы обменять на вино. Насколько я знаю, там выращивают виноград, как прежде.

— Но вкус не тот, не тот, — сказал Харди. — Земля оскудела. Вино теперь... — Он скривился. — Тебе его следовало бы попробовать. Я не могу описать тебе его, но оно ужасно. Отвратительно.

Оба они замолчали.

— Тем не менее его пьют, — сказал Стюарт. — Я видел в городе. Его привозят на старых грузовиках с дровяными моторами.

— Конечно. Люди готовы сейчас пить любую дрянь, которую могут достать. И ты так поступаешь, и я.

Мистер Харди поднял голову и посмотрел на Стюарта.

— Ты знаешь, кто делает настоящую выпивку? Я имею в виду такую, которую не отличить от довоенной?

— В районе заливов — никто.

— Эндрю Джилл, табачный эксперт, — сказал Харди.

— Не может быть... — У Стюарта перехватило дыхание, он внимательно слушал.

— Ох, он делает немного. Я видел только одну бутылку, где-то 0,7 литра бренди. Я отпил из нее большой глоток. — Харди плутовато улыбнулся. — Тебе бы оно понравилось.

— Сколько Джилл берет за нее? — Стюарт попытался заставить свой голос звучать естественно.

— Больше, чем ты можешь заплатить.

— И оно на вкус такое же?.. Как ДОВОЕННОЕ?..

Харди рассмеялся и вернулся к сборке ловушки.

— Совершенно такое же.

Интересно, какой он, этот Эндрю Джилл, спросил себя Стюарт. Солидный, может быть, с бородой, в жилете... у него трость с серебряным набалдашником; гигант с волнистыми снежно-белыми волосами, моноклем... — я могу нарисовать его. Возможно, он управляет «ягуаром», переделанным, конечно, под дровяное топливо, но все еще большим, мощным, с комфортабельным салоном.

Увидев выражение лица Стюарта, Харди наклонился к нему:

— Могу сказать тебе, что он еще продает.

— Английские вересковые курительные трубки?

— Да, и это, — Харди понизил голос. — Картинки с девушками. В красивых позах... ты понимаешь...

— Господи, — разволновался Стюарт. Для него это было слишком много. — Просто не верится...

— Чистая правда. Настоящие довоенные календари и открытки с девушками начиная с 1950 года. Они, конечно, стоят целое состояние. Я слышал, как тысяча серебряных долларов перешла из рук в руки в качестве платы за календарь «Плэйбоя» 1962 года. Говорят, это случилось где-то далеко на востоке, в Неваде.

Теперь уже и Харди задумчиво глядел в пространство, забыв о ловушке.

— Там, где я работал, когда упала бомба, — сказал Стюарт, — в «Модерн ТВ», у нас в отделе обслуживания, внизу, было множество календарей с девушками. Конечно, они все сгорели. — По крайней мере, так он всегда предполагал. — Допустим, кто-то шарит в каких-нибудь руинах, — продолжил Стюарт, — и натыкается на склад, полный календарей с девушками. Можете себе представить? — Его фантазия разыгралась. — Сколько можно за них выручить? Миллионы? Тот счастливчик может обменять их на настоящее поместье, приобрести целый округ.

— Это точно, — кивнул Харди.

— Я хочу сказать, что он будет жить припеваючи до конца своих дней. Правда, на востоке, в Японии, делают календари, но они плохие.

— Видел, — согласился Харди, — грубая работа. Умение делать такие календари пришло в упадок, предано забвению. Это искусство умерло. Может быть, навсегда.

— Вы разве не думаете, что так произошло из-за того, что больше нет девушек, которые бы классно выглядели? — спросил Стюарт. — Все они сейчас костлявые и беззубые. У большинства — шрамы от ожогов... Какой календарь можно сделать с беззубой девушкой?

Харди сказал лукаво:

— Думаю, девушки существуют. Не знаю где — может быть, в Швеции или в Норвегии, может быть, в таких забытых Богом местах, как Соломоновы острова. Я убежден в этом, так рассказывают моряки. Но не в США, Европе, России или Китае — ни в одном из пораженных мест — тут я с тобой согласен.

— А если найти их? — предложил Стюарт. — И открыть дело?

После некоторого размышления Харди сказал:

— Нет пленки. Нет химикатов для ее обработки. Большинство хороших камер разбито или потеряно. Нет способа размножить календари в большом количестве. Если бы можно было их напечатать...

— Но если кто-нибудь найдет девушку без ожогов и с хорошими зубами, такую, как до войны...

— Скажу тебе, — ответил Харди, — что сейчас может быть самым лучшим бизнесом. Я много думал об этом. — Он сосредоточенно всматривался в лицо Стюарта. — Иголки для швейных машин. Ты

можешь назначать свою собственную цену, ты можешь получить все, что угодно.

Стюарт вскочил и, жестикулируя, забегал по магазину.

— Послушайте. Я возлагаю большие надежды на наше время. Я не хочу больше связываться с торговлей — я сыт ею по горло. Я продавал алюминиевые кастрюли и сковородки, справочники и телевизоры, а сейчас — электронные ловушки. Это хорошие ловушки, и они нужны людям, но я чувствую — что-то еще должно быть для меня.

Харди неодобрительно нахмурился.

— Не обижайтесь, — продолжал Стюарт, — но я хочу подняться. Я ДОЛЖЕН — либо вы растете, либо выдыхаетесь, как откупоренное вино. Война отбросила меня, как и всех нас, на годы назад. Я очутился почти там, где и начинал, и в этом нет ничего хорошего.

Харди спросил, почесав переносицу:

— Что ты задумал?

— Может быть, я смогу найти картофель-мутант, который накормит весь мир.

— Одна картофелина?

— Я имею в виду сорт картофеля. Может быть, я смогу стать растениеводом, как Лютер Бербанк. Должны ведь существовать миллионы переродившихся растений, растущих повсюду в сельской местности, подобно тому, как в городах живут животные-мутанты и люди-уроды.

Харди сказал:

— Что ж, может, ты и найдешь разумную фасоль.

— Я не шучу, — тихо сказал Стюарт.

Они молча смотрели друг на друга.

— Мы служим человечеству, — заговорил наконец Харди, — делая гомеостатические ловушки, которые уничтожают мутантов — кошек, собак, крыс и белок. Я думаю, что ты мыслишь по-детски. Может быть, твоего коня и съели, пока ты был на юге Сан-Франциско, но...

В комнату вошла Элла Харди и сказала:

— Обед готов, и я хотела бы подать его горячим. Это запеченная голова трески с рисом, и я три часа простояла за ней в очереди.

Мужчины встали, Харди спросил Стюарта:

— Поужинаешь с нами?

При мысли о запеченной рыбьей голове у Стюарта потекли слюнки. Он не смог сказать «нет» и, кивнув, последовал за мистером Харди в маленькую кухню, совмещенную со столовой, позади магазина. Целый месяц прошел с тех пор, как он пробовал рыбу. В заливе ее уже почти не осталось — большинство косяков было уничтожено и уже невосстановимо. Пойманная рыба часто оказывалась радиоактивной. Но людям было все равно, они научились кое-как есть ее. Люди сейчас могли есть почти все, от этого зависела их жизнь.

Маленькая дочка Келлеров дрожала, сидя на столе, где доктор Стокстилл осматривал ее. Ее бледное, щуплое тельце напомнило доктору сценку, которую он видел по телевизору давным-давно, еще до войны. Испанский чревовещатель «озвучивал» курицу... та снесла яйцо.

— Сын мой, — говорила она, глядя на яйцо.

— Ты уверена? — спрашивал чревовещатель. — Не дочь?

И курица важно отвечала:

— Я знаю свое дело.

Этот ребенок был дочерью Бонни Келлер, но, думал доктор Стокстилл, не Джорджа Келлера. Я уверен в этом... я знаю свое дело. С кем связалась Бонни семь лет назад? Судя по всему, ребенка должны были зачать в первые дни войны. Но не раньше, чем упала первая бомба, — это ясно. Возможно, в тот же самый день, размышлял он. Так похоже на Бонни — падают бомбы, миру приходит конец, а она мчится, чтобы успеть на мгновение слиться в бешеном любовном содрогании с кем угодно, может быть с человеком, которого она даже не знает, с первым встречным... и вот сейчас...

Ребенок улыбнулся, и доктор улыбнулся ему в ответ. На первый взгляд Эди Келлер казалась обычной девочкой, она вроде бы не имела никаких отклонений от нормы. Как бы он хотел, черт возьми, иметь рентгеновский аппарат. Потому что...

Он сказал громко:

— Расскажи мне еще о своем брате.

— Ну, — сказала Эди тихим, мягким голоском, — я говорю с моим братом все время, иногда он отвечает, но чаще спит. Он спит почти все время.

— А сейчас он спит?

Девочка помолчала мгновение.

— Нет, он проснулся.

Встав и склонившись над ней, доктор Стокстилл сказал:

— Я хочу, чтобы ты точно показала мне, где он находится.

Девочка указала на левый бок. В районе аппендикса, думал доктор. Боль была там. Поэтому ребенка и привели к нему; Бонни и Джордж стали беспокоиться. Они знали о «брате», но считали его воображаемым сверстником, товарищем по играм, компаньоном своей маленькой дочери. Доктор и сам считал так сначала; в медкарте не упоминалось ни о каком брате, и все же Эди говорила о нем. Билл был такого же точно возраста, как и девочка. И он родился, сказала доктору Эди, в то же самое время, что и она.

— Почему ты так уверена? — спросил доктор, начав осматривать ее. Он отослал в другую комнату родителей, потому что ему казалось, что девочка не хотела говорить при них откровенно.

Эди ответила в своей спокойной, важной манере:

— Потому что он мой брат-близнец. Как бы еще он смог оказаться внутри меня?

Она говорила авторитетно и уверенно; как и курица испанского чревовещателя, она тоже знала свое дело.

За годы, прошедшие с начала войны, доктору Стокстиллу пришлось осмотреть сотни и сотни мутантов, множество странных и экзотических вариантов жизненных форм человека, которые теперь пышно расцвели под гораздо более терпимым, хотя и затянутым дымкой, небом. Доктора трудно было шокировать. И все-таки — девочка, брат которой жил внутри ее тела, в паховой области... В течение семи лет Билл Келлер пребывал там, и доктор Стокстилл, слушая Эди, верил ей. Он знал, что такое возможно. Это был не первый случай такого рода. Если бы у него была рентгеновская установка, он смог бы увидеть крошечную сморщенную тень, может быть не больше крольчонка. Действительно, он чувствовал рукой очертания... он прикоснулся к ее боку, осторожно ощупывая кругом плотную, похожую на кисту опухоль. Голова в нормальной позиции, тело полностью внутри брюшной полости, конечности и все остальное. Когда-нибудь, когда она умрет, те, кто вскроют ее тело для проведения аутопсии, найдут маленькую сморщившуюся мужскую фигурку, может быть, со снежно-белой бородой и невидящими глазами... ее брата, все еще не больше крольчонка.

Все это время Билл в основном спал, но иногда он и его сестра разговаривали. Что мог сказать Билл? Что он мог знать?

На этот вопрос Эди ответила:

— Ну, он не так уж много знает. Он ничего не видит, но он думает. И я рассказываю ему, что происходит, поэтому он ничего не пропускает.

— Чем он интересуется? — спросил Стокстилл, закончив обследование. Большего с имеющимся у него скудным инструментом и доступными ему процедурами он сделать не мог. Слова ребенка подтвердились, это уже кое-что, но ни увидеть эмбрион, ни рассмотреть вопрос о его удалении он не мог. О последнем не могло быть и речи, какой бы желательной ни казалась операция.

Эди подумала и ответила:

— Ну, он... ему нравится слушать о еде.

— Еда! — завороженно сказал доктор Стокстилл.

— Да. Он не ест, вы понимаете. Ему нравится, когда я снова и снова рассказываю ему, что я ела на обед, потому что он питается через... Думаю, он каким-то образом ест. Он ведь должен есть, чтобы жить?

— Да, — согласился Стокстилл.

— Он получает пищу от меня, — сказала Эди, надевая и медленно застегивая блузку. — И он хочет знать, какая она. Ему особенно нравится, когда я ем яблоки или апельсины. И еще он любит слушать рассказы. Он всегда с удовольствием слушает рассказы о разных других местах, особенно о таких далеких, как Нью-Йорк. Моя мама рас-

сказывала мне о Нью-Йорке, а я рассказала ему; он хочет попасть туда когда-нибудь и посмотреть, на что он похож, Нью-Йорк.

— Но Билл не может видеть.

— Зато я могу, — заметила Эди. — Это почти одно и то же.

— Наверное, ты хорошо заботишься о нем, — сказал глубоко растроганный Стокстилл.

Для девочки ситуация была нормальной; она жила таким образом всю свою жизнь и не знала другого существования. Нет ничего, в очередной раз понял доктор, что было бы «противно природе»; это логически невозможно. В известном смысле, не существует никаких мутантов, никаких отклонений от нормы, кроме статистических. Вот и данная ситуация непривычна, но не стоит ужасаться. На самом деле она сможет сделать нас счастливыми. Жизнь хороша на все сто, — а это одна из форм, которые она принимает. И нет в этом особенной боли, нет жестокости или страдания. На самом деле есть только забота и нежность.

— Я боюсь, — неожиданно сказала девочка, — что он может когда-нибудь умереть.

— Не думаю, — успокоил ее Стокстилл. — Скорее всего, он просто вырастет — и тут-то могут возникнуть сложности: он станет слишком тяжел для твоего тела.

— Что тогда будет? — Эди смотрела на доктора большими темными глазами. — Он родится?

— Нет, — сказал Стокстилл, — таким путем он наружу не выйдет, его придется удалять хирургически. Но он не выживет. Единственно возможный способ его существования — такой, как сейчас, внутри тебя. — Паразитический, подумал он, но вслух не произнес. — Будем беспокоиться об этом, когда наступит время, — сказал он, погладив ребенка по голове. — Если оно вообще наступит.

— Папа и мама не знают, — прошептала Эди.

— Я понимаю, — сказал Стокстилл.

— Я рассказывала им, но... — Эди засмеялась.

— Не беспокойся. Просто продолжай жить, как раньше. Это существо само позаботится о себе.

— Я рада, что у меня есть брат, — сказала Эди. — Благодаря ему я не одинока. Даже когда он спит, я могу чувствовать его и знаю, что он там. Как будто я ношу ребенка. Я не могу катать его в детской коляске, одевать его, но говорить с ним забавно. Например, я рассказываю ему о Милдред. Вы же знаете, — ребенок улыбнулся его неведению, — та девушка, которая все время возвращается к Филиппу и портит ему жизнь. Мы каждый вечер слушаем сателлит.

— Да, конечно.

Чтение Дангерфильдом книги Моэма. Жутко, думал доктор Стокстилл, паразит, набухающий в ее теле, в постоянной влажности и темноте, питающийся ее кровью, слышащий от нее неким невообразимым

способом вторичный пересказ знаменитого романа... это делает Билла Келлера частью нашей культуры. Он тоже ведет свое гротескное социальное существование. Бог знает, как он понимает эту историю, фантазирует ли о ней и о нашей жизни? Он МЕЧТАЕТ о нас?

Нагнувшись, доктор Стокстилл поцеловал девочку в лоб.

— Все в порядке, — сказал он, ведя ее к двери, — сейчас ты можешь идти. Я минутку поговорю с твоими родителями. В приемной есть несколько очень старых настоящих довоенных журналов, которые ты можешь полистать, если хочешь.

— А потом мы пойдем домой обедать, — сказала довольная Эди, открыв дверь в приемную.

Джордж и Бонни встали, на их лицах отразилось беспокойство.

— Войдите, — пригласил их Стокстилл и закрыл за ними дверь. — Никакого рака я не обнаружил. — Он обращался в основном к Бонни, которую так хорошо знал. — Опухоль, конечно, вырастет, но насколько — не могу сказать. Я бы посоветовал вам не беспокоиться. Возможно, к тому времени, когда она начнет причинять неудобства, наша хирургия настолько продвинется вперед, что сможет справиться с этим.

Келлеры вздохнули с облегчением. Они заметно переволновались.

— Вы можете свозить ее в университетский госпиталь в Сан-Франциско, — сказал Стокстилл. — Там делают несложные хирургические операции, но, если честно, на вашем месте я не стал бы этого делать.

Лучше вам не знать всей правды, думал он. Вам будет тяжело столкнуться с ней лицом к лицу, особенно вам, Бонни. Из-за обстоятельств, связанных с зачатием: так просто почувствовать себя виновной.

— Эди — здоровый, жизнерадостный ребенок, — сказал доктор Стокстилл, — оставьте все, как есть. У нее это с рождения.

— Да? — сказала Бонни. — А я раньше не понимала. Боюсь, я не слишком хорошая мать. Я так занята делами коммуны...

— Доктор, — прервал ее Джордж Келлер, — разрешите задать вам вопрос: Эди — особенный ребенок?

— Особенный? — Стокстилл осторожно взглянул на него.

— Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

— Вы хотите спросить, не мутант ли она?

Джордж побледнел, но сосредоточенное, непреклонное выражение его лица не изменилось: он ждал ответа. Стокстилл видел, что от этого человека общими рассуждениями не отделаешься.

Он сказал:

— Кажется, я понял, что вы имеете в виду. Почему, собственно, возник такой вопрос? Разве она необычно ведет себя? Необычно выглядит?

— Она выглядит совершенно нормально, — сказала Бонни. В порыве огорчения она крепко схватила за руку мужа, вцепилась в его рукав. — Что за чушь! Она совершенно нормальна. Иди к черту,

Джордж! Что это с тобой? Как можешь ты подозревать своего собственного ребенка? Тебе что — делать нечего?

— Существуют мутанты, которых не отличить от нормальных людей, — сказал Джордж Келлер. — Кроме того, я ведь вижу многих детей, я вижу всех наших детей и кое-что понимаю. Обычно подозрения оправдываются. От школы, как вы знаете, требуют отправлять любых детей-мутантов за пределы штата Калифорния для специального обучения. Поэтому...

— Я ухожу, — сказала Бонни. Она повернулась и пошла к двери. — Всего хорошего, доктор.

Стокстилл сказал:

— Подождите, Бонни.

— Мне не нравится этот разговор, — сказала Бонни, — в нем есть что-то болезненное. Вы оба больны. Доктор, если вы хоть как-нибудь намекнете, что она мутант, я никогда не буду с вами разговаривать. И с тобой тоже, Джордж. Честное слово.

Стокстилл сказал после некоторой паузы:

— Вы напрасно кипятитесь, Бонни. Я ни на что не намекаю, потому что здесь не на что намекать. У нее доброкачественная опухоль в брюшной полости — вот и все.

Он разозлился. Он чувствовал сильное желание швырнуть Бонни правду в лицо, она того заслуживала.

Но, подумал он, после того, как она почувствует себя виновной, после того, как она обвинит себя в том, что связалась с кем-то и зачала ненормального ребенка, она перенесет свое внимание на Эди. Она возненавидит ее. Она настоит на операции. Так бывает всегда. Этот ребенок — неявный укор родителям, воспоминание о том, что они сделали в прошлом или в первые моменты войны, когда каждый бежал своим собственным сумасшедшим путем, думая только о себе, едва успев понять, что произошло. Некоторые из нас убивали, чтобы выжить самим, некоторые просто бежали, некоторые вели себя по-дурацки... Бонни, без сомнения, была не в себе. Она дала себе волю. И такой же она осталась сейчас. Она поступит так снова, возможно, уже поступила. И совершенно сознательно.

Он снова задал себе вопрос: кто же отец ребенка?

Когда-нибудь я соберусь прямо спросить ее, решил он. Возможно, она сама не знает, и все случившееся в то время расплывается перед ней туманным пятном. Ужасные дни. Или для нее они оказались не столь ужасны? Может быть, это было прекрасно — она могла скинуть постромки, делать то, что хотела, ничего не боясь, потому что она, как и все мы, верила, ЧТО НИКТО ИЗ НАС НЕ ОСТАНЕТСЯ В ЖИВЫХ.

Бонни извлекла из этого максимум, понял он, как она всегда делает. Она получает от жизни все возможное в каждом непредвиденном случае. Хотел бы я быть тем, который... он чувствовал зависть, наблю-

дая, как она идет по комнате к своему ребенку. Хорошенькая нарядная женщина, она была сейчас так же привлекательна, как и десять лет назад: ущерб, причиненный нам, безличные изменения, коснувшиеся нас, — ничто, казалось, не отразилось на ней.

Кузнечик, играющий на скрипке. Это была Бонни. В разрушительной тьме войны с ее бесконечной перетасовкой форм жизни Бонни играла на скрипочке, вытягивая мотивчик радости, бодрости и беззаботности. И никакая действительность не могла убедить ее стать благоразумной. Счастливчики — люди, подобные Бонни, они сильнее, чем силы изменения и загнивания. Это именно то, чего она избежала, — наступавших сил распада. Крыша упала на нас, а не на Бонни.

Он вспомнил карикатуру в «Панче»...

Бонни прервала его размышления:

— Доктор, вы уже познакомились с новым учителем, Хэлом Барнсом?

— Нет, — сказал он, — еще нет. Я видел его издалека.

— Вам он понравится. Он хочет играть на виолончели, которой у него, конечно, нет. — Она весело засмеялась, в ее глазах светилась радость жизни. — Разве это не трогательно?

— Очень, — согласился он.

— Не так ли и мы все? — спросила она. — Наши виолончели погибли. И что осталось? Ответьте мне.

— Господи, — сказал Стокстилл, — откуда мне знать. Не имею ни малейшего представления.

Бонни состроила гримаску:

— Ох, как вы честны.

— Она говорит мне то же самое, — сказал, слабо улыбаясь, Джордж Келлер. — Моя жена считает, что человечество — это раса навозных жуков-трудяг. Естественно, себя в их число она не включает.

— И не надо, — сказал Стокстилл, — надеюсь, что ей никогда и не придется.

Джордж раздраженно посмотрел на него, затем пожал плечами.

Она могла бы измениться, думал Стокстилл, если бы узнала правду о своей дочери. Да, могла бы. Требуется что-то подобное, какое-то необычное потрясение, неожиданное и беспрецедентное. Она могла бы даже решиться на самоубийство. Радость, жизненная сила могли превратиться в свою противоположность.

— Келлеры, — произнес он вслух, — представьте меня новому учителю как-нибудь на днях. Мне бы хотелось познакомиться с бывшим виолончелистом. Может быть, мы сможем сделать ему что-нибудь из корыта, натянув на него проволоку. Он может играть на нем...

— Смычком с лошадиным волосом, — сказала Бонни практично. — Смычок мы сделаем, это несложно. Что нам нужно, так это большое гулкое корыто, чтобы получались низкие ноты. Интересно, сможем ли мы найти его в старом бабушкином сундуке? Вполне может быть. Конечно, оно должно быть деревянным.

Джордж сказал:

— Можно разрезать пополам бочку.

Все рассмеялись. Эди Келлер присоединилась к ним, тоже смеясь, хотя она и не слышала, что сказал ее отец, вернее, подумал Стокстилл, муж ее матери.

— Может быть, мы сможем найти что-нибудь на берегу, — сказал Джордж. — Я заметил, что волны всегда выбрасывают множество деревянных обломков, особенно после шторма. Останки старых китайских судов, не иначе...

Келлеры весело распрощались с доктором Стокстиллом. Он стоял и наблюдал, как они идут, Эди между ними. Трое, думал он. Или, скажем, четверо... не следовало забывать о невидимом, но реальном существе внутри девочки.

Глубоко задумавшись, он закрыл дверь.

Эди могла бы быть моим ребенком, подумал он. Но этого не произошло, потому что семь лет назад Бонни была здесь, в Вест-Марине, а я — в моем офисе в Беркли. Но если бы я оказался рядом с ней в тот день...

Кто же был здесь тогда, — спросил он себя, — когда падали бомбы? Кто из нас был с ней в этот день? Он ощущал особое любопытство, думая об этом человеке, кем бы тот ни был. Интересно, как бы тот чувствовал себя, думал Стокстилл, если бы знал о своих... ДЕТЯХ. Может быть, когда-нибудь я доберусь до него. Я не могу заставить себя рассказать Бонни, но, возможно, я расскажу ему.

Глава 10

Обитатели Вест-Марина, собравшиеся в Форестер-холле, взволнованно обсуждали болезнь человека на сателлите. Они перебивали друг друга, каждому хотелось высказаться. Началось чтение «Бремени страстей человеческих», но никто не слушал. Люди тревожно перешептывались, лица их помрачнели — они, как и Джун Рауб, гадали, что будет с ними, если их диск-жокей умрет.

— Вряд ли он так уж сильно болен! — воскликнул Кэс Стоун, крупнейший землевладелец округа. — Я никогда никому не рассказывал об этом, но у меня есть знакомый врач, очень хороший специалист по сердечным болезням. Он живет в Сан-Рафаэле. Я доставлю его к какому-нибудь передатчику, и он расспросит Дангерфильда подробнее. Он его вылечит.

— Но у Дангерфильда не осталось никаких лекарств, — сказала миссис Люлли, старейший член коммуны. — Я слышала, как он однажды говорил, что его покойная жена приняла все таблетки.

— У меня есть хинидин, — заявил аптекарь, — может быть, именно это ему и нужно. Но как переправить лекарство на сателлит?

Эрл Кольвиг, глава вест-маринской полиции, сказал:

— Насколько я знаю, военные в Чайенне собираются в этом году сделать еще одну попытку добраться до Дангерфильда.

— Привезите свой хинидин в Чайенну, — посоветовал Кэс Стоун аптекарю.

— В Чайенну? — дрожащим голосом переспросил аптекарь. — Через Сьерру больше нет дорог. Я никогда не доберусь туда.

Настолько спокойно, насколько могла, Джун Рауб сказала:

— Возможно, на самом деле он совсем не болен. Возможно, это просто ипохондрия от долгого одиночества и изоляции все эти годы. Что-то в том, как подробно он описывал симптомы болезни, наводит меня на такую мысль.

Но ее едва ли кто-нибудь слушал. Она заметила, что трое представителей Болинаса придвинулись ближе к приемнику, чтобы не пропустить передачу.

— Может быть, он и не умрет... — сказала она наполовину сама себе.

При этих словах оптик из Болинаса посмотрел на нее. Она увидела, что он испуган и шокирован, как будто осознание того, что человек с сателлита мог заболеть и умереть, оказалось для него непосильным. Он не волновался так из-за болезни собственной дочери, подумала Джун.

В дальней части холла наступила тишина, и Джун обернулась посмотреть, что там происходит. В дверь вкатилась блестящая платформа, утыканная механизмами. Хоппи Харрингтон прибыл.

— Ты знаешь, Хоппи, — воскликнул Кэс Стоун, — Дангерфильд сказал, что он плохо себя чувствует. Может быть, сердце...

Все замолчали, ожидая, что скажет фокомелус.

Хоппи проехал мимо них прямо к приемнику, остановился возле него и осторожно коснулся одним из своих экстензоров ручки настройки конденсатора. Представители Болинаса почтительно посторонились. Статические помехи усилились, затем ослабли, и голос Уолта Дангерфильда снова стал слышен ясно и громко. Чтение все еще продолжалось, и Хоппи, сидя среди своих механизмов, внимательно слушал. И он, и все остальные ничего не говорили, пока звук не ослабел, потому что сателлит вышел из зоны слышимости. Остались только статические помехи.

Совершенно неожиданно голосом, неотличимым от голоса Дангерфильда, фокомелус сказал:

— Ну, мои дорогие друзья, чем мы займемся сейчас?

Имитация была настолько совершенной, что некоторые из находящихся в зале открыли рты от изумления. Остальные зааплодировали, и Хоппи улыбнулся.

— Нельзя ли показать еще немного таких трюков, — воскликнул аптекарь, — мне они нравятся.

— Трюки, — сказал фокомелус, на этот раз точно имитируя жеманный дребезжащий голос аптекаря, — мне очень нравятся.

— Нет, — сказал Кэс Стоун, — я хотел бы послушать Дангерфильда. Давай, Хоппи, выдай что-нибудь.

Фокомелус развернул свой «мобиль» так, чтобы оказаться лицом к аудитории.

— Трам-та-ра-рам, — весело сказал он низким спокойным голосом, который был так хорошо знаком всем.

У Джун Рауб перехватило дыхание: то, что делал фокомелус, было чудом. Она всегда приходила при этом в замешательство... если закрыть глаза, то можно действительно вообразить, что Дангерфильд все еще находится в контакте с ними. Она так и сделала... нарочно... притворяясь. Он не болен, не умирает, сказала она себе, слушай его. И, словно в ответ на ее мысли, приветливый голос тихо сказал:

— У меня были небольшие боли в груди, но не стоит беспокоиться, друзья. Вероятнее всего, это расстройство желудка. Что мы принимаем в таком случае? Кто-нибудь помнит?

Один из слушателей воскликнул:

— Я помню: алкализ с минералкой.

— Трам-та-ра-рам, — обрадовался теплый голос, — совершенно верно. Молодец. А сейчас разрешите мне дать вам совет, как хранить луковицы гладиолусов всю зиму, не боясь вредителей. Просто надо завернуть луковицы в алюминиевую фольгу.

Люди в холле зааплодировали, и Джун Рауб услышала, как кто-то рядом с ней произнес:

— Точно. Настоящий Дангерфильд так и сказал бы.

Это был оптик из Болинаса. Она открыла глаза и увидела его лицо. Должно быть, подумала она, я выглядела так же, когда впервые услышала, как Хоппи подражает Дангерфильду.

— А сейчас, — продолжал Хоппи все еще голосом Дангерфильда, я покажу вам несколько фокусов, которые я умею делать. Думаю, все вы, дорогие друзья, упадете от изумления. Смотрите.

Элдон Блэйн, оптик из Болинаса, увидел, как фокомелус положил на пол в нескольких футах от себя монету. Экстензоры втянулись в фокомобиль, и Хоппи, все еще шепча что-то голосом Дангерфильда, сосредоточился на монете, пока она неожиданно со звоном не заскользила по полу к фокомелусу. Довольные зрители зааплодировали. Хоппи раскланялся и снова отбросил монету от себя, на этот раз подальше.

Колдовство, думал Элдон. Что там говорила Пат? Фоки обладают колдовскими силами в качестве компенсации за отсутствие рук и ног. Таким образом природа помогает им выжить. Снова монета заскользила к фокомобилю, и снова люди в зале зааплодировали.

Элдон сказал миссис Рауб:

— Он проделывает это каждый вечер?

— Нет, — ответила она, — у него богатый репертуар. Такого я никогда раньше не видела, хотя, конечно, я не всегда прихожу — у меня так много дел, связанных с жизнедеятельностью нашей коммуны. Замечательно, правда?

Воздействие на расстоянии, понял Элдон. Да, это замечательно. И МЫ ДОЛЖНЫ ЗАПОЛУЧИТЬ ЕГО, сказал он себе. Никаких сомнений. Потому что, когда Уолт Дангерфильд умрет, а это очевидно, что он скоро умрет, — у нас останется память о нем, его воспроизведение, воплощенное в этом фоке. Как запись на пластинке, повторяющаяся вечно.

— Он испугал вас? — спросила Джун Рауб.

— Нет, — ответил Элдон, — а что, должен был?

— Не знаю, — сказала она задумчиво.

— Он когда-нибудь пробовал связаться с сателлитом? — спросил Элдон. — Многим мастерам это удается. Странно, если он не пытался — с его-то возможностями.

Джун Рауб ответила:

— Он намеревался. В прошлом году он начал строить передатчик, работал над ним время от времени, но, видимо, ничего не вышло. У него столько замыслов... он всегда занят. Видели его башню? Выйдемте на минутку, я покажу ее вам.

Они вместе вышли на улицу и немного постояли, пока их глаза не привыкли к темноте и не начали видеть. Да, действительно, своеобразная изогнутая мачта поднималась к ночному небу, но затем внезапно обрывалась.

— Это его дом, — сказала Джун Рауб, — там, наверху. И он построил его один, без чьей-либо помощи. Хоппи способен усиливать мозговые импульсы до — как он говорит — сервосигналов. Поэтому сил у него хватает, и их много больше, чем у обычного человека. — Она немного помолчала. — Мы все любим его. Он для нас столько сделал.

— Понимаю, — сказал Элдон.

— Вы ведь приехали сюда, чтобы выкрасть его? — тихо спросила Джун Рауб.

Он испуганно запротестовал:

— Нет, миссис Рауб, честно — мы прибыли, чтобы послушать сателлит, вы ведь знаете...

— Такие попытки уже делались, — сказала миссис Рауб. — Но у вас ничего не получится, Хоппи не дастся вам. Ему не нравится коммуна в Болинасе, потому что он знает о вашем декрете против мутантов. У нас такой дискриминации нет, и он нам благодарен за это. Он очень обидчив.

Элдон Блэйн в замешательстве отодвинулся от миссис Рауб, держась поближе к дверям в Форестер-холл.

— Подождите, — сказала женщина, — не стоит беспокоиться. Я никому ничего не скажу. И я не виню вас за то, что, увидев Хоппи, вы захотели заполучить его для вашей коммуны. Знаете, ведь он не уроженец Вест-Марина. Однажды, года три назад, он приехал из города на своем фокомобиле. Не на этом, а на старом, которым снабдило его государство еще до Катастрофы. Он рассказал нам, что проделал весь путь от Сан-Франциско в поисках места, где можно было бы поселиться, но никто, кроме нас, не принял его.

— Конечно, — прошептал Элдон, — понимаю...

— В наши дни можно украсть что угодно, — сказала Джун Рауб, — при достаточном старании. Я видела вашу полицейскую машину, спрятанную возле дороги, и я знаю, что те, кто приехал с вами, — полицейские. Но Хоппи делает только то, что хочет. Думаю, что, если вы попытаетесь применить силу, он убьет вас. Ему это нетрудно, и долго раздумывать он не будет.

Элдон Блэйн сказал после некоторой паузы:

— Я... высоко ценю вашу прямоту.

Не говоря больше ни слова, они вернулись в Форестер-холл.

Все глаза были обращены на Хоппи Харрингтона, который все еще увлеченно изображал Дангерфильда:

— ...Вроде бы, после еды боль исчезает, — говорил фокомелус, — что заставляет меня подозревать язву, а не сердечную болезнь. Поэтому, если какие-нибудь врачи слышат меня и имеют доступ к передатчику...

Один из слушателей перебил его:

— Я собираюсь связаться со своим доктором в Сан-Рафаэле. Я не шутил, когда говорил это. Хватит с нас мертвецов, летающих вокруг Земли.

Это был тот же самый человек, который говорил так прежде, и его слова звучали сейчас еще серьезнее. Он продолжал:

— Или, если, как предполагает миссис Рауб, дело в его психике, не может ли наш док Стокстилл помочь ему?

Элдон Блэйн подумал: ведь Хоппи не было в холле, когда Дангерфильд описывал свою болезнь. Как фокомелус мог изобразить то, чего не слышал?

И вдруг он понял. Ну конечно же. У Хоппи в доме был собственный приемник. До того как отправиться в Форестер-холл, он сидел один и слушал сателлит. Значит, в Вест-Марине было ДВА работающих приемника, а в Болинасе — ни одного. Элдон почувствовал гнев и горечь одновременно. У нас нет ничего, подумал он, а у этих людей есть все, даже дополнительный приемник на одну персону.

Как перед войной, думал он, потеряв контроль над собой. Они живут так же, как тогда. ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО.

Он повернулся и выбежал из Форестер-холла в ночную тьму. Его ухода никто не заметил, всем было не до того. Они были слишком

заняты спором о Дангерфильде и его здоровье, чтобы обращать внимание еще на что-нибудь.

По дороге шли, неся керосиновую лампу, три фигуры — высокий тощий человек, молодая женщина с темно-рыжими волосами и маленькая девочка между ними.

— Чтение кончилось? — спросила женщина. — Мы опоздали?

— Не знаю, — буркнул Элдон и прошел мимо.

— Ох, мы пропустили передачу, — жалобно сказала девочка, — я же говорила вам, что надо спешить.

— В любом случае мы зайдем внутрь, — сказал ей мужчина, и затем их голоса стихли.

Элдон Блэйн в полном отчаянии продолжал свой путь в темноте, подальше от людских голосов, от богатых обитателей Вест-Марина, у которых было так много всего.

Хоппи Харрингтон, продолжая изображать Дангерфильда, увидел, что в холл вошли Келлеры со своей девочкой и сели в последнем ряду. Вовремя, сказал он себе, радуясь увеличению аудитории. Но затем он почувствовал себя неуютно, потому что девочка внимательно изучала его. Что-то в ее взгляде заставляло его нервничать. Так всегда было в присутствии Эди, и это ему не нравилось. Он резко оборвал представление.

— Давай дальше, Хоппи! — крикнул ему Кэс Стоун.

— Продолжай, — раздалось еще несколько голосов.

— Изобрази двойняшек из «Кул Эйд», — попросила какая-то женщина, — спой ту песенку, которую они поют, ты ведь знаешь...

— «Кул Эйд, Кул Эйд, ждать не могу»... — запел Хоппи, но сейчас же остановился. — Думаю, хватит на сегодня.

В холле наступило молчание.

— Мой брат, брат, — послышался голос маленькой дочки Келлеров, — говорит, что мистер Дангерфильд где-то в этой комнате.

Хоппи рассмеялся и сказал возбужденно:

— Точно.

— Он уже читал?

— Да, чтение кончилось, — сказал Эрл Кольвиг, — но нам не удалось его послушать, мы смотрели и слушали Хоппи. Он здорово нас сегодня повеселил, да, Хоппи?

— Покажи девочке фокус с монетой, — попросила Джун Рауб, — думаю, ей понравится.

— Да, покажи его снова, — крикнул со своего места аптекарь, — это было здорово. Я уверен, мы все с удовольствием поглядим еще раз.

Горя желанием все рассмотреть получше, он вскочил со стула, забыв о тех, кто сидел позади него.

— Мой брат, — тихо сказала Эди, — хочет услышать чтение. Он пришел только за этим. Его не интересуют фокусы с монетами.

— Прекрати, — одернула ее Бонни.

Брат, думал Хоппи. Нет у нее никакого брата. Он громко расхохотался, и несколько человек в публике машинально улыбнулись.

— Твой брат? — спросил он девочку, подкатив к ней на фокомобиле, — твой БРАТ? — Он остановил фокомобиль прямо перед Эди, все еще смеясь. — Я могу изобразить тебе чтение, — сказал он. — Я могу быть Филиппом, Милдред и другими персонажами книги. Я могу быть самим Дангерфильдом — иногда я действительно бываю им. Я был им сегодня вечером, именно поэтому твой брат думает, что Дангерфильд в этом зале. На самом деле это — я. — Он окинул взглядом аудиторию: — Так, ребята? Все они на самом деле — один Хоппи?

— Точно, — согласился кивая Кэс Стоун. Другие тоже закивали. Все — или, по меньшей мере, большинство.

— Ради Бога, Хоппи, — строго сказала Бонни Келлер, — успокойся, или ты выскочишь из коляски.

Она смотрела на него свысока, как обычно, и он почувствовал, что его снова поставили на место. Вопреки своему желанию он отступил.

— Что здесь происходило? — требовательно спросила Бонни.

Аптекарь Фред Квинн ответил:

— Хоппи так здорово изображал Дангерфильда, что можно было подумать — он превратился в него.

Аудитория кивками выразила согласие.

— У тебя нет никакого брата, Эди, — сказал Хоппи девочке, — почему ты говоришь, что твой брат хочет слушать чтение, если у тебя его нет? — Он продолжал смеяться, но девочка молчала.

— Его можно увидеть? — спросил он. — Я могу поговорить с ним? Дай мне с ним поговорить — и я его изображу.

Сейчас он так хохотал, что у него выступили слезы, и он должен был вытереть глаза экстензором.

— Вот это будет представление! — сказал Кэс Стоун.

— Хотелось бы послушать, — хихикнул Эрл Кольвиг, — давай-ка, Хоппи.

— Я изображу его вам, — пообещал Хоппи, развалившись в центре фокомобиля, — как только братец заговорит со мной. Я жду, — сказал он девочке.

— Хватит, — воскликнула Бонни Келлер, — оставь моего ребенка в покое!

Щеки ее гневно вспыхнули.

Не обращая на нее внимания, Хоппи обратился к Эди:

— Где он? Скажи — где? Близко?

— Наклонись поближе ко мне, — сказала Эди, — и он поговорит с тобой.

Ее лицо, как и лицо ее матери, пылало гневом.

Хоппи нагнулся к ней, склонив голову набок, иронически показывая, что он — весь внимание.

Голос в глубине его, казавшийся частью его внутреннего мира, сказал:

— Ты починил проигрыватель? Как ты НА САМОМ ДЕЛЕ починил его?

Хоппи вскрикнул.

Каждый заметил, как он побледнел. Все повскакивали на ноги, никто не смеялся.

— Я слышал Джима Фергюссона, — прошептал Хоппи.

Девочка спокойно смотрела на него.

— Хотите, чтобы мой брат сказал вам еще что-нибудь, мистер Харрингтон? Скажи ему еще несколько слов, Билл, он хочет тебя послушать.

И снова в мозгу Хоппи зазвучал голос:

— Такое впечатление, что ты исцелил его, сделал сломанную пружину снова целой...

Хоппи резко рванулся с места и покатил свою коляску в дальний конец холла, остановился там, задыхаясь, стараясь держаться как можно дальше от девочки Келлеров. Сердце его колотилось, и он смотрел на нее. Она молча ответила ему взглядом, но на лице ее показалась легкая улыбка.

— Вы слышали моего брата, не так ли? — спросила она.

— Да, — ответил Хоппи, — да, я слышал.

— И вы знаете, где он?

— Да, — кивнул он, — не делай так больше. Пожалуйста. Если хочешь, я никого больше не буду изображать. Договорились?

Он умоляюще смотрел на нее, не получая ответа, не слыша обещания.

Медленно и жестко девочка сказала:

— Вы можете увидеть его, если хотите, мистер Харрингтон. Хотите посмотреть, как он выглядит?

— Нет, — ответил он, — не хочу.

— Он напугал вас? — Сейчас девочка открыто насмехалась над ним, но улыбка ее была пустой и холодной. — Мой брат просто отплатил вам за то, что вы мне не поверили. Он рассердился, поэтому и сделал так.

Подойдя к Хоппи, Джордж Келлер спросил:

— Что случилось, Хоппи?

— Ничего, — ответил тот коротко.

Как он напугал меня, думал Хоппи. Одурачил меня, изображая Джима Фергюссона. Он заставил меня поверить... я действительно подумал, что это Джим. Эди была зачата в тот день, когда Джим погиб, когда упала бомба. Я знаю, потому что Бонни говорила мне об этом однажды. И Билл был зачат тогда же. Нет, это неправда — это не Джим, это ИМИТАЦИЯ.

— Видишь, — сказала девочка, — он умеет имитировать.

— Да, — кивнул он, дрожа, — да.

— Правда, здорово? — Темные глаза Эди сияли.

— Да, очень хорошо, — сказал Хоппи. Так же хорошо, как я, думал он. Может быть, лучше меня. Следует быть с ним поосторожнее, думал он, с этим братцем Биллом. Следует держаться от него подальше. Я получил хороший урок.

Это мог быть и Фергюссон, понял он. Рожденный снова, воплотившийся, как говорится. Бомба могла повлиять каким-то особенным образом, как — я не понимаю. Тогда это вовсе не имитация, и я был прав первый раз, но как убедиться в этом? Он мне не расскажет, он ненавидит меня. Наверное, потому, что я смеялся над его сестрой. Я дал маху. Не следовало так делать.

— Трам-та-ра-рам! — сказал он, и люди обернулись к нему. Он снова завладел вниманием аудитории. — Ну вот и ваш старый приятель, — сказал он. Но он говорил механически, голос его дрожал. Он смотрел на них, но они все опускали глаза. — Может быть, мы сможем немного продлить чтение, — сказал он. — Брат Эди хочет послушать.

Ты можешь получить все, что хочешь, мысленно обратился он к Биллу Келлеру. И чтение, и что угодно. Сколько ты пробыл там? Только семь лет? Больше похоже на вечность. Кажется, что ты существовал всегда. Со мной говорило ужасно старое, сморщенное, белое существо. Нечто маленькое, но тяжелое, плавающее. Губы, заросшие пушистыми волосами, которые ниспадают сухими космами. Держу пари, что это Фергюссон. Он там, внутри этого ребенка. Интересно, сможет ли он выбраться наружу?

Эди Келлер спросила своего брата Билла:

— Что ты такого наговорил ему, что он так перепугался? На нем лица не было.

Знакомый голос внутри нее ответил:

— Я превратился в человека, которого он знал раньше. В того, кто сейчас мертв.

— А, — сказала Эди, — вот в чем дело. Я подозревала что-то в этом роде. — Она была взволнована. — Ты собираешься сделать с ним еще что-нибудь?

— Если он мне не понравится, — сказал Билл, — я могу и не то с ним сделать. Много чего...

— Откуда ты знаешь о том мертвом?

— Ну, — сказал Билл, — потому что — ты знаешь — я ведь тоже мертв.

Он захихикал где-то в глубине ее живота, и она задрожала.

— Нет, ты — нет, — сказала она. — Ты живой, такой же, как я, поэтому не говори так. Это неправда.

Она испугалась.

Билл сказал:

— Я просто придуриваюсь. Извини. Хотел бы я видеть его лицо. Как он выглядел?

— Когда ты заговорил с ним — чудесно, — сказала Эди. — Лицо его вытянулось, как у лягушки. Но ты ведь не знаешь, на что похожи лягушки, ты вообще ничего не знаешь. Поэтому нет смысла тебе рассказывать.

— Хотел бы я выбраться наружу, — жалобно сказал Билл, — родиться, как все. Может быть, я и смогу — попозже?

— Доктор Стокстилл говорит, что — нет.

— Тогда не может ли он помочь? Мне казалось, ты говорила...

— Я ошибалась, — сказала Эди, — я думала, он может сделать маленькую круглую дырочку, и все, но он сказал — нет.

Ее брат глубоко вздохнул и замолчал.

— Не расстраивайся, — сказала Эди, — я буду по-прежнему рассказывать тебе обо всем, что вокруг происходит. — Она хотела утешить его и добавила: — Я никогда не сделаю так, как в прошлый раз, когда я на тебя разозлилась. Помнишь, я перестала тебе все рассказывать? Обещаю — такого больше не будет.

— Может быть, я сумею ЗАСТАВИТЬ доктора Стокстилла помочь мне выйти, — предположил Билл.

— Разве ты сможешь? Не сможешь.

— Смогу, если захочу.

— Нет, — сказала она, — ты врешь. Ты ничего не можешь. Только спать, болтать с мертвецами, да еще изображать их, как ты недавно делал. Не так уж и много; я практически могу сделать то же самое и еще многое другое.

Внутри нее было молчание.

— Билл, — сказала она, — знаешь что? Теперь уже два человека знают о тебе — Хоппи Харрингтон и доктор Стокстилл. А ты ведь всегда говорил, что никто тебя не обнаружит. Значит, не такой уж ты умный. Нет, я не думаю, что ты умный.

Билл спал внутри нее.

— Если ты сделаешь что-нибудь плохое, — продолжала она, — я могу проглотить какую-нибудь гадость, и ты отравишься. Ведь так? Поэтому лучше веди себя прилично.

Она все больше и больше его боялась. Она говорила сама с собой, пытаясь подавить страх. Может быть, если бы ты умер, было бы хорошо, думала она. Только потом мне все равно придется носить тебя, а это будет неприятно. Мне это не понравится.

Она почувствовала дрожь.

— Не беспокойся обо мне, — сказал вдруг Билл. Он снова проснулся, или, может быть, он никогда и не спал, может быть, он только притворялся. — Я много знаю, и я могу позаботиться о себе. Я и тебя

защищу. Лучше радуйся, что я есть, потому что я могу... ну, тебе не понять. Ты знаешь, я могу видеть каждого умершего так же, как этого человека, которого так испугался Хоппи. Их так много — триллионы и триллионы. И все они разные. Когда я сплю, я слышу их бормотание. До сих пор они близко.

— Близко, — спросила Эди, — где?

— Под нами, — ответил Билл, — внизу, в земле.

— Б-р-р, — сказала она.

Билл рассмеялся:

— Это правда. Потом и мы попадем туда. И мама, и папа, и все остальные. Там все и каждый, включая животных. Например, эта говорящая собака, она уже почти там. Еще не там, может быть, но почти. Ты сама увидишь.

— Я не хочу видеть, — сказала Эди, — я хочу слушать чтение. Замолчи, ты мне мешаешь. Разве ты не хочешь сам послушать? Ты всегда говорил, что тебе оно нравится.

— Он тоже вскоре окажется там, — сказал Билл, — тот человек на сателлите.

— Нет, — возразила она, — я не верю этому. Ты уверен?

— Да, — ответил ее брат, — совершенно уверен. А до него... Ты знаешь того оптика из Болинаса? Нет, ты не знаешь, но он попадет туда очень скоро, всего через несколько минут. А после... — Он остановился. — Я не скажу.

— И не надо, — согласилась она, — пожалуйста, не говори. Я не хочу слышать.

Не теряя из виду высокую изогнутую мачту антенны передатчика, Элдон Блэйн шел к дому фокомелуса. Сейчас или никогда, думал он. У меня совсем мало времени. Никто не остановит меня, они все в Форестер-холле, включая самого Хоппи. Я доберусь до радио и украду его, сказал он себе. Если мне не удалось похитить Хоппи, я по крайней мере смогу вернуться в Болинас не с пустыми руками. Передатчик был наверху; он понял это по виду конструкции, а затем сразу же споткнулся и упал, широко раскинув руки. Он запутался в остатках изгороди, сохранившихся у самой земли.

Сейчас он видел сам дом, вернее, то, что от него осталось. Фундамент и одна стена, а в центре — куб комнаты, слепленный кое-как из обломков и защищенный от дождя толем. Антенна, укрепленная растяжками из проволоки, поднималась точно за маленькой металлической трубой.

И там был передатчик.

Он услышал его гудение даже раньше, чем увидел голубой газовый свет ламп. Из щели под дверью куба из толя выбивалось больше света. Он нашел дверную ручку, помедлил и затем быстро повернул ее.

Качнувшись, дверь без труда открылась, как будто некто внутри надеялся на его приход.

Приветливый, проникающий в душу голос шептал что-то, и Элдон Блэйн, задрожав, оглянулся, боясь увидеть — что было невероятно — фокомелуса. Но голос исходил из радиоприемника, смонтированного на верстаке, на котором в полном беспорядке валялись инструменты, приборы и радиодетали. Дангерфильд все еще продолжал говорить, хотя сателлит уже, конечно, прошел над ними. Такого длительного контакта с сателлитом еще не устанавливал никто, подумал Элдон Блэйн. Даже этого добились в Вест-Марине. Но зачем нужен большой передатчик? Что он передает? Оптик начал поспешно осматриваться.

Низкий доверительный голос в радиоприемнике вдруг изменился, стал резче и грубее.

— Эй, оптик, — сказал голос, — что ты делаешь в моем доме?

Это был голос Хоппи Харрингтона, и Элдон стоял, сбитый с толку, почесывая затылок, пытаясь сориентироваться и зная каким-то шестым чувством, что он ничего не понимает — и никогда не сможет понять.

— Хоппи, — наконец, удалось произнести ему, — где ты?

— Я здесь, — сказал голос из динамика, — я иду. Жди меня там, где ты стоишь, оптик.

Дверь комнаты распахнулась, и Хоппи Харрингтон на своем фокомобиле, поблескивая острыми глазами, предстал перед Элдоном.

— Приветствую тебя в моем доме, — ехидно сказал он, и голос его исходил одновременно и от него, и из динамика, — ты думал, что слушаешь передачу с сателлита?

Один из его ручных экстензоров вытянулся и выключил радио.

— Может быть, это действительно так, а может — будет так когда-нибудь. Ну, оптик, говори — что тебе надо?

Элдон сказал:

— Позволь мне уйти. Я ничего не хочу. Я зашел просто посмотреть.

— Ты хочешь получить приемник, не правда ли? — бесстрастно спросил Хоппи. Казалось, он спокоен и вовсе не удивлен.

Элдон спросил:

— Зачем тебе передатчик?

— Потому что я передаю на сателлит.

— Если ты позволишь мне уйти, — сказал Элдон, — я отдам тебе все стекла, какие у меня есть. А это не один месяц поисков по всем помойкам Северной Калифорнии.

— На этот раз у тебя нет с собой очков, — сказал фокомелус, — я не вижу твоего чемоданчика. Но ты можешь уйти, потому что, насколько я знаю, ты не успел сотворить здесь ничего плохого — я не дал тебе такой возможности.

Он весело рассмеялся, как обычно заикаясь.

Элдон спросил:

— Ты собираешься возвратить сателлит на Землю?

Фокомелус удивленно посмотрел на него.

— Ты собираешься, — сказал Элдон, — с помощью этого передатчика включить зажигание последней ступени, которое не успели включить при запуске. Ты заставишь ее работать, как ретро-ракету, сателлит снова войдет в атмосферу и в конце концов приземлится.

— Я не смог бы сделать этого, — сказал Хоппи, — даже если бы захотел.

— Ты ведь можешь перемещать предметы на расстоянии.

Прокатив на своем «мобиле» мимо оптика, фокомелус выдвинул один из своих экстензоров, чтобы взять какой-то предмет с верстака.

— Знаешь, что это? Катушка магнитофонной пленки. Записанное на ней будет передано на сателлит с громадной скоростью, так что часы информации спрессуются в несколько минут. И в то же самое время все передачи с сателлита пойдут тем же образом со сверхвысокой скоростью на мой приемник. Вот, оптик, для чего первоначально предназначались такие передатчики. До Катастрофы, до того, как исчезло все оборудование для радиоперехвата.

Элдон Блэйн посмотрел на приемник, работающий на верстаке, а затем кинул вороватый взгляд на дверь. Фокомобиль отъехал, так что проход к двери был свободен. Элдон прикидывал, сможет ли он совершить задуманное, есть ли у него шанс.

— Я могу вести передачу на расстояние до трехсот миль, — сказал Хоппи. — Я могу охватить все приемники Северной Калифорнии, но это при прямой трансляции. А посылая мои сигналы на сателлит, который записывает их и передает обратно, снова и снова, пока он облетает Землю...

— Ты можешь охватить весь мир, — сказал Элдон.

— Правильно, — подтвердил Хоппи, — на борту есть необходимая техника, она подчиняется командам с Земли.

— И тогда ты будешь Дангерфильдом.

Фокомелус улыбнулся и продолжал, заикаясь:

— И никто не заметит разницы. Я сумею сделать это, я уже все подготовил. Какая альтернатива? Молчание. Сателлит может замолчать в любой момент. И тогда голос, объединяющий мир, исчезнет, и мир распадется. Я готов отключить Дангерфильда, как только буду уверен, что он действительно собирается замолчать.

— Он знает о тебе?

— Нет, — сказал Хоппи.

— Я скажу тебе, что я об этом думаю, — сказал Элдон. — Я думаю, что Дангерфильд уже давно мертв, и на самом деле мы слушаем тебя.

Он говорил, а сам потихоньку придвигался к приемнику.

— Это не так, — твердо сказал фокомелус. Затем он продолжал: — Но скоро такой момент наступит. Удивительно, что он продержался так долго в этих условиях. Военные хорошо поработали, выбирая его...

Элдон Блэйн схватил приемник и бросился к двери.

Изумленный фок широко раскрыл рот от неожиданности. Элдон успел заметить выражение его лица, а затем он был уже за дверью, он бежал в темноте к стоящей неподалеку полицейской машине. Я отвлек его, думал он. Бедный дуралей, он даже не представлял, что я собираюсь сделать. Вся эта болтовня — что она значила? А ничего. Мания величия — он хочет сидеть здесь и говорить со всем миром, принимать весь мир, превратить его в свою публику... Но никто не способен на это, кроме Дангерфильда. Никто не может управлять аппаратурой сателлита снизу. Для этого фок должен находиться на сателлите, а это невозможно...

Что-то вцепилось сзади в его шею.

Как? — спросил себя Элдон Блэйн, падая лицом вперед и все еще сжимая в руках приемник. Он там, в доме, а я здесь. Действие на расстоянии... он держит меня. Значит, я не прав? Неужели он способен достать меня... так далеко...

То, что держало его за шею, резко сжалось.

Глава 11

Приподняв первый лист отпечатанной на мимеографе «Ньюс энд Вьюс» — маленькой газеты Вест-Марина, выходящей раз в две недели, Пол Дитц критически изучал главный материал, написанный им самим.

ЧЕЛОВЕК ИЗ БОЛИНАСА НАЙДЕН СО СЛОМАННОЙ ШЕЕЙ

«Четыре дня назад Элдон Блэйн, оптик из Болинаса (Калифорния), прибывший к нам по делу, был найден на обочине дороги со сломанной шеей и следами, указывающими на насилие со стороны неизвестного лица. Эрл Кольвиг, шеф полиции Вест-Марина, начал тщательное расследование и опрашивает в настоящее время различных лиц, видевших Элдона Блэйна в тот вечер».

Таков был материал во всей красе, и Дитц, читая его, испытывал глубокое удовлетворение. Поместить это сообщение значило сделать удачный ход. Многих оно заинтересует, и, может быть, следующий номер газеты удастся выпустить большим тиражом. Главными источниками финансовой поддержки газеты были Эндрю Джилл, всегда печатавший свои объявления о табачных и алкогольных изделиях, и Фред Квинн, аптекарь. И, конечно, имелось некоторое число подписчиков — но что все это по сравнению с прежними временами?

Разумеется, за пределами газетного сообщения остался тот факт, что оптик из Болинаса прибыл в Вест-Марин с недобрыми намерениями: об

этом знал каждый. Предполагали даже, что он хотел похитить их мастера. Но, поскольку это были только догадки, их нельзя было печатать.

Пол Дитц обратился к следующему по важности сообщению.

ДАНГЕРФИЛЬД ОБЪЯВИЛ, ЧТО ОН БОЛЕН

«Лица, следящие за вечерними передачами с сателлита, сообщают: Уолт Дангерфильд объявил на днях, что он «подозревает у себя язву или какую-то сердечную болезнь» и нуждается в лечении. Согласно тому же сообщению, собравшиеся в Форестер-холле проявили большую озабоченность. Мистер Кэс Стоун, проинформировавший нас об этом, сказал, что в качестве последнего средства может быть использована консультация его личного врача в Сан-Рафаэле. Обсуждалась также (без принятия решения) возможность того, что Фред Квинн, владелец аптеки в Пойнт-Рейсе, может совершить поездку в армейскую штаб-квартиру в Чайенне, чтобы доставить лекарства для передачи Дангерфильду».

Остальные сообщения касались местных событий, представляющих меньший интерес: кто с кем обедал, кто какой ближайший город посетил. Пол Дитц бегло взглянул на них, чтобы убедиться, что объявления напечатаны качественно, а затем стал просматривать следующие полосы.

Конечно, существовали и материалы, не попавшие в газету, те, что не будут напечатаны никогда. Например, Хопли Харрингтон, до смерти напуганный семилетним ребенком. Дитц захихикал, вспомнив полученные им сообщения о перепуганном фоке и о его припадке прямо на глазах у всех... Миссис Бонни Келлер завела новый роман, на этот раз со школьным учителем Хэлом Барнсом... Вот был бы шикарный материал! Джек Триз, местный овцевод, обвиняет неизвестных лиц (тысячный раз!) в краже его овец. Что еще? Посмотрим, думал он. Знаменитого табачного эксперта Эндрю Джилла посетил неизвестный человек из города, возможно, в связи со слиянием табачного и алкогольного производства Джилла с неким крупным городским синдикатом, пока не названным. При этой мысли Пол Дитц нахмурился. Если Джилл уедет из округа, «Ньюс энд Вьюс» лишится самого крупного рекламодателя, что довольно скверно.

Может быть, стоило напечатать это, думал он. Возбудить общественное мнение против Джилла, что бы он там ни замышлял. «В местном табачном бизнесе чувствуется чужеземное влияние...» можно сформулировать и так: «Какие-то незнакомцы подозрительного вида в последнее время зачастили в округ...» Что-нибудь в этом роде. Это могло бы остановить Джилла: в конце концов, он ведь не старожил, его положение не так уж и прочно. Он живет здесь всего лишь со времен Катастрофы. На самом-то деле он чужак.

Кем же был тот зловещий пришелец, которого видели беседующим с Джиллом? Весь город изнывал от любопытства. Никому этот человек не понравился. Некоторые говорили, что он негр, некоторые — что он темный от радиационного ожога, таких называли радиаками.

Может быть, то, что произошло с оптиком из Болинаса, случится и с этим человеком, предположил Дитц. Потому что здесь, у нас, слишком многим не нравятся влияния извне. Небезопасно приходить сюда и соваться не в свое дело.

Убийство Элдона Блэйна, естественно, напомнило Дитцу смерть Остуриаса, хотя последняя явилась результатом вердикта, вынесенного судом и советом граждан. И все-таки, в сущности, разница была небольшая. Обе смерти — закономерное выражение городских настроений. Таким же будет и исчезновение из нашего мира этого негра, или радиака, или как там его — который крутится сейчас вокруг Джилла. И вполне возможно, что Джиллу можно будет предъявить кое-какие обвинения.

Но у табачного эксперта были могущественные друзья, например Келлеры. И многие зависели от его поставок сигарет и алкоголя — Орион Страуд и Кэс Стоун оба закупали у него большие партии товара. Поэтому, может быть, Джилл и в безопасности...

Но к черномазому это не относится, решил Дитц. Не хотелось бы мне оказаться на его месте. Он — горожанин и не понимает глубину чувства маленькой коммуны. Мы — цельное общество, и нечего вторгаться в нашу жизнь.

Может быть, черномазому придется это почувствовать на собственной шкуре. Может быть, мы станем свидетелями еще одного убийства. Убийства черномазого. В каком-то смысле оно будет наилучшим решением.

Гордо выпрямившись, Хоппи Харрингтон восседал в центре своего «мобиля», плавно скользя по главной улице Пойнт-Рейса, как вдруг увидел чернокожего человека, похожего на того, которого он знал много лет назад, с кем он работал вместе в «Модерн ТВ», — похожего на Стюарта Макконти.

Но затем Хоппи сразу же понял, что это одна из имитаций, сотворенных Биллом.

Он ужаснулся, подумав о могуществе того, кто находился внутри Эди Келлер. Сотворить такое средь бела дня — что можно ему противопоставить? Как и в случае с голосом Джима Фергюссона, фок был обманут. Братец Билл одурачил его, несмотря на собственные громадные возможности фокомелуса. Я не знаю, что делать, честно признался Хоппи самому себе, продолжая следовать за чернокожим. Тот не исчезал.

Может быть, подумал фок, Билл знает, что я сделал с оптиком. Может быть, он мстит мне. Дети иногда поступают так.

Свернув на боковую улицу, он увеличил скорость, стараясь убраться подальше от призрака Стюарта Макконти.

— Эй, — предостерегающе крикнул ему чей-то голос.

Хоппи осмотрелся и понял, что он чуть не наехал на доктора Стокстилла.

Раздосадованный, он остановил «мобиль» и сказал:

— Извините.

Глядя в лицо доктору, он думал: вот стоит человек, которого я знал в прежние дни до Катастрофы. Стокстилл был психиатром, и на Шаттак-авеню в Беркли находился его офис. Почему он здесь? Как случилось, что он решил выбрать Вест-Марин, как и я? Простое совпадение?

И затем фокомелус подумал: может быть, Стокстилл — это долговременная имитация, вызванная к жизни в тот день, когда первая бомба упала в район заливов? Ведь именно тогда был зачат Билл Келлер...

Бонни, подумал он. Все из-за нее. Все неприятности в коммуне. История с Остуриасом, которая почти развалила коммуну, поделив нас на два враждебных лагеря. Именно Бонни настояла, чтобы Остуриаса убили, а следовало бы прикончить Джека Триза, этого дегенерата с его овцами, а не бывшего школьного учителя.

Хороший был человек, вежливый, спокойный, подумал фок, вспомнив мистера Остуриаса. И никто, кроме меня, не поддержал его открыто на так называемом суде.

Доктор Стокстилл колко заметил:

— Поосторожней со своим «мобилем», Хоппи. Сделай такую милость.

— Я же извинился, — буркнул фок.

— Что тебя напугало? — спросил доктор.

— Ничего, — ответил Хоппи, — я ничего на свете не боюсь.

И он сразу же вспомнил о происшествии в Форестер-холле и о том, как он вел себя там. Слухи пошли по городу. Доктор Стокстилл знал о случившемся, хотя и не присутствовал при нем лично.

— У меня фобия, — признался вдруг Хоппи, подчиняясь какому-то импульсу, — это по вашей части или вам теперь все равно? Она началась с того, что меня завалило в подвале, когда упала первая бомба. Это спасло мне жизнь, но... — Он задрожал.

— Понимаю, — кивнул Стокстилл.

— Вы когда-нибудь осматривали девочку Келлеров? — спросил Хоппи.

— Да, — ответил Стокстилл.

Хоппи с горечью сказал:

— Тогда вам все известно. Детей на самом деле двое. Они каким-то образом объединились, возможно, вы знаете — как, но я — нет, да мне и неинтересно. Эта девчонка — мутант, вернее, она и ее братец. Разве не так? — Горечь его перехлестывала через край. — Она не похожа на мутанта. Поэтому они вышли сухими из воды. Люди судят по

внешности, не так ли? Разве вы не сталкивались с этим в своей практике?

Стокстилл сказал:

— В общем, да.

— Я слышал, — продолжал Хоппи, — что согласно закону маленькие мутанты, любые дети с какими-нибудь отклонениями от нормы, опасными или нет, должны быть переданы властям в Сакраменто.

Доктор не отвечал, а только молча изучал фока.

— Вы помогаете Келлерам нарушать закон, — сказал Хоппи.

После некоторой паузы Стокстилл спросил:

— Чего ты добиваешься, Хоппи?

Его низкий голос звучал спокойно.

— Н-ничего я не до-добиваюсь, — начал заикаться Хоппи. — Т-только справедливости. Все, чего я хочу, — точное соблюдение закона. Разве я не прав? Сам я уважаю закон: я зарегистрировался в Евгенической Службе США, как... — он поперхнулся словом, — как биологический мутант. Мне было очень неприятно, но я подчинился.

— Хоппи, — тихо спросил доктор, — что ты сделал с оптиком из Болинаса?

Развернув «мобиль», Хоппи быстро заскользил прочь, оставив доктора стоять и смотреть ему вслед.

Что я сделал с оптиком? — думал Хоппи. Я убил его, ты ведь отлично знаешь. Тогда зачем спрашиваешь? С чего ты так разволновался? Он не из наших мест, его можно не считать, все так думают. И Джун Рауб говорила, что он хотел украсть меня. Этого вполне достаточно — для большинства. И вполне достаточно для Эрла Кольвига, Ориона Страуда и Кэса Стоуна, а управляют нашей коммуной они, вместе с Келлерами, миссис Толман и Джун Рауб.

Он знает, что я убил Блэйна. Он многое знает обо мне, хотя я никогда не был у него на приеме. Он знает, что я могу действовать на расстоянии... но это всем известно. Однако, возможно, он — единственный, кто понимает, что это значит. Он образованный человек.

Если я еще раз встречу имитацию Стюарта Макконти, вдруг подумал он, я доберусь до нее и придушу. Я должен так сделать.

Но, надеюсь, привидение больше не покажется, рассуждал он. Я не могу бороться с мертвыми, ведь моя фобия связана с МОГИЛОЙ: меня завалило, похоронило вместе с уцелевшей частью тела Фергюссона, и это было ужасно. Я провел две недели с половиной человека, который отнесся ко мне лучше, чем кто другой за всю мою жизнь. Что бы вы сказали, Стокстилл, если бы я лежал на вашей кушетке, а вы подвергали меня психоанализу? Вас заинтересовала бы подобная психическая травма или за последние годы вы на таких, как я, насмотрелись?

Это существо — Билл, внутри Эди Келлер, наполовину живет в мире мертвых, наполовину — в нашем. Фок горько рассмеялся, вспомнив вре-

мена, когда он думал, что сам может общаться с другим миром... Сейчас это казалось шуткой. Я одурачил себя больше, чем других. А они так и не узнали. Стюарт Макконти и крыса, Стюарт, сидящий и с удовольствием жующий...

И тут он понял — значит, Стюарт выжил, он не погиб при Катастрофе, по крайней мере, пережил ее начало, не то что Фергюссон. Поэтому, может быть, никакой имитации и не было.

Дрожа от возбуждения, он остановил «мобиль» и сидел, лихорадочно размышляя.

Знает ли он что-нибудь обо мне? — спросил он себя. Может ли он причинить мне какие-нибудь неприятности? Пожалуй, нет, потому что в те дни кем я был? Просто беспомощным калекой в коляске, выданной правительством, который рад был любой работе, любому поданному куску. С тех пор многое изменилось. Теперь я жизненно необходим всему округу Вест-Марин, сказал он себе. Я — мастер высшего разряда.

Сейчас он заставит Стюарта Макконти споткнуться.

Сидя в «мобиле», фокомелус хихикал про себя, наблюдая, как негр потерял равновесие, почти упал, затем снова выпрямился, посмотрел на тротуар, нахмурился и пошел дальше, медленнее, чем прежде, лавируя между разбитыми бетонными плитами, осторожно обходя заросли сорняков.

Фок поехал за ним и, оказавшись от него на расстоянии шага или около того, сказал:

— Стюарт Макконти, продавец телевизоров, который ест дохлых крыс.

Негр дернулся, как будто его ударили. Он не повернулся, он просто застыл с вытянутыми руками и растопыренными пальцами.

— Как тебе нравится посмертное существование? — спросил Хоппи.

После некоторой паузы негр ответил охрипшим голосом:

— Великолепно. — Затем он повернулся. — Значит, ты выжил...

Он посмотрел на фока и окинул взглядом его «мобиль».

— Да, — сказал фок, — я выжил. И мне не пришлось есть крыс.

— Предполагаю, что ты здешний мастер? — спросил Стюарт.

— Да. Безрукий Хоппи-мастер — это я. А ты чем занимаешься?

— Я... я — гомеостатическими ловушками.

Фок захихикал.

— Неужели так чертовски смешно? — спросил Стюарт.

— Нет, — сказал фок, — извини. Я рад, что ты выжил. А еще кто уцелел? Помнишь того психиатра из офиса напротив — он здесь. Стокстилл. А Фергюссона убило...

Они помолчали.

— Лайтейзер погиб, — сказал Стюарт, — и Боб Рубинштейн. И Кони-официантка, и Тони-бармен. Помнишь их?

— Да, — кивнул фок.

— Ты знал мистера Кроди, ювелира?

— Нет, — сказал фок, — боюсь, что нет.

— Его искалечило. Он потерял обе руки и ослеп. Но он жив, находится сейчас в правительственном госпитале в Хэйворде.

— А ты зачем здесь? — спросил фок.

— Приехал по делу.

— Небось собираешься выкрасть секретную формулу сигарет «Золотой ярлык» Эндрю Джилла? — Фок снова захихикал, думая про себя: а ведь это чистая правда. Любой, кто приезжает сюда, втайне мечтает либо украсть, либо убить. Взять хотя бы Элдона Блэйна, оптика, а он приехал из Болинаса, который совсем близко.

— Моя работа требует разъездов. Я езжу по всей Северной Калифорнии. — Он добавил после некоторой паузы: — Когда у меня был Эдвард Принц Уэльский, так и было. Сейчас мой автомобиль таскает полудохлая лошадь, и, чтобы куда-нибудь добраться, требуется побольше времени.

— Послушай, — сказал Хоппи, — не рассказывай никому, что мы были знакомы. Мне будет неприятно, понимаешь? За много лет я стал жизненно важной частью коммуны, и я не хочу никакой новизны, которая вторглась бы и все изменила. Может быть, я смогу помочь тебе в твоих делах, и тогда ты уедешь. Согласен?

— Ладно, — сказал Стюарт. — Я уеду, как только закончу дела.

Он изучал фока с таким вниманием, что Хоппи почувствовал себя подопытным кроликом.

— Значит, ты нашел место по себе, — сказал Стюарт. — Что ж, я рад...

Хоппи сказал:

— Я представлю тебя Джиллу, вот что я сделаю для тебя. Он, естественно, мой хороший приятель.

Стюарт кивнул:

— Идет. Я высоко ценю это.

— И не вздумай здесь что-нибудь натворить, понял? — Фок услышал, как его голос срывается на визг, но ничего не мог поделать. — Не вздумай красть или что-нибудь в этом роде, а то с тобой произойдет кое-что ужасное, понял?

Негр угрюмо кивнул. Но он не казался испуганным, он не лебезил перед фоком, и последнего охватили дурные предчувствия. Лучше бы ты поскорее уехал, думал Хоппи. Убирайся отсюда, не вноси в мою жизнь неприятностей. Лучше бы я никогда тебя не знал, лучше бы я не знал никого из внешнего мира до Катастрофы. Не хочу даже думать об этом.

— Я спрятался под тротуаром, — сказал вдруг Стюарт, — когда упала первая бомба. Я спустился в люк. Он действительно оказался надежным убежищем.

— С чего ты вдруг вспомнил? — взвизгнул фок.

— Не знаю. Я думал, тебе интересно.

— Неинтересно, — визжал фок, зажав уши экстензорами, — не хочу больше слышать об этом.

— Ну, — сказал Стюарт, задумчиво теребя нижнюю губу, — тогда пойдем повидаем Эндрю Джилла.

— Если бы ты знал, что я могу с тобой сделать, — сказал фок, — ты бы перепугался до смерти. Я могу... — Он запнулся; он чуть не упомянул об оптике Элдоне Блэйне. — Я могу передвигать предметы, — сказал он. — На большом расстоянии. Это род колдовства. Я — колдун.

Стюарт сказал без особых эмоций:

— Совсем не колдовство. Мы называем это уродским столоверчением.

Он улыбнулся.

— Н-не п-понимаю, — начал заикаться Хоппи. — Что э-это з-значит? «Уродское столоверчение». Никогда не слышал. Вроде столоверчения при спиритическом сеансе?

— Да, только вместо духов — уроды. Мутанты.

Он не боится меня, понял Хоппи. Это из-за того, что он знал меня в старые дни, когда я был никем. Негр безнадежен — слишком туп, чтобы понять: ситуация изменилась. Он остался почти таким же, как семь лет назад, когда Хоппи в последний раз видел его. Он тупой, как дерево.

И тут Хоппи вспомнил о сателлите.

— Подожди, — сказал он Стюарту, задыхаясь, — очень скоро даже вы, горожане, узнаете обо мне. Весь мир познакомится со мной. Как те, кто живет сейчас рядом. И очень скоро. Я почти готов!

Терпеливо улыбаясь, Стюарт сказал:

— Сначала произведи впечатление на меня, представь меня табачнику.

— Знаешь, что я могу сделать? — сказал Хоппи. — Я могу добыть формулу табака Эндрю Джилла прямо из его сейфа, или где там он ее хранит, добыть — и бросить тебе прямо в руки. Что ты на это скажешь? — Он засмеялся.

— Просто дай мне встретиться с ним, — повторил Стюарт, это все, чего я хочу. На черта мне его табачная формула.

Он, казалось, устал.

Дрожа от гнева и страха, фок развернул «мобиль» по направлению к маленькой фабрике Эндрю Джилла и поехал, указывая Стюарту дорогу.

Эндрю Джилл оторвался от скатывания сигарет и увидел Хоппи Харрингтона — которого он не любил, — въезжающего в его мастерскую в сопровождении негра, которого Джилл не знал. Сразу же табачный эксперт почувствовал себя не в своей тарелке. Он отложил

работу и встал. Работники, нанятые им, продолжали сидеть на длинной скамье и скатывать сигареты.

Только для табачной мастерской он нанимал восемь человек. В цехе перегонки, где производилось бренди, работало еще двенадцать, но цех находился на севере округа Сонома, и рабочие были тамошними уроженцами. Фабрика Джилла считалась крупнейшим коммерческим предприятием, если не учитывать сельскохозяйственных, таких, как овцеводческие ранчо Ориона Страуда или Джека Триза. Сигареты Джилла продавались по всей Северной Калифорнии. Их неспешно везли на телегах из города в город, а часть из них, как он знал, попадала даже на Восточное побережье; его сигареты и там были небезызвестны.

— Да? — обратился он к Хоппи, встав перед коляской фока и не позволяя ему подъехать ближе к работающим.

Когда-то помещение фабрики было городской пекарней. Бетонные стены выстояли под бомбовыми ударами, и пекарня стала идеальным местом для производства сигарет. Конечно, Джилл платил своим рабочим гроши. Они были рады получить хоть какую-нибудь работу.

Хоппи сказал, запинаясь:

— Эт-тот человек п-приехал из Беркли, чтобы встретиться с вами, мистер Джилл. Он говорит, что он крупный торговец. Так? — Фок повернулся к негру: — Так вы мне сказали, не правда ли?

Протягивая руку Джиллу, негр сказал:

— Я представляю корпорацию «Гомеостатические ловушки Харди». Беркли, Калифорния. Я приехал предложить вам интересное изобретение, которое позволит утроить ваши доходы за шесть месяцев.

Его черные глаза сверкали.

Джилл подавил желание громко рассмеяться.

— Понимаю, — сказал он, кивая и вынимая руки из карманов. Он напустил на себя серьезность. — Очень интересное предложение, мистер... — Он вопросительно посмотрел на негра.

— Стюарт Макконти, — отрекомендовался тот.

Они пожали друг другу руки.

— Мой наниматель мистер Харди, — сказал Стюарт, — уполномочил меня описать вам детально конструкцию полностью автоматической машины для свертывания сигарет. Мы осведомлены о том, что ваши сигареты изготавливаются вручную, устаревшим методом. — Он указал на работающих в глубине помещения и добавил: — Вы отстали лет на сто, мистер Джилл. Вы смогли добиться высокого качества ваших сигарет «Золотой ярлык»...

— Снижать которое я не намерен, — тихо проговорил Джилл.

Макконти сказал:

— Наше автоматическое электронное оборудование ни в коем случае не жертвует качеством в угоду количеству. На самом деле...

— Одну минуточку, — прервал его Джилл, — мне бы не хотелось обсуждать это сейчас...

Он выразительно глянул на фока, который пристроился рядом, прислушиваясь к разговору. Фок покраснел и сразу же развернул «мобиль» к выходу.

— Я уезжаю, — объявил он, — все это меня не интересует. До свидания.

Он выкатился через открытую дверь фабрики на улицу. Джилл и Стюарт наблюдали за ним, пока он не скрылся из виду.

— Наш мастер, — сказал Джилл.

— Макконти хотел было что-то сказать, потом передумал, откашлялся и отошел на несколько шагов, разглядывая помещение и работающих.

— У вас здесь не плохо, Джилл. Сразу хочу сказать, что я восхищен вашим товаром, он, несомненно, лучший из всего, что есть.

Я семь лет не слыщал такого, подумал Джилл. Трудно поверить, что в мире еще говорят подобные слова, столько всего изменилось, но этот человек, Макконти, сумел как-то сохранить их. У Джилла потеплело на душе. Макконти своей типичной речью продавца напомнил ему счастливые времена. Он почувствовал симпатию к негру.

— Благодарю вас, — сказал он, и это не было простой вежливостью. Может быть, в мир начинают наконец возвращаться некоторые из забытых старых обычаев, традиций, формул этикета, без которых мы стали тем, что мы есть.

Например, думал Джилл, речь Макконти... она совершенно такая же, как прежде, но не кажется ни пережитком, ни подражанием. Парень каким-то образом ухитрился сохранить свои взгляды, свою точку зрения и свой энтузиазм, несмотря ни на что. Он по-прежнему планирует, рассуждает, уговаривает — и ничто не может остановить его. Истинный торговец. Он не позволил даже ядерной войне и распаду общества сбить себя с толку.

— Как насчет чашечки кофе? — спросил он Стюарта. — Я сделаю перерыв на десять — пятнадцать минут, и вы сможете рассказать мне подробнее о своей автоматической машине, или как там она называется.

— Настоящий кофе? — спросил Макконти, и приятное, полное сдержанного оптимизма выражение его лица на миг изменилось: он кинул на Джилла откровенно жадный взгляд.

— Увы, — сказал Джилл, — всего лишь суррогат, но неплохой. Думаю, вам понравится, он получше того, что продают в городе в так называемых кофейнях.

Он пошел за водой для кофе.

— Неплохой у вас городок, — говорил Макконти, пока они ждали, когда закипит вода, — живописный и развитый.

— Спасибо.

— Приезд сюда, — продолжал Макконти, — как исполнение давнего сна. Путешествие заняло у меня неделю, а мечтал я о нем с тех

пор, как закурил первую сигарету «Золотой ярлык». У вас здесь... — он остановился, подыскивая слова, — островок цивилизации в мире варварства.

Джилл спросил:

— Что вы думаете о провинции как таковой? Жизнь в маленьком городке, подобном нашему, по сравнению с городской жизнью... слишком большая разница.

— Я только что приехал, — сказал Макконти. — И — прямо к вам, не тратя времени на осмотр достопримечательностей. Моей лошади понадобилась новая подкова на правую переднюю ногу, и я оставил ее в конюшне сразу за маленьким металлическим мостом.

— Знаю, — сказал Джилл, — это конюшни Ориона Страуда. Там неплохой кузнец.

Макконти продолжал:

— Здешняя жизнь кажется гораздо более мирной. В городе, если вы оставите своего коня... Вот недавно я оставил своего у переправы через залив, а когда вернулся, кто-то съел его. Такие случаи вызывают отвращение к городу и желание уехать подальше.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Джилл, — в городе столько жестокости, потому что там все еще слишком много бездомных и обездоленных.

— Я действительно любил своего коня, — погрустнел Макконти.

— Ну, — сказал Джилл, — в провинции вы постоянно сталкиваетесь со смертью животных. Это всегда было одной из главных неприятных сторон деревенской жизни. Когда упали бомбы, здесь у нас тысячи животных были сильно искалечены, овцы и коровы... Конечно, никакого сравнения не может быть с ущербом, нанесенным людям внизу, там, откуда вы прибыли. Должно быть, вы насмотрелись на человеческие страдания после Катастрофы...

Негр кивнул.

— Да — и на биологические отклонения тоже. Мутантами стали животные и люди. Вот Хоппи...

— Он не уроженец здешних мест, — сказал Джилл, — он появился в Пойнт-Рейсе после войны, отозвавшись на наше объявление о том, что мы ищем мастера. Я и сам не здешний. Когда упала бомба, я находился в пути — и вот, решил здесь остаться.

Кофе был готов, они начали пить его, и на некоторое время воцарилось молчание.

— Так что за ловушки выпускает ваша корпорация? — спросил, наконец, Джилл.

— Наша ловушка активного типа, — начал объяснять Стюарт, — поскольку она гомеостатическая, она самонастраивающаяся. Она преследует, допустим, крысу, кошку или собаку по всей сети трубопроводов, таких, какие, например, залегают под Беркли. Она догоняет крысу, убивает ее и отправляется за следующей — пока не кончится заряд

или пока какая-нибудь крыса случайно не повредит ее. Существует определенное количество суперкрыс — вы знаете, мутанты, перешедшие на более высокую ступень развития, — они могут испортить гомеостатическую ловушку Харди, но их немного.

— Впечатляет, — прошептал Джилл.

— Сейчас вернемся к нашему предложению...

— Дружище, — прервал его Джилл, — вы мне симпатичны, но есть маленькая закавыка. У меня нет свободных денег на покупку вашей машины, и мне нечего предложить в обмен. И я не намерен позволять кому-нибудь становиться моим партнером. Так что же нам остается? — Он улыбнулся. — Только оставить все, как есть.

— Подождите, — немедленно возразил Стюарт, — должно же быть какое-нибудь решение. Скажем, мы сдаем нашу машину вам в аренду в обмен на некоторое количество отборных сигарет «Золотой ярлык», которые, конечно, будут доставляться в обусловленном количестве еженедельно. — Лицо его светилось воодушевлением. — Корпорация Харди могла бы, например, стать единственным лицензированным дистрибьютором ваших сигарет. Мы можем представлять ваши интересы всюду, планомерно охватывая всю Северную Калифорнию, заменив ту неупорядоченную систему, которую вы сейчас пытаетесь использовать. Что вы на это скажете?

— Хм, — сказал Джилл, — звучит заманчиво. Допускаю, что распространением я занимался недостаточно... В течение последних лет я думал время от времени о необходимости создания организации по распространению, особенно учитывая то, что моя фабрика, как видите, расположена в провинции. Я даже подумывал о переезде в город, но там слишком распространены воровство и вандализм. Да я и не хочу возвращаться в город, мой дом здесь.

Он ничего не сказал о Бонни Келлер, а это и была настоящая причина того, что он оставался в Вест-Марине. Его роман с ней давным-давно кончился, но сейчас он любил ее больше, чем когда-либо. Он наблюдал, как она переходит от мужчины к мужчине, становясь все беспокойнее после каждой связи, и верил в глубине души, что когда-нибудь она вернется к нему. И Бонни была матерью его ребенка. Уж он-то знал, кто отец Эди Келлер.

— Вы уверены, — спросил он вдруг, — что прибыли сюда не для того, чтобы украсть мою табачную формулу?

Макконти рассмеялся.

— Вы смеетесь, — сказал Джилл, — но вы не отвечаете.

— Нет, я приехал не за этим, — сказал негр, — наше дело — электроника, а не сигареты.

Но Джиллу показалось, что негр отвел глаза, а голос его прозвучал слишком уверенно, слишком бесстрастно. И сразу же Джилл почувствовал себя неловко.

У меня выработался провинциальный менталитет? — спросил он себя. Изоляция вытравляет из меня мои лучшие качества. Я начинаю подозревать всех вновь прибывших... все непривычное.

Хотя, думал он, мне все-таки лучше быть поосторожнее. Не стоит увлекаться только потому, что этот человек напомнил мне доброе, старое время. Я должен тщательно проверить его машину. Кроме того, я ведь могу поручить Хопли сконструировать и построить такую же. Он вроде бы вполне способен на это. Я могу сделать все, что мне предложено, САМ.

Просто, я одинок, думал он. Да, может быть. Я скучаю по городским людям, по их образу мыслей. Провинция отупляет — этот Пойнт-Рейс со своей мимеографической «Ньюс энд Вьюс», заполненной пустой болтовней!

— Поскольку вы только что из города, — сказал он вслух, — можно порасспросить вас: не случилось ли в стране и в мире чего-нибудь интересного, о чем я мог и не слышать? Мы принимаем сателлит, но, если честно, я устал от болтовни диск-жокея и музыки. И эти бесконечные чтения...

Они посмеялись.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал Макконти, кивая и потягивая кофе. — Дайте вспомнить... Вроде бы где-то среди руин Детройта сделана попытка снова построить автомобиль. В основном он сделан из клееной фанеры, но заливают в него керосин.

— Не знаю, где они собираются брать керосин, — сказал Джилл. — Прежде чем строить автомобиль, они бы лучше восстановили парочку нефтеперерабатывающих установок. И привели бы в порядок несколько дорог.

— Кстати, о дорогах. Правительство в этом году собирается открыть дорогу через горы. Впервые после войны.

— Великолепно, — сказал довольный Джилл. — Я этого не знал.

— А телефонные компании...

— Секундочку, — сказал Джилл, вставая, — не хотите ли добавить немного коньяка в кофе. Сколько лет вы уже не пробовали кофе с коньяком?

— Вечность, — ответил Стюарт.

— Это «Пятизвездный Джилл». Мой собственный. Из долины Сонома.

Он стал наливать коньяк в чашку Стюарта из приземистой бутылки.

— Вот еще кое-что, что может заинтересовать вас. — Макконти полез в карман плаща и вынул плоский завернутый пакетик. Он открыл его, развернул, и Джилл увидел конверт.

— Что это? — взяв конверт, Джилл внимательно изучал его, не видя ничего необычного. Конверт как конверт, с адресом и погашенной маркой... Затем он понял и едва смог поверить. ПОЧТА! Письмо из Нью-Йорка.

— Точно, — сказал Макконти, — оно пришло моему боссу мистеру Харди. Проделало весь путь от Восточного побережья всего за четыре недели. Военные из правительства в Чайенне, это их заслуга. Письмо сначала везли на дирижабле, затем на грузовике, потом на лошади. На последнем этапе его нес пеший почтальон.

— Господи! — сказал Джилл. И налил немного «Пятизвездного» в свой кофе тоже.

Глава 12

— Оптика из Болинаса убил Хоппи, — сказал Билл своей сестре, — и он замышляет убить еще кого-то, а затем — я не могу рассказать тебе, но затем снова произойдет еще что-то подобное.

Эди, сестра Билла, играла с тремя другими девочками в «Ножницы, камень, бумагу». Она сразу же вскочила и отбежала в сторону, на край школьного двора, где никого не было и она могла свободно разговаривать с Биллом.

— Откуда ты знаешь? — взволнованно спросила она.

— Потому что я говорил с мистером Блэйном. Он сейчас внизу, там, куда попадают все. Хотелось бы мне выбраться и наказать Хоппи. Мистер Блэйн говорит, что это мой долг. Спроси доктора Стокстилла еще раз: не могу ли я как-нибудь родиться? — Голос у Билла был жалобный. — Если бы мне удалось родиться, хотя бы ненадолго...

— Может быть, я смогу чем-нибудь навредить Хоппи, — задумчиво сказала Эди, — спроси мистера Блэйна, что я должна делать. Пожалуй, я побаиваюсь Хоппи...

— Я такое могу изобразить, что он помрет от страха, — сказал Билл, — мне бы только выбраться наружу. Я кое-что припас для него. Ты бы слышала отца Хоппи, он у меня здорово получается. Хочешь послушать? — Низким голосом взрослого мужчины он сказал: — Я понимаю, для чего Кеннеди предназначает еще один из этих урезанных налогов. Если он думает, что сможет укрепить экономику таким способом, он еще дурнее, чем я предполагал, это уже крайняя дурость.

— А меня, — попросила Эди, — изобрази меня.

— Как я могу? — сказал Билл. — Ты ведь еще не умерла.

Эди спросила:

— Как это — быть мертвой? Когда-нибудь мне придется умереть, так что хотелось бы знать.

— Это забавно. Ты сидишь в яме и выглядываешь из нее. И ты совсем бесплотный, как... словом, как будто ты пустой. И знаешь — ты через некоторое время возвращаешься. Ты выплываешь наружу, и там, куда тебя выносит, ты становишься прежним. Ты знала об этом? То

есть ты возвращаешься назад, туда, где ты сейчас. Снова живой и во плоти.

— Нет, — сказала Эди, — я не знала.

Ей стало скучно. Она хотела услышать побольше о том, как Хоппи убил мистера Блэйна. Кроме того, мертвые люди внизу были такие неинтересные; они никогда ничего не делали, только сидели и ждали. Некоторые из них, вроде мистера Блэйна, все время думали об убийстве, а другие просто дремали, как овощи на грядке. Билл много раз рассказывал о них; ему было интересно, он считался с ними.

— Послушай, Эди, — сказал Билл, — давай проделаем еще один опыт с животным, хорошо? Ты поймаешь кого-нибудь маленького и приложишь его к своему животу. Я снова сделаю попытку и посмотрю, не смогу ли я выбраться наружу и перебраться в него. Ладно?

— Мы ведь уже пробовали, — рассудительно сказала Эди.

— Давай попытаемся опять. Поймай кого-нибудь по-настоящему маленького. Как называются эти существа — ты знаешь, — те, у которых панцирь и которые испускают слизь?

— Слизняки?

— Нет.

— Улитки?

— Точно. Поймай улитку и прижми ее к животу, как можно ближе ко мне. Прямо к моей голове, чтобы улитка могла слышать меня, а я — ее. Ты согласна? — Он добавил угрожающе: — Если ты не согласишься, я засну на целый год.

Затем он умолк.

— Спи, пожалуйста, — сказала Эди, — мне все равно. Мне есть с кем поговорить, а тебе — нет.

— Тогда я умру, и ты не сможешь выдержать этого, потому что тебе придется вечно таскать внутри себя мертвеца, или... Я скажу тебе, что я сделаю. Я знаю. Если ты не поймаешь улитку и не сделаешь, как я прошу, я начну расти и скоро вырасту таким большим, что ты лопнешь, как старая... как ее?

— Сумка, — сказала Эди.

— Да. И я тогда выберусь наружу.

— Ты, конечно, выберешься, — согласилась девочка, — но как только ты выкатишься, ты умрешь. Ты не сможешь жить.

— Я тебя ненавижу, — сказал Билл.

— А я тебя еще больше, — ответила Эди, — я возненавидела тебя первая давным-давно, как только обнаружила тебя.

— Ну и ладно, — мрачно сказал Билл. — Подумаешь. Мне просто любопытно, а ты возникаешь.

Эди ничего не сказала, она вернулась к девочкам и снова включилась в игру. Это было гораздо интереснее росказней ее брата. Он так мало знал, ничего не делал, ничего не видел, сидел там внутри нее — и все.

Но когда он рассказывал о том, как Хоппи свернул шею мистеру Блэйну, Эди заинтересовалась. Знать бы, кого Хоппи собирается прикончить следующим. И надо ли сообщить об этом матери или полицейскому Кольвигу?

Неожиданно Билл заговорил:

— Можно я тоже буду играть?

Оглянувшись вокруг, Эди убедилась, что никто из девочек его не слышал.

— Можно мой брат будет играть? — спросила она.

— У тебя нет никакого брата, — с презрением сказала Вильма Стоун.

— Он придуманный, — напомнила ей Рози Квинн. — Поэтому ничего особенного, если он поиграет с нами. — Эди она сказала: — Можно.

— Раз, два, три, — выкрикнули девочки, и каждая вытянула руку с согнутыми или растопыренными пальцами.

— У Билла ножницы, — сказала Эди, — он бьет тебя, Вильма, потому что ножницы режут бумагу. А ты, Рози, бьешь Билла, потому что камень тупит ножницы, а Билл играет вместе со мной.

— Как же мне стукнуть его? — спросила Рози.

Подумав, Эди сказала:

— Стукни меня сюда очень слабо. — Она показала на свой бок, как раз возле пояса юбки. — Только не кулаком, и поосторожнее, потому что Билл — неженка.

Рози осторожно ударила ее. Билл сказал изнутри:

— Ладно. В следующий раз я ей отплачу.

Через игровую площадку шел отец Эди, директор школы, и мистер Барнс, новый учитель. Они ненадолго задержались возле девочек, улыбаясь.

— Билл тоже играет, — сказала Эди отцу. — Его только что стукнули.

Джордж Келлер рассмеялся и сказал мистеру Барнсу:

— Вот до чего доводит избыток воображения. Ходишь всегда битым.

— А как же Билл стукнет меня? — встревоженно спросила Вильма. Она отбежала и посматривала на взрослых. — Он собирается ударить меня, — объяснила она. — Только не очень сильно, — сказала она в сторону Эди. — Ладно?

— Он не может сильно ударить, — объяснила Эди, — как бы ни хотел.

Вильма неожиданно отпрыгнула от нее.

— Видишь, — сказала Эди. — Это все, что он может, даже если очень постарается.

— Он не ударил, — сказала Вильма, — он просто напугал меня. Не очень-то он меткий.

— Это потому, что он не может видеть, — ответила Эди. — Давай, я лучше стукну тебя за него, так будет честнее.

Она наклонилась вперед и быстро ударила Вильму по запястью.

— Давайте снова. Раз, два, три...

— Почему он не может видеть? — спросил мистер Барнс.

— Потому что у него нет глаз, — ответила Эди.

Мистер Барнс сказал ее отцу:

— Что ж, вполне разумный ответ.

Брат Эди бубнил внутри нее:

— Если ты поймаешь улитку, я смогу немножко побыть ею и, может быть, смогу ползать вокруг и видеть. Ведь улитки видят? Как-то ты рассказывала мне, что у них глаза на палочках.

— На ножках, — поправила Эди.

— Пожалуйста... — жалобно попросил Билл.

Она подумала: я знаю, что я сделаю. Поймаю дождевого червя, приложу к себе, и, когда ты переберешься в него, ты будешь таким же слепым, как он; червь ничего не умеет, не видит, не знает — только копает. Вот ты удивишься!

— Хорошо, — сказала она, снова вскакивая, — я поймаю кого-нибудь и все сделаю. Подожди минутку, пока я найду. Я должна поискать, так что потерпи.

— Тысяча благодарностей. — В голосе Билла слышались нервозность и нетерпение. — Я сделаю для тебя все, что хочешь, честное слово.

— Что ты можешь сделать для меня? — спросила Эди, шаря в траве на краю школьного двора, где она видела множество червяков после вчерашнего ночного дождя. — Разве такой, как ты, может сделать что-нибудь для кого-нибудь?

Она искала настойчиво, нетерпеливо, вороша траву проворными пальцами.

Ее брат не отвечал. Она чувствовала его молчаливую тоску и тихо хихикала про себя.

— Ты что-то потеряла? — спросил мужской голос рядом с ней.

Она подняла голову: это был мистер Барнс, он стоял и улыбался ей.

— Я ищу дождевого червя, — смущенно ответила она.

— Какая бесстрашная девочка! — сказал он.

— С кем ты говоришь? — спросил встревоженный Билл, — кто это?

— Мистер Барнс, — объяснила она.

— Да? — обернулся мистер Барнс.

— Я говорю с моим братом, а не с вами, — сказала Эди, — он спросил, с кем я разговариваю. Это новый учитель, — объяснила она Биллу.

Ее брат сказал:

— Я узнал. Я помню его, он сейчас так близко, что я могу почувствовать его. Он знает маму.

— Нашу маму? — удивленно спросила Эди.

— Да, — сказал Билл недоумевающе, — я этого не понимаю, но он ее знает, он все время видится с ней, когда никого нет. Он и она... —

Он запнулся. — Это ужасно и плохо. Это... — Он задохнулся от волнения. — Я не могу сказать.

Эди смотрела на учителя, разинув рот.

— Вот, — сказал Билл с удовлетворением, — разве я не сделал чего-то для тебя? Я рассказал тебе тайну, ты бы никогда не узнала ее без меня. Разве не так?

— Да, — изумленно произнесла Эди, медленно кивая. — Точно.

Хэл Барнс сказал Бонни:

— Сегодня я видел твою дочь. И у меня сильное подозрение, что она знает про нас.

— О Господи, откуда? — вздохнула Бонни. — Это невозможно.

Она протянула руку и подкрутила фитиль коптилки.

Гостиная перестала казаться призрачной, когда стали видны стулья, стол и картины.

— К тому же, — продолжала Бонни, — ей все равно.

Барнс подумал: но она может рассказать Джорджу...

Мысль о муже Бонни заставила его внимательно изучить через оконный экран залитую луной дорогу. Никакого движения; дорога была пустынна, и в окне видны были только заросли, покрывающие холмы, да ровные фермерские поля внизу. Мирная пастораль, думал он. Джордж, как директор школы, участвовал в собрании Ассоциации родителей и преподавателей, его не будет дома несколько часов. Эди, конечно, уже в постели. Восемь вечера.

А Билл? — думал он. Где этот Билл, как называет его Эди? Бродит по дому, шпионя за нами? Он почувствовал себя неловко и отодвинулся от лежавшей возле него на кушетке женщины.

— В чем дело? — встревожилась Бонни. — Ты что-то услышал?

— Нет, но... — Он сделал извиняющий жест.

Бонни прикоснулась к нему, обняла и притянула к себе:

— Боже, как ты боишься. Неужели война тебя ничему не научила?

— Она научила меня, — сказал он, — ценить сам факт моего существования и не рисковать им. Она научила меня быть осторожным.

Тяжело вздохнув, Бонни села, поправила одежду и застегнула блузку. Как отличался этот человек от Эндрю Джилла! Тот занимался с нею любовью в открытую, средь бела дня, на обсаженных дубами дорогах Вест-Марина, где в любой момент их могли заметить. И всегда он заставал ее врасплох, как в первый раз — увлекая ее, не дрожа, не мямля и не бормоча... может быть, мне стоит вернуться к нему, думала она.

Может быть, я должна бросить их всех — Барнса, Джорджа и мою рехнувшуюся дочь. Мне бы надо открыто жить с Джиллом, плевать на мнение коммуны и для разнообразия попытаться быть счастливой.

— Что ж, если мы не собираемся заниматься любовью, — сказала она, — тогда давай пойдем в Форестер-холл послушаем сателлит.

— Ты это серьезно?

— Конечно. — Она подошла к шкафу, чтобы взять плащ.

— Тогда, — медленно сказал он, — все, чего ты хочешь, — это постель, и больше тебе ничего не надо.

— А ты чего хочешь? РАЗГОВОРОВ?

Он грустно смотрел на нее, ничего не отвечая.

— Ты амеба, — сказала она, покачав головой, — ты бедная амеба. Прежде всего, почему ты приехал в Вест-Марин? Только для того, чтобы учить детишек и бродить по холмам в поисках грибов?

Ее охватило отвращение.

— Сегодняшний случай на школьном дворе... — начал он.

— Не было никакого случая, — прервала она его. — Просто у тебя рыльце в пушку, вот тебе и показалось невесть что. Пойдем. Я хочу послушать Дангерфильда. По крайней мере, когда он говорит, становится весело.

Она надела плащ, быстро подошла к двери и распахнула ее.

— А с Эди все будет в порядке? — спросил Барнс, когда они вышли из дома.

— Конечно, — отрезала Бонни, не способная в этот миг испытывать какие-нибудь материнские чувства. — Гори все синим пламенем! — сказала она себе.

Она мрачно шла по дороге, засунув руки в карманы. Барнс плелся сзади, стараясь не отставать.

Неожиданно перед ними показались из-за угла две человеческие фигуры. Бонни в панике остановилась, думая, что одна из них — Джордж. Затем она узнала в менее высоком коренастом человеке Джека Триза, а в другом — и тут ей пришлось сделать вид, что ничего особенного не происходит — доктора Стокстилла.

— Пойдемте, — спокойно обернулась она к Барнсу. Он подошел, растерянный, желая провалиться сквозь землю.

— Привет, — сказала Бонни Стокстиллу и Блутгельду, вернее, Джеку Тризу — следовало помнить, что сейчас у Бруно было другое имя. — Что происходит? Психоанализ во тьме ночной? Он эффективнее? Не удивлюсь, если это действительно так.

Задыхаясь от волнения, Триз сказал:

— Бонни, Я ВИДЕЛ ЕГО СНОВА. Того самого негра, который сразу обо всем догадался, когда я входил в офис доктора Стокстилла. В день, когда началась война... Помните, вы уговорили меня пойти к психиатру?

Стокстилл пошутил:

— Говорят, что они все на одно лицо. И, кроме того...

— Нет, это тот самый негр, — упорствовал Триз, — он последовал за мной сюда. Догадываетесь, что это значит? — Триз переводил взгляд

со Стокстилла на Бонни, а с нее — на Барнса, и его широко раскрытые воспаленные глаза были полны ужаса. — Это значит, что все готово начаться заново.

— Что начаться? — спросил Барнс.

— Война, — сказал Триз, — потому что с этого она началась в прошлый раз. Негр увидел меня и понял, что я сделал. Он узнал меня тогда и узнает сейчас. Как только он меня увидит... — Физик оборвал свою речь, задохнувшись в приступе кашля.

— Простите, — прошептал он.

Бонни сказала Стокстиллу:

— Действительно, здесь появился какой-то негр, Триз прав. Видимо, он приехал к Джиллу поговорить о продаже сигарет.

— Не может быть, чтобы это был тот же самый негр, — возразил Стокстилл. Сейчас они с Бонни шли рядом и тихо переговаривались.

— Все может быть, — сказала Бонни, — но какая разница, это ведь одна из его навязчивых идей. Я слышала, как он бормотал об этом множество раз. Какой-то негр подметал тротуар и видел его входящим в ваш офис — и как раз в этот день началась война. Бруно связал два события воедино. Вам не кажется, что сейчас он окончательно сошел с ума?

Она чувствовала некоторое облегчение; она ожидала, что в конце концов так и произойдет.

— Что ж, период устойчивой социальной дезадаптации подходит к концу, — сказала она и подумала: возможно, для нас всех. Нам стало ясно — так не может больше продолжаться. Триз и его овцы, я и Джордж... Она вздохнула. — Как вы считаете, доктор?

Стокстилл сказал:

— Если бы у меня было немного стелазина... но стелазин перестал существовать в день Катастрофы. Лекарство помогло бы ему, а я бессилен. Я отказываюсь что-нибудь предпринимать, Бонни, и вы знаете об этом.

Он тоже испытывал облегчение.

— Бруно раскажет всем и каждому, — сказала Бонни, наблюдая, как Блутгельд стоит и повторяет Барнсу то, что он только что говорил, — они узнают, кто он, и убьют его. Произойдет как раз то, чего он боялся. Он прав.

— Я не могу остановить его, — мягко сказал Стокстилл.

— Вы особо и не пытаетесь, — упрекнула его Бонни.

Он пожал плечами.

Подойдя к Блутгельду, Бонни сказала:

— Послушайте, Джек, давайте все вместе пойдем к Джиллу и посмотрим на этого негра. Держу пари, он даже не заметил вас в тот день. Спорим? Ставлю двадцать пять серебряных центов.

— Почему вы говорите, что война началась из-за вас? — спросил Барнс у Блутгельда и с недоумевающим видом повернулся к Бонни: —

Что это с ним? Военный психоз? И еще он говорит, что война опять начнется...' — Он снова обратился к Блутгельду: — Невозможно, чтобы такое повторилось еще раз. Я могу привести вам множество причин. Во-первых, не осталось никакого водородного оружия, во-вторых...

— Помолчи, — сказала Бонни, положив ему руку на плечо. Бруно она сказала: — Давайте спустимся вниз и послушаем сателлит? Идет?

Блутгельд пробормотал:

— Что такое сателлит?

— Господи, — изумился Барнс, — он не знает, о чем вы говорите. Он повредился в уме. Послушайте, доктор, кажется, это называется шизофренией, когда личность перестает ориентироваться в мире и адекватно оценивать его? Этот человек, без сомнения, потерял ориентировку, вы только послушайте...

— Я слушаю, — тихо сказал Стокстилл.

Бонни обратилась к нему:

— Доктор, Джек Триз очень дорог мне. Когда-то он почти заменил мне отца. Ради Бога, сделайте что-нибудь. Я не могу стоять и смотреть на него такого, я просто не выдержу.

Стокстилл беспомощно развел руками:

— Бонни, вы ведете себя, как ребенок. Вы думаете, что все можно получить, стоит лишь очень захотеть. Такое случается только в сказках. Я не могу помочь Джеку Тризу.

Он повернулся и сделал несколько шагов в сторону города.

— Пойдемте, — бросил он через плечо, — поступим так, как предлагает миссис Келлер. Посидим в холле, послушаем сателлит минут двадцать — и сразу же почувствуем себя лучше.

Барнс снова со всей серьезностью обратился к Джеку Тризу:

— Позвольте мне указать вам на ошибку в ваших логических умозаключениях. Вы видели некоего человека, негра, в день Катастрофы. Допустим. Сейчас, семь лет спустя...

— Заткнись, — сказала Бонни, дернув его за руку, — ради Бога...

Затем она подошла к Стокстиллу.

— Я больше не могу, — сказала она, — я знаю, приближается развязка. Он не выдержит, если снова увидит этого негра.

Глаза ее были полны слез, она чувствовала, как соленые капли скатываются по щекам.

— К черту, — сказала она с горечью, шагая впереди остальных по направлению к городу так быстро, как могла. Не знать даже о сателлите! Как можно быть таким оторванным от мира, так деградировать... Я не понимаю. И как мне выдержать это? Как такое вообще может происходить? Он был так великолепен когда-то. Человек, который выступал по телевизору, писал статьи, учил, спорил...

Блутгельд бубнил позади нее:

— Я знаю, Стокстилл, — это тот же самый человек, потому что, когда я столкнулся с ним на улице — я покупал еду в продуктовой

лавке, — он окинул меня таким же странным взглядом, как будто хотел посмеяться надо мной, но затем понял, что, если он только посмеет, я опять сделаю то же, что и в прошлый раз, и он побоялся. Однажды он уже пострадал и теперь знает. Разве это не ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, Стокстилл? Сейчас он знает. Я прав?

— Сомневаюсь, что ему известно о том, что вы живы, — сказал Стокстилл.

— Но я должен был выжить, — ответил Блутгельд, — или весь мир... — Голос его стал тише, и Бонни не разобрала остального. Она слышала только звук от каблуков своих туфель, цокающих по заросшему травой, разбитому тротуару.

И остальные, все мы — также безумны, сказала она себе. Моя дочь с ее воображаемым братом... Хоппи, двигающий пенсы на расстоянии и изображающий Дангерфильда... Эндрю Джилл, скатывающий сигареты вручную одну за другой, год за годом... Только смерть принесет нам избавление, а может быть, и она окажется бессильной. Может быть, уже слишком поздно — мы захватим этот вирус и в следующую жизнь.

Было бы лучше, думала она, если б все мы погибли в день Катастрофы. Тогда бы нам не пришлось видеть калек и уродов, радиаков и животных-мутантов. Да, те, кто развязал войну, не довели дело до конца. Я устала. Я хочу отдохнуть. Я хочу бросить все и тихо лежать где-нибудь в темноте. И не слышать никого. Вечно.

Потом ее мысли приняли более практический оборот: может быть, все дело в том, что я просто не встретила подходящего мужчину. Но еще не поздно, я молода, я не растолстела, все говорят, что у меня великолепные зубы. Пока еще все возможно, надо только ждать.

Впереди показался Форестер-холл, старомодное белое деревянное здание с заколоченными окнами — вылетевшие стекла так и не вставили снова, и уже никогда не вставят. Может быть, Дангерфильд, если он еще не умер от язвенного кровотечения, мог бы передать мое классифицированное объявление, думала Бонни. Интересно, как бы это пережила коммуна? Или лучше дать объявление в «Ньюс энд Вьюс», позволить потасканному пьянчужке Полу Дитцу печатать маленькую заметку от моего имени в течение шести или более месяцев?

Открыв двери Форестер-холла, она услышала знакомый дружелюбный голос Уолта Дангерфильда. Он читал книгу. Бонни увидела лица слушающих — на одних отражалось волнение, на других — неприкрытое удовольствие... Она заметила скромно сидящих в углу зала двух человек — Эндрю Джилла и стройного симпатичного молодого негра — того самого, который обрушил крышу хрупкой постройки несовершенной адаптации Блутгельда. Бонни стояла в дверях, не зная, что делать.

За ней в зал вошли Барнс и Стокстилл и с ними Бруно. Первые двое привычно начали искать свободное место в переполненном зале,

а Бруно, который никогда раньше не показывался в холле во время передачи, остановился в растерянности, как будто он не мог разобрать слов, звучащих из маленького приемника на батарейках.

Озадаченный, он встал позади Бонни, потирая лоб и рассматривая собравшихся в зале. Он вопросительно посмотрел на Бонни застывшим взглядом, затем последовал за Барнсом и Стокстиллом. И тут он увидел негра. Он остановился. Он повернулся к Бонни, и выражение его лица изменилось: она прочла на нем ужасное разрушительное подозрение, точнее, уверенность, что он проник в суть увиденного.

— Бонни, — пробормотал он, — вы должны увести его отсюда.

— Я не могу, — просто ответила она.

— Если вы не уведете его, — сказал Бруно, — я снова заставлю бомбы падать.

Она пристально изучала его и затем услышала свой собственный голос, сухой и резкий:

— Неужели? Это то, чего вы хотите, Бруно?

— Я должен, — бормотал он без всякого выражения, глядя на нее невидящими глазами. Он был полностью погружен в свои мысли, в изменения, происходившие в нем. — Извините, но сначала я заставлю бомбы взорваться в верхних слоях атмосферы, как и в прошлый раз. Если это не поможет, тогда я позволю им падать вниз, и они поразят каждого. Пожалуйста, простите меня, Бонни, но должен же я защитить себя!

Он попытался улыбнуться, но его беззубый рот только исказился от нервной дрожи.

Бонни спросила:

— Вы НА САМОМ ДЕЛЕ способны на это? Точно?

— Да, — кивнул он.

Он говорил уверенно, он всегда был так уверен в своих силах. Один раз он вызвал войну, и может вызвать ее опять, если они доведут его до этого. Она не видела в его глазах ни тени растерянности или сомнения.

— Такая мощь — у одного человека, — сказала она. — Не странно ли, что все досталось одному?

— Да, — согласился он, — здесь вся сила мира, собранная вместе. Я — ее центр. Бог повелел, чтобы было так.

— Как он ошибся! — сказала она.

Бруно мрачно посмотрел на нее:

— И вы тоже! Я думал, вы никогда не пойдете против меня, Бонни.

Она ничего не ответила, она нашла свободное место и села, не обращая больше внимания на Блутгельда. Она больше не могла; она терпела годы, и сейчас, наконец, она ничем не могла ему помочь.

Сидевший неподалеку Стокстилл наклонился к ней и сказал:

— Вы знаете, что негр здесь, в зале?

— Да, — кивнула она, — знаю.

Сидя совершенно прямо, она сосредоточилась на словах, звучащих из радиоприемника. Она слушала Дангерфильда, и плевать ей было на все, что происходило вокруг.

Кончено, думала она. От меня ничего не зависит. Что бы он ни делал, что бы с ним ни случилось — это не моя вина. Что бы ни случилось со всеми нами. Я не могу больше нести ответственность. Это продолжалось слишком долго, и я рада, наконец, выбраться из-под гнета.

Как легко, думала она. Слава Богу!

Сейчас все должно начаться снова, думал Бруно Блутгельд. Война. Выбора нет, меня вынуждают к действию. Мне жаль людей. Им всем придется пострадать, но, может быть, те, кто уцелеет, искупят свои грехи. Может быть, в конце концов, все к лучшему.

Он сел, сложил руки, закрыл глаза и сосредоточился, собираясь с мыслями. Растите, сказал он всем подвластным ему мировым силам. Объединяйтесь и становитесь такими же могучими, как в прошлый раз. Мне снова нужна вся ваша мощь.

Однако голос, исходящий из динамика, раздражал его и мешал сосредоточиться. Он отвлекся и подумал: мне не должны мешать, это противоречит Плану. Кто там говорит? Они все слушают... они что, получают от него указания?

Он спросил у человека, сидевшего рядом:

— Тот, кого мы слушаем, — это кто?

Пожилой человек раздраженно повернул голову, чтобы взглянуть на Блутгельда.

— Это же Уолт Дангерфильд, — ответил он с выражением крайнего удивления.

— Никогда не слышал о нем, — сказал Бруно. А зачем мне было слышать о нем? — Откуда он говорит?

— С сателлита, — буркнул пожилой человек уничтожающе и снова стал слушать.

Сейчас я вспомнил, подумал Бруно. Вот почему мы пришли сюда: слушать сателлит. Слушать человека, говорящего сверху.

Погибни, приказал он, мысленно сосредоточившись на небе над головой. Прекрати, потому что ты умышленно досаждаешь мне, мешаешь моему делу. Бруно ждал, но голос не умолкал.

— Почему он не перестает говорить? — спросил он человека, сидевшего с другой стороны. — Как он может продолжать?

Немного ошеломленный, тот сказал:

— Вы имеете в виду его болезнь? Он сделал запись давно, еще до того, как заболел.

— Болезнь, — повторил Бруно. — Понятно.

Он заставил человека на сателлите заболеть — это уже кое-что, но еще не все. Только начало. Умри, подумал он, опять сосредоточив-

шись на мысли о небе и сателлите над ними. Однако голос продолжал говорить.

Ты защищен от моего влияния, удивился Бруно. Они снабдили тебя экраном? Я сокрушу его. Ты, очевидно, долго готовился к моей атаке, но тебе это не поможет.

Пусть появится водородное устройство, приказал он. Пусть оно взорвется возле самого сателлита, чтобы лишить этого человека возможности сопротивляться. Затем пусть он умрет, отдавая себе отчет — на кого он посягнул. Бруно Блутгельд сосредоточился, сжал руки вместе, выдавливая силу из глубины своего мозга.

Но чтение все равно продолжалось.

Он очень силен, признал Бруно. Да, стоило восхититься таким человеком. На самом деле, думая о нем, Блутгельд слегка улыбался. Пусть теперь взорвется целая серия водородных устройств, приказал он. Пусть сателлит хорошенько тряхнет, пусть он наконец поймет...

Голос в динамике замолк.

Давно пора, сказал про себя Бруно. Он вздохнул, расслабился, закинул ногу за ногу, пригладил волосы и, взглянув на соседа слева, подытожил:

— Все.

— Точно, — подтвердил сосед, — сейчас он передаст новости, если чувствует себя достаточно хорошо.

Бруно с удивлением сказал:

— Но ведь он мертв.

Пораженный собеседник запротестовал:

— Не может такого быть, не верю я росказням. Пошли вы...

— Это чистая правда, — настаивал Бруно, — его сателлит полностью разрушен, и от него ничего не осталось.

Почему этот человек ничего не знает? Неужели новость еще не дошла до всего мира?

— Не каркай, — сказал его сосед, — не знаю, кто ты такой и почему так говоришь, но ты зря стараешься. Немного подожди — и услышишь. Готов поспорить на пять металлических центов.

Радио молчало. Люди в зале зашевелились, беспокойно перешептываясь, охваченные мрачными предчувствиями.

Начинается, сказал себе Бруно. Сначала взрывы в верхних слоях атмосферы, как раньше. Скоро каждый поймет. Мир сам уничтожит себя, как в прошлый раз, дабы положить конец постоянному росту жестокости и злобы. Надо прекратить это, пока не слишком поздно. Бруно глянул туда, где сидел негр, и улыбнулся. Негр делал вид, что не замечает его, он прикидывался, будто увлечен беседой с человеком, сидевшим рядом.

Ты все прекрасно знаешь, думал Бруно. И я заявляю: тебе не удастся меня провести. Ты больше, чем кто-либо другой, понимаешь, что начинает происходить.

Что-то неладно, подумал доктор Стокстилл. Почему Уолт Дангерфильд замолчал? Может быть, у него закупорка кровеносных сосудов или что-нибудь в этом роде?

Затем он заметил кривую победоносную усмешку беззубого рта Бруно Блутгельда. Стокстилл сразу же догадался: физик приписывает случившееся влиянию своего мозга. Параноидальная мания всемогущества: все, что происходит, происходит из-за него. Он брезгливо отвернулся, повернув стул так, чтобы больше не видеть Блутгельда.

Сейчас он перенес свое внимание на молодого негра. Да, подумал он, вполне может быть, что это тот самый негр-продавец, который давным-давно открывал ТВ-магазин напротив моего офиса в Беркли. Пожалуй, я подойду и спрошу его.

Поднявшись, он подошел к Эндрю Джиллу и его соседу.

— Извините, — наклонился он к негру, — вы случайно не жили в Беркли и не продавали телевизоры на Шаттак-авеню?

Тот сказал:

— Доктор Стокстилл! Как тесен мир! — И они обменялись рукопожатиями.

— Что случилось с Дангерфильдом? — с беспокойством спросил Эндрю Джилл.

Сейчас к приемнику подошла Джун Рауб и начала вертеть ручку, пытаясь его настроить. Остальные слушатели стали собираться вокруг, сбиваясь в маленькие печальные группки, перешептываясь, давая советы.

— Думаю, ему конец, — продолжал Джилл. — Как вы считаете, доктор?

— Если так, — сказал Стокстилл, — это трагедия.

В дальнем углу комнаты Бруно Блутгельд поднялся на ноги и провозгласил громким хриплым голосом:

— Началось всеобщее уничтожение. Каждому присутствующему будет даровано достаточно времени, чтобы признаться в своих грехах и раскаяться, если он сделает это искренне.

В комнате стало тихо. Один за другим все повернулись к Блутгельду.

— У вас здесь что — есть проповедник? — спросил негр у Стокстилла.

Доктор быстро сказал Джиллу:

— Триз болен, Энди. Его надо увести отсюда. Помогите мне.

— Конечно, — огласился Джилл, следуя за доктором к Блутгельду, который продолжал ораторствовать.

— Взрывы в верхних слоях атмосферы, которые я вызвал в 1972 году, были только началом нынешних деяний, санкционированных самим Господом в премудрости Его. Загляните в Апокалипсис, там все сказано... — Он увидел подходивших к нему Стокстилла и Джилла. —

Вы очистились? — спросил он. — Вы готовы предстать перед Грядущим Судом?

И тут из динамика раздался знакомый голос, слабый и дрожащий, но все узнали его:

— Прошу прощения за паузу, — сказал Дангерфильд, — но я почувствовал головокружение, должен был прилечь ненадолго и не заметил, как кончилась пленка. Так или иначе... — засмеялся он своим прежним, таким знакомым смехом, — я снова в эфире. По крайней мере, на некоторое время. Итак, что я намеревался сделать? Кто-нибудь помнит? Подождите-ка... Зажглась красная лампочка: кто-то вызывает меня снизу. Минуточку...

Люди в зале облегченно и радостно зашумели. Они повернулись к приемнику и забыли о Блутгельде. Стокстилл и Джилл тоже подошли к радио и с ними негр-продавец. Они присоединились к группе улыбающихся людей и стояли в ожидании.

— Я получил заявку на «Für mich bist du schön»[1] — сказал Дангерфильд. — Можете себе представить? Кто-нибудь помнит сестер Эндрюс? Верьте или не верьте, но старое, доброе американское правительство любезно снабдило меня записью сестер Эндрюс, поющих эту старомодную, но любимую народом песенку... Видимо, они сочли, что я должен стать своего рода хронокапсулой на Марсе. — Он засмеялся. — Итак, «Für mich bist du schön» для какого-то старого чудака из района Великих Озер. Слушайте!

Послышалась музыка, звонкая и архаичная, и люди в зале радостно и благодарно расслабились, откидываясь один за другим на спинки стульев.

Выпрямившись рядом со своим стулом, Бруно Блутгельд слушал музыку и думал: не могу поверить. Тот человек наверху не существует. Я сам довел его до полного уничтожения. ДОЛЖНО БЫТЬ ЭТО КАКОЙ-НИБУДЬ ОБМАН. МОШЕННИЧЕСТВО. Я ЗНАЮ, ТАМ НИЧЕГО НЕТ.

Как бы то ни было, понял он, я должен приложить больше стараний. Я должен все начать снова и на этот раз обрушиться на него со всей возможной силой.

Никто не обращал на Бруно внимания, все были увлечены передачей, поэтому он тихо отошел, наконец, от своего стула и вышел из холла наружу, в ночную тьму.

Впереди по дороге, над домом Хоппи, светилась, пульсировала и гудела высокая антенна. Бруно Блутгельд, недоумевая, рассматривал ее, направляясь к тому месту, где он привязал свою лошадь. Что делает фокомелус? За окнами домика, крытого толью, сияли огни; Хоппи был занят работой.

---

[1] «Für mich bist du schön» *(нем.)* — «Для меня ты прекрасна».

Не забыть бы о нем, сказал себе Блутгельд. Фокомелус должен прекратить существование вместе с остальными, потому что он такое же зло, как и все они. Может быть, даже гораздо большее.

Проходя мимо, он мысленно послал одиночный разрушительный импульс в сторону дома Хоппи. Однако огни не погасли и антенна продолжала гудеть. Здесь требуется большая концентрация мысли, понял Блутгельд, а у меня сейчас нет времени. Позднее.

Глубоко задумавшись, он продолжал свой путь.

Глава 13

Билл Келлер ощутил рядом с собой маленькое живое существо, улитку или слизняка, и сразу же перебрался в него. Но его обманули; это существо было слепым. Он выбрался наружу, как и хотел, но не мог ни видеть, ни слышать — только двигаться.

— Верни меня назад, — закричал он в панике, — посмотри, что ты наделала, ты переселила меня во что-то неподходящее.

И сделала это нарочно, думал он, извиваясь в разные стороны и пытаясь найти Эди.

Только бы дотянуться до нее, сказал он себе. Если вытянуть вверх... но вытягивать было нечего — никаких конечностей. На что я похож сейчас, когда я наконец выбрался? — думал он, пытаясь хоть как-то сориентироваться вокруг. Как называются эти штуки в небе, которые светят? Небесные огни... я могу видеть их? Нет, не могу.

Он начал двигаться, поднимаясь как можно выше и затем опускаясь, чтобы ползти — единственное движение, доступное ему в его новой жизни, жизни снаружи.

Уолт Дангерфильд летел по небу, хотя сам сидел неподвижно в сателлите, положив голову на руки. Боль внутри него росла, менялась и засасывала его, пока, как бывало и раньше, он не потерял способности думать о чем-либо ином.

И тут ему показалось, что за иллюминатором сателлита что-то мелькнуло. Вспышка — очень далеко, на ободке темного края Земли. Что это? — спросил он себя. Взрыв, подобный тем, которые он наблюдал и от которых сжимался в страхе несколько лет назад... огоньки, вспыхивающие на земной поверхности. Неужели снова они?

Он стоял у иллюминатора, взволнованно дыша, напряженно вглядываясь в темноту. Время шло, но никаких вспышек больше не наблюдалось. Да и та, которую он видел, была какой-то неопределенной, размытой, с диффузией, придававшей ей нереальный вид, как будто она существовала только в его воображении.

Больше похоже, думал он, на воспоминание о событии, чем на само событие. Должно быть, пришел он к выводу, это побочное эхо. Отзвук Катастрофы, блуждавший где-нибудь в пространстве... безопасный сейчас. Да, скорее всего.

Но все же он испугался. Как и боль внутри него, это явление было слишком необычным, чтобы он мог отнестись к нему легко. Казалось, здесь все же таилась какая-то опасность, от которой нельзя было просто так отмахнуться.

Я болен, повторил он про себя, подводя итог жалобным размышлениям, вызванным чувством дискомфорта. Неужели они не могут приземлить меня? Неужели я обречен вечно оставаться здесь, снова и снова ползая по небесам?

Для собственного удовольствия он поставил запись минорной мессы Баха; величественное пение хора заполнило сателлит и заставило Дангерфильда забыть обо всем. Таившаяся внутри боль, как и воспоминание о тусклом отсвете вспышки за иллюминатором, начали покидать его.

«Кирие элейсон», — прошептал он. Греческие слова, вставленные в латинский текст... как странно. Пережитки прошлого, все еще живые... — по крайней мере, во мне. Я поставлю мессу Баха для района Нью-Йорка, решил он. Думаю, им понравится, там много интеллектуалов. Собственно, почему я должен только выполнять заявки? Я должен вести их за собой, а не потакать их вкусам. Особенно, подумал он, если я не собираюсь здесь задерживаться... мне бы лучше собраться с силами и ударно поработать перед концом.

И тут его сателлит задрожал. Пошатнувшись, Дангерфильд ухватился за ближайшую стенку; сотрясение прошло через него серией ударных волн. Вещи падали, сталкивались и разлетались; он удивленно осматривался.

Метеор?

Похоже было на то, что сателлит кто-то атаковал.

Он выключил музыку и стоял, прислушиваясь и ожидая. Вдали за иллюминатором он увидел еще одну тусклую вспышку и подумал: они могут добраться до меня. Но зачем? Мне осталось недолго... почему бы им просто не подождать? А затем он подумал: черт побери! я жив — и буду действовать, как живой. Я еще не сдох!

Он включил передатчик и сказал в микрофон:

— Прошу прощения за паузу. Но я почувствовал головокружение, должен был ненадолго прилечь и не заметил, как кончилась пленка. Так или иначе...

Смеясь своим обычным смехом, он посматривал в иллюминатор, ожидая новой вспышки. Одна, слабая и далекая... он почувствовал некоторое облегчение. Может быть, они все-таки не доберутся до него; кажется, они потеряли цель, будто его местонахождение стало для них загадкой.

Я поставлю самую древнюю пластинку, которую только смогу найти, решил он. В качестве вызова. «Für mich bist du schön» — вот что я выберу. Подразним из темноты, как говорится, и он снова засмеялся, подумав: черт возьми! а хорошо я их подразню. Уверен — те, что пытаются погубить меня, такого не ожидают. Если меня действительно хотят погубить.

Может быть, они просто устали от моей вечной болтовни и чтения, предположил Дангерфильд. Что ж, если так — встряхнем их.

— Я снова в эфире, — сказал он в микрофон, — по крайней мере на некоторое время. Итак, что я намеревался сделать? Кто-нибудь помнит?

Толчки больше не повторялись. У него было ощущение, что на некоторое время враги затихли.

— Подождите-ка, — сказал он, — загорелась красная лампочка. Кто-то вызывает меня снизу. Минуточку.

Он нашел в фонотеке нужную запись и перенес ее на магнитофон.

— Я получил заявку на «Für mich bist du schön», — объявил он с некоторым злорадством, думая о том, как расстроились те, внизу. — Ну как, можно устоять?

Нельзя, сказал он себе. И против сестер Эндрюс — тоже! Дангерфильд, как всегда, неподражаем.

Улыбаясь, он включил запись.

Ликующая Эди Келлер, дрожа от восхищения, наблюдала за червяком, медленно ползущим по земле, и знала с полной уверенностью, что ее брат находится в нем. Потому что внутри себя, внизу живота, она слышала монотонное: бум, бум, бум! — как бы эхо скрытых биологических процессов, происходящих в червяке.

— Убирайся из меня, червяк, — сказала она, хихикая.

Интересно, что думал червяк о своем нынешнем существовании? Так ли он ошарашен, как, возможно, ошарашен Билл? Я должна приглядывать за ним, поняла она, имея в виду существо, извивающееся по земле. Потому что он может потеряться.

— Билл, — сказала она, наклоняясь к червяку, — ты такой смешной. Ты весь красный и длинный, ты знаешь об этом? — И затем она подумала: что мне надо было сделать, так это пересадить Билла в какое-нибудь человеческое существо. Почему я не догадалась раньше? Тогда все было бы в порядке. Я бы получила настоящего брата, отдельного от меня, с которым я могла бы играть.

Но, с другой стороны, у нее внутри поселилась бы новая, незнакомая личность, что вовсе не казалось ей таким уж забавным.

Кого бы я выбрала? — спросила она себя. Кого-нибудь из детей в школе? Взрослого? Держу пари, Биллу хотелось бы стать взрослым. Может быть, мистера Барнса? Или Хоппи Харрингтона, который, во

всяком случае, боялся Билла. Или — она даже вскрикнула от радости — маму. Это будет так легко сделать. Я могу прижаться к ней, лечь рядом... И Билл может перейти в нее, а у меня внутри будет моя собственная мама. Здорово! Тогда я смогу заставить ее сделать все, что захочу. А она сможет подсказывать, как мне себя вести.

И тогда, думала Эди, мама не будет делать то, о чем не смог рассказать мне Билл. С мистером Барнсом или с кем-нибудь еще. Уж я послежу за этим. Я знаю, Билл не будет вести себя, как она, потому что он был так же шокирован, как и я.

— Билл, — сказала она, опускаясь на колени и взяв червяка; она держала его на ладони перед собой, — подожди, пока ты не услышишь мой план — знаешь какой? Мы собираемся прекратить те плохие вещи, которые делает мама. — Эди прижала червя к своему боку, там, где она чувствовала внутри себя что-то тяжелое и тупое. — Возвращайся обратно. Ты ведь не хочешь оставаться червяком, это совсем не весело.

Она снова услышала голос брата:

— Ты... ты... Я тебя ненавижу. Никогда тебе не прощу. Ты пересадила меня в слепое существо без ног и вообще без всего. Я мог только волочиться по земле — больше ничего.

— Я знаю, — сказала она, покачиваясь взад-вперед, все еще держа в руке бесполезного теперь червяка. — Ты меня слышишь? Ты хочешь сделать то, что я предлагаю? Уговаривать мне маму лечь рядом со мной, чтобы мы могли сделать, сам знаешь что? Тогда у тебя будут и глаза, и уши, и ты станешь настоящим взрослым человеком.

Билл сказал нервно:

— Не знаю. Не думаю, что я хочу быть мамой. Меня это пугает.

— Нюня, — сказала Эди, — лучше соглашайся, или ты не сможешь никогда больше выбраться наружу. Ну кем ты хочешь быть, если не хочешь быть мамой? Скажи мне, я все устрою. Вот те крест и провалиться мне на этом месте, если у меня ничего не выйдет.

— Посмотрим, — сказал Билл, — я поговорю с мертвыми и послушаю, что они скажут. Кроме того, я не знаю, получится ли это. Мне было трудно перейти даже в такое маленькое существо, как червь.

— Ты просто трусишь, — засмеялась она и забросила червяка в кусты на краю школьного двора. — Мой брат — большая деточка! Нюня!

Билл не отвечал, он мысленно ушел из ее мира в тот, которого мог достичь только он. Разговаривает с этими старыми, мерзкими, нерешительными мертвецами, сказала себе Эди. С этими пустыми дохляками, у которых никогда не бывает никаких развлечений.

И тут к ней пришла действительно ошеломляющая идея: я сделаю так, что он перейдет в этого сумасшедшего мистера Триза, о котором все сейчас говорят, решила она. Прошлым вечером в Форестер-холле мистер Триз встал и начал говорить ужасные слова о раскаянии, поэтому, если Билл будет вести себя странно или не будет знать, что сделать или сказать, НИКТО НЕ ОБРАТИТ НИКАКОГО ВНИМАНИЯ.

Однако возникала неприятная проблема: в ней самой будет находиться сумасшедший. Может быть, я смогу принять яд, как я не раз пугала Билла, решила она. Я могу проглотить несколько листьев олеандра, или касторовые бобы, или еще что-нибудь — и избавиться от мистера Триза. Он будет бессилен, он не сможет меня остановить.

Все таки это была проблема. Пребывание мистера Триза внутри нее не казалось ей таким уж приятным — она достаточно часто видела его, чтобы невзлюбить. У него была чудесная собака — и все...

Терри. Вот! Она легко может лечь рядом с Терри, Билл выйдет и перейдет в собаку — и все будет прекрасно.

Но собаки мало живут. А отец и мать Эди говорили, что Терри уже семь лет — она родилась почти тогда же, что и Эди с Биллом.

Проклятье, думала она. Как тяжело решить. Вот где настоящая проблема: что делать с Биллом, который ужасно хочет выбраться наружу, видеть и слышать. Потому она подумала: кого из людей, которых я знаю, мне было бы приятнее всего чувствовать в себе? Ответ: своего отца.

— Хочешь переселиться в моего папу? — спросила она Билла.

Но тот не отвечал, он все еще был занят разговорами с мириадами тех, кто находился по землей.

Думаю, решила она, мистер Триз подойдет больше всех, потому что он живет за городом в окружении своих овец и не часто встречается с людьми. Биллу будет легче, потому что ему не придется много разговаривать. У него будут только Терри и овцы, а, поскольку мистер Триз сейчас совсем спятил, все складывается удачно. Держу пари, что Билл сможет гораздо лучше управляться с телом мистера Триза, чем сам мистер Триз. И все, о чем мне придется позаботиться, — это взять столько ядовитых листьев олеандра, сколько нужно, чтобы убить мистера Триза во мне, но не меня. Двух будет достаточно. Думаю, не больше трех.

Мистер Триз вовремя сошел с ума, решила она. Хотя он об этом не знает. Но подождите, когда он все узнает, вот уж он удивится. Я могу дать ему немного пожить внутри меня, ровно столько, чтобы он понял, что произошло. Думаю, это будет забавно. Мне он никогда не нравился, хотя мама к нему хорошо относилась или делала вид. От него в дрожь бросает — и Эди взаправду вздрогнула.

Бедный, бедный мистер Триз, думала она ехидно. Вам не удастся больше испортить вечер в Форестер-холле, потому что там, где вы окажетесь, вам некому будет проповедовать, кроме меня. А я не буду слушать.

Когда мне все это проделать? — спросила она себя. Сегодня же. Я попрошу маму свести меня на ранчо после школы. А если она не захочет, я отправлюсь сама.

Просто не могу сидеть и ждать, сказала она себе, вся дрожа в предвкушении будущих событий.

Зазвонил школьный звонок, и вместе с другими детьми она вошла в здание школы. Мистер Барнс ждал у дверей классной комнаты, которая служила всем ученикам от 1-го до 6-го класса. Когда погруженная в свои мысли Эди проходила мимо него, он спросил:

— Почему ты такая задумчивая, Эди? Что тебя беспокоит?

— Ну, — ответила она запинаясь, — какое-то время я думала о вас. Сейчас — о мистере Тризе.

— Да, конечно, — кивнул мистер Барнс. — Значит, и до тебя дошли слухи.

Все дети уже прошли мимо них в класс, они остались одни, поэтому Эди сказала:

— Мистер Барнс, разве вы не думаете, что вы должны прекратить делать то, что вы делаете с моей мамой? Билл говорит, что это плохо, а он знает.

Школьный учитель побагровел и изменился в лице, но ничего не сказал. Вместо этого он отошел от нее, вошел в комнату и подошел к своему столу, все еще красный как рак.

Я что-нибудь не то сказала? — спросила себя Эди. Он разозлился на меня? Может быть, он заставит меня остаться после уроков и накажет, а может быть, он расскажет маме, и она меня отшлепает.

Чувствуя себя обескураженной, она села и открыла потрепанную, но бесценную хрупкую книгу без обложки, историю о Белоснежке, которую они должны были сегодня читать.

Лежа в сырых опавших листьях в тени древних дубов, Бонни Келлер обнимала мистера Барнса и думала, что, возможно, она делает это в последний раз. Она скучала, Хэл Барнс трусил, а богатый опыт подсказывал ей, что такое сочетание бывает фатальным.

— Хорошо, — прошептала она, — допустим, Эди знает. Но на своем детском уровне, фактически ничего не понимая.

— Она знает, что это плохо, — ответил Барнс.

Бонни вздохнула.

— Где она сейчас? — спросил Барнс.

— За тем большим деревом. Подглядывает.

Хэл Барнс вскочил на ноги, как ужаленный. Он заметался, вытаращив глаза, затем, по мере того, как до него доходила правда, начал понемногу успокаиваться.

— Ты и твои злые шутки! — проворчал он.

Однако он не вернулся к ней, а стоял в некотором отдалении, мрачный и сосредоточенный.

— Правда, где она сейчас?

— Отправилась на ранчо Джека Триза.

— Но... — Он сделал выразительный жест. — Триз сумасшедший. Не случится ли... не опасно ли это?

— Она ходит туда только для того, чтобы играть с Терри, с этой красноречивой собакой. — Бонни села и стала вытряхивать из волос лиственную труху. — И я не думаю, что Триз там. Последний раз кто-то видел Бруно...

— Бруно? — повторил Барнс, подозрительно взглянув на нее.

— Я хотела сказать — Джека. — Ее сердце бешено застучало.

— Он как-то сказал, что несет ответственность за устройства, взорвавшиеся в верхних слоях атмосферы в 1972 году, — продолжал Барнс, испытующе глядя на нее.

Она ждала, чувствуя бешеное биение сердца. Тайна должна была выйти наружу рано или поздно.

— Он сумасшедший, — напомнила она, — так ведь? Он верит, что...

— Он верит, — сказал Хэл Барнс, — что он Бруно Блутгельд. Правильно?

Бонни пожала плечами:

— Да, среди прочего.

— Он и есть Бруно Блутгельд, не так ли? Об этом знаешь ты, Стокстилл, этот негр...

— Нет, негр не знает, — сказала она, — и прекрати называть его «этот негр». Его зовут Стюарт Макконти. Я говорила о нем с Эндрю, и он считает Стюарта очень симпатичной, интеллигентной, полной жизни и энтузиазма личностью.

Барнс сказал:

— Итак, доктор Блутгельд не погиб во время Катастрофы. Он явился сюда. Он был здесь все это время, жил среди нас — человек, больше всего виноватый в том, что произошло.

— Пойди и убей его, — сказала Бонни.

Барнс фыркнул.

— Я не шучу, — сказала Бонни, — мне теперь все равно. Если честно — я бы хотела, чтобы ты убил его.

Вот был бы поступок, достойный настоящего мужчины, подумала она. Хоть какое-нибудь разнообразие.

— Почему ты пыталась защитить его?

— Не знаю. — Ей не хотелось продолжать разговор на эту тему. — Давай вернемся в город.

Его общество утомляло ее, и она снова начала думать о Стюарте Макконти.

— У меня нет сигарет, — сказала она, — поэтому ты можешь довезти меня до табачной фабрики.

Она подошла к привязанной к дереву лошади Барнса, благодушно щипавшей высокую траву.

— Черномазый, — проговорил Барнс с горечью, — теперь ты собираешься переспать с ним. Я, конечно, безумно счастлив.

— Сноб, — сказала она. — К тому же ты боишься продолжать нашу связь, ты ведь хочешь покончить с этим. Что ж, когда ты в следующий раз встретишь Эди, можешь честно сказать ей: мы с твоей мамой не делаем ничего плохого и постыдного. Честное благородное слово. Так?

Она вскочила в седло, подобрала вожжи и ждала.

— Поехали, Хэл, — сказала она.

В небе сверкнула вспышка.

Лошадь рванулась, и Бонни соскользнула с нее, упала и покатилась, скользя, в заросли дубовой рощи. Бруно, подумала она, может ли такое случиться на самом деле? Она лежала, обхватив голову, плача от боли. Какая-то ветка сильно хлестнула ее по голове; кровь сочилась сквозь пальцы и стекала к запястью. Барнс уже стоял возле нее на коленях, он приподнял ее и повернул.

— Бруно, — сказала она, — будь он проклят! Кто-то должен был убить его; надо было сделать так еще в 1990-м, потому что именно тогда он сошел с ума. — Она достала платок и приложила к голове. — Господи, — сказала она, — я действительно поранилась. Я упала по-настоящему.

— Лошадь убежала, — сказал Барнс.

— Бог, давший Бруно такое могущество, — злой Бог, кто бы он ни был, — сказала Бонни. — Хэл, я знаю — это сделал Бруно. Мы столько всего навидались за последние годы, так почему не это? Возможность снова начать войну, вернуть ее... он нам угрожал вчера вечером. Может быть, он поймал нас вовремя? Может быть, так и должно быть? Мы зашли в тупик, и он... — Она замолчала, потому что вторая вспышка белого пламени с чудовищной скоростью промчалась над ними. Деревья вокруг них раскачивались и сгибались, и Бонни слышала, как то там, то здесь трещат стволы старых дубов.

— Интересно, куда ушла лошадь? — прошептал Барнс, осторожно вставая и озираясь.

— Черт с ней, — сказала Бонни, — мы должны вернуться, это очевидно. Послушай, Хэл: может быть, Хоппи сможет сделать что-нибудь. Он тоже обладает сверхъестественными силами. Я думаю, мы должны пойти к нему и все рассказать. Он не захочет, чтобы его испепелил лунатик. Разве ты не согласен? Я не вижу, что еще мы сейчас можем сделать.

— Хорошая идея, — сказал Барнс, все еще озираясь в поисках лошади. Казалось, он не слушал Бонни.

— Это возмездие, — сказала она.

— Что? — прошептал он.

— Ты знаешь. За то, что Эди называет нашими «постыдными и злыми делами». Я думала как-то... нас следовало убить вместе с другими. Поэтому, может быть, и хорошо, что так будет.

— Вот и лошадь, — сказал Барнс, быстро отходя от Бонни. Лошадь стояла, зацепившись вожжами за сук.

Небо теперь стало черным, как сажа. Бонни помнила этот цвет; собственно, он никогда не исчезал полностью, только становился немного светлее.

Наш маленький, хрупкий мир, думала она. Мир, который мы так старательно строили после Катастрофы... наше убогое общество с разорванными школьными книгами, нашими «отборными» сигаретами, нашими автомобилями на дровах — оно не может противостоять силам возмездия. Оно не может выстоять против того, что делает — или притворяется, что делает, — Бруно. Еще один удар, направленный против нас, — и мы погибнем. А вместе с нами исчезнут так же неожиданно, как и появились, животные-мутанты и все новые странные виды растений. Слишком плохо, думала она горестно. Слишком жестоко. Терри, говорящая собака, — и она тоже. Может быть, мы были слишком честолюбивы, может быть, мы не должны были отваживаться снова строить и продолжать жить.

Я думаю, что мы хорошо поработали во всех областях. Мы выжили, мы любили, пили «Отборный пятизвездный Джилл», учили наших детей в школе с эксцентричными окнами, выпускали «Ньюс энд Вьюс», крутили автомобильный приемник и слушали каждый день Сомерсета Моэма. Что еще от нас требовалось? Господи, думала она, то, что происходит сейчас, — несправедливо. Совсем неправильно. Мы отвечаем за наших лошадей, за наши посевы и жизни...

Снова полыхнуло, но на этот раз дальше. На юге, поняла Бонни. В том же районе, что и когда-то. В районе Сан-Франциско.

Она устало закрыла глаза. И ведь как раз, когда появился этот Макконти, думала она. Что за невезение!

Собака стала поперек тропинки, загораживая путь, и застонала с трудом:

— Тттрриззз зззаннняттт. Сссттой.

Она предостерегающе залаяла и не позволила Эди подойти ближе к деревянной хибарке.

Да, думала Эди, я знаю, что он занят. Я видела вспышки в небе.

— А знаешь что? — сказала она собаке.

— Чччтто? — спросила та с любопытством.

Эди знала, что простодушную собаку легко обмануть.

— Я узнала, как забросить палку так далеко, что никто не сможет найти ее.

Она наклонилась и подобрала первую попавшуюся палку...

— Хочешь я тебе докажу?

Билл внутри нее спросил:

— С кем ты разговариваешь? — Приближалось время действовать, и он нервничал. — Это мистер Триз?

— Нет, — ответила она, — всего лишь его собака.

Она помахала палкой.

— Спорю на десятидолларовую бумажку, что я смогу закинуть палку так, что ты не найдешь ее.

— Я ттточчччнннно сссммммоггту, — сказала собака, поскуливая от нетерпения. Это была ее любимая игра. — Ннно я нне ммммогту сссппппорррриттть, у ммменнння ннннетгт ддденнннегтг.

Неожиданно из деревянной хибарки выскочил мистер Триз. От удивления и Эди, и собака застыли на месте. Мистер Триз не обратил на них никакого внимания, он взобрался на маленький холм и скрылся за ним.

— Мистер Триз, — позвала Эди. — Может быть, сейчас он уже не занят, — сказала она собаке, — пойди спроси его, ладно? Скажи ему, что я хочу с ним немного поговорить.

Билл внутри нее болтал без устали:

— Он недалеко, да? Я знаю, он рядом. Я готов. На этот раз я постараюсь как следует. Он может делать почти все, да? Видеть, говорить, слышать, чувствовать запахи — не то что червяк — да?

— У него нет зубов, — сказала Эди, — но все остальное, как у всех людей.

Поскольку собака послушно помчалась за мистером Тризом, Эди пошла дальше по тропинке.

— Это будет недолго, — сказала она, — я скажу ему... — Она обдумала все заранее. — Я скажу ему: «Мистер Триз, знаете что? Я проглотила манок для уток, которым пользуются охотники, и, если вы наклонитесь поближе, вы его услышите». Ну как?

— Не знаю, — уныло ответил Билл, — что такое «манок»? Что такое «утка», Эди? Она живая? — Он говорил все бессвязнее, как будто ситуация становилась для него непосильной.

— Не ной, — сказала она ему. — Потише.

Собака догнала Триза, и он остановился. Нахмурясь, он посмотрел назад.

— Я очень занят, Эди, — крикнул он, — позднее... Я поговорю с тобой позднее, мне нельзя сейчас отвлекаться.

Он поднял руки и сделал причудливое движение в ее сторону, как если бы отбивал такт какой-то музыки. Он хмурился и раскачивался, а ей хотелось смеяться, такой у него был дурацкий вид.

— Я только хочу показать вам что-то, — крикнула она.

— Позднее. — Он отвернулся, затем начал говорить с собакой.

— Ддда, ххххозззяиннн, — прорычала та и понеслась большими прыжками к девочке.

— Ннеллльзззя, — сказала она. — Сссттой.

Проклятье, думала Эди. Сегодня ничего не получится, придется приходить снова, может быть, завтра утром.

— Уххходдди, — сказала собака, обнажив клыки. Видимо, ей были даны самые строгие указания.

Эди сказала:

— Послушайте, мистер Триз...

И затем она остановилась, потому что мистер Триз исчез. Собака повернулась и жалобно завыла, а Билл внутри Эди застонал:

— Его больше нет. Я чувствую. В кого же мне переселиться? Что мне делать?

Высоко в небе летело и кувыркалось маленькое черное пятнышко. Девочка наблюдала, как оно дрейфует, словно пойманное каким-то сумасшедшим воздушным потоком. Это был мистер Триз, его руки беспомощно болтались, в то время как сам он кувыркался, падая и поднимаясь снова и снова, как воздушный змей. Что с ним случилось? — грустно удивилась Эди, понимая, что Билл прав: их шанс, их великолепный план похоронен раз и навсегда.

Что-то держало и убивало мистера Триза. Его поднимало все выше и выше, а затем... Эди вскрикнула. Мистер Триз вдруг начал падать. Он камнем упал на землю. Эди закрыла глаза, а собака Терри издала протяжный, полный ужаса вой.

— Что это? — кричал в отчаянии Билл. — Кто это сделал? Его больше нет, да?

— Да, — ответила Эди, открыв глаза.

Мистер Триз лежал на земле, весь изломанный и перекрученный, с нелепо торчащими в разные стороны руками и ногами. Он был мертв, девочка знала об этом, так же как и Терри. Собака подбежала к телу, остановилась и обратила к Эди изумленный, оцепенелый взгляд. Она ничего не говорила, просто стояла на некотором расстоянии от тела и смотрела. То, что они — кто бы они ни были — сделали с мистером Тризом, было ужасно. Убийство, думала Эди. Так же, как в случае с оптиком из Болинаса.

— Это сделал Хоппи, — простонал Билл. — Хоппи убил мистера Триза на расстоянии, потому что боялся его. Мистер Триз сейчас внизу с мертвыми, я слышу его. Он говорит, что Хоппи дотянулся до него, не выходя из своего дома, схватил его, поднял и сбросил с высоты.

— Надо же, — сказала Эди. — Интересно, почему Хоппи решил сделать это? Из-за взрывов, которые мистер Триз вызвал в небе? Они надоели Хоппи? Причинили ему боль?

Она почувствовала страх. Этот Хоппи, думала она, он может убивать на расстоянии, никто другой не может так делать. Нам лучше быть осторожными. Очень осторожными. Потому что он может убить всех нас, он может разбросать нас вокруг или удушить.

— Думаю, «Ньюс энд Вьюс» поместит это на первой странице, — сказала она наполовину себе, наполовину Биллу.

— Что такое «Ньюс энд Вьюс»? — заскулил Билл, страдая. — Я не понимаю, что происходит... Объясни мне ... УМОЛЯЮ.

Эди сказала:

— Сейчас нам лучше вернуться в город.

Она медленно пошла прочь, оставив собаку сидеть возле искореженных останков мистера Триза. Я полагаю, думала она, это хорошо, что Билл не успел перейти, потому что если бы он находился внутри мистера Триза, то был бы убит.

А мистер Триз, думала она, жил бы внутри меня. По крайней мере до тех пор, пока я не пожевала бы листья олеандра и не проглотила бы их. А может быть, он нашел бы способ остановить меня. Он владел колдовскими силами, он мог вызывать взрывы... он мог бы их вызвать внутри меня.

— Можно попытать счастья с кем-нибудь другим, — сказал Билл с надеждой, — разве нет? Не хочешь использовать эту, как ты ее называешь... Эту собаку? Я думаю, мне понравится быть собакой, она может быстро бегать, охотиться и далеко видеть, правда?

— Потом, — сказала Эди, все еще напуганная, желая скорее очутиться как можно дальше отсюда, — в другой раз. Лучше подожди.

И она побежала по тропинке, ведущей в город.

Глава 14

Орион Страуд, заняв место в центре Форестер-холла так, чтобы его мог отчетливо слышать каждый, призвал собравшихся к порядку и объявил:

— Миссис Келлер и доктор Стокстилл попросили, чтобы Официальный суд Вест-Марина, а также Совет граждан собрались и заслушали жизненно важное сообщение, касающееся происшедшего сегодня убийства.

Присутствовали миссис Толман и Кэс Стоун, Фред Квинн и миссис Люлли, Эндрю Джилл, Эрл Кольвиг, мисс Костиган — Орион Страуд, переводя взгляд с одного на другого, с удовлетворением отметил, что пришли все. И все слушали с напряженным вниманием, понимая, что сообщение действительно важное. Ничего подобного в их коммуне раньше не случалось. Происшедшее не походило на убийство оптика или мистера Остуриаса.

— Насколько я понимаю, — сказал Страуд, — стало известно, что мистер Джек Триз, живший среди нас...

Голос из публики прервал его:

— Он был Блутгельдом.

— Правильно, — кивнул Страуд, — но сейчас он мертв, так что не стоит об этом беспокоиться, не стоит забивать себе голову. Его кокнул Хоппи. То есть убил, конечно.

Он виновато посмотрел на Пола Дитца.

— Надо выражаться правильно, — заметил он, — потому что все сказанное здесь попадет в «Ньюс энд Вьюс», да, Пол?

— В специальный выпуск, — подтвердил тот.

— Как вы понимаете, мы собрались здесь не для того, чтобы решать — подвергать ли Хоппи наказанию за то, что он сделал. Вопросов на этот счет быть не может: он известный военный преступник, более того, он использовал свои магические силы для возобновления войны. Полагаю, все жители города знают об этом, так как все видели вспышки. Теперь... — посмотрел он на Джилла, — среди нас есть новоприбывший. Негр по имени Стюарт Макконти. Я должен сказать, что обычно мы не приветствуем цветных в Вест-Марине, но, как я понял, Макконти следил за Блутгельдом, поэтому ему разрешается, если он захочет, поселиться у нас.

Собравшиеся одобрительно зашумели.

— Главное, для чего мы собрались, — продолжал Страуд, — это принять решение: каким образом выразить Хоппи нашу благодарность. Возможно, нас всех погубили бы магические силы Блуттельда... Так что мы обязаны Хоппи нашими жизнями. Я вижу, его здесь нет, потому что он работает дома, ведь он наш мастер, а это сейчас — большая ответственность. Короче, у кого есть какие-нибудь предложения насчет того, как жителям города выразить свою благодарность Хоппи за то, что он так вовремя убил мистера Блуттельда?

Страуд вопросительно оглядел зал.

Встав с места, Эндрю Джилл откашлялся и сказал:

— Думаю, мне следует сказать несколько слов. Во-первых, я хочу поблагодарить мистера Страуда и всю коммуну за теплый прием, оказанный моему деловому партнеру мистеру Макконти. Во-вторых, я хочу предложить вознаграждение, которым можно было бы отблагодарить Хоппи за ту большую услугу, которую он оказал коммуне и всему миру. Мне бы хотелось внести сотню особых первоклассных сигарет «Золотой ярлык»... — Он сделал паузу и, уже почти сев на место, добавил: — И ящик «Отборного пятизвездного Джилла».

Аудитория зааплодировала, затопала и засвистела в знак одобрения.

— Что ж, — улыбаясь, сказал Орион Страуд, — это уже кое-что. Полагаю, что мистер Джилл полностью сознает, от чего нас спас Хоппи. Из-за взрывов, вызванных Блутгельдом, в округе вырвано с корнем множество дубов. Кроме того, как я понял, Блутгельд начал уже посматривать в сторону юга, обратил свое внимание на Сан-Франциско.

— Совершенно верно, — подтвердила Бонни Келлер.

— Поэтому, — продолжал Страуд, — может быть, те, кто живет на равнине, захотят активнее поучаствовать и пожертвовать что-то Хоппи в знак благодарности. Я полагаю, что предложение мистера Джилла — сотня первоклассных сигарет и ящик бренди — следует принять; это лучшее, что мы можем сделать прямо сейчас, но я думаю о чем-то большем, памятном — вроде статуи, парка или по крайней мере мемориальной доски. И я буду рад пожертвовать для этого землю, и, насколько я знаю, Кэс Стоун — тоже.

— Точно, — важно согласился Кэс Стоун.

— У кого еще есть предложения? — спросил Страуд. — Вы, миссис Толман? Хотелось бы послушать вас.

Миссис Толман сказала:

— Неплохо было бы выбрать мистера Харрингтона на какую-нибудь почетную должность. Например, президентом Совета Вест-Марина или членом попечительского совета школы. Конечно, в дополнение к парку или мемориалу и сигаретам с бренди.

— Хорошая мысль, — одобрил Страуд, — ну, кто еще? Будем реалистами, сограждане: Хоппи нас спас. Блутгельд окончательно спятил. Каждый, кто был на вчерашнем чтении, мог убедиться в этом... Он пытался возвратить нас туда, где мы были семь лет назад, и весь наш труд по восстановлению пошел бы насмарку. Коту под хвост.

В публике послышался одобрительный шепот.

— Когда такими магическими силами обладает физик, подобный Блутгельду, со всем запасом имеющихся у него знаний... словом, мир никогда еще не подвергался такой опасности, верно? Просто счастье, что Хоппи может передвигать предметы на расстоянии; счастье, что Хоппи тренировался все эти годы, потому что ничто бы не смогло поймать Блутгельда на расстоянии и задушить его.

Заговорил Фред Квинн:

— Я говорил с Эди Келлер, которая была свидетельницей происшедшего, и она рассказала мне, что Бруно неожиданно взлетел, еще до того, как Хоппи задушил его; он поднимался и опускался в воздухе.

— Я знаю, — сказал Орион Страуд, — я расспросил Эди.

Он оглядел собравшихся в зале:

— Если кто-нибудь хочет услышать подробности, я уверен — Эди расскажет нам. Правильно, миссис Келлер?

Бонни, сидевшая выпрямившись, с бледным лицом, кивнула.

— Вы все еще напуганы, Бонни? — спросил Страуд.

— Это было ужасно, — тихо ответила она.

— Конечно, — согласился Страуд, — но Хоппи настиг его.

И он подумал: не становится ли тем самым Хоппи весьма опасным? Может быть, именно об этом думает Бонни? Может быть, вот почему она такая тихая?

— Думаю, лучшее, что мы можем сделать, — сказал Кэс Стоун, — пойти прямо к Хоппи домой и спросить: «Хоппи, чего ты ждешь от нас в благодарность?» Предоставим ему решать. Может быть, есть что-то, о чем мы не знаем, но чего ему безумно хочется.

Да, подумал Страуд. Ты попал в точку, Кэс. Может быть, он действительно хочет много такого, о чем мы и не подозреваем, и, может быть, однажды — и очень скоро — он захочет это получить. Вне зависимости от того, создадим ли мы делегацию для выяснения его желаний и пойдем к нему или нет.

— Бонни, — обратился он к миссис Келлер, — хотелось бы послушать вас. Вы так тихо сидите.

Бонни Келлер прошептала:

— Просто я устала.

— Вы знали, что настоящее имя Джека Триза — Блутгельд?

Она молча кивнула.

— Тогда это вы сказали Хоппи? — продолжал Страуд.

— Нет, — ответила она, — я только собиралась. Я шла к нему, но все уже произошло. Он узнал.

Интересно, откуда? — спросил себя Страуд.

— Этот Хоппи, — сказала миссис Люлли дрожащим голосом, — кажется, он может все. Или почти все... он, очевидно, сильнее даже мистера Блутгельда.

— Совершенно верно, — согласился Страуд.

Собравшиеся начали возбужденно переговариваться.

— Но он использует все свои способности на благо коммуны, — сказал Эндрю Джилл, — не забывайте об этом. Не забывайте, что он — наш мастер. Он помогает ловить передачи с сателлита, когда сигнал слаб, он показывает нам фокусы и изображает Дангерфильда, когда нам не удается связаться с сателлитом. Он столько сделал, не говоря уже о спасении наших жизней от нового ядерного уничтожения. Поэтому я заявляю: Боже, благослови Хоппи и его способности. Думаю, мы должны возносить благодарственные молитвы за то, что у нас есть такой мутант.

— Правильно, — кивнул Кэс Стоун.

— Я согласен, — осторожно сказал Страуд, — но думаю, что мы должны как-то дать понять Хоппи, что, может быть, сейчас... — Он растерялся. — Убийства должны совершаться законным путем, по приговору суда, как в случае с Остуриасом. То есть, конечно, Хоппи поступил абсолютно правильно, он вынужден был действовать быстро и все такое... но суд — это законно избранный орган власти, которому предоставлено решать такие вопросы. И приводить приговор в исполнение должен Эрл. В будущем, я хочу сказать. Случай с Блутгельдом — другое дело; он обладал магическими силами.

Человека, имеющего в своем распоряжении подобные силы, невозможно убить обычными методами, вот что я имею в виду, думал он. Такого, как Хоппи, например... Предположим, что кто-нибудь попытается убить его. Это практически невозможно.

Он невольно вздрогнул.

— В чем дело, Орион? — спросил проницательный Кэс Стоун.

— Ни в чем, — ответил Орион Страуд, — я просто думаю, что мы можем сделать, чтобы вознаградить Хоппи, показать ему степень нашей благодарности. Это такая сложная проблема — ведь мы обязаны ему столь многим...

В зале поднялся шум; собравшиеся обсуждали между собой, как отблагодарить Хоппи.

Джордж Келлер, заметив, как внезапно исказилось бледное лицо его жены, спросил:

— С тобой все в порядке?

Он положил руку ей на плечо, но она уклонилась.

— Просто я устала, — сказала она. — Думаю, я пробежала не меньше мили, когда начались вспышки. Я пыталась добраться до дома Хоппи.

— Откуда ты знала, что Хоппи может помочь?

— О, — ответила она, — мы все знаем, мы точно знаем — он единственный среди нас, у кого есть что-то, отдаленно напоминающее силы такого рода. Это пришло нам в голову... — она поправилась, — пришло мне в голову сразу, как только я увидела вспышки.

Она взглянула на мужа.

— Ты была не одна? — спросил он.

— С Барнсом. Мы искали лисички в дубовой роще... Вдоль дороги на ранчо Медвежьей долины.

Джордж Келлер сказал:

— Лично я опасаюсь Хоппи. Посмотри, он даже не соизволил явиться. Он испытывает к нам своего рода презрение. Он всегда приходит в холл позже всех. Понимаешь, что я имею в виду? Чувствуешь, чем пахнет? И по мере роста своих возможностей он ведет себя все более вызывающе.

— Вполне возможно, — прошептала Бонни.

— Как ты думаешь, что теперь с нами будет? — спросил ее Джордж. — Теперь, после того, как мы убили Блутгельда? Мы стали жить богаче и безопаснее. Каждый чувствует облегчение. Надо поставить в известность Дангерфильда, пусть он введет эту новость в свою передачу.

— Хоппи может связаться с сателлитом, — сказала Бонни слабым голосом, — он может все. Почти все.

Сидевший на месте председателя Орион Страуд призвал к тишине:

— Кто хочет войти в состав делегации, которая отправится к Хоппи, передаст ему нашу благодарность и сообщит о почестях, которые его ожидают? — Он оглядел собравшихся. — Добровольцы есть?

— Я пойду, — раздался голос Эндрю Джилла.

— И я, — сказал Фред Квинн.

— Я тоже, — присоединилась к ним Бонни.

Джордж забеспокоился:

— Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

— Достаточно хорошо, — вяло кивнула она, — все нормально. Кроме царапины на голове. — Она машинально коснулась повязки.

— А вы, миссис Толман? — спросил Страуд.

— Да, я пойду, — ответила та, но голос ее дрожал.

— Боитесь? — спросил Страуд.

— Да.

— Почему?

Миссис Толман растерялась:

— Я... я не знаю, Орион.

— Я тоже пойду, — объявил Страуд, — итак, нас пятеро: трое мужчин и две женщины. Как раз то, что нужно. Мы захватим с собой бренди и сигареты и сообщим об остальном — о мемориальной доске и о том, что он избирается президентом Совета, членом попечительского школьного совета и так далее.

— Может быть, — тихо сказала Бонни, — нам бы следовало послать делегацию, чтобы та забила его камнями до смерти.

У Джорджа Келлера перехватило дыхание:

— Ради Бога, Бонни!

— Я имею в виду именно это, — сказала она.

— Ты ведешь себя неприлично, — зашипел он, удивленный и рассерженный; он не понимал ее. — В чем дело?

— Но, конечно, это не привело бы ни к чему хорошему, — продолжала она рассуждать, — он задушит нас еще до того, как мы приблизимся к его дому. Может быть, он задушит меня сейчас, — улыбнулась она, — за мои слова.

— Тогда заткнись, — гневно сказал он.

— Хорошо, — согласилась она, — буду нема как рыба. Мне совсем не хочется, чтобы меня подняли в воздух и сбросили на землю, как Джека.

— Не сомневаюсь. — Он весь дрожал.

— Ты трус, — мягко сказала она, — не так ли? Удивляюсь себе, почему я все эти годы не понимала этого. Может быть, потому-то я так и отношусь к тебе...

— Как? — спросил он.

Ничего не ответив, Бонни улыбнулась. Это была жестокая, холодная, полная ненависти улыбка. Джордж не понял ее; он оглянулся, подумав в очередной раз: неужели все слухи, ходившие о его жене последние семь лет, — правда? Она была так холодна, так независима. Джордж Келлер почувствовал себя несчастным.

— Господи, — сказал он, — ты назвала меня трусом, потому что я не хочу, чтобы мою жену задушили.

— Это мое тело и моя жизнь, — ответила Бонни, — и я распоряжусь ими так, как захочу. Я не боюсь Хоппи; нет, я боюсь его, но не намерена показывать это. Надеюсь, ты в состоянии уловить разницу? Я пойду туда, в его дом из толя, и прямо взгляну ему в лицо. Я поблагодарю его, но думаю, что смогу сказать: будь в дальнейшем поосторожнее. Мы настаиваем на этом.

Он не мог не восхититься ею.

— Так и скажи, дорогая, — посоветовал он, — это будет совершенно правильно. Он обязан считаться с нашими чувствами.

— Благодарю, — тихо сказала она, — тысяча благодарностей, Джордж, за активную поддержку.

Затем она отвернулась и стала слушать Ориона Страуда.

Джордж почувствовал себя еще несчастнее.

Сначала пришлось зайти на фабрику Эндрю Джилла, чтобы забрать отборные сигареты «Золотой ярлык» и пятизвездочное бренди. Бонни покинула Форестер-холл одновременно с Орионом Страудом и Джиллом. Они вместе шли по дороге, проникнувшись важностью возложенной на них задачи.

— В какие такие деловые отношения с Макконти вы вступили? — спросила Бонни Эндрю Джилла.

— Стюарт собирается механизировать мое производство, — ответил Джилл.

Не поверив ему, она сказала:

— Полагаю, вы собираетесь объявить об этом через сателлит. «Поющие коммерсанты», так, кажется, называются музыкальные объявления? Как они пойдут? Могу я что-нибудь сочинить для вас?

— Конечно, — ответил он, — если это поможет делу.

— Вы что, всерьез говорите о механизации?

Она вдруг поняла, что, возможно, он и не шутит.

Джилл сказал:

— Я узнаю больше, когда съезжу к боссу Стюарта в Беркли. Мы собираемся отправиться в путь немедля. Я не видел Беркли много лет. Стюарт говорит, что город отстроен заново — не так, разумеется, как было. Но, может быть, он когда-нибудь опять станет таким же, как до войны.

— Сомневаюсь, — сказала Бонни, — но мне все равно. На мой взгляд, он вовсе не был хорош. Точно таким его когда-нибудь и отстроят.

Оглянувшись, чтобы убедиться, что Орион Страуд не слышит их, Джилл сказал:

— Бонни, почему бы тебе не поехать со мной и со Стюартом?

— Зачем? — удивилась она.

— Тебе полезно будет пожить отдельно от Джорджа. И, может быть, ты сможешь превратить ваше временное разделение в окончательное. Ты должна — ради его и своего блага.

Она возразила:

— Но... — Предложение казалось невыполнимым, оно заводило слишком далеко. Внешние приличия нарушать не следовало. — Тогда все узнают, — сказала она, — разве ты не понимаешь?

— Они уже знают, Бон.

— Ох, — она смиренно кивнула, сдерживая себя, — что за сюрприз. Видимо, я жила в мире иллюзий.

— Поезжай с нами в Беркли, — настаивал Джилл, — и начни все сначала. В известном смысле, это именно то, что собираюсь сделать я. Это означает конец эпохи изготовления сигарет вручную, по одной штуке, с помощью маленькой сетки и машинки для набивки. Это означает, что у меня будет настоящая фабрика, в старом смысле слова, в довоенном.

— Довоенный... — повторила она. — Хорошо ли это?

— Да, — сказал Джилл, мне до смерти надоело скатывать их вручную. Уже много лет я пытаюсь освободиться. Стюарт подсказал мне путь. По крайней мере, я надеюсь, что так.

Он суеверно скрестил пальцы.

Они дошли до фабрики. В глубине помещения сидели рабочие, непрерывно скатывая сигареты. Бонни подумала: итак, эта часть нашей жизни скоро кончится навсегда. Должно быть, я сентиментальна, потому что цепляюсь за нее. Но Эндрю прав. Таким способом товар не произведешь: слишком утомительно, слишком медленно. И действительно, слишком маленький выход сигарет, по сути дела. Имея соответствующую машину, Эндрю сможет снабжать всю страну, даже учитывая наши средства доставки.

Среди рабочих находился Стюарт Макконти, склонившийся над баррелем прекрасного эрзац-табака, который он тщательно изучал. Ну, подумала Бонни, уж к этому-то времени он либо добыл формулу отборного табака сигарет Эндрю, либо вообще не интересуется этим.

— Привет, — сказала она ему, — можете вы продавать сигареты сразу же, как только они начнут скатываться с конвейера в большом количестве? Вы прорабатывали этот вопрос?

— Да, — ответил Макконти, — мы строим планы распространения, исходя из условий массового выпуска. Мой наниматель мистер Харди...

— Только не рассказывайте мне обычные байки продавца о широких перспективах, — прервала она его, — я вам и так поверю. Просто мне любопытно. — Она критически рассматривала его. — Энди хочет, чтобы я поехала с вами в Беркли. Что скажете?

— Пожалуйста, — сказал он неопределенно.

— Я могу стать вашим клерком, — сказала Бонни, — в вашем центральном офисе. Прямо в центре города. Правильно?

Она засмеялась, но ни Стюарт, ни Джилл не присоединились к ней.

— Запретная тема? — спросила она. — Я попираю священные понятия, когда шучу? Прошу прощения, если так.

— Нет, все в порядке, — успокоил ее Макконти, — мы просто заняты; нам еще столько нужно обсудить.

— Может быть, я и поеду, — сказала Бонни, — может быть, это разрешит мои проблемы в финансовом отношении.

Настала очередь Макконти внимательно разглядывать ее.

— Какие у вас проблемы? Вроде бы здесь достаточно подходящая обстановка, чтобы вырастить дочь; ваш благоверный — директор школы и...

— Бога ради, — сказала она, — не говорите мне о том, как я безумно счастлива. Избавьте меня от этого.

Она вышла, чтобы присоединиться к Джиллу, который упаковывал сигареты в металлическую коробку для подношения фокомелусу.

Мир так наивен, думала Бонни. Все еще наивен, даже после всего, что случилось с нами. Джилл хочет вылечить меня от моей неугомонности. Стюарт Макконти не представляет себе, что я могу хотеть еще чего-то, кроме того, что имею здесь. Но, может быть, они правы, а я не права. Может быть, я слишком запутала свою жизнь... может быть, в Беркли найдется какая-нибудь машина, которая спасет меня. Возможно, мои проблемы смогут автоматически прекратить свое существование.

Уединившись в углу, Орион Страуд сочинял речь, которую он намеревался произнести перед Хоппи. Бонни улыбнулась, подумав о торжественности всей затеи. Произведет ли она впечатление на Хоппи? Может быть, он посмеется над нами или даже запрезирает нас? Нет, думала она, интуиция подсказывает мне, что ему все это понравится. Это как раз тот вид известности, которого он жаждет. Признание — он будет очень доволен им.

Готовится ли Хоппи встретить нас? — подумала она. Он вымыл лицо? Побрился? Надел особо чистый костюм?.. Ждет ли он с нетерпением нашего визита? Это триумф его жизни, ее вершина?

Она попыталась представить себе, что чувствует сейчас фокомелус. Несколько часов назад Хоппи убил человека, и она знала от Эди, что все уверены — убийство оптика из Болинаса тоже его рук дело. Городской крысолов, сказала она себе и вздрогнула. Кто будет очередной жертвой? И получит ли Хоппи вознаграждение в следующий раз — каждый раз, начиная с сегодняшнего?

Может быть, мы будем возвращаться снова и снова, неся одно подношение за другим, думала она. И еще она подумала: Я ПОЕДУ В БЕРКЛИ. Я ХОЧУ УЕХАТЬ ОТСЮДА КАК МОЖНО ДАЛЬШЕ.

И как можно скорее. Сегодня, если можно. Прямо сейчас. Засунув руки в карманы плаща, она быстро вернулась и присоединилась к Стюарту Макконти и Джиллу; они совещались, и она, стоя так близко к ним, как могла, увлеченно вслушивалась в их разговор.

Доктор Стокстилл с сомнением сказал фокомелусу:

— Вы уверены, что он меня слышит? Эта штука точно способна преодолеть расстояние до сателлита?

Он снова коснулся кнопки включения микрофона, проверяя ее.

— Может быть, я не смогу гарантировать вам, что он вас слышит, — сказал Хоппи со смешком, — но я могу гарантировать, что это передатчик на 500 ватт. Немного по старым меркам, но вполне достаточно, чтобы достичь сателлита. Я связывался с ним много раз. — Он ухмыльнулся своей резкой, мгновенной усмешкой, в его умных серых глазах поблескивали искорки. — Вперед! У него там есть кушетка для психоанализа или можно обойтись без нее?

И фокомелус засмеялся.

— Можно обойтись, — сказал Стокстилл. Он нажал кнопку микрофона и сказал: — Мистер Дангерфильд, это говорит доктор, снизу, из Вест-Марина. Я обеспокоен вашим состоянием. Естественно. Мы все беспокоимся. Я, хм, думаю, что, может быть, смогу вам помочь.

— Скажите ему правду, — посоветовал Хоппи, — скажите, что вы психоаналитик.

Стокстилл неуверенно сказал в микрофон:

— В прошлом я был психоаналитиком, психиатром. Сейчас, конечно, я лечу все. Вы слышите меня?

Он вслушивался в звуки, доносящиеся из динамика, установленного в углу, но слышал только статические разряды.

— Дангерфильд не принимает нашу передачу, — обескураженно сказал он Хоппи.

— Требуется время, чтобы установить контакт, — ответил фокомелус, — попытайтесь снова. — Он захихикал. — Итак, вы думаете, что дело в его мозгах? Ипохондрия. Вы вполне уверены? Ну, вы можете с успехом считать так, потому что, если нет, тогда вы практически ничего не можете сделать.

Доктор Стокстилл нажал кнопку включения микрофона и сказал:

— Мистер Дангерфильд, это Стокстилл, говорящий из округа Марин в Калифорнии. Я доктор...

Все это казалось ему абсолютно безнадежным. Стоило ли продолжать? С другой стороны...

— Расскажите ему о Блутгельде, — сказал вдруг Хоппи.

— Хорошо, — согласился Стокстилл, — я расскажу.

— Вы можете назвать мое имя, — продолжал Хоппи, — расскажите ему, что я сделал; вот послушайте, доктор, как это будет выглядеть...

Лицо его приняло своеобразное выражение, и, как и раньше, зазвучал голос Уолта Дангерфильда:

— Ну, друзья, у меня есть очень и очень неплохие новости для вас... Я думаю, все вы будете рады. Вроде бы... — Фокомелус оборвал свою речь, потому что из динамика послышался слабый звук:

— Здравствуйте, доктор. Это Уолт Дангерфильд.

Доктор Стокстилл поспешно сказал в микрофон:

— Хорошо. Дангерфильд, я собираюсь поговорить с вами о болях, из-за которых вы страдаете. Прежде всего, у вас на сателлите есть бумажный пакет? Мы с вами собираемся немного полечиться двуокисью углерода. Я хочу, чтобы вы взяли бумажный пакет и надули его. Продолжайте дуть в пакет и втягивать в себя воздух из него, пока вы, наконец, не будете дышать чистой двуокисью углерода. Понимаете? Это просто предположение, но оно имеет некоторые основания. Видите ли, слишком много кислорода вызывает некие промежуточные мозговые реакции, из-за которых возникает неправильная цикличность в вегетативной нервной системе. Один из симптомов слишком большой активности вегетативной нервной системы — это гиперперистальтика;

может быть, вы страдаете именно от нее. В большинстве случаев, это тревожный симптом.

Фокомелус покачал головой, повернулся и отъехал от передатчика.

— Извините... — голос из динамика доносился слабо, — я не понимаю, доктор. Вы говорите — дышать в бумажный пакет? Полиэтиленовый мешок подойдет? Не наступит ли, в конце концов, удушье? — Его прерывистый голос звучал раздражительно и капризно. — Нет ли какого-нибудь способа синтезировать фенобарбитал в моих условиях? Я дам вам перечень того, что у меня есть, и, может быть...

Статические разряды заглушили речь Дангерфильда, и, когда его опять стало слышно, он говорил уже о чем-то другом. Возможно, думал доктор Стокстилл, он не вполне нормален.

— Изоляция в пространстве, — прервал Дангерфильда доктор, — порождает свои собственные разрушительные явления, подобные тому, которые когда-то назывались «страхом перед замкнутым пространством». Для этого явления характерна обратная связь, вызывающая беспричинную тревогу и как результат соматическое расстройство.

Говоря это, он чувствовал, что все делает неправильно, что он уже потерпел неудачу. Фокомелус удалился, слишком раздраженный, чтобы слушать, — он был где-нибудь поблизости, бесцельно слонялся по дому.

— Мистер Дангерфильд, — сказал Стокстилл, — все, что я намереваюсь сделать, это прервать обратную связь, и прием с двуокисью углерода может оказаться полезным. Затем, когда мы снимем наиболее выраженные симптомы, мы сможем приступить к некоего рода психотерапии, включая восстановление первичной травмировавшей причины.

Диск-жокей сухо ответил:

— Причину, травмировавшую меня, нет нужды восстанавливать. Я ощущаю ее ежеминутно. Она вокруг меня. Это род клаустрофобии, и я болен ею очень и очень сильно.

— Клаустрофобия, — сказал доктор Стокстилл, — это фобия, прямо исходящая из промежуточного мозга. Она является расстройством пространственного чувства. Такое расстройство связано с панической реакцией на реальное или воображаемое присутствие опасности. Это подавленное желание убежать.

Дангерфильд сказал:

— Ну и куда же я могу убежать, доктор? Давайте будем реалистами. Господи, чем мне может помочь психоанализ? Я болен. Мне нужна операция, а не та лажа, которую вы мне предлагаете.

— Вы уверены? — спросил Стокстилл, чувствуя свою бесполезность и понимая, что он оказался в дурацком положении. — Конечно, потребуется время, но вы и я, по крайней мере, установили постоянный контакт; вы знаете, что я здесь, внизу, пытаюсь помочь вам, а я знаю, что вы слушаете...

Ты слушаешь, не так ли? — мысленно спросил он.

— Итак, я думаю, мы уже достигли кое-чего.

Он ждал, но ответом ему было молчание.

— Алло, Дангерфильд, — сказал он в микрофон.

Молчание.

Фокомелус сказал из-за спины доктора:

— Он либо отключил связь, либо его сателлит сейчас слишком далеко. Думаете, вы ему помогаете?

— Не знаю, — ответил Стокстилл, — но попытаться стоит.

— Если бы вы начали год назад...

— Кто ж знал...

Мы считали Дангерфильда дарованным нам навечно, вроде солнца, понял Стокстилл. А сейчас, как говорит Хоппи, несколько поздновато.

— Попытайте счастья завтра во второй половине дня, — сказал Хоппи со слабой, почти насмешливой улыбкой. И все же Стокстилл почувствовал в ней глубокую печаль. Сожалел ли Хоппи о нем, о его тщетных усилиях? Или о человеке на сателлите, летящем над ними? Трудно сказать.

— Я буду продолжать, — обещал Стокстилл.

Раздался стук в дверь.

Хоппи сказал:

— Это официальная делегация. — Широкая довольная улыбка появилась на его худом лице; оно казалось расплылось и потеплело. — Прошу прощения.

Он подкатил на своем «мобиле» к двери, вытянул ручной экстензор и резким движением открыл ее.

За дверью стояли Орион Страуд, Эндрю Джилл, Кэс Стоун, Бонни Келлер и миссис Толман. Все они выглядели взволнованными и чувствовали себя не в своей тарелке.

— Харрингтон, — сказал Страуд, — у нас есть для тебя кое-что, небольшой подарок.

— Прекрасно, — ответил Хоппи, улыбаясь Стокстиллу, — видите? Разве я не говорил? Они благодарны мне.

Делегации он сказал:

— Входите, я вас жду.

Он широко распахнул дверь, и делегация вошла в дом.

— Что вы здесь делаете? — спросила Бонни доктора Стокстилла, увидев, что тот стоит с микрофоном возле передатчика.

Стокстилл сказал:

— Пытаюсь связаться с Дангерфильдом.

— Терапия? — спросила она.

— Да, — кивнул он.

— И неудачно.

— Завтра мы попытаемся снова, — сказал Стокстилл.

Хоппи тем временем выказывал нетерпение.

— Ну, что вы мне принесли? — Он переводил взгляд со Страуда на Джилла; вдруг он увидел коробку с сигаретами и ящик с бренди. — Это мне?

— Да, — ответил Джилл, — в знак благодарности.

Коробка и ящик вырвались из его рук; он замигал, видя, как они плывут к фоку и приземляются прямо перед его «мобилем». Хоппи алчно дергал их своими экстензорами, пытаясь открыть.

— Хм, — сказал в замешательстве Страуд, — мы должны сделать заявление. Можно сейчас, Хоппи? — Он с опаской смотрел на фокомелуса.

— Еще что-нибудь? — требовательно спросил Хоппи, открыв наконец коробку и ящик. — Что еще вы принесли, чтобы вознаградить меня?

Наблюдая эту сцену, Бонни думала: я и не подозревала, что в нем столько детского. Как дитя малое... Нам надо было принести гораздо больше, и упаковка должна была быть яркой, с ленточками и картинками, и, чем разноцветнее, тем лучше. ОН, ДОЛЖНО БЫТЬ, РАЗОЧАРОВАН, поняла она. Наши жизни зависят от этого — от того, будет ли он умиротворен.

— Больше ничего? — раздраженно спросил Хоппи.

— Пока нет, — ответил Страуд, — но будет. — Он подмигнул членам делегации. — Твои НАСТОЯЩИЕ подарки, Хоппи, должны быть тщательно подготовлены. Это только для начала.

— Понятно, — сказал фокомелус. Но в голосе его звучало недоверие.

— Честно, — сказал Страуд, — чистая правда, Хоппи.

— Я не курю, — буркнул фокомелус, рассматривая сигареты; он взял несколько штук и смял их, позволив ошметкам упасть на пол. — Курение вызывает рак.

— Ну, — начал было Джилл, — по этому поводу существуют разные мнения...

Фокомелус захихикал:

— Думаю, это все, что вы собираетесь мне дать.

— Нет, разумеется, будет больше, — возразил Страуд.

В комнате стало тихо, только потрескивали статические разряды в динамике. Какой-то предмет... электронная лампа... вылетела из угла и поплыла по воздуху, ударилась о стену и со звоном лопнула, засыпав всех осколками битого стекла.

— Больше, — произнес Хоппи, подражая глубокому, торжественному голосу Ориона Страуда. — Разумеется, будет больше.

Глава 15

Тридцать шесть часов Уолт Дангерфильд неподвижно пролежал на своей койке в полубессознательном состоянии, понимая уже, что страдает он совсем не от язвы. Он чувствовал затрудненное сердцебиение,

и, возможно, именно оно в скором времени убьет его, что бы там ни говорил психоаналитик Стокстилл.

Передатчик сателлита снова и снова транслировал вниз легкую опереточную музыку. Звучание струнных порождало ощущение бесполезного теперь комфорта. У Дангерфильда не было сил даже встать и добраться до приборной панели, чтобы выключить передатчик.

Этот психоаналитик, думал он с горечью. Болтает о дыхании в бумажный мешок. Слабый голос доктора казался нереальным — такой самоуверенный. Исходящий из таких неверных предпосылок.

Сателлит совершал виток за витком, послания со всего мира продолжали поступать. Оборудование улавливало их, записывало — но и только. Дангерфильд не мог больше на них отвечать.

Полагаю, я должен объявить об этом, решил он. Думаю, что тот час, которого все мы ждем, наконец настал для меня.

Он пополз на четвереньках к сиденью перед микрофоном, с которого в течение семи лет он вел передачи для всего мира. Добравшись до сиденья, он отдохнул немного, включил один из многих имеющихся на борту магнитофонов, взял микрофон и начал диктовать послание, которое после того, как будет закончено, начнет прокручиваться опять и опять, заменив собой концертную музыку.

— Друзья мои, к вам обращается Уолт Дангерфильд. Я хочу поблагодарить всех за все те часы, когда мы были вместе, переговариваясь, поддерживая контакт друг с другом. Боюсь, что моя болезнь не даст мне возможности продолжать. Поэтому с великим сожалением я в последний раз объявляю о конце передачи...

Он говорил, преодолевая боль, тщательно подбирая слова, пытаясь как можно меньше огорчить свою аудиторию. Но тем не менее он сказал им всю правду: ему приходит конец, и они должны найти какой-нибудь другой способ общения — без него. Затем он дал отбой, устало выключил микрофон и машинально включил прослушивание записи.

Пленка была чистой. На ней не записалось НИЧЕГО, хотя он говорил почти пятнадцать минут.

Видимо, оборудование по какой-то причине вышло из строя, но он был слишком болен, чтобы тревожиться из-за этого. Он снова щелкнул переключателем микрофона, включил приборы на пульте управления и еще раз попытался довести свое послание до аудитории внизу.

— Друзья мои, — снова начал он, — это Уолт Дангерфильд. У меня для вас плохие новости, но...

Тут он понял, что говорит в мертвый микрофон. Динамик над головой Дангерфильда тоже молчал, значит, вниз ничего не передавалось, в противном случае он слышал бы свой голос из воспроизводящего устройства.

Он сидел, пытаясь понять, что случилось, и вдруг заметил еще кое-что, гораздо более странное и зловещее.

Системы вокруг него работали. Причем, судя по их виду, работали уже долго. Устройства высокоскоростной передачи и записи, которые он никогда не использовал, пришли в действие впервые за семь лет. Даже за то время, пока он изумленно наблюдал за ними, реле успело переключиться, одна бобина остановилась, а другая начала вращаться, но с меньшей скоростью.

Не понимаю, сказал он себе, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Видимо, устройство приняло высокоскоростную передачу и сейчас транслировало запись вниз, но что привело в действие аппаратуру? Не он. Судя по показаниям шкал приборов, передатчик вышел в эфир, и в тот момент, когда Дангерфильд осознал это и понял, что принятое и записанное послание транслируется на Землю, из ожившего громкоговорителя над его головой послышались звуки:

— Трам-та-ра-рам, — радостно произнес голос, его собственный голос, — вот и ваш старый приятель Уолт Дангерфильд, и простите мне затянувшийся концерт, хватит с нас музыки...

Когда это я говорил такое?. — спросил он себя, сидя и угрюмо слушая. Он был шокирован и озадачен. Его голос в динамике, бодрый, полный жизни... Как он мог звучать так сейчас? Много лет назад, когда я был здоров, а ОНА — жива...

— Что касается, — продолжал шелестеть его голос, — небольшого недомогания, которым я страдал... видимо, мышь забралась в продуктовый склад. Вы будете смеяться, представив себе Уолта Дангерфильда, гоняющего мышь в небесах, но это правда. Каким-то образом часть моих запасов испортилась, а я не заметил... но именно из-за этого произошли беспорядки в моих внутренностях. Однако... — и Дангерфильд услышал свой собственный знакомый смешок, — теперь я в порядке. Знаю, что вы рады будете узнать об этом, все, кто любезно посылал мне пожелания скорейшего выздоровления. И я благодарю вас всех.

Встав с сиденья перед микрофоном, Уолт Дангерфильд, шатаясь, добрался до своей койки, лег, закрыл глаза и снова задумался о боли в груди и о том, что она означает. Боль при пекторальной ангине, подумал он, вроде бы больше напоминает удары кулаком, он же ощущает, скорее, жжение.

Если бы я мог снова просмотреть медицинский микрофильм... возможно, там окажутся подробности, которые я пропустил при чтении. Например, то, что боль локализована прямо под грудной клеткой, а не левее: означает ли это что-нибудь?

Или, может быть, со мной ничего плохого? — думал он, снова пытаясь встать. Может быть, прав этот психиатр Стокстилл, который хотел, чтобы я дышал двуокисью углерода? Может быть, болезнь гнездится в моем мозгу, и вызвали ее годы изоляции.

Но он так не считал. Боль была слишком реальной. Кроме того, существовал еще один беспокоящий его симптом. Несмотря на все

попытки, он не мог найти ему объяснения и поэтому даже не пытался упоминать о нем докторам и госпиталям, с которыми выходил на связь. Сейчас, конечно, уже поздно, сейчас он был слишком болен, чтобы включить передатчик...

Ему казалось, что боль усиливается всякий раз, когда его сателлит проходит над Северной Калифорнией.

В середине ночи взволнованный шепот Билла Келлера разбудил его сестру.

— В чем дело? — недовольно спросила она, пытаясь понять, чего он хочет.

Пока она сидела на кровати, протирая сонные глаза, шепот Билла перешел в крик:

— Хоппи Харрингтон! — звучало глубоко внутри нее. — Он захватил сателлит! Хоппи захватил сателлит Дангерфильда!

Билл верещал и верещал, взволнованно повторяя одно и то же.

— Откуда ты знаешь? — спросила Эди.

— Потому что так говорит мистер Блутгельд. Он сейчас внизу, но пока еще видит то, что происходит на поверхности. Он не может сделать ничего и с ума сходит от бессилия. Он по-прежнему все знает о нас. Он ненавидит Хоппи, потому что Хоппи его задушил.

— А что с Дангерфильдом? — спросила Эди. — Он мертв?

— Внизу его нет, — ответил после долгой паузы ее брат, — поэтому я думаю, что он жив.

— Кому мне сказать об этом? — спросила Эди. — О том, что сделал Хоппи?

— Скажи маме. Иди прямо сейчас, — торопил ее Билл.

Выбравшись из постели, Эди стремглав выбежала из своей комнаты и побежала дальше через гостиную к спальне своих родителей.

Она с разбега открыла дверь и позвала:

— Мама, я должна рассказать тебе кое-что...

Но затем ее голос ослаб, потому что матери не было в спальне. На кровати виднелась только одна спящая фигура — ее отец. А ее мать — и она знала это с полной уверенностью — ушла и не вернется.

— Где она? — громко кричал из нее Билл. — Я знаю, ее здесь нет. Я не чувствую ее.

Эди медленно закрыла дверь спальни. Что мне делать? — спросила она себя. Она бесцельно брела по дому, дрожа от ночной прохлады.

— Тише, — сказала она Биллу, и он несколько утих.

— Ты должна найти ее, — повторял он.

— Я не могу, — ответила Эди. Она знала, что это безнадежно. — Дай мне подумать, что теперь делать, — сказала она, возвращаясь в свою спальню за халатом и тапочками.

Бонни сказала Элле Харди:

— У вас очень милый дом. Но мне так странно опять очутиться в Беркли после стольких лет...

Она чувствовала непреодолимую усталость.

— Я хочу лечь спать, — сказала она.

Было два часа ночи.

Взглянув на Эндрю Джилла и Стюарта Макконти, она сказала;

— Мы добрались сюда очень быстро, не правда ли? Год назад мы провели бы в дороге еще дня три.

— Да, — согласился Джилл и зевнул. Он тоже выглядел усталым; лошадью, запряженной в автомобиль, правил в основном он, поскольку и лошадь, и автомобиль принадлежали ему.

Мистер Харди сказал:

— Как раз около этого часа, миссис Келлер, мы обычно слушаем самую позднюю передачу с сателлита.

— О, — вежливо откликнулась Бонни, не чувствуя на самом деле никакого интереса, но зная, что им неминуемо придется задержаться, по крайней мере на несколько минут, чтобы не обидеть хозяев. — Значит, вы слушаете по две передачи в день?

— Да, — сказала миссис Харди, — и, если честно, мы находим, что стоит бодрствовать ради этой поздней передачи, хотя последние несколько недель... — Она махнула рукой. — Полагаю, вы знаете об этом так же хорошо, как и мы, — Дангерфильд очень болен.

Они немного помолчали.

Харди сказал:

— Учитывая, что мы вовсе не слышали его вчера — только одна опереточная музыка автоматически повторялась снова и снова, видимо... — Он оглядел всех четверых. — Вот почему мы возлагаем столько надежд на сегодняшнюю последнюю трансляцию.

Бонни подумала: нам предстоит завтра столько дел... но он прав, мы должны остаться и послушать. Мы должны знать, что происходит на сателлите. Это слишком важно для нас всех. Она почувствовала печаль. Уолт Дангерфильд, думала она, неужели ты умираешь там, совсем один? Неужели ты уже мертв, а мы еще не знаем?

Теперь что — вечно будет играть опереточная музыка? — спросила она себя. По крайней мере до тех пор, пока сателлит наконец не упадет на Землю или не уйдет в пространство и его в конце концов не притянет Солнце?

— Я включу приемник, — сказал Харди, взглянув на часы.

Он пересек комнату, подошел к приемнику и осторожно повернул ручку.

— Требуется довольно много времени, чтобы лампы нагрелись, — извинился он. — Я думаю, что одна из них села. Мы сделали заявку в Ассоциацию мастеров Западного Беркли, но они так заняты. Сказали мне, что слишком загружены. Я попытался сам, но... — Он уныло по-

жал плечами. — Последний раз, когда я пытался починить его, стало только хуже.

Стюарт сказал:

— Вы хотите отпугнуть мистера Джилла?

— Что вы, — возразил Джилл, — я понимаю. Починка радиоаппаратуры — прерогатива мастеров. У нас в Вест-Марине тоже так.

Миссис Харди сказала Бонни:

— Стюарт говорит, что вы когда-то жили здесь.

— Я работала некоторое время в радиационной лаборатории, — ответила Бонни, — а затем я перешла в Ливермор, также при университете. Конечно... — она растерялась, — все сейчас так изменилось. Я бы не узнала Беркли. Когда мы проезжали через город, я не узнавала ничего, за исключением, может быть, самой авеню Сан-Пабло. Все маленькие магазинчики — они выглядят как новенькие.

— Они действительно новые, — согласился Дин Харди. Из приемника послышался треск статических разрядов, и он приблизил ухо к динамику, напряженно вслушиваясь. — Обычно передача идет на частоте 640 килогерц. Извините...

Он повернулся к ним спиной, полностью сосредоточившись на радио.

— Подкрути фитиль лампы, — сказал Джилл Бонни, — тогда шкалу будет лучше видно.

Бонни так и сделала, дивясь, что даже здесь, в городе, жители все еще зависят от примитивных масляных ламп. Она предполагала, что городская электросеть уже давно восстановлена, по крайней мере частично. По некоторым параметрам Беркли явно отставал от Вест-Марина. Даже в Болинасе...

— Есть, — сказал мистер Харди, прервав ее размышления. — Я знал, что поймаю его. И опереттой здесь не пахнет... — Его лицо засияло довольной улыбкой.

— О Господи, — воскликнула Элла Харди, — молю небеса, чтобы ему стало лучше.

И она стиснула руки в тревоге.

Из динамика раздался дружелюбный, раскованный, такой знакомый всем голос:

— Привет, полуночники! Как вы думаете, кто это говорит вам: алло! алло! — Дангерфильд засмеялся. — Да, друзья мои. Я снова встал на ноги. И сразу же принялся крутить все эти маленькие потертые ручки и регуляторы, как сумасшедший... Вот так-то.

Голос его был теплый, и лица тех, кто был в комнате вместе с Бонни, расплылись в улыбке, разделяя то удовольствие, которое слышалось в его голосе. Они согласно кивали.

— Вот видите, — сказала Элла Харди. — Ему лучше. Можно сказать, что он выздоровел. Он не притворяется здоровым, разницу можно понять сразу.

— Трам-та-ра-рам, — продолжал Дангерфильд, — давайте-ка теперь посмотрим: какие у нас новости? Вы слышали о враге общества номер один, бывшем физике, которого мы все так хорошо помним? О нашем приятеле докторе Блутгельде — или я должен назвать его доктором Бладмани? Так или иначе, полагаю, сейчас вы все знаете, что нашего дорогого доктора Бладмани больше нет с нами. Да, это правда.

— До меня дошли слухи, — взволнованно сказал мистер Харди, — Торговец, благополучно пригнавший воздушный шар из округа Марин...

— Ш-ш-ш, — шикнула на него Элла Харди.

— Да, да, — говорил тем временем Дангерфильд, — некая особа в Северной Калифорнии позаботилась о докторе Б. Окончательно и бесповоротно. Мы в неоплатном долгу перед некоей маленькой особой, потому что, скажем честно, друзья, эта особа несколько... недоукомплектована. И все же смогла сделать то, чего не смог бы никто. — Голос Дангерфильда стал вдруг жестким и непреклонным, в нем появилась нотка, которую раньше никто не слышал. Слушатели изумленно переглянулись. — Я говорю о Хоппи Харрингтоне. Вы не знаете такого? А следовало бы — без Хоппи никого из вас не было бы в живых.

Харди нахмурился, поскреб в задумчивости подбородок и вопросительно глянул на Эллу.

— Этот Хоппи Харрингтон, — говорил Дангерфильд, — задушил доктора Б., не выходя из своего дома, на расстоянии четырех миль. Это было легко. Очень легко. Думаете, что все это нереально? В-в-веесьма длинные руки, не правда ли, друзья? И весьма сильные. Расскажу вам еще кое-что поинтереснее, — голос его перешел в доверительный, интимный шепот, — у Хоппи СОВСЕМ нет ни рук, ни ног.

И Дангерфильд весело рассмеялся.

Бонни тихо сказала:

— Эндрю, это он, да?

Развернувшись на стуле, чтобы оказаться к ней лицом, он ответил:

— Да, дорогая. Думаю, что — да.

— Кто? — спросил Стюарт Макконти.

Теперь голос, шедший из динамика, подводил итоги, более спокойно, но и более сурово. Он опять стал холодным и непреклонным.

— Была предпринята попытка, — заявил он, — вознаградить мистера Харрингтона. Небольшая. Несколько сигарет и немного плохого виски — если это только можно назвать вознаграждением. И несколько пустых фраз, произнесенных маленьким политиком местного масштаба. Вот и все, что сделано для человека, спасшего всех нас. Видимо, они считают...

Элла Харди сказала:

— Это не Дангерфильд.

Мистер Харди спросил у Джилла и Бонни:

— Тогда кто? Скажите?

Бонни ответила:

— Хоппи.

Джилл кивнул, подтверждая.

— Он там? — спросил Стюарт. — На сателлите?

— Не знаю, — сказала Бонни. — Но какая разница — где? Он управляет приборами, вот что важно, — добавила она.

А мы-то думали, что, уехав из Вест-Марина в Беркли, мы убежали, подумала она. Что мы оставили Хоппи...

— Я ничуть не удивлена, — сказала она вслух, — он давно готовился; поставил себе цель и практиковался.

— Но хватит об этом, — объявил голос из приемника уже не так жестко. — Вы еще услышите о человеке, который спас нас всех, время от времени я буду сообщать вам последние новости о нем. Старый Уолт не собирается забывать... А пока давайте послушаем музыку. Как насчет настоящего пятиструнного банджо, друзья? Подлинная американская музыка былых времен. «На ферме Пенни». Исполняет Пит Сигер, величайший из фолк-музыкантов.

Наступила пауза, а затем из динамика полились мощные звуки симфонического оркестра.

Бонни сказала задумчиво:

— Хоппи не полностью завладел ситуацией. Есть еще несколько цепей, которые ему не подчиняются.

Внезапно симфонический оркестр замолчал. Снова наступило молчание, а затем что-то, записанное на повышенной скорости, неистово запищало и резко оборвалось. Не совладав с собой, Бонни улыбнулась. Наконец с опозданием зазвучало:

Пришли плохие времена
На ферму Пенни...

Фольклорный певец пел гнусавым тенором, аккомпанируя себе на пятиструнном банджо. Собравшиеся в комнате сидели и слушали, подчиняясь долгой привычке; музыка исходила из радио, от которого они зависели в течение семи лет; они научились слушать, это стало рефлексом. И все же Бонни чувствовала стыд и отчаяние, разлитые вокруг нее. Никто в комнате полностью не понимал, что случилось; она и сама ощущала только оцепенелое замешательство. Дангерфильд вновь был с ними и все же не был; они получили пустую оболочку, видимость, но, в сущности, можно ли было считать это реальностью? Некий искусственный образ, привидение; он не был ни живым, ни жизнеспособным. Он имитировал внешнее движение, но был пуст и мертв. Ему было свойственно специфическое ЗАКОНСЕРВИРОВАННОЕ качество, как будто холод и одиночество каким-то образом объединились, чтобы создать вокруг человека на сателлите новую скорлупу. Футляр, который покрыл живое вещество и подавил его.

Убийство, медленное уничтожение Дангерфильда, думала Бонни, было обдуманным и исходило не из пространства, не свыше, а снизу, из знакомого земного пейзажа. Дангерфильд не умер от долгой изоляции; ему нанесли удар старательные приборы, принадлежащие тому миру, с которым он пытался поддерживать связь. Если бы он мог отключить их от нас, думала она, он был бы сейчас жив. В тот самый момент, когда он слышал нас, принимал нас, его убивали — а он об этом и не догадывался.

Он и сейчас не догадывается, решила она. Может быть, он сбит с толку, если вообще способен что-нибудь понимать в настоящий момент, способен хоть к какой-нибудь форме осознания.

— Это ужасно, — произнес Джилл без всякого выражения.

— Ужасно, — согласилась Бонни, — но неизбежно. Он был там слишком уязвим. Если не Хоппи, то кто-нибудь другой однажды сделал бы то же самое.

— А нам-то что делать? — спросила миссис Харди. — Если вы совершенно уверены, то нам лучше...

— О, — сказала Бонни, — мы абсолютно уверены. Сомнений быть не может. Вы думаете, мы должны снова составить «делегацию» и пойти к Хоппи? Попросить, чтобы он остановился? Интересно, что он на это скажет.

Интересно также, думала она, насколько мы сможем приблизиться к знакомому маленькому домику прежде, чем будем уничтожены. Возможно, мы находимся слишком близко от него и сейчас.

Ни за какие сокровища мира, думала она, я не подойду ближе. Думаю, что на самом деле я уеду подальше; я попрошу Эндрю поехать со мной, а если он не согласится, — Стюарта, а не его — так кого-нибудь еще. Я все время буду в движении; я не останусь долго на одном месте и, может быть, таким образом спасусь от Хоппи. И плевать мне сейчас на остальных: я слишком напугана. Я забочусь только о себе.

— Послушай, Энди, — сказала она Джиллу, — я хочу уехать.

— Ты имеешь в виду: уехать из Беркли?

— Да, — подтвердила она, — вдоль побережья к Лос-Анджелесу. Я знаю, мы можем уехать; мы доберемся туда, и у нас все будет в порядке. Я знаю.

Джилл сказал:

— Я не могу, дорогая, я должен вернуться в Вест-Марин. Там мое дело — я не могу бросить его.

Она в испуге спросила:

— Ты собираешься вернуться?

— Да. Почему бы и нет? Не бросать же все из-за того, что натворил Хоппи. Неразумно просить нас об этом. Даже Хоппи не требует ничего подобного.

— Но он потребует! — воскликнула она. — В свое время он потребует все. Я знаю. Я предвижу это.

— Тогда мы подождем, — ответил Джилл, — до тех пор. А пока давайте работать. — Он обратился к Харди и Стюарту: — Я собираюсь спать, потому что, видит Бог, нам есть что обсудить завтра.

Он поднялся на ноги.

— Ситуация может измениться сама собой. Мы не должны отчаиваться. — Он хлопнул Стюарта по плечу. — Правильно?

Стюарт сказал:

— Я однажды прятался в люке. Неужели я снова должен пройти через это? — Он посмотрел на остальных, ожидая ответа.

— Да, — ответила ему Бонни.

— Хорошо, — сказал он, — но я выбрался из люка, я не остался в нем. И выберусь снова. — Он тоже встал. — Джилл, вы можете ночевать со мной в моей комнате, а вы, Бонни, оставайтесь у Харди.

— Да, — встрепенулась Элла Харди, — у нас хватит места для вас, миссис Келлер, пока мы не сможем найти вам что-нибудь получше.

— Благодарю, — машинально сказала Бонни, — это замечательно.

Она потерла глаза. Хороший сон, думала она. Он поможет. А потом что? Мы просто подождем и увидим.

Если доживем до утра.

Джилл вдруг спросил:

— Бонни, тебе легко поверить в то, что сделал Хоппи? Или нет? Ты хорошо его знаешь? Ты понимаешь его?

— Я думаю, — ответила она, — в нем взыграло честолюбие. Но этого следовало ожидать. Сейчас он достиг большего, чем любой из нас, у него, как он сам говорит, длинные, длинные руки. Он прекрасно компенсировал то, чего ему недоставало. Тебе бы следовало им восхищаться.

— Да, — согласился Джилл, — пожалуй. Даже весьма.

— Если бы я только могла поверить, что он этим удовлетворится, — сказала она, — я бы так не боялась.

— О ком я сожалею, — вздохнул Джилл, — так это о Дангерфильде. Больной, обреченный лежать неподвижно — и слушать.

Она согласилась, но отказалась представить себе эту картину. Она могла не вынести этого.

Эди Келлер в халате и тапочках бежала по тропинке к дому Хоппи.

— Скорее, — подгонял ее Билл, — он знает о нас. Мне сообщили: мы в опасности. Если мы подберемся к нему поближе, я смогу изобразить кого-нибудь из мертвых, чтобы напугать его. Он боится мертвых. Мистер Блэйн говорит: это потому, что они для него, как отцы, много отцов и...

— Тише ты, — сказала Эди, — дай мне подумать.

Видимо, она заблудилась в темноте; она не могла найти тропинку через дубовую рощу и остановилась, тяжело дыша, пытаясь сориентироваться в тусклом свете месяца над головой.

Направо, думала она. Вниз по склону холма. Не упасть бы — Хоппи услышит шум; он может слышать на большом расстоянии почти все. Она спустилась, затаив дыхание, шаг за шагом.

— Я подготовил хорошую имитацию, — бормотал, не умолкая, Билл, — вот как это будет: когда я окажусь поблизости от него, я свяжусь с кем-нибудь из мертвых. Тебе будет немного неприятно, вроде как что-то хлюпает... но это продлится всего несколько минут, а затем они смогут говорить с ним прямо изнутри тебя, ладно? Потому что, как только он услышит...

— Ладно, — сказала Эди, — только недолго.

— Ну, тогда знаешь, что они скажут? Они скажут: «За наши безрассудства нам преподан жестокий урок. Господь содеял это, чтобы заставить нас прозреть». А знаешь кого я изобразил? Священника, который читал проповеди, когда Хоппи был ребенком и папаша принес его в церковь на спине. Это был самый ужасный момент в жизни Хоппи, и он вспомнит его, хотя прошло столько лет. Знаешь почему? Потому что священник заставил каждого в церкви посмотреть на Хоппи. Это было жестоко, и отец Хоппи никогда больше не ходил в церковь. Вот почему Хоппи стал таким: из-за священника. И Хоппи до сих пор боится его по-настоящему, а если он услышит его голос...

— Заткнись, — сказала Эди, доведенная до отчаяния. Сейчас они были выше дома Хоппи, она видела внизу его огни. — Пожалуйста, Билл, ПОЖАЛУЙСТА.

— Но я же должен тебе объяснить, — продолжал Билл. — Когда я...

Он замолчал. Внутри нее теперь не было ничего. Она стала пустой.

— Билл, — позвала она.

Он ушел.

Перед ней в лунном свете покачивалось что-то никогда не виденное ею; оно поднималось, подпрыгивая, и его длинные белые волосы струились за ним, как шлейф. Оно поднималось, пока не оказалось вровень с ее лицом. Маленькие слепые глаза... широко разинутый рот... все оно состояло из небольшой головы, тяжелой и круглой, похожей на бейсбольный мяч. Из его рта вырвался писк, а затем оно снова свободно поплыло вверх. Эди наблюдала, как оно все больше и больше набирало высоту, плавно поднимаясь выше деревьев, плывя в непривычной атмосфере, которую раньше оно никогда не знало.

— Билл, — сказала она, — он вынул тебя из меня. Он вытащил тебя наружу.

И ты уходишь, поняла она. Хоппи заставляет тебя.

— Вернись, — сказала она, но это теперь стало неважным, потому что он не мог жить вне ее. Она знала. Так сказал доктор Стокстилл. Биллу нельзя было рождаться, и Хоппи догадался об этом и заставил его, зная, что Билл умрет.

Ты не успеешь показать свою имитацию, поняла она. Я говорила тебе: потише, а ты не слушался. Напрягая глаза, она видела в небе — или думала, что видит, — твердый маленький объект со струящимися за ним волосами... а затем он бесшумно исчез.

Она осталась одна.

Зачем теперь продолжать? Все был кончено. Она повернулась и стала взбираться на холм, опустив голову и закрыв глаза, находя путь ощупью. Назад — домой, в свою кровать. К глазам ее подступили слезы, она чувствовала, как они бегут по щекам. Если бы ты только мог помолчать, думала она. Он бы тебя не услышал. Говорила же я тебе, говорила...

Она побрела обратно к дому.

Паря в воздухе, Билл Келлер мог немного видеть, немного слышать, ощущать, что вокруг него находятся живые существа — деревья, животные — и плыть среди них. Он чувствовал, что на него действует сила, поднимающая его, но он вспомнил свою имитацию и изобразил ее. Его голос слабо вырвался в холодный воздух, затем он услышал его и воскликнул:

— За наши безрассудства нам преподан жестокий урок!

Его визг отдавался у него в ушах, и он с наслаждением вслушивался в него.

Сила, его поднимавшая, исчезла. Он поплыл, счастливо покачиваясь, затем начал снижаться. Он спускался все ниже и ниже и, как раз перед тем, как коснуться земли, отклонился в сторону, пока, ведомый живущим внутри него инстинктом, не повис неподвижно над домом и антенной Хоппи Харрингтона.

— Господь сделал это! — закричал он своим слабеньким голоском. — Теперь мы видим, что пришло время выступить против ядерных испытаний в атмосфере. Призываю вас всех написать письма протеста президенту Джонсону.

Он не знал, кто такой президент Джонсон. Возможно, кто-нибудь из живущих. Осмотревшись, он не увидел его; он видел только дубовые рощи, полные живых существ, да бесшумно летящую птицу с гигантским клювом и пристальными глазами. Билл взвизгнул в испуге, когда птица с коричневыми перьями бесшумно спланировала вниз, прямо на него.

Она издала смертоносный жестокий звук, в котором слышалось желание растерзать его.

— Призываю вас всех, — кричал Билл, летя в темном прохладном воздухе, — написать письма протеста!

Сверкающие глаза птицы неотрывно следили за ним, пока он и она скользили над деревьями в слабом лунном свете.

Сова настигла его и проглотила в один присест.

Глава 16

Снова он был внутри. И опять не мог ни видеть, ни слышать. На короткое время ему была дарована такая возможность, а теперь все кончилось.

Продолжая ухать, сова летела дальше.

Билли Келлер сказал ей:

— Ты можешь меня слышать?

Может быть, она могла, а может быть — нет. Ведь это была всего лишь сова, ее органы чувств отличались от органов чувств Эди. Все вокруг было совсем по-другому. Смогу ли я жить внутри тебя? — спросил он сову. Никто не знает, что я запрятан здесь... у тебя свои полеты, свои пути. Вместе с ним в сове находились останки мышей и что-то еще, шуршащее и царапающееся, достаточно большое, чтобы пытаться выжить.

Ниже, приказал он сове. Он видел деревья ее глазами; он видел так ясно, словно все было залито светом. Миллионы отдельных, неподвижных объектов... но вот он заметил что-то ползущее. Объект был живым, и сова свернула к нему. Ползущее существо не слышало ни звука, ни о чем не подозревало и продолжало себе извиваться, не пытаясь спрятаться.

Мгновение — сова проглотила его и полетела дальше.

Хорошо, подумал Билл. А что дальше? Сова летает всю ночь туда-сюда, потом купается, когда идет дождь, и долго, крепко спит. Может быть, это и к лучшему? Может быть.

Он сказал:

— Фергюссон не позволяет своим служащим выпивать. Это против его религии, да?

А затем:

— Хоппи, откуда исходит свет? От Бога? Ты знаешь, как в Библии? Я хочу сказать — это правда?

Сова заухала.

— Хоппи, — сказал он изнутри совы, — прошлый раз ты говорил, что там сплошная тьма. Это действительно так? Там вовсе нет света?

Миллионы мертвых кричали в нем, требовали внимания. Он слушал, выбирал, повторял...

— Ты, грязный маленький уродец, — говорил он. — Все слушайте меня. Мы ниже уровня улицы... Ты, слабоумный осел, стой, где стоишь, стоишь... стоишь... Я поднимусь наверх и приведу сюда этих... как их?.. людей. Расчистите место. Место для них...

Испуганная сова захлопала крыльями и поднялась выше, пытаясь избавиться от него. Но он продолжал выбирать, слушать и говорить.

— Стой, где стоишь, — повторил он. Снова показались огни дома Хоппи; сова сделала круг и вернулась, не в силах улететь. Он подчинил ее себе и подводил все ближе и ближе к дому Хоппи, направляя ее полет.

— Ты, слабоумный осел, — опять сказал он. — Стой, где стоишь.

Сова с криком снижалась, пытаясь освободиться. Он поймал ее, она сознавала это и ненавидела его.

— Президент должен прислушаться к нашим доводам, — сказал Билл, — прежде, чем будет слишком поздно.

Поднатужившись, разгневанная сова сделала то единственное, что могла: отхаркнула его, и он полетел к земле, пытаясь уловить поток воздуха. Он с шумом плюхнулся в сухие листья и покатился среди зарослей, слабо взвизгивая, пока, наконец, не угодил в яму.

Освобожденная сова взмыла вверх и исчезла.

— Взываю к человеческому состраданию, — провозгласил он, лежа в яме. Он говорил голосом священника из далекого прошлого. — Мы сами сотворили это, мы видим перед собой результат безумия, охватившего человечество.

Лишившись совиных глаз, он стал плохо видеть. Свет, казалось, померк, и все, что он мог различить, — несколько ближайших к нему теней. Это были деревья.

Неподалеку, на фоне тусклого ночного неба, угадывались очертания дома Хоппи.

— Впусти меня, — сказал Билл, еле шевеля губами. Он перекатывался в яме, он колотился о ее стенки, покуда листья не превратились в труху. — Я хочу войти.

Какое-то животное, услышав его, на всякий случай отскочило в сторону.

— Внутрь, внутрь... — повторял Билл. — Я не могу долго оставаться снаружи, я умру. Эди, где ты?

Он не чувствовал ее рядом, он чувствовал только присутствие фокомелуса в доме.

Лучшее, что он мог сделать, — это катиться к дому.

Рано утром доктор Стокстилл подошел к покрытому толем домику Хоппи Харрингтона, чтобы в четвертый раз попытаться начать лечение Уолта Дангерфильда. Он сразу же заметил, что и передатчик и все огни в доме включены. Несколько озадаченный, он постучал в дверь.

Дверь открылась, и он увидел на пороге Хоппи Харрингтона, сидящего в «мобиле». Фокомелус смотрел на него странно — настороженно, как бы опасаясь чего-то.

— Хочу попытаться еще раз, — сказал Стокстилл, зная, как все это бесполезно, но тем не менее желая продолжать во что бы то ни стало. — Можно?

— Да, сэр, — ответил Хоппи. — Пожалуйста.

— Дангерфильд еще жив?

— Да, сэр. Если бы он умер, я знал бы. — Хоппи откатился в сторону, чтобы впустить доктора. — Пока еще он должен быть там.

— Что случилось? — спросил Стокстилл. — Ты что, всю ночь бодрствовал?

— Да, — сказал Хоппи, — я разбирался, как что работает. — Он катался на «мобиле» взад-вперед, напряженно морща лоб. — Это трудно, — пояснил он, явно занятый своими мыслями.

— Я тут подумал и решил, что идея лечения двуокисью углерода ошибочна, — говорил Стокстилл, усаживаясь перед микрофоном. — На этот раз я попробую применить метод свободных ассоциаций, если только смогу связаться с Дангерфильдом.

Фокомелус продолжал разъезжать по комнате; его «мобиль» ударился о край стола.

— Извините, — сказал Хоппи. — Я нечаянно. Я не хотел.

Стокстилл заметил:

— Какой-то ты другой сегодня...

— Я тот же самый. Только я — Билл Келлер, — сказал фокомелус, — а не Хоппи Харрингтон.

Правым экстензором он указал в угол:

— Хоппи там. Теперь — это он.

В углу лежал сморщенный, выцветший объект длиной в несколько дюймов. Рот его был открыт, демонстрируя полное отсутствие зубов. Объект казался человекоподобным, и Стокстилл подошел, чтобы получше рассмотреть его.

— Это был я, — сказал фокомелус, — но прошлой ночью я подобрался к Хоппи достаточно близко, чтобы перейти в него. Он сильно сопротивлялся, но он боялся, и поэтому я победил. Я изображал одного мертвеца за другим. Священник доконал его.

— Вы знаете, как работает приемник? — спросил фокомелус после небольшой паузы. — Потому что я не знаю. Я пытался разобраться, но не смог. Я заставил огни светиться, включал их и выключал. Я тренировался всю ночь.

Чтобы продемонстрировать свои успехи, он подъехал к стене и с помощью ручного экстензора пощелкал выключателем.

Стокстилл, глядя на маленькую мертвую оболочку, которую он держал в руках, наконец сказал:

— Я знал, что оно не могло бы остаться в живых.

— Оно просуществовало некоторое время, — сказал фокомелус, — почти час. Неплохо, да? Правда, часть срока оно провело в сове. Я не знаю, считается ли это.

— Я... пожалуй, лучше начну вызывать Дангерфильда, — сказал наконец Стокстилл. — Он в любой момент может умереть.

— Конечно, — кивнул фокомелус. — Хотите, чтобы я это забрал?

Он протянул экстензор, и Стокстилл отдал ему гомункулуса.

— Меня проглотила сова, — сказал фок, — и мне это не понравилось, но глаза у нее были великолепные. Мне нравилось пользоваться ими.

— Да, — машинально подтвердил Стокстилл, — у сов исключительно хорошее зрение. Вы, должно быть, испытали интересные ощущения.

Оболочка, которую он только что держал в руках... Ему казалось — такое невозможно. И все же это было не так уж и странно... Фокомелус передвинул Билла только на несколько дюймов — вполне достаточно. Если сравнивать с тем, что он сделал с доктором Блутгельдом... Видимо, потом Хоппи потерял след, потому что Билл, освободившись из тела своей сестры, перебрался в первую попавшуюся субстанцию, затем — в другую. И, наконец, он нашел фока и перешел в него, вытеснив Хоппи из принадлежащего тому тела.

Это был неравноценный обмен. Хоппи Харрингтон проиграл; тело, которое ему досталось, продержалось самое большее несколько минут.

— Вы знаете, — спросил Билл Келлер, запинаясь, как будто он еще не полностью контролировал тело фока, — что Хоппи на какое-то время захватил сателлит? Все всполошились, меня разбудили посреди ночи, а я разбудил Эди. Вот почему я очутился здесь, — честно признался он, настороженно ожидая реакции доктора.

— И что же ты теперь собираешься делать? — спросил Стокстилл.

Фок ответил:

— Мне надо научиться пользоваться новым телом. Это так трудно. И еще эта гравитация... раньше я просто парил. Знаете что? Я нахожу его экстензоры просто великолепными. Я уже многое могу делать ими.

Экстензоры взметнулись, коснулись картины на стене, слегка похлопали по передатчику.

— Я должен найти Эди, — сказал фок. — Я хочу сказать ей, что со мной все в порядке. Держу пари, она думает — я мертв.

Повернувшись к микрофону, Стокстилл сказал:

— Уолтер Дангерфильд, это доктор Стокстилл из Вест-Марина. Вы меня слышите? Если да, ответьте. Мне бы хотелось возобновить лечение, которое мы уже пытались начать на днях.

Он подождал, затем опять повторил то же самое.

— Вам придется пробовать много раз, — сказал фокомелус, наблюдая его попытки. — Это нелегко, потому что он так слаб, что не в силах подняться с койки. Кроме того, он не понял, что произошло, когда Хоппи перехватил у него управление сателлитом.

Стокстилл кивнул в знак согласия, надавил на кнопку микрофона и начал все сначала.

— Можно мне уйти? — спросил Билл Келлер. — Можно, я пойду поищу Эди?

— Конечно, — ответил Стокстилл, нервно потирая лоб; он взял себя в руки и сказал: — Будь осторожен, может быть, тебе не удастся еще раз перейти.

— Я не хочу больше переходить, — сказал Билл. — Мне здесь нравится. Главное, что здесь никого нет, кроме меня. — Поясняя, он

добавил: — Я хочу сказать, что я существую самостоятельно, а не как часть кого-то. Вообще-то я раньше переходил, но только в какое-то совсем слепое существо. Эди хитростью пересадила меня в него, и оно совершенно ничего не могло делать. На этот раз все по-другому.

Тонкое лицо фока расплылось в улыбке.

— Все равно будь осторожен, — повторил Стокстилл.

— Да, сэр, — послушно сказал фокомелус, — я попытаюсь. Мне не повезло с совой, но я не виноват. Я вовсе не хотел, чтобы меня вытошнили. Это была идея совы.

Стокстилл думал: сейчас-то у тебя появились свои собственные идеи. Я могу видеть разницу. И это очень важно.

Он снова начал говорить в микрофон:

— Уолт, это доктор Стокстилл. Я все еще пытаюсь связаться с вами. Думаю, мы можем многое сделать, чтобы помочь вам решить ваши проблемы, если вы поступите, как я вам говорю. Я думаю, мы попробуем сегодня свободные ассоциации, попытаемся найти подоплеку вашего напряженного состояния. В любом случае это не причинит вам вреда. Думаю, вам стоит согласиться.

Из динамика слышались только помехи.

Это безнадежно? — думал Стокстилл. Стоит ли продолжать?

Он снова нажал кнопку микрофона:

— Уолтер, тот, кто захватил власть над сателлитом, сейчас мертв. Поэтому вам не надо беспокоиться об этом. Когда вы будете достаточно сильны, я расскажу вам все более подробно. Идет? Вы согласны?

Он слушал. Снова одни статические разряды.

Фок, катавшийся взад-вперед по комнате, похожий на грузного, посаженного в коробку жука, сказал:

— Теперь, когда я выбрался наружу, я могу ходить в школу?

— Да, — прошептал Стокстилл.

— Но я уже много знаю, — сказал Билл, — я слушал вместе с Эди, когда она сидела в классе. Я не хочу возвращаться назад и повторять, я могу учиться дальше, как она. Разве не так?

Стокстилл согласился.

— Интересно, что скажет мама? — продолжал фок.

— Что? — спросил неприятно пораженный Стокстилл, не сразу поняв, кого фок имеет в виду. — Она уехала, — сказал он. — Бонни уехала с Джиллом и Макконти.

— Я знаю, что она уехала, — печально сказал Билл, — но разве она не вернется когда-нибудь?

— Может быть, и нет, — сказал Стокстилл. — Бонни — странная женщина, очень неугомонная. Не стоит на нее рассчитывать.

И лучше б ей не знать, сказал он себе. Ей было бы крайне трудно, она ведь даже не догадывалась о тебе. Знали только Эди и я. И Хоппи. И сова, усмехнулся он.

— На сегодня хватит, — вдруг сказал он. — Хватит попыток связаться с Дангерфильдом. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Я понимаю, я расстроил вас, — сказал Билл.

Стокстилл кивнул.

— Извините, — продолжал фокомелус, — я тут тренировался и не знал, что вы придете. Я не хотел вас расстраивать, все произошло внезапно, ночью — я поднялся туда и протиснулся в щель под дверью, прежде чем Хоппи догадался, а затем я был уже слишком близко от него.

Увидев выражение лица доктора, он замолчал.

— Это просто непривычно для меня, — прошептал Стокстилл, — я, конечно, знал, что ты существуешь, но все-таки...

Билл сказал гордо:

— Вы не знали, что я умею переходить?

— Нет, — ответил Стокстилл.

— Попытайтесь снова поговорить с Дангерфильдом, — сказал Билл, — не оставляйте попыток связаться с ним, потому что я знаю — он там. Я не расскажу вам, откуда я знаю, потому что от этого вы расстроитесь еще больше.

— Спасибо, — сказал Стокстилл. — За то, что ты не рассказываешь мне.

Он снова прижал кнопку микрофона. Фок открыл дверь и выехал на дорогу; здесь его «мобиль» остановился, и фок в нерешительности посмотрел назад.

— Ступай, поищи лучше свою сестру, — сказал Стокстилл, — я уверен, она обрадуется.

Когда он в следующий раз взглянул на дорогу, фок уже уехал. «Мобиля» не было видно.

— Уолт Дангерфильд, — сказал Стокстилл в микрофон, — я собираюсь сидеть здесь и пытаться связаться с вами до тех пор, пока вы не ответите или я не пойму, что вы мертвы. Я не утверждаю, что у вас нет настоящего физиологического недомогания, но я утверждаю, что частично причина его заключается в вашем психическом состоянии, которое, по общему мнению, во многих отношениях плохо. Разве вы не согласны? После того, через что вы прошли, увидев, что ваши приборы не подчиняются вам...

Далекий голос из динамика лаконично сказал:

— Ладно, Стокстилл. Давайте попробуем ваши «свободные ассоциации». Хотя бы для того, чтобы не доказывать вам путем неявки в суд, что я действительно безнадежно болен физически.

Доктор Стокстилл облегченно вздохнул:

— Наконец-то. Вы слышали меня все время?

— Да, дорогой друг, — сказал Дангерфильд, — я удивлялся: на сколько вас хватит. Видимо, навечно. Вы, доктора, люди настойчивые — если не сказать больше.

Откинувшись назад, Стокстилл нервно затянулся отборной сигаретой «Золотой ярлык» и сказал:

— Можете вы лечь и устроиться поудобнее?

— Я ЛЕЖУ, — ехидно сказал Дангерфильд, — и, между прочим, уже пять дней.

— И вы должны лежать неподвижно и совершенно расслабиться, — продолжал Стокстилл.

— Знаем, знаем, — сказал Дангерфильд. — Представьте себе, что вы лежите на поверхности соленой воды — так, да? И что, мне подробно останавливаться на кровосмесительных тенденциях раннего детства? Дайте-ка вспомнить... Доктор, я вижу мою мать, она расчесывает волосы перед трюмо. Она очень красивая... Простите, нет, я ошибся. Это сцена из фильма с Нормой Ширер. Самое позднее шоу по телевизору.

Он негромко рассмеялся.

— Ваша мать была похожа на Норму Ширер? — спросил Стокстилл. Он уже взял карандаш и бумагу и начал делать заметки.

— Больше на Бетти Грэйбл, — сказал Дангерфильд, — если вы такую помните. Но, может быть, это было еще до вашего рождения. Я ведь стар, мне почти тысяча лет... здесь дни долгие.

— Продолжайте, — сказал Стокстилл, — говорите все, что придет в голову, не контролируйте себя.

Дангерфильд сказал:

— Вместо того чтобы читать вслух великую мировую классику, может быть, мне стоит свободно поассоциировать на тему моих детских грешков, а? Интересно, заинтересуется ли этим человечество так же сильно? Лично я — просто очарован.

Стокстилл не смог удержаться от смеха.

— В вас есть что-то человеческое, — одобрил Дангерфильд, — это уже неплохо. Очко в вашу пользу.

Он рассмеялся своим прежним, знакомым смехом.

— У нас есть что-то общее: мы оба полагаем, что наши разговоры весьма забавны.

Уязвленный, Стокстилл сказал:

— Я хочу вам помочь.

— Да бросьте вы, — ответил знакомый голос, — это я помогаю вам, доктор. И в глубине вашего «бессознательного» вы отлично об этом знаете. Вам ведь нужно чувствовать, что вы снова при деле, так ведь? Когда в последний раз вы испытывали это чувство? «Просто лягте и расслабьтесь, а я сделаю остальное», — он хихикнул. — Вы понимаете, конечно, что я записываю всю чушь, которую мы с вами несем, на пленку. Я собираюсь каждую ночь прокручивать ее над Нью-Йорком — там любят всякие такие штучки.

— Пожалуйста, — сказал Стокстилл, — давайте продолжать.

— Трам-та-ра-рам, — ликовал Дангерфильд. — Безусловно. Могу я подробно рассказать о девочке, в которую был влюблен в пятом клас-

се? Вот когда действительно начались мои кровосмесительные фантазии. — Он помолчал секунду, затем сказал задумчиво: — Вы знаете, я не думал о Мире много лет. Лет двадцать.

— Вы водили ее на танцы или еще куда-нибудь?

— В ПЯТОМ классе? — Дангерфильд захохотал. — Вы соображаете, что говорите? Конечно, нет. Но я целовал ее...

Голос его сейчас казался не таким напряженным, более похожим на голос прежнего Дангерфильда.

— М-да, оказывается, я не забыл этого...

На мгновение статические разряды заглушили его.

— ...и тогда, — рассказывал Дангерфильд, когда Стокстилл опять смог услышать его, — Арнольд Клейн стукнул меня по башке, а я врезал ему в ответ, и это было именно то, чего он заслуживал. Вы внимательно слушаете? Интересно, сколько сотен моих алчных слушателей услышали это; я вижу, как зажигаются лампочки на приборной панели — со мной пытаются связаться на многих частотах. Подождите, док, я должен ответить на несколько вызовов. Кто знает, может быть, некоторые из них — от других психоаналитиков, получше вас. — Он добавил, отключаясь: — И сдерут они с меня меньше...

Наступило молчание. Затем Дангерфильд включился снова:

— Они просто сказали мне, что я поступил совершенно правильно, треснув Арнольда Клейна по башке, — весело сообщил он. — Счет в мою пользу: четыре голоса против одного. Продолжать?

— Да, пожалуйста, — сказал Стокстилл, делая заметки.

— Ну, — сказал Дангерфильд, — а затем появилась Дженни Линдхарт. Это было уже в шестом классе...

Сателлит приблизился; голос Дангерфильда звучал сейчас громко и ясно. Или, может быть, дело было в высоком качестве оборудования Хоппи Харрингтона. Доктор Стокстилл откинулся на спинку стула, курил и слушал, а голос все усиливался, пока не начал отдаваться по комнате гулким эхом.

Сколько раз, думал доктор, Хоппи сидел здесь, принимая сателлит. Строя планы, готовясь к своему великому дню. И вот всему этому пришел конец. Забрал ли с собой фокомелус — Билл Келлер — высохшую маленькую оболочку? Или она все еще валяется где-то поблизости?

Стокстилл не стал оглядываться. Он полностью сосредоточился на голосе, который звучал сейчас так мощно. Он заставил себя не отвлекаться ни на что другое.

В чужой мягкой постели, в незнакомой комнате лежала, еще не совсем проснувшись, Бонни Келлер. Рассеянный желтый свет, без сомнения исходящий от утреннего солнца, заливал комнату, а над кроватью склонился, протягивая к ней руки, человек, которого она знала.

Это был Эндрю Джилл, и на мгновение она вообразила — позволила себе вообразить, — что перенеслась на семь лет назад в самый день Катастрофы.

— Привет, — прошептала она, обняв его. — Перестань, — сказала она ему почти сразу, — ты меня раздавишь, и вообще ты небритый. Что за поведение?

Она оттолкнула его и села.

— Только не волнуйся, — сказал Джилл, откинув одеяло, взял ее на руки и понес через комнату к дверям.

— Куда это мы собираемся? — спросила она. — В Лос-Анджелес? И ты всю дорогу понесешь меня на руках?

— Мы собираемся кое-кого послушать, — ответил он, распахивая дверь плечом и пронося ее через маленький холл с низким потолком.

— Кого? — настаивала она. — Эй, я же раздета!

На ней было только нижнее белье, в котором она спала.

Она увидела гостиную и столпившихся около приемника Стюарта Макконти, чету Харди и нескольких мужчин, которые, видимо, работали у мистера Харди. На всех лицах читалась неприкрытая детская радость.

Из динамика доносился тот же голос, который они слышали ночью. Или не тот? Она слушала, сидя на коленях у Эндрю Джилла.

— ...и тогда Дженни Линдхарт сказала мне, — гремел голос, — что я, по ее мнению, похож на большого пуделя. Думаю, именно так и выглядела стрижка, которую сотворила мне старшая сестра. Я действительно походил на большого пуделя. Ее слова нельзя считать оскорблением, скорее, — наблюдением. Это показывало, что она кое-что знала обо мне. Но так же и то, что отдельные изменения к лучшему не были замечены ею вовсе, не так ли?

Дангерфильд помолчал, как бы ожидая ответа.

— С кем он говорит? — спросила Бонни, все еще одурманенная сном и еще не вполне проснувшись. И вдруг она поняла, что все это значит.

— Он жив, — прошептала она. — Хоппи ушел. — Черт возьми! — сказала она громко. — Кто-нибудь расскажет мне наконец, что произошло?

Она соскользнула с колен Эндрю и стояла, дрожа от холодного утреннего воздуха.

Элла Харди начала рассказывать:

— Мы сами не знаем. Он, видимо, снова вышел ночью в эфир. Мы не выключали радио, поэтому и смогли услышать его, несмотря на то что это необычное время для передачи.

— Кажется, он говорит с доктором, — добавил мистер Харди. — Возможно, с психиатром, который его лечит.

— Господи! — сказала Бонни, вдвойне изумленная. — Это невозможно. Его подвергают психоанализу!..

Но она думала: ГДЕ ХОППИ? ОН УСТУПИЛ? Неужели напряжение, вызванное совершенными действиями, оказалось для него непосильным? Значит ли это, что и его силы ограниченны, как у любого другого живого существа?

Продолжая слушать, она быстро вернулась в свою комнату, чтобы одеться. Никто не заметил ее ухода, все были слишком поглощены передачей.

Только подумайте, сказала она себе, старый, добрый психоаналитик смог ему помочь. Невероятно забавно. Застегивая блузку, она дрожала от холода и веселого возбуждения одновременно. Дангерфильд, лежащий на кушетке в сателлите, бормочущий о своем детстве... О Боже, подумала она и поспешила назад в гостиную, чтобы ничего не упустить.

Эндрю перехватил ее в холле.

— Помехи, — сказал он. — Ничего не слышно.

— Почему? — Она испугалась, веселья как не бывало.

— Нам повезло, что мы вообще его поймали. Но я думаю, что с ним все в порядке.

— Ох, — сказала она. — Я так боюсь. А вдруг опять что-нибудь случилось?

Эндрю сказал:

— С ним все хорошо. — Он положил свои большие руки ей на плечи. — Ты же сама слышала, какой у него был голос.

— Этот психоаналитик, — сказала она. — Он заслуживает медаль первой степени за героизм.

— Да, — мрачно согласился он. — Психоаналитик — герой первой степени. Ты абсолютно права.

Он помолчал, все еще держа ее за плечи, но уже на некотором расстоянии от себя.

— Извини за то, что я грубо разбудил тебя и вытащил из постели, но я знал, что ты сама захочешь услышать Дангерфильда.

— Да, — согласилась она.

— Ты все еще настаиваешь, чтобы мы уехали подальше? К самому Лос-Анджелесу?

— Ну... — сказала она, — у тебя ведь здесь дела. Мы можем задержаться ненадолго. Посмотрим, как будет чувствовать себя Дангерфильд.

Она все еще боялась, все еще беспокоилась из-за Хоппи.

Эндрю сказал:

— Никто никогда не может быть абсолютно уверен ни в чем. Это-то и делает жизнь проблемой, не так ли? Посмотрим правде в глаза: Дангерфильд смертен. Когда-нибудь он должен будет умереть в любом случае.

Он посмотрел на нее.

— Но не СЕЙЧАС, — ответила она. — Если это произойдет позднее, через несколько лет, я смогу выдержать.

Она держала его за руки, а затем наклонилась вперед и поцеловала. Время, думала она. Любовь, которую мы испытывали друг к другу в прошлом, наша любовь к Дангерфильду сейчас и в будущем... Плохо только, что это бессильное чувство; жаль, что оно не может автоматически подлечить его и звучать в нас далее — это чувство, которое мы питаем друг к другу — и к нему.

— Помнишь день Катастрофы? — спросил Эндрю.

— Конечно, — ответила она.

— Какие-нибудь новые мысли об этом?

Бонни сказала:

— Я решила, что я тебя люблю.

Она резко отодвинулась от него, покраснев из-за того, что произнесла такое вслух.

— Хорошенькое дельце, — прошептала она. — Я увлеклась; пожалуйста, извини меня, мне надо прийти в себя.

— Но ты подразумевала именно это, — понимающе сказал он.

— Да, — согласилась она.

Эндрю сказал:

— Я несколько староват...

— Мы все не молоды, — ответила она, — я поскрипываю, когда встаю... Разве ты не заметил?

— Ты останешься молодой, — сказал он, — до тех пор, пока у тебя будут такие зубы, как сейчас. — Он посмотрел на нее смущенно. — Я толком не знаю, что сказать тебе, Бонни. Я чувствую, что здесь у нас затеваются большие дела, по крайней мере, надеюсь. С моей стороны низко привезти тебя сюда и втравить в дело с механизацией моей фабрики? Это... — Он сделал выразительный жест. — Глупо?

— Это прекрасно, — ответила она.

Войдя в холл, миссис Харди объявила:

— Мы поймали его снова, только на минутку, и он все еще говорит о своем детстве. Должна предупредить, что мы теперь не услышим его снова до обычного времени, до четырех пополудни, поэтому как насчет завтрака? У нас есть три яйца, можно разделить их на всех; мой муж ухитрился раздобыть их у торговца на прошлой неделе.

— Яйца, — повторил Эндрю Джилл. — Какие? Куриные?

— Большие и коричневые, — ответила миссис Харди, — я посчитала их куриными, но нельзя быть уверенными, пока мы не попробуем их.

Бонни сказала:

— Звучит впечатляюще, — и почувствовала, как она проголодалась. — Думаю, что нам следует заплатить за них; вы и так столько сделали для нас — и кров, и обед прошлой ночью.

Неслыханно в наши дни, думала она. И, конечно, это было совсем не то, что она ожидала встретить в городе.

— Мы теперь компаньоны, — сказала миссис Харди. — Все, что у нас есть, мы ведь должны будем сложить вместе, не так ли?

— Но мне нечего вложить... — Бонни вдруг остро почувствовала это и понурилась. Я могу только брать, подумала она. Не отдавать.

Однако они, казалось, не были с ней согласны. Миссис Харди взяла ее за руку и повела на кухню.

— Вы можете помогать готовить, — объяснила она. — У нас есть и картошка, вы можете ее почистить. Мы готовим завтрак для наших работников и всегда едим вместе. Это дешевле, да у них и кухонь нет, они живут в комнатах: Стюарт и другие. Мы должны заботиться о них.

Какие славные люди, думала Бонни. Итак, это и есть город, которого мы избегали все эти годы. Мы слышали жуткие истории, будто город — это только руины с грабителями, обитающими в них, людьми без чести и совести, смутьянами и ворами, отбросами того, что перестало существовать... а мы этого избегали и до войны. Уже тогда мы стали чересчур боязливыми, чтобы жить здесь.

Войдя в кухню, она услышала Стюарта Макконти, рассказывавшего Дину Харди:

— ...и, кроме того, эта крыса играла на носовой флейте... — Он замолк, увидев Бонни. — Анекдот из здешней жизни, — извинился он. — Может шокировать вас, потому что касается животного-мутанта, а многие находят это неприятным.

— Расскажите мне, — сказала Бонни. — Расскажите мне о крысе, которая играла на носовой флейте.

— Можно было бы скрестить двух мутантов, — начал объяснять Стюарт, ставя на плиту воду для эрзац-кофе. Он повозился с кофейником и, удовлетворенный, снова оперся спиной на теплую стенку дровяной печки, засунув руки в карманы. — Как бы там ни было, тот ветеран говорил, будто бы она также имела примитивную систему счета, но, по-моему, это невероятно.

Он насупился.

— Для меня — вполне вероятно, — сказала Бонни.

— Мы могли бы использовать такую крысу для работы здесь, — сказал мистер Харди. — Нам понадобится хороший счетовод, если мы расширим наш бизнес, как намереваемся.

Снаружи по авеню Сан-Пабло начали двигаться машины, запряженные лошадьми. Бонни слышала отрывистый стук копыт и другие шумы. Она подошла к окну, чтобы посмотреть. Велосипеды... Громадный грузовик на дровяном топливе... И множество пешеходов.

Из-под стенки лачуги выбралось какое-то коричневое животное и, опасливо озираясь, пересекло открытое пространство, чтобы нырнуть под крыльцо дома в дальнем конце улицы. Через мгновение оно вернулось, на этот раз за ним следовало второе животное. Оба они были ко-

ротконогие и приземистые, возможно, мутировавшие бульдоги. Второе животное с усилием волокло громоздкую, похожую на санки, платформу, нагруженную разными полезными вещами, в основном съедобными. Платформа скользила и тряслась по неровной панели на примитивных полозьях за двумя бульдогообразными животными, спешащими скорее добраться до безопасного места.

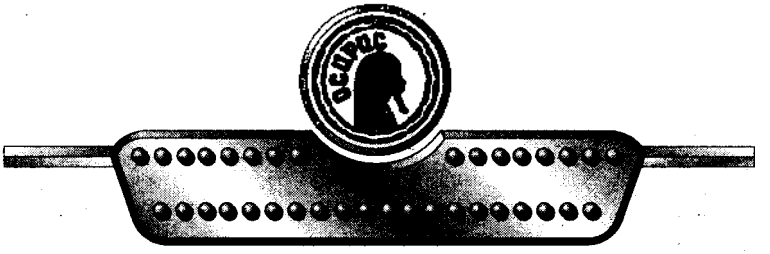
Стоя у окна, Бонни внимательно наблюдала за улицей, но коричневые животные больше не появлялись. Она была уже готова отвернуться, когда увидела краем глаза еще нечто, начавшее свою трудовую деятельность. Круглый металлический корпус, вымазанный грязью, с прилипшими к нему листьями и ветками появился в поле зрения, замер и вытянул две тонкие антенны, дрожащие в свете утреннего солнца.

Что это? — изумленно думала Бонни. И затем поняла, что видит гомеостатическую ловушку Харди в действии.

Доброй охоты! — пожелала она.

Ловушка постояла немного, произвела разведку по всем направлениям, помешкала и наконец уверенно взяла след бульдогоподобных животных. Она исчезла за стеной ближайшего дома, важная, полная собственного достоинства, двигающаяся гораздо медленнее тех, за кем она гналась. Бонни не могла сдержать улыбку.

Трудовой день начался. Весь город, все вокруг нее пробуждалось для обычной жизни.



Лучший друг Бога

РОМАН

Перевод с английского
М.К. Кондратьева

Часть первая

Глава 1

— Не хочу проходить тестирование, — заявил Бобби.

«Но ты должен, — подумал его отец. — Если нашей семье светит хоть какая-нибудь надежда в будущем. В те времена, когда меня уже и в помине не будет — меня и Клео».

— Давай я тебе объясню, — сказал он вслух, продвигаясь по переполненному скользящему тротуару в направлении Федерального бюро личностных стандартов. — Разные люди обладают разными способностями. — Уж он-то хорошо это знал. — Мои способности, к примеру, весьма ограниченны; я не могу получить даже административный ранг Джи-1 — низший из всех рангов. — Признавать подобное было крайне неприятно, но ему пришлось это сделать; он должен добиться, чтобы мальчик понял всю жизненную необходимость тестирования. — Итак, я вообще не квалифицирован. У меня малозначащая неадминистративная работа... по сути дела, вообще ничего. Неужели ты хочешь быть таким, как я, когда вырастешь?

— У тебя все в порядке, — со всей своей непомерной подростковой самоуверенностью заявил Бобби.

— Вовсе нет, — запротестовал Ник.

— А по-моему, все в порядке.

Ник почувствовал, что сбит с толку. И, как уже много раз за последнее время, оказался на грани отчаяния.

— Присмотрись, — сказал он, — к тому, как развивается общество на Земле. Две силы ловко обхаживают друг друга, причем сначала правит одна, а затем другая. Эти силы...

— Я не из тех и не из других, — перебил его сын. — Я Старый и Обычный. Не хочу проходить тестирование — я знаю, кто я такой. Я знаю, какой ты, — а я такой же.

Ник почувствовал, что желудок опустел и сжался — из-за этого пришло ощущение острого голода. Оглядевшись, он заметил на другой стороне улицы транкобар — по ту сторону движения скибомобилей и больших по размерам, округлых летательных аппаратов об-

щественного транспорта. Он провел Бобби вверх по педалятору, и через десять минут они добрались до противоположного тротуара.

— Я зайду на пару минут в бар, — сказал Ник. — Здесь, сейчас, я чувствую себя недостаточно хорошо, чтобы вести тебя в Федеральное Здание. — Он провел сына сквозь круглый дверной проем, оказавшись в сумрачном помещении транкобара Донована — заведения, куда он никогда еще не заходил, но которое на первый взгляд ему понравилось.

— Этому мальчику сюда нельзя, — сообщил ему бармен и указал на прикрепленную к стене табличку. — Ему еще нет восемнадцати. Вы же не хотите, чтобы создалось впечатление, будто я продаю порцийки малолеткам?

— В моем собственном баре... — начал было Ник, но бармен тут же прервал его.

— Это не ваш собственный бар, — заявил он и тяжелой походкой направился в другой конец погруженного в сумрак помещения, чтобы обслужить другого клиента.

— Посмотри пока витрины соседнего магазина, — сказал Ник. Он слегка подтолкнул сына, указывая ему на дверь, в которую они только что вошли. — Я выйду через три-четыре минуты.

— Ты всегда так говоришь, — буркнул Бобби, но все же вышел — нога за ногу — наружу, на полуденный тротуар, в утомительную суетолоку людских полчищ... На какое-то мгновение он остановился, оглянувшись, а затем двинулся дальше и скрылся из вида.

Устроившись на табурете у стойки, Ник попросил:

— Мне, пожалуйста, пятьдесят миллиграммов гидрохлорида фенметразина и тридцать стелладрина, с раствором ацетилсалицилата натрия на запивку.

— Стелладрин вызовет у вас мечты о множестве дальних звезд, — заметил бармен. Он поставил перед Ником небольшую тарелочку, достал таблетки, а затем и раствор ацетилсалицилата натрия в пластиковом стаканчике; разложив все это перед Ником, он отступил на шаг, задумчиво почесывая в затылке.

— Надеюсь, что так. — Ник проглотил жалкие три таблетки — в конце месяца большего он себе позволить не мог — и отхлебнул солоноватую запивку.

— Ведете сына на федеральное тестирование?

Ник кивнул, вытаскивая бумажник.

— Как думаете, тесты подтасованы? — осведомился бармен.

— Не знаю, — сухо ответил Ник.

Упершись локтями в отполированную поверхность стойки, бармен наклонился к нему и доверительно произнес:

— Я думаю, они подтасованы. — Он взял у Ника деньги, а затем повернулся к кассовому аппарату, чтобы выбить чек. — Я вижу парней, которые ходят туда мимо бара раз по четырнадцать — пятнадцать. Не желая признавать того, что они — как в данном случае и ваш маль-

чик — не смогут сдать тест. Они делают все новые попытки, но выходит-то все время одно и то же. Эти Новые Люди больше никого не собираются пропускать на Государственную гражданскую службу. Они хотят... — Он огляделся и понизил голос. — Они не намерены делить руководство с кем бы то ни было, кроме своих. Проклятье, да ведь они фактически признали это в директивных речах. Им...

— Им нужна свежая кровь, — упрямо отрезал Ник. Он сказал это бармену после того, как множество раз внушал это же самому себе.

— У них есть свои дети, — заметил бармен.

— Их недостаточно. — Ник отхлебнул запивку. Он уже ощущал, как гидрохлорид фенметразина начинает действовать, укрепляя в нем оптимизм и чувство собственного достоинства; глубоко внутри себя он испытывал мощный подъем. — Если выяснится, — заявил он, — что тесты для поступления на Государственную гражданскую службу были подтасованы, то это правительство будет в двадцать четыре часа отстранено от власти голосованием, и их место займут Аномалы. Неужели вы думаете, что Новым Людям хочется, чтобы правили Аномалы? Ни Боже мой.

— Я думаю, все они заодно, — буркнул бармен. И отошел, чтобы обслужить очередного посетителя.

«Сколько раз, — подумал Ник, выходя из бара, — я и сам уже размышлял об этом. Правь хоть Аномалы, хоть Новые Люди... Но если все действительно приведено к такому замечательному состоянию, когда они полностью контролируют процедуру личностного тестирования, то тогда они могли бы установить, как он сказал, самосохраняющуюся структуру власти; а ведь вся наша политическая система основывается на непреложном факте взаимной вражды двух группировок... Это основная истина нашей жизни — это да еще признание того, что, благодаря своему превосходству, они достойны править и способны делать это мудро».

Он вклинился в движущуюся массу пешеходов и подошел к сыну, который стоял поглощенный созерцанием витрины универмага.

— Пойдем, — позвал Ник и решительно — благодаря принятым лекарствам — положил ему руку на плечо.

Не сходя с места, Бобби сказал:

— Здесь продается ножик для причинения боли на расстоянии. Ты мне его не купишь? Если бы он был у меня при тестировании, это придало бы мне уверенности.

— Это игрушка, — заметил Ник.

— Все равно, — сказал Бобби. — Пожалуйста. С ним я правда чувствовал бы себя гораздо лучше.

«Когда-нибудь, — подумал Ник, — тебе не придется управлять, причиняя боль, — управлять равными себе, служить своим хозяевам. Ты и сам будешь хозяином — тогда я смогу радостно воспринимать все, что я вижу, все, что происходит вокруг меня».

— Нет, — покачал он головой и направил мальчика обратно, в движущийся по тротуару плотный людской поток. — Не зацикливайся на конкретных вещах, — резко выговорил он. — Подумай об абстрактном; подумай о методах нейтрологики. Тебя ведь об этом будут спрашивать. — Мальчик попятился. — Шевелись! — рявкнул Ник, с силой подталкивая его вперед. И тут же, физически ощущая сопротивление мальчика, он почувствовал гнетущее соседство несостоятельности.

Так продолжалось уже пятьдесят лет, начиная с 2085 года, когда был избран первый Новый Человек... А восемью годами спустя первый Аномал взял на себя эту высокую должность. Тогда это было в новинку; всех интересовало, как эти атипические продукты поздней стадии эволюции будут действовать на практике. Они действовали превосходно — слишком хорошо, чтобы кто-либо из Старых Людей мог с ними соперничать. Там, где они, образно говоря, могли жонглировать целой охапкой пылающих булав, Старый Человек справлялся только с одной. Некоторые действия, основанные на мыслительных процессах, недоступных никому из Старых Людей, вообще не имели аналогов среди всего множества действий человеческих особей на более ранних стадиях эволюции.

— Взгляни на заголовок. — Бобби остановился перед газетным стендом.

ПОИМКА ПРОВОНИ. РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ.

Ник равнодушно прочитал заголовок, не веря ему и в то же время не слишком этим интересуясь. Для него Торс Провони более не существовал — хоть пойманный, хоть какой угодно. А Бобби, похоже, был увлечен этой новостью. Увлечен — и неприятно поражен.

— Им никогда не поймать Провони, — заявил мальчик.

— Говори потише, — прошептал ему в самое ухо Ник, чувствуя себя при этом крайне неловко.

— Почему меня должно беспокоить, что кто-то меня услышит? — горячо отреагировал Бобби. Он указал на обтекавший их людской поток. — Все равно все они со мной согласны. — Бурля гневом, он яростно глянул на отца снизу вверх.

— Когда Провони отчалил, — сказал Ник, — держа курс прочь из Солнечной системы, он предал все человечество, Правителя и... вообще всех. — В это он твердо верил. Они спорили об этом множество раз, но так и не смогли сблизить свои противоположные мнения относительно человека, обещавшего найти другую планету, другой подходящий мир, где Старые Люди смогли бы жить... и сами управлять собой. — Провони был трусом, — сказал Ник, — и умственно недоразвитым. Я даже думаю, его не стоило преследовать. Так или иначе, они, очевидно, его нашли.

— Они всегда так говорят, — заметил Бобби. — Два месяца тому назад нас заверяли, что в течение двадцати четырех часов...

— Он был умственно недоразвит, — отрезал Ник. — Поэтому с ним и считаться нечего.

— Мы тоже умственно недоразвиты, — сказал Бобби.

— Я — да, — ответил Ник. — А вот ты — нет.

Дальше они пошли молча; никому из них не хотелось продолжать разговор.

Чиновник Государственной гражданской службы Норберт Вайсс вынул из обрабатывающего данные компьютера рядом со своим столом зеленый листок и внимательно ознакомился с содержавшейся там информацией.

ЭППЛТОН РОБЕРТ.

«Я помню его, — подумал Вайсс. — Двенадцать лет, честолюбивый отец... так, и что же мальчик показал на предварительном тестировании? Выраженный Э-фактор, значительно выше среднего. Однако...»

Взяв трубку ведомственного видеофона, он набрал добавочный номер своего начальника.

На экране появилось явно переутомленное рябое, вытянутое лицо Джерома Пайкмана:

— Слушаю?

— Скоро здесь будет тот мальчик, Эпплтон, — сказал Вайсс. — Вы приняли решение? Будем мы его принимать или нет? — Он поднес зеленый листок прямо к сканеру видеофона, освежая память своего начальника.

— Людям из моего отдела не нравится раболепное поведение его отца, — сказал Пайкман. — Оно выражено настолько явно — в отношении к властям, — что, как нам кажется, это вполне могло бы оказать неблагоприятное воздействие на эмоциональное развитие его сына. Провалите его.

— Полностью? — спросил Вайсс. — Или pro tem?

— Провалите его окончательно. Напрочь. Мы только окажем ему услугу; вероятно, он сам желает быть отвергнутым.

— Мальчик набрал высокие баллы.

— Но не исключительные. Ничего такого, что обязывало бы нас принять его.

— Все же из справедливости по отношению к мальчику... — запротестовал Вайсс.

— Из справедливости по отношению к мальчику мы отказываем ему. Получить федеральный ранг — это не честь и не привилегия, а лишь бремя. Обязанность. Разве вы так не считаете, мистер Вайсс?

Над этим он никогда не задумывался. «Разумеется, — подумал он, — я перегружен работой, а жалованье не слишком щедрое, и, как выража-

ется Пайкман, чести это не приносит, а лишь налагает обязанности. Но меня скорее убьют, чем заставят от этого отказаться». Он сам подивился своему отношению к этой работе.

В сентябре 2120 года он получил статус чиновника Государственной гражданской службы и с тех пор работал на правительство — вначале под руководством Председателя Совета из Аномалов, затем Председателя Совета из Новых Людей. Вне зависимости от того, какая группировка овладевала полным контролем, он, как и остальные чиновники Государственной гражданской службы, оставался на своем месте, исполняя требовавшие квалификации профессиональные обязанности. Требовавшие квалификации — и таланта.

Сам он еще в детстве официально определил свою принадлежность к Новым Людям. В коре его головного мозга прослеживались отчетливые узлы Роджерса — и при тестировании умственных способностей после определенной подсказки он продемонстрировал соответствующие дарования. В девять лет он мыслил продуктивнее взрослого Старого Человека; в двадцать лет он мог мысленно воспроизвести таблицу из одной тысячи случайных чисел... впрочем, как и многое другое. Так, например, он мог, не прибегая к помощи компьютера, рассчитать курс-позицию корабля, находящегося под воздействием трех различных сил тяжести; благодаря своим врожденным умственным способностям он мог вычислить его местоположение в любой отдельно взятый момент времени. Он мог вывести обширный ряд коррелятов из отдельно взятого утверждения — как теоретических, так и прикладных. А в тридцать два года...

В получившей широкую известность научной статье он представил свои возражения по поводу классической теории пределов, с помощью собственного оригинального метода продемонстрировав возможность возврата — по крайней мере, теоретически — к апории Зенона о последовательной дихотомии пространства, опираясь при этом на теорию циклического времени Данна.

И в результате этого он получил незначительный пост в незначительном ответвлении правительственного Федерального бюро личностных стандартов. Поскольку того, что он сделал, несмотря на всю оригинальность, для большего было недостаточно. Все это было просто не сравнимо с достижениями других Новых Людей.

Они полностью изменили карту представлений о возможностях человеческой мысли — за какие-то пятьдесят коротких лет. Они превратили ее в нечто такое, чего Старые Люди, люди прошлого, не могли ни узнать, ни осмыслить. Взять хотя бы теорию апричинности Бернхада. В 2103 году работавший в Цюрихском политехническом институте Бернхад показал, что Юм, в своем всеобъемлющем скептицизме, был по существу прав: привычка, и ничто иное, связывает события, осознаваемые Старыми Людьми как причина-и-следствие. Он привел в соответствие с современностью монадологию Лейбница — и получил

ошеломляющие результаты. Впервые в истории человечества появилась возможность предсказывать результаты физических событий в их последовательности на основе набора переменных предикатов, каждый из которых в равной степени верен, каждый из которых не менее «причинен», нежели следующий. Вследствие этого прикладные науки приняли совершенно новую форму — такую, которую Старые Люди просто не могли осмыслить; в их понимании принцип апричинности означал хаос; они ничего не могли предсказать.

А дальше — больше.

В 2130 году Блэйз Блэк, Новый Человек с удостоверенным рангом Джи-шестнадцать, опроверг принцип запрета Вольфганга Паули. Он показал, что так называемая «вертикальная» связующая линия, рассматриваемая как предсказуемый фактор, просчитывается так же легко — используя новые методы случайной выборки, — как и «горизонтальная» последовательность. Таким образом, различие коренного характера между этими последовательностями было полностью уничтожено; при этом теоретическая физика была высвобождена из-под груза двойной определенности, что радикальным образом упростило все вычисления — в том числе и полученные из области астрофизики. Система Блэка, как ее стали называть, бесповоротно покончила со всякой опорой на теорию и практику Старого Человека.

Вклад Аномалов был более специфичен; им пришлось иметь дело с процессами, в которые были включены действительные сущности. Таким образом — во всяком случае так, как это виделось ему, Новому Человеку, — его раса расставила основополагающие точки на видоизменившейся карте Вселенной, а Аномалы лишь проделали работу в форме практического применения этих общих структур.

Он знал, что Аномалы бы с этим не согласились. Впрочем, это его мало заботило.

«Мой ранг — лишь Джи-три, — сказал он себе. — И я сделал совсем немного — я добавил малую толику к нашему общему знанию. Ни один Старый Человек, как бы ни был он одарен, не смог бы этого сделать. Кроме, разве что, Торса Провони. Но Провони уже много лет отсутствует; он не нарушил покой ни Аномалов, ни Новых Людей. Провони бушевал и скитался по окраинам Галактики, в гневе ища чего-то неопределенного, даже метафизического. Какой-то ответ, если так можно сказать. Отклик. Торс Провони кричал в пустоту, неустанно повторяя и повторяя свой крик в надежде на какой-то отклик.

«Боже, помоги нам, — подумал Вайсс, — если он когда-нибудь его получит».

Впрочем, он не боялся ни Провони, ни ему подобных. Лишь некоторые нервозные Аномалы ворчали между собой, что месяцы уже сложились в годы, а Провони все еще не умер и не был пойман. Торс

Провони представлял собой какой-то анахронизм: он оставался последним из Старых Людей, кто не мог смириться с ходом истории, кто мечтал об ортодоксальном и бездумном действии... Он жил в мрачном прошлом, большая часть которого даже не была реальностью, в мертвом и безнадежном прошлом, вернуть которое было невозможно — даже человеку столь одаренному, столь образованному и деятельному, как Провони. «Он просто пират какой-то, — сказал себе Вайсс, — квазиромантическая личность, помешанная на подвигах. И все же в каком-то смысле мне будет его не хватать, когда он умрет. В конце концов, все мы произошли от Старых Людей; мы связаны с ним родством. Отдаленным».

Своему начальнику, Пайкману, он сказал:

— Вы совершенно правы. Это бремя. — «Да, бремя, — подумал он, — вся эта работа, этот ранг Государственной гражданской службы. Я не могу полететь к звездам; не могу погнаться за чем-то неведомым в дальние изгибы Вселенной. Каково мне будет, когда мы уничтожим Торса Провони? Моя работа станет от этого только скучнее. И все же она мне нравится. Я не брошу ее. Быть Новым Человеком — это кое-что значит. Может быть, — задумался он, — я просто жертва нашей же собственной пропаганды».

— Когда явится Эпплтон со своим мальчиком, — сказал Пайкман, — дайте малышу Роберту тест в полном объеме... И скажите им, что результаты тестирования станут известны лишь через неделю-другую. Удар, таким образом, будет куда легче перенести. — Он мрачно усмехнулся и добавил: — И вам не придется сообщать им эту новость — ее передадут письменным извещением.

— Меня не затруднит сказать им результаты, — возразил Вайсс. Но он кривил душой. Поскольку сообщение это, вероятно, было бы неправдой.

«А что такое правда? — задумался он. — Правда — это мы; мы создаем ее; она наша. Вместе мы начертили новую карту. Пока мы растем, она растет вместе с нами; мы меняемся. Что с нами будет через год? — спросил он себя. — Никто не может знать... разве что эти ясновидцы из Аномалов, а они видят много будущих одновременно, наподобие — как мне говорили — рядов стойл».

Из переговорника раздался голос его секретарши:

— Мистер Вайсс, здесь вас ожидает некий мистер Николас Эпплтон со своим сыном.

— Впустите их, — сказал Вайсс, откинувшись на спинку массивного, сделанного под старину кресла, готовясь встретить Эпплтонов. На столе у него лежал бланк теста; он забавлялся с ним в задумчивости, наблюдая, как тот принимает различные формы — если смотреть самым краешком глаза. Вайсс прищурил глаза, на какое-то мгновение почти закрыв их... а затем сделал для себя этот бланк именно таким, каким он хотел его видеть.

Глава 2

В их крохотной квартирке Клео Эпплтон бросила взгляд на часы и вздрогнула. «Так поздно, — подумала она. — И все без толку, совершенно без толку. Может быть, они вообще уже никогда не вернутся; может быть, они ляпнут что-нибудь не то и будут брошены в один из тех лагерей для интернированных, о которых мы так наслышаны».

— Дурак он, — выдохнула она, обращаясь к телевизору. И тут же из телевизионного динамика послышались звуки хлопков — аплодисменты воображаемой «публики».

— Миссис Клео Эпплтон, — произнес «диктор», — из Норт-Платта, штат Айдахо, заявляет, что ее супруг дурак. Что вы об этом думаете, Эд Гарли? — На экране появилось пухлое круглое лицо — Эд Гарли, телевизионная «личность», обдумывал остроумный ответ. — Не считаете ли вы, что для взрослого человека совершенно нелепо даже на мгновение представить себе, что...

Мановением руки Клео отключила телевизор.

От печи в дальней стене гостиной доносился аромат яблочного эрзац-пирога. Она потратила на него половину купонов своего недельного заработка да еще три желтых продовольственных талона. «А их все еще нет, — сказала она себе. — Впрочем, что уж там какой-то пирог. В сравнении со всем остальным». Это был, пожалуй, самый важный день в жизни ее сына.

Ей просто необходимо было с кем-нибудь поговорить. Пока она ждала их. Телевизор на этот раз не годился.

Выйдя из квартиры, она пересекла коридор и постучала в дверь миссис Арлен.

Дверь отворилась. Миссис Роза Арлен, средних лет женщина с нечесаными волосами, выглянула наружу, как черепаха:

— Ах, миссис Эпплтон.

— Мистер Чистер все еще у вас? — спросила Клео Эпплтон. — Он мне нужен. Я хочу прибраться, чтобы все выглядело аккуратно, когда Ник и Бобби вернутся. Знаете, ведь Бобби сегодня проходит тестирование. Разве это не замечательно?

— Тесты подтасованы, — сообщила миссис Арлен.

— Так говорят те, — заметила Клео, — кто провалился на тестировании — или их родственники. Каждый день тесты успешно сдают множество людей, и большинство из них — дети вроде Бобби.

— Могу спорить на что угодно.

Ледяным тоном Клео спросила:

— Так мистер Чистер у вас? Я имею право пользоваться им три раза в неделю, а на этой неделе я его еще не брала.

Миссис Арлен неохотно отошла в сторону, на какое-то время скрылась из виду, а затем вернулась, подталкивая перед собой напыщенно-

го, полезного мистера Чистера — работника, обслуживающего внутренние помещения здания.

— Добрый день, миссис Эпплтон, — металлически проскрипел мистер Чистер, увидев Клео. — Хорошенько вставляйте мой штепсель, но рад снова видеть вас. Доброе утро, миссис Эпплтон. Хорошенько вставляйте мой штепсель, но рад...

Она протащила его через коридор в свою квартиру.

Обращаясь к миссис Арлен, Клео спросила:

— Почему вы так враждебно ко мне настроены? Что я вам такого сделала?

— Я вовсе к вам не враждебна, — ответила Роза Арлен. — Я просто пытаюсь открыть вам глаза на правду. Если бы тестирование было справедливым, наша дочь Кэрол прошла бы его. Она способна слышать мысли, по крайней мере некоторые; она самый настоящий Аномал — не хуже кого бы то ни было другого в классификациях Государственной гражданской службы. Есть множество удостоверенных Аномалов — они теряют свои способности оттого, что...

— Извините, я должна заняться уборкой. — Клео плотно затворила дверь, повернулась, ища розетку, чтобы воткнуть штепсель мистера Чистера, и...

Обомлела. Застыла, как статуя.

Прямо напротив нее стоял невысокий, неопрятно выглядящий мужчина с крючковатым носом и худым, подвижным лицом. На нем было потрепанное пальто и невыглаженные брюки. Он вошел в квартиру, пока Клео разговаривала с миссис Арлен.

— Кто вы такой? — спросила Клео, чувствуя, как ее сердце заколотилось от страха. Она ощутила атмосферу таинственности вокруг этого человека; казалось, он готов в любую секунду куда-то спрятаться — узкие и темные глаза его нервно шарили тут и там. «Словно он хочет убедиться, — подумала Клео, — что знает все выходы из квартиры».

— Меня зовут Дарби Шир, — просипел мужчина. Он пристально смотрел на нее, и на его лице все сильнее проступало затравленное выражение. — Я — давний приятель вашего мужа, — продолжал он. Когда он будет дома и могу ли я подождать его здесь, пока он не придет?

— Они должны вот-вот подойти, — ответила Клео. Она по-прежнему не двигалась, стараясь держаться как можно дальше от Дарби Шира — если это было его настоящее имя. — Я должна убрать квартиру до того, как они вернутся, — сказала она. Однако она так и не включила мистера Чистера, все еще не сводя испытующего взгляда с Дарби Шира. «Чего это он так боится? — задумалась она. — Не разыскивает ли его Подразделение действенного реагирования? А если так, то что он натворил?»

— Я выпил бы чашку кофе, — сказал Шир. Он нагнул голову, словно желая избежать просительной интонации своего голоса — словно ему самому не по вкусу было что-то просить у нее, но он нуждался в этом, так или иначе вынужден был это сделать.

— Могу ли я взглянуть на ваш идентабель? — спросила Клео.

— Будьте так любезны. — Шир порылся в распухших карманах пальто и вытащил пригоршню пластиковых карточек; он высыпал их на стул рядом с Клео Эпплтон. — Возьмите сколько вам нужно.

— Три идентабеля? — недоверчиво пробормотала она. — Но у вас не может быть более одного. Это противозаконно.

— А где Ник? — спросил Шир.

— Он с Бобби. В Федеральном бюро личностных стандартов.

— А, у вас есть сын. — Он криво усмехнулся. — Вот видите, сколько воды утекло с тех пор, как я последний раз общался с Ником. А кто мальчик? Новый? Аномал?

— Новый, — сказала Клео. Она пересекла гостиную, направляясь к видеофону. Подняв трубку, она стала набирать номер.

— Куда вы звоните? — поинтересовался Шир.

— В Бюро. Узнать, ушли ли оттуда Ник и Бобби.

Тоже направившись к видеофону, Шир сказал:

— Этого они и не вспомнят; они даже не поймут, о чем вы их спрашиваете. Неужели вы не знаете, что это за люди? — Он подошел к видеофону и выключил его из сети. — Прочтите мою книгу. — Ощупав свои разнокалиберные карманы, он вытащил из одного книжку с измятыми страницами и пятнами на них, с разодранной мягкой обложкой — и вручил ее Клео.

— О Господи, да не нужна она мне, — с отвращением поморщилась Клео.

— Возьмите. Прочтите ее, и тогда вы поймете, что мы должны делать, чтобы избавиться от тирании Новых и Аномалов, которая калечит нашу жизнь, которая превращает в насмешку все, что человек пытается сделать. — Он вертел в руках сальную, рваную книжку, отыскивая нужную страницу. — Можно ли мне теперь выпить чашку кофе? — жалобно попросил он. — Похоже, мне не удастся найти нужную ссылку; для этого необходимо некоторое время.

Она задумалась на секунду, затем прошла в крохотную кухоньку, чтобы подогреть воду для растворимого эрзац-кофе.

— Вы можете остаться на пять минут, — обращаясь к Ширу, сказала Клео. — Если за это время Ник не вернется, вам придется уйти.

— Вы боитесь, что вас застанут здесь вместе со мной? — спросил Шир.

— Я... просто начинаю неловко себя чувствовать, — ответила Клео. «Потому что я знаю, кто ты такой, — подумала она. — И я уже видела такие измятые, искалеченные книжки — занудные книжки, которые таскают повсюду в грязных карманах и лапают тайком, втихомолку». — Вы член РИД, — сказала она вслух.

Шир криво ухмыльнулся:

— РИД слишком пассивен. Они хотят действовать только через избирательные урны. — Он отыскал требовавшуюся ему ссылку, но

теперь выглядел слишком уставшим, чтобы показать ее Клео; он просто стоял, сжимая в руках свою книжку. — Я провел два года в государственной тюрьме, — чуть погодя сказал он. — Дайте мне выпить чашку кофе, и я уйду; я не стану дожидаться Ника. Он, наверное, все равно ничего не сможет для меня сделать.

— А что, по-вашему, он мог бы сделать? Ник не работает на правительство; у него нет никаких...

— Это не то, что мне нужно. Я официально освобожден; я отбыл свой срок. Не мог бы я остаться здесь? У меня совсем нет денег, и мне некуда пойти. Я перебрал в уме всех, кого мог вспомнить и кто был способен помочь мне, и методом исключения я добрался до Ника. — Он взял у Клео чашку кофе, в свою очередь протягивая ей книжку. — Спасибо, — пробормотал он, жадно отхлебывая. — А знаете ли вы, — сказал он, вытирая рот, — что вся структура власти на этой планете непременно разрушится от гнили? Внутренней гнили... Так, что когда-нибудь мы сможем смести ее одним щелчком. Достаточно лишь нескольких ключевых людей — Старых Людей, — здесь и там — как внутри, так и вне аппарата Государственной гражданской службы — и... — Он яростно смахнул рукой воображаемого врага. — Все это есть в моей книге. Сохраните и прочтите ее; прочтите, как Новые Люди и Аномалы манипулируют нами путем контроля за всеми средствами информации и...

— Вы сумасшедший, — сказала Клео.

— Уже нет, — затряс головой Шир, его крысиные черты лица напряженно исказились в мгновенном и эмоциональном отрицании сказанного Клео. — Когда три года назад меня арестовали, я был клинически и официально сумасшедшим — паранойя, как они сказали, — но перед тем, как они освободили бы меня, я должен был пройти множество психотестов, так что теперь я могу доказать свою вменяемость. — Он снова пошарил по своим многочисленным карманам. — У меня даже есть официальное тому подтверждение, я всегда ношу его с собой.

— Им надо бы снова проверить вас, — заметила Клео. «О Господи, — подумала она. — Да собирается ли Ник вообще возвращаться домой?»

— Это правительство, — заявил Шир, — разрабатывает программу стерилизации всех мужчин из Старых Людей. Вы знали об этом?

— Я этому не верю. — Она уже слышала множество подобных несуразных сплетен, но все они обычно оказывались неправдой, или, во всяком случае, большинство из них. — Вы это говорите, — сказала она, — чтобы оправдать насилие и жестокость, вашу собственную нелегальную деятельность.

— Мы располагаем ксерокопией этого законопроекта; он уже был подписан семнадцатью Советниками из...

Телевизор включился сам собой и объявил:

— Последние известия. Передовые подразделения Третьей армии докладывают, что «Серый динозавр», корабль, на котором гражданин Торс Провони покинул Солнечную систему, обнаружен на орбите

Проксимы Центавра без признаков жизни на борту. В настоящее время буксирные суда Третьей армии осуществляют стыковку с этим, по всей видимости, заброшенным звездолетом, и следует ожидать, что тело Провони будет обнаружено в течение ближайшего часа. Оставайтесь у экранов для дальнейших известий. — Телевизор сам собой отключился, сообщение было передано.

Странная, почти конвульсивная дрожь пробежала по телу Дарби Шира; лицо его исказилось в гримасе, правая рука сжалась в кулак, и этим кулаком он колотил по воздуху, а затем глаза его засияли, и он снова повернулся к Клео.

— Они никогда не возьмут его, — прошипел он сквозь зубы. — И я скажу вам, почему. Торс Провони — Старый Человек, лучший из всех нас, — и он превосходит любого из Новых Людей или Аномалов. Он вернется в эту систему с подмогой. Как и обещал. Где-нибудь там есть для нас подмога, и он найдет ее, даже если это займет восемьдесят лет. Он вовсе не ищет какой-то мир, который мы могли бы колонизировать; он ищет их. — Дарби Шир испытующе разглядывал Клео. — Вы этого не знали, ведь так? Никто этого не знает — наши правители контролируют всю информацию, даже о Провони. Но в этом-то все и дело; Провони не оставит нас одних и не позволит править нами мутировавшим проходимцам, выставляющим свои так называемые «способности» в качестве предлога для того, чтобы захватить власть здесь, на Земле, и удерживать ее до скончания века. — Он шумно и тяжело дышал, лицо его исказилось от напряжения, а глаза остекленели от фанатизма.

— Ну да, — кивнула Клео и отвернулась, почувствовав неприязнь.

— Вы мне верите? — потребовал ответа Шир.

— Я верю, — ответила Клео, — что вы преданный сторонник Провони; да, этому я верю. — «И еще я верю, — подумала она, — что ты снова клинически и официально сумасшедший, как и пару лет назад».

— Привет. — Ник вместе с тащившимся позади него Бобби вошел в квартиру. Его внимание тут же привлек Дарби Шир. — А это кто? — спросил он.

— Бобби пришел? — спросила Клео.

— Думаю, да, — ответил Ник. — Они пошлют нам почтовое уведомление на следующей неделе. Если бы мы провалились, они, наверное, сказали бы нам прямо сейчас.

— Я провалился, — промямлил Бобби.

— Ты помнишь меня? — спросил Дарби Шир у Ника. — Ведь столько лет прошло. — Двое мужчин изучающе разглядывали друг друга. — А я тебя узнаю, — с надеждой в голосе сказал Дарби, словно предлагая Нику тоже узнать его. — Пятнадцать лет назад. Лос-Анджелес. Окружной архив; мы оба были помощниками в канцелярии Браннела — Лошадиной Морды.

— Ты Дарби Шир, — сказал Ник и протянул руку для пожатия.

«Этот человек, — подумал Николас Эпплтон, — совсем опустился. Какая прискорбная перемена... впрочем, пятнадцать лет — большой срок».

— А ты совсем не изменился, — сказал Дарби Шир. Он протянул свою излохмаченную книжку Нику. — Я занимаюсь вербовкой. К примеру, я только что пытался завербовать твою жену.

Увидев книжку, Бобби заявил:

— Он Низший Человек. — В голосе мальчика звучало волнение. — Можно мне посмотреть? — спросил он, протягивая руку за книжкой.

— Уходи отсюда, — сказал Ник Дарби Ширу.

— А ты не думаешь, что мог бы... — начал было Шир, но Ник яростно перебил его:

— Я знаю, кто ты такой. — Ник схватил Дарби Шира за ворот рваного пальто и с силой толкнул по направлению к двери. — Я знаю, что ты скрываешься от людей из Подразделения действенного реагирования. Убирайся.

— Ему нужно где-то остановиться, — вмешалась Клео. — Он хотел на какое-то время остаться здесь, с нами.

— Нет, — отрезал Ник. — Ни за что.

— Ты боишься? — спросил Дарби Шир.

— Да, — кивнул Ник. Каждый уличенный в распространении пропаганды Низших Людей — и каждый так или иначе с ними связанный — в дальнейшем автоматически лишался права проходить тестирование для Государственной гражданской службы. Если ПДР поймало бы Дарби Шира здесь, жизнь Бобби была бы исковеркана. А кроме того, все они могли бы понести наказание. И были бы отправлены в один из лагерей для перемещенных лиц на неопределенное время. Безо всякой возможности судебного пересмотра.

— Не бойся, — тихо проговорил Дарби Шир. Он несколько подтянулся. «Какой же он плюгавый, — подумал Ник. — И безобразный». — Помни обещание Торса Провони, — продолжал Дарби Шир. — И помни еще вот что: твой мальчик в любом случае не получит ранг Государственной гражданской службы. Так что терять тебе нечего.

— Мы можем потерять свободу, — возразил Ник. Однако он колебался. Он пока еще окончательно не вытолкал Дарби Шира из квартиры в общественный коридор. «Предположим, что Провони вернется, — снова сказал он себе, как и множество раз до этого. — Нет, я в это не верю; Провони вот-вот должны поймать». — Нет, — сказал он вслух, — я не желаю иметь с тобой ничего общего. Разрушай свою собственную жизнь; оставь это себе. И... уходи. — Он наконец вытолкнул коротышку в коридор; несколько дверей распахнулись, и разнообразные жильцы, кого-то из которых Ник знал, а кого-то — нет, с интересом уставились на происходящее.

Дарби Шир пристально посмотрел на него, а затем невозмутимо порылся во внутреннем кармане своего потрепанного пальто. Он вдруг показался выше, гораздо лучше владеющим собой... и ситуацией.

— Весьма рад, гражданин Эпплтон, — произнес он, доставая изящное, гладкое черное удостоверение и раскрывая его, — что вы избрали именно такую линию поведения. Я произвожу в этом здании выборочные проверки — по случайным выборкам, так сказать. — Он показал Нику свой официальный идентабель, тускло мерцавший под искусственным освещением. — Офидант ПДР Дарби Шир.

Ник почувствовал, как внутри у него все похолодело, заставив его оцепенеть, лишив дара речи. Все мысли рассеялись — он не мог выговорить ни слова.

— О Господи! — в ужасе вырвалось у Клео; она подошла к нему — через некоторое время за ней последовал и Бобби. — Но ведь мы все сказали верно, разве нет? — спросила она у Дарби Шира.

— Абсолютно верно, — ответил Шир. — Ваши реакции были совершенно адекватными. Всего хорошего. — Он положил гладкую книжечку удостоверения обратно во внутренний карман пальто, тут же улыбнулся и, все так же улыбаясь, проскользнул сквозь кольцо зевак. Буквально в одно мгновение он исчез. Осталась только кучка возбужденных зрителей. И — Ник, его жена и ребенок.

Ник захлопнул входную дверь и повернулся к Клео.

— Ни на миг нельзя расслабляться, — хрипло пробормотал он.

«Как близко это было. Еще какое-то мгновение... и я мог бы предложить ему остаться, — дошло до него. — По старой памяти. В конце концов, я ведь его знал. Когда-то. Наверное, — подумал он, — именно поэтому его выбрали для проведения выборочной проверки на лояльность меня и моей семьи. Господи Боже!» Трясясь от испуга, нетвердой походкой он направился к ванной — к аптечке, где хранился запас таблеток.

— Немножко гидрохлорида флуфеназина, — пробормотал он, потянувшись к спасительному пузырьку.

— Ты принял сегодня уже три таких таблетки, — наставительным тоном заметила Клео. — Хватит. Остановись.

— Все будет в порядке, — ответил Ник. Наполнив водой стаканчик, он немо и поспешно проглотил круглую таблетку.

И почувствовал внутри себя тупую злобу, мгновенную вспышку гнева на Новых Людей и Аномалов, на Государственную гражданскую службу, на всю систему — а затем гидрохлорид флуфеназина подействовал. Злоба улетучилась.

Но не до конца.

— Ты не думаешь, что наша квартира прослушивается? — спросил он у Клео.

— Прослушивается? — Она пожала плечами. — Разумеется нет. Иначе бы нас всех давным-давно забрали из-за тех ужасных вещей, что болтает Бобби.

— Не думаю, что я смогу еще долго это выносить, — проговорил Ник.

— Выносить что? — поинтересовалась Клео.

Он не ответил. Но глубоко внутри себя он знал, кого и что он имел в виду. Это знал и его сын. Сейчас они держались вместе... «Но как долго, — подумал он, — между нами будут сохраняться такие отношения? Пока я подожду и посмотрю, пройдет ли Бобби тестирование для Государственной гражданской службы, — сказал он себе. — А потом решу, что мне делать. Господи помилуй! — ужаснулся он. — О чем это я думаю? Что со мной происходит?»

— А книга-то осталась, — сказал Бобби; нагнувшись, он подобрал рваную, мятую книжку, оставленную Дарби Широм. — Можно мне почитать ее? — спросил он у отца. Пролистав ее, он заметил: — Похоже, она настоящая. Должно быть, полиция отобрала ее у какого-нибудь задержанного Низшего Человека.

— Прочти ее, — раздраженно ответил Ник.

Глава 3

Через два дня в почтовом ящике Эпплтонов появилось официальное правительственное уведомление. Ник тут же вскрыл конверт, сердце его затрепетало от волнения. Все верно — это были результаты тестирования; он пролистал несколько страниц — ксерокопия письменной работы Бобби прилагалась — и наконец добрался до заключения.

— Он провалился, — выдохнул.

— Я так и знал, — сказал Бобби. — Именно поэтому, в первую очередь, я и не хотел проходить тестирование.

Клео всхлипнула.

Ник ничего не сказал и ничего не подумал; он был нем и опустошен. Ледяная рука, холоднее самой смерти, сжала его сердце, убивая в нем все чувства.

Глава 4

Подняв трубку видеофона первой линии связи, Уиллис Грэм, Председатель Совета Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности, шутливо спросил:

— Как там движется дело с поимкой Провони, директор? — Он хихикнул. Один Бог знает, где теперь Провони. Может быть, он давно уже умер на каком-нибудь безвоздушном планетоиде у черта на рогах.

— Вы имеете в виду сообщения для печати, сэр? — каменным голосом осведомился директор полиции Ллойд Барнс.

Грэм рассмеялся:

— Да, расскажите мне, о чем сейчас болтают телевидение и газеты. — Разумеется, он мог даже не вставая с постели включить свой телевизор. Однако ему доставляло удовольствие вытягивать из этого напыщенного

ничтожества — директора полиции — крупицы сведений относительно ситуации с Торсом Провони. Цвет лица Барнса обычно давал интересную информацию в духе патологии. А кроме того, будучи Аномалом высшего порядка, Грэм мог непосредственно наслаждаться хаосом, воцарявшимся в голове этого человека, когда речь заходила о чем-либо связанном с поисками беглого изменника Провони.

В конце концов, именно директор Барнс девять лет тому назад освободил Торса Провони из федеральной тюрьмы. Как восстановленного в правах.

— Провони снова собирается ускользнуть у нас из рук, — уныло сообщил Барнс.

— А почему вы не скажете, что он мертв? — Это оказало бы громадное психологическое воздействие на население — в том числе и в тех рядах, где это было бы наиболее желательно.

— Если он снова здесь объявится, будут поставлены под угрозу самые основы нашей власти. Стоит только ему появиться...

— Где мой завтрак? — перебил Грэм. — Распорядитесь, чтобы мне его принесли.

— Есть, сэр, — раздраженно откликнулся Барнс. — Что вы пожелаете? Яичницу с гренками? Жареную ветчину?

— А что, действительно есть ветчина? — удивился Грэм. — Пусть будет ветчина и три яйца. Но проследите, чтобы никаких эрзацев.

Не слишком довольный ролью слуги, Барнс пробормотал «есть, сэр» и исчез с экрана.

Уиллис Грэм откинулся на подушки; человек из его личной прислуги тут же обнаружил свое присутствие и умело приподнял их — теперь они лежали именно так, как полагалось. «Где же, наконец, эта проклятая газета?» — спросил самого себя Грэм и протянул за ней руку; другой слуга заметил его жест и проворно раздобыл три последних номера «Таймс».

Какое-то время Грэм бегло просматривал первые разделы знаменитой старой газеты — ныне находившейся под контролем правительства.

— Эрик Кордон, — наконец произнес он и жестом показал, что собирается диктовать. Немедленно появился стенограф с переносным транскрибером в руках. — Всем членам Совета, — сказал Грэм. — Мы не можем требовать казни Провони — по причинам, указанным директором Барнсом, — но мы можем нанести удар Эрику Кордону. Я имею в виду, что мы можем казнить его. И каким же это будет облегчением. — «Почти таким же, — подумал он, — как если бы мы взяли самого Торса Провони». Во всей подпольной сети Низших Людей Эрик Кордон был самым выдающимся организатором и оратором. И было еще, конечно, множество его книг.

Кордон был подлинным интеллектуалом из Старых Людей — физиком-теоретиком, способным вызвать живой отклик в среде тех разочарованных Старых Людей, что тосковали по прошлому. Кордон был таким

человеком, который непременно перевел бы стрелки часов на пятьдесят лет назад, появись у него такая возможность. Впрочем, несмотря на свое уникальное красноречие, он был скорее человеком мысли, а не действия, как Провони: Торс Провони, человек действия, проревевший призыв «найти подмогу», как его бывший друг Кордон сообщил в своих бесчисленных речах, книгах и захватанных брошюрах. Кордон был популярен, но — в отличие от Провони — не представлял собой общественной угрозы. После его казни осталась бы пустота, которую он никогда толком и не заполнял. Несмотря на всю свою привлекательность, для общественности он определенно был лишь мелкой рыбешкой.

Однако большинство Старых Людей этого не понимали. Эрика Кордона окружал ореол героя. Провони был некой абстрактной надеждой; Кордон же реально существовал. И он работал, писал и говорил именно здесь, на Земле.

Подняв трубку видеофона второй линии связи, Грэм сказал:

— Дайте мне, пожалуйста, на большой экран Кордона, мисс Найт. — Он повесил трубку, устроился поудобнее на кровати и снова сунул нос в газетные статьи.

— А продолжение диктовки, господин Председатель Совета? — через некоторое время осведомился стенограф.

— Ах да. — Грэм отпихнул газету в сторону. — Где я остановился?

— «Я имею в виду, что мы можем казнить его. И каким же...»

— Далее, — сказал Грэм и кашлянул, прочищая горло. — Считаю необходимым, чтобы главы всех отделов — вы записываете? — узнали и осмыслили причины, стоящие за моим желанием покончить с этим... как бишь его...

— Эриком Кордоном, — вставил стенограф.

— Ну да, — кивнул Грэм. — Уничтожить Эрика Кордона мы должны по следующим соображениям. Кордон является связующим звеном между Старыми Людьми на Земле и Торсом Провони. Пока жив Кордон, люди как бы чувствуют присутствие Провони. Лишившись Кордона, они потеряют контакт — реальный или какой-то там еще — с этим шныряющим где-то в космосе жалким мерзавцем. В известном смысле Кордон — это голос Провони, пока сам Провони отсутствует. Разумеется, я допускаю, что эта акция может вызвать ответный всплеск недовольства; Старые Люди способны какое-то время бунтовать... однако, с другой стороны, это же может побудить Низших Людей выйти из подполья, что позволит нам наконец добраться до них. В определенном смысле я намерен спровоцировать преждевременную демонстрацию силы со стороны Низших Людей; сразу же после объявления о смерти Кордона последуют мощные всплески негодования, но в конечном счете...

Он замолчал. На большом экране, занимавшем всю дальнюю стену огромной спальни, стало проступать лицо. Худое интеллигентное лицо со впалыми щеками; не слишком широкими скулами, как отметил Грэм,

увидев, как они задвигались, когда Кордон начал говорить. Очки без оправы, редкие волосы, тщательно зачесанные поверх лысой макушки.

— Звук, — потребовал Грэм, поскольку губы Кордона продолжали шевелиться безмолвно.

— ...Удовольствием, — гулко прогудел Кордон — звук был включен слишком громко. — Мне известно, что вы заняты, сэр. Однако если вы желаете говорить со мной... — Кордон сделал элегантный жест, — то я готов.

— Где он теперь, черт возьми? — спросил Грэм у одного из своих слуг.

— В Брайтфортской тюрьме.

— Вас хорошо кормят? — осведомился Грэм, обращаясь к лицу на громадном экране.

— О да, вполне, — улыбнулся Кордон, обнажив зубы настолько ровные, что они казались — да наверняка и были — искусственными.

— И вам разрешают писать?

— У меня есть все необходимое, — ответил Кордон.

— Скажите мне, Кордон, — настойчиво спросил Грэм, — зачем вы пишете и говорите всю эту чертовщину? Ведь вы же знаете, что это неправда.

— Правда у каждого своя. — Кордон усмехнулся — скупо и невесело.

— Вы помните тот приговор, вынесенный пять месяцев тому назад, — спросил Грэм, — по которому вам полагалось шестнадцать лет тюремного заключения за измену? Так вот, черь побери, судьи пересмотрели его и изменили меру вашего наказания. Теперь они решили назначить вам смертную казнь.

Выражение мрачного лица Кордона нисколько не изменилось.

— Он слышит меня? — спросил Грэм у слуги.

— О да, сэр. Все в порядке, он вас слышит.

— Мы собираемся казнить вас, Кордон, — продолжил Грэм. — Вам известно, что я могу читать ваши мысли; я знаю, как вы напуганы. — Он говорил правду; внутренне Кордон содрогался. Даже несмотря на то, что их контакт оставался чисто электронным, а Кордон в действительности находился за две тысячи миль от Грэма. Подобные псионические способности всегда поражали Старых — а порой и Новых Людей.

Кордон не ответил. Однако до него, очевидно, дошло, что Грэм начал прослушивать его телепатически.

— В самой глубине души, — сказал Грэм, — вы думаете: «Может быть, мне изменить своей партии. Провони мертв...»

— Я не думаю, что Провони мертв, — запротестовал Кордон, и на лице его появилась оскорбленная мина — первое искреннее выражение с начала беседы.

— Подсознательно, — сказал Грэм. — Вы даже сами этого не осознаете.

— Даже если бы Торс был мертв...

— Ох, перестаньте, — поморщился Грэм. — Мы оба знаем, что, если бы Провони был мертв, вы тут же прикрыли бы вашу пропагандистскую кампанию и исчезли бы из поля зрения общественности на всю вашу последующую интеллектуальную жизнь, будь она проклята.

Внезапно запищал зуммер аппарата связи справа от Грэма.

— Извините, — сказал Грэм и нажал на кнопку.

— Здесь находится адвокат вашей жены, господин Председатель Совета. Вы давали указание впустить его независимо от того, чем вы будете заняты. Так мне впустить его или...

— Впустите его, — перебил Грэм. Кордону он сказал: — Мы известим вас — скорее всего, это сделает директор Барнс — за час до вашей предполагаемой казни. Сейчас я занят, всего хорошего. — Он отключился, и экран стал постепенно тускнеть.

Центральная дверь спальни раскрылась, и в комнату бодрым шагом вошел высокий, изящный, превосходно одетый мужчина с небольшой бородкой и с дипломатом в руках — Гораций Денфельд.

— Знаете, какие мысли я только что прочел в голове Эрика Кордона? — спросил у него Грэм. — Подсознательно он жалеет о том, что вообще примкнул к Низшим Людям — вот он каков, их вождь, — если у них на самом деле есть вождь. Я намерен покончить с их существованием, начав с Кордона. Вы одобряете мое распоряжение о его казни?

Расположившись в кресле, Денфельд открыл дипломат.

— В соответствии с указаниями Ирмы и юридическим нормам мы изменили некоторые — незначительные — пункты соглашения о содержании при раздельном проживании. — Он вручил Грэму подшивку документов. — Не торопитесь, господин Председатель Совета.

— Как вы думаете, что произойдет после смерти Кордона? — спросил Грэм, раскрывая подшивку и начиная бегло просматривать листы бумаги стандартного размера; особое внимание он уделял абзацам, помеченным красным.

— Даже не могу себе представить, сэр, — тотчас ответил Денфельд.

— «Незначительные пункты», — читая, с горечью передразнил Грэм. — Господи Иисусе, она повысила содержание ребенка с двух сотен юксов в месяц до четырех. — Он зашелестел страницами, чувствуя, как его уши запылали от гнева — и от гнетущей тревоги. — И алименты увеличиваются с трех тысяч до пяти. И... — Он добрался до последнего листа, испещренного красными линиями и вписанными карандашом суммами. — Половину моих транспортных расходов — этого она требует. И все, что я получаю за платные речи. — Его шея покрылась теплым, липким потом.

— Однако она позволяет вам оставить себе все ваши заработки от письменных публикаций, которые вы...

— У меня нет никаких письменных публикаций. Что я вам, Эрик Кордон? — Грэм в ярости швырнул документы на кровать; какое-то

время он сидел, пылая гневом. Отчасти из-за того, что он только что прочитал, а отчасти из-за этого адвоката, Горация Денфельда, Нового Человека; даже занимая невысокое положение в основных структурах Новых Людей, Денфельд считал всех Аномалов — включая Председателя Совета — лишь продуктами псевдоэволюции. Грэм смог легко выловить из головы Денфельда этот низкий, неизменный тон превосходства и пренебрежения.

— Я должен подумать, — наконец произнес Грэм. «Я покажу это своим адвокатам, — сказал он себе. — Лучшим правительственным адвокатам — из налогового управления».

— Было бы желательно, чтобы вы приняли во внимание вот что, сэр, — заметил Денфельд. — Некоторым образом вам может показаться, что со стороны миссис Грэм довольно несправедливо требовать столь... — Он искал подходящее выражение. — Столь весомую долю вашей собственности.

— Этот дом, — согласился Грэм. — И четыре особняка в Скрэнтоне, штат Пенсильвания. Все это — а теперь еще.

— Однако существенным фактором является то, что ваше отделение от жены любой ценой должно остаться тайным — ради вас же самого, — медовым голосом сказал Денфельд. Его язык порхал меж губ, словно бумажный вымпел на ветру. Поскольку Председатель Совета Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности не может допустить, чтобы на него пала хотя бы тень... ну, назовем это la calugna...

— Это еще что?

— Скандал. Как вам хорошо известно, вокруг имени любого высокопоставленного Аномала или Нового Человека не должно быть никаких сплетен. Однако, учитывая ваше положение...

— Я скорее подам в отставку, — проскрипел Грэм, — чем это подпишу. Пять тысяч юксов алиментов в месяц. Она спятила! — Он поднял голову и внимательно посмотрел на Денфельда. — Что делается с женщиной, когда она получает содержание при раздельном проживании или развод? Она — они хотят всего, любыми путями — хоть припирая к стенке. Дом, особняки, машину, все юксы на свете... — «О Боже», — подумал он и устало вытер лоб. Одному из слуг он сказал: — Принесите мне кофе.

— Есть, сэр. — Слуга засуетился с кофеваркой и немного погодя вручил ему чашку крепкого черного кофе.

Грэм пожаловался, обращаясь к слуге и ко всем присутствующим:

— Что я могу сделать? Она держит меня за горло. — Он положил папку с документами в выдвижной ящик столика рядом с кроватью. — Больше обсуждать нечего, — сказал он Денфельду, — мои адвокаты уведомят вас о моем решении. — Сердито взглянув на ненавистного ему Денфельда, он объявил: — Теперь я займусь другими делами. — Затем он кивнул слуге, который твердо положил руку на плечо адвоката и проводил его к одной из дверей, ведущих из спальни.

Когда дверь за Денфельдом захлопнулась, Грэм откинулся на подушки, размышляя и прихлебывая свой кофе. «Вот бы она нарушила закон... — сказал он себе. — Пусть даже правила дорожного движения — хоть что-нибудь, что поставило бы ее в зависимость от полиции. Если бы мы засекли ее на нарушении пешеходных правил, мы и за это смогли бы зацепиться; она оказала бы сопротивление, использовала бранные слова и выражения, и тогда уже ее можно было привлекать за нарушение общественного порядка... А еще, — подумал он, — если бы только люди Барнса смогли поймать ее на какой-нибудь мелкой уголовщине: например, на приобретении и/или употреблении алкоголя. Тогда (это ему объяснили его собственные адвокаты) мы могли бы подвести ее под неполное материнское соответствие, отобрать детей и предъявить ей обвинение в процессе настоящего развода — который, при таких обстоятельствах, можно было бы сделать публичным».

Однако пока что Ирма имела над ним слишком большую власть. Публичный развод со взаимными претензиями выглядел бы для него действительно скверно, учитывая все то, что Ирма могла бы наскрести из сточной канавы.

Подняв трубку видеофона первой линии связи, он сказал:

— Барнс, мне нужно, чтобы вы нашли ту женщину-агента, Алису Нойес, и прислали ее сюда. Пожалуй, и вам неплохо бы явиться.

Офидант полиции Нойес возглавляла группу, уже почти три месяца пытавшуюся раздобыть хоть какой-нибудь компромат на Ирму. Двадцать четыре часа в сутки за женой Грэма следили видеомониторы полиции... разумеется, без ее ведома. Одна из видеокамер даже демонстрировала то, что происходило в ванной комнате Ирмы, но, к сожалению, не выявила ничего примечательного. Все, что Ирма говорила и делала, все люди, с которыми она виделась, все места, в которые она заходила, — все это было записано на кассетах, хранившихся в денверском ПДР. И все это в сумме не давало ничего.

«Она завела свою собственную полицию, — уныло подумал Грэм, — плешивых бывших сотрудников ПДР, шустривших вокруг нее, пока она ходила по магазинам, развлекалась на вечеринках или навещала доктора Радклиффа, своего зубного врача. Похоже, придется мне от нее избавиться, — сказал он себе. — Ни в коем случае мне не следовало заводить себе жену из Старых Людей». Но это произошло очень давно, когда он еще не занимал того высокого положения, которое оказалось у него впоследствии. Чуть ли не все Аномалы и Новые Люди втихую насмехались над ним, а ему это было не по вкусу; он читал мысли — большинство мыслей, исходивших от многих, очень многих людей, — и где-то в самой глубине неизменно находил пренебрежение.

Особенно сильным оно было у Новых Людей.

Пока Грэм лежал, ожидая директора Барнса и официанта Нойес, он снова принялся изучать «Таймс», наугад открывая ее на одной из трех сотен страниц.

Так он неожиданно натолкнулся на статью о проекте Большого Уха, под которой значилось имя Эймоса Айлда, весьма высокопоставленного Нового Человека, одного из тех, кого Грэм тронуть не мог.

«Итак, эксперимент Большого Уха с фанфарами движется вперед», — язвительно подумал он, читая статью.

«Находящаяся, по общему мнению, за гранью возможного, работа над созданием первого чисто электронного телепатического подслушивающего устройства продвигается с убедительными темпами», — заявили на сегодняшней пресс-конференции многочисленным скептически настроенным обозревателям сотрудники корпорации Макмалли, разработчики и создатели так называемого Большого Уха. «Когда Большое Ухо будет введено в действие, — считает Мунро Кэпп, — оно способно будет телепатически отслеживать мысленные волны десятков тысяч лиц, обладая при этом способностью — не зафиксированной у Аномалов — расшифровывать эти необъятные потоки, полные...»

Грэм отшвырнул газету в сторону; она упала шурша на устланный коврами пол. «Будь прокляты эти подонки, Новые Люди, — озлобленно подумал он, бессильно скрипя зубами. — Они угрохают на это миллиарды юксов, а после Большого Уха создадут приспособление, которое сможет заменить ясновидение Аномалов, затем все остальное — одно за другим. Машины-полтергейсты будут раскатывать по улицам и носиться в воздухе. Мы уже не понадобимся.

И тогда... вместо сильного и стабильного двухпартийного государства, которое мы имеем сейчас, возникнет однопартийная система — монолитный монстр, где все ключевые посты займут Новые Люди — на всех уровнях. Тогда прощай Государственная гражданская служба — останутся только тесты на активность коры головного мозга Новых Людей, на наличие этих двух пиков на неврологической кривой, да еще разные постулаты вроде: «предмет А равен своей противоположности» и «чем сильнее различие, тем выше соответствие». Боже милостивый!

Может быть, — подумал он, — вся структура мышления Новых Людей представляет собой гигантский розыгрыш. Мы, Старые Люди этого понять не можем; мы просто верим на слово Новым Людям, что это колоссальный шаг вперед в эволюции человеческого мозга. Предположительно, есть некие узлы Роджерса или что-то там еще. Существует материальное отличие их коры головного мозга от нашей. Однако...»

Включился один из переговорников:

— Директор Барнс и женщина — официант полиции...

— Впустите их, — сказал Грэм. Он отклонился назад, устроился поудобнее, сложил руки на груди и ждал.

Ждал, чтобы сообщить им о своей новой идее.

Глава 5

В восемь тридцать утра Николас Эпплтон появился на работе и приготовился к началу рабочего дня.

Солнце ярко светило в окна небольшого здания его мастерской. Там, внутри, он закатал рукава, одел увеличивающие очки и вставил в розетку штепсель терморезака.

Его босс, Эрл Дзета, тяжелой походкой подошел к нему, засунув руки в карманы брюк цвета хаки; из его заросшего густой щетиной рта свисала итальянская сигара.

— Что скажешь, Ник?

— Мы узнаем лишь через несколько дней, — сообщил Ник. -- Они собираются известить нас о результатах по почте.

— Ах да, твой мальчуган. — Дзета положил смуглую здоровенную лапу на плечо Ника. — Ты делаешь слишком мелкую нарезку, — заметил он. — Мне нужно, чтобы она проходила в самую глубину протектора. В эту проклятую шину.

— Но если я еще хоть немного углублюсь... — запротестовал Ник. «Шина лопнет, даже если они наедут на еще не остывшую спичку, — сказал он про себя. — Это все равно, что пристрелить их из лазерного ружья». — Ладно, — сдался он, вся его воинственность куда-то исчезла; в конце концов, Эрл Дзета был его боссом. — Я буду углубляться, пока резак не выйдет с той стороны.

— Попробуй только — я тебя мигом уволю, — сказал Дзета.

— Ты считаешь, что раз уж они покупают этот реактивный...

— Когда три их колеса коснутся общественной мостовой, — перебил Дзета, — наша ответственность закончится. Что бы ни случилось потом — их личные трудности.

Ник вовсе не хотел быть нарезчиком протектора... Тем, кто берет лысую шину и с помощью раскаленного докрасна резака делает в ней новую нарезку — все глубже и глубже, — приводя ее в надлежащий вид. Чтобы она выглядела так, словно весь протектор в порядке. Это занятие он унаследовал от отца, а тот, в свою очередь, научился этому от своего отца. Из поколения в поколение, от отца к сыну; ненавидя эту работу, Ник твердо помнил одно: он был превосходным нарезчиком протектора и всегда им останется. Дзета был не прав; Ник уже сделал достаточно глубокую нарезку. «Я мастер своего дела, — подумал он, — и сам могу решить, какой должна быть глубина канавок».

Неторопливым движением Дзета включил висевший у него на шее радиоприемник. Шумная дешевая музыка — определенного сорта — затрубила из семи или восьми динамиков, размещенных на разбухшем теле толстяка.

Внезапно музыка прекратилась. Наступила тишина, а затем раздался профессионально безразличный голос диктора:

— Пресс-секретарь директора Ллойда Барнса только что сделал заявление о том, что государственный преступник Эрик Кордон, приговоренный к тюремному заключению за акты насилия по отношению к гражданам, был переведен из Брайтфортской тюрьмы в тюремные сооружения в Лонг-Бич, штат Калифорния. На вопрос, означает ли это, что Кордон будет казнен, от представителя ПДР получены заверения, что такого решения пока не было принято. Хорошо информированные, независимые от ПДР источники открыто заявляют, что все это свидетельствует о готовящейся казни Кордона, указывая, что из последних девятисот заключенных ПДР, в разное время переведенных в тюремные сооружения Лонг-Бич, без малого восемьсот были в конечном счете казнены. Вы слушали новости из...

Эрл Дзета судорожным движением надавил на выключатель своего нательного радио; выключив его, он порывисто сжал кулаки, зажмурив глаза и раскачиваясь взад-вперед.

— Проклятые скоты, — прошипел он сквозь зубы. — Они собираются убить его. — Глаза его раскрылись, лицо исказилось в гримасе глубокой и сильной боли... Затем он постепенно взял себя в руки; его мучения, казалось, смягчились. Но они не ушли совсем; его бочкообразное тело было все так же напряжено, когда он пристально посмотрел на Ника.

— Ты Низший Человек, — проронил Ник.

— Ты уже десять лет меня знаешь, — проскрежетал Дзета. Он достал красный носовой платок и тщательно вытер лоб. Руки его тряслись. — Послушай, Эпплтон, — сказал он, уже стараясь придать своему голосу естественность. Спокойствие. Но он все еще не мог унять незаметную для глаза внутреннюю дрожь. Ник чувствовал ее, знал, что она по-прежнему там. Скрытая и погребенная от испуга. — Они и до меня хотят добраться. Если они казнят Кордона, то потом пойдут дальше и выметут нас всех, даже мелюзгу вроде меня. И мы отправимся в лагеря — в эти проклятые, вшивые, вонючие лагеря для интернированных — на Луну. Ты знал о них? Туда-то мы и отправимся. Мы — Низшие Люди. А не ты.

— Я знаю об этих лагерях, — сказал Ник.

— Ты собираешься меня выдать?

— Нет, — покачал головой Ник.

— Они все равно до меня доберутся, — с горечью проговорил Дзета. — Они годами составляли списки. Списки в милю длиной, даже на микрокассетах. У них есть компьютеры; у них есть филеры. Каждый может оказаться филером. Каждый, кого ты знаешь или с кем ты когда-то общался. Слушай, Эпплтон, — смерть Кордона будет означать, что мы боремся не просто за политическое равенство, а за само наше физическое существование. Ты понимаешь, Эпплтон? Возможно, я не слишком тебе по вкусу — видит Бог, мы не очень-то ладим друг с другом, — но неужели ты хочешь, чтобы меня прикончили?

— А что я могу сделать? — спросил Ник. — Не могу же я остановить ПДР.

Дзета выпрямился, его коренастое тело оцепенело в мучительном отчаянии.

— Ты мог бы умереть вместе с нами, — сказал он.

— Хорошо, — ответил Ник.

— Хорошо? — Дзета уставился на него, пытаясь понять. — Что ты имеешь в виду?

— Я сделаю все, что могу, — отозвался Ник. От сказанного у него перехватило дыхание. Теперь все было кончено: у Бобби не оставалось никакого шанса, и династии нарезчиков протектора суждено было продолжаться и дальше.

«Мне следовало бы выждать, — подумал он. — Как-то уж слишком легко это произошло со мной; я даже не ожидал — толком-то я этого до сих пор не понимаю. Наверное, все из-за того, что Бобби провалился. И все-таки я здесь, и я говорю об этом Дзете. Дело сделано».

— Давай зайдем ко мне в кабинет, — хрипло выговорил Дзета, — и откупорим бутылочку пива.

— У тебя есть спиртное? — Этого Ник и вообразить не мог, наказание могло быть слишком велико.

— Мы выпьем за Эрика Кордона, — сказал Дзета, и они пошли.

Глава 6

— Никогда раньше не пил алкоголя, — сказал Ник, когда они сели за стол друг против друга. Его охватило какое-то поразительно странное чувство. — Все время читаешь в газетах, что люди от этого становятся одержимыми, подвергаются полной деградации личности, поражается их мозг. По сути...

— Просто запугивание, — сказал Дзета. — Впрочем, верно, поначалу тебе не следует торопиться. Пей не спеша; пусть оно там уляжется.

— А какое наказание следует за распитие спиртного? — спросил Ник. Он вдруг обнаружил, что ему стало трудно выговаривать слова.

— Год. Окончательно, без возможности досрочного освобождения.

— И дело стоит того? — Комната вокруг него стала казаться нереальной; она потеряла свою вещественность, свою конкретность. — А разве не формируется привыкание? В газетах пишут, что, один раз попробовав, человек уже никогда...

— Да пей ты пиво, — прервал его Дзета; он отхлебнул из своего бокала, опорожняя его без видимых трудностей.

— Знаешь, — пробормотал Ник, — что скажет Клео насчет того, что я выпил?

— Жены все такие.

— Не думаю. Это она такая, а некоторые не такие.

— Да нет, все они такие.

— Почему?

— А потому, — ответил Дзета, — что муж для них — только источник материальных средств. — Он рыгнул, скроил гримасу и откинулся на спинку вращающегося стула, зажав в здоровенной ручище бутылку пива. — Для них... ну вот, смотри. Скажем, у тебя есть какая-то машина — какой-нибудь хитрый, замысловатый механизм, который приносит тебе кучу юксов, если работает как следует. Теперь предположим, что этот механизм...

— И что, жены действительно так относятся к мужьям?

— Точно. — Дзета снова рыгнул, кивнул и передал Нику бутылку пива.

— Но это же не по-человечески, — сказал Ник.

— Точно. Клянусь твоей багрово-зеленой жопой — так оно и есть.

— Я думаю, что Клео беспокоится обо мне потому, что ее отец умер, когда она была еще совсем маленькой. Она боится, что все мужчины... — Он искал нужное слово, но не мог его найти; его мыслительные процессы были теперь сбивчивыми, туманными и необычными. Он никогда раньше не испытывал ничего подобного, и это напугало его.

— Да не беспокойся, — сказал Дзета.

— Я думаю, Клео какая-то пресная, — пробормотал Ник.

— Пресная? Что значит «пресная»?

— Пустая. — Он махнул рукой. — Или, я хотел сказать, пассивная.

— Женщины и должны быть пассивными.

— Но это служит помехой... — Он споткнулся на этом слове и почувствовал, что краснеет от смущения. — Это служит помехой их взрослению.

Дзета наклонился к нему.

— Ты все это говоришь потому, что боишься, что она тебя не одобрит. Ты говоришь, что она «пассивная», но ведь теперь-то, в этом случае, тебе как раз это и нужно. Ты хочешь, чтобы она шла еще дальше; то есть одобряла то, что ты делаешь. Но зачем вообще ей рассказывать? Почему она должна об этом знать?

— Я всегда ей все рассказываю.

— Зачем? — громогласно вопросил Дзета.

— Я обязан так поступать, — ответил Ник.

— Когда мы допьем это пиво, — сказал Дзета, — мы с тобой кое-куда смотаемся. Где, если нам повезет, мы сможем подобрать кое-какой материал.

— Ты имеешь в виду материал о Низших Людях? — спросил Ник и почувствовал, как в груди у него похолодело; он понял, что его затягивают в опасное предприятие. — У меня уже есть брошюра, которую один мой знакомый расценивает как... — Он замолчал, не сумев выстроить фразу. — Я вообще не собираюсь рисковать.

— Ты уже рискуешь.

— Но этого достаточно, — сказал Ник. — Вполне. Сидеть здесь, пить пиво и разговаривать, как мы разговариваем.

— Только один разговор имеет значение, — заявил Дзета. — Тот разговор, который ведет Эрик Кордон. Настоящий материал; не те поделки, что передаются на улице с рук на руки, а то, что на самом деле говорит, вся суть. Я ничего не хочу тебе говорить: я хочу, чтобы он сказал это тебе. Через одну из своих брошюр. И я знаю, где мы можем ее подобрать. — Он встал из-за стола. — Я говорю не о «словах Эрика Кордона». Я говорю о подлинных словах Эрика Кордона, о его иносказаниях и предостережениях, о планах, известных только настоящим членам мира свободных людей. Низшим Людям в подлинном смысле, действительном смысле.

— Я не хотел бы делать ничего, что не одобрила бы Клео, — сказал Ник. — Муж и жена должны быть честны друг с другом; если я займусь этим...

— Если она не одобрит — найди себе другую жену, которая одобрит.

— Ты серьезно? — спросил Ник; голова его к тому времени так затуманилась, что он даже не мог понять, серьезен ли Дзета. И действительно ли он имеет в виду именно то, что говорит, — не важно, прав он или нет. — Ты хочешь сказать, что это могло бы разделить нас? — спросил он.

— Это уже разрушило множество браков. В любом случае, разве ты так уж с ней счастлив? Ты же сам сказал, что она «пресная». Это твои слова. Это сказал ты, а не я.

— Это все от спиртного, — пробормотал Ник.

— Конечно, от спиртного, «in vino veritas», — сказал Дзета и ухмыльнулся, показав коричневатые зубы. — Так на латыни; а значит это...

— Я знаю, что это значит, — перебил Ник; теперь он почувствовал злобу, но не мог понять, к кому. К Дзете? «Нет, — подумал он, — к Клео. Я знаю, как она бы к этому отнеслась: «Мы не должны накликать на себя беду. Нас отправят в лагерь для интернированных на Луну, в один из этих ужасных трудовых лагерей». — А что важнее? — спросил он у Дзеты. — Ведь и ты женат; у тебя жена и двое детей. Чувствуешь ли ты ответствен... — Язык снова отказался ему повиноваться. — Чему ты больше предан? Семье? Или политической деятельности?

— Людям в целом, — ответил Дзета. Он задрал голову, поднес ко рту бутылку и допил остатки пива. Затем он резко, со стуком, поставил бутылку на стол. — Давай-ка двигаться, — сказал он Нику. — Знаешь, как в Библии: «Познаете вы истину, и истина освободит вас».

— Освободит? — переспросил Ник, тоже вставая — и находя это для себя затруднительным. — Вот уж это брошюры Кордона вряд ли с нами сделают. Какой-нибудь легавый разузнает наши имена, выяснит, что мы покупаем кордонитскую литературу, и тогда...

— Если все время искать по стороном легавых, — съязвил Дзета, — то как тогда вообще жить? Я видел сотни людей, которые покупают и

продают брошюры, иногда на тысячи юксов за один заход, и... — он сделал паузу, — иногда сыщики действительно до них докапываются. Или какой-нибудь легавый заприметит тебя, когда ты передаешь несколько юксов торговцу. А затем, как ты говоришь, следует тюрьма на Луне. Но ты должен идти на риск. Жизнь сама по себе уже риск. Ты спрашиваешь себя: «Стоит ли игра свеч?» — и отвечаешь: «Да, стоит». Стоит, будь она проклята. — Он надел пальто, открыл дверь конторы и вышел на солнце.

Ник, видя, что Дзета не оглядывается, после продолжительной паузы неторопливо последовал за ним. Он догнал его у припаркованного скиба Дзеты.

— Думаю, тебе надо начинать присматривать себе другую жену, — сказал Дзета; он открыл дверцу скиба и протиснул свою массу к рычагу управления. Ник, тоже забравшись внутрь, захлопнул дверцу со своей стороны. Дзета ухмыльнулся, поднимая скиб в утреннее небо.

— Тебя это, во всяком случае, не касается, — проворчал Ник.

Дзета не ответил; он сосредоточился на управлении скибом. Повернувшись к Нику, он заявил:

— Сейчас я могу вести как угодно — мы пустые. А вот на обратном пути мы будем с грузом, и ни к чему, чтобы какой-нибудь офидант ПДР опустил нас за неправильный поворот или превышение скорости. Верно?

— Верно, — согласился Ник и почувствовал, как его охватывает леденящий страх. Он уже стал неизбежным — тот путь, которым они следовали; теперь с него было не сойти. «А почему? — спросил он себя. — Я твердо знаю, что должен довести это до конца, но почему? Чтобы показать, что я не боюсь, что какой-нибудь филер вычислит нас? Чтобы показать, что я не под каблуком у жены? По множеству дурацких причин, — подумал он, — а главное — потому что я пью алкоголь, самое опасное вещество — после разве что синильной кислоты, — которое только можно усвоить. Ладно, — подумал он, — будь что будет».

— Чудный денек, — сказал Дзета. — Голубое небо, никаких облаков, за которыми кто-то может прятаться. — Довольный собой, он взмыл вверх; Ник молча съежился в кресле и беспомощно сидел, пока скиб плавно двигался вперед.

Остановившись у телефона-автомата, Дзета позвонил; разговор состоял лишь из нескольких малопонятных выражений.

— У него есть? — спросил Дзета. — Он там? Ладно. Ну, порядок. Спасибо. Пока. — Он повесил трубку. — Не нравится мне играть в эти игры, — сказал он. — Когда звонишь по телефону. Можно рассчитывать только на то, что за один день делается столько телефонных звонков, что все им просто не зафиксировать.

— А как же закон Паркинсона? — спросил Ник, пытаясь спрятать свой страх за ложной бравадой. — «Если что-то может произойти...»

Забравшись обратно в скиб, Дзета ответил:

— Этого еще не произошло.

— Но в конечном итоге...

— В конечном итоге, — заметил Дзета, — смерть до всех нас доберется. — Он запустил двигатель скиба, и они снова круто взмыли вверх.

Вскоре они оказались над обширными жилыми районами города; нахмурившись, Дзета стал вглядываться вниз.

— Все эти чертовы дома похожи, как близнецы, — пробормотал он. — С воздуха их хрен различишь. Но это и хорошо; он спрятался в самой гуще этих десяти миллионов преданно верящих в Уиллиса Грэма, Аномалов, Новых Людей и всю остальную лажу. — Скиб внезапно спикировал. — Вот сюда, — сказал Дзета. — Знаешь, а это пиво меня зацепило — правда зацепило. — Он ухмыльнулся Нику. — А ты похож на чучело совы — твоя голова, кажется, может сделать полный оборот вокруг шеи. — Он захохотал.

Они опустились на крышу, на посадочную площадку.

Кряхтя, Дзета выбрался из скиба; Ник выбрался тоже, и они направились к лифту. Понизив голос, Дзета сказал:

— Если нас остановят официанты и спросят, что мы здесь делаем, мы скажем, что хотим отдать одному парню ключи от скиба, которые мы забыли отдать ему, когда ставили на прикол его скиб.

— Но это же ерунда, — возразил Ник.

— Почему ерунда?

— Потому что если бы у нас были ключи от его скиба, он не смог бы вернуться сюда.

— Хорошо, мы скажем, что это второй набор ключей, который он просил нас заказать для него — точнее, для его жены.

На пятидесятом этаже лифт остановился; они прошли по устланному коврами коридору, никого не встретив. Потом Дзета внезапно замедлил шаг, быстро огляделся по сторонам и постучал в дверь.

Дверь отворилась. За ней стояла девушка — невысокая и черноволосая, с каким-то странным, хулиганистым обаянием; с курносым носом, чувственными губами, элегантным овалом лица. От нее веяло женской магией; Ник сразу же это уловил. «Ее улыбка вспыхивает, — подумал он, — освещает все ее лицо, пробуждая его к жизни».

Дзета, похоже, был не слишком рад видеть ее.

— А где Дэнни? — спросил он негромко, но внятно.

— Входите. — Она растворила дверь. — Он скоро будет.

Несколько обеспокоенный, Дзета вошел, жестом показав Нику следовать за ним. Он не стал представлять их с девушкой друг другу, а вместо этого прошел через гостиную прямо в ванную комнатушку, затем в отгороженный закуток гостиной, служивший кухней, прокрадываясь, как большая кошка.

— Здесь все чисто? — вдруг спросил он.

— Да, — кивнула девушка. Она взглянула снизу вверх в лицо Ника. — Я тебя раньше не видела.

— У тебя здесь что-то нечисто, — сказал Дзета; он стоял у мусоропровода, шаря там рукой; внезапно он вынул оттуда пакет, который был прикреплен где-то внутри. — Ну и лопухи вы, ребята.

— Я и не знала, что он там, — резко и твердо ответила девушка. — Все равно, он был закреплен так, что, если бы какая-нибудь ищейка и прорвалась в дверь, мы легко смогли бы сбросить его вниз, и никаких улик бы не осталось.

— А они закупорили бы мусоропровод, — бросил Дзета. — И поймали бы пакет где-нибудь на втором этаже, до того, как он попал бы в печь.

— Меня зовут Чарли, — обращаясь к Нику, сказала девушка.

— Девушка по имени Чарли? — удивился он.

— Шарлотта. — Она протянула руку для пожатия. — Знаешь, а я, кажется, догадалась, кто ты такой. Ты нарезчик протектора у Дзеты в мастерской.

— Да, — кивнул он.

— И тебе нужна подлинная брошюра? А платить за нее будешь ты или Дзета? Ведь Дэнни больше не намерен отпускать в кредит; ему нужны юксы.

— Заплачу я, — сказал Дзета. — По крайней мере, на этот раз.

— Они всегда так делают, — заметила Чарли. — Первая брошюра бесплатно; вторая стоит пять юксов; следующая — десять; потом...

Дверь квартиры открылась. Все замерли, затаив дыхание.

За дверью стоял симпатичный парень, представительный, превосходно одетый, со светлыми вьющимися волосами и большими глазами; и все же, несмотря на всю его привлекательность, какое-то напряженное выражение сковывало его лицо, делая его неприятным и жестоким. Он быстро оглядел Дзету, затем Ника — за несколько безмолвных мгновений. Потом он захлопнул за собой дверь. Заперев ее на засов, он прошел через комнату к окну, выглянул наружу, постоял там, грызя ноготь большого пальца, — он излучал вокруг себя какие-то зловещие вибрации, словно должно было произойти что-то ужасное, что-то, что разрушило бы весь мир... «Словно, — подумал Ник, — он сам собирается это сделать. Он собирается всех нас избить». Этот парень источал ауру силы, но сила эта была нездоровой; она была какой-то перезревшей, как и его слишком большие темные глаза и вьющиеся волосы. «Дионис из сточных канав этого города, — подумал Ник. — Итак, это торговец. Тот, от кого мы получим подлинные тексты».

— Я заметил твой скиб на крыше, — обращаясь к Дзете, проговорил парень, словно сообщая об обнаружении следов какого-нибудь злодейства. — А это кто такой? — спросил он, кивнув головой в сторону Ника.

— Один мой знакомый, который хочет кое-что купить, — ответил Дзета.

— А, в самом деле? — Этот парень, Дэнни, подошел к Нику и рассмотрел его поближе. Изучил его одежду, лицо...

«Он выносит мне приговор», — понял Ник. Происходил какой-то жуткий поединок, суть которого была ему совершенно неясна.

Внезапно большие, выпученные глаза Дэнни метнулись в сторону — он уставился на кушетку, на лежащую там, завернутую в бумагу, брошюру.

— Я вытащил ее из мусоропровода, — сказал Дзета.

— Ну ты, сучка, — проговорил Дэнни, обращаясь к девушке. — Я же тебе сказал, чтобы здесь все было чисто. Ты понимаешь? — Он свирепо уставился на нее; она взглянула на него снизу вверх, губы ее были обеспокоенно полураскрыты, а глаза широко распахнулись в тревоге. Резко повернувшись, Дэнни подобрал брошюру, сорвал с нее обертку и пролистал страницы. — Ты получила ее от Фреда, — сказал он. — Сколько ты за нее заплатила? Десять юксов? Двенадцать?

— Двенадцать, — ответила Чарли. — Ты псих. Прекрати вести себя так, словно думаешь, что один из нас стукач. Ты видишь стукача в каждом, кого лично...

— Как тебя зовут? — спросил Дэнни у Ника.

— Не говори ему, — сказала Чарли.

Повернувшись к ней, Дэнни замахнулся; она спокойно наблюдала за ним, лицо ее было неподвижным и твердым.

— Ну, валяй, — проговорила она. — Ударь меня, и я пну тебя туда, где у тебя до конца дней не заживет.

— Это мой служащий, — сказал Дзета.

— Ну да, — едко произнес Дэнни. — И ты знаешь его всю жизнь. Скажи еще, что он твой брат.

— Это правда, — ответил Дзета.

— Чем ты занимаешься? — спросил Дэнни у Ника.

— Нарезаю протектор, — ответил Ник.

Дэнни улыбнулся; все его повадки изменились, словно никаких проблем больше не существовало.

— В самом деле? — спросил он и рассмеялся. — Какая работа! Какое призвание! И ты, конечно, получил его по наследству от отца?

— Да, — ответил Ник и ощутил ненависть; все, что он мог сделать, — это спрятать ее, и он хотел ее спрятать; он чувствовал, что боится Дэнни — возможно, оттого, что вместе с ним в комнате были другие, и ему это от них как бы передалось.

Дэнни протянул ему руку.

— Ладно, нарезчик протектора, значит, ты хочешь купить брошюру на пятак или гривенник? У меня есть и те, и другие. — Он залез под свою кожаную куртку и вытащил пачку брошюр. — Это именно то, что надо, — сказал он. — Все подлинные; я сам знаю парня, который их печатает. Там, в мастерской, я видел настоящую рукопись Кордона.

— Раз уж я плачу, — сказал Дзета, — то пусть будет брошюра за пятак.

— Я предлагаю взять «Этические принципы Настоящего Человека», — сказала Чарли.

— Да-а? — язвительно протянул Дэнни, пристально разглядывая ее. Как и раньше, она смело встретила его взгляд, и Ник подумал: «А она ему не уступит. Она способна ему противостоять. Но зачем? — задумался он. — Стоит ли вообще находиться рядом с таким неуравновешенным человеком? Да, — подумал он, — я чувствую его неуравновешенность и неистовство. В любое время, в любую секунду он способен выкинуть все, что угодно. У него амфетаминный склад характера. Вероятно, он принимает большие дозы какого-либо амфетамина — орально или инъекциями. Впрочем, возможно, для того, чтобы заниматься этой работой, он просто вынужден так поступать».

— Я возьму ее, — заявил Ник. — Ту, что она предложила.

— Она уже окрутила тебя, — сказал Дэнни. — Как она всегда окручивает всех — каждого мужчину. Она просто дура. Тупая, мелкая шлюха.

— Ты педераст, — бросила Чарли.

— От лесбиянки слышу, — ответил Дэнни.

Дзета достал бумажку в пять юксов и передал ее Дэнни; он явно хотел завершить сделку и уйти.

— Я тебя раздражаю? — вдруг спросил Дэнни у Ника.

— Нет, — осторожно ответил Ник.

— Некоторых я раздражаю, — заявил Дэнни.

— Это уж точно, — заметила Чарли. Протянув руку, она взяла у него пачку брошюр, отыскала нужную и вручила ее Нику, улыбаясь при этом своей светящейся улыбкой.

«Ей лет шестнадцать, — подумал он, — никак не больше. Дети, играющие в игру жизни и смерти, ненавидящие и дерущиеся, но, вероятно, и оказывающиеся вместе, когда приходит беда. Вражда между этой девушкой и Дэнни, — догадался он, — скрывает глубокую привязанность. Они каким-то образом действовали сообща. Симбиотические отношения, — предположил он, — не слишком привлекательные на вид, но тем не менее неподдельные. Дионис из канавы, — подумал он, — и маленькая, прелестная, упрямая девушка, способная — или только пытающаяся — совладать с ним. Вполне вероятно, ненавидящая его, но в то же время неспособная его покинуть. Потому, наверное, что он привлекателен для нее физически и выглядит в ее глазах настоящим мужчиной. Потому что он упрямее ее, а она это уважает. Потому что она сама настолько упряма, что знает, чего это стоит».

Но какому же человеку она принадлежит! Растаявшему, как какой-то липкий фрукт в слишком жарком климате; лицо его было мягким, растекшимся — и лишь сверкание глаз оживляло его черты.

«Я должен был бы предположить, — подумал он, — что все это, распространение и продажа произведений Кордона, будет выглядеть благородно, идеалистично. Но это, по-видимому, не так. Работа парня нелегальна; она привлекает тех, кто непринужденно обращается со

всякими нелегальными вещами, а такие люди сами по себе представляют определенный тип. Объект торговли их просто не интересует; их интересует сам факт того, что он нелегален, а значит — люди заплатят за него большие, очень большие деньги».

— Ты уверена, что теперь здесь все чисто? — спросил Дэнни у девушки. — Знаешь, я ведь здесь живу; я бываю здесь по десять часов в день. Если здесь что-нибудь найдут... — Он крадучись ходил по комнате, напоминая своими повадками какого-то зверя: гнетущая подозрительность, помноженная на ненависть.

Внезапно он подобрал напольную лампу. Он осмотрел ее, затем достал из кармана монету, открутил три винта, и пластинка основания лампы упала ему на ладонь. А затем из полой рукоятки вывалились три свернутых в трубку брошюры.

Дэнни повернулся к стоявшей неподвижно девушке; лицо ее было спокойно — внешне, во всяком случае; впрочем, Ник заметил, как губы ее плотно сжались, словно она готовилась к чему-то.

Замахнувшись правой рукой, Дэнни ударил ее — метил в глаз, но промазал. Она сумела увернуться, хотя и не совсем удачно — удар пришелся ей в голову, над ухом. И тут она с удивительным проворством схватила его вытянутую руку и, подняв к своему лицу его кисть, впилась в нее зубами — глубоко, в самое мясо. Дэнни завопил, молотя ее свободной рукой, пытаясь вырвать кисть из ее зубов.

— Помогите мне! — крикнул он Дзете и Нику. Ник, понятия не имевший, что делать, направился было к девушке, слушая собственное бормотание: он уговаривал ее отпустить Дэнни, втолковывая ей, что она может прокусить нерв и тогда рука останется парализованной. Дзета, однако, просто схватил ее за подбородок, надавил толстыми, в темных пятнах, пальцами на суставы и раскрыл ей челюсти; Дэнни тут же отдернул руку и стал рассматривать укушенное место; теперь он казался ошеломленным, но скоро, очень скоро, лицо его снова запылало яростью. И на этот раз какой-то убийственной яростью; глаза его выпучились так, что, казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц. Он нагнулся, поднял лампу и занес ее над головой Чарли.

Тяжело дыша, Дзета схватил его; он держал парня могучим захватом и одновременно, задыхаясь, кричал Нику:

— Забери ее отсюда. Увези ее куда-нибудь, где он ее не найдет. Ты что, не видишь? Он же алкоголик. Они способны на все. Уходи!

В каком-то трансе Ник взял девушку за руку и быстро вывел из квартиры.

— Можешь взять мой скиб, — задыхаясь, выпалил ему вслед Дзета.

— Ладно, — ответил Ник; он повел девушку вперед, к лифту, — она шла, не сопротивляясь, маленькая и легкая.

— Нам лучше бегом добраться до крыши, — сказала Чарли. Она казалась спокойной, улыбаясь ему своей светящейся улыбкой, которая делала таким невообразимо прелестным ее лицом.

— Ты боишься его? — спросил Ник, когда они ступили на эскалатор и бросились вверх по нему, перепрыгивая через ступеньки. Он все еще держал ее за руку, а она по-прежнему ухитрялась не отставать от него. Гибкая и воздушная, она обладала какой-то свойственной лишь животным стремительностью и в то же время почти сверхъестественной плавностью движений. «Как лань», — подумал он, пока они продолжали подниматься.

Далеко внизу под ними на эскалатор вбежал Дэнни.

— Стойте! — завопил он дрожащим от возбуждения голосом. — Мне надо добраться до больницы, чтобы там осмотрели укус. Довезите меня до больницы!

— Он всегда так говорит, — невозмутимо объяснила Чарли, равнодушно воспринявшая жалобный вой парня. — Не обращай на него внимания — будем надеяться, что он нас не догонит.

— Он что, часто так с тобой поступает? — задыхаясь, спросил Ник, когда они добрались до посадочной площадки на крыше и пустились бежать к припаркованному скибу Дзеты.

— Он знает, чем я на это отвечу, — сказала Чарли. — Ты видел, что я сделала — я укусила его, а он не выносит, когда его кусают. Тебя никогда не кусал взрослый человек? И ты никогда не думал, какие при этом бывают ощущения? А я могу сделать еще кое-что: я встаю у стены, плотно прижавшись к ней спиной и разведя руки в стороны, — и я пинаю, обеими ногами. Как-нибудь я обязательно тебе это покажу. Только запомни: никогда не трогай меня, если я не хочу, чтобы меня трогали. Никому не удастся сделать это и уйти просто так.

Ник помог ей забраться в скиб, обежал его кругом и скользнул к рычагу управления со стороны водителя. Он запустил мотор, и тут у выхода с эскалатора появился запыхавшийся Дэнни. Увидев его, Чарли захохотала от восторга — девчоночьим смехом; она закрывала обеими руками рот и раскачивалась из стороны в сторону; глаза ее сияли.

— Ох ты, Боже мой, — выдохнула она. — Как он зол! И ничего не может поделать. Вперед!

Нажав на силовую кнопку, Ник снялся с места; их скиб, такой старый и потрепанный на вид, имел модифицированный мотор, который Дзета собрал своими руками; он усовершенствовал буквально каждую движущую часть. Так что на своем скибе Дэнни никогда бы их не догнал. Если он, конечно, тоже не модифицировал свой скиб.

— Что ты можешь сказать о его скибе? — спросил Ник у Чарли, которая сидела, аккуратно приглаживая волосы и приводя себя в порядок. — Нет ли у него...

— Дэнни не может заниматься ничем, что требует ручного труда. Очень ему не нравится пачкать руки. Но у него «Шеллингберг-8», с мотором Б-3. Так что он может летать очень быстро. Иногда, если нет другого движения — например, поздно ночью, — он разгоняется до всех пятидесяти.

— Нет проблем, — сказал Ник. — Эта старая погремушка разгоняется до семидесяти или даже до семидесяти пяти. Если, конечно, верить Дзете. — Скиб стремительно двигался, то сливаясь с утренним потоком движения, то выходя из него. — Я сброшу его с хвоста, — заявил Ник. Позади он заметил ярко-пурпурный «Шеллингберг». — Это он? — спросил он у Чарли.

Она посмотрела, обернувшись, и ответила:

— Да, это он. У Дэнни единственный пурпурный «Шеллингберг-8» во всех Соединенных Штатах.

— Я заберусь в движение, где погуще, — сказал Ник и стал спускаться к уровню, заполненному скибами, рассчитанными на короткий полет. Как только он сел на хвост одному из скибов, два других безобидных скиба тут же пристроились за ним. — А здесь я поверну, — сообщил он, когда справа, раскачиваясь, появился воздушный шар с надписью: «Хастингс-авеню». Он свернул, оказавшись — как и рассчитывал — полностью скрытым в рядах медленно двигавшихся скибов, искавших место для парковки. Большинством из них управляли женщины, отправившиеся за покупками.

Никаких признаков пурпурного «Шеллингберга-8». Он огляделся по сторонам, пытаясь найти его.

— Ты от него оторвался, — констатировала Чарли. — Он полагается на скорость — только где-нибудь в стороне от движения, — добавила она, — как ему показалось, с восторгом. — Он слишком нетерпелив; здесь он никогда не ездит.

— И что он теперь, по-твоему, сделает? — спросил Ник.

— Сдастся. В любом случае, от этого сумасшествия он оправится суток через двое. Но еще примерно сорок восемь часов он будет смертельно опасен. Вообще-то с моей стороны действительно очень глупо было прятать брошюры в лампе; здесь он прав. Но мне по-прежнему не нравится, когда меня бьют. — Она задумчиво потерла то место над ухом, куда он ее ударил. — Он больно бьет, — сказала она. — Но не выносит, когда ему дают отпор; я слишком мала, чтобы толком его ударить — так, чтобы это подействовало, — но ты видел, как я кусаюсь.

— Да уж, — отозвался он. — Это был укус столетия. — Он не хотел продолжать эту тему.

— Очень мило с твоей стороны, — сказала Чарли. — Ты совершенно посторонний человек и так помогаешь мне — хотя совсем меня не знаешь. Ты даже не знаешь моей фамилии.

— Меня вполне устраивает Чарли, — ответил он. Это, похоже, удовлетворило ее.

— Но я не слышала твоего имени, — сказала девушка.

— Ник Эпплтон.

Она засмеялась своим булькающим смехом, прикрывая пальцами рот.

— Это имя мог бы носить какой-нибудь литературный персонаж. «Ник Эпплтон». А может быть, частный сыщик. Или один из телеведущих.

— Этоимя указывает на компетентность, — сказал Ник.

— Ну, ты действительно компетентен, — согласилась она. — Я имею в виду, что ты вытащил нас — меня — оттуда. Спасибо.

— Где ты собираешься провести следующие сорок восемь часов? — спросил Ник. — Пока он не остынет.

— У меня есть другая квартира; ею мы тоже пользуемся. Мы переправляем товар с одной квартиры на другую — на тот случай, если на нас будет выписан ОА-ордер. Обыск и арест, как тебе известно. Но они нас не подозревают. У родителей Дэнни куча денег и много разных связей; как-то раз, когда вокруг нас стала околачиваться ищейка, один высокий чин из ПДР, друг Дэннино папы, позвонил куда надо, чтобы от нас отстали. Это был единственный случай, когда у нас возникли проблемы.

— Не думаю, что тебе следует идти на эту квартиру, — сказал Ник.

— Это почему? Там все мои вещи.

— Отправляйся туда, где он тебя не найдет. Он может убить тебя. — Ник читал разные статьи об изменениях личности, которым подвергаются алкоголики. О том, сколько звериной ярости зачастую выплескивается наружу, о фактически патологической структуре личности, о быстро прогрессирующей мании и неистовой параноидальной подозрительности. Ну вот, теперь-то он сам столкнулся с этим, увидел алкоголика. И ему это не понравилось. Нет ничего удивительного в том, что власти признали это противозаконным — действительно противозаконным: если им удавалось изловить алкоголика, то обычно он на всю оставшуюся жизнь оказывался в психодидактическом рабочем лагере. Или пока он не был в состоянии нанять какого-нибудь крупного юриста, который в свою очередь мог бы оплатить дорогостоящее индивидуальное тестирование, ставящее целью доказать, что период пристрастия к алкоголю закончился. Но на самом деле он, конечно, никогда не заканчивался. Одержимый алкоголем оставался таковым навсегда — несмотря на операцию Плтта на промежуточном мозге, области мозга, контролирующей оральные потребности.

— Если он будет меня убивать, — сказала Чарли, — то и я убью его. А вообще-то он напуган куда больше меня. У него куча всяких страхов; почти все, что он делает, делается от страха — или, я бы сказала, в панике. Он все время находится в какой-то истерической панике.

— А что, если бы он не пил?

— Он все равно был бы напуган; потому и пьет... Но не впадает в бешенство, пока не напьется; он просто хочет куда-нибудь убежать и спрятаться. Но этого он не может сделать — потому что думает, что люди наблюдают за ним и понимают, что он торговец, — и тогда он пьет; потом все это и происходит.

— Но ведь когда он пьет, — сказал Ник, — он привлекает к себе внимание; а это как раз и есть то, чего он пытается избежать. Разве не так?

— Может быть, и нет. Может быть, он хочет, чтобы его поймали. Он ведь и палец о палец не ударил, чтобы чем-нибудь заняться до того, как начал торговать книжками, брошюрами и микрокассетами; его всегда обеспечивала семья. А теперь он пользуется доверчи... — как это говорится?

— Доверчивостью, — подсказал Ник.

— Это значит — когда ты хочешь верить?

— Да. — Смысл был примерно тот.

— Ну вот, он пользуется доверчивостью людей, поскольку они — очень многие из них — слепо верят в Провони, понимаешь? В то, что он вернется. Во всю эту лажу, которую ты в избытке найдешь у Кордона.

Ник недоверчиво спросил:

— Ты хочешь сказать, что вы — те, кто торгует произведениями Кордона, те, кто продает их...

— Мы не обязаны в это верить. Разве тот, кто продает кому-нибудь бутылку спиртного, обязательно сам должен быть алкоголиком?

Эта логика, во всей своей строгости, поразила его.

— Значит, это только из-за денег, — заключил он. — Вероятно, ты и не читала, что там, в этих брошюрах; ты знаешь их только по названиям. Как служащий на торговом складе.

— Кое-что я читала. — Она повернулась к нему, по-прежнему потирая лоб. — О Господи, у меня разболелась голова. У тебя дома нет чего-нибудь вроде дарвона или кодеина?

Глава 7

— Нет, — ответил он, внезапно ощутив тревожную неловкость. «Она хочет остаться со мной, — подумал он, — на ближайшие пару суток». — Послушай, — предложил он, — давай я отвезу тебя в мотель — любой, случайно выбранный. Дэнни там ни за что тебя не найдет; а я оплачу две ночи.

— Проклятье, — сказала Чарли, — там у них есть этот главный регистратор местонахождения и контрольный центр, которые фиксируют имя каждого, кто занимает номер в любом отеле или мотеле Северной Америки; за два юкса Дэнни может узнать это с помощью обычного телефонного звонка.

— Мы используем чужое имя, — настаивал Ник.

— Нет. — Она покачала головой.

— Но почему? — Его неловкость все нарастала; внезапно он почувствовал, что она прилипает к нему, как наклейка, — он никак не мог оторвать ее от себя.

— Я не хочу оставаться одна, — ответила Чарли, — потому что если он действительно найдет меня одну в номере какого-нибудь мотеля, то он точно вышибет из меня дух — не так, как ты видел, а по-настоящему. Я должна быть с кем-то; надо, чтобы рядом были люди, которые...

— Я не смог бы остановить его, — честно признался Ник. Даже Дзета, со всей его силищей, не смог задержать Дэнни дольше, чем на какие-то секунды.

— Он не станет с тобой драться. Просто он не захочет, чтобы кто бы то ни было посторонний видел, что он со мной будет делать. Хотя... — Она сделала паузу. — Мне бы не следовало тебя впутывать. Это нечестно по отношению к тебе. Представь, что у тебя дома разгорелась бы драка и нас всех повинтило бы ПДР, а потом они нашли бы у тебя брошюру, которую ты получил от нас... Наказание тебе известно.

— Я выброшу ее, — сказал он. — Теперь же. — Он опустил боковое стекло скиба и полез во внутренний карман за маленькой книжицей.

— Значит, Эрик Кордон идет на втором месте, — равнодушным тоном, без осуждения, сказала Чарли. — А на первом месте идет защита меня от Дэнни. Разве это не странно? Оч-чень странно!

— Конкретный человек важнее теоретических...

— Тебя еще не поймали на крючок, мой сладенький. Ты еще не читал Кордона; когда прочтешь, будешь думать по-другому. Хотя в моей сумочке все равно есть еще две брошюры — так что ничего не изменится.

— Выбрось их.

— Нет, — ответила Чарли.

«Да, — подумал он, — товар нашел своего любителя. Она не выбросит эти брошюры и не позволит мне оставить ее в мотеле. Что же мне теперь делать? Просто крутиться в этом проклятом внутригородском движении, пока не кончится горючее? Но и в этом случае все время существует опасность, что тот «Шеллингберг-8» снова покажется, и с нами тут же будет покончено: вероятно, он протаранит нас и прикончит всех заодно. Если только из головы Дэнни еще не выветрился алкоголь».

— Я женат, — откровенно сказал он. — И у меня есть ребенок. Я не могу сделать ничего такого, что...

— Ты уже это сделал. Когда позволил Дзете узнать, что тебе нужна брошюра; ты ввязался в игру в то мгновение, когда вы с Дзетой постучали в дверь нашей квартиры.

— Даже раньше, — кивая, согласился Ник; это была правда.

«Так скоро, — подумал он. — Не успел и глазом моргнуть, как уже взял на себя обязательства». Впрочем, все это накапливалось долго и постепенно. То сообщение о предполагаемой казни Кордона — именно оно — привело его к решению, и с того мгновения Клео и Бобби оказались в опасности.

С другой стороны, ПДР только что проверило его, использовав в качестве приманки Дарби Шира. И Ник — вместе с Клео — прошел

это испытание. Итак, если принимать во внимание статистическую вероятность, у него был хороший шанс в ближайшее время не попасть под проверку.

Но он не мог обманывать себя. «Вероятно, они следят за Дзетой, — подумал он. — И об этих двух квартирах они знают. Они вообще знают все, что им нужно; вопрос только в том, когда они пожелают сделать свой ход».

В этом случае действительно было уже слишком поздно. Он мог бы идти и до конца — позволить Чарли остаться с ним и Клео на пару суток. Кушетка в гостиной вполне могла стать койкой; друзья иногда оставались у них ночевать.

Однако эта ситуация резко отличалась от других случаев.

— Ты можешь остаться у нас с женой дома, — решился он, — если только избавишься от тех брошюр, что у тебя в сумочке. Тебе не обязательно их уничтожать — разве ты не можешь просто бросить их в каком-нибудь месте, которое тебе знакомо?

Чарли, не ответив, достала одну из брошюр, перелистала страницы, а затем прочитала вслух:

— «Мера человека — не в его интеллекте. Она и не в том, как высоко он забрался в этом уродливом обществе по служебной лестнице. Мера человека заключается вот в чем: как скоро он может откликнуться на призыв своего собрата о помощи? И какую частицу себя сможет он отдать? Ибо, жертвуя по-настоящему, ничего не получаешь взамен — или, во всяком случае...»

— Ну, нет; когда жертвуешь, то что-то и получаешь взамен, — возразил Ник. — Ты что-то кому-то жертвуешь, а потом он возвращает тебе услугу, жертвуя что-нибудь взамен. Это же очевидно.

— Это не жертва, а сделка. Послушай-ка вот это: «Бог учит нас...»

— Бог умер, — перебил Ник. — Его останки были найдены в 2019 году. Они плавали в космосе неподалеку от Альфы Центавра.

— Там были обнаружены останки какого-то организма, в несколько тысяч раз более совершенного, чем мы, — сказала Чарли. — И он наверняка мог создавать пригодные для обитания миры и заселять их другими живыми организмами, сотворенными по своему образу и подобию. Но это не доказывает, что он был Богом.

— Я думаю, это и был Бог.

— Давай я останусь у тебя на эту ночь, — сказала Чарли, — а может быть, если будет необходимо, — только если это действительно будет необходимо — и на следующую. Ладно? — Она взглянула на него снизу вверх, яркая ее улыбка купалась в лучах невинности. Словно она, как маленькая киска, просила только блюдечко молока — и ничего больше. — Не бойся Дэнни — он тебе ничего не сделает. Если он кого-нибудь и побьет, то только меня. Но вряд ли он исхитрится найти твою квартиру — куда ему. Он не знает твоего имени; он не знает...

— Он знает, что я работаю на Дзету.

— Дзета не боится его. Дзета может из него котлету сделать...

— Ты сама себе противоречишь, — сказал Ник; или так ему, по крайней мере, показалось. Возможно, на него все еще действовал алкоголь. Он задумался: когда же все это выветрится? Через час? Через два? Так или иначе, скибом он, по всей видимости, управлял нормально — пока еще ни один офидант ПДР не остановил его и не сцепился с ним буксировочным лучом.

— Ты боишься, что скажет твоя жена, — сказала Чарли. — Если ты приведешь меня домой. Ей много чего придет в голову.

— Ну да, и это тоже, — ответил он. — А еще тот закон, который называется «Изнасилование несовершеннолетней». Тебе ведь нет еще двадцати одного, да?

— Мне шестнадцать.

— Тогда, как видишь...

— Ладно, — беспечно сказала она. — Приземляйся и высади меня.

— А деньги у тебя есть? — спросил он.

— Нет.

— Но ты справишься?

— Да. Я всегда могу справиться. — Она говорила безо всякой злости; казалось, она не обвиняет его за нерешительность.

«Возможно, что-то похожее происходило между ними и раньше, — задумался он. — И другие, подобно мне, были в это втянуты. С самыми благими намерениями».

— Я скажу тебе, что может с тобой произойти, если ты возьмешь меня к себе домой, — сказала Чарли. — Тебя могут свинтить за хранение кордонитского материала. Тебя могут свинтить за изнасилование несовершеннолетней. Твоя жена — которая тоже будет арестована за хранение кордонитского материала — бросит тебя, и так никогда и не поймет и не простит тебя. И все же ты не можешь так просто оставить меня, потому что я девушка и мне некуда пойти...

— К друзьям, — перебил Ник. — У тебя должны быть друзья, к кому бы ты могла пойти. — «Или они слишком боятся Дэнни?» — задумался он. — Ты права, — чуть погодя сказал он. — Я не могу так просто оставить тебя.

«Похищение, — подумал он. — Меня вполне могли бы обвинить и в этом, если только Дэнни собирается обратиться в ПДР». Впрочем, Дэнни не мог, не должен был этого сделать, поскольку тогда он автоматически был бы задержан как распространитель кордонитского материала. Он не мог на это отважиться.

— Странная ты девчонка, — сказал он Чарли. — С одной стороны — сама наивность, а с другой — упряма, как складская крыса. — «Может быть, торговля нелегальной литературой сделала ее такой? — задумался он. — Или это получилось по-другому... она уже выросла твердой и упрямой — потому и стала тяготеть к этому занятию». Он взглянул на нее, внимательно изучая ее одежду. «Она слишком хорошо одета, — подумал

он, — все это дорогие шмотки. Может быть, она жадная до вещей — тогда это способ заработать достаточно юксов, чтобы удовлетворить свою жадность. Для нее это одежда. А для Дэнни — «Шеллингберг-8». Без этого они были бы обычными подростками — из тех, что ходят в школу в джинсах и просторных свитерах. Зло — подумал он, — на службе у добра». Впрочем, точно ли писания Кордона были добром? Раньше он никогда не видел подлинной брошюры Кордона; теперь она у него, похоже, оказалась, и он мог сам прочитать ее и поразмыслить. «И оставить Чарли с собой, если это окажется добром? — задумался он. — А если нет — то швырнуть ее этим волкам — Дэнни и патрульным машинам, в которых сидят постоянно прислушивающиеся телепатические Аномалы».

— Я — сама жизнь, — сказала девушка.

— Что? — ошеломленно переспросил Ник.

— Для тебя я — сама жизнь. Сколько там тебе, тридцать восемь? Сорок? Что же ты узнал? Сделал ли ты хоть что-нибудь? Смотри на меня, смотри. Я — сама жизнь, и пока я с тобой, часть ее переходит тебе. Теперь ты не чувствуешь себя таким старым, правда ведь? Теперь, когда я сижу рядом в этом скибе.

— Мне тридцать четыре, — сказал Ник, — и я совсем не чувствую себя старым. Кстати говоря, пока я сижу здесь с тобой, я чувствую себя старше, а не моложе. И ничего мне не переходит.

— Перейдет, — сказала она.

— Ты знаешь это по опыту, — произнес Ник. — Со старшими мужчинами. До меня.

Открыв сумочку, она достала оттуда зеркальце и пудреницу; она стала проводить аккуратные полосы от глаз, по щекам и к подбородку.

— Ты используешь слишком много косметики, — заметил он.

— Чудесно, ты еще назови меня шлюхой за два юкса.

— Что? — переспросил он, уставившись на нее; его внимание было мгновенно отключено от утреннего движения.

— Ничего, — ответила она. Потом закрыла пудреницу и положила ее вместе с зеркальцем обратно в сумочку. — Не хочешь ли выпить спиртного? — спросила она. — У нас с Дэнни куча знакомых торговцев. Я могла бы даже раздобыть тебе бутылку — как его там? — шотландского виски.

— Сделанного Бог знает где, на каком-нибудь с неба свалившемся самогонном аппарате, — подхватил Ник.

Ее охватил безудержный смех; она сидела, склонив голову и закрывая рукой глаза.

— Представляю себе, как самогонный аппарат машет крыльями в ночном небе, направляясь к новому месту расположения. Где его не отыщет ПДР. — Она продолжала смеяться, сжимая голову так, словно этот образ отказывался ее покинуть.

— От алкоголя можно ослепнуть, — сказал Ник.

— Ерунда. Слепнут от древесного спирта.

— А ты уверена, что различишь их?

— А как можно вообще быть в чем-то уверенным? Дэнни в любой момент может поймать нас и прикончить; то же самое может сделать и ПДР... но это просто не очень вероятно, и ты должен следовать тому, что вероятно, а не тому, что возможно. Возможно все, что угодно. — Она улыбнулась ему. — Но ведь это и хорошо, понимаешь? Это значит, что всегда можно надеяться; так говорит он, Кордон, — это я помню. Кордон без конца это повторяет. На самом деле у него есть не так уж много, что сказать, но это я помню. Мы с тобой можем полюбить друг друга; ты можешь уйти от своей жены, а я — от Дэнни; тогда он совсем свихнется — запьет мертвую — и прикончит нас всех, а потом себя. — Она засмеялась, ее светлые глазки заиграли. — Но разве это не здорово? Разве ты не понимаешь, как это здорово?

Он не понимал.

— Ничего, поймешь, — посочувствовала Чарли. — А пока что не отвлекай меня минут десять — я должна придумать, что скажу твоей жене.

— Я сам скажу ей, — заявил Ник.

— Ты все испортишь. Это сделаю я. — Она зажмурила глаза, сосредоточиваясь. Он продолжал вести скиб, направляясь уже в сторону своей квартиры.

Глава 8

Фред Хафф, личный секретарь директора ПДР Барнса, положил на стол своего начальника какой-то список и сказал:

— Прошу прощения, господин директор, но вы давали указание делать ежедневный отчет о квартире 3XX24J — он перед вами. Мы использовали контрольные пленки с записями голосов, чтобы опознать тех, кто туда заходил. Сегодня там было только одно лицо — я имею в виду, одно новое лицо. Некий Николас Эпплтон.

— Звучит не очень громко, — заметил Барнс.

— Мы прогнали это через компьютер — тот, что мы взяли внаем у Вайомингского университета. Он представил интересную экстраполяцию, поскольку там имелись все предварительные данные на этого Николаса Эпплтона — его возраст, занятия, происхождение, семейное положение, имеет ли детей, привлекался ли...

— Прежде он ни в какой форме не нарушал закон.

— Вы хотите сказать, что его ни разу не ловили. Мы и это выяснили у компьютера. Какова вероятность того, что этот конкретный человек умышленно нарушит закон — на уровне уголовного преступления? Компьютер ответил: «Вероятно, нет, не нарушит».

— Но он сделал это, когда пришел в 3XX24J, — язвительно проговорил Барнс.

— Это факт; отсюда и прогностическое заключение компьютера. Исходя из этого и других сходных с ним случаев, происшедших за последние несколько часов, компьютер заявляет, что сообщение о готовящейся казни Кордона уже пополнило ряды кордонитского подполья на сорок процентов.

— Чушь, — отозвался директор Барнс.

— Таковы статистические данные.

— Вы имеете в виду, что они примкнули в знак протеста? Открыто?

— Нет, не открыто. Но в знак протеста.

— Запросите компьютер, какова будет реакция на объявление о смерти Кордона.

— Он не может ответить. Данных недостаточно. Впрочем, он это просчитал, но есть столько возможных вариантов, что фактически это ни о чем не говорит. Десять процентов: массовое восстание. Пятнадцать процентов: отказ поверить тому, что...

— Что имеет наивысшую вероятность?

— Вера в то, что Кордон мертв, а Провони — еще нет, в то, что он жив и вернется. Даже без Кордона. Следует помнить, что тысячи — подлинных или поддельных — произведений Кордона все время продолжают циркулировать по всей Земле. Его смерть не сможет положить этому конец. Вспомните Че Гевару — знаменитого революционера двадцатого века. Даже после его смерти оставленный им дневник...

— Или Иисуса Христа, — перебил Барнс. Придя в некоторое уныние, он стал размышлять. — Убейте Христа — и получите Новый Завет. Убейте Че Гевару — и получите его дневник — книгу наставлений о том, как достичь власти над всем миром. Убейте Кордона...

На столе Барнса загудел зуммер.

— Слушаю, господин Председатель Совета, — сказал Барнс в переговорник. — Офидант Нойес у меня. — Он кивнул ей, и она встала из-за стола, отодвинув обитый кожей стул. — Мы сейчас будем. — Он жестом предложил ей следовать за ним, ощущая к ней в то же время стойкую неприязнь.

Он вообще не любил женщин, работающих в полиции, а в особенности тех, которые носили униформу. Женщина, как он давно уже для себя решил, не должна носить униформу. Женщины-осведомительницы не раздражали его, поскольку им ни в коей мере не приходилось отказываться от своей женственности. Офидант полиции Нойес была беспола — по-настоящему, физиологически. Она подверглась операции Снайдера — так что и официально, и фактически она не была женщиной; она не имела соответствующих половых органов, грудей; ее бедра были узки, как у мужчины, а лицо — непроницаемо и безжалостно.

— Только подумай, — обратился к ней Барнс, когда они прошли по коридору — мимо двойных рядов вооруженной полицейской охраны — и оказались перед искусно отделанной массивной дубовой дверью Уиллиса Грэма, — как было бы славно, если бы ты в конце концов сумела

обнаружить что-нибудь на Ирму Грэм. Очень жаль. — Он слегка подтолкнул ее, когда дверь растворилась, и они вошли в спальню-канцелярию Грэма. Весь заваленный различными разделами «Таймс», Грэм лежал на своей громадной кровати с хитроватым выражением на лице.

— Господин Председатель Совета, — обратился к нему Барнс, — это офидант Алиса Нойес, специально занимавшаяся получением материалов, касающихся морального облика вашей жены.

— Я уже видел вас раньше, — сказал ей Грэм.

— Совершенно верно, господин Председатель Совета, — кивнула Алиса Нойес.

Грэм спокойно произнес:

— Нужно, чтобы моя жена была убита Эриком Кордоном во время прямой трансляции всемирного телевизионного канала.

Барнс воззрился на него. Грэм совершенно невозмутимо встретил его взгляд; в выражении его лица по-прежнему бросалась в глаза какая-то хитринка.

После некоторой паузы Алиса Нойес заметила:

— Ее, безусловно, будет очень легко прикончить. Какое-нибудь роковое столкновение скибов во время одной из нее поездок за покупками в Европу или Азию, которые она постоянно предпринимает. Но чтобы Эрик Кордон...

— Это необходимое условие, — заявил Грэм.

После еще одной паузы Алиса Нойес поинтересовалась:

— Прошу прощения, господин Председатель Совета, но предполагается, что мы сами должны разработать этот проект, или у вас есть какие-либо идеи по поводу того, как мы могли или должны были бы действовать. Чем больше вы смогли бы сказать нам, тем выгоднее было бы наше положение в смысле действия — вплоть до практического исполнения.

Грэм пристально посмотрел на нее.

— Короче говоря, вы хотели сказать, что я знаю, как это выполнить?

— Я также нахожусь в затруднении, — подключился к разговору директор Барнс. — Прежде всего я пытаюсь представить себе то воздействие, которое будет оказано на обычных граждан, если Кордон сделает что-то подобное.

— Тогда они поймут, что вся эта любовь, жертвенность, взаимопомощь, сопереживание и сотрудничество Старых Людей, Новых Людей и Аномалов... Они поймут, что все это была одна высокопарная болтовня. А я избавлюсь от Ирмы. Не забывайте про эту сторону дела, директор; не забывайте про эту сторону.

— А я и не забываю про эту сторону дела, — сказал Барнс, — но я по-прежнему не представляю, как это можно выполнить.

— На казни Кордона, — сказал Грэм, — будут присутствовать все высшие чины правительства, а также их жены — включая мою жену.

Кордона приведут человек десять из вооруженной полицейской охраны. Телевизионные камеры будут все это показывать — не забывайте об этом. Затем, совершенно неожиданно, просто по какой-то случайности, Кордон выхватывает у официанта ручное оружие, метит в меня, но промахивается и приканчивает Ирму, которая, разумеется, будет сидеть рядом со мной.

— Боже милостивый, — с трудом вымолвил директор Барнс; ему показалось, что какая-то чудовищная тяжесть нависла над ним. — Предполагается, что нам придется изменить мозг Кордона так, что он вынужден будет это сделать? Или мы просто предложим ему, если он только...

— Кордона мы к тому времени уже прикончим, — сообщил Грэм. — Самое позднее — за день до этого.

— Тогда как...

— Его мозг, — объяснил Грэм, — будет заменен синтетическим нейроконтролируемым туфтонгом, который направит Кордона — вернее, этот предмет — на те действия, которые будут для нас желательны. Это довольно несложно. Мы поручим Эймосу Айлду провести эту операцию.

— Тому самому Новому Человеку, который создает Большое Ухо? — переспросил Барнс. — Вы намерены предложить ему помочь вам проделать это?

— Примерно так, — ответил Грэм. — Если он откажется, я прекращу всякое финансирование проекта создания Большого Уха. И мы найдем какого-нибудь другого Нового Человека, способного выскрести мозг Кордона... — Он вдруг замолчал, поскольку Алису Нойес передернуло. — Простите. Удалить его мозг, если это вас больше устраивает. По-моему — так одно и то же. Ну, что вы на это скажете, Барнс? Разве это не превосходно? — Он сделал паузу. Ответом было молчание. — Ответьте же.

— Это наверняка бы способствовало, — осторожно проговорил Барнс, — дискредитации движения Низших Людей. Однако риск слишком велик. Этот риск перевешивает предполагаемую выгоду; вам следует взглянуть на это дело именно под таким углом... Принимая во внимание все соответствующие аспекты.

— А в чем риск?

— Во-первых, вам придется вовлечь в это Нового Человека высшего уровня — а это сделает вас зависимым от них, что для вас совершенно нежелательно. И потом, эти лабораторные синтетические мозги, которые они делают в своих исследовательских центрах... Они ненадежны. Оно может взбеситься и перестрелять всех, включая вас. У меня нет ни малейшего желания быть там, когда эта тварь завладеет оружием и начнет выполнять свою программу; ради сохранности своей жизни я предпочел бы оказаться как можно дальше оттуда.

— Так, значит, эта идея вам не нравится? — спросил Грэм.

— Можете истолковать мои слова именно так, — ответил Барнс, пылая негодованием. Что, разумеется, не ускользнуло от Грэма.

— А вы что думаете, Нойес? — спросил Грэм у женщины-полицейского.

— Я думаю, — ответила Нойес, — что это самый сказочно бесподобный план, с каким мне когда-либо приходилось сталкиваться.

— Видите? — сказал Барнсу Грэм.

— И когда же вы пришли к такому заключению? — полюбопытствовал Барнс. — Ведь только что, когда господин Председатель Совета говорил о...

— Там был просто вопрос выбора слов — вся эта сумятица с выскребыванием, — ответила Нойес. — Однако теперь я вижу проблему в перспективе.

— Это лучшая идея из всех, какие когда-либо приходили ко мне за все годы, проведенные мной на Государственной службе и на этом высшем посту, — гордо заявил Грэм.

— Возможно, и так, — устало согласился Барнс. — Может быть, она именно такова. — «Что, — подумал он, — очень точно тебя характеризует».

Поймав мысль Барнса, Грэм нахмурился.

— Просто мимолетная, случайная мысль, — тут же сказал Барнс. — Сомнение, которое, уверен, очень скоро рассеется. — На какое-то мгновение он забыл о телепатической способности Грэма. Впрочем, даже если бы он и помнил, от этой мысли он бы никуда не делся.

— Совершенно верно, — кивнул Грэм, уловив и это. — А не хотите ли вы уйти в отставку, Барнс? — спросил он. — И оградить себя от этого дела?

— Никак нет, сэр, — почтительно ответил Барнс.

— Ладно, — кивнул Грэм. — Тогда как можно скорее свяжитесь с Эймосом Айлдом, удостоверьтесь в том, что он воспринимает это как государственную тайну, и предложите ему начать изготовление искусственного аналога мозга Кордона. Пусть будут сняты все необходимые энцефалограммы — или как это называется, с чем они там носятся...

— Энцефалограммы, — кивнув, подтвердил Барнс. — Полное, всеобъемлющее исследование сознания Кордона — мозга, во всяком случае.

— Вам не следует забывать о том образе, — напомнил Грэм, — в котором Ирма предстает для общества. Мы-то знаем, какова она в действительности, но они думают о ней как о доброй, щедрой, милостивой благодетельнице, спонсирующей благотворительные общества и коммунальные работы по общему украшению — например, устройству плавающих в небе садов. Хотя нам известно...

— Значит, — прервал его Барнс, — общественность будет думать, что Кордон убил прелестное безобидное создание. Совершил чудовищное преступление — даже с точки зрения Низших Людей. Все обрадуются, когда Кордон будет «убит» сразу же после своего зверского, бесчувственного поступка. Но это в том случае, если мозг Айлда достаточно хорош, чтобы одурачить Аномалов — телепатов. — Сам он тут

же представил, как синтетический мозг рикошетом ведет Кордона по всей арене казни, и тот сотнями косит людей.

— Нет, — откликнулся Грэм, снова ухватив его мысли. — Мы сразу же его пристрелим. Здесь нет никакой возможности лопухнуться. Шестнадцать вооруженных мужчин, все превосходные стрелки... Они мгновенно прикончат его.

— Мгновенно, — холодно повторил Барнс, — после того, как он умудрится поразить одного конкретного человека из тысячной толпы. Он бы должен быть чертовски хорошим стрелком.

— Но ведь все будут думать, что он метил в меня, — напомнил Грэм. — И я буду сидеть в первом ряду... А Ирма — рядом со мной.

— В любом случае его наверняка не удастся уложить «мгновенно», — заметил Барнс. — Секунда-другая обязательно пройдет, пока он будет стрелять. А если он чуть-чуть смажет — ведь вы-то будете сидеть рядом с ней.

— Гм, — задумался Грэм, покусывая губы.

— Промах в несколько дюймов, — продолжал Барнс, — и убиты будете вы, а не Ирма. Я считаю, что попытка соединить ваши проблемы с Кордоном и Низшими Людьми и ваши проблемы с Ирмой, сведя все к одному большому театральному и красочному финалу, слегка... — Он задумался. — Для этого есть какое-то греческое слово.

— Terpsichore, — подсказал Грэм.

— Нет, — ответил Барнс. — Hubris. Пытающийся достичь слишком многого; заходящий слишком далеко.

— Я по-прежнему согласна с господином Председателем Совета, — отрывистым, холодно-малиновым тоном заявила Алиса Нойес. — Вероятно, это очень смелое решение. Но оно разрешает сразу столько проблем. Человек, находящийся у руля власти, — такой, как господин Председатель Совета, — должен быть способен принять именно такое решение, постараться использовать отчаянные меры для поддержания функционирования всей системы. Одним этим шагом...

— Я подаю в отставку с поста директора полиции, — вдруг проронил Барнс.

— Почему? — удивился Грэм; до этого в голове Барнса не мелькнуло ни одной отчетливой мысли, которая предупредила бы Грэма, — решение, по сути, взялось ниоткуда.

— Потому что это будет, скорее всего, означать вашу смерть, — ответил Барнс. — Потому что Эймос Айлд запрограммирует его убить вас, а не Ирму.

— У меня есть кое-какая идея, — сказала Алиса Нойес. — Когда Кордона поведут к центру арены, Ирма Грэм спустится туда со своего места с белой розой в руке. Она протянет ее Кордону, а тот в это мгновение выхватит оружие у зазевавшегося охранника и пристрелит ее. — Она неприятно улыбнулась, ее обычно тусклые глаза сверка-

ли. — Это должно навсегда сокрушить их. Такой зверский и бесчувственный акт — только сумасшедший убил бы женщину, несущую ему белую розу.

— Почему белую? — спросил Барнс.

— Что — «почему белую»? — переспросила Нойес.

— Да розу эту, розу, будь она проклята!

— Потому что это символ невинности, — ответила Нойес.

Уиллис Грэм, все еще хмурясь и покусывая губы, сказал:

— Нет, так не пойдет. Должно казаться, что он хочет убить меня, поскольку для этого у него есть свои мотивы. А какие у него могут быть мотивы убивать Ирму?

— Убить ту, кого вы любите больше всех.

Барнс рассмеялся.

— Что смешного? — поинтересовался Грэм.

— Может быть, это и сойдет, — ответил Барнс. — Это и есть самое смешное. А еще: «Убить ту, кого вы любите больше всех». Позвольте цитировать вас, Нойес? Образцовое предложение, которое должны заучить все школьники; пример для грамматического разбора.

— Академистика, — огрызнулась Нойес.

Грэм, с побагровевшим лицом, прорычал Барнсу:

— Мне нет дела до ее грамматики. Мне нет дела до моей грамматики. Мне нет дела вообще до чьей-либо грамматики. Мне есть дело только до того, что это хороший план и что она с ним согласна, а вы к настоящему моменту уже подали в отставку. Поэтому в дальнейшем права голоса по этому вопросу у вас не будет... Во всяком случае, если я решу удовлетворить вашу просьбу. Мне придется об этом подумать. Как-нибудь я вам скажу; вы можете подождать. — К этому моменту, пока он критическим взглядом окидывал все дело, голос его превратился в какое-то отстраненное бормотание. И вдруг он взглянул на Барнса и сказал: — У вас странное настроение. Обычно вы поддерживаете все, что я предлагаю. Что вас так задело?

— 3XX24J, — ответил Барнс.

— Это еще что?

— Пробная квартира Низших Людей, за которой мы установили наблюдение. Мы проделывали на вайомингском компьютере статистический анализ, связанный с характеристиками тех, кто туда заходит.

— И вы просто получили известия, которые вам не нравятся.

— Я получил совсем немного известий, — сказал Барнс. — Самый обычный гражданин, услышав, очевидно, что Кордона собираются казнить, сразу же вступил на путь борьбы. Один из тех, кстати говоря, кого мы только что проверили. Компьютеру это совсем не понравилось. Такой перепад, такое колебание лояльности — и за столь короткое время... Возможно, объявление о казни Кордона было ошибкой — той ошибкой, которую мы еще можем исправить. «Судьи» могут снова изменить свое

мнение. — Не меняя выражения лица, он ехидно добавил: — Господин Председатель Совета, я предлагаю немного изменить ваш план. Пусть оружие Кордона, как и он сам, будет фальшивым. Он целится и «стреляет» — а в это же самое мгновение спрятанный где-нибудь неподалеку от Ирмы снайпер делает настоящий выстрел. В этом случае шансы поразить вас будут практически сведены к нулю.

— Хорошая мысль, — кивнул Грэм.

— Вы отнесетесь к такому предложению серьезно? — спросил Барнс.

— Это хорошее предложение. Оно устраняет тот элемент, о котором вы упоминали, а именно...

— Вы должны отделить вашу общественную жизнь от личной, — сказал Барнс. — А у вас они перемешаны.

— И я вам кое-что еще скажу, — произнес Грэм, по-прежнему багровый и хриплый. — Этот юрист Денфельд... Мне нужно, чтобы в его квартиру были подброшены какие-нибудь книжки и брошюры Кордона — а затем я желаю видеть скандал, который разразится, когда его поймают с поличным. И мы упакуем его в Брайтфортскую тюрьму, к Кордону. Чтобы они там друг с другом поговорили.

— Денфельд может рассказать, — заметила Алиса Нойес. — А Кордон может все это записать. А остальные заключенные могут это прочесть.

— Я думаю, — заявил Грэм, — что способность разом решать мои общественные и личные проблемы — это подлинное проявление моей врожденной гениальности; это соответствует принципы «бритвы Оккама», если вы понимаете, о чем я говорю. Вы понимаете, о чем я говорю?

Ни Барнс, ни Нойес не ответили. Барнс задумался о том, как бы забрать назад свою просьбу об отставке — сделанную поспешно и без внимания к тому, что сулит ему будущее. И, думая об этом, он понял, что Уиллис Грэм, как всегда, к нему прислушивается.

— Не беспокойтесь, — сказал Грэм. — Вам нет нужды уходить в отставку. А знаете, мне действительно понравился этот прием со снайпером, помещенным неподалеку от нас с Ирмой, который будет готов прикончить ее, когда Кордон выпалит из своего поддельного оружия. Да, меня это привлекает; спасибо вам за ценный вклад.

— К вашим услугам, — ответил Барнс и подавил в себе неприязнь и мгновенно взбурлившие мысли.

— Меня не волнует, — сказал Грэм, — что вы думаете. Меня волнует только то, что вы делаете. Можете чувствовать какую угодно вражду — это не имеет значения до тех пор, пока вы уделяете моему проекту полное и пристальное внимание. Мне нужно, чтобы это было сделано поскорее... Кордон может умереть и без нас — или еще там что-нибудь. Нам нужно как-то назвать этот проект. Придумать кодовое название. Так как мы его назовем?

— Варавва, — сказал Барнс.

— Я не уловил смысла, но название мне нравится, — отметил Грэм. — Прекрасно, отныне проект будет называться «операция Ва-

равва». На это название мы обязательно будем ссылаться как при письменном, так и при устном обмене информацией.

— Варавва, — повторила Алиса Нойес. — Там была какая-то ситуация, где из двух человек казнили не того.

— Ого, — сказал Грэм. — Что же, для меня это по-прежнему звучит неплохо. — Он раздраженно потеребил нижнюю губу. — А как звали того человека, который был казнен без вины?

— Иисус из Назарета, — ответил Барнс.

— Вы что, проводите аналогию? — вопросил Грэм. — Этот Кордон похож на Христа?

— Дело уже сделано, — сказал Барнс. — Во всяком случае, позвольте мне еще кое-что отметить. Все произведения Кордона направлены против насилия и принуждения. Немыслимо, чтобы он попытался кого-то убить.

— В этом-то все и дело, — терпеливо объяснил Грэм. — Самая суть. Это дискредитирует все, что он написал. Я разоблачу его как лицемера; все его книжки и брошюры будут обесценены. Понимаете?

— Это аукнется, — сказал Барнс.

— Вам и в самом деле не нравятся мои способы решения проблем, — произнес Грэм, испытующе глядя на него.

— Я считаю, — сказал Барнс, — что в данном случае вы поступаете в высшей степени опрометчиво.

— Что это означает? — спросил Грэм.

— Недостаточно здраво.

— Вы хотите сказать, что я душевнобольной?

И тут директор Барнс сдался; он позволил своим тягостным мыслям взять верх и погрузился в молчание.

Никто, казалось, этого не заметил.

— Итак, мы приступаем к проекту «Варавва», — бодро произнес Грэм и улыбнулся широкой радостной улыбкой.

Глава 9

Услышав условленный стук, Клео Эпплтон открыла входную дверь. «Домой в середине дня? — удивилась она. — Должно быть, что-то случилось».

А затем она увидела рядом с мужем невысокую девушку лет под двадцать, хорошо одетую, заметно накрашенную, с белозубой улыбкой — словно Клео была ей давно знакома.

— Вы, должно быть, Клео, — сказала улыбающаяся девушка. — Очень рада видеть вас — особенно после того, что Ник о вас рассказал. — Они с Ником вошли в квартиру; девушка стала рассматривать обстановку, расцветку стен: все подмечая, она опытным взглядом оценивала декор. Клео от этого занервничала и почувствовала себя нелов-

ко... «Хотя все должно было быть наоборот. Кто же эта девушка?» — недоумевала она.

— Да, — кивнула Клео. — Я миссис Эпплтон.

Ник закрыл за ними дверь.

— Она прячется от своего парня, — сказал он жене. — Он попытался избить ее, а она убежала. Здесь он не сможет ее найти, потому что не знает, кто я и где живу, — так что здесь она в безопасности.

— Кофе? — спросила Клео.

— Кофе? — переспросил Ник.

— Я поставлю кофе, — сказала Клео. Она рассмотрела девушку и оценила ее привлекательность, даже несмотря на обилие косметики. И то, какая она была миниатюрная. «У этой девушки, наверное, возникали сложности с покупкой одежды такого маленького размера... Сложности, о которых я могла бы только мечтать», — подумала Клео.

— Меня зовут Шарлотта, — представилась девушка. Она уселась на кушетку в гостиной и стала расстегивать свои высокие сапожки. Широкая, уверенная улыбка так и не покидала ее лица; она смотрела снизу вверх на Клео чуть ли не с любовью. С любовью! К человеку, которого она видела первый раз в жизни.

— Я сказал ей, что она может у нас переночевать, — сообщил Ник.

— Хорошо, — отозвалась Клео. — Из кушетки можно сделать кровать. — Она зашла в отгороженную кухню и налила три чашки кофе. — Что тебе положить в кофе? — спросила она девушку.

— Пожалуйста, — сказала Шарлотта, легко поднимаясь и подходя к ней, — не стоит так уж обо мне беспокоиться. Мне ничего не нужно, кроме какого-то места, где я могла бы остаться на пару дней, — места, о котором не знает Дэнни. И мы оторвались от него, мы стряхнули его в том движении. Так что на самом деле нет никакой возможности для... — Она развела руками. — Какой-нибудь сцены. Я обещаю.

— Ты так и не сказала, что тебе положить в кофе.

— Ничего.

Клео передала ей чашку.

— Замечательный кофе, — похвалила Шарлотта.

С двумя чашками в руках Клео вернулась в гостиную, отдала Нику его чашку и устроилась на черном пластиковом стуле. Ник с девушкой сидели бок о бок на кушетке — словно на смежных сиденьях в кинотеатре.

— Вы, конечно, вызвали полицию? — спросила Клео.

— Полицию? — с недоуменным выражением на лице переспросила Шарлотта. — Нет, конечно нет. Он все время так делает; я просто убегаю и жду — я знаю, сколько это продлится. А затем возвращаюсь. Полицию? Чтобы они арестовали его? Он же умрет в тюрьме. Ему необходима свобода; он обязательно должен летать по большим открытым пространствам, очень быстро, в своем скибе, «Пурпурной

морской корове», как мы его зовем. — Затем она с серьезным видом отхлебнула кофе.

Клео задумалась. Ее чувства были смятенны и хаотичны. «Она какая-то странная, — подумала она. — Мы ее не знаем; мы даже не знаем, говорит ли она правду о своем приятеле. Может быть, тут что-то другое? Может быть, она скрывается от полиции? Но Нику она, похоже, нравится; похоже, он ей доверяет. А если она говорит правду, то мы просто обязаны позволить ей остаться. — И затем Клео подумала: — Она, без сомнения, прелестна. Может быть, Ник именно поэтому хочет, чтобы она осталась; возможно, у него к ней... — она подыскивала слово, — особый интерес? Если бы она не была так хороша собой, стал бы он приводить ее сюда, чтобы она осталась с нами? Но это не очень похоже на Ника. Разве что он сам не осознавал своих истинных чувств; он знал, что хочет помочь этой девушке, но сам толком не знал, почему. Наверное, мы должны рискнуть», — решила Клео.

— Мы будем очень рады, если ты останешься с нами столько, — сказала она вслух, — сколько тебе нужно.

Лицо Шарлотты при этом просто засияло от удовольствия.

— Я повешу твое пальто, — сказала Клео, когда девушка выскользнула из него — Ник галантно предложил ей свою помощь.

— Нет-нет, это совсем не нужно, — возразила Шарлотта.

— Если ты собираешься остаться здесь, — сказала Клео и взяла у Шарлотты пальто, — то тебе придется его повесить. — Она отнесла его к единственному платяному шкафу в квартире, открыла дверцу, потянулась за вешалкой — и заметила в одном из карманов пальто поспешно свернутую брошюру. — Кордонитская литература, — произнесла она вслух, вынув брошюру из кармана. — Ты Низший Человек.

Шарлотта перестала улыбаться; теперь она выглядела встревоженной — очевидно было, что мысли ее мечутся, пока она в спешке подыскивала слова для ответа.

— Значит, вся эта история насчет ее приятеля — ложь, — сказала Клео. — За ней гонятся сыщики — вот почему ты хочешь спрятать ее здесь. — Она вернула Шарлотте пальто и брошюру. — Ты не можешь здесь оставаться, — сказала она.

Ник пробормотал:

— Мне надо было бы предупредить тебя, но... — Он махнул рукой. — Я же знал, что именно так отреагируешь. И не ошибся.

— А насчет Дэнни — правда, — ровным, спокойным голосом произнесла Шарлотта. — Я прячусь именно от него. За мной не гонятся сыщики. А вы только что прошли выборочную проверку — Ник сказал мне. Эту квартиру теперь никто не станет проверять в ближайшие... черт возьми, месяцы. А может быть — и годы.

Клео стояла, протягивая Шарлотте пальто.

— Если она уйдет, — заявил Ник, — я уйду вместе с ней.

— На здоровье, — сказала Клео.

— Ты серьезно? — спросил Ник.

— Серьезно.

Шарлотта встала с кушетки.

— Я не собираюсь стоять между вами. Это нечестно... Я пойду. — Она повернулась к Нику. — Все равно спасибо, — сказала она. Затем она взяла у Клео свое пальто, накинула его и направилась к двери. — Я понимаю ваши чувства, Клео, — добавила она и улыбнулась своей яркой — но теперь крайне сдержанной — улыбкой. — Всего хорошего.

Ник быстро двинулся вслед за ней и, положив ей руку на плечо, остановил ее у двери.

— Нет, — сказала Шарлотта и с какой-то, казалось, необычной для женщины силой высвободилась. — Прощай, Ник. По крайней мере мы озадачили «Пурпурную морскую корову». Вот смех. Ты отличный пилот; много парней пытались стряхнуть скиб Дэнни с хвоста, но ты единственный, кому это и в самом деле удалось. — Она похлопала его по плечу и бодро вышла в коридор.

«Может быть, это и правда, насчет ее приятеля, — подумала Клео. — Может быть, он действительно пытался избить ее; возможно, нам следовало бы ее оставить. В любом случае. Даже несмотря на то... Но ведь они, — вспомнила она, — не предупредили меня: ни она, ни Ник. Что приравнивается ко лжи по оплошности. Я и представить себе не могла, — подумала она, — что Ник способен на такое. Ведь он поставил нас в опасное положение и даже не предупредил — я чисто случайно увидела ту брошюру у нее в кармане. Кроме того, — подумала она, — он действительно мог бы уйти с ней, как он заявляет. Тогда он точно должен быть как-то связан с ней, — догадалась она. — Ведь не могли они просто где-то столкнуться: никто не стал бы заходить так далеко, оказывая помощь совершенно чужому человеку... Разве что как в этом случае — чужой человек очарователен, миниатюрен и беспомощен. Да, таковы мужчины. У них в характере есть какая-то слабость, которая как раз и проявляется в подобных ситуациях. Они становятся неспособны думать и действовать разумно; они делают то, что им представляется «рыцарским». Не заботясь при этом ни о себе, ни, как здесь, о жене и ребенке».

— Ты можешь остаться, — сказала она Шарлотте, следуя за нею в коридор, где та с трудом пыталась снова натянуть свое пальто; Ник стоял в замешательстве, словно не мог больше следить за ситуацией — а значит, и участвовать в ней.

— Нет, — ответила Шарлотта. — Всего хорошего. — И она во весь дух полетела по коридору, словно пугливая птаха.

— Будь ты проклята! — бросил Клео Ник.

— Будь ты сам проклят, — огрызнулась Клео, — за то, что пытался протащить ее сюда, чтобы нас всех загребли. Будь ты проклят, что не предупредил меня.

— Я рассказал бы тебе при первой же возможности, — отозвался он.

— Не собираешься ли за ней? — спросила Клео. — Ты ведь сказал, что уйдешь.

Он уперся в нее взглядом, лицо его исказилось от гнева, а глаза сузились и наполнились тьмой.

— Ты обрекла ее на сорок лет трудового лагеря на Луне; она будет бродить по улицам, не имея ни денег, ни места, куда пойти, — в конце концов какая-нибудь патрульная машина остановится, и они допросят ее.

— Ничего, она девушка толковая — сумеет избавиться от этих брошюр, — сказала Клео.

— Они все равно заберут ее. Найдут за что.

— Тогда прояви настойчивость и убедись, что с ней все в порядке. Забудь о нас; забудь обо мне и о Бобби и беги посмотреть, не стряслось ли с ней чего. Вперед! Иди!

«Он так сжал зубы, — подумала она, — словно собирается меня ударить. Смотри-ка, чему он уже успел научиться от своей новой подружки — жестокости».

Однако он не ударил ее. Вместо этого он повернулся и бросился по коридору вслед за Шарлоттой.

— Ты подонок! — завопила ему вдогонку Клео, которую уже совершенно не заботило, что кто-нибудь из соседей может ее услышать. Затем, вернувшись в квартиру, она плотно прихлопнула дверь и задвинула ночную защелку — так что теперь Ник даже со своим ключом не смог бы ее открыть.

Ник и Чарли шли рука об руку в суматохе улицы со множеством магазинов — по переполненному тротуару — и молчали.

— Я разбила твой брак, — некоторое время спустя сказала Чарли.

— Ничего подобного, — возразил Ник. И это была правда; его появление в своей квартире с этой девушкой лишь вытолкнуло на поверхность то, что уже давно таилось в глубине. «Мы жили, трясясь от страха, — подумал он, — жизнью, полной ненужных забот и нелепых испугов. Боялись, что Бобби не пройдет тестирования; боялись полиции. А теперь — эту «Пурпурную морскую корову», — подумал он. — Все, что нам нужно, — заботиться о том, чтобы она не накрыла нас». Подумав об этом, он рассмеялся.

— Чего ты смеешься? — спросила Чарли.

— Я представил, как Дэнни бомбит нас на бреющем полете. Словно одна из тех старинных штук, что использовали во Второй мировой войне. И как все бросаются врассыпную, думая, что началась война с Северо-Западной Германией.

Так они гуляли рука об руку; каждый на некоторое время погрузился в собственные мысли. Затем Чарли неожиданно заявила:

— Ник, тебе совсем не обязательно со мной болтаться. Давай обрежем веревочку — ты вернешься к Клео; она будет рада тебя видеть. Я

знаю женщин — знаю, как они отходчивы; особенно, когда угроза — в данном случае, я — уже миновала. Идет?

Вероятно, это было и правильно, но он не ответил; он пока еще не выбрался из неразберихи своих мыслей. Что с ним сегодня в целом произошло? Он узнал, что его босс Эрл Дзета был Низшим Человеком; он составил Дзете компанию в выпивке спиртного; они отправились в квартиру Чарли — или Дэнни; там произошла драка, и он выбрался оттуда с Чарли, спасая ее, совершенно незнакомую ему девушку, при поддержке своего массивного, здоровенного босса.

А затем эта история с Клео.

— Ты уверена, что ПДР не знает про твою квартиру? — спросил он у Чарли. «Другими словами, — подумал он, — взят ли я уже на подозрение?»

— Мы очень осторожны, — ответила Чарли.

— В самом деле? Ты оставила в пальто брошюру — как раз чтобы Клео ее нашла. Это было не слишком предусмотрительно.

— Я была не в себе. После того, как мы удрали от «Пурпурной морской коровы». Обычно я никогда так не делаю.

— Они у тебя еще есть с собой? Может, в сумочке?

— Нет.

Он взял у нее сумочку и осмотрел ее. Действительно. Затем он на ходу обшарил карманы ее пальто. И в пальто нет. Впрочем, произведения Кордона распространялись и в виде микрофильмов; у нее вполне могло быть несколько штук с собой — если ее прихватят, то ребятки из ПДР обязательно их найдут.

«Думаю, мне не стоит ей доверять, — решил он. — После того случая с Клео. Ясно, что если это случилось с ней один раз... Возможно, — продолжал он размышлять, — сыщики следят за квартирой, контролируя ее каким-нибудь способом. Кто входит, кто выходит. Я вошел, я вышел. Значит, если дело обстоит именно так, я уже в списке. Так что уже слишком поздно возвращаться к Бобби и Клео».

— Ты что-то очень помрачнел, — беззаботным, радостным тоном обратилась к нему Чарли.

— Боже мой, Боже, — отозвался он, — я переступил черту.

— Да, ты Низший Человек.

— От этого кто угодно помрачнеет.

— Это должно наполнить тебя радостью, — возразила Чарли.

— Я не хочу отправиться в трудовой лагерь для интернированных на...

— Ник, но ведь все может закончиться и по-другому. Провони вернется, и все будет в порядке. — Сжимая его руку, она гордо вскинула голову и взглянула на него как-то по-птичьи. — Не унывай — держи хвост морковкой! Выгляди счастливым! И будь счастливым!

«Моя семья, — подумал он, — разрушена не без ее участия. Нам некуда пойти — в мотеле нас запросто найдут — и... Дзета, — вспомнил он. — Дзета может помочь мне. И ответственность в большой сте-

пени лежит на нем: именно с Дзеты начались все сегодняшние авантюры».

— Эй, — подмигнула ему Чарли, когда он потащил ее к педопереходу. — Куда это мы идем?

— На Единую главную стоянку подержанных скибов, — ответил Ник.

— А, ты хочешь сказать, к Эрлу Дзете. Он, может быть, все еще в квартире — воюет с Дэнни. Хотя нет — думаю, Дэнни должен был бы к этому времени выбраться оттуда; по крайней мере, мы так думали, когда ты вел скиб, — оттого, что заметили его на крыше. Вот здорово — теперь я еще немного смогу насладиться твоими способностями к пилотированию. Ты знаешь, что если сравнить тебя с Дэнни — а он-то действительно хорош за рычагом управления, — то ты гораздо лучше. Разве я тебе не говорила? По-моему, говорила. — Она, похоже, занервничала. Ей вдруг явно стало не по себе.

— В чем дело? — спросил он, когда они встали на поднимающийся эскалатор, который доставил бы их до стоянки пятидесятого яруса, где Ник парковал свой скиб.

— Знаешь, — ответила она, — я боюсь, что Дэнни будет там караулить. Болтаться вокруг, прятаться, наблюдать. Просто наблюдать. — Она яростно прорычала это слово, поразив Ника — ему до сей поры еще не приходилось видеть ее такой. — Нет, — сказала она, — я не могу туда лететь. Отправляйся один. Высади меня где-нибудь — или я просто перейду на опускающийся эскалатор и... — Она махнула рукой. — Уйду из твоей жизни. — Она снова засмеялась — точно так же, как и до этого. — Но мы все равно можем остаться друзьями. Мы можем завязать переписку. — Она рассмеялась. — Мы всегда будем знать друг о друге — даже если никогда уже не встретимся. Наши души сцепились, а когда души сцепляются, то одного уже нельзя убить, не убив другого. — Она неудержимо хохотала — теперь уже явно истерически; закрыв лицо ладонями, она хихикала из-под них. — Этому учит Кордон, и это просто смех; просто черт знает как смешно.

Ник взял ее руки и отвел от лица. Глаза ее излучали блеск — маленькие звездочки, светившие ему в глаза, заглядывавшие в самую глубину их, словно ответ она получала не из его слов, а из выражения его глаз.

— Думаешь, я рехнулась? — спросила она.

— Несомненно.

— Вот мы тут с тобой, в этом ужасном положении, и Кордона собираются казнить, и все, что мне остается, — это смеяться. — Теперь она уже перестала хохотать, но с видимым усилием; рот ее подергивался, словно она сдерживала смех. — Я знаю одно место, где мы сможем раздобыть спиртное, — сказала она. — Давай сходим туда — тогда мы действительно славно оттянемся.

— Нет, — отрезал он. — Я уже достаточно оттянулся.

— Так ведь ты из-за того все и сделал — ушел со мной и оставил Клео. Из-за того спиртного, что дал тебе Дзета.

— Правда? — задумался он. Возможно, так оно и было. Ему хорошо было известно, что алкоголь вызывает личностные изменения, а он, безусловно, действовал не как обычно. Впрочем, и сама ситуация была необычной; что можно было бы считать его «обычной» реакцией на случившееся с ним сегодня?

«Я должен овладеть этой ситуацией, — подумал он. — Я должен подчинить себе эту девушку — или оставить ее».

— Мне не нравится, когда мной распоряжаются, — сказала Чарли. — По-моему, ты собираешься мной распоряжаться, указывать мне, что можно делать, а что — нельзя. Как это делает Дэнни. И как делал мой отец. Когда-нибудь мне придется рассказать тебе кое-что о том, что проделывал со мной отец... Может быть, тогда тебе станет понятнее. Кое-что... кое-что ужасное, что он заставлял меня делать. Связанное с сексом.

— Ого, — отозвался Ник. «Что могло бы объяснить ее гомосексуальные наклонности, если только Дэнни не ошибался в своей характеристике».

— Я думаю, мы сделаем вот что, — заявила Чарли, — я возьму тебя с собой в кордонитский печатный центр.

— Ты знаешь, где он располагается? — недоверчиво спросил Ник. — Тогда сыщики отдали бы свои лучшие зубы за то, чтобы...

— Знаю. Им очень хотелось бы меня поймать. А о центре я узнала благодаря Дэнни. Он куда больший делец, чем тебе могло показаться.

— А он может предположить, что ты туда направишься?

— Он не знает, что мне известно о центре. Как-то раз я следила за ним — думала, что он спит с какой-нибудь другой девушкой, но все оказалось не так: он был в печатном центре. Я ускользнула оттуда и притворилась, что вообще не выходила из квартиры; был уже поздний вечер, и я притворилась спящей. — Она взяла его руку и сжала ее. — Этот центр особенно интересен тем, что выпускает кордонитские материалы для детей. Вроде: «Правильно! Это лошадь! И когда люди были свободны, они ездили на лошадях!» В таком духе.

— Говори потише, — попросил Ник. На поднимающемся эскалаторе ехали и другие люди, а юный звонкий голос Чарли, усиленный ее восторженностью, разносился по сторонам.

— А кордонитская типография разве не вершина во всей структуре организации? — спросил он.

— Нет никакой организации — есть только взаимные дружеские связи. Нет, одна из типографий — это не вершина; вершина — это приемная станция.

— Приемная станция? И что же она принимает?

— Послания от Кордона.

— Из Брайтфортской тюрьмы?

— В его тело вшит передатчик, — объяснила Чарли, — который они до сих пор не обнаружили — даже с помощью рентгена. Они обнаружили два других, но не этот, и через него мы получаем ежедневные размышления Кордона, его все более глубокие мысли и идеи, которые типогра-

фии тут же начинают как можно быстрее тиражировать. А оттуда материал поступает в распределительные центры, где его берут толкачи, выносят и пытаются найти на него покупателей. Как ты сам можешь догадаться, — добавила она, — среди толкачей очень высока смертность.

— А сколько у вас всего типографий? — спросил он.

— Не знаю. Не так много.

— Знают ли власти...

— Пидоры — ой, извиняюсь, работники ПДР — время от времени обнаруживают какую-нибудь из типографий. Но тогда мы устраиваем новую — так что их общее количество практически не меняется. — Она помедлила, задумавшись. — Пожалуй, нам лучше отправиться в такси, чем в твоем скибе. Если ты не возражаешь.

— Для этого есть особые причины?

— Я не уверена. Может быть, твой личный номер был отслежен; обычно мы стараемся добираться до типографий на наемном транспорте. Самое подходящее — такси.

— Это далеко отсюда? — спросил он.

— Ты хочешь сказать, где-нибудь далеко за городом? Нет, это в самом центре, в самой деловой его части. Пошли. — Она перескочила на опускающийся эскалатор, и Ник последовал за ней. Вскоре они достигли уличного яруса; девушка сразу же принялась вглядываться в потоки машин в поисках такси.

Глава 10

Такси неторопливо выплыло из потока и остановилось у бровки тротуара рядом с ними. Дверца отъехала в сторону, и они сели.

— К Феллеровскому Торговому центру, — сказала Чарли водителю. — На Шестнадцатой авеню.

— Угу, — пробормотал водитель, поднимая машину вверх и снова оказываясь в потоке движения, на этот раз — в противоположном.

— Но ведь Торговый центр... — начал было Ник, но Чарли незаметно пихнула его локтем по ребрам; он понял намек и замолчал.

Десятью минутами спустя они высадились из такси. Ник расплатился, и такси поплыло дальше, словно яркая детская игрушка.

— Феллеровский Торговый, — сказала Чарли, разглядывая благородную архитектуру здания. — Одно из старейших и наиболее уважаемых предприятий розничной торговли во всем городе. Ты думал, что это будет какой-нибудь торговый склад рядом с заправочной станцией где-то на задворках. Кишащий крысами. — Она взяла его за руку и повела через автоматически открывающиеся двери на устланный коврами пол знаменитого на весь мир магазина.

К ним подошел превосходно одетый продавец.

— Добрый вечер, — приветливо поздоровался он.

— Для меня отложены кое-какие вещи, — сказала Чарли. — Синтетические страусиные шкуры, четыре штуки. Моя фамилия Берроуз. Джулия Берроуз.

— Не будете ли вы любезны пройти сюда? — пригласил ее продавец, поворачиваясь и с достоинством направляясь к служебным помещениям магазина.

— Благодарю вас, — ответила Чарли. И снова заехала Нику по ребрам, на этот раз без всякой причины. А потом захихикала над ним.

Тяжелая металлическая дверь скользнула в сторону, открывая вход в небольшую комнатку, где на ровных деревянных полках было разложено множество образцов различных товаров. Дверь, через которую они только что вошли, едва слышно скользнула обратно, плотно закрывшись. Продавец немного подождал, поглядывая на часы, затем аккуратно завел их — и дальняя стена комнатки плавно разделилась, открывая за собой помещение значительно больших размеров. Тяжелый стук донесся до ушей Ника — как он теперь видел, основное печатное оборудование было в работе. Хотя и слабо разбираясь в печатной технологии, он ясно понял: это оборудование было наиновейшим, самым лучшим и невообразимо дорогим. Печатные станки Низших Людей ни в коем случае не состояли из мимеографических аппаратов.

Четверо солдат в серой униформе и противогазах окружили их; у каждого в руках была смертоносная трубка Хоппа.

— Кто вы такие? — спросил один из них, сержант, — спросил предельно резко. Как на допросе.

— Я девушка Дэнни, — ответила Чарли.

— Кто это — «Дэнни»?

— Вы его знаете. — Жестикулируя, Чарли добавила: — Он занят в этой сфере на уровне распределения.

Сканер раскачивался взад-вперед, изучая их.

Солдаты посовещались, говоря что-то в подведенные ко рту микрофоны и прислушиваясь к наушникам-кнопочкам, закрепленным у каждого в правом ухе.

— Порядок, — сказал наконец главный среди них — сержант. Его внимание было снова обращено к Нику и Чарли. — Что вам здесь нужно? — повелительно спросил он.

— Место, где мы могли бы ненадолго остаться, — ответила Чарли.

Кивнув в сторону Ника, офидант спросил:

— А он кто такой?

— Новенький. Сегодня к нам примкнул.

— Из-за объявления о казни Кордона, — добавил Ник.

Солдат задумчиво хмыкнул.

— Мы уже заполнили почти все места. Не знаю... — Нахмурившись, он прикусил нижнюю губу. — Ты тоже хочешь остаться здесь? — спросил он у Ника.

— На день или около того. Не больше.

Посерьезнев, Чарли сказала:

— Знаете, у Дэнни случаются эти психопатические задвиги, но обычно не дольше, чем на...

— Я не знаю Дэнни, — перебил солдат. — Вы можете вдвоем занять одну комнату?

— Думаю, да, — ответила Чарли.

— Да, — подтвердил Ник.

— Мы можем дать вам убежище на семьдесят два часа, — сообщил сержант. — А потом вам придется уйти.

— Какую площадь все это занимает? — поинтересовался у него Ник.

— Четыре квадратных городских блока.

Ник в этом не усомнился.

— Да, это уже не сделка на пятак-гривенник, — сказал он солдатам.

— Если б так, — ответил один из них, — то маловато было бы у нас шансов. Мы здесь печатаем брошюры миллионными тиражами. Большинство из них в конце концов конфискуется властями, но не все. Мы используем принцип мусорной почты; даже если прочитанной окажется лишь одна пятидесятая часть — а все остальные выброшены, — то все окупится; только так и можно этим заниматься.

— А что поступает от Кордона теперь, — спросила Чарли, — теперь, когда он знает, что его собираются казнить? Или он не знает? Они ему сказали?

— Это наверняка знают на приемной станции, — ответил солдат. — Но еще несколько часов мы от них ничего не услышим; обычно бывает задержка, пока материал редактируется.

— Значит, вы не печатаете слова Кордона в точности так, как они от него исходят, — заметил Ник.

Солдаты засмеялись. И не ответили.

— Он перескакивает с пятого на десятое, — пояснила Чарли.

— Ожидаются ли какие-нибудь попытки агитации за приостановку казни? — поинтересовался Ник.

— Сомневаюсь, что было такое решение, — ответил один из солдат.

— Это ничего не даст, — подключился другой. — Мы проиграем; его казнят, а мы все окажемся в лагерях для интернированных.

— Значит, вы позволите убить его? — спросил Ник.

— Тут уж мы бессильны, — в один голос сказали несколько солдат.

— Когда он умрет, — заметил Ник, — вам уже нечего будет печатать; придется вам заткнуться.

Солдаты засмеялись.

— Вы что-то слышали от Провони, — догадалась Чарли.

Наступила тишина, а затем сержант проговорил:

— Сильно искаженное сообщение. Но подлинное.

Стоявший рядом с ним солдат тихо сказал:

— Торс Провони уже на обратном пути.

Часть вторая

Глава 11

— Это существенно меняет ситуацию, — угрюмо пробормотал Уиллис Грэм. — Прочтите перехваченное послание еще раз.

Директор Барнс прочел лежащий перед ним текст.

— «Нашел... которые смогут... их помощи будет... и я уже...» Это все, что удалось записать. Остальное съели атмосферные помехи.

— Но здесь все ответы, — заметил Грэм. — Он жив; он возвращается; он нашел кого-то — не что-то, а кого-то, потому что он говорит: «которые смогут». Он говорит: «их помощи будет» — здесь, вероятно, утрачено окончание предложения, гласящего: «Их помощи будет достаточно». Или что-нибудь в этом роде.

— Думаю, вы слишком пессимистичны, — сказал Барнс.

— Приходится. В любом случае, черт побери, у меня есть повод для пессимизма. Все это время они ожидали известия от Провони — и теперь оно пришло. Их типографии в ближайшие шесть часов разнесут эту новость по всей планете, и мы никак не сможем им помешать.

— Мы можем разгромить их главную типографию на Шестнадцатой авеню, — заметил Барнс; он был за это обеими руками. Уже не один месяц он ждал разрешения уничтожить эту мощную типографию Низших Людей.

— Они вставят это в телевизионную сеть, — ответил Грэм. — За те две минуты, пока мы найдем их передатчик и положим этому конец, они успеют передать свое проклятое послание.

— Тогда сдавайтесь, — предложил Барнс.

— Я не собираюсь сдаваться. И никогда не собирался. Провони будет убит в течение часа после приземления; и кого бы он там ни привел на подмогу — мы и тех прикончим. Проклятые инопланетники... У них, наверное, по шесть ног и жало на хвосте. Как у скорпиона.

— Вот они нас до смерти и ужалят, — сказал Барнс.

— Да, что-нибудь вроде того. — В купальном халате и шлепанцах Грэм уныло расхаживал по своей спальне-канцелярии, руки его были сложены на груди, а живот выдавался вперед. — Вам это не кажется

предательством по отношению к человеческой расе — к Старым Людям, Низшим Людям, Новым Людям, Аномалам — ко всем? Притащить сюда этих инопланетников, которые, вероятно, захотят здесь поселиться, уничтожив нас?

— Если только, — заметил Барнс, — мы не дадим себя уничтожить, и сами уничтожим их.

— Ну, об этом просто нельзя ничего сказать с уверенностью, — сказал Грэм. — Они могли бы тут крепко обосноваться. Именно это мы и должны предотвратить.

— Из данных о расстоянии, с какого было передано послание, — сказал Барнс, — можно заключить, что он — или они — будут здесь не раньше, чем через два месяца.

— У них может оказаться сверхсветовой двигатель, — проницательно заметил Грэм. — Провони может быть вовсе не на борту «Серого динозавра» — он может быть на борту одного из их кораблей. Да и «Серый динозавр», черт бы его взял, тоже достаточно быстр; как вы помните, он был прототипом целого поколения новых кораблей для межзвездного сообщения; Провони взял самый первый и сбежал на нем.

— Вполне возможно, — согласился Барнс. — Провони мог усовершенствовать свой корабль; он мог форсировать двигатель. Он всегда был технарем. Разумеется, я не могу полностью этого исключить.

— Кордон будет казнен немедленно, — сказал Грэм. — Позаботьтесь об этом теперь же. Известите средства информации, чтобы они смогли присутствовать. Соберите сочувствующих.

— Нам? Или им?

— Нам! — рявкнул Грэм.

— Между прочим, — спросил Барнс, делая заметки в блокноте, — могу я получить разрешение нанести удар по типографии на Шестнадцатой авеню?

— Она хорошо защищена от этого удара, — заметил Грэм.

— Не совсем. Подобно улью, она разделена на...

— Я все об этом знаю — месяцами читал ваши проклятые детальные и нудные доклады. По-моему, у вас уже зуб на эту типографию, разве не так?

— А вы как думаете? По-моему, ее давным-давно следовало уничтожить.

— Что-то удерживает меня от этого.

— Что же? — поинтересовался Барнс.

Немного погодя Грэм ответил:

— Когда-то я там работал. Еще до того, как поступил на Государственную службу. Я был тайным агентом и знаю там почти всех; когда-то мы были друзьями. Они так и не проведали обо мне... Тогда я выглядел совсем иначе, нежели теперь. У меня была искусственная голова.

— Боже! — выдохнул Барнс.

— А что такое?

— Просто это так... нелепо. Мы их больше не используем; это прекратилось с тех пор, как я пришел к руководству.

— Ну, это было до того, как вы пришли к руководству.

— Значит, они до сих пор не знают.

— Я дам вам полномочия разрушить стену здания и всех арестовать, — решил Грэм. — Но я не позволю вам бомбить их. Впрочем, вы убедитесь, что я прав; никакой разницы не будет — они передадут новости о Провони в эфир. За две минуты они оповестят всю Землю — только за две минуты!

— В ту же секунду, когда их передатчик выйдет в эфир...

— Две минуты. В любом случае.

Немного погодя Барнс кивнул.

— Итак, вы поняли, что я прав. Так или иначе, поторопитесь с казнью Кордона; мне нужно, чтобы она состоялась сегодня, в шесть часов вечера по нашему времени.

— А все это дело насчет Ирмы и снайпера...

— Забудьте о нем. Займитесь Кордоном. Ирму мы прикончим позднее. Возможно, один из этих инопланетников мог бы придавить ее своим мешковатым протоплазменным телом.

Барнс рассмеялся.

— Я серьезно, — сказал Грэм.

— Что-то у вас очень мрачные представления о том, как могут выглядеть эти инопланетники.

— Дирижабли, — сказал Грэм. — Они будут похожи на дирижабли. Только с хвостами. Этих хвостов придется остерегаться — именно там будет яд.

Барнс встал.

— Могу ли я теперь оставить вас и начать подготовку к казни Кордона? А также атаку типографии Низших Людей на Шестнадцатой авеню?

— Да, — ответил Грэм.

Помедлив у двери, Барнс спросил:

— Вы желаете присутствовать при казни?

— Нет.

— Я мог бы устроить для вас специальную кабину, откуда вам все было бы видно, но где вас никто...

— Я посмотрю ее по внутренней телевизионной сети.

Барнс прищурился.

— Значит, вы не желаете, чтобы ее транслировали по обычной, общепланетной сети? Чтобы все ее видели?

— Ах да, — хмуро кивнул Грэм. — Разумеется — это же самое главное, так ведь? Ладно, я просто посмотрю ее, как и все остальные. Этого мне вполне достаточно.

— Что же касается типографии на Шестнадцатой авеню... Я составлю список всех, кого мы там схватим, — вы сможете просмотреть его...

— И увидеть, сколько там старых друзей, — закончил Грэм.

— Возможно, вы пожелаете навестить их в тюрьме.

— В тюрьме! Неужели все непременно должно заканчиваться тюрьмой или казнью? Разве это правильно?

— Если вы имеете в виду «так ли это происходит?» — тогда ответ утвердительный. Если же вы имеете в виду...

— Вы знаете, что я имею в виду.

Размышляя, Барнс проговорил:

— Мы ведем гражданскую войну. В свое время Авраам Линкольн заключил в тюрьмы сотни и сотни людей, причем без надлежащих судебных процессов, — и все же он до сих пор считается величайшим из президентов Соединенных Штатов.

— Но он постоянно миловал преступников.

— Вы тоже можете это делать.

— Хорошо, — осторожно произнес Грэм. — Я освобожу всех, кого я знаю из захваченных в типографии на Шестнадцатой авеню. И они никогда не узнают, почему.

— Вы слишком добры, господин Председатель Совета, — заметил Барнс. — Распространить свое благоволение даже на тех, кто теперь активно работает против вас...

— Я гнусный ублюдок, — проскрежетал Грэм. — Мы оба прекрасно это знаем. Так оно и есть — ладно, черт побери. Вместе с этими людьми я провел много славных деньков; мы получали много радости и веселья от напечатанных нами текстов. Мы веселились, когда делали туда смешные вставки. Теперь все тексты казенные и скучные. Но когда я был там, мы... А-а, будь оно все проклято! — Он погрузился в молчание. «Что я здесь делаю? — спросил он самого себя. — Как же я оказался в таком положении, со всей этой властью? Я вовсе не был для этого предназначен. Впрочем, — подумал он, — возможно, и был».

Торс Провони проснулся. И ничего не увидел — лишь черную пучину вокруг. «Я внутри него», — сообразил он.

— Верно, — подтвердил фроликсанин. — Мне стало тревожно, когда ты заснул — как ты это называешь.

— Морго Ран Вилк, — обратился Провони в темноту, — ты зануда. Мы спим каждые двадцать четыре часа; мы спим от восьми до...

— Я знаю, — перебил Морго. — Но представь себе, как это выглядит: ты постепенно теряешь свою личность, твой сердечный ритм замедляется, пульс падает — все это слишком похоже на смерть.

— Но ты же знаешь, что это не смерть, — вставил Провони.

— Но это ментальное функционирование настолько изменчиво, что вызывает у нас тревогу. Пока ты спишь, в тебе происходит необычная и бурная ментальная деятельность, которую ты сам не осознаешь. Вначале ты вступаешь в мир, который в какой-то степени тебе знаком... Тебе представляется, что ты находишься там, где говорят и действуют

самые настоящие друзья, враги и просто социально значимые для тебя фигуры.

— Другими словами, — сказал Провони, — во сне.

— Этот вид сна представляет собой что-то вроде подведения итогов прошедшего дня: что ты сделал, о ком думал, с кем говорил. И он нас не тревожит. Тревожит нас следующая фаза. Ты опускаешься на более глубокий внутренний уровень, сталкиваешься с персонажами, которых никогда не знал, оказываешься в ситуациях, которые никогда тебе не встречались. Начинается дезинтеграция твоей самости — тебя как такового; ты сливаешься с некими изначальными сущностями богоподобного типа, обладающими чудовищной силой; пока ты находишься там, существует опасность...

— Коллективное бессознательное, — перебил Провони, — открытое величайшим мыслителем человечества Карлом Юнгом. Проникновение в прошлое до момента рождения — назад, в другие жизни, другие места... населенные архетипами, как Юнг назвал...

— А подчеркнул ли Юнг в особенности то, что какой-нибудь из этих архетипов мог в любой момент поглотить тебя? Причем воссоздания твоей самости уже никогда бы не произошло снова. Ты остался бы лишь ходячим и говорящим придатком этого архетипа.

— Конечно, он подчеркнул это. Однако архетип берет верх не во время ночного сна, а в течение дня. Когда они появляются в дневное время — тогда-то ты и уничтожен.

— Другими словами: когда, бодрствуя, ты спишь.

— Ну да, — неохотно согласился Провони.

— Значит, когда ты спишь, мы должны защищать тебя. Почему же ты противишься тому, что я окутываю тебя в этот промежуток времени? Я забочусь о твоей жизни; ты устроен так, что можешь потерять ее после какой-нибудь одной-единственной авантюры. Твое путешествие к нашему миру — ужасная авантюра. Если говорить о статистике, то тебе не следовало идти на такой риск.

— Однако я это сделал, — заметил Провони.

Тьма стала расползаться, пока фроликсанин покидал его. Провони уже различал металлическую стенку корабля, большую корзину, использовавшуюся как гамак, приоткрытый люк в кабину управления. Это его корабль, «Серый динозавр», давно уже ставший его миром. Кокон, в котором он проспал изрядное время.

«Удивились бы они теперь этому фанатику, — подумал он, — если бы только могли видеть его, вытянувшегося в гамаке, с недельной давности щетиной, волосами до плеч, грязным телом, в засаленной, еще более грязной одежде. Вот он, спаситель человечества. Или, скорее, некоторой части человечества. Той части, что до сих пор подавлялась... А как там сейчас? — задумался он. — Удалось ли Низшим Людям получить какую-нибудь поддержку? Или большинство Старых Людей примирились со своим жалким положением? И Кордон, —

подумал он. — Что, если великий оратор и публицист уже мертв? Тогда, вероятно, все движение умерло вместе с ним.

Но теперь они знают — мои друзья, по крайней мере, — что я нашел необходимую нам помощь и что я возвращаюсь. Если предположить, что они получили мое послание. И если предположить, что они смогли его расшифровать.

Я предатель, — подумал он, — обратившийся к нелюдям за поддержкой. Открывший Землю для вторжения существ, которые в другом случае никогда бы и не обратили на нее внимания. Кем я войду в историю — величайшим злодеем или спасителем человечества? А может быть, что-нибудь не столь крайнее — где-то в середине? Предмет для статьи на четверть страницы в энциклопедии «Britannica».

— Как ты можешь называть себя предателем, Торс Провони? — спросил Морго.

— Действительно — как?

— Тебя называли предателем. Тебя называли и спасителем. Я исследовал твою сознательную самость вплоть до мельчайших ее элементов, и там нет никакой жажды кичливого величия; ты проделал труднейшее путешествие, в котором не было фактически никаких шансов на успех — и проделал ты его, руководствуясь только одним мотивом: помочь своим друзьям. Разве не сказано в одной из ваших книг мудрости: «Если кто-то отдает жизнь за друга своего...»

— Ты не можешь закончить эту цитату, — обрадовался Провони.

— Нет, потому что ты ее не знаешь, а все, с чем нам до сих пор приходилось спорить, это твое сознание — все его содержимое, вплоть до коллективного уровня, который так тревожит нас по ночам.

— *Parvor nocturnus*, — отозвался Провони. — Ночной страх; у тебя фобия. — Он с трудом выбрался из гамака, постоял, покачиваясь от головокружения, а потом зашаркал к отсеку пищеобеспечения. Он нажал на кнопку, но ничего не появилось. Он нажал на другую кнопку. Опять ничего не появилось. Тогда он почувствовал страх и стал нажимать на кнопки как попало... Наконец кубик R-рациона выскользнул в коробочку.

— Этого тебе хватит, чтобы добраться до Земли, Торс Провони, — заверил его фроликсанин.

— Хватит, — в бешенстве прорычал Провони, скрипя зубами, — да и только! Знаю я эти вычисления; возможно, последние несколько дней мне придется провести вообще без еды. А ты беспокоишься о моем сне; Боже мой, если уж ты решил обеспокоиться, беспокойся лучше о моем брюхе.

— Но мы же знаем, что с тобой будет все в порядке.

— Ладно, — бросил Провони. Он вскрыл кубик с пищей, проглотил ее, выпил чашечку редистиллированной воды, передернулся и подумал, не почистить ли ему зубы. «Я весь провонял, — подумал он. —

Они придут в ужас. Я буду выглядеть как человек, которого недели на четыре заперли в подводной лодке».

— Они поймут, почему, — отозвался Морго.

— Я хочу принять душ, — сказал Провони.

— Воды недостаточно.

— А ты не можешь... как-нибудь ее сообразить? — Не раз до этого фроликсанин обеспечивал его химическими элементами, нужными ему для создания более сложных веществ. Ясно, что если он был способен делать это, то он мог бы синтезировать и воду... Там, вокруг «Серого динозавра», где он разместился.

— Моей собственной телесной системе тоже недостает воды, — ответил Морго. — Я даже думал немного попросить у тебя.

Провони рассмеялся.

— Что смешного? — спросил фроликсанин.

— Вот они мы, тут, между Проксимой и Солнцем, направляемся спасать Землю от владычества тамошней олигархии элитных вождей — и усердно стараемся выклянчить друг у друга кварту-другую воды. Как же мы собираемся спасать Землю, если даже не можем синтезировать воду?

— Позволь, я расскажу тебе одну легенду о Боге, — сказал Морго. — В самом начале он сотворил яйцо — громадное яйцо с неким существом внутри. Бог попытался разбить скорлупу, чтобы выпустить это существо — первое живое существо — наружу. Но Он не смог. Однако созданное Им существо обладало острым клювом, приспособленным для решения именно такой задачи, — и оно пробило себе путь сквозь яичную скорлупу. Отсюда вывод: ныне все живые существа обладают свободой воли.

— Почему?

— Потому что яйцо разбили мы, а не Он.

— Но почему это дает нам свободу воли?

— Потому, черт побери, что мы можем делать то, чего не может Он.

— Ого! — Провони кивнул, а затем ухмыльнулся в восторге от идиомы фроликсанина, подхваченной им, разумеется, у него же самого. Морго знал земные языки лишь в той мере, в какой знал их сам Провони; достаточно приличный шмат английского — хотя и далекий от того, каким владел Кордон, — плюс немного латыни, немецкого и итальянского. Морго мог сказать «до свидания» по-итальянски, и ему это, похоже, нравилось; он всегда заканчивал разговор важным «ciaou». Сам Провони предпочитал говорить «увидимся позже», но фроликсанин, очевидно, считал это несоответствующим языковой норме... и каким-то его собственным стандартам. Это была какая-то служебная идиома, от которой Провони никак не мог избавиться. Это была, как и многое другое в его голове, какая-то мышиная возня: пляшущие обрывки мыслей и представлений, воспоминаний и страхов, которые, очевидно, поселились там навсегда. Фроликсанам было под силу все это рассортировать, и они, судя по всему, так и сделали.

— Знаешь, — сказал Провони, — когда мы доберемся до Земли, я думаю найти где-нибудь бутылку бренди. И выпить на лестнице...

— На какой лестнице?

— Просто мне видится какое-то громадное серое общественное здание без окон, что-нибудь действительно жуткое, — вроде Внутренней службы государственных сборов, — видится, как я сижу там на лестнице, в старом темно-синем пальто, и пью бренди. Прямо, в открытую. И подойдут люди и станут бубнить: «Смотрите-ка, этот человек пьет в общественном месте». А я скажу: «Я Торс Провони». И тогда они скажут: «Он это заслужил. Мы не станем его сдавать». И не станут.

— Никто тебя не арестует, Торс Провони, — заверил Морго. — Ни тогда, ни в любое другое время. Мы будем с тобой с момента твоего приземления. Не только я, как сейчас, но и мои собратья. Все братство. И они...

— Они завладеют Землей. А потом вышвырнут меня умирать.

— Нет-нет. Мы ведь уже договорились. Разве ты не помнишь?

— А может, ты лгал?

— Мы не способны лгать, Торс Провони. Я тебе уже объяснял, и это подтверждал мой инспектор, Гран Си Ван. Если ты не веришь мне и не веришь ему, организму возрастом более шести миллионов лет... — В голосе фроликсанина звучало раздражение.

— Когда я все это увижу, — отрезал Провони, — тогда и поверю. — Он хмуро выпил вторую чашку редистиллированной воды — хотя над источником воды и горела красная лампочка... Горела она уже неделю.

Глава 12

Специальный курьер отсалютовал Уиллису Грэму и сообщил:

— Это пришло под индексом Один. Вам для немедленного прочтения, если вы соблаговолите... со всем уважением... господин Председатель Совета.

Ворча себе что-то под нос, Уиллис Грэм вскрыл конверт. Машинописный текст на единственном листке обычной бумаги шестнадцатой категории составлял одно предложение:

«Наш агент в типографии на Шестнадцатой авеню докладывает о втором послании от Провони и о том, что тот преуспел».

«Мать твою за ногу! — сказал себе Грэм. — Преуспел». Он взглянул на курьера и попросил:

— Принесите мне, пожалуйста, несмешанного гидрохлорида метамофетамина. Я приму его орально в капсуле; позаботьтесь, чтобы это была именно капсула.

Несколько удивленный курьер вновь отсалютовал и рявкнул:

— Есть, господин Председатель Совета. — Он вышел из спальни-канцелярии, и Грэм остался один. «Я застрелюсь», — сказал он себе. Хандра наполнила его изнутри, раздирая его, пока он не обвис, как лопнувший воздушный шарик. «И еще до смерти Кордона, — подумалось ему. — Так-так, а ну-ка возьмемся за Кордона».

Он нажал на кнопку переговорника.

— Пришлите сюда офицанта чином повыше; кого угодно — это не имеет значения.

— Есть, сэр.

— И пусть возьмет с собой личное оружие.

Пятью минутами спустя в комнату вошел с иголочки одетый майор, отдавший безупречный и профессиональный салют.

— К вашим услугам, господин Председатель Совета.

— Мне нужно, чтобы вы отправились в тюремную камеру Эрика Кордона в тюремных сооружениях Лонг-Бич, — заявил Грэм, — и мне нужно, чтобы вы лично, из вашего личного оружия, которое я вижу у вас на поясе, застрелили Кордона и убедились, что он мертв. — Он протянул ему клочок бумаги. — Вот вам моя санкция.

— Вы уверены... — начал было офицант.

— Уверен, — оборвал его Грэм.

— Я хочу сказать, сэр, вы уверены...

— Если вы не пойдете, я пойду сам, — отрезал Грэм. — Идите. — Он резко и коротко махнул рукой в сторону главной двери канцелярии.

Майор удалился.

«Никакого показа по телевидению, — сказал себе Грэм. — Никакой публики. Только двое в камере. Что ж, Провони вынудил меня на это; я не могу допустить, чтобы они двое одновременно были в непосредственной близости от меня. На самом деле — в некотором смысле — именно Провони убивает Кордона. Интересно, какую форму жизни они представляют? — спросил он себя. — Те, кого нашел Провони? Ублюдок», — сказал он себе.

Он пощелкал выключателями, выругался и нашел наконец тот, что включал монитор, демонстрировавший камеру Кордона. Худое аскетичное лицо, очки серого цвета, седые — и редеющие — волосы... «Прямо профессор колледжа, пописывающий книжонки, — сказал себе Грэм. — Ну что ж, я лично собираюсь проследить, как этот майор — кто бы он ни был — пристрелит его».

На экране монитора Кордон сидел так, словно он задремал... Но на самом деле он диктовал — вероятно, в типографию на Шестнадцатой авеню. «Валяй, источай свои наставления», — хмуро подумал Грэм и стал ждать.

Прошло четверть часа. Ничего не произошло — Кордон продолжал диктовать. А затем — внезапно, удивив и Кордона, и Уиллиса Грэма, — дверь камеры скользнула в сторону. Изящный, безупречно одетый майор проворно вошел.

— Вы Кордон Эрик? — спросил майор.

— Да, — вставая, ответил Кордон.

Майор — совсем еще молодой человек, с мелкими, острыми чертами лица, — потянулся за оружием. Потом он направил на Кордона пистолет и произнес:

— С санкции господина Председателя Совета мне было предписано явиться сюда и прикончить вас. Желаете ли вы ознакомиться с санкцией? — Он порылся в кармане.

— Нет, — ответил Кордон.

Майор выстрелил. Кордон упал навзничь под ударом луча разрушительной энергии — назад, в скользящем движении, отбросившем его к дальней стене камеры. Затем он постепенно сполз вниз, оказавшись в сидячем положении, напоминая какую-то брошенную куклу: ноги расставлены в стороны, голова свесилась на грудь, а руки безжизненно болтаются.

Наклонившись к соответствующему микрофону, Грэм сказал:

— Благодарю вас, майор. Теперь вы можете идти. Больше вам здесь нечего делать. Кстати... как вас зовут?

— Уэйд Эллис, — ответил майор.

— Вам будет объявлена благодарность в приказе, — сказал Грэм и отключился. «Уэйд Эллис, — подумал он. — Дело сделано». Он почувствовал — что? Облегчение? Безусловно. «Боже, — подумал он, — как просто это делается. Ты приказываешь солдату, которого никогда раньше не видел, которого ты даже не знаешь по имени, пойти и прикончить одного из самых влиятельных людей на Земле. И он это делает!»

Все это вызвало в его мозгу поразительный воображаемый диалог. Разговор происходил бы примерно так:

Л и ц о А: Привет, меня зовут Уиллис Грэм.

Л и ц о Б: Меня зовут Джек Кветк.

Л и ц о А: Я вижу, вы в чине майора.

Л и ц о Б: Как пить дать.

Л и ц о А: Скажите, майор Кветк, вы бы тут не прикончили для меня кое-кого? Я запамятовал, как его зовут... Подождите, пока я просмотрю эту пачку бумаг.

И так далее.

Дверь комнаты настежь распахнулась, и туда вбежал директор полиции Ллойд Барнс с пылающим от гнева и недоверия лицом.

— Вы только что...

— Знаю, — перебил Грэм. — Вы что, должны мне об этом доложить? Думаете, мне не известно?

— Значит, это и в самом деле был ваш приказ, как мне сказал начальник барака в этой тюрьме.

— Ага, — невозмутимо отозвался Грэм.

— Как же это понимать?

— Смотрите, — сказал Грэм. — Пришло второе послание от Провони. Там особо указывается, что он везет с собой внеземную форму жизни. Это уже не догадки, а факт.

— Просто вы чувствуете, что не справились бы с Кордоном и Провони одновременно, — яростно выговорил Барнс.

— Не в бровь, а в жопу! Ясно дело! — злобно рявкнул Грэм и погрозил Барнсу пальцем. — Если в двух словах, то так оно и есть. И нечего устраивать мне из-за этого сцену; это было необходимо. Разве смогла бы вся ваша двухпиковая сверхразвитая шатия Новых Людей справиться с этими двумя здесь, на Земле? Ясно, что ответ отрицательный.

— Этим ответом, — сказал Барнс, — должно было бы стать достойное исполнение приговора, с соблюдением всех необходимых формальностей.

— И пока мы устраивали бы ему последнюю трапезу и тому подобное, какое-нибудь гигантское сверкающее рыбообразное существо приземлилось бы в Кливленде, прихватило бы всех Аномалов и Новых и стало бы их кончать. Так?

После некоторой паузы Барнс спросил:

— Собираетесь ли вы объявить общепланетную тревогу?

— Аврал?

— Да. И в самом буквальном смысле.

Грэм задумался.

— Нет. Мы приведем в готовность военных и полицию, затем известим ключевых Новых и Аномалов — они имеют право знать, каково истинное положение дел. Но этим поганцам, всем этим Старым Людям и Низшим Людям — ни слова. — «Впрочем, — подумал он, — типография на Шестнадцатой авеню известит их в любом случае. И безразлично, насколько быстро мы ее атакуем. Все, что от них требуется, — это передать послания от Провони зависимым передатчикам и меньшим типографиям... которые они, черт побери, уже наверняка соорудили».

— Десантный отряд Грин-А, подкрепленный отрядами Б и В, уже на пути к типографии на Шестнадцатой авеню, — сообщил Барнс. — Я думал, вам приятно будет это услышать. — Он взглянул на часы. — Где-то через полчаса они начнут штурмовать передовую линию обороны типографии. Мы организовали трансляцию по закрытой телевизионной сети, так что вы сможете посмотреть.

— Спасибо.

— Иронизируете?

— Нет-нет, — ответил Грэм. — Я имел в виду именно то, что сказал; я сказал «спасибо» и имел в виду «спасибо». — Он повысил голос. — Неужели все должно иметь какой-то скрытый смысл? Разве мы шайка террористов, крадущихся в темноте и обменивающихся кодовыми словами? Или мы все же правительство?

— Мы — законное действующее правительство, — сказал Барнс, — столкнувшееся с мятежом внутри и со вторжением извне. И мы пред-

принимаем меры оборонительного характера в обоих направлениях. К примеру, мы можем разместить передовую линию кораблей глубоко в космосе, откуда они смогут поразить судно Провони ракетами, когда оно вернется в Солнечную систему. Мы можем...

— Это компетенция военных, а не ваша. Я созову Чрезвычайный Мирный Совет Директоров в Алом зале на ассамблею в... — он сверился со своими часами, «Омегой», — в три часа дня. — Он нажал кнопку у себя на столе.

— Слушаю, сэр.

— Мне нужно, чтобы директора собрались в Алом зале сегодня в три часа дня, — сказал Грэм. — Порядок срочности А. — Он вновь повернулся к Барнсу.

— Мы схватим столько Низших Людей, сколько сможем, — заверил тот.

— Чудесно, — отозвался Грэм.

— Могу я получить разрешение разгромить остальные их типографии? По крайней мере те, что нам известны?

— Чудесно, — снова отозвался Грэм.

— Вы все еще говорите в насмешку, — неуверенно произнес Барнс.

— Просто я до сих пор страшно балдею, — сказал Грэм. — Как может человеческое существо провоцировать ситуацию, при которой чужая форма жизни... А-а, будь оно проклято. — Он погрузился в молчание. Барнс какое-то время выжидал, а затем протянул руку, чтобы включить один из располагавшихся перед Грэмом телевизионных экранов.

На экране стало видно, как вооруженная полиция стреляет миниатюрными ракетами в рексероидную дверь. Повсюду был дым столбом и вооруженные полицейские.

— Они еще не ворвались туда, — заметил Грэм. — Рексероид — весьма прочный материал.

— Они только начали.

Рексероидная дверь разлетелась брызгами расплава, метнувшимися по сторонам в виде пылающих шариков, подобно птицам марсианского неба. Затрещала перестрелка между полицейскими и находившимися внутри защитниками типографии — солдатами в униформе. Застигнутые врасплох полицейские поспешили в укрытие, а затем швырнули гранаты с нервнопаралитическим газом и все такое прочее. Дым стал застилать все вокруг, но постепенно сделалось очевидным, что полиция продвигается вперед.

— Возьмите же этих скотов! — рявкнул Грэм, когда расчет из двух полицейских с базукой выпалил прямо по линии обороняющихся. Снаряд из базуки просвистел мимо солдат и разорвался внутри огромной глыбы типографского оборудования за их спинами. — Вот вам ваши прессы! — обрадовался Грэм. — Вот так-то вот.

Полиция к тому времени уже просочилась в главное помещение самой типографии. Телевизионная камера следовала за ней, сосредо-

точившись на схватке двух одетых в зеленое полицейских и трех солдат в серой униформе.

Шум стали затихать. Меньше стало выстрелов, и меньше можно было различить двигающихся людей. Полицейские стали хватать обслуживающий персонал прессов, время от времени все еще обмениваясь пистолетными выстрелами с немногими живыми и вооруженными солдатами Низших Людей.

Глава 13

В небольшой уединенной комнатке, предоставленной им персоналом, обслуживающим прессу, Ник Эпплтон и Чарли сидели молча и напряженно; безмолвные, они прислушивались к звукам боя, и Ник сказал себе: «Итак, никакого пристанища на семьдесят два часа. Ни для нас, ни для кого. Теперь все кончено».

Чарли вытерла чувственные губы, затем вдруг укусила себя за тыльную сторону ладони.

— Боже, — пробормотала она. — Господи! — вскочила на ноги в какой-то дикой стойке. — Мы ничего не можем поделать!

Ник промолчал.

— Говори! — рявкнула Чарли, лицо ее уродовала бессильная ярость. — Скажи что-нибудь! Обвини меня, что я тебя сюда затащила, скажи хоть что-нибудь — только не сиди сиднем, уставившись в этот проклятый пол.

— Я тебя не виню, — солгал он. Впрочем, обвинять ее не было оснований; не могла же она знать, что полиция вдруг нагрянет в типографию. В конце концов, раньше-то этого не случалось. Она просто исходила из того, что ей было известно. Типография была убежищем; сюда приходило множество людей.

«Власти уже давно знали, — подумал Ник. — Они занялись этим именно теперь из-за новостей о возвращении Провони. Кордон. Боже, — подумал он, — Боже милостивый, они, наверное, сразу же убили его. Весть о возвращении Провони разрушила все тщательно спланированное правящими кругами комплексное наступление в масштабах всей планеты. Сейчас они, вероятно, хватают всех Старых Людей, на которых у них что-нибудь есть. И все это должно быть проделано до возвращения Провони — типографии должны быть разрушены, Низшие Люди схвачены, а Эрик Кордон убит. Они были вынуждены форсировать события; все это вызвало к действию их настоящую тяжелую артиллерию».

— Послушай, — сказал он, вставая и подходя к Чарли; он обнял ее и крепко прижал к себе плотное худощавое тело. — На какое-то время мы окажемся в лагере для перемещенных, но в конце концов, когда все так или иначе разрешится...

Дверь комнаты настежь распахнулась. Мент, чья униформа сплошь была покрыта сероватыми частичками, напоминавшими пыль, — пеплом от человеческих костей, — стоял на пороге, целясь в них из ружья Хоппа Б-14. Ник тут же поднял руки, чтобы показать, что он безоружен.

Мент выстрелил из своего Б-14 в Чарли; она сползла на руки Нику.

— Потеря сознания, — объяснил мент. — До успокоительной глубины. — И разрядил свой Б-14 в Ника.

Глава 14

Вглядываясь в телевизионный экран, директор полиции Барнс отметил:

— Ага, 3XX24J.

— Это еще что? — раздраженно спросил Грэм.

— В этой комнате: вон тот мужчина с девушкой. Эти двое, которых только что уложил зеленый. Мужчина — тот самый контрольный образец, о котором разум компьютера решил, что...

— Я пробую разглядеть кого-нибудь из старых приятелей, — перебил его Грэм. — Заткнитесь и наблюдайте — просто наблюдайте. Или я прошу слишком многого?

Барнс резким тоном продолжал:

— Вайомингский компьютер отобрал его как типичного Старого Человека, который из-за объявления о готовящейся казни Кордона должен примкнуть к Низшим Людям — так и получилось. Теперь мы схватили его и... хотя странно — по-моему, это не его жена. Интересно, что теперь скажет вайомингский компьютер... — Он принялся расхаживать по комнате. — Какова будет его реакция на то, что мы поймали этого человека? Что в нашем распоряжении оказался характерный Старый Человек, который...

— Почему вы говорите, что это не его жена? — спросил Грэм. — Вы думаете, что он живет с той девчонкой? Что он не только стал Низшим Человеком, но уже оставил жену и нашел себе другую? Спросите об этом у компьютера — посмотрим, что он там выдаст. — «А девушка-то, — подумал он, — просто прелесть; что-то в ней мальчишеское. Так-так», — задумался он. — Не могли бы вы проследить, чтобы девушке не повредили? — спросил он у Барнса. — Можете ли вы связаться с десантными отрядами, там, в типографии?

Поднеся к губам висевший у него на поясе микрофон, директор полиции Барнс сказал:

— Капитана Малларда, пожалуйста.

— Маллард слушает, господин директор. — Нервный голос, выдающий сильное возбуждение и стресс.

— Господин Председатель Совета предложил мне попросить вас проследить, чтобы тот мужчина с девушкой...

— Только девушка, — перебил Грэм.

— ...Чтобы та девушка, которую только что в боковой комнате уложил из успокаивающего ружья Хоппа Б-14 зеленый, была защищена. Давайте глянем — я попробую установить координаты. — Барнс искоса, както по-совиному, впился в экран. — Координаты 34, 21, затем 9 или 10.

— Это, должно быть, справа и чуть впереди от моей позиции, — отозвался Маллард. — Да, я немедленно распоряжусь об этом. Мы славно поработали, господин директор, — за двадцать минут полностью овладели типографией с минимальными потерями в живой силе с обеих сторон.

— Главное — не спускайте глаз с девушки, — сказал Барнс и возвратил микрофон на пояс.

— Вы обвешаны приспособлениями, как телефонный мастер, — сообщил ему Грэм.

— Вы опять делаете то же самое, — холодно сказал ему Барнс.

— Что я такое делаю?

— Смешиваете вашу личную жизнь с общественной. Я насчет той девушки.

— У нее странное лицо. Худощавое, как ирландское рыло.

— Господин Председатель Совета, нам угрожает вторжение инопланетных форм жизни; нам угрожает массовый бунт, который может...

— Такую девушку увидишь раз в двадцать лет, — перебил Грэм.

— Могу я попросить вас об одном одолжении? — спросил Барнс.

— Ясное дело. — Уиллис Грэм пришел теперь в хорошее расположение духа; его порадовала эффективность действий полиции при захвате типографии на Шестнадцатой авеню, а его либидо было приведено в рабочее состояние при виде той странной девушки. — А что за одолжение?

— Я хочу, чтобы вы — в моем присутствии — поговорили с тем человеком — мужчиной из 3XX24J... Я хотел бы выяснить, преобладает ли в нем позитивное чувство в связи с тем, что сообщил Провони, и тем, что Провони везет с собой подмогу, — или его боевой дух сломлен в результате рейда полицейского десантного отряда. Другими словами...

— Обычная проба, — закончил за него Грэм.

— Да.

— Ладно. Я взгляну на него. Но желательно сделать это поскорее — лучше бы до возвращения Провони. Абсолютно все должно быть сделано до того, как прибудет Провони со своими монстрами. — Он покачал головой. — Что за ренегат! Что за безжалостный, низкопробный, эгоистичный, властолюбивый, амбициозный, беспринципный ренегат! Он должен войти в учебники по истории именно с такой характеристикой. — Грэму понравилось собственное описание Провони. — Запишите, что я сказал, — велел он Барнсу. — Я хотел бы, чтобы это вставили в следующее же издание энциклопедии «Britannica» — именно так, как я сказал. Слово в слово.

Вздыхая, директор полиции Барнс достал блокнот и старательно записал высказывание Грэма.

— Добавьте туда, — сказал Грэм, — умственно дефективное, фанатически радикальное существо — отметьте: существо, а не человек, — верящее, что любые средства хороши для достижения цели. А какова в данном случае цель? Разрушение системы, где власть передана и удерживается в руках тех, кто физически более приспособлен для того, чтобы править. Системы, где властвуют более компетентные, а не более популярные. Кто лучше — более компетентные или более популярные? Миллард Филлмор был популярен. Также и Резерфорд Б. Хейес. Также и Черчилль. И Лайонс. Но все они, что самое главное, были некомпетентны. Понимаете, о чем я толкую?

— В каком смысле Черчилль был некомпетентен?

— Он выступал в поддержку массированных ночных бомбардировок жилых районов с мирным населением, вместо того чтобы наносить удары по ключевым мишеням. В результате Вторая мировая война продлилась еще на год.

— Да, я вас понимаю, — сказал Барнс и подумал: «Я не нуждаюсь в уроках по основам гражданственности...» — что было тут же подмечено Грэмом. Это и многое другое.

— Я взгляну на того мужчину из 3XX24J сегодня в шесть вечера по нашему времени, — сказал Грэм. — Доставьте его сюда. Доставьте сюда их обоих — и девушку тоже. — Он поймал еще более неприязненные, вольнодумные мысли Барнса, но не стал уделять им внимания. Подобно большинству телепатов, он научился игнорировать огромную массу зачаточных людских мыслей: враждебность, скуку, открытое отвращение, зависть. Мыслей, о многих из которых не подозревал и сам их «хозяин». Телепату приходилось быть толстокожим. В особенности ему приходилось выучиваться иметь дело с сознанием индивида, а не с невнятной мешаниной его бессознательных процессов. Там можно было обнаружить едва ли не все, что угодно... и едва ли не у кого угодно... У каждого клерка, прошедшего через канцелярию Грэма, возникали мимолетные мысли о том, чтобы уничтожить своего начальника и занять его место... А кое-кто метил и куда выше; фантастические, маниакальные помыслы возникали у самых, казалось бы, безропотных мужчин и женщин — по большей части они были Новыми Людьми.

Кое-кого из них, кто питал уж откровенно безумные мысли, Грэму приходилось по-тихому госпитализировать. На благо всем окружающим... а в особенности себе самому. Несколько раз он ловил мысли о покушении на него, причем из самых неожиданных источников — как мелких, так и значительных. Как-то раз один квалифицированный специалист из Новых Людей, монтировавший линию видеосвязи в личной канцелярии Грэма, долго замышлял пристрелить его — и принес для этого пистолет. Раз за разом этом выплывало наружу; беско-

нечно повторяющаяся фабула, вызванная к жизни пятьдесят восемь лет назад, когда два новых класса людей заявили о себе. Он привык к этому... впрочем, привык ли? Пожалуй, что и нет. Но с этим он жил всю жизнь, и теперь, в одной из последних партий этой игры, он и представить себе не мог, что потеряет свою способность к адаптации — теперь, когда Провони и его инопланетные друзья собирались заступить ему дорогу.

— Как зовут того мужчину из квартиры 3XX24J? — спросил он у Барнса.

— Это я еще должен выяснить, — ответил Банс.

— А вы уверены, что та девушка не его жена?

— Его жену я мельком видел на фотографии. Жирная, противная — сварливая баба, как можно заключить из видеозаписи, сделанной устройством, вмонтированным в крышку стола у них в квартире. Типового стола 243, что стоит во всех этих квартирах стиля квазимодерн.

— Чем он зарабатывает на жизнь?

Барнс посмотрел в потолок, облизнул нижнюю губу и ответил:

— Он нарезчик протектора. На стоянке подержанных скибов.

— Это еще что за чертовщина?

— Ну, берут они, скажем, скиб, и осмотр показывает, что протектор на шинах совсем стерся. Тогда он берет раскаленную железку и нарезает новый, фальшивый протектор на том, что осталось от шины.

— Это незаконно?

— Нет.

— Ладно, теперь будет незаконным, — сказал Грэм. — Я только что принял какой-то закон; сделайте там добавление. Нарезка протектора является преступлением. Она представляет опасность.

— Есть, господин Председатель Совета. — Барнс сделал пометку в своем блокноте, подумав при этом: «На нас вот-вот обрушатся инопланетные существа, и вот о чем думает Грэм — о нарезке протектора».

— Нельзя обходить вниманием мелкие вопросы, целиком сосредоточиваясь на более значительных, — указал Грэм, отвечая на мысль Барнса.

— Но в такое время, как сейчас...

— Немедленно позаботьтесь об официальном объявлении нарезки протектора судебно наказуемым проступком, — перебил Грэм. — Проследите, чтобы каждая стоянка подержанных скибов не позднее пятницы получила об этом письменное — подчеркните: письменное — уведомление.

— Почему бы нам не вынудить инопланетян приземлиться, — ядовито спросил Барнс, — чтобы потом этот человек так нарезал бы им протектор, что когда они собрались бы прокатиться, то их шины рванули бы к чертовой матери и все они погибли бы в результате этой аварии?

— Это напоминает мне один анекдот про англичан, — сказал Грэм. — Во время Второй мировой войны итальянское руководство

было страшно обеспокоено — и не зря — высадкой англичан в Италии. Тогда было предложено, чтобы во всех отелях, где остановятся англичане, им назначали бы жутко завышенную цену. Англичане, ясное дело, были слишком воспитанны, чтобы выражать недовольство; им легче было уехать — и все они уехали из Италии. Слышали этот анекдот?

— Нет, — ответил Барнс.

— Мы действительно оказались в дьявольски неприятном положении, — сказал Грэм. — Даже хотя мы и прикончили Кордона и вытряхнули типографию на Шестнадцатой авеню.

— Совершенно верно, господин Председатель Совета.

— Судя по всему, мы даже не сможем перехватать всех Низших Людей, а эти пришельцы могут оказаться вроде марсиан из «Войны миров» Г. Дж. Уэллса; в один прием они проглотят Швейцарию.

— Давайте оставим наши предположения на будущее, пока мы реально с ними не столкнемся, — предложил Барнс.

Грэм уловил у него усталые мысли о долгом отдыхе... и одновременно понимание того, что для каждого из них не ожидается отдыха — как долгого, так и любого другого.

— Мне очень жаль, — произнес Грэм, отвечая на мысли Барнса.

— Вы тут ни при чем.

— Я должен подать в отставку, — угрюмо пробормотал Грэм.

— В пользу кого?

— Вы, двухпиковые, кого-нибудь подыщете. Типа вас.

— Это следовало бы обсудить на совете.

— Нет, — сказал Грэм. — Я не собираюсь подавать в отставку. И ни на каком заседании Совета это обсуждаться не будет.

Он уловил мимолетную, быстро подавленную мысль Барнса: «А может быть, и будет. Если тебе не удастся справиться с этими пришельцами — да еще и с внутренним восстанием».

Грэм подумал: «Они скорее убьют меня, чем уберут с этого поста. Придется им найти какой-нибудь способ меня прикончить. А прикончить телепата не так просто. Все же они, вероятно, ищут возможности», — решил Грэм.

Удовольствия от этой мысли он не испытывал.

Глава 15

Сознание вернулось, и Ник Эпплтон обнаружил себя растянувшимся на зеленом полу. Зеленый — цвет пидоров, государственной полиции. Он был в лагере ПДР для интернированных — вероятно, в каком-то промежуточном.

Подняв голову, он украдкой огляделся. Тридцать — сорок человек, многие с повязками, многие ранены и истекают кровью. «Похоже, я

один из счастливчиков, — заключил он. — И Чарли — она должна быть где-то среди женщин, пронзительно визжа на своих захватчиков. Ох и устроит же она им побоище, — подумал он, — она отобьет им все яйца, когда они придут, чтобы перевезти ее в постоянный лагерь для перемещенных. Я-то, конечно, никогда уже ее не увижу, — решил он. — Она сияла как звезда; я любил ее. Пусть даже так недолго. Получилось, словно я заглянул за кулисы обыденной жизни и увидел, что мне нужно для счастья и как я нуждаюсь в этом счастье».

— У тебя случайно нет с собой никаких болеутоляющих? — спросил у Ника сидевший рядом парень. — У меня сломана нога — из-за этого черт знает какая пронзительная боль.

— К сожалению, нет, — ответил Ник и вернулся к своим мыслям.

— Не вешай носа, — сказал парень. — Не позволяй пидорам забраться к тебе вовнутрь. — Он хлопнул себя по макушке.

— Понимание того, что весь остаток жизни я могу провести в лагере для перемещенных на Луне или на юго-западе Юты, не слишком располагает к веселью, — саркастически отозвался Ник.

— Но ведь ты, — возразил парень с блаженной сияющей улыбкой, — слышал новости, что Провони возвращается, и с подмогой. — Глаза его загорелись, даже несмотря на боль в ноге. — Никаких лагерей для перемещенных больше не будет. «Пала завеса шатра — и небо свернется, как свиток».

— С тех пор, как это было написано, мы ждали две тысячи с лишним лет, — заметил Ник. — Но так ничего и не случилось. — «Еще и дня не прошло, как я Низший Человек, — подумал Ник, — и вот те на! Что из меня вышло».

Съежившийся поблизости длинный худой мужчина, над правым глазом которого зияла глубокая необработанная рана, спросил:

— Кто-нибудь из вас знает, успели они передать послание от Провони в какую-то другую типографию?

— Да, конечно. — В глазах золотоволосого парня вспыхнули вера и убежденность. — Они сразу все поняли; от наших операторов связи требовалось только щелкнуть переключателем. — Он лучезарно улыбнулся Нику и длинному худому мужчине. — Разве это не замечательно? — спросил он. — Все, даже вот это. — Он указал на их собратьев по плохо освещенной, неважно вентилируемой камере. — Это великолепно! Это прекрасно!

— Это тебя воодушевляет? — спросил Ник.

— Я не очень знаком с литературой предыдущих столетий, — ответил парень, с презрением отвергая анахронизм Ника. — С этим я могу жить! Все это — мое. Пока не приземлится Торс Провони. Он скоро приземлится, и небо...

Служащий полиции в штатском подошел к ним и полистал какую-то подшивку.

— Это ты заходил в 3XX24J? — спросил он у Ника.

— Меня зовут Ник Эпплтон, — ответил Ник.

— Для нас ты человек, заходивший в такую-то квартиру в определенное время определенного дня. Так ты 3XX24J или нет? — Ник кивнул. — Вставай и идем со мной, — приказал полицейский охранник и проворно зашагал к двери.

Ник с трудом сумел подняться, приняв какую-то уродливую стойку; в конце концов он присоединился к менту, со страхом думая о происходящем.

Пока мент отпирал дверь, используя сложную электронную колесную систему со стремительным вращением номеров, один из мужчин, сидевший на полу спиной к стене, сказал Нику:

— Удачи, браток.

Его сосед снял с уха наушник транзистора и сообщил:

— Только что средства информации передали новость. Они убили Кордона. Они решились на это; они действительно это сделали. «Он скончался от хронической болезни печени», — сказали они, но это вранье — не было у Кордона никакого печеночного недомогания. Его расстреляли.

— Пошли, — сказал мент и с силой швырнул Ника в дверной проем, из камеры, дверь которой тут же сама собой захлопнулась.

— Это правда насчет Кордона? — спросил Ник у мента, зеленого пидора.

— Хрен знает. — Потом мент добавил: — А если так, то мысль хорошая. Не знаю, чего они держали его в Брайтфорте все это время; чего они там никак не могли решиться? Ну, ты-то узнаешь об этом, когда перекинешься парой-другой слов с таким Аномалом, как Председатель Совета. — Он продолжал идти по коридору, а Ник — следом.

— Слышал, что Торс Провони возвращается? — спросил Ник. — И с обещанной подмогой?

— Мы их всех отоварим, — заявил мент.

— Почему ты так решил?

— Заткнись и топай! — рявкнул мент, его большая голова — увеличенный череп Нового Человека — злобно вскинулась. Он выглядел сердитым и агрессивным и старался найти любую возможность применить к кому-нибудь свою металлическую дубинку.

«Он прикончил бы меня прямо здесь, — подумал Ник, — если бы мог. Но он вынужден выполнять приказы».

Все же мент устрашил его — особенно та ненависть, что выразилась на лице пидора, когда Ник упомянул о Провони. «Они могут устроить черт знает какое побоище, — понял Ник. — Если только этот выражает их общее настроение».

Мент шагнул в дверной проем; Ник последовал за ним... и увидел, окинув одним взглядом, нервный центр полицейского аппарата. Небольшие экраны мониторов — многие сотни их — и множество ментов, — каждый обозревает сектор из четырех экранов. Жуткая

какофония — жужжание, гудение и треск по всему объемистому помещению; люди, мужчины и женщины, мельтешили тут и там, выполняя мелкие поручения — вроде того, что было возложено на пылающего злобой Нового Человека, сопровождавшего Ника. Черт знает какое тут царило беспокойство. Впрочем, ПДР было занято вылавливанием всех известных им Низших Людей; одно это должно было наложить тяжелое бремя на электронно-неврологическое оборудование и на тех, кто с ним работал.

Даже за эти короткие мгновения Ник успел заметить, как они устали. На их лицах не было ни радости, ни торжества. «Ну что, — подумал он, — убийство Кордона не слишком вас подбодрило?» Впрочем, они, как и Низшие Люди, смотрели вперед. Внутренняя часть работы: бомбардировки и налеты на типографии, облавы на Низших Людей — все это, вероятно, должно было быть проделано в течение трех суток.

«А почему трех суток?» — спросил себя Ник. Те два послания не позволяли определить местоположение корабля — и все же такова была, казалось, общая оценка: у них остались какие-нибудь несколько дней, и все. «А если предположить, что ему еще год пути? — подумал Ник. — Или пять лет?»

— 3XX24J, — обратился к нему сопровождающий, — я передаю тебя представителю Председателя Совета. Он будет вооружен — так что без геройства.

— Ладно, приятель, — ответил Ник, чувствуя, что несколько подавлен происходящими вокруг процессами. Мужчина в обычном деловом костюме — пурпурные рукава, кольца, ботинки с загибающимися вверх носками — подошел к нему. Ник пристально изучил его. Находчивый, преданный своему делу и, конечно, Новый Человек. Его большая голова колыхалась над туловищем; он не использовал привычный кронштейн для укрепления шеи, который был в моде у многих Новых Людей.

— Вы 3XX24J? — спросил мужчина, изучая ксероконию какого-то документа.

— Я Ник Эпплтон, — каменным голосом ответил Ник.

— Да, эти системы опознавательных номеров действительно никуда не годятся, — согласился уполномоченный Председателя Совета. — Вы работаете — вернее, работали — в качестве... — Он нахмурился, затем поднял массивную голову. — Кого? «Нарезчика протектора»? Это верно?

— Да.

— И сегодня вы примкнули к Низшим Людям вместе со своим нанимателем, Эрлом Дзетой, за которым полиция наблюдала, по-моему, уже несколько месяцев. Ведь это я о вас говорю, так ведь? Мне надо убедиться, что я пропускаю требуемого человека. Здесь у меня отпечатки ваших пальцев; мы прогоним их через печатные архивы. К тому времени, как вас увидит господин Председатель Совета, отпечатки бу-

дут — или не будут — подтверждены. — Он сложил документ и аккуратно поместил его в папку. — Идемте.

Ник еще раз пристально вгляделся в громадный, напоминавший пещеру зал с десятью тысячами экранов мониторов. «Эти люди, — подумал он, — скользят здесь как рыбы — пурпурные рыбы, — как мужские, так и женские особи, — время от времени сталкивающиеся друг с другом подобно молекулам жидкости».

А затем ему явилось видение ада. Все они предстали ему как эманированные духи, лишенные реальных тел. Эти служащие полиции, шныряющие там и сям со своими поручениями, — они давным-давно отказались от жизни, и теперь вместо того, чтобы жить, они лишь впитывали жизненность с экранов, за которыми следили, — точнее, от людей на этих экранах. «Коренные народности Южной Америки, возможно, и правы, — подумал Ник, — считая, что тот, кто забирает чью-то фотографию, похищает душу этого человека. Что это, как не миллионная, миллиардная, нескончаемая вереница таких изображений? Бредни, — подумал он. — Я просто пал духом; от страха меня одолели всякие суеверия».

— То помещение, — сообщил уполномоченный Председателя Совета, — представляет собой источник данных для ПДР по всей планете. Впечатляюще, не правда ли? Все эти отслеживающие экраны... а ведь вы видите только часть — строго говоря, вы видите перед собой филиал, учрежденный два года назад. Основной нервный комплекс отсюда не виден, но, поверьте моему слову, он несравнимо больше.

— Несравнимо? — переспросил Ник, удивляясь выбору слов. Он слабо ощутил что-то вроде некоторой симпатии к нему со стороны уполномоченного Председателя Совета.

— Почти миллион служащих полиции приходится держать у смотровых экранов. Громадный штат.

— Но это помогло им? — спросил Ник. — Сегодня? Когда они предприняли первую облаву?

— О да; система работает. Но это же просто насмешка, что на нее уходит столько людей и человеко-часов, если задуматься, что первоначальная идея в целом была...

Рядом с ним возник офидант полиции в униформе.

— Выходите отсюда и доставьте этого человека к Председателю Совета. — Тон его был угрожающим.

— Есть, сэр, — ответил уполномоченный и повел Ника по коридору к широкой парадной двери из прозрачного пластика. — Барнс, — произнес уполномоченный, обращаясь наполовину к самому себе; он хмурился с гордым, хотя и несколько смущенным видом. — Барнс — человек, наиболее приближенный к господину Председателю Совета, — сказал он. — У Уиллиса Грэма есть целый совет из десяти женщин и мужчин, а с кем он всегда консультируется? С Барнсом. Не говорит ли это вам о соответствующих мыслительных процессах?

«В очередной раз Новый Человек не приемлет Аномала», — понял Ник; он не сделал по этому поводу никаких замечаний, пока они забирались в сверкающий алый скиб, украшенный официальным правительственным клеймом.

Глава 16

Сидя в небольшой современно оформленной канцелярии со свисающими у него над головой новейшими звездчатыми конструкциями, Ник Эпплтон равнодушно прислушивался к доносившейся оттуда музыке. Сейчас эта чертова штуковина играла фрагменты из Фиктора Герберта. «О Боже, — устало подумал Ник; он сидел сгорбившись, опустив лицо на ладони. — Чарли, — мысленно воззвал он. — Ты жива? Ты ранена или у тебя все в порядке?»

Он решил, что все у нее в порядке. Чарли так просто не прикончат. Она будет жить долго-долго — куда дольше ста двенадцати лет, среднего возраста населения.

«Интересно, а нельзя ли мне отсюда выбраться?» — подумал он, обнаружив перед собой две двери: ту, через которую они вошли, и другую, ведущую, очевидно, во внутренние, более потаенные помещения. Он опасливо подергал за ручку первой двери. Заперто. Тогда он с предельной осторожностью приблизился к двери, ведущей во внутренние помещения; затаив дыхание, он повернул ручку и выяснил, что эта дверь также заперта.

И тут включился сигнал тревоги. Ник слышал его звон. «Проклятье!» — остервенело сказал он себе.

Внутренняя дверь отворилась; за ней стоял директор полиции Барнс, выглядящий довольно внушительно в роскошной зеленой униформе светлого оттенка, которую носили только высшие полицейские чины.

Они стояли, уставившись друг на друга.

— 3XX24J? — спросил директор Барнс.

— Ник Эпплтон. 3XX24J — это номер квартиры, причем даже не моей. Был, во всяком случае. Ваши люди, вероятно, камня на камне там не оставили, разыскивая кордонитскую литературу. — Тут он впервые вспомнил о Клео. — А где моя жена? — потребовал он ответа. — Может быть, она ранена или убита? Могу я увидеть ее? — «И моего сына, — подумал он. — Его в особенности».

Барнс повернул голову и через плечо произнес:

— Проверьте 7Y3ZRR и убедитесь, все ли в порядке с женщиной. И с мальчиком тоже. Доложите мне немедленно. — Он вновь повернулся к Нику. — Вы ведь не имели в виду ту девушку, что была с вами в одной комнате в типографии на Шестнадцатой авеню? Вы имели в виду вашу законную жену.

— Я хочу знать о них обеих, — ответил Ник.

— Девушка, что была с вами в типографии, чувствует себя замечательно. — Он не стал уточнять, но достаточно было и этого: Чарли выжила. Ник поблагодарил за это Бога. — Нет ли у вас вопросов, которые вам хотелось бы задать, прежде чем мы встретимся с господином Председателем Совета?

— Мне нужен адвокат, — заявил Ник.

— Вы не можете воспользоваться услугами адвоката, поскольку принятое в прошлом году правовое законодательство запрещает законное представительство любого уже арестованного лица. Впрочем, вам в любом случае не помог бы адвокат — даже если бы вы увиделись с ним до ареста, — поскольку ваше преступление по своей природе чисто политическое.

— А в чем заключается мое преступление? — поинтересовался Ник.

— Ношение кордонитской литературы. Карается десятью годами лагерей для перемещенных. Пребывание в присутствии других — известных вам — кордонитов. Пять лет. Пребывание в здании, где нелегальная литература...

— Спасибо, достаточно, — прервал его Ник. — В общем, лет на сорок.

— Согласно букве закона. Впрочем, если вы окажетесь полезны мне и господину Председателю Совета, мы, возможно, могли бы добиться поглощения одним сроком других. Прошу входить. — Он жестом указал на открытую дверь, и Ник молча прошел вовнутрь, в превосходно отделанную канцелярию... впрочем, канцелярию ли? Полкомнаты занимала громадная кровать, и на этой кровати, опираясь на подушки, лежал Уиллис Грэм, верховный правитель всей планеты, а на животе у него покоился поднос с ленчем. По всей кровати была разбросана всевозможная печатная продукция; Ник различил цветовую маркировку доброго десятка правительственных ведомств. Было непохоже, что эти материалы кто-то читал — они выглядели слишком безупречными, новехонькими.

— Мисс Найт, — произнес Уиллис Грэм в лицевой микрофон, прикрепленный к отвислой нижней челюсти, — заберите, пожалуйста, этих цыплят а-ля королевское блюдо — я не голоден.

Стройная, почти безгрудая женщина вошла в комнату и подхватила поднос.

— Не желаете ли... — начала она, но Грэм, махнув рукой, оборвал ее. Она мгновенно умолкла и быстро вышла из комнаты с подносом.

— Знаете, откуда мне приносят еду? — спросил Уиллис Грэм у Ника. — Из местного кафетерия, вот откуда. Какого черта... — Теперь он обращался к Барнсу. — Какого черта я не соорудил специальную кухню для себя лично? Я наверняка сумасшедший. Думаю, я подам в отставку. Вы, Новые Люди, совершенно правы — мы, Аномалы, просто уроды. Мы не из того теста, чтобы править.

— Я мог бы, — сказал Ник, — взять такси до приличного ресторана вроде «Флоры» и прихватить там для вас...

— Нет-нет, — резко оборвал его Барнс.

Грэм повернулся и стал с любопытством разглядывать его.

— Этот человек находится здесь по весьма значительному поводу, — возбужденно проговорил Барнс. — Он не ваш домашний слуга. Если вам нужен ленч получше, пошлите за ним кого-нибудь из вашего персонала. А это — тот самый человек, о котором я вам говорил.

— Ах да, — кивнул Грэм. — Ну, валяйте, допрашивайте его.

Барнс уселся на высокий прямой стул середины 1820-х годов; вероятно, французский. Затем он вытащил диктофон и нажал на кнопку.

Садясь на стул напротив Барнса, Ник заметил:

— Я думал, меня привели сюда для встречи с господином Председателем Совета.

— Так и есть, — подтвердил Барнс. — Председатель Грэм будет время от времени вмешиваться, чтобы уточнить соответствующие детали... не так ли, господин Председатель Совета?

— Ага, — подтвердил Грэм, но мысли его были, казалось, где-то далеко. «Все они вымотались, — подумал Ник. — Даже Грэм. Особенно Грэм. Это все от ожидания — оно подорвало их силы. Теперь, когда «враг» здесь, они слишком обессилены, чтобы реагировать. Если не считать того, — вспомнил он, — что они действительно проделали славную работенку с типографией на Шестнадцатой авеню. Возможно, это уныние не распространилось на нижние уровни полицейской иерархии; возможно, оно охватило только верхушку, где знакомы с истинным положением дел...» — Он вдруг прервал свои размышления.

— Интереснейший материал циркулирует у вас в голове, — заметил Грэм, телепат.

— Да, верно, — ответил Ник. — Я совсем забыл.

— Вы совершенно правы, — сказал Грэм. — Я вымотался. Но я могу быть почти все время вымотанным; работа проводится главами ведомств, которым я полностью доверяю.

— Ваша идентификация, — повторил Барнс.

— 7Y3ZRR, но с недавних пор 3XX24J, — сдался наконец Ник.

— Сегодня вы были арестованы в кордонитской типографии. Вы Низший Человек?

— Да, — ответил Николас Эпплтон.

На какое-то время все замолчали.

— Когда же, — спросил затем Барнс, — вы стали Низшим Человеком, последователем этого демагога Кордона с его лживыми публикациями, утверждающими, что...

— Я стал Низшим Человеком, — перебил Ник, — когда мы получили результаты тестирования нашего сына для Государственной гражданской службы. — «Когда я увидел, как они исхитрились протестировать его на основе тех вопросов, которые он даже не сумел бы толком осмыслить, — когда я понял, что все годы моей веры в правительство пропали даром. Когда я вспомнил, как много людей

пытались открыть мне глаза, но им это не удалось. Я был слеп, пока не пришли результаты тестирования, пока я не просмотрел ксерокопию теста и не понял, что у Бобби и не было никаких шансов. «Каковы компоненты, определяемые формулой Блэка, сочетание которых приводит к сетевому захвату в глубине поверхности отдельно взятой молекулы в случае, если первоначальные данности все еще оказывают свое воздействие — как живые, так и квазиживые — в эйгенвельтах, частично покрывающих только одну...» Формула Блэка. Доступная пониманию лишь Новых Людей. И они требовали от ребенка, чтобы он сформулировал получающееся в результате pari passu, основанное на постулатах этой непредставимой системы».

— Ваши мысли по-прежнему интересны, — сказал Грэм. — Не скажете ли вы мне, кто проводил тестирование вашего сына?

— Норберт Вайсс, — ответил Ник. Не скоро же он забудет это имя. — А фамилия другого мужчины была в документе. Какой-то Джером. Пайк. Нет, Пайкман.

— Итак, — продолжил Барнс, — воздействие на вас Эрла Дзеты дало свой результат только после того случая с вашим сыном. До этого все наставления Дзеты не имели никакого...

— Дзета ничего мне не говорил, — возразил Ник. — Все получилось из-за новостей о готовившейся казни Кордона; я увидел, как это подействовало на Дзету, и сразу понял, что... — Он погрузился в молчание. — Я должен был выразить протест, — сказал он затем. — Любым способом. Эрл Дзета открыл мне этот способ. Мы выпили... — Прервавшись, он потряс головой, пытаясь собраться с мыслями — успокоительный заряд все еще действовал на его организм.

— Спиртное? — спросил Барнс. Он сделал об этом голографическую отметку шариковой ручкой в записной книжке, близоруко поднеся ее к самому лицу.

— Да-а, — протянул Грэм. — «In vino veritas», как говорили древние римляне. Знаете, что это означает, мистер Эпплтон?

— Истина в вине.

— К этой поговорке есть добавление: «...сказала бутылка», — язвительно проговорил Барнс.

— Я верю в то, что «in vino veritas», — заявил Грэм и рыгнул. — Надо бы мне поесть, — пожаловался он. — Мисс Найт, — произнес он в лицевой микрофон, — пожалуйста, пошлите кого-нибудь в... как вы сказали, Эпплтон? Какой ресторан?

— «Флора», — сказал Ник. — Их запеченная лососина с Аляски — просто райское наслаждение.

— Откуда у вас столько юксов, чтобы посещать такие заведения, как «Флора»? — тут же спросил Барнс у Ника. — От вашего заработка нарезчика протектора?

— Мы были там однажды с Клео, — ответил Ник. — На первую годовщину нашей свадьбы. Это обошлось нам в недельный заработок,

включая чаевые, но вечер того стоил. — Этого он никогда не забывал и никогда не забудет.

Сделав отрывистый жест, Барнс продолжил допрос:

— Итак, затаенное чувство обиды, которое могло бы никогда не достичь уровня поступка, — это чувство обиды выразилось в действии, когда Эрл Дзета предложил вам способ заявить о ваших чувствах, примкнув к движению. Если бы он не был Низшим Человеком, ваше чувство обиды могло бы так и не выплеснуться на поверхность.

— Что вы пытаетесь доказать? — раздраженно спросил Грэм.

— То, что теперь, стоит нам уничтожить нервные центры Низших Людей, стоит нам прибрать к рукам людей вроде Кордона...

— Кордона мы прибрали, — подчеркнул Грэм. — Вы знали об этом? — спросил он у Ника. — Что он умер от неизлечимого хронического заболевания печени, при котором невозможно было применить трансплантант? Вы слышали об этом по радио? Или по телевизору?

— Слышал, — ответил Ник. — Что он был застрелен наемным убийцей, подосланным в его камеру.

— Это неправда, — возразил Грэм. — Он умер вовсе не в своей камере, а на операционном столе тюремного госпиталя во время попытки пересадить ему искусственный орган. Мы сделали все возможное, чтобы спасти его.

«Нет, — подумал Ник. — Ты этого не сделал».

— Вы мне не верите? — спросил Грэм, прочитав его мысли, и повернулся к Барнсу. — Вот вам ваша статистика: он — само воплощение обычного человека из Старых Людей, — и он не верит, что Кордон умер естественной смертью. Можете ли вы из этого заключить, что такое же неверие будет и в масштабах всей планеты?

— Разумеется, — кивнул Барнс.

— Ладно, черт с ними, — махнул рукой Грэм. — Меня не волнует, во что они там верят; для них все кончено. Все они просто крысы, выглядывающие там и сям из канавы и ждущие, что мы переловим их одну за другой. Вы так не считаете, Эпплтон? Ведь у примкнувших, вроде вас, теперь уже нет места, куда бы пойти, и вождей, которых можно послушать. — Барнсу он сказал: — Так что, когда Провони приземлится, его некому будет приветствовать, не будет никаких толп верующих — все они улетучатся, как, например, сидящий здесь Эпплтон. Только вот он был пойман — так что ему полагается юго-восток штата Юта или Луна, если он ее предпочтет. Вы предпочитаете Луну, мистер Эпплтон? Мистер 3XX24J?

Тщательно подбирая слова, Ник произнес:

— Я слышал, что в лагеря для перемещенных иногда отправляли целыми семьями. Это правда?

— Вы хотите быть с вашей женой и сыном? Но ведь они ни в чем не обвиняются. — Барнс обнажил зазубренный клык, доводя свою мысль до завершения. — Мы могли бы обвинить их в...

— В нашей квартире вы найдете брошюру Кордона, — вырвалось у Ника. Как только он сказал это, ему тут же захотелось взять эти слова назад — Господи, как же ему этого захотелось! «Зачем я это сделал? — спросил он себя. — Но ведь мы должны быть вместе». А потом он подумал о маленькой хулиганке Чарли, с ее большими черными глазами и вздернутым носиком. О ее крепком, стройном, безгрудом теле... и о ее всегда радостной улыбке. «Как у персонажа Диккенса, — подумал он. — Трубочистка. Разбойница из Сохо. Ведущая по своему пути избавления от беды, уговаривающая кого-то о чем-то. Уговаривающая во что бы то ни стало. Всегда уговаривающая. И всегда со своей особенной светящейся улыбкой, словно весь мир — огромный лохматый пёс, и ей не терпится его обнять. Мог бы я отправиться с ней? — задумался он. — Вместо Клео и Бобби. Вправе ли я с ней отправиться? Разрешено ли это законом?»

— Запрещено, — отозвался Грэм со своей чудовищных размеров кровати.

— Что запрещено? — спросил Барнс.

— Он хочет отправиться в лагерь с той девушкой, которую мы видели с ним в типографии на Шестнадцатой авеню, — неторопливо объяснил Грэм. — Вы помните ее?

— Та, что вас заинтересовала, — ответил Барнс.

Мурашки страха забегали у Ника по спине; сердце его вначале захолонуло, а затем бешено заколотилось, стремительно накачивая кровью конечности. «Значит, это правда, насчет Грэма, — подумал он. — То, что говорят о его распутстве. Значит, его брак...»

— Похож на ваш, — докончил за него Грэм.

— Вы правы, — немного погодя сказал Ник.

— Какая она из себя?

— Дикая и необузданная. — «Но мне совсем не обязательно говорить вслух», — дошло до него. Все, что от него требовалось, — это подумать о ней, представить ее, воскресить в памяти подробности их недолгой близости. А Грэм подобрал бы все это, как только бы Ник об этом подумал.

— С ней могли быть неприятности, — сказал Грэм. — А этот Дэнни, ее парень, похоже, психопат или что-то в этом роде. Если вы правильно вспоминаете, то все общение между ними какое-то нездоровое. Она нездоровая девушка.

— В здоровом окружении... — начал Ник, но Барнс перебил его:

— Могу ли я продолжить допрос?

— Разумеется, — ответил Грэм, угрюмо отстраняясь; Ник понял, что грузный пожилой мужчина сосредоточил внимание внутри себя, на собственных мыслях.

— Если бы вас освободили, — спросил Барнс, — то какой была бы ваша реакция... что бы вы сделали, если бы — я подчеркиваю: если бы — Торс Провони вернулся? И со своей чудовищной подмогой? Подмогой, предназначенной для порабощения Земли, поскольку...

— О Боже! — простонал Грэм.

— Что такое, господин Председатель Совета? — спросил Барнс.

— Ничего, — снова простонал Грэм. Он повернулся на бок, его седые волосы рассыпались по белоснежным подушкам. Обесцвечиваясь так, словно что-то избегавшее света проникло в них, показывая только свою волокнистую кожу.

— В каком из предлагаемых ниже вариантов выразилась бы ваша реакция? — продолжил Барнс. — Вариант первый: истерический восторг без всяких оговорок. Вариант второй: умеренное удовлетворение. Вариант третий: безразличное отношение. Вариант четвертый: некоторая тревога. Вариант пятый: вы вступили бы в ряды ПДР или военной организации, готовой сражаться с инопланетными агрессорами. Какая из этих альтернатив более всего подошла бы вам, если здесь вообще такая имеется?

— А нет ли чего-нибудь между «истерическим восторгом без всяких оговорок» и «умеренным удовлетворением»? — спросил Ник.

— Нет, — ответил Барнс.

— А почему?

— Мы хотим знать, кто наши враги. Если бы вы были в «истерическом восторге», то стали бы действовать. Чтобы помочь им. Но если бы вы испытывали только «умеренное удовлетворение», то вы, скорее всего, ничего бы не сделали. Именно это и выясняется с помощью предложенных альтернатив: станете ли вы действовать как явный враг государственных институтов, и если так, то в какой степени и в каком направлении.

Грэм, чей голос приглушали подушки, пробормотал:

— Он не знает. Боже мой, он ведь только сегодня утром стал Низшим Человеком! Так откуда же, черт побери, будет ему известно, как он себя поведет?

— Однако у него были целые годы, — указал Барнс, — чтобы подумать о возвращении Провони. Не забывайте об этом. Его реакция, какой бы она ни была, будет в значительной мере обусловлена. — Он обратился к Нику: — Выберите ответ.

После некоторой паузы Ник сказал:

— Это зависит от того, что вы сделаете с Чарли.

— Рассмотрите и экстраполируйте это, — сказал Грэм Барнсу и хихикнул. — А вам я могу сказать, что, по всей видимости, будет с Шарлоттой. Ее доставят сюда, где она будет в безопасности от этого слабоумного психопата — как его там, Дэнни или Бенни? Значит, вы сбросили с хвоста «Пурпурную морскую корову» — очень хорошо. Но Шарлотта вполне могла обманывать вас, когда говорила, что это еще никому не удавалось... вы ведь об этом не задумывались. Она обвела вас вокруг своей маленькой ложноножки, так ведь? И вы с бухты-барахты заявляете своей жене: «Если она уйдет, я тоже уйду». А ваша жена говорит: «Валяй». Что вы и сделали. И все это без всякого пре-

дупреждения. Вы привели Шарлотту в свою квартиру, сочинили басню о том, как вы с ней оказались вместе, а потом Клео нашла кордонитскую брошюру и стала обвинять, — все верно. Потому что она добивалась того, что женам больше всего по душе: ситуации, в которой ее муж должен выбрать из двух зол — сделать выбор, который ему заведомо не по вкусу. Жены это просто обожают. Когда вы оказываетесь в суде по делу о разводе, вам предлагается выбрать из двух возможностей: либо вернуться к жене, либо лишиться всего вашего состояния, всей собственности, нажитой еще со студенческих лет. Да, вот уж что действительно нравится женам. — Он еще глубже зарылся в подушки. — Интервью закончено, — сонно пробормотал он.

— Прошу выслушать мои выводы, — сказал Барнс.

— Давайте, — глухо буркнул Грэм.

— Этот человек, 3XX24J, — начал Барнс, указывая на Ника, — мыслит в схожей с вами манере. Главным образом он заботится о своей личной жизни, а не о каком-то деле. Если ему будет гарантировано обладание желанной для него женщиной — когда он окончательно на это решится, — то он останется в бездействии, когда прибудет Провони.

— И что вы из этого заключаете? — пробормотал Грэм.

Барнс оживленно объяснил:

— То, что мы сегодня же, теперь же объявляем о том, что все лагеря для перемещенных — как в штате Юта, так и на Луне — упраздняются, а все заключенные возвращаются домой, к своим семьям, или куда они сами пожелают. — Голос Барнса звучал предельно резко. — До того, как прибудет Провони, мы предоставим им то, чего хочет находящийся здесь 3XX24J: обустройство. Старые Люди живут на уровне личных потребностей; ими движет вовсе не дело, не идеология. Если они и отваживаются на какое-то дело, то лишь затем, чтобы вернуть что-то утраченное в их личной жизни — чувство собственного достоинства, например, или смысл существования. Или что-то вроде лучшего жилья, межрасовых браков... ну, вы понимаете.

Встряхнувшись как мокрая псина, Грэм сел на кровати и уставился на Барнса; челюсть его отвисла, глаза выпучились... «Словно, — подумал Ник, — вот-вот его кондрашка хватит».

— Отпустить их? — переспросил Грэм. — Их всех? И даже подобных тем, кого мы схватили сегодня: самых закоренелых, носивших униформу или что-то вроде военного обмундирования?

— Да, — подтвердил Барнс. — Это рискованное предприятие, но, исходя из того, что думал и говорил гражданин 3XX24J, для меня очевидно, что он не размышляет о том, спасет ли Торс Провони Землю. Он думает: «Хорошо было бы еще раз встретиться с той упрямой сучкой».

— Старые Люди, — пробормотал Грэм. Лицо его успокоилось; кожа на нем теперь висела складками. — Если бы мы предоставили Эппл-

тону удачный выбор между обладанием Шарлоттой и лицезрением Провони, он бы действительно выбрал первое... — Но затем выражение его лица вдруг изменилось; оно сделалось вороватым, каким-то кошачьим. — Но он не может получить Шарлотту — она занята со мной. — Он сказал Нику: — Она тебе не достанется — поэтому возвращайся к Клео и Бобби. — Он ухмыльнулся. — Возвращайся туда — я так для тебя решил.

Явно недовольный ходом разговора, Барнс поинтересовался у Ника:

— Какой была бы ваша реакция как Низшего Человека, если бы все лагеря для перемещенных — взглянем правде в глаза: концентрационные лагеря — были упразднены и все были бы отправлены по домам, предположительно — к их друзьям и семьям? Как бы вы к этому отнеслись, если бы то же самое было сделано и для вас?

— Я думаю, — ответил Ник, — что это самое целесообразное, человечное и разумное решение, какое только могло бы принять правительство. Поднялась бы целая волна облегчения и радости, которая охватила бы весь земной шар. — Он почувствовал, что выражает свои чувства неудачно, штампованными фразами, но ничего лучшего ему придумать не удалось. — А вы и в самом деле решились бы на это? — недоверчиво спросил он у Барнса. — Я не могу в это поверить. В этих лагерях содержатся миллионы людей. Это было бы одно из самых человечных решений в истории всех правительств; оно никогда не было бы забыто.

— Вот видите? — обратился к Грэму Барнс. — Ну, хорошо, 3XX24J; а если бы это было сделано, как бы вы встретили Провони?

Ник понял логику.

— Я... — Он заколебался. — Провони отправился за подмогой для свержения тирании. Но если вы освободите всех заключенных и, по-видимому, упраздните категорию «Низших Людей»... Кроме того, больше не будет арестов...

— Никаких арестов, — подтвердил Барнс. — Кордонитскую литературу можно будет распространять легально.

Встряхиваясь, Грэм прокатился по кровати, тяжело дыша и молотя кулаками, пристроившись наконец в сидячем положении.

— Они расценят это как проявление слабости. — Он погрозил пальцем вначале Нику, затем, более ожесточенно, Барнсу. — Они решат, что мы сделали это, осознав, что потерпим поражение. Влияние Провони усилится! — Он пристально смотрел на Барнса, обуреваемый противоречивыми чувствами; возбужденное и подвижное лицо его постоянно меняло выражение. — Знаете, что они сделают? Они вынудят нас устроить так, — он бросил несколько обеспокоенный взгляд на Ника, — чтобы экзамены для поступления на Государственную гражданскую службу проводились честно. Другими словами, мы утратим полный контроль над тем, кого ввести в правительственный аппарат, а кого удалить оттуда.

— Нам нужна мозговая поддержка, — заметил Барнс, покусывая гладкий кончик шариковой ручки.

— Вы имеете в виду еще партию двухпиковых суперменов вроде вас? — огрызнулся Грэм. — Чтобы взять надо мной верх? Тогда почему бы нам не созвать полномочное собрание Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности? По крайней мере там ваш вид и мой вид представлены в равной степени.

— Я бы хотел, чтобы к делу был привлечен Эймос Айлд, — задумчиво проговорил Барнс. — Чтобы узнать его мнение. Для созыва Комитета потребуются сутки; Айлд же может прибыть сюда через полчаса — как вам известно, он в Нью-Джерси, занимается Большим Ухом.

— Этот шизонутый ненавистник Аномалов! Еще почище вас. Куда почище вас! Да ни за что я не стану прислушиваться к мнению, исходящему из головы в форме горошины, набитой Бог знает какой трухой и опилками.

— На сегодня Айлд — самый мыслящий интеллектуал на всей планете, — заметил Барнс. — Все мы признаем это; по всей видимости, это признаете и вы.

Трясясь от возбуждения, Грэм заявил:

— Он хочет списать меня за ненужностью. Он старается разрушить систему двух сил, благодаря которой этот мир был превращен в настоящий рай для...

— Тогда я просто пойду напролом и сам открою лагеря, — перебил его Барнс. — Не слушая ничьих мнений — ни согласных, ни противоположных. — Он поднялся, убрал ручку с блокнотом и взял свой портфель.

— Разве это неправда? — спросил Грэм. — Разве он не пытается подкопаться под Аномалов? Разве не в этом истинное назначение Большого Уха?

— Эймос Айлд, — сказал Барнс, — один из тех немногих Новых Людей, кого хоть как-то заботят Старые. Большое Ухо даст им равные возможности — способности, аналогичные вашим; это откроет им доступ в правительственные структуры. Вот гражданин 3XX24J — его сын мог бы пройти тестирование способностей и поступить в Отдел особых достижений, который много лет назад привел в правительство вас самого. И смотрите, как высоко вы теперь поднялись. Послушайте меня, Уиллис, — Старым Людям должно быть возвращено право голоса, но нет никакого смысла делать это, если им просто не хватает — катастрофически, черт возьми, не хватает — навыков, знаний, способностей, которыми обладаем мы. Мы ведь в действительности не фальсифицируем результаты тестирования: то, что мы время от времени делаем, — это отбираем, как Пайкман и Вайсс поступили в случае с гражданином 3XX24J. Это зло, но зло не истинное. Истинное зло заключается в составлении теста, который доступен нам с вами, но недоступен ему. Мы спрашиваем с него не то, что может он, а то, что можем мы. И тогда он получает вопросы, основанные на теории апри-

чинности Бернхада, которую ни один Старый Человек постичь не способен. Мы не можем увеличить объем коры его головного мозга — не можем дать ему мозг Нового Человека... но мы в силах наделить его некоторыми другими способностями, которые смогут возместить эту нехватку. Как в вашем случае. И как во всех случаях с Аномалами.

— Вы смотрите на меня свысока, — сказал Грэм.

Барнс, все еще стоявший, вздохнул. И как-то осунулся.

— Ладно, все, что я мог сказать сейчас, я сказал. Тяжелый выдался денек. Я не стану консультироваться с Эймосом Айлдом; я просто пойду напролом и прикажу открыть лагеря. Пусть это будет мое решение, только мое.

— Разыщите Эймоса Айлда; подключите его к делу, — проскрежетал Грэм и так тяжело повернулся на своей кровати, что пол под ее ножками завибрировал.

Взглянув на часы, Барнс ответил:

— Да. В ближайшую пару дней непременно. Однако необходимо время, чтобы доставить его...

— Вы же сказали «за полчаса», — напомнил Грэм.

Барнс потянулся к одному из видеофонов на столе Грэма.

— Вы позволите?

— Разумеется, — смиренно ответил Грэм.

Пока Барнс звонил, Ник стоял, погруженный в свои мысли, разглядывая из необъятного окна комбинированной спальни-канцелярии окружавший его город — город, простиравшийся на целые мили — сотни миль.

— Вы прикидываете, — сказал Грэм, — как бы убедить меня в том, что вы имеете преимущественное право на эту девчонку Шарлотту.

Ник кивнул.

— Все верно, — продолжил Грэм. — Но это не имеет никакого значения, поскольку я — это я, а вы — это вы. Нарезчик протектора. Кстати говоря, я ввожу закон, запрещающий это занятие. Так что со следующего понедельника вы безработный.

— Спасибо, — поблагодарил Ник.

— Вы всегда чувствовали себя виноватым, занимаясь этим, — отметил Грэм. — Я зацепил в вашем сознании глубокое чувство вины. Вы беспокоились о людях, управлявших скибами с фальшивым протектором. Приземление. Особенно приземление. Тот первый удар о землю.

— Верно, — согласился Ник.

— Теперь вы снова думаете о Шарлотте, — сказал Грэм, — и изобретаете способ, как бы ее умыкнуть. А в то же время вы в миллионный раз спрашиваете себя, что для вас лучше с точки зрения морали... Вы можете прекратить это и вернуться домой к Клео и Бобби. И договориться, чтобы Бобби еще раз...

— Я снова увижусь с ней, — отрезал Ник.

Глава 17

«Отцы, — подумал Торс Провони. — Да, вот кто они такие, наши друзья с Фроликса-8. Словно мне удалось войти в контакт с Урфатером, изначальным Отцом, сотворившим эйдетический космос. Они огорчены и обеспокоены тем, что в нашем мире что-то идет не так; они заботятся; они способны сопереживать; они знают, что мы чувствуем и как отчаянна наша нужда; они знают, в чем мы нуждаемся.

Интересно, — задумался он, — дошли ли те три моих послания до печатного комплекса на Шестнадцатой авеню, где расположены радио- и телевизионные передатчики, а также принимающие устройства Низших Людей? А что, если власти перехватили их?

И если они перехватили их, — спросил он себя, — то что они предпримут?

Скорее всего, какую-нибудь чистку. Но не обязательно. Старина Уиллис Грэм — если он все еще у власти — человек проницательный и знает, из кого — и как — можно выдоить ценную информацию. Телепатические способности позволяют ему это; Грэм может уловить мысли любого, кто окажется поблизости».

Впрочем, надо было еще выяснить, кто оказался поблизости. Радикальные активисты, вроде руководителей корпорации Макмалли? Члены Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности? Директор полиции Ллойд Барнс? Вероятно, Барнс — он был наиболее смышленым и наиболее уравновешенным из всех — по крайней мере из тех, кто вращался в высших кругах правительственного аппарата. Были еще и независимые ученые-исследователи из Новых Людей — вроде этого кошмарного Эймоса Айлда. Айлд! Что, если Грэм советовался с ним? Айлд, вероятно, смог бы разработать какой-нибудь щит, защищающий Землю от проникновения чего угодно. «Помоги мне, Господи, — подумал Провони, — если они подключили к этому Айлда — или, раз уж на то пошло, Тома Ровера или Стентона Финча». К счастью, эти поистине драгоценные Новые Люди тяготели к теоретическим, академичным изысканиям: они стали физиками-теоретиками, статистиками и другими кабинетными учеными. Финч, к примеру, до отлета Провони работал над системой воспроизведения третьей секунды в последовательности создания Вселенной; в конечном счете он хотел, при регулируемых условиях, продвинуться в своей работе еще дальше, до первой секунды, а затем, Боже упаси, «втолкнуть» — чисто теоретически, с математической точки зрения — поток энтропии обратно в тот временной интервал — названный валентным туннелем, — что был до первой секунды.

Но все, разумеется, на бумаге.

Закончив свою работу, Финч смог бы математически рассчитать, какая ситуация должна была бы возникнуть, чтобы большой взрыв Вселенной состоялся. Финч мог оперировать такими понятиями, как

«отрицательное время» или «мнимотекущее время»... Теперь его работа была, вероятно, завершена, и Финч смог всецело отдаться своему хобби: коллекционированию редких табакерок восемнадцатого века.

Теперь Том Ровер. Предметом его работы была энтропия; свой проект он основывал на том произвольном допущении, что в конечном счете достаточно полный распад и достаточно случайное распределение эргов по всей Вселенной приведут к антиэнтропийному откату в обратную сторону благодаря столкновениям простых, неделимых частиц энергии или материи между собой, в результате чего будут возникать более сложные агрегаты. Частота возникновения этих все усложняющихся агрегатов будет обратно пропорциональна их сложности. Однако уже начавшийся процесс невозможно будет повернуть назад, пока последние сложные агрегаты не сформируют единственный — и уникальный по своей сложности — агрегат, включающий в себя все молекулы Вселенной. Это будет Бог, но Он разрушится, и с Его разрушением высвободится огромная масса энтропии... как в различных законах термодинамики. Таким образом, Ровер продемонстрировал, что текущая эпоха последовала сразу за разрушением абсолютно всеобъемлющего уникального агрегата, именуемого Богом, и что теперешние тенденции к движению от индивидуальности и сложности были уже предопределены. Так будет продолжаться, пока не будет достигнуто первоначальное равномерное распределение потраченной теплоты, после чего, через большой промежуток времени, антиэнтропийная сила по законам случайности — в беспорядочном движении — вновь проявит себя.

И вот Эймос Айлд. Он отличался от них: он создавал нечто конкретное, вместо того чтобы просто описывать это в теоретических, математических понятиях. Правительство могло бы хорошо его использовать, если бы только это пришло в голову Грэму. «Да, он наверняка думал об этом», — решил Провони. Поскольку в результате введения Айлда в высшие правительственные круги работа над Большим Ухом замедлилась бы, а то и вовсе прекратилась бы. Грэму, безусловно, потребовалось бы время, чтобы все обмозговать, но в конце концов он принял бы это решение.

«Так что, надо полагать, — подумал Провони, — нам придется столкнуться с Эймосом Айлдом. Ярчайшим из светил, какими располагают Новые Люди, — а следовательно, и самым опасным для нас».

— Морго, — позвал он.

— Да, Торс Провони.

— Можешь ли ты соорудить из себя — или из частей этого корабля — приемник, с помощью которого мы могли бы прослушивать тридцатиметровый диапазон земных передатчиков? Я имею в виду обычные передатчики, используемые в коммерческих целях.

— Нельзя ли узнать, зачем?

— Они передают официальные сводки новостей на двух точках тридцатиметрового диапазона. Ежечасно.

— Ты хочешь знать, что происходит на Земле с государственной точки зрения?

— Нет, — возразил он не без сарказма. — Мне желательно знать цены на яйца в штате Мэн.

«Я начинаю терять самообладание», — подумал Провони.

— Извини, — сказал он.

— Ничего, не заплачу, — успокоил его фроликсанин.

Торс Провони запрокинул голову и расхохотался.

— «Ничего, не заплачу» — и это от девяностатонной желеобразной массы протоплазменной слизи, которая поглотила весь корабль в своем жидком теле, которая, как бочка, окружает меня со всех сторон. И она заявляет: «Ничего, не заплачу».

Подобное словоупотребление наверняка ошарашит Новых Людей, когда «Серый динозавр» приземлится. В конце концов, Морго использовал его же лексикон и его излюбленные выражения — порой весьма далекие от литературных.

— Я могу вытянуть шестнадцатиметровый диапазон, — немного погодя сказал Морго. — Этого хватит? По-моему, там приличная нагрузка.

— Но не та, что мне нужна, — возразил Провони.

— А сорокаметровый диапазон?

— Давай, — раздраженно сказал Провони. Он надел наушники и повернул ручку переменного конденсатора на приемном устройстве. Перекрестные помехи то появлялись, то исчезали, а затем он все же поймал обрывок сводки новостей: «...конец лагерям для перемещенных на... и с Луны возвращаются... многие из которых годами... вместе с этим — разрушение подрывной типографии на Шестнадцатой авеню...» — и сигнал пропал.

«Так ли я все расслышал? — спросил себя Провони. — Конец лагерям для перемещенных на Луну и в юго-восточной Юте? Все освобождены? Только Барнс мог решиться на это. Но даже Барнс... в это сложно поверить. Может быть, это причуда Грэма? — задумался он. — Мгновенная паническая реакция на три наших послания в типографию на Шестнадцатой авеню. Но если она была разгромлена, то там могли и не получить этих посланий; возможно, они получили два первых или только одно».

Он надеялся, что и правительство, и кордониты получили третье послание. Оно гласило: «Мы присоединимся к вам через шесть дней и возьмем на себя руководство правительством».

Он спросил у фроликсанина:

— Не мог бы ты увеличить мощность передачи и направлять третье послание снова и снова? Начнем, я могу записать для тебя ротационную петлю или кассету. — Он включил кассетник и произнес сообщение — свирепо, максимально раздельно и с предельным удовлетворением.

— В каком диапазоне частот? — спросил Морго.

— На всех частотах, какие тебе только доступны. Если ты можешь запустить это в каналы частотной модуляции, то нам удалось бы представить и видеоизображение. Передать это прямо по их телевидению.

— Ладно. Это будет замечательно. Такое послание довольно загадочно; оно, к примеру, не упоминает, что я здесь один и что мои собратья отстают от нас на половину светового года.

— Пусть Уиллис Грэм догадается об этом, когда мы прибудем на Землю, — проворчал Провони.

— Я размышлял о том предполагаемом воздействии, — сказал Морго, — которое мое присутствие окажет на твоего мистера Грэма и его корешей. Прежде всего они обнаружат, что я не могу умереть, и это напугает их. Они поймут, что при соответствующем питании я могу расти и что вдобавок я способен использовать для питания практически любое вещество. В-третьих...

— Нечто другое, — перебил Провони. — Ты — нечто другое.

— Нечто другое?

— В этом-то вся и суть.

— Ты имеешь в виду психологический эффект?

— Ну да, — мрачно кивнул Провони.

— Думаю, — сказал Морго, — что моя способность заменять отдельные части живых организмов своей собственной онтологической субстанцией напугает их больше всего. Когда я проявлю себя в чем-нибудь незначительном — скажем, в стуле, — поглощая действительный объект как источник энергии... то это событие, правильно ими оцененное, приведет их в панический ужас. Как ты уже видел, я могу замещать собой любой объект; для моего роста, Торс Провони, не существует никаких объективных пределов — разумеется, пока я питаюсь. Я могу стать целым зданием, в котором работает мистер Грэм; я могу стать многоквартирным домом, где проживает пять тысяч людей. Кроме того... — Морго заколебался, — есть и кое-что еще. Но этого я пока не буду обсуждать.

Провони задумался. У фроликсан не было какой-то определенной формы; исторически способ их выживания заключался в имитации предметов или других живых существ. Их сила состояла в том, что они могли «впитывать» эти живые существа, становиться ими, используя их как источник энергии, сбрасывая затем их пустые оболочки. Этот процесс, подобный картине ракового заболевания, невозможно было бы так запросто распознать с помощью следственного аппарата полиции Грэма; даже когда процесс трансформации затрагивал жизненно важные органы, имитированное существо полностью сохраняло жизнедеятельность. Смерть наступала, когда фроликсанин удалялся — прекращал поддерживать функционирование поддельных легких, сердца, почек. Фроликсанская печень, к примеру, работала точно так же, как и замещенная ею подлинная печень... однако, поглотив все мало-мальски значимое, она не была склонна оставаться на своем месте.

Но самым устрашающим было вторжение фроликсанина в мозг. Человек — или любой другой организм, подвергшийся вторжению, — страдал от псевдо-психотических мыслительных процессов, которые он не мог признать своими собственными... и не ошибался — они таковыми и не были. И постепенно, по мере того как его мозг «впитывался» и замещался, все его мыслительные процессы становились фроликсанскими. И тогда фроликсанин отбрасывал его, и он просто прекращал быть, полностью лишенный психического содержания.

— К счастью, — задумчиво произнес Провони, — вы весьма изобретательны в выборе «хозяев», поскольку у вас нет заинтересованности в колонизации Земли и нет намерения положить конец существованию человеческих организмов. Вас занимают только структуры управления. — «И как только все необходимое будет проделано, — размышлял он, — вы удалитесь. Разве не так?»

— Так, — ответил Морго, слушая его мысли.

— А ты не врешь? — спросил Провони.

Фроликсанин испустил горестный вопль.

— Ну ладно, — торопливо сказал Провони. — Извини. Но что, если предположить... — Он не закончил — по крайней мере вслух. Но мысли его перескочили сразу к окончательному выводу: «Я наслал на Землю расу убийц, которые уничтожат всех без разбора».

— Торс Провони, — обратился к нему Морго, — ведь именно поэтому с тобой здесь нахожусь я, и только я; мы хотим попробовать уладить дело без какого-либо физического конфликта... что произойдет, когда прибудут мои собратья, — произойдет потому, что мы призовем их только в том случае, если они понадобятся для ведения открытых военных действий. Я проведу переговоры о коренных изменениях в руководящих структурах вашей планеты; ваши правящие круги наверняка согласятся. В пойманном тобой фрагменте сводки новостей упоминалось о том, что концентрационные лагеря были открыты. Ведь это было сделано, чтобы успокоить нас, разве не так? Не от слабости с их стороны, а из их желания избежать открытого боя, предстать единым фронтом. Люди твоей расы — ксенофобы. А я для них абсолютный чужак. Я люблю тебя, Торс Провони; я люблю твоих людей... по крайней мере такими, какими я увидел их в твоем сознании. Я ни в коем случае не сделаю того, что я могу сделать, но я дам им понять, на что я способен. В отделе памяти твоего мозга содержится дзенская притча о величайшем фехтовальщике Японии. Двое мужчин бросили ему вызов. Они условились отплыть на небольшой остров и сражаться там. Величайший фехтовальщик Японии, изучавший дзен, позаботился о том, чтобы ему выпало выйти из лодки последним. И как только те двое выпрыгнули на берег островка, он отталкивается, гребет назад, оставляя их там вместе с их мечами. Таким образом он доказывает то, на что претендует: он действительно лучший фехтовальщик Японии. Понимаешь, как это приложимо к моей ситуации? Я могу победить в бою ваши правящие круги, но я сделаю это, не

сражаясь... если ты улавливаешь мою мысль. По сути, именно мой отказ воевать — но при этом и демонстрация силы — устрашит их сильнее всего, поскольку они не могут себе представить, как, обладая таким могуществом, можно его не использовать. Обладай такими возможностями ваше правительство, оно непременно бы их использовало, — эти ваши Новые Люди, которые для меня просто мухи на стекле. Если, конечно, я получаю из твоего мозга верную информацию о них, если ты действительно их знаешь.

— Ну, я-то должен их знать, — отозвался Провони. — Ведь я один из них. Я Новый Человек.

Глава 18

— Я знаю, — немного погодя сказал Морго. — Какие-то намеки, да и твоя осведомленность об этом влияли на твое сознание. Особенно во время сна.

— Так что я дважды ренегат, — жестко выговорил Провони.

— Почему ты порвал со своими собратьями?

— На Земле шесть тысяч Новых Людей, — сказал Провони, — правящих с помощью — какой бы она ни была — четырех тысяч Аномалов. Десять тысяч человек в иерархии Государственной гражданской службы, вытесняющие оттуда всех прочих... У пяти миллиардов Старых Людей нет никакой возможности... — Он погрузился в молчание, а затем проделал нечто поразительное: поднял руку, и пластиковая чашка с водой подплыла прямо к нему, опустившись ему на ладонь.

— А ты еще и Аномал, — удивился Морго. — Телекинетик. — И добавил: — Вот об этом я не догадывался.

— Насколько мне известно, — сказал Провони, — я единственный, в ком Новый Человек соединен с Аномалом. Я — урод, выделяющийся из остальных уродов.

— А насколько высоко ты мог бы подняться в иерархии Государственной гражданской службы? Попробуй прикинуть, как ты наверняка уже делал, какой ранг ты мог бы получить.

— А-а, черт, — у меня был двойной-03. Но не официально, а когда я проходил тестирование, предложенное мне sub rosa. Я мог бы посоперничать с Грэмом. Я мог бы посоперничать с любым из них.

— Торс Провони, — заявил фроликсанин, — я не понимаю, почему у тебя не получилось работать внутри.

— Не мог же я сместить десять тысяч государственных служащих рангами от Джи-1 до двойного-03, с самого низа — и вплоть до Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности и Председателя Совета Грэма. — Но причина была в другом, и он это знал. — Я боялся, — признался он, — что если они пронюхают, то наверняка убьют меня. Мои родители тоже боялись, когда я еще был ребенком. Боялись

всех — Новых Людей, Аномалов... и Старых Людей, и Низших Людей. Я мог бы стать предвестником расы сверхсверхлюдей; если это выплыло бы наружу, резонанс был бы ужасен, и я... — он сделал недвусмысленный жест, — ...просто исчез бы. А они начали бы выискивать других подобных мне.

— И никому не приходило в голову, что может появиться некто, совмещающий в себе оба типа, — заметил фроликсанин. — Даже теоретически. Пока тебя не протестировали.

— Как я уже сказал, мое тестирование было тайным. У моего отца был ранг Джи-4, и он тайно подготовил тесты после того, как заметил мою ТК-способность и вдобавок узнал, что узлы Роджерса торчат из моего мозга, как огрызки карандашей. Именно отец заставил меня соблюдать осторожность, упокой Господь его душу. Знаешь, когда разражаются эти великие войны планетарного и межпланетарного масштабов, предполагается, что каждый думает о соответствующей идеологии... в то время как большинство людей просто хотят спокойно спать по ночам. — Он добавил: — В какой-то книжке по психологии я прочел интересное утверждение. Там говорится, что в сущности многие из тех, кто имел склонность к самоубийству, просто хотели хорошенько выспаться и думали, что это позволит им смерть. — «Куда это заводят меня мои мысли? — удивился он. — Уже много лет я не думал о самоубийстве. С тех пор, как покинул Землю».

— Тебе нужно поспать, — сказал Морго.

— Мне нужно знать, пробивается ли на Землю мое третье послание, — раздраженно возразил Провони. — Сумеем ли мы в самом деле достичь Земли всего за шесть суток? — Перед ним стали возникать навязчивые картины: поля и пастбища, большие плавучие города в голубых океанах Земли, купола на Луне и Марсе, Нью-Йорк, царство Лос-Анджелеса. И особенно Сан-Франциско, с его удивительной, легендарной, старинной системой «быстрой перевозки», сооруженной аж в 1972 году и все же использовавшейся из сентиментальных соображений.

«Еда, — подумал он. — Ломтики мяса с грибами, эскаргот, лягушачьи лапки... ох, которые становились куда нежнее, если их предварительно заморозить, о чем большинство и не подозревало — даже во многих вполне приличных ресторанах».

— Знаешь, чего мне хочется? — спросил он фроликсанина. — Стакан ледяного молока. И чтобы лед плавал прямо там. Полгаллона такого молока. Я просто хочу сидеть тут и пить молоко.

— Как ты однажды заметил, Торс Провони, — отозвался Морго, — истинный интерес человека заключается в малом и немедленном. Мы совершаем перелет, от которого зависят жизнь и надежда шести миллиардов людей, и все же, когда ты представляешь себя там, в конце, ты видишь себя сидящим за столом, на котором стоит ящик молока.

— Но обрати внимание, — заметил Провони, — они-то ведь такие же. Земле грозит вторжение инопланетян, и все — все! — просто хотят жить

дальше. Есть миф о бурлящих бессловесных массах, ищущих трибуна, вождя, каким будет Кордон. А скольких людей на самом деле это волнует? Может быть, даже и Кордона это волнует... не так уж сильно. Знаешь, чего французское дворянство больше всего боялось во время революции? Каждый из них трясся от страха, что кто-нибудь вломится к нему в дом и расколотит его фортепьяно. Узость их кругозора... — Он замолчал. — Которая свойственна даже мне, до некоторой степени.

— У тебя ностальгия. Это проявляется в твоих снах: ночью ты бродишь по тропам земных лесов и поднимаешься в роскошных лифтах на крыши — в рестораны и транкобары.

— Да, транкобары, — вздохнул Провони. У него давно уже истощились запасы всех медикаментов — для развлечения и для иных целей, — включая, разумеется, все психотропные препараты. «Я сяду там, в транкобаре, — сказал он себе, — и стану глотать одну таблетку, пилюлю, капсулу и спансулу за другой. Я заморожу себя до невидимости. Я полечу, как ворон, как лебедь, загогочу и зачирикаю, пролетая над полями зелени, купаясь в солнечном свете и скрываясь в тень. Всего через шесть дней».

— Есть еще один вопрос, который мы не обговорили, Торс Провони, — напомнил ему фроликсанин. — Следует ли нам сопроводить первое публичное появление большой помпой и церемониями — или мы лучше приземлимся в какой-нибудь отдаленной области, где нас никто не заметит? И оттуда потихоньку начать действовать. Если избрать второй вариант, то ты мог бы свободно передвигаться. Ты мог бы наслаждаться канзасскими пшеничными полями, рядами кукурузных плантаций; ты мог бы отдыхать, принимать таблетки, а также, если тебя не коробит, что я об этом говорю, побриться, вымыться, надеть чистое белье — вообще освежиться. Тогда как если мы плюхнемся в центре Таймс-сквер...

— Совершенно неважно, приземлимся мы в центре Таймс-сквер или на каком-нибудь пастбище в Канзасе, — перебил Провони. — Они будут поддерживать постоянное наблюдение дежурным радаром, высматривая нас. Они могут даже атаковать нас — по крайней мере, попытаться атаковать нас, — используя передовые корабли, когда мы еще и до Земли-то не доберемся. Мы просто не можем не привлечь внимания, особенно с твоими девятью десятками тонн. А наши ретроракеты запалят все небо почище «римских свечей».

— Они не могут повредить твоему кораблю. Теперь я обернул его целиком.

— Я-то понимаю, а они — нет; они в любом случае могут попытаться. — «На что я буду похож, когда появлюсь перед ними? — спросил он себя. — Грязный, сальный, зараженный дурными привычками... Но разве они не будут готовы к этому? Разве толпа этого не поймет? Может быть, именно таким я и должен появиться».

— Таймс-сквер, — произнес он вслух.

— В самой середине ночи.

— Нет — она и тогда будет битком забита.

— Мы дадим предупреждающие вспышки ретроракетами. Когда они увидят, что мы приземляемся, они разбегутся.

— И тогда ракета с водородной боеголовкой из орудия Т-40 разнесет нас в мелкую пыль. — Он почувствовал, что настроен язвительно и свирепо.

— Не забывай, Торс Провони, что я представляю собой полуматерию, что я способен поглотить абсолютно все. Я буду там, обернутый вокруг тебя и твоего маленького корабля, столько, сколько понадобится.

— Они, наверное, рехнутся, увидев меня.

— От радости?

— Понятия не имею. Мало ли от чего люди сходят с ума. От страха перед неведомым — может быть, и так. Может быть, они побегут от меня, что только дай Бог ноги. Они могут сбежать куда-нибудь в Денвер, штат Колорадо, и сбиться там в кучу, как испуганные коты. Ты ведь никогда не видел испуганного кота, правда? Я всегда держал котов и не кастрировал, но вечно мой кот оказывался в проигрыше. И возвращался домой весь изодранный. Знаешь, как определить, что твой кот — неудачник? Когда он собирается подраться с другим котом, ты выходишь его выручить — если он победитель, то мигом набросится на своего противника. А если он неудачник, то запросто позволит тебе подобрать его и отнести домой.

— Скоро ты снова увидишь котов, — заметил Морго.

— И ты тоже, — сказал Провони.

— Опиши мне кота, — попросил Морго. — Пусть он предстанет в твоем сознании. И все твои воспоминания, связанные с котами.

Торс Провони подумал о котах. Это было не слишком обременительно — все равно им предстояло ждать еще шесть суток, пока они достигнут Земли.

— Самоуверенный, — наконец сказал Морго.

— Я, что ли? Это почему?

— Нет, я имел в виду кота. И эгоцентричный.

— Кот предан своему хозяину, — гневно заявил Провони. — Но он довольно тонко это показывает. Вся суть в том, что кот ни к кому не привязывался, и так было миллионы лет — а затем тебе удается пробить брешь в его броне, и он трется о твою ногу, садится тебе на колени и мурлычет. Так что от любви к тебе он ломает наследственный генетический стереотип поведения, существовавший два миллиона лет. Вот ведь какая это победа.

— Это если предположить, что кот искренен, — заметил Морго, — а не пытается выклянчить еще немного еды.

— Ты думаешь, кот может быть лицемером? — удивился Провони. — Я ни разу не слышал даже о намеках на неискренность со стороны котов. На самом деле чаще всего осуждается их животная

честность; если они чувствуют, что их хозяин говна не стоит, то отправляются к кому-нибудь другому.

— Думаю, — сказал Морго, — когда мы доберемся до Земли, я завел бы собаку.

— Собаку! И это после моего размышления о природе котов — после такого богатства сведений о горячо любимых котах моего прошлого; я до сих пор вспоминаю одного старого котищу по кличке Ашшурбанапал — впрочем, мы звали его Ральф. Ашшурбанапал — это египтянин.

— Да, — подтвердил фроликсанин. — В глубине души ты все еще оплакиваешь Ашшурбанапала. Но когда ты умрешь, как в рассказе Марка Твена...

— Угу, — мрачно согласился Провони. — Все они будут там, стоя рядами по обе стороны дороги и ожидая меня. Ведь животное отказывается входить в рай без своего хозяина. Они ждут год за годом.

— И ты горячо в это веришь.

— Верю в это? Да я знаю, что это истина — Бог жив; те останки, что были обнаружены в дальнем космосе несколько лет назад, не имели к нему отношения. Таким путем невозможно найти Бога — это же средневековые представления. Знаешь, где найти Святого Духа? Ведь он не где-то там в космосе — черт возьми, он же сотворил этот космос. Он здесь. — Провони ткнул себя в грудь. — Я... я имею в виду, что мы... содержим частицу Святого Духа внутри нас. Вот, к примеру, твое решение прийти и оказать нам помощь — ведь ты от этого ничего не получишь, кроме разве что повреждения или даже разрушения, если у военных есть что-то такое, о чем мы не слышали.

— Я кое-что получаю от визита на вашу планету, — возразил Морго. — Я собираюсь подобрать и содержать малые формы жизни: котов, собак, листья, улиток, бурундуков. Знаешь ли ты, понимаешь ли, что на Фроликс-8 все формы жизни, кроме нашей, были стерилизованы, а значит — давным-давно исчезли... хотя я видел записи о них — трехмерные воспроизведения, кажущиеся абсолютно реальными. Переданные прямо к управляющему ганглию наших центральных нервных систем.

Торса Провони охватил страх.

— Тебя раздражает то, — продолжал Морго, — что мы это сделали. Мы сами; мы все росли, делились, росли. Нам понадобилось урбанизировать каждую пядь нашей планеты; животные стали бы умирать от голода, и мы предпочли использовать стерилизующий газ, совершенно безболезненный. Они не смогли бы жить с нами в нашем мире.

— А теперь ваше население поуменьшилось, не так ли? — спросил Провони. Страх затаился у него внутри, как свернувшаяся кольцами змея. Готовая в любой момент развернуться и показать ядовитые клыки.

— При необходимости мы могли использовать другие планеты, — сказал Морго.

«Вроде Земли», — подумал Провони.

— Нет-нет, там уже есть господствующие разумные особи. Гражданским крылом правящих кругов нам запрещено... — Морго замялся.

— Так ты военный! — удивленно сказал Провони.

— Я десантник. Именно поэтому меня и выбрали, чтобы вернуться с тобой к Сол-3. Я известен своей способностью решать конфликтные ситуации, используя как силу, так и разум. Угроза применения силы заставляет прислушаться; а знания — мои знания — указывают направление, следуя которому большая часть общества сможет преуспеть.

— Тебе уже приходилось это делать? — Так оно, очевидно, и было.

— Мне миллион с лишним лет, — ответил Морго. — В сопровождении боевого контингента мне приходилось находить выход в войнах столь масштабных, со столь значительным количеством участников, что тебе этого просто и не представить. Я разрешал политико-экономические проблемы — иногда путем внедрения новой техники или, по крайней мере, предоставления теоретической документации, с помощью которой такие устройства могли быть созданы. А затем я удалялся, и все последующее было уже в их руках.

— А вы вмешиваетесь, только когда зовут? — спросил Провони.

— Да.

— Значит, по существу, вы помогаете только цивилизациям, способным совершать межзвездные полеты. Способным отправить своего посланца туда... где вы его наконец заметите. А какое-нибудь средневековое общество с большими луками и нелепыми шлемами...

— Наша теория на этот счет, — сказал Морго, — весьма интересна. На стадии больших луков — да и на стадии пушек, самолетов, морских кораблей, бомб — для нас просто нет работы. Мы не хотим этим заниматься, поскольку теория подсказывает нам, что они не смогут уничтожить свою расу или планету. А вот когда уже созданы водородные бомбы и уровень развития техники позволил построить межзвездные...

— Этому я не верю, — решительно заявил Провони.

— Почему? — Фроликсанин обследовал его мозг — проворно, однако и со свойственной ему тактичностью. — А, понятно, — сказал он. — Тебе известно, что водородные бомбы можно создать задолго до того, как наладится межзвездное сообщение. Ты прав. — Он сделал паузу. — Ну ладно. Мы позволяем себе вовлекаться, только когда просьба о помощи приходит с корабля, пригодного для межзвездных перелетов. Потому что цивилизация, находящаяся на этой стадии развития, потенциально опасна для нас. Ведь они нашли нас. И от нас требуется какой-то отклик... как, кстати говоря, и в вашей мировой истории, когда адмирал Перри пробил стену, окружавшую Японию, — и целой стране пришлось модернизироваться в какие-то несколько лет. Помни об этом: ведь мы могли бы просто убивать каждого астронавта в его межзвездном корабле вместо того, чтобы выяснять у него, что мы можем предпринять для стабилизации его культуры. Ты просто не поверил бы, если бы узнал, сколько различных культур охвачено войнами,

борьбой за власть и засильем тираний... некоторые из них куда более развиты, чем ваша. Но вы удовлетворили нашему критерию: вы разыскали нас. Поэтому я здесь, Торс Провони.

— Мне совсем не нравится то, что ты говорил об истребленных животных. — Он думал о шести миллиардах Старых Людей. «Не поступят ли и с ними так же? — задумался он. — Не поступят ли они так со всеми нами — Новыми Людьми, Аномалами, Старыми Людьми, Низшими Людьми, — не прикончат ли они нас, чтобы унаследовать нашу планету со всем тем, что было создано руками человека?»

— Торс Провони, — обратился к нему Морго, — позволь, я разъясню тебе два пункта, которые наверняка помогут разрешить твои сомнения. Во-первых, мы уже много столетий знаем о вашей цивилизации. Наши корабли входили в атмосферу Земли и скользили там еще во времена китобойных лодок. Если бы мы захотели, то в любой момент могли бы занять ваше место; тебе не кажется, что куда проще было бы разгромить «тонкую красную линию», алые мундиры, чем противостоять кобальтовым и водородным тактическим ракетам, что нас ожидало бы — собственно, и ожидает — теперь? Я прислушивался. Несколько ваших сторожевых кораблей слоняются где-то неподалеку от того места, где мы начнем подвергаться воздействию гравитационного поля Солнца.

— А во-вторых?

— Мы будем красть.

— Красть! — Провони был ошарашен. — Что красть?

— Ваши бесчисленные игрушки: пылесосы, пишущие машинки, трехмерные видеосистемы, компьютеры — в обмен на то, что разделаемся с тиранией, мы там немножко поболтаемся, получая, если возможно, работающие образцы или их описания: все мыслимые растения, деревья, лодки, рабочие инструменты; вы подскажете нам.

— Но ведь технологически вы далеко впереди нас.

Явно польщенный, Морго пояснил:

— Это неважно. На каждой планете каждая цивилизация разрабатывает уникальные, идиосинкразические инструменты, методы, теории, игрушки, кислотостойкие цистерны, карусели. Позволь мне спросить: предположим, тебя переместили бы назад, в Англию восемнадцатого столетия. И ты мог бы забрать с собой оттуда все, что тебе приглянулось. Разве ты не уволок бы оттуда кучу всякой всячины? Одни картины... впрочем, я вижу, ты понимаешь.

— Причудливые мы существа! — яростно выговорил Провони.

— Да, точно подмечено. Кстати, эта причудливость — один из важнейших полезных элементов Вселенной, Торс Провони. Она представляет собой частный случай принципа единственности, который ваш же мистер Бернхад сформулировал в своей книге «Теория апричинности, определенная относительно двух осей». Единственность единственностью, но есть еще и то, что Бернхад назвал «квазиединственностью», из которой многие...

— Я сделал для Бернхада его теорию, — перебил Провони. — Я был тогда молоденьким, хитрожопистым университетским парнишкой, одним из учеников-ассистентов Бернхада. Мы вместе подготовили все данные, все ссылки, все-все — а потом опубликовали это в «Nature», где над статьей значилась только фамилия Бернхада. В 2103 году мне было восемнадцать. Сейчас мне сто пять. — Он скривился. — Старик, другими словами. Впрочем, я по-прежнему бодр и весел — я могу жить в полную силу. В конце концов, читали же мы о доживших до двух сотен лет, о родившихся еще до 1985 года, когда был выделен вирус старения и антигериатические препараты были замагистрированы сорока процентам населения.

Потом он подумал о животных и о тех шести миллиардах землян, которые шли в никуда... или, разве что, в эти немыслимые по размерам лагеря для перемещенных на Луне, с их непроницаемыми стенами блоков; заключенные даже не могли видеть окружающий их пейзаж. «В этих лагерях должно быть где-то от двенадцати до двадцати миллионов Старых Людей, — прикинул он. — Целая армия. Когда они возвратятся на Землю? Двадцать миллионов? Десять миллионов квартир? Двадцать миллионов рабочих мест, и все для нон-Джи. Никакой Государственной гражданской службы. Грэм, похоже, подкладывает нам хорошую свинью, — сказал он себе. — Если мы даже частично возьмем на себя функции правительства, нам придется заняться этими двадцатью миллионами. Могло бы так получиться, что мы — немыслимое дело! — отправили бы их обратно в лагеря на «временной» основе. Господи, — подумал он, — как же ты насмешлив».

Морго Ран Вилк внезапно произнес:

— По левому борту военный корабль.

— Чего-чего?

— Посмотри на экран своего радара. Там есть выброс сигнала — корабль, довольно большой, движущийся очень быстро — слишком быстро для торгового судна, — направляющийся к нам. — Пауза. — У них курс на столкновение; они собираются пожертвовать собой, чтобы остановить нас.

— А они могут?

Морго терпеливо объяснил:

— Нет, Торс Провони. Даже если бы они установили водородные боеголовки на 0,88 или четыре торпеды с водородными боеголовками.

«Я подожду, — подумал Провони, сосредоточившись на экране радара, — пока не разгляжу его. Ведь это явно один из тех новых быстроходных LR-82». Он устало вытер лоб.

— Нет, те были еще десять лет назад; я живу в прошлом. Так или иначе, — заключил он, — это быстроходный корабль.

— Но не такой быстроходный, как наш, Торс Провони, — заметил Морго.

«Серый динозавр» затрясся и загудел, когда были включены ракетные двигатели; затем раздался характерный вой, сопровождавший вход в гиперпространство.

Военный корабль направился следом; он опять висел на экране, приближаясь с каждой секундой, все его главные двигатели пламенели сверкающими нимбами пляшущего, пылающего желтого света.

— Думаю, здесь это и закончится, — сказал Провони.

Глава 19

Уведомление было незамедлительно отправлено Уиллису Грэму. Обращаясь к членам Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности, собравшимся вокруг его кровати в спальне-канцелярии, он сказал, садясь прямо и опираясь на подушки:

— Послушайте-ка вот это:

«Барсук» не выпускает «Серого динозавра» из виду.
«Динозавр» предпринимает маневры с целью уклонения.
Мы быстро сближаемся».

— Просто не могу поверить, — радостно произнес Грэм. Членам Комитета он сообщил: — Я созвал вас по поводу третьего послания от Провони. Они будут здесь через шесть суток. — Он потянулся, зевнул и ухмыльнулся им всем. — Я собирался рассказать вам о том, насколько быстрыми должны быть все наши действия, связанные с открытием лагерей для перемещенных — равно как и с тем, чтобы остановить применение крутых мер к Низшим Людям в полном объеме, разрушение их передатчиков, печатных прессов и тому подобного. Однако если «Барсук» превратит «Динозавра» в пыль, то все в порядке! Мы сможем продолжать как ни в чем ни бывало — как будто Провони и не собирался возвращаться.

— Однако первые два послания были переданы по телевидению, — колко заметил Фред Райнер, министр внутренних дел.

— Что ж, мы не будем разглашать третье послание. Где говорится, что они приземлятся через шесть суток, «возьмут на себя руководство» и все такое.

— Господин Председатель Совета, — обратился к нему Дюк Бострих, министр по делам государства, — третье послание — помоги мне Боже — приходит на сорокаметровой полосе частот, так что принимается где угодно по всему миру. Через сутки о нем узнают все.

— Но ведь если «Барсук» возьмет «Динозавра», то это уже будет неважно. — Грэм сделал глубокий вдох и потянулся за капсулой амфетамина, чтобы воспарить еще выше в этот внезапный, неожиданный момент величия. — Вам известно, — напомнил он всем, а в особенности Патти

Платт, министру обороны, которая никогда не любила и не уважала его, — вам известно, что именно я предложил разместить там корабли типа «Барсука» пять лет назад... сторожевые корабли, не слишком тяжело вооруженные. Мы знаем, что «Серый динозавр» вообще не вооружен. Так что его может уничтожить даже сторожевой корабль.

— Сэр, — обратился к нему генерал Гефеле, — мне хорошо знакомы сторожевые корабли класса Т-144, к которым принадлежит «Барсук». Ввиду того, что им приходится подолгу находиться в космосе, покрывая при этом значительные расстояния, они сделаны достаточно неуклюжими для маневра, и если, к примеру, взять носовой выстрел, то они легко могут быть...

— Вы хотите сказать, — прошипел Грэм, — что мои сторожевые корабли устарели? Почему же вы не докладывали мне?

— Потому, — ответил генерал Рейберн, шевеля своими тонкими черными усиками, — что нам и в голову не приходило, что, во-первых, Провони может вернуться, а во-вторых, что сторожевой корабль, размещенный в достаточно обширной области пустого пространства, сможет заметить Провони, если — или мне следует сказать «когда» — тот вернется. — Он развел руками. — Такое число парсеков...

— Генералы Рейберн и Гефеле, — провозгласил Грэм, — сейчас вы оба сядете сочинять прошения об отставке. Через час они должны быть готовы и представлены мне. — Он откинулся назад, затем вдруг резко дернулся вперед и нажал на кнопку, включавшую экран общего видеофона. На экране показался вайомингский компьютер, или по крайней мере его часть.

— Специалиста, — потребовал Грэм.

Появился программист в белом халате.

— Слушаю, господин Председатель Совета.

— Мне нужен, — начал Грэм, — прогноз следующей ситуации: сторожевой корабль класса Т-144 встретился с «Серым динозавром» в... — он потянулся к столу, шаря там, кряхтя и напрягаясь, — в таких координатах. — Он зачитал их специалисту, который, разумеется, записывал его указания. — Мне нужно знать, — сказал он, — учитывая все факты, какова вероятность того, что корабль класса Т-144 сможет уничтожить «Серый динозавр»?

Специалист перекрутил кассету, затем вставил пачку перфокарт на ввод компьютера и щелкнул выключателем. За пластиковыми щитками закрутились диски; кассеты накручивались и раскручивались.

Мэри Скаурби, министр сельского хозяйства, спросила:

— А почему бы нам просто не подождать и не посмотреть, чем кончится эта схватка?

— Потому, — ответил Уиллис Грэм, — что этот проклятый «Динозавр» и этот осел Провони, ведущий его — вместе со своим инопланетным приятелем, — могут быть нашпигованы оружием. А за ними может следовать целый флот. — У генерала Гефеле, старательно выпи-

сывавшего прошение об отставке, Грэм спросил: — Не фиксируют ли наши радарные установки чего-нибудь еще в этом секторе? Запросите «Барсук».

Генерал Гефеле достал из кармана френча приемно-передающее устройство.

— Фиксирует ли радар на «Барсуке» какие-либо еще сигналы? — Пауза. — Нет. — Он опять занялся своим прошением.

Специалист в Вайоминге сообщил:

— Господин Председатель Совета, мы получили ответ компьютера 996-D по поводу вашего запроса. Похоже, что третье послание от Провони, которое мы получаем на сорокаметровой полосе частот, представляет собой критический параметр. Компьютер делает вывод, что утверждение, начинающееся со слов «Мы присоединимся к вам через шесть дней», подразумевает, что один из пришельцев находится с Провони. Не имея данных о возможностях этого пришельца, компьютер оказывается в затруднении, но все же он способен ответить на сопутствующий вопрос: «Серый динозавр» не сможет очень долго уклоняться от «Барсука», сторожевого корабля класса Т-144. Так что неизвестная переменная — присутствие инопланетянина — слишком весома. Компьютер не может просчитать эту ситуацию.

— Я получаю сообщение от команды, следящей за «Барсуком», — вдруг произнес генерал Рейберн. — Прошу тишины. — Он склонил голову набок, прислушиваясь к наушнику.

Тишина.

— «Барсук» исчез, — сказал генерал Рейберн.

— Исчез? — одновременно спросили полдюжины голосов.

— Исчез? — вопросил Грэм. — Куда исчез?

— В гиперпространство. Мы скоро все выясним, поскольку, как неоднократно было доказано, корабль может оставаться в гиперпространстве на десять — двенадцать, в крайнем случае — на пятнадцать минут. Нам не придется долго ждать.

— «Динозавр» вышел прямо в гиперпространство? — недоверчиво переспросил генерал Гефеле. — Это могло быть предпринято лишь как крайняя мера — самая последняя возможность для увертки. Может быть, «Динозавр» был перестроен; может быть, теперь его наружная поверхность покрыта каким-нибудь сплавом, не столь быстро разрушающимся в гиперпространстве. Возможно, они просто хотят выждать, пока «Барсук» либо взорвется, либо возвратится в обычное или парапространство. Понимаете, ведь тот «Серый динозавр», который теперь возвращается, может оказаться совсем не тем «Серым динозавром», который покинул эту систему десять лет назад.

— «Барсук» опознал его, — возразил генерал Рейберн. — Это тот же самый корабль — если он и модифицирован, то внешне, по крайней мере, это не слишком заметно. Капитан «Барсука» Греко перед тем, как выскочить в гиперпространство, сообщил, что «Динозавр» до пос-

леднего винтика соответствует опознавательному фото, сделанному пятнадцать лет назад, если не считать...

— Если не считать? — скрипя зубами, переспросил Грэм. «Надо бы мне прекратить перемалывать собственные зубы, — сообразил он, — в прошлый раз я насквозь протер верхнюю правую коронку. Это должно бы остеречь меня». Он откинулся назад, играя со своими подушками.

— Если не считать того, — продолжал генерал Рейберн, — что некоторые из внешних датчиков либо утрачены, либо изменили свой вид — возможно, в результате повреждения. И, разумеется, корпус испещрен заметными рытвинами.

— «Барсук» сумел все это разглядеть? — удивленно спросил Грэм.

— Новые радарные установки Кнудсена — так называемые «окулярные модели» — способны...

— Тихо. — Грэм сверялся со своими часами. — Я засеку время, — решительно проговорил он. — Уже прошло примерно три минуты, так ведь? Пусть будет пять — для верности. — Он молча сидел, уставившись на свою «Омегу»; все также изучали свои часы.

Прошло пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Сидевшая в самом углу Камелия Граймс, министр трудовой занятости и образования, потихоньку начала шмыгать носом в свой кружевной платочек.

— Он навлек на этих людей гибель, — громким шепотом просипела она. — Ах, Господи, это так печально, так печально. Все они пропали.

— Ну да, — подтвердил Грэм, — это печально. А еще очень печально, что он разделался со сторожевым кораблем. Один шанс — из скольких? Из миллиарда? Что сторожевой корабль сразу же обнаружит его. Тогда все представлялось примерно так, и все же мы заполучили его. Прижатого к ногтю, готового быть размазанным так, что его инопланетным приятелям было бы любо-дорого посмотреть.

— Есть ли там какие-нибудь другие корабли, которые могли бы зацепить «Серый динозавр», когда он появится — если появится — из гиперпространства? — спросил генерал Рейберн у генерала Гефеле.

— Нет, — качнул головой генерал Гефеле.

— Так что мы не узнаем, появился ли он, — подытожил Грэм. — Может быть, он разрушился вместе с «Барсуком».

— Если он выйдет из гиперпространства, то мы об этом узнаем, — возразил генерал Гефеле, — поскольку, как только он появится, он опять начнет передавать тот сигнал на сорокаметровой полосе частот. — Он приказал своему помощнику: — Используйте мой монитор сетевой связи для повторной индикации их передачи. — Затем он обратился к Грэму: — Я полагаю...

— Вы вправе так полагать, — заметил генерал Рейберн. — Никакой радиосигнал не может пройти в парапространство из гиперпространства.

Генерал Гефеле вновь обратился к своему помощнику:

— Выясните, прервался ли несколько минут назад сигнал Провони.

Секунды спустя молодой, высокого роста помощник получил ответ из переговорного устройства, крепившегося ремешками у него на шее:

— Сигнал прервался двадцать две минуты назад и с тех пор не возобновлялся.

— Они все еще в гиперпространстве, — заключил генерал Гефеле. — И сигнал может вообще не возобновиться — возможно, все кончено.

— Я по-прежнему требую вашей отставки, — заявил Грэм.

На столе у него замигал красный огонек. Он поднял трубку соответствующего видеофона и сказал:

— Да, слушаю. Она у вас?

— Мисс Шарлотта Бойер, — сообщила с третьего уровня его секретарша степени секретности А. — Приведена сюда двумя сотрудниками ПДР, которые были вынуждены волочить ее всю дорогу. Боже мой, ноги их завтра будут сине-черными от кровоподтеков, а одного она укусила за руку; там вырван целый клок мяса, и этого сотрудника придется немедленно отправить в лазарет.

— Вызовите четверых из военной полиции, чтобы заменить сотрудников ПДР. Когда они явятся и полностью возьмут ее под контроль, дайте мне знать, и я навещу ее.

— Есть, сэр.

— Если некое лицо по имени Дэнни Стронг вломится в здание, разыскивая ее, — сказал Грэм, — то я приказываю арестовать его за нарушение границ владения и немедленно поместить в тюремную камеру. Если же он попытается силой ворваться сюда, в мою канцелярию, то я приказываю, чтобы стража прикончила его. Там же, на месте. В ту самую секунду, когда его рука коснется ручки двери в эту комнату.

«В прежние времена я и сам бы мог это сделать, — подумал Грэм. — Но теперь я слишком стар, и реакция уже сильно замедлилась». Тем не менее он приподнял пластину в углу крышки своего стола, из-под которой показалась рукоятка пистолета 38-го калибра, до которого легко было дотянуться. «Если мысленный образ Дэнни Стронга, представленный Николасом Эпплтоном, вместе с его сведениями о нем, был верен, то мне лучше быть наготове, — решил он. — И Боже ты мой, — подумал он, — я должен быть готов встретиться лицом к лицу и с Ником Эпплтоном — то, что он покинул это здание по своей воле и без внешних признаков гнева, не дает никакой гарантии, что он не решится продолжить в том же духе.

Просто беда оказаться в таком возрасте, — задумался он. — Ты идеализируешь всю женщину, ее личность, ее индивидуальность... но в мои годы все останавливается на том, насколько хороша она в по-

стели, — и ничего не поделаешь. Я буду обожать ее, изнурять ее, учить ее немногому, чего она еще не знает о сексуальных отношениях — хотя она уже и «видала виды», — что ей еще и не снилось. К примеру, она может быть моей маленькой рыбкой. И когда она обучится всему этому, все проделает, она запомнит это на всю жизнь. Ее будут преследовать воспоминания... и где-то в глубине души она будет тосковать: это было бы так приятно. Посмотрим, что сделает Ник Эпплтон, или Дэнни Стронг, или кто-то еще, кто получит ее после меня, чтобы удовлетворить ее. И ведь она не сможет заставить себя рассказать ему, в чем же, собственно, дело».

Он усмехнулся.

— Господин Председатель Совета, — обратился к нему генерал Гефеле, — есть новости от моего помощника. — Тот наклонился к генералу, шепча ему что-то на ухо. — Сожалею, но вынужден сообщить: сигнал на сорока метрах возобновился.

— Ничего не поделаешь, — стоически произнес Грэм. — Я знал, что они вернутся наружу; они бы не стали туда входить, если бы не были уверены, что смогут справиться... а «Барсук» не сможет. — Он с трудом заставил себя сесть, а затем вытянул массивную ногу и принял уже стоячее положение. — Мой купальный халат, — потребовал он, озираясь.

— Вот он, сэр, — сказала Камелия Граймс; она держала халат, пока Грэм не влез в него. — Теперь шлепанцы.

— Они у вас под самыми ногами, — холодно заметил генерал Гефеле. И подумал: «Не нужен ли тебе кто-то, чтобы одеть их, Председатель Совета? Ты просто гигантский гриб, который приходится обслуживать денно и нощно, который валяется в постели, как болезненный ребенок, отлынивающий от школы, избегающий реальности взросления. И это наш правитель! Тот, на ком в первую очередь лежит ответственность за остановку вторжения!»

— Вы все время забываете, — глядя ему в лицо, процедил Грэм, — что я телепат. Если бы вы сказали вслух то, что подумали, вас поставили бы перед отделением с газовыми гранатами. И вы это знаете. — Он разозлился по-настоящему, хотя мысли сами по себе редко выводили его из себя. Но теперь все зашло слишком далеко. — Хотите голосования? — спросил он, махая им рукой — всей избранной ассамблее Чрезвычайного Комитета Общественной Безопасности с добавлением двух высших военных советников.

— Голосования? — переспросил Дюк Бострих, привычным жестом приглаживая свою изысканную серебряную шевелюру. — По какому поводу?

Фред Райнер, министр внутренних дел, ядовито произнес:

— По поводу отставки мистера Грэма с поста Председателя Совета; при этом кто-то из нас, сидящих в этой комнате, займет его место. — Он широко улыбнулся, думая: «Им все надо читать по слогам, как детям. Ведь это наш шанс избавиться от жирного старого дурака; пусть

он проведет весь остаток жизни, улаживая свои запутанные личные дела... например, только что возникшее — с этой девчонкой Бойер».

— Я хотел бы голосования, — после некоторой паузы произнес Грэм. Во время этой паузы он прислушался к различным их мыслям и понял, что получит поддержку; так что был не слишком обеспокоен. — Давайте, — потребовал он, — голосуйте!

— Он прочитал наши мысли, — сказал Райнер, — и уже знает результат.

— Возможно, он блефует, — заметила Мэри Скаурби, министр сельского хозяйства. — Он прочитал наши мысли и знает, что мы его низложим, — а мы так и сделаем.

— Итак, — сказала Камелия Граймс, — в конце концов, мы должны голосовать.

Поднятием рук они провели голосование, получив четыре голоса за отставку Грэма и шесть — против.

— Елки-палки, старичок, — уничтожающим тоном сказал Грэм Фреду Райнеру. — Поищи себе девчонку; коль с девчонкой ты не сладишь, получи седого дядю.

— А «седой дядя», — уточнил Райнер, — это вы.

Запрокинув голову, Уиллис Грэм прямо завыл от радости. Затем, сунув ноги в шлепанцы, он зашаркал к главным дверям комнаты.

— Господин Председатель Совета, — быстро выговорил генерал Гефеле, — нам, возможно, удастся войти в контакт с «Динозавром» и получить некоторое представление о тех требованиях, которые Провони собирается предъявить, а также узнать, насколько его инопланетные подручные способны...

— Я поговорю с вами после, — перебил Грэм, открывая дверь. Затем он помедлил и пробормотал — не то обращаясь к ним, не то к себе: — Порвите ваши прошения, генералы. У меня было кратковременное расстройство; это ерунда. — «А вот до тебя, Фред Райнер, — подумал он, — до тебя-то я доберусь, двухпиковый ублюдок. Я еще увижу, как тебя прикончат за то, что ты подумал обо мне».

На третьем уровне Уиллис Грэм в пижаме, купальном халате и шлепанцах медленно дотащился до стола своей секретарши степени секретности А — ранга, позволявшего ей быть посвященной в его личные проблемы и занятия и иметь с ними дело. Одно время Маргарет Плоу была любовницей Грэма... тогда ей было восемнадцать. «А посмотреть на нее теперь, — сказал он себе, — в ее сорок с хвостиком». Энергия, огонь исчезли; осталась только искусная оживленная маска.

Стены ее кабинета были непроницаемыми. Никто не мог наблюдать за их беседой. «Разве что, — подумал он, — проходящий мимо телепат смог бы что-нибудь уловить». Но они уже научились не обращать внимания.

— Вы разыскали четырех ВП? — спросил он у мисс Плоу.

— Они держат ее в соседней комнате. Одного из них она укусила.

— Что же он сделал в ответ?

— Он врезал ей так, что она пролетела полкомнаты, и это, похоже, несколько ее отрезвило. Она была... ну, настоящим диким животным — без преувеличения. Как будто думала, что ее собираются прикончить.

— Пойду поговорю с ней, — сказал он и прошел через кабинет в соседнюю комнату.

И там стояла она, в глазах ненависть и страх, как у загнанного в ловушку хищника... «Ястребиные глаза,— подумал Грэм, — в которые лучше никогда не заглядывать. Я еще раньше это узнал, — размышлял он, — никогда не заглядывай в глаза ястреба или орла. Потому что тогда ты уже не сможешь забыть ту ненависть, которую там увидел... и ту страстную, ненасытную потребность в свободе, потребность летать. И — Боже мой — эти огромные высоты. Эти смертоносные броски на добычу — кролика, охваченного паническим ужасом, — таковы мы, остальные. Забавная картина: орел в плену у четырех кроликов».

Впрочем, ВП были далеко не кроликами. Он обратил внимание на хватку, которой они ее держали, — где они держали ее и как. Она не могла шевельнуться. И они выдержат дольше, чем она.

— Я мог бы приказать снова транквилизировать вас, — примирительно сказал Грэм. — Но я знаю, как вам это не нравится.

— Ты, белый выродок, — бросила она.

— Белый? — Он не понимал. — Но ведь уже нет ни белых, ни желтых, ни черных. Почему же вы говорите «белый»?

— Потому что ты король легавых.

Один из ВП быстро пояснил:

— «Белый» — по-прежнему бранное слово в определенных слоях с низким достатком.

— Угу, — кивнул Грэм. Теперь он стал читать ее мысли, и то, что обнаружил, крайне удивило его. Внешне она была напряжена, взвинчена — неподвижна лишь потому, что четверо ВП держали ее. Но внутренне...

«Испуганная маленькая девочка, сопротивляющаяся, подобно ребенку, устрашенному, скажем, визитом к зубному врачу. Иррациональный, аномальный возраст к доразумным мыслительным процессам. Она просто не воспринимает нас как людей, — догадался он. — Она различает нас как неопределенные фигуры, волочившие ее вначале в одном направлении, затем, почти сразу же, в другом, а теперь принуждающие ее — и это делают четверо здоровенных, профессионально обученных мужчин — быть прикованной к одному и тому же месту, Бог знает сколько и зачем. Ее мыслительные процессы, — прикинул он, — соответствуют уровню трехлетнего ребенка». Возможно, однако, ему удалось бы чего-нибудь добиться, поговорив с ней. Может быть,

ему удалось бы отвести какие-то из ее страхов, позволяя ее мыслям вновь обрести более зрелый характер.

— Меня зовут Уиллис Грэм, — обратился он к ней. — А знаете ли вы, что я буквально только что сделал? — Он улыбнулся ей, поднял руку и ткнул пальцем в Шарлотту, совсем расплывшись в улыбке. — Ручаюсь, вы не догадываетесь.

Она мотнула головой. Коротко. Лишь раз.

— Я открыл все лагеря для перемещенных — и на Луне, и в штате Юта, — все, кто там находится, теперь выйдут наружу.

Громадные лучистые глаза девушки по-прежнему пристально разглядывали его. Но в мыслях это сообщение зафиксировалось; беспорядочные токи психической энергии метались в коре ее головного мозга, пока она силилась понять.

— И мы вообще не собираемся больше никого арестовывать, — продолжил он. — А значит — вы свободны. — При этих словах океанская волна облегчения захлестнула ее сознание; глаза ее затуманились, и вниз по щеке скользнула одинокая слезинка.

— Могу я... — Она с трудом сглотнула, голос ее дрожал. — Могу я увидеть мистера Эпплтона?

— Вы можете видеться с кем хотите. Ник Эпплтон также свободен — мы вышвырнули его отсюда два часа назад. Он, по всей видимости, отправился домой. У него есть жена и ребенок, к которым он очень привязан. Без всякого сомнения, он вернулся к ним.

— Да, — холодно сказала она. — Я встречалась с ними. Та женщина — просто сука.

— Но его мысли на этот счет... ведь я провел с ним сегодня достаточно времени. На самом деле он любит ее — просто ему хотелось немного перебеситься... вы ведь понимаете, что я телепат, — мне известно о людях то, что...

— Но вы можете лгать, — сквозь зубы процедила Шарлотта.

— Я не лгу, — возразил он, хотя ему прекрасно было известно обратное.

Вдруг совершенно успокоившись, Шарлотта спросила:

— Так я действительно могу идти куда захочу?

— Тут есть еще один момент. — Грэм осторожно вел свою линию, мозг его постоянно был настроен на ее мысли, стараясь выхватить их еще до того, как они обратятся в слово или действие. — Понимаете, мы провели ваше медицинское обследование после того, как официанты ПДР вытащили вас из-под обломков типографии на Шестнадцатой авеню... вы это помните?

— М-медицинское обследование? — Она с сомнением смотрела на него. — Все, что я помню, — это как меня волокли за руки через все здание, и моя голова колотилась о пол и о пороги, а потом...

— Так, значит, медицинский осмотр, — продолжил Грэм. — Мы проводили его для каждого, кто был захвачен нами на Шестнадцатой

авеню. Мы также провели краткие психологические обследования. Результаты вашего обследования весьма скверные — вы были серьезно травмированы и находились почти в кататоническом ступоре.

— И что же? — Она безжалостно пожирала его взглядом. Глаза ее по-прежнему сохраняли ястребиное выражение.

— Вы нуждаетесь в постельном режиме.

— И мне, вероятно, устроят его здесь?

— В этом здании, — сказал Грэм, — размещено едва ли не лучшее в мире психиатрическое оборудование. Какие-нибудь несколько дней отдыха и лечения...

Ястребиные глаза вспыхнули; мысли свистели в ее голове, как пули — эманации таламуса, за которыми Грэм не мог уследить, — а затем молниеносно, в мгновение ока она вся искривилась, обмякла, сжалась в комок — закрутилась. Закрутилась! Все четверо ВП уже не могли ее удержать, хватка их сорвалась — они тянулись за ней, а один из них взмахнул пластиковой дубинкой, утяжеленной дробью.

Быстрее молнии Шарлотта рванулась назад, согнулась, извиваясь, как змея, распахнула дверь позади себя и ринулась по коридору. Официант ПДР, шедший ей навстречу, увидел Уиллиса Грэма и четверых ВП; оценив ситуацию, он попытался схватить Шарлотту, когда она проносилась мимо него. Ему удалось ухватить ее за правую руку... Когда он потащил ее к себе, она с размаху лягнула его в пах. Взвыв, он отпустил ее. Она метнулась дальше — к широченным входным дверям в здание. Больше никто не пытался ее остановить — увидев, как официант ПДР скорчился на полу от невыносимой боли.

Один из четверых ВП достал лазерный пистолет Ричардсона калибра 2,56 и поднял его, направив ствол в потолок.

— Должен ли я прикончить ее, сэр? — спросил он Уиллиса Грэма. — Я могу дать один славный залп, если вы немедленно прикажете.

— Не могу решить, — пробормотал Грэм.

— Тогда я не стреляю, сэр.

— Ладно. Не надо. — Уиллис Грэм протащился обратно в канцелярию, тяжело опустился на кровать; ссутулившись, он невидящим взором уставился в рисунок ковра.

— Она трахнутая, сэр, — сказал один из ВП. — Я имею в виду — безмозглая. Совсем бешеная.

— Я скажу вам, кто она такая, — прохрипел Грэм. — Подвальная крыса. — Он подцепил эту фразу в голове Ника Эпплтона. — Самая настоящая.

«Я, конечно, смогу их найти, — подумал он. — Как и Эпплтон. Он сказал мне, что увидится с ней еще, — припомнил Грэм. — Так и будет — она его как-нибудь отыщет. Никогда он не вернется к жене».

Поднявшись, он тяжело заковылял к столу Маргарет Плоу во внутреннем рабочем кабинете.

— Можно мне воспользоваться вашим видеофоном? — спросил он.

— Вы можете пользоваться моим видеофоном; вы можете пользоваться всем...

— Нет. Только видеофоном, — перебил он и позвонил по линии первой срочности директора Барнса; она соединяла его с Барнсом, где бы тот ни находился: в ванне, на автостраде и даже у себя за столом.

— Слушаю, господин Председатель Совета.

— Мне нужен человек из вашего... специального отряда. А может быть, двое.

— Кого? — бесстрастно спросил Барнс. — Я имею в виду, кого им нужно будет прикончить?

— Гражданина 3XX24J.

— Вы серьезно? Это не прихоть, не минутное настроение? Вы в самом деле не шутите? Вспомните, господин Председатель Совета, — вы же только что освободили его ввиду полной амнистии вместе со всеми остальными.

— Он увел у меня Шарлотту, — сказал Грэм.

— А, понимаю, — отозвался Барнс. — Она ушла.

— Четверо ВП не смогли удержать ее; она становится маньяком, когда попадает в ловушку. Я обнаружил в ее памяти о детстве что-то связанное с лифтом, который не открывался; она была там одна. Думаю, ей было около восьми лет. И с тех пор у нее появилась какая-то разновидность клаустрофобии. Так или иначе, ее невозможно удержать.

— Здесь вряд ли вина 3XX24J, — заметил Барнс.

— Однако, — сказал Грэм, — она отправилась к нему.

— Это должно быть сделано по-тихому? И выглядеть как несчастный случай? Или вы только хотите, чтобы люди из спецотряда просто вошли, сделали свое дело и ушли, не обращая внимания на тех, кто их увидит?

— Желательно последнее, — ответил Грэм. — Похоже на ритуальное наказание. И та свобода, которой он сейчас наслаждается... — «И, — подумал он, — те радостные мгновения, когда он снова найдет Шарлотту...» — ...должна оказаться для него последней кормежкой, которую устраивают осужденным на смерть арестантам.

— Так больше не делается, господин Председатель Совета.

— Пожалуй, я поставлю вашим людям еще одно условие, — сказал Грэм. — Я хочу, чтобы его прикончили в ее присутствии. Хочу, чтобы она видела, как это случится.

— Ладно, ладно, — раздраженно отозвался Барнс. — Что-нибудь еще? А что там новенького о Провони? По одному из телевизионных каналов сообщили, что один из сторожевых кораблей обнаружил «Серого динозавра». Это правда?

— Мы займемся этим, когда дело до него дойдет, — ответил Грэм.

— Господин Председатель Совета, но ведь это выражение бессмысленно.

— Значит, мы займемся тем, когда до того дойдет дело.

— Я дам вам знать, когда мои люди выполнят задание, — сказал Барнс. — С вашего разрешения, я пошлю трех человек — третьего с успокаивающим ружьем против нее, если, как вы сказали, она временами становится одержимой.

— Если она вступит в драку, — указал Грэм, — не наносите ей вреда. Расправы с ним будет вполне достаточно. Всего хорошего. — Он повесил трубку.

— Я думала, вы расстреляете их попозже, — заметила Маргарет Плоу.

— Девушек — попозже. А их приятелей — пораньше.

— Как вы сегодня откровенны, господин Председатель Совета. Ведь вы, должно быть, испытываете ужасное напряжение от всех этих дел с Провони. В третьем-то послании он сказал: шесть дней. Всего шесть дней! А вы открываете лагеря и даруете общую амнистию. Как жаль, что Кордон не дожил до этого дня; как жаль, что его больные почки, или больная печень, или что-то там еще вызвало его кончину всего несколько часов назад, когда... — Она вдруг замолчала.

— Всего несколько часов назад, когда победа была так близка, — докончил он за нее, вынимая концовку фразы, как ферромагнитную ленту, прямо из ее пустой, по существу, головы. — Что ж, он отчасти был мистиком. Может быть, он и знал.

«Да, может быть, он и в самом деле знал, — подумал Грэм. — Он был какой-то странный. Возможно, он воскреснет из мертвых. А и черт с ним — мы просто скажем, что он и не умирал; это была просто газетная фальшивка. Мы хотели, чтобы Провони считал... Боже милосердный, — опомнился он, — что я такое думаю? Ведь за 2100 лет никто не воскресал из мертвых — с чего бы это им начинать по новой? Захочется ли мне после смерти Эпплтона, — спросил он себя, — сделать еще одну, последнюю попытку с Шарлоттой Бойер? Если бы дать поработать с ней моим штатным психиатрам, они сгладили бы в ней те звериные черты, сделали бы ее покорной — какой и должна быть женщина». И все же — ему нравился ее огонь. «Может быть, именно это и делает ее привлекательной для меня, — подумал он, — черты подвальной крысы, как назвал это Эпплтон. Многим мужчинам нравятся неукротимые женщины — интересно, почему? Не просто сильные женщины, упрямые или самоуверенные, а именно дикие. Я должен думать о Провони, — напомнил он себе. — А не об этом».

Двадцать четыре часа спустя с «Серого Динозавра» пришло четвертое послание, зафиксированное громадным радиотелескопом на Марсе:

«Нам известно, что вы открыли лагеря и объявили всеобщую амнистию. Этого недостаточно».

«Весьма лаконично», — подумал Уиллис Грэм, изучая отпечатанное послание.

— И у нас не было возможности передать им ответ? — спросил он принесшего эту новость генерала Гефеле.

— Думаю, мы достигаем его, но он не слушает — либо из-за поломки в схемах его приемной аппаратуры, либо просто по причине его нежелания вести с нами переговоры.

— Когда он будет где-нибудь на расстоянии сотни астрономических единиц от нас, — спросил Грэм, — сможете ли вы поразить его кассетной ракетой? Одной из тех, что рассчитаны на... — Он рубанул рукой воздух.

— На поражение, — отозвался генерал Гефеле. — Мы располагаем шестьюдесятью четырьмя типами ракет, которые мы сможем для этой цели использовать; я уже отдал приказ, чтобы суда-носители развернули их во всей области, где мы ожидаем появление того корабля.

— Но вы же не знаете ту «область, где мы ожидаем появление того корабля». Он мог выйти из гиперпространства где угодно.

— Тогда скажем так: все наши боевые средства готовы к применению, как только «Динозавр» будет замечен. Возможно, Провони блефует. Возможно, он вернулся один. Точно так же, как и десять лет назад улетел.

— Нет, — проницательно заметил Грэм. — А его способность оставаться в гиперпространстве с этой старой бадьей 2198 года? Нет, его корабль был перестроен. И с использованием неизвестной нам технологии. — Вдруг его осенила еще одна мысль. — О Господи, он... он вместе с «Динозавром» может быть внутри этого существа; оно могло обернуться вокруг корабля. Тогда корпус, конечно, не распался. Возможно, Провони сейчас напоминает какого-нибудь мелкого паразита внутри этого инопланетного существа, с которым он, впрочем, находится в хороших отношениях. Симбиоз. — Эта мысль показалась ему правдоподобной. Но ведь ни одно существо — ни гуманоидное, ни какое-либо другое — никогда не делало чего-нибудь за просто так; он знал это как одну из жизненных истин — знал не хуже собственного имени. — Вероятно, им нужна вся наша раса — шесть миллиардов Старых Людей, а потом и мы, чтобы сплавиться вместе с ним в какое-нибудь полиэнцефалическое желе. Прикиньте, как вам это понравится?

— Каждый из нас, включая Старых Людей, будет сражаться против этого, — тихо проговорил генерал Гефеле.

— Ну, для меня это звучит совсем не так плохо, — сказал Грэм. — И я гораздо лучше вас представляю себе, на что похож такой мозговой сплав.

«Тебе ведь известно, что мы, телепаты, делаем каждые несколько месяцев, — подумал он. — Мы где-нибудь собираемся и сплетаем наши сознания в одно огромное совокупное сознание, единый мыслитель-

ный организм, мыслящий как пять или шесть сотен мужчин и женщин. И это время радости для всех нас. Даже для меня».

Только здесь, в варианте Провони, в сеть будут вплетены все.

Впрочем, эта идея могла принадлежать вовсе не Провони. И все же... Грэм уловил нечто в этих четырех посланиях — использование слова «мы». Похоже, прослеживалась какая-то согласованность между Провони и тем существом. «И достаточно гармоничная, — подумал Грэм. — От посланий, несмотря на лаконичность, так и веет холодом... как говорят эти ребята. И тот, кого Провони везет, — лишь авангард многих тысяч, — ужаснулся он про себя. — Первые жертвы — экипаж «Барсука». Непременно надо воздвигнуть где-нибудь стелу в их честь. Они не побоялись вступить в поединок с Провони; они преследовали «Динозавр» и приняли геройскую смерть. Может быть, обладая людьми такой отваги, мы могли бы сражаться и в конце концов победить». А вести межзвездную войну невероятно тяжело — он где-то читал об этом. После таких размышлений он почувствовал себя как минимум втрое лучше.

Несколько часов пробиваясь сквозь людские полчища, Николасу Эпплтону удалось в конце концов разыскать здание, где находилась квартира Дэнни Стронга. Он вошел в лифт и поднялся на пятнадцатый этаж.

Там он постучал в дверь. Тишина. А потом раздался ее голос, голос Чарли:

— Кого там несет?

— Это я, — сказал он. — Я знал, что ты придешь сюда.

«Если Уиллису Грэму хотелось, чтобы мы не встретились, — подумал он, — ему не следовало отпускать нас обоих».

Дверь отворилась. За ней стояла Чарли в полосатой черно-красной рубахе, дутых шароварах, домашних сандалиях... а на лице ее уже был изрядный слой грима, включая непомерной длины ресницы. Эти ресницы произвели на Ника впечатление, хоть он и знал, что они фальшивые.

— Ну чего? — спросила Чарли.

Часть третья

Глава 20

Рядом с Шарлоттой Бойер появился Дэнни Стронг.

— Привет, Эпплтон, — сказал он без выражения.

— Привет, — осторожно отозвался Ник; он отчетливо помнил, как Дэнни — да и Шарлотта — были охвачены бешенством. И на сей раз тут не было Эрла Дзеты, чтобы помочь ему выбраться, когда эти ребята начнут сотрясать стены.

Впрочем, Дэнни казался спокоен. Разве не было правдой то, что Ник знал об алкогольных кутежах? Синусоидальное колебание от мертвецкого опьянения до обычной дневной учтивости... и как раз сейчас Дэнни оказался на дне синусоиды.

— Как ты узнал, что я сюда вернусь? — спросила Чарли. — Как ты узнал, что я вернусь к Дэнни и что мы помиримся?

— Мне больше негде было искать, — угрюмо ответил он. «Конечно, она вернулась к Дэнни, — подумал Ник. — Все, что было, все мои попытки помочь ей — напрасны. И она, по-видимому, с самого начала это знала. Я оказался пешкой, использованной Шарлоттой, чтобы наказать Дэнни. Что ж, — подумал он, — если борьба окончена, если она вернулась сюда... мне тут делать нечего», — решил он. И сказал: — Ну, я рад, что теперь у вас все в порядке.

— Слышь, — спросил у него Дэнни, — а ты знаешь про амнистию? И что лагеря открывают? Э-гей! — Его несколько обрюзгшее лицо надулось от возбуждения; выпученные глаза так и заплясали, когда он шлепнул Чарли по попке. — А Провони почти уже...

— А ты не хочешь войти в квартиру? — спросила Чарли у Ника, обнимая Дэнни за пояс.

— Пожалуй, нет, — ответил Ник.

— Слушай, приятель, — обратился к нему Дэнни, приседая на корточки — выполняя, по всей видимости, какие-то упражнения из атлетической гимнастики, — я не так уж часто бываю таким, каким ты меня видел. Много всего нужно, чтобы я сбрендил. А когда я вычислил, что здесь не все чисто... тут оно и получилось. — Он прошел об-

ратно в комнату и расположился на диване. — Присаживайся. — Понизив голос, он добавил: — У меня тут баночка гаммовского пива — мы разопьем ее на троих.

«Спиртное, — подумал Ник. — Я выпью с ними, а потом безумие вселится во всех нас».

А с другой стороны — была одна-единственная банка. Так ли уж опьянели бы они, распив ее на троих?

— Я зайду на минутку, — сказал он, хотя на самом деле им, конечно, двигало не присутствие пива, а присутствие Чарли. Ему хотелось смотреть на нее как можно дольше. В том, что она вернулась к Дэнни, был привкус горечи; сделав это, она по сути отвергла его, Николаса Эпплтона. Ник испытывал чувство, почти незнакомое ему раньше: ревность. Ревность — и обиду на Чарли за то, что она своим поступком предала его; ведь он, в конце концов, отказался от жены и ребенка — отрекся от них, уйдя из своей квартиры вслед за Чарли. Они собирались остаться вместе... это выяснилось в типографии на Шестнадцатой авеню. А теперь, из-за того, что типография была разгромлена и подверглась облаве, Чарли вернулась назад, как нагулявшаяся кошка, — к тому, что она знала и понимала, хоть это и могло быть отвратительно.

Разглядывая ее лицо, он заметил в нем какую-то перемену. Теперь оно казалось застывшим, словно грим был наложен на какую-то стеклянную или металлическую поверхность — во всяком случае, на что-то неживое. Так все и было: внешне дружелюбная и улыбчивая, Шарлотта казалась теперь хрупкой и твердой, как стекло; потому-то она и использовала столько косметики — чтобы скрыть эти черты, этот недостаток человечности.

Дэнни, с восторгом похлопывая себя по промежности, болтал:

— Слышь, теперь-то мы можем держать в квартире хоть шесть сотен брошюр — никаких проблем, то есть нечего беспокоиться о налете. А ты видел лагерников?

Еще бы! Он видел их, заполонивших пешеходные дорожки. Тощих, бледных как смерть, ужасающе одинаковых в своих казенных хлопчатобумажных лохмотьях оливкового цвета... И он видел походные кухни Красного Креста, установленные, чтобы кормить их. Лагерники бродили повсюду как привидения и казались совершенно неспособными свыкнуться с новой средой обитания. Ну да, у них не было ни денег, ни работы, ни жилья; они были выброшены из жизни. И, как заметил Дэнни, общая амнистия освободила всех.

— Но меня они так и не поймали, — заявил Дэнни, и лицо его стало бледнеть от воинственной спеси. — Хотя поймали вас двоих. Перетряхнув типографию на Шестнадцатой авеню. — Он сложил руки на груди, раскачиваясь взад-вперед. Потом он обратился к Чарли: — Даже хотя ты, черт побери, и сделала все, чтобы нас тряхануло. — Потянувшись к кофейному столику, он взял оттуда банку пива, встряхнул ее и одобрительно кивнул: — Еще холодненькое. Ништяк, мы отправимся

в страну мечты. — Он сорвал металлический язычок. — Ты, Эпплтон, гость — тебе первому.

— Я чуть-чуть, — сказал Ник и лишь слегка отхлебнул.

— Угадай, что приключилось с Чарли, — произнес Дэнни, сделав изрядный глоток. — Ты, верно, думал, что она торчала здесь весь день после того, как выбралась из типографии на Шестнадцатой авеню? Ничего подобного. Она заявилась сюда только час назад, а до этого бегала и пряталась.

— Уиллис Грэм... — хрипло пробормотал Ник. Тот тошнотворный страх снова охватил его, вызвав нервное напряжение и страшный озноб.

— Ну да, — лениво, издевательски проговорил Дэнни, — у него там рядами стоят кроватки, и все это он называет «служебным лазаретом». А на самом деле...

— Прекрати, — сквозь зубы процедила Чарли.

— Грэм предложил ей небольшой «постельный режимчик». А тебе, Эпплтон, известно, что за человек Грэм?

— Да, — сдержанно ответил Ник.

— Но я выбралась оттуда, — сообщила Чарли и проказливо захихикала. — Там было четверо армейских ВП, а я оттуда выбралась. — Обращаясь к Дэнни, она сказала: — Ты знаешь, какая я бываю, когда рассвирепею — по-настоящему рассвирепею. И ты, Ник, видел меня, когда мы впервые встретились, — ты ведь видел, как мы дрались с Дэнни, верно? Разве я не ужасна?

— Значит, Грэм не взял тебя, — сказал Ник. «И я снова вижу тебя, — задумался он. — Но... не так. Я вижу тебя помирившейся с Дэнни, вернувшейся к своей маскировке и поддельному обличью. Ваше занятие стало легальным, а ухватки остались прежними. Ты хочешь быть элегантной — или, по крайней мере, элегантной в твоем понимании, — и ты хочешь снова кататься на «Пурпурной морской корове» — быстро-быстро, на таких скоростях, что если бы ты куда-нибудь врезалась, то кабина скиба разлетелась бы на кусочки. Но до того как это произойдет, все же будет куча веселья. И вы можете пойти вдвоем в кварцевальный зал, курильню-сценерию или транкобар, и все будут восхищаться: «Какая прелестная девушка!» А рядом Дэнни может бросать косые взгляды, говорящие: «Гляньте-ка, чуваки, кого я могу под себя положить». И их зависть перейдет все пределы. Гм, так сказать».

Вставая, он сказал:

— Пожалуй, я пойду. — И добавил, обращаясь к Чарли: — Я рад, что ты сбежала от Грэма. Я знал, что он хочет тебя, и думал, что он тебя возьмет. Теперь мне гораздо легче.

— Он и сейчас может, — заметил Дэнни, ухмыляясь и потягивая пиво.

— Тогда сматывайтесь из этой квартиры, — посоветовал Николас. — Если я могу ее найти, они-то — тем более.

— Но они не знают адреса, — сказал Дэнни, закидывая ноги на стол; он носил настоящие кожаные ботинки... которые, вероятно, недешево ему обошлись. Что, впрочем, давало ему доступ в самые знатные курильни-сценерии на планете, включая знаменитые венские.

Так оно и было. Оба они выглядели прикинутыми и разукрашенными для какого-нибудь турне по транкобарам и курильням. Для них существовало не только спиртное — это было лишь одно из их нелегальных увлечений. Танцевальные вечеринки в курильнях были разрешены — так что, соответствующим образом одеваясь и прихорашиваясь, они могли вращаться среди элиты общества, где появлялись даже Новые Люди и Аномалы. Всем, включая государственных служащих, нравилась новая производная опиума, названная сценерой по фамилии ее первооткрывателя, Уэйда Сценеры, Нового Человека. Увлечение сценерой, как и миниатюрными пластиковыми статуэтками Бога, стало повальным на всей планете.

— Понимаешь, Эпплтон, — объяснил Дэнни, передавая Чарли почти пустую банку пива, — она везде таскает с собой абсолютно поддельные карточки идентификации официального образца, — он щелкнул пальцами, — знаешь, те, какие надо, а не что-нибудь вроде кредитных карточек Юнион-Ойл. И они так клево подделаны, что в аккурат подходят к маленьким щелочкам в крохотных коробочках, что таскают с собой пидоры. Верно, сучка? — И он нежно потянулся, чтобы обнять ее.

— Я сука что надо, — сказала Чарли. — Только потому я и выбралась из Федерального Здания.

— Ее здесь найдут, — упрямо повторил Ник.

Надменно, и вместе с тем раздраженно, Дэнни произнес:

— Слышь, я же тебе объяснил. Когда вас обоих свинтили в типографии, то...

— На чье имя записана эта квартира? — спросил у него Ник.

Нахмурившись, Дэнни ответил:

— На мое. — Затем лицо его прояснилось. — Ничего они не знают — я для них вообще не существую. Слышь, Эпплтон, тебе не повредило бы немного выдержки; ты нытик, паникер. Парень, если бы мы вместе оказались в небе, меня бы от тебя затошнило. — Он засмеялся, но на этот раз издевательски, с явной насмешкой.

— Ты уверен, что ее имя никогда официально не упоминалось в связи с этой квартирой? — спросил Ник.

— Ну, она пару раз платила квартплату, выписывая чек. Но будь я проклят, если понимаю, как...

— Если она подписала чек, — перебил Ник, — оплачивая эту квартиру, то ее имя автоматически попало на компьютер в Нью-Джерси. И не просто ее имя — компьютер должен получать и хранить информацию, откуда это имя взялось. А в ПДР есть на нее досье — как и на всех нас. Они запросят компьютер в Нью-Джерси, и он выдаст им все, что там на нее есть, — тогда они сопоставят это с полицейским досье...

кстати, не случалось ли, что вас останавливала полиция, когда вы были вдвоем в «Пурпурной морской корове»?

— Ну да, — проворчал Дэнни. — За превышение скорости.

— Они записывали и ее имя, как свидетеля.

Дэнни, со сложенными на груди руками, неторопливо откидываясь на спинку дивана и сползая по ней вниз, ответил:

— Ага.

— Это все, что им нужно, — подытожил Ник. — Они получили выход на тебя, затем на эту квартиру — и еще один Бог знает, что у них там в досье на Чарли.

Испуганное выражение пролетело по лицу Дэнни — какая-то тень, двигавшаяся справо налево. Глаза его засветились подозрением и беспокойством — теперь он был похож на себя тогдашнего. Смесь страха и ненависти к власти — символу отца. Дэнни соображал быстро — выражение его лица теперь менялось с каждой секундой.

— Но что у них может быть на меня? — прохрипел он. — О Господи... — Он ожесточенно потер лоб. — Это совсем сбило меня с толку — ничего не могу сообразить. Найти бы какой-нибудь выход из положения, Проклятье... надо мне что-нибудь глотнуть. — Он исчез в ванной и стал рыться в аптечке. — Гидрохлорид метамфетамина, — пробормотал он, хватая склянку. — Это прочистит мне мозги. У меня должна быть ясная голова, если я собираюсь выкарабкаться.

— Значит, у тебя сойдет балда от спиртного, — язвительно заметила Чарли, — когда ты глотнешь этого кушанья.

— Не учи меня! — крикнул Дэнни, возвращаясь в гостиную. — Я этого не выношу, я взбешусь. — Он сказал Нику: — Забери ее отсюда. Шарлотта, ты будешь с Ником; не пытайся возвращаться сюда. У тебя есть при себе юксы, Ник? Чтобы хватило снять на пару дней комнату в мотеле?

— Думаю, да, — ответил Ник и почувствовал, как от радости у него закружилась голова. Он так заморочил Дэнни, что для него самого все вышло в лучшем виде.

— Тогда найди какой-нибудь мотель. И не звони мне — возможно, номер прослушивается. Они, наверное, уже вот-вот готовы нагрянуть.

— Параноик, — холодно процедила Чарли. Затем она взглянула на Ника, и...

И двое «чернил», сотрудников полиции в черной униформе, — «черных пидоров», как их называли, — вошли в квартиру, не касаясь ручки двери и не используя ключа, — дверь прямо-таки сама распахнулась перед ними.

Черный пидор слева от Ника что-то протянул ему:

— Это ваша фотография, сэр?

— Да, — подтвердил Ник, разглядывая фотографию. И как они только ее раздобыли? Эта карточка — единственный экземпляр — лежала у них дома в нижнем ящике платяного шкафа.

— Вам меня не взять, — прошипела Чарли. — Вам меня не взять. — Она подскочила к ним и во весь голос заголосила: — Катитесь отсюда!

Черный пидор потянулся за сверхмощным лазерным пистолетом стандартного образца. То же сделал и другой.

Дэнни бросился на пидора и сцепился с ним; вместе они покатились по полу, как дерущиеся коты: со скоростью циркулярной пилы.

Чарли пнула первого пидора в пах, а затем, резко взмахнув рукой, въехала ему в горло остреньким локотком; сделала она это так стремительно, что для Ника все слилось в одно неуловимое движение... и пидор растянулся на полу, мучительно стараясь вдохнуть и заходясь громким кашлем.

— Должен быть еще один, — выдохнул Дэнни, поднимаясь после победы в своей кошачьей схватке. — Наверное, внизу — или наверху, на посадочной площадке. Попробуем добраться до площадки — если мы окажемся в «Морской корове», то уйдем от любого их корабля. Тебе это известно, Эпплтон? Я могу обогнать полицейский патрульный корабль — могу разогнаться до 120 миль в час. — Он направился к двери. Ник молча последовал за ним.

— Они приходили не за тобой, — сказал Дэнни, обращаясь к Чарли, пока они поднимались в лифте. — Они приходили за мистером Чистюлей, вот что.

— Да-а? — удивленно протянула она. — Ну и Бог с ним — значит, мы спасли его вместо меня. Разве он для нас не важен?

Дэнни повернулся к Нику:

— Я не стал бы драться, если бы знал, что им нужен ты. Я тебя толком и не знаю. Но я заметил, как один из них потянулся за своей пушкой, и узнал в нем десантника из спецотряда. Так что я понял — они пришли кого-то прикончить. — Он улыбнулся — его большие чувственные голубые глаза излучали светлую улыбку. — Знаешь, что у меня есть? — Он полез в задний карман брюк и достал оттуда крохотный пистолет. — Оружие самозащиты. Производство Кольта. Стреляет всего на 0,22 — зато с дьявольской начальной скоростью. Мне некогда было применить его — я просто не был готов. А теперь-то я готов. — Он прижимал пистолет к боку, пока они не добрались до площадки на крыше.

— Не выходи, — сказал Николас Чарли.

— Сначала выйду я один, — подхватил Дэнни. — Ведь у меня есть оружие. — Он опять показал пистолет. — Вон она, «Корова». Не дай Бог они оборвали зажигание... не-ет, черт побери, этой машинке лучше бы взлететь как надо, или я спущусь вниз и прикончу обоих этих пидоров.

Он вышел из лифта.

Черный пидор высунулся из-за припаркованной ракеты, направил на Дэнни лазерную трубку и приказал:

— Стой где стоишь.

— Привет, офидант, — дружелюбно отозвался Дэнни, показывая пустые ладони. Пистолет был уже у него в рукаве. — В чем дело? Я хочу толь-

ко прокатиться, и все. А ты до сих пор пытаешься взять за задницу кордонитов? Ты что, не знаешь...

Черный пидор срезал его из лазерной трубки.

Чарли ткнула кнопку «один» на панели управления лифтом; двери с шумом захлопнулись. Затем она нажала на «аварийный спуск». Лифт ринулся вниз.

Глава 21

Ровно сорок четыре часа спустя Клео Эпплтон включила телевизор. Начиналась «Богатая Агата», ее любимая дневная передача. Нечто срочно производившееся смышлеными Новыми Людьми, чтобы внушать Старым Людям мысли о том, что их участь не так уж и плоха. Однако, когда экран засветился, никакого изображения на нем не было. Только какие-то пятна в форме елочки, а из четырех динамиков — сплошные помехи.

Она переключила на другую программу. То же самое.

Она проверила все шестьдесят два канала. Нигде ни звука, ни изображения.

Дверь в квартиру отворилась, и Ник вошел внутрь, сразу направившись к платяному шкафу.

— А, твоя бесценная одежда, — сказала Клео. — Конечно, у тебя есть ключ — можешь пользоваться им в любое время — хоть днем, хоть ночью. До конца моих дней у меня найдется кровать, где ты сможешь переночевать, — не моя кровать, а твоя собственная. Так, чтобы ты чувствовал себя достаточно далеким от меня. Ведь на самом деле тебе только того и хочется, чтоб быть подальше от меня, так ведь? Эта девушка, Шарлотта Боейр — или Бойд? — на самом деле всего лишь предлог. Твоя главная связь — по-прежнему со мной, пусть даже на какое-то время она негативна. Но ты скоро поймешь, что Шарлотта тебе ничего дать не сможет. Ведь она — только оболочка из косметики. Вроде робота или еще чего-то такого, раскрашенного под человека.

— Типа андроида, — уточнил он. — Нет, она не такая. Она — лисий хвост и хлебное поле. И солнечный свет.

— Оставь здесь какие-нибудь из своих ботинок, — проговорила она, стараясь не впадать в просительный тон, и все же... она просила. — Тебе ведь не понадобятся десять пар ботинок. Возьми две — или, в крайнем случае, три. Ладно?

— Прости, — сказал Ник, — что я так с тобой поступаю. Я никогда не отдавал дань юношеским порывам; теперь, наверное, со мной это и происходит — как ты сама говорила.

— Ты понимаешь, что теперь Бобби дадут новый, справедливый тест? Ты понимаешь это? Ответь мне. Понимаешь?

Ник стоял, уставившись на экран телевизора. Потом он вдруг бросил ворох одежды и кинулся к переключателю.

— На всех каналах то же самое, — сообщила Клео. — Может быть, кабель оборвался... Или это Провони, — добавила она.

— Значит, он не дальше, чем за пятьдесят миллионов миль.

— Как это ты нашел квартиру для себя и для... этой девицы? — поинтересовалась Клео. — Все эти люди из лагерей для перемещенных... разве они не заняли все до единой квартиры в США?

— Мы устроились у ее друзей, — ответил он.

— Не мог бы ты дать мне адрес? — попросила она. — Или телефон. Если мне вдруг понадобится найти тебя, чтобы сообщить о чем-нибудь важном. Между прочим, если Бобби как-нибудь обидят, ты ведь захочешь...

— Тихо, — оборвал ее Ник. Он сидел на корточках перед телевизором, внимательно изучая экран. Белый фоновый шум внезапно прекратился. — Это значит, что передатчик включен, — сказал Ник. — Они были отключены — все-все. Провони перекрыл их сигналы. Теперь он попробует передать. — Он повернулся к жене, лицо его раскраснелось, а глаза распахнулись как у ребенка. «Или как будто он повредился головой», — подумала Клео со смутной тревогой.

— Ты не знаешь, что это значит, так ведь? — спросил Ник.

— Ну, я думаю, что...

— Вот потому я от тебя и ухожу. Потому что ты ничего не понимаешь. Что для тебя возвращение Провони? А ведь это самое значительное событие в истории! Потому что с ним...

— Самым значительным событием в истории была Тридцатилетняя война, — уверенно возразила Клео. Она специализировалась на этой эпохе в развитии западной цивилизации и знала, о чем говорит.

И тут на экране появилось лицо — с волевым подбородком, массивными надбровными дугами, а глаза были маленькими и неистовыми, подобными дырам, пробитым в ткани реальности — в окружающей их оболочке, — таящим кромешную тьму.

— Я Торс Провони, — донеслось из динамиков, и прием был хорош — голос его доходил еще отчетливее, чем видеоизображение. — Я нахожусь внутри разумного организма, который...

Клео расхохоталась.

— Заткнись! — рявкнул Ник.

— «Всем привет, — передразнила Клео. — Я жив и нахожусь внутри гигантского червя». Вот это мне нравится, это уж действительно...

Ник отвесил ей оплеуху, опрокинув ее навзничь силой своего удара. И опять повернулся к телеэкрану.

— ...Примерно через тридцать два часа, — неторопливо и хрипло говорил Провони. Он выглядел таким измотанным, каким Ник еще никогда и никого не видел. Он говорил с огромным усилием, словно каждая произнесенная фраза стоила ему остатков жизненной энергии. — ...Наш

защитный экран отразил более семидесяти типов ракет. Впрочем, тело моего друга окружает корабль, и он... — Провони сделал глубокий судорожный вдох. — Он справляется с ними.

Обращаясь к Клео, которая поднялась, потирая щеку, Ник сказал:

— Тридцать два часа. Через это время он приземлится? Он так близко? Ты слышала? — В его голосе звучала едва ли не истерика.

Слезы навернулись ей на глаза; не ответив, она скрылась в ванной. Чтобы запереться там и вдоволь наплакаться.

Чертыхаясь, он бросился вслед за ней и заколотил по запертой двери ванной.

— Черт побери, ведь жизнь каждого из нас зависит от того, что сейчас делает Провони. А ты даже не слушаешь!

— Ты ударил меня.

— О Господи, — безнадежно пробормотал он. И поспешил обратно к телевизору. Но изображения на экране уже не было, и белый фоновый шум тоже возобновился. И теперь стала постепенно восстанавливаться обычная телевизионная трансляция.

На экране появился сэр Герберт Лондон, главный обозреватель текущих событий в Эн-би-си.

— Мы были выключены из эфира, — сказал Лондон в своей успокаивающей, отчасти иронической, отчасти ребячливой манере, — примерно на два часа. То же можно сказать и о всех остальных видеопередатчиках на планете; то есть мы фактически лишились любых форм визуальной трансляции, даже на специальных закрытых каналах — тех, что используются для нужд полиции. Только что вы слышали Торса Провони — или некое лицо, назвавшееся таковым, — который проинформировал все человечество о том, что через тридцать два часа «Серый динозавр», его корабль, приземлится в центре Таймс-сквер. — Повернувшись к своему партнеру по передаче, Дэйву Кристиану, он заметил: — Не правда ли, Торс Провони, если это именно он, выглядит страшно, страшно усталым? Пока я слушал его голос и наблюдал за его лицом — видеосигнал был менее отчетлив по сравнению с аудиосигналом, что, впрочем, вполне естественно, — у меня сложилось стойкое впечатление, что передо мной совершенно вымотавшийся человек — человек, потерпевший поражение и знающий об этом. Я просто не понимаю, как он собирается заниматься какими-нибудь государственными делами в ближайшее время без длительного — весьма длительного — отдыха.

— Вы правы, Герб, — отозвался Дэйв Кристиан, — хотя возможно, что делами — если это подходящее слово — будет заниматься прибывший с ним инопланетянин. Во всяком случае, делать то, за чем они сюда прибыли.

— Если уважаемые телезрители забыли или просто не знают, о чем идет речь, — сказал сэр Герберт, — то мы напомним, что Торс Провони десять лет назад покинул Солнечную систему на гражданском корабле, снабженном мотором системы «Супра-Си», который он лично

модифицировал, — так что мы на самом деле не знаем, какую скорость он способен развивать. Во всяком случае, вот он вернулся, причем, по-видимому, с неким инопланетянином — или инопланетянами, которых он клялся разыскать, — со своей «подмогой» миллиардам Старых Людей, с которыми, как он считает, обращаются несправедливо.

— Да, Герб, — продолжил Дэйв, — это его чувство было весьма навязчивым; он утверждал, что результаты тестирования для Государственной гражданской службы подтасовывались... хотя самая высокая комиссия не сумела выявить ничего конкретного. Так что, я думаю, можно с уверенностью сказать, что тесты, разумеется, справедливы. А вот чего мы не знаем — и это, вероятно, самый насущный вопрос — это собирается ли Провони попробовать провести переговоры с Председателем Совета Грэмом и Чрезвычайным Комитетом Общественной Безопасности — другими словами, думают ли они сесть за стол переговоров — допуская *(хихиканье)*, что этот инопланетянин может сидеть, — и обсудить сложившееся положение. Или через тридцать два часа мы просто будем атакованы. Провони сообщил нам о том, что наше правительство выпустило в космос весьма значительное количество ракет в направлении его корабля, однако...

— Простите, Дэйв, — вмешался Герб. — Заявление Провони о том, что он вместе со своим инопланетным союзником уничтожил большое число различных межпланетных ракет может не соответствовать истине. Правительство может отрицать это. Тогда «успех» Провони в отражении упомянутых ракетных ударов окажется обычной пропагандой — попыткой внедрить в наши умы мысль о том, что они располагают техническими возможностями, значительно превосходящими наши.

— Однако его способность блокировать видеотрансляцию по всей планете, — заметил Дэйв, — говорит о наличии определенной силы; наверняка это потребовало чудовищного расхода энергии — возможно, этим отчасти и объясняется явное, бросающееся в глаза утомление Провони. — Ведущий зашуршал бумагами. — Тем временем по всей Земле планируется проведение сходок к тому моменту, когда Провони приземлится вместе со своими друзьями. Поначалу планировалось собираться на сходки в каждом городе, но теперь, когда Торс Провони объявил, что приземлится на Таймс-сквер, именно там мы можем ожидать скопления громадной толпы... как из убежденных и верящих в Провони Низших Людей, так и из обычных зевак. В большинстве случаев преобладать будут, скорее всего, последние.

— Обрати внимание, — заметил Ник, — какие мелкие уловки они используют, сообщая новости. «Обычные зеваки». Неужели правительство не понимает, что одним своим возвращением Провони уже произвел революцию? Лагеря пусты; тесты больше не будут подтасовываться... — Внезапно пришедшая мысль прервала его тираду. — Возможно, Грэм капитулирует, — медленно проговорил он. Это было нечто, о чем ни он, ни все, кого он знал, даже не задумывались. Не-

медленная, полная капитуляция. Бразды правления при этом переходили к Провони и инопланетянам.

Впрочем, это было не в стиле Уиллиса Грэма. Он по натуре был бойцом, проделавшим свой путь на вершину в буквальном смысле по грудам трупов. «Уиллис Грэм прикидывает, что ему делать именно сейчас», — понял Ник. Вся военная мощь планеты будет сконцентрирована на одной цели, одном корабле — груде хлама десятилетней давности... возможно, впрочем, это была уже вовсе не груда хлама. Может быть, этот корабль сиял, как какое-нибудь божество. Божество, различимое в лучах мерцающего солнца.

— Я не собираюсь открывать ванную, пока ты не выйдешь из квартиры, — презрительно фыркая, заявила Клео из-за двери.

— Ладно, — отозвался Ник. Волоча охапку одежды, он направился к двери.

— Я Эймос Айлд, — сказал высокий мужчина с огромной бледной безволосой головой — головой гидроцефала, поддерживаемой тонкими трубочками из прочнейшего пластика.

Они пожали друг другу руки. Ладонь Айлда была влажной и холодной... «Как и его глаза, — подумал Грэм и тут же заметил: — Он же совсем не моргает. Боже мой, его веки так и не шевельнулись. Наверное, он принимает таблетки и работает дни напролет — все двадцать четыре часа в сутки. Ничего удивительного, что разработка Большого Уха так здорово продвигается».

— Прошу садиться, мистер Айлд, — сказал Председатель Совета Грэм. — Довольно любезно с вашей стороны, что вы явились сюда, принимая во внимание громадное значение вашей работы.

— Сотрудники, доставившие меня сюда, — произнес Эймос Айлд высоким скрипучим голосом, — сообщили мне, что Торс Провони вернулся и должен приземлиться в течение сорока восьми часов. Безусловно, это значительно более важное дело, чем Большое Ухо. Расскажите мне — или предоставьте документы, где содержалось бы все, что вам известно об инопланетянах, к которым добрался Провони.

— Значит, вы верите, что это именно Провони? — спросил Грэм. — И что он действительно привез с собой инопланетянина — или целую их компанию?

— Статистически, — ответил Эймос Айлд, — в соответствии с третьим постулатом нейтрологики, анализ должен был бы привести к такому выводу. Это, вероятно, Провони; с ним, вероятно, один или несколько инопланетян. Мне также сообщили, что он заблокировал все видеотрансляции и затем передал со своего корабля небольшое видео- и аудио-сообщение. Что еще?

— Ракеты, — сказал Грэм, — которые достигают его корабля, не взрываются.

— Даже если они настроены на детонацию при сближении, а не при контакте?

— Да.

— И он оставался в гиперпространстве более пятнадцати минут?

— Да, — кивнул Грэм.

— Тогда вы должны сделать вывод, что с ним находится инопланетянин.

— В телевизионном сообщении он сказал, что тот был «обернут вокруг его корабля», то есть, понимаете, как бы прикрывал его.

— Как курица прикрывает яйца, — сказал Эймос Айлд. — Быть может, скоро все мы так будем прикрыты. Беспризорные яйца, высиживаемые космическим цыпленком.

— Все убеждали меня, — произнес Грэм, — что я должен узнать ваше мнение по поводу дальнейших действий.

— Уничтожьте его, сконцентрируйте все ваши...

— Мы не можем уничтожить его. Мне нужен от вас ответ на вопрос, как нам следует поступить, когда Провони приземлится и выйдет из корабля. Должны ли мы сделать еще одну, последнюю попытку, когда он окажется снаружи? Где инопланетянин не сможет помочь ему? Или если бы мы смогли заманить его сюда, в мою канцелярию, одного... поскольку тот не сможет за ним последовать.

— Почему?

— Если он обернут вокруг корабля, то должен весить многие тонны. Лифт не смог бы его поднять.

— А это не может быть что-нибудь вроде тонкого покрова? Типа вуали? — наклонился к нему Айлд. — Вы уже вычислили массу его корабля?

— Конечно. Вот. — Грэм просмотрел пачку отчетов, нашел нужный и передал его Айлду.

— Сто восемьдесят три миллиона тонн, — прочел Айлд. — Нет, это не «что-нибудь вроде тонкого покрова». У него колоссальная масса. Понятно, почему они приземляются на Таймс-сквер. Вам придется заблаговременно очистить площадь от бунтовщиков — это очевидная мера.

— А что, если ему больше некуда будет приземляться, кроме как на головы своих сторонников? — раздраженно спросил Грэм. — Им известно, что он прибывает; они знают, что он собирается шлепнуться вниз на свои ретроракеты. Если им, будь они прокляты, не ясно, что...

— Если вы собираетесь консультироваться со мной, — перебил Айлд, — то делать вы должны именно то, что я вам скажу. Вы не будете консультироваться ни с какими другими советниками, не будете формировать другие точки зрения. По сути, я стану правительством и буду действовать в таком качестве, пока кризис не будет преодолен, — хотя под каждым указом будет, разумеется, ваша подпись. Я в особенности не желаю, чтобы вы консультировались с директором полиции Барнсом. А во-вторых, вы не должны будете консультироваться с Чрез-

вычайным Комитетом Общественной Безопасности. Пока все не закончится, я буду оставаться с вами двадцать четыре часа в сутки; вижу, вы обратили внимание на мои неподвижные веки. Да, я принимаю сульфат зарамида. И я вообще не сплю — не могу себе этого позволить. Слишком многое предстоит сделать. Вы также перестанете консультироваться со всякими странными личностями, которые вам случайно попадаются, как вы нередко делаете. Советовать вам буду только я, и если это вас не устраивает, то я вернусь к Большому Уху.

— О Господи, — вслух произнес Грэм. Он настроился на мозг Эймоса Айлда в поисках дополнительных сведений. Но его мысли совпадали с тем, что было выражено в словах, — мозг Айлда работал не так, как у остальных, которые говорили одно, а думали другое.

А затем некая мысль всплыла из его собственного сознания — что-то, о чем Айлд забыл упомянуть. Айлд будет его советником. Однако Айлд не ставил условием, что Грэм обязан принять совет; он не был связан обязательством делать больше, чем просто его выслушивать.

— Я уловил то, что вы только что сказали, — сообщил он Айлду. — То, что сказали мы оба. Устная клятва суть законная клятва, как было постановлено в деле Коббса против Блейна. Я клянусь сделать так, как вы скажете. А вы клянетесь уделить мне все ваше внимание — на время этого кризиса у вас нет другого работодателя, кроме меня. Согласны?

— Согласен, — ответил Айлд. — А теперь снабдите меня всей имеющейся у вас информацией относительно Провони. Биографические сведения, работы, сделанные им за время учебы, сводки новостей; кстати, мне нужно, чтобы все новости направлялись ко мне в это здание сразу же после того, как их фиксируют средства информации. Они будут перекачиваться мне, а я буду решать, следует ли их огласить публично, или их желательно распространить каким-либо другим способом.

— Но вы не сможете удержать что-либо от огласки, — заметил Грэм. — Ведь он перекрывает все каналы; он...

— Это мне известно. Я имею в виду все новости, кроме непосредственных обращений Провони по телевидению. — Айлд задумался. — Пожалуйста, пусть ваши специалисты еще раз покажут телевизионное выступление Провони. Мне нужно видеть его самому, и немедленно.

Вскоре дальний экран комнаты засветился, послышался фоновый шум... а затем шум прекратился, и мгновение спустя массивное, усталое лицо Провони появилось на экране.

— Я Торс Провони, — заявил он. — Я нахожусь внутри разумного организма, который не поглотил, а защищает меня — как вскоре будет защищать и вас. Примерно через тридцать два часа его защита распространится на всю Землю, и никаких военных действий больше не будет. А пока что наш защитный экран отразил более семидесяти типов ракет. Впрочем, тело моего друга окружает корабль, и он... — усталая пауза, — он справляется с ними.

— Это уж точно, — вслух сказал Грэм.

— Не бойтесь физического противостояния, — продолжал Провони. — Мы не повредим никому, и никто не сможет повредить нам. Я еще обращусь к вам... — От усталости у него перехватило дыхание; взгляд его был пристальным и непреклонным. — Немного позже. — Видеоизображение отключилось.

Эймос Айлд почесал длинноватый нос и заметил:

— Длительное космическое путешествие едва его не прикончило. Вероятно, инопланетянин поддерживает в нем жизнь; без этого он наверняка бы умер. Возможно, он ожидает, что речи за него будет говорить Кордон. Как вы думаете, ему известно о смерти Кордона?

— Он мог прослушать передачу последних известий, — предположил Грэм.

— Убийство Кордона было верным шагом, — сказал Айлд. — Как и открытие лагерей со всеобщей амнистией — это было также верно; это заставило Старых Людей неверно оценить quid pro quo: они решили, что цель достигнута, но гибель Кордона значительно перевешивает фактор открытия лагерей.

— Вы не думаете, — спросил Грэм, — что этот инопланетянин — одна из тех тварей, что опускаются, подобно пауку, вам на загривок, буравят отверстие к основным ганглиям вашей нервной системы, а затем управляют вами, как марионеткой? Была такая очень известная старая книга, года примерно 1950-го, в которой такие существа заставили людей...

— Это делалось на индивидуальной основе?

— На индивидуальной? А-а, понял — один паразит на одного хозяина. Да, там было именно так.

— То, что они собираются сделать, будет, очевидно, проделано на массовой основе. — Айлд задумался. — Вроде стирания магнитной ленты. Крутится сразу вся кассета, причем без прохождения ленты через стирающую головку. — Он сел, руками при этом придавая устойчивость своей гигантской голове. — Я склонен предполагать, — медленно проговорил он, — что это блеф.

— То есть вы хотите сказать, что нет там никакого инопланетянина? Что он не нашел их и никого не привез?

— Что-то он привез, — ответил Айлд. — Но все, что мы наблюдали до сей поры, могло быть проделано на основе каких-то новых технологий. Отражение ракет, блокирование телепередач — все это приемы, которые он мог подхватить у какой-нибудь другой цивилизации в другой планетной системе. Там же был перестроен и корпус его корабля, чтобы он мог перемещаться в гиперпространстве... может быть, сколь угодно долго — если захочет. И я склонен сделать выбор, диктуемый нейтрологикой. Никакого инопланетянина мы не видели; ergo, пока мы его не увидим, мы должны предполагать, что он, вероятно, не существует. Я подчеркиваю: вероятно. Однако выбирать мне приходится именно теперь — с тем, чтобы выстроить нашу оборону.

— Но ведь Провони сказал, что никаких военных действий не будет, — заметил Грэм.

— С его стороны — не будет. Только с нашей. С нашей стороны они обязательно будут. Давайте прикинем... Крупнейшая лазерная установка на Восточном побережье располагается в Балтиморе. Можете ли вы устроить так, чтобы до истечения тридцати двух часов ее переместили в Нью-Йорк и установили у Таймс-сквер?

— Думаю, да, — ответил Грэм. — Однако там, в космосе, мы уже испробовали лазерные лучи на его корабле, и это ничего не дало.

— Мобильные лазерные установки, размещающиеся на военных кораблях, — пояснил Айлд, — выпускают луч, совершенно несопоставимый с тем, который дает крупная стационарная установка, подобная балтиморской. Не будете ли вы так любезны немедленно позвонить и отдать соответствующие распоряжения? Тридцать два часа — это ведь очень недолго.

Похоже, это была неплохая идея; Уиллис Грэм поднял трубку видеофона четвертой линии связи и получил прямую связь с Балтимором — со специалистами, занимавшимися лазерной установкой.

Пока он делал распоряжения, прямо напротив него, потирая огромную голову, сидел Эймос Айлд, сосредоточивая внимание на каждом слове, произнесенном Грэмом.

— Прекрасно, — произнес Айлд, когда Грэм повесил трубку. — Я прикидывал вероятность того, что Провони нашел некую расу, чье превосходство над нами в технологическом отношении позволило бы ей навязать нам свою политическую волю. До сих пор в результате межзвездных полетов были обнаружены лишь две цивилизации, более развитые по отношению к нам... да и те нас не слишком превосходили — лет, может быть, на сто. Заметьте далее, что Провони вернулся на «Сером динозавре»; это существенно, поскольку если бы он действительно встретился с некой могущественной расой, то они почти наверняка прибыли бы сюда на одном или нескольких своих кораблях. А весь его вид, его усталость? Ведь он, в сущности, полумертв и незряч. Нет, нейтрологика определенно указывает, что он блефует; он мог бы с легкостью продемонстрировать обратное, просто возвратившись на инопланетном корабле. И с ним... — Эймос Айлд усмехнулся, — была бы еще целая флотилия, чтобы нас впечатлить. Нет, его возвращение на своем старом корабле, то, как он выглядел на телеэкране... — Голова его закачалась из стороны в сторону, а на лысом черепе вздулись пульсирующие вены.

— С вами все в порядке? — осведомился Грэм.

— Да. Я решаю некоторые вопросы; пожалуйста, помолчите минутку. — Его глаза с неподвижными веками уперлись в одну точку, и Уиллис Грэм почувствовал себя неуютно.

Он тут же углубился в сознание Айлда, однако, как это часто бывало у него с Новыми Людьми, наткнулся на мыслительные процессы,

за которыми просто не мог следовать. Но здесь... это даже не было похоже на язык; мысли Айлда облекались в форму каких-то совершенно произвольных символов — текучих, изменчивых... «Проклятье!» — мысленно выругался Грэм и сдался.

Внезапно Эймос Айлд заговорил:

— Использовав нейтрологику, я снизил вероятность до нуля. Нет с ним никакого инопланетянина, а вся опасность, которую он представляет, связана с теми техническими приспособлениями, что получены им у некой высокоразвитой цивилизации.

— Вы уверены?

— В соответствии с нейтрологикой это есть факт безусловный, а не относительный.

— С помощью вашей нейтрологики вы можете сделать такой вывод? — поразился Грэм. — Я имею в виду, что вместо того, чтобы указать вероятность 30 к \0 или 20 к 80, вы заявляете об этом с такой уверенностью, какой не может похвастать ясновидец; ведь он способен дать лишь вероятность, поскольку существует целый набор альтернативных будущих. А вы говорите — «безусловный нуль». Значит, нам нужно уничтожить... — Теперь он понял, зачем нужно передислоцировать балтиморскую лазерную установку. — Только Провони. Лишь его самого.

— Он будет вооружен, — подчеркнул Эймос Айлд. — И весьма мощным оружием — как размещенным на корабле, так и ручным. Кроме того, он будет находиться внутри некоего поля — перемещающейся вместе с ним защитной сферы. Мы будем направлять на него балтиморскую лазерную пушку до тех пор, пока она не пробьет его щит. Он будет убит. Толпы Старых Людей увидят его гибель, а Кордон уже мертв — мы не так уж далеки от развязки. Через тридцать два часа все может закончиться.

— И тогда мои аппетиты вернутся, — сказал Грэм.

Слегка улыбнувшись, Эймос Айлд ответил:

— По-моему, они и не исчезали.

«А все-таки, — сказал себе Грэм, — что-то не верится мне в это дело с «безусловным нулем»; не верю я в их нейтрологику — может быть, оттого, что ничего в ней не понимаю. Но как это они могут утверждать, что какое-то событие в будущем должно произойти? Все ясновидцы, с которыми я разговаривал, утверждали, что в каждой временной точке заложены сотни возможностей... впрочем, они ведь тоже не Новые Люди и ничего не смыслят в нейтрологике».

Он поднял трубку одного из видеофонов.

— Мисс Найт, — произнес он, — мне нужно устроить собрание стольких ясновидцев, сколько их можно было бы созвать в течение, скажем, следующих двадцати четырех часов. Я хочу, чтобы с помо-

щью телепатов они образовали некую сеть, а сам я, будучи телепатом, вошел бы в контакт со всеми этими ясновидцами и выяснил, смогут ли они, работая в унисон, предсказать кое-что с приемлемой вероятностью. Займитесь этим немедленно — все должно быть проделано сегодня. — Он повесил трубку.

— Вы нарушили нашу договоренность, — сказал Эймос Айлд.

— Я просто захотел объединить ясновидцев и телепатов, — ответил Грэм. — И выяснить... — он сделал паузу, — их мнение.

— Позвоните секретарше еще раз и отмените ваше поручение.

— Я обязан это сделать?

— Нет, — ответил Эймос Айлд. — Однако если вы этого не сделаете, то я возвращаюсь к Большому Уху и там продолжаю свою работу. Решать вам.

Грэм снова поднял трубку и сказал:

— Мисс Найт, аннулируйте только что данное мной распоряжение относительно ясновидцев. — Он повесил трубку, чувствуя себя мрачно и уныло. Вычерпывание информации из чужих мозгов всю жизнь было его основным modus operandi; отказаться от этого было нелегко.

— Обратившись к ним, — пояснил Айлд, — вы опять станете оперировать вероятностями; вы вернетесь к логике двадцатого века, а это громадный шаг назад — более чем на двести лет.

— Но если бы я собрал тысяч десять ясновидцев, связанных в одно целое телепатами...

— То не узнали бы, — перебил Айлд, — больше того, что я вам уже сказал.

— Ладно, пусть будет так, — согласился Грэм. Он избрал Эймоса Айлда в качестве своего источника информации и мнений — и это, скорее всего, было сделано правильно. «И все же десять тысяч ясновидцев... эх, черт, — подумал он. — Хотя времени все равно недостаточно. Двадцать четыре часа — это почти ничего. Они все должны были бы собраться в одном месте, а двадцати четырех часов не хватило бы — даже несмотря на новейшие подземные транспортные средства».

— Вы действительно собираетесь постоянно находиться в моей канцелярии, — поинтересовался он у Эймоса Айлда, — все это время без передышки?

— Мне нужны биографические материалы о Провони, — отозвался Айлд. — Мне требуется все, что я перечислил. — В голосе его звучало нетерпение.

Вздохнув, Уиллис Грэм нажал кнопку у себя на столе; она включала системы связи со всеми важнейшими компьютерами мира. Он крайне редко использовал этот канал — если вообще использовал.

— Провони Торс, — произнес он. — Все материалы, а затем какое-нибудь соответствующее резюме. Скорость исполнения — предельная, если можно. — Вспомнив, он добавил: — И это имеет приоритет над всем

остальным. — Он отпустил кнопку и отодвинулся от микрофона. — Пять минут, — сказал он.

Четыре с половиной минуты спустя из отверстия в столе медленно выползла стопка бумаг. Это было краткое изложение всех материалов. Затем появилось помеченное красным резюме на нескольких страничках.

Грэм не глядя передал все бумаги Айлду. Ему вовсе не улыбалась перспектива читать еще что-нибудь о Провони; казалось, последние несколько дней он только и делал, что без конца читал, смотрел и слушал об этом человеке.

Вначале Айлд молниеносно прочел резюме.

— Ну что? — спросил Грэм. — Ведь вы сделали нулевой прогноз без этих документов; а теперь знакомство с ними сможет как-нибудь повлиять на вашу нейтрологику?

— Он просто фигляр, — заявил Айлд. — Как и многие Старые Люди, которые умны, но не настолько, чтобы пройти на Государственную гражданскую службу. Он мошенник. — Айлд швырнул резюме на пол и принялся просматривать объемистую пачку документов; читал он, как и до этого, с фантастической скоростью. Затем он вдруг нахмурился. Снова его огромная яйцевидная голова неустойчиво закачалась; рефлекторно Эймос Айлд потянулся, чтобы остановить ее почти круговое движение.

— Что такое? — поинтересовался Грэм.

— Одна незначительная деталька. Незначительная? — Айлд издал смешок. — Провони отказался от официального тестирования. Нет никакой записи о том, что он когда-либо сдавал экзамены на Государственную гражданскую службу.

— И что? — спросил Грэм.

— Не знаю, — ответил Айлд. — Может быть, он знал, что не пройдет. А может быть... — Он угрюмо вертел в руках документы. — ...Может быть, знал, что пройдет. Возможно... — Он уперся в Грэма своими немигающими глазами. — Возможно, он Новый Человек. Но установить мы этого не можем. — Он яростно потряс пачкой документов. — Здесь, во всяком случае, ничего об этом нет. Эти данные просто отсутствуют; здесь вообще нет записей ни о каком тестировании Провони — и никогда не было.

— А обязательное тестирование? — спросил Грэм.

— Что? — уставился на него Айлд.

— В школе. Там даются обязательные тесты — на коэффициент умственного развития, а также на проверку способностей, чтобы выяснить, по какому образовательному каналу следует направить учащегося. Провони должен был сдавать их каждые, по-моему, четыре года, начиная с трехлетнего возраста.

— Их здесь нет, — сказал Айлд.

— Если их здесь нет, — заключил Грэм, — значит, Провони или кто-то из его сторонников в системе образования стащил их отсюда.

— Понятно, — немного погодя сказал Айлд.

— Желаете ли вы забрать назад ваше предсказание о «безусловном нуле»? — язвительно поинтересовался Грэм.

После некоторой паузы, негромко и сдержанно, Айлд произнес:

— Да.

Глава 22

— К черту власти, — заявила Шарлотта Бойер. — Я хочу быть на Таймс-сквер, когда он приземлится. — Она сверилась с наручными часиками. — Через два часа.

— Не получится, — возразил Ник. — Военные и ПДР...

— Я слышала диктора, — перебила Чарли. — Не хуже тебя. «На Таймс-сквер скопились плотные, огромные массы Старых Людей, исчисляемые, возможно, миллионами, и...» Посмотрим, как он там дальше сказал? «И для их же собственного блага они перемещаются шаровыми вертолетами в более безопасные места». Например, в Айдахо. Вам известно, что в Бойсе, штат Айдахо, китайского обеда вы не получите? — Она встала и прошлась по комнате. — Извини, — обратилась она к Эду Вудману, хозяину квартиры, где они с Ником остановились. — А ты что скажешь?

— Взгляни на экран телевизора, — ответил Эд Вудман. — Они же упаковывают всех, кто оказывается где-нибудь поблизости от Таймс-сквер, в эти проклятые огромные транспорты 4-Д и увозят прочь из города.

— Но еще больше людей прибывает, — заметила его жена Илка. — Они не справляются — прибывает больше народу, чем успевают вывозить.

— Я хочу пойти, — упрямо заявила Чарли.

— Посмотри телевизор, — посоветовал Эд. Он был уже мужчиной в возрасте, лет сорока с небольшим, грузным и добродушным, но удивительно живым. Ник уже заметил, что к его советам стоило прислушиваться.

По телевизору тем временем вещал ведущий:

— Слухи о том, что мощнейшая на востоке Соединенных Штатов лазерная пушка была перемещена из Балтимора и установлена неподалеку от Таймс-сквер, по-видимому, имеют под собой определенные основания. Сегодня около десяти часов утра по местному времени некий значительных размеров объект, напоминавший, по мнению наблюдателей, полностью укомплектованную лазерную установку, был опущен на крышу Шафтер-Билдинг, с которой как на ладони просматривается Таймс-сквер. Если — я повторяю: если — власти намереваются использовать какой-либо сверхмощный лазерный луч против Провони или его корабля, то лучшее место для размещения такой лазерной пушки было бы, вероятно, трудно найти.

— Они не удержат меня от того, чтобы я пошла туда, — заявила Чарли.

Эд Вудман, резко крутанувшись на стуле, повернулся к ней и возразил:

— Да нет же, непременно удержат. Они применяют транквилизирующий газ; они выметают оттуда всех подряд и потом сгребают их на эти большие транспорты 4-Д, словно множество кусков одной туши.

— Кульминация противостояния, — продолжал телевизионный ведущий, — очевидно, настанет, когда, приземлившись на своем корабле, — если предположить, что ему это удастся, — Торс Провони появится оттуда и предстанет перед теми, кого он, безусловно, считает обожающей его общественностью. Каким же острым, если так можно сказать, будет его разочарование! Когда он не обнаружит там никого, кроме полиции и армейских баррикад. — Ведущий приветливо улыбнулся. — А ваше мнение, Боб?

— Да, — согласился Боб Грицвальд, очередной из несметной комариной тучи телевизионных ведущих. — Провони ожидает большое разочарование. Никто — повторяю: никто — не будет подпущен к его кораблю.

— Радушный прием может оказать ему та лазерная пушка, размещенная на крыше Шафтер-Билдинг, — сострил первый ведущий; Ник не уловил его имени, но это было совершенно неважно — все они были взаимозаменяемы: зализаны, застегнуты на все пуговицы и неспособны потерять самообладание, какая бы катастрофа ни произошла. Единственное чувство, которое они позволяли себе проявить, выражалось редкой кривой улыбочкой. Именно это они сейчас и изображали.

— Надеюсь, Провони сотрет весь Нью-Йорк к чертовой матери, — сказала Чарли.

— И семьдесят миллионов Старых Людей? — спросил Ник.

— Ты слишком жестока, Шарлотта, — заметил Эд Вудман. — Если эти инопланетяне прибыли, чтобы уничтожать города, то Старых Людей они уничтожат куда скорее, чем Новых Людей, с их плавающими аэроплотами вне города. Едва ли это будет совпадать с намерениями Провони. Нет, не города им нужны — им нужна государственная машина. То, что управляет.

— Скажи, Эд, — спросил у него Ник, — а будь ты Новым Человеком, ты бы сейчас беспокоился?

— Я бы забеспокоился, — ответил Эд, — если бы та лазерная пушка ему не повредила. Вообще-то я и так буду переживать. Но не так, как Новый Человек, — ясное дело, нет. Если бы я был Новым Человеком или Аномалом и увидел бы, как лазерный луч отскакивает от Провони, то сразу же подыскал бы себе подходящую канаву — боюсь, что сбежать достаточно быстро я бы не смог. Им, наверное, такое и в голову не приходит: они так долго правили, так долго удерживали власть, что плюхнуться, в буквальном смысле, в какую-нибудь канаву — просто ниже их понимания.

— Если бы они сообщали все новости, — едко заметила Илка, — то упомянули бы о том, сколько Новых Людей и Аномалов покинули Нью-Йорк за последние восемь-девять часов. Вон, полюбуйтесь. — Она указала на окно. Небосвод почернел от множества пятнышек. Парящие скибы разлетались во все стороны из деловой части города — давно уже обжитого их пассажирами, привычного им места.

— Обращаясь теперь к другим новостям, — произнес ведущий, — следует отметить официальное заявление о том, что знаменитый Новый Человек, теоретик и конструктор Большого Уха, первого электронного телепатического устройства Эймос Айлд назначен Председателем Совета Грэмом на особый пост, обозначенный как «консультант Председателя Совета». Известие из грандиозного Федерального Здания в Вашингтоне...

Эд Вудман выключил телевизор.

— Зачем ты это сделал? — спросила Илка, высокая и стройная в своих фасонистых дутых брюках и ажурной блузке с поясом; золотистые волосы падали ей на плечи. Чем-то, как уже отметил Ник, она напоминала Чарли. Ему сообщили, что дружили они еще со школьных лет, с самого ас-уровня — по сути, чуть ли не с младенчества.

— Эймос Айлд, — произнес Вудман. — Вот уж странная фигура. Меня он уже несколько лет интересует; черт возьми, ведь его считают одним из трех-четырех ярчайших умов во всей Солнечной системе. Никто не может понять, как он мыслит, — кроме, разве что, одного-двух человек, равных ему по классу — я хочу сказать, примерно равных. Он... — Эд развел руками, — сумасброд какой-то.

— Но мы-то не можем судить, — сказала Илка. — Ведь мы ничего не понимаем в их нейтрологике.

— Однако если другие Новые Люди могут понять его...

— Примерно то же самое было у Эйнштейна с его общей теорией относительности, — заметил Ник.

— Общая теория относительности Эйнштейна была осмыслена теоретически, однако потребовалось двадцать лет, чтобы ее доказать.

— Ну вот, когда Большое Ухо заработает, мы и узнаем, чего стоит Айлд, — сказала Илка.

— Мы узнаем об этом еще раньше, — уточнил Эд. — Судя по тем решениям, которые будет принимать правительство во время этого кризиса с Провони.

— Ты ведь никогда не был Низшим Человеком? — спросил Ник у Эда.

— Боюсь, нет. Кишка тонка.

— А теперь тебе не захочется вступить в борьбу? — включилась в разговор Чарли.

— Вступить в борьбу? С правительством? С ПДР и военными?

— Теперь у нас будет подмога, — напомнил Ник. — Помощь инопланетян. Тех, что везет Провони, — по крайней мере, так он заявляет.

— Наверное, так оно и есть, -- отозвался Эд Вудман. — Какой ему смысл возвращаться на Землю с пустыми руками?

— Одевайся, — обращаясь к Нику, сказала Чарли. — Мы летим к Таймс-сквер. Или так, или между нами все кончено. — Она подхватила свою куртку из сыромятной кожи, быстро прошла к двери, открыла ее и остановилась.

— Что ж, ты можешь лететь к этой площади, — напутствовал ее Эд Вудман, — а вертолет ПДР или Вооруженных Сил сцепится с тобой и отбуксирует вниз. Тогда они прогонят имя Ника через компьютеры и выяснят, что оно было у черных пидоров в списке на ликвидацию. И его расстреляют, а ты сможешь опять сюда причалить.

Крутанувшись, словно вокруг какой-то оси, Чарли вернулась в квартиру и повесила куртку. Ее полные губы упрямо надулись, но она уступила железной логике Эда. Ведь, в конце концов, именно из-за Ника они скрывались здесь, у ее друзей, с которыми она не виделась два года.

— Не понимаю, — сказала Чарли. — Почему им надо было убить Ника? Если бы меня — а все мы так и подумали, — то это я еще могла бы понять, ведь этот старый козел пытался затащить меня в одну из тех «лазаретных» постелей для выздоравливающих девушек... Но Ника... Ты же был у него в руках до этого — и он отпустил тебя. Тогда он не видел необходимости тебя убивать — ты просто вышел из этого здания, свободный как воздух.

— По-моему, я догадываюсь, — вмешалась Илка Вудман. — Он стерпел бы, если бы Чарли ушла от него per se, но ведь он знал, куда она отправится — обратно к Нику. И он был прав; так все и оказалось.

— Я встретил ее с Дэнни, — возразил Ник. — Если бы Дэнни... — Он решил не продолжать. «Если бы Дэнни был жив, она была бы с ним, а не со мной», — подумал он. И это в известном смысле ему не льстило. Однако ему представился удачный случай, и не он первый в подобной ситуации действовал так, чтобы извлечь из нее выгоду. Это было частью искусно проведенной битвы за сексуальное преобладание — синдромом «смотри, с кем я сплю», — доведенной до ее логического конца: поверженья противника. «Бедняга Дэнни, — подумал Ник; — он был так уверен, что, забравшись в «Пурпурную морскую корову», он смог бы скрыться — все они втроем смогли бы скрыться. А может быть, он и смог бы». Этого им было уже никогда не узнать; кроме того, они решили не соблазняться «Коровой» — насколько им с Чарли было известно, она стояла на той же посадочной площадке на крыше здания, где Дэнни ее и оставил.

Возвращаться туда было слишком опасно. Тогда они двинулись своим ходом, затерявшись в толпах Старых Людей и бывших узников лагерей; в последние пару дней Нью-Йорк превратился в сплошную людскую массу, катившуюся подобно приливу к Таймс-сквер, круша те скалы, которые представляли баррикады ПДР и Вооруженных Сил, — и затем откатывавшуюся назад. Или уносимую прочь — Бог весть куда.

В конце концов, Уиллис Грэм обещал лишь открыть старые лагеря — он ведь не обещал не строить новых.

— Собираемся мы смотреть телевизор или нет? — напористо спросила Чарли.

— Разумеется, — ответил Эд Вудман, наклоняясь вперед и сжимая руки между коленями. — Просто непростительно было бы это пропустить; у них ведь в том районе на каждой крыше уж наверняка по телевизионной камере. По такому случаю нам следует пожелать, чтобы Провони не стал снова перекрывать телевизионные каналы.

— Надеюсь, он все же это сделает, — возразила Илка. — Мне хочется послушать, что он скажет.

— Он будет в эфире, — заявил Ник; он был в этом уверен. — Мы все увидим и услышим. Но не по программе правительственных каналов.

— А есть ли какой-нибудь закон, запрещающий вмешиваться в телетрансляции? — поинтересовалась Илка. — Я хочу сказать, не нарушает ли Провони закон, когда перекрывает все остальные телевизионные станции и ведет вещание со своего корабля?

— Боже ты мой, — захихикала Чарли, прикрывая глаза рукой. — Не обижайся на меня, но это уж очень смешно. Спустя десять лет Провони возвращается с каким-то монстром из другой планетной системы, чтобы спасти нас, а тут его р-раз — и свинчивают за вмешательство в телевизионные программы для нашего населения. Именно так они смогут от него избавиться — это делает его уголовным преступником!

«Теперь уже, — подумал Ник, — меньше полутора часов. И все это время, — вдруг понял он, — «Серый динозавр» приближается к Земле, а в него пускают ракеты. Об этом уже перестали сообщать: они понимают, что от ракет не будет никакого толку. Существует, однако, математическая вероятность того, что одна из ракет каким-то образом проникнет сквозь защитное поле корабля — не важно, какого оно типа, — или что существо, «которым обернут корабль», станет уставать или по какой-нибудь другой причине перестанет действовать... возможно, лишь на мгновение, но и этого мгновения может оказаться достаточно, чтобы какая-то, пусть и небольшая, ракета разнесла «Динозавр» на куски. По крайней мере правительство старается вовсю, — мрачно сказал он себе. — Впрочем, будь они прокляты, это им и следовало делать».

— Включи телевизор, — попросила Чарли.

Эд Вудман так и сделал.

На экране сразу же стало видно, как какой-то старый межзвездный корабль, шипя ретроракетами, снижается над безжизненным центром Таймс-сквер. Безнадежно устаревший корабль, весь в выбоинах и пятнах ржавчины, ощетинившийся зазубренными металлическими частями — останками некогда функционировавшего детекторного оборудования.

— Он провел их! — воскликнул Эд Вудман. — Он прибыл на полтора часа раньше! Готова ли стрелять их лазерная пушка? Черт возьми, он обломал им все расписание! Они купились на эту басню о тридцати двух часах!

Скибы и вертолеты полиции заторопились прочь, как пляшущая мошкара, избегая выплесков пламени из ретроракет. А внизу разбегались во все стороны солдаты и официанты ПДР, пробираясь к укрытию.

— А лазерный луч? — монотонно проговорил Эд Вудман, не отводя глаз от экрана. — Где же он?

— Ты так хочешь увидеть его? — настойчиво поинтересовалась Илка.

— Все равно они рано или поздно его пустят, — ответил Эд. — Пусть лучше сейчас будет эта проверка. Ублюдки несчастные, прости Господи, — они сейчас, должно быть, суетятся на крыше Шафтер-Билдинг как мухи на стекле.

И тут с крыши Шафтер-Билдинг на только что приземлившийся корабль обрушился красный силовой луч. Из телевизионных динамиков доносился его яростный вой, пока он все набирал и набирал интенсивность. «Теперь он наверняка почти на полной», — подумал Ник. А корабль... остался в целости и сохранности.

Что-то громадное и угрожающее материализовалось вокруг корабля, и Ник понял, что это такое. Они видели инопланетное существо. «Похоже на улитку», — подумал Ник. Оно покрылось легкой рябью и выпустило две ложноножки, тянувшиеся непосредственно по направлению к лазерному лучу... Когда луч попал на них, они увеличились в размерах и заметно уплотнились. «Оно питается от луча, — догадался Ник. — Чем дольше они станут держать на нем луч, тем сильнее оно станет».

Впервые в жизни пришедший в замешательство телевизионный ведущий вдруг сболтнул:

— Похоже, оно разрастается от лазерного луча.

— Какое-то существо из другой планетной системы, — тут же вставил его напарник, — невозможно поверить, но вот оно. Должно быть, оно весит тысячи тонн; оно окружало корабль...

Выходная дверца корабля скользнула в сторону.

Торс Провони, в каком-то сером одеянии, похожем на нижнее белье, вышел без шлема и без оружия.

Лазерный луч, скорректированный управляющими им специалистами, стал перемещаться, пока не сосредоточился на Провони.

Никакого эффекта. Провони остался невредим.

Вглядевшись пристальнее, Ник заметил какую-то сетчатую структуру вроде палатки, накрывающую Провони. Работа инопланетянина. Ребятам у лазера явно не повезло.

— Это не был блеф, — негромко проговорила Илка. — Он и в самом деле привез с собой какое-то существо.

— И оно обладает огромной мощью, — хрипло отозвался Эд. — Представляешь себе силу того лазерного луча? Исчисленную в эргах...

— Что они теперь собираются делать? — спросила Чарли у Ника. — Теперь, когда лазерный луч не сработал?

Болтовня ведущего внезапно оборвалась на полуслове. Там, стоя у своего корабля, Торс Провони поднес к губам микрофон.

— Привет, — сказал он, и голос его раздался из телевизионных динамиков; Провони, очевидно, не доверял трансляционным сетям — снова он перекрыл все многочисленные каналы, но на сей раз лишь аудиопередачу. Видеоизображение по-прежнему давалось камерами правительственной сети.

— Привет, Провони, — сказал Ник. — Долгий же это был рейс.

Глава 23

— Его зовут, — произнес Провони в свой микрофон, — Морго Ран Вилк. Я хотел бы рассказать вам о нем поподробнее. Для начала вот что. Он очень стар. Он телепатирует. Он мой друг.

Ник отошел от телевизора, заглянул в ванную и достал из аптечки несколько пилюль; он выбрал пару таблеток гидрохлорида фенметразина, проглотил их, затем добавил одну таблетку с двадцатью пятью миллиграммами гидрохлорида хлордиазепоксида. Тут он заметил, что руки его трясутся, — ему трудно было держать стакан с водой и трудно было глотать пилюли.

У двери в ванную появилась Чарли.

— Мне бы тоже чего-нибудь. Что ты посоветуешь?

— Фенметразин и хлордиазепоксид, — сказал он. — Пятьдесят миллиграммов первого и двадцать пять последнего.

— Это же сразу и стимуляторы, и седативы, — удивилась Чарли.

— Но в удачном сочетании; хлордиазепоксид усиливает активность коры головного мозга, в то время как фенметразин стимулирует таламус, обеспечивая общую поддержку обмена веществ во всем мозге.

Кивнув, она приняла рекомендованные им таблетки.

В ванную, качая головой, вошел Эд Вудман и взял из ряда склянок несколько пилюль.

— Ну и ну, — пробормотал он. — Они же не могут его убить — так просто он не умрет. А эта штука питается энергией — кретины безмозглые, они же просто накачивают ее доверху горючим. Еще через полчаса она будет уже размером с Бруклин; это все равно что надувать безразмерный воздушный шар, который никогда не лопнет.

Из телевизионных динамиков доносился голос Провони:

— ...Я никогда не видел его мира. Он встретил меня в дальнем космосе — он находился в дозоре и уловил испускавшиеся с моего корабля автоматические радиосигналы. Там, прямо в космосе, он перестроил

мой корабль, телепатически консультируясь со своими собратьями на Фроликсе-8, и получил разрешение сопровождать меня сюда. Он лишь один из многих. Думаю, он может сделать то, что нам следует сделать. Если он не справится в одиночку, то на расстоянии одного светового года отсюда ожидает еще сотня ему подобных. Так что при необходимости они могли бы очень скоро сюда прибыть.

— Ну, тут уж он берет на пушку, — заметил Эд Вудман. — Если бы они могли путешествовать через гиперпространство, то Провони с этим существом так бы и сделали; а они, между прочим, прошли обычным пространством, хотя, разумеется, и используя двигатель «Супра-Си».

— Но ведь он, — возразил Ник, — использовал *свой* корабль, «Серый динозавр». Их корабли могут быть приспособлены для гиперпространства, а «Динозавр» — нет.

— Значит, ты веришь ему? — спросила Илка.

— Да, — кивнул Ник.

— Я тоже ему верю, — сказал Эд Вудман, — но он чудила. Эта его затея с появлением намного раньше обещанного ошарашила всех — и наверняка была подготовлена. А потом он стоял там, позволяя облучать себя лазером с энергией в миллиарды вольт. И этот его «друг», Морго как его там, стал виден снаружи, чтобы впечатлить нас... Что ж, я нахожусь под соответствующим впечатлением, — колко добавил он.

Чарли подошла к окну гостиной, открыла его, высунулась наружу и завопила:

— Эй, ну вы, там, вы чего, собрались схавать Нуйёк? Не хрен вам это делать, ясно? — Она закрыла окно, лицо ее ничего не выражало.

— Это наверняка заставит их убраться, — заметил Ник.

— Нью-Йорк мой родной город, — сказала Чарли. Внезапно она прижала ко лбу ладонь. — Я что-то почувствовала. Вроде... какого-то промелька, какой-то проверки. Это прошло сквозь меня — и исчезло.

В какой-то миг инстинктивного прозрения Ник тонко подметил:

— Он высматривает Новых Людей.

— О Боже! — простонала Илка. — Я тоже только что ощутила это — всего лишь на мгновение. Он действительно высматривает Новых Людей. Что он собирается с ними сделать? Прикончить их? Разве они заслужили это? Они-то ведь нас не убивали.

— Они убили Дэнни, — напомнила Чарли. — И чуть не убили меня — они едва не пристрелили меня в Федеральном Здании. И они подослали убийц к Нику. Если ты — как это там? — проэкстраполируешь это на...

— То средняя величина будет высокой, — закончил Ник. «А еще Кордон, — подумал он. — По-видимому, застрелен. Толком-то мы этого так никогда и не узнаем — просто он мертв, и все. Знает ли уже Провони? — задумался он. — Боже упаси — он может прийти в бешенство».

По телевизионной аудиосети Провони сообщил:

— Прослушивая земные передачи, мы узнали о смерти Эрика Кордона. — Его крупное лицо втянулось, словно прячась от боли в самом себе. — В течение часа мы узнаем все обстоятельства этого дела — правду о нем, а не то, что было передано средствами массовой информации, — и тогда мы... — Он сделал паузу. «Он совещается с инопланетянином», — подумал Ник. — Тогда мы обязательно... — Еще одна пауза. — Время покажет, — наконец загадочно произнес он, глаза его закрылись, а огромная голова склонилась на грудь; по лицу его пробежало конвульсивное содрогание, словно он с трудом — с громадным трудом — пытался вновь взять себя в руки.

— Уиллис Грэм, — сказал Ник. — Вот кто это сделал. Приказание исходило от него. Провони это известно — он знает, где искать. Похоже, это убийство наложит свой отпечаток на все, что будет происходить с этой минуты, на все слова и поступки Провони — да и его друга. Теперь правящие круги обречены; по-моему, Провони из тех, кто...

— Тебе ведь не известно, какое воздействие мог оказать на него инопланетянин, — заметил Эд. — Возможно, он умерил горечь и ненависть Провони. — Он спросил у Илки: — Каким он показался тебе, когда прощупывал твое сознание? Жестоким? Враждебным? Разрушительным?

Она задумалась, затем взглянула на Чарли. Та отрицательно покачала головой.

— Не думаю, — наконец ответила Илка. — Просто это было... так странно. Он высматривал во мне что-то, чего не нашел. И отправился дальше. Все это заняло какие-то доли секунды.

— Можете ли вы себе представить, — сказал Ник, — как эта штука прощупывает людей сотнями? А может быть, и тысячами. Всех сразу.

— Быть может, и миллионами, — тихо промолвил Эд.

— За это короткое время? — спросил Ник.

— Я что-то паршиво себя чувствую, — пожаловалась Чарли. — Как будто у меня подходят месячные. Пойду-ка я лягу. — Она скрылась в спальне; дверь за ней захлопнулась.

— Мне очень жаль, мистер Линкольн, — процедил Эд Вудман, — но у меня сейчас просто нет времени, чтобы выслушивать заметки, сделанные вами к вашей Геттисбергской речи. — Голос его был резок и язвителен, а лицо побагровело от гнева.

— Она боится, — сказал Ник, — поэтому и ушла туда. Это ей уже чересчур. А разве для вас этого не слишком много? Разве вы сейчас не воспринимаете это разумом, никак не выражая своих чувств? Я вижу экран; я знаю, что я вижу, но только... — он поднес руку ко лбу, — только лобные доли моего мозга постигают то, что я вижу. И слышу. — Он прошел к спальне и тихонько приоткрыл дверь. Чарли лежала на кровати, странно изогнувшись; склонив голову набок, а глаза были

широко раскрыты. Ник прикрыл за собой дверь, тихо подошел и присел на край кровати.

— Я знаю, что он собирается сделать, — проговорила она.

— Правда?

— Да. — Она кивнула без выражения. — Он собирается заменить им части мозга, а затем удалиться, оставив пустоту. Вакуум. Они будут ходячими пустыми оболочками. Это вроде лоботомии. Помнишь, в школе рассказывали о лечении психических заболеваний в двадцатом веке? Те доктора на самом деле просто лишали людей мозга. А эта тварь удалит им узлы Роджерса — и даже больше того... она не остановится, сделав их просто подобными нам. Провони-то она не тронула — он убедил ее.

— Откуда ты знаешь об этом? — спросил Ник.

— Ну, это не очень долгая история. Два года назад я подделала полный набор тестов на Джи-2 — и показала удовлетворительные результаты. Тогда я на какое-то время получила доступ к официальным протоколам, и однажды — черт знает зачем — я запросила информацию на Провони, так называемое «досье Провони», и, спрятав под пальто, утащила его домой — там были в основном микрофильмы. А потом сидела всю ночь и читала его. — Она пояснила: — Я очень медленно читаю.

— И он вроде того? Мстительный?

— Он одержимый. Он совсем не то что Кордон; Кордон был разумным человеком, разумной политической фигурой — но ему выпало жить в обществе, где не дозволено никакого инакомыслия. В другом обществе он наверняка бы стал крупным государственным деятелем. А вот Провони...

— За десять лет он мог измениться, — заметил Ник. — Почти все это время он провел в одиночестве... За эти годы у него наверняка было достаточно интроспекции и самоанализа.

— А ты заметил это сегодня? Только что?

— Нет, — признался он.

— Меня вышвырнули с работы и оштрафовали на 350 юксов — в результате у меня оказалось уголовное прошлое, к чему я еще кое-чего добавила. — Она помолчала. — То же самое и Дэнни. Он несколько раз сидел. — Она подняла голову. — Иди туда и смотри телевизор. Пожалуйста. Если ты не пойдешь, то я пойду сама, а я правда не могу. Так что иди ты, ладно?

— Ладно, — отозвался Ник. Он вышел из спальни и уперся в телевизор.

«Права ли она? — спросил он себя. — Насчет Провони, насчет его характера? Это ведь совсем не то, что мы слышали... что нам сообщала пресса Низших Людей. Если она испытывала такие чувства, то как она могла быть кордониткой и продавать его брошюры? Но ведь брошюры-то были Кордона, — вспомнил он. — Возможно, привязан-

ность к Кордону заставила ее преодолеть недоверие к Провони. Бога ради, — подумал он, — только бы она ошиблась в отношении того, что они намереваются сделать с Новыми Людьми — лоботомировать их, все десять миллионов! Включая и Аномалов. Например, Уиллиса Грэма».

Что-то ворвалось в его сознание, какой-то ветер — вроде того, что дует из преисподней. Он схватился руками за голову, согнулся от... боли? Нет, не боли — от какого-то невероятно странного чувства, словно заглядываешь в бездонную черную яму, начиная медленно-медленно в нее опрокидываться.

Ощущение вдруг исчезло.

— Меня только что просканировали, — дрожащим голосом проговорил он.

— Ну и как? — спросила Илка.

— Он показал мне Вселенную, лишенную звезд, — ответил Ник. — Мне бы в жизни не хотелось еще раз такое увидеть.

— Послушайте, — сказал Эд Вудман. — Здесь на десятом этаже живет невысокого ранга Новый Человек... квартира ВВ293КС. Я собираюсь пойти туда. — Он направился к двери. — Никто не хочет со мной? Может, ты, Ник?

— Иду, — откликнулся Ник. Он последовал за Эдом Вудманом и догнал его в тихом, устланном коврами коридоре.

— Он прощупывает, — проговорил Эд, подойдя к лифту и нажимая кнопку. Он указал на двери квартир, бесчисленные ряды которых заполняли одно это здание. — *Он прощупывает за каждой из этих дверей.* Бог знает чем это обернется для некоторых — поэтому-то я и хочу посмотреть на этого Нового Человека... Маршалла — так, кажется, его фамилия. Джи-5, как он мне однажды сказал. Мелкая сошка, как видишь; поэтому он и живет в здании, где в основном квартиры Старых Людей.

Лифт прибыл, они вошли в него и стали опускаться.

— Слушай, Эпплтон, — обратился к нему Эд. — Я боюсь. Меня тоже прощупали, но я ничего не сказал. Он что-то высматривает, и в нас четверых он этого не нашел, но где-нибудь может найти. И я хочу знать, что он сделает, когда найдет это. — Лифт остановился, и они вышли в коридор. — Сюда, — указал Вудман, стремительно шагая вперед; Ник заторопился, поспевая за ним. — ВВ293КС. Это мне и нужно. — Он направился к двери, а подойдя к ней, остановился; Ник успел нагнать его.

Эд Вудман постучал.

Никакой реакции.

Он повернул ручку. Дверь отворилась. Эд Вудман осторожно отвел ее в сторону, постоял, затем двинулся впереди Ника.

На полу, скрестив ноги, сидел стройный мужчина с небольшой черной бородкой, одетый в дорогой халат.

— Мистер Маршалл? — негромко спросил Эд Вудман.

Стройный темноволосый мужчина поднял свою раздутую шарообразную голову; он разглядывал их, улыбаясь. Но не произносил ни слова.

— С чем это вы играете? — наклонился к нему Эд Вудман. Обернувшись, он сообщил Нику: — Электрический миксер. Он поворачивает его лопасти. — Эд выпрямился. — Джи-5. Примерно в восемь раз выше нас по умственным способностям. Ну, он по крайней мере не страдает.

Подойдя ближе, Ник спросил:

— Вы можете говорить, мистер Маршалл? Можете вы нам что-нибудь сказать? Как вы себя чувствуете?

Маршалл захныкал.

— Вот видишь, — сказал Эд, — у него есть чувства, переживания, даже мысли. Но он не может их выразить. В больницах я видел людей, перенесших удар, когда они не могут говорить, не могут общаться с другими людьми, а только вот так же плачут. Если мы оставим его, с ним ничего не произойдет.

Ник с Эдом вышли из квартиры; дверь за ними захлопнулась.

— Мне бы еще немного таблеток, — пробормотал Ник. — Ты можешь предложить что-нибудь действительно толковое — подходящее для такого случая?

— Гидрохлорид дизепрамина, — отозвался Эд. — Я дам тебе немного своего; у тебя его, как я заметил, нет.

Они добрались до лифта, и Эд нажал на кнопку.

— Лучше мы не будем им говорить, — предложил Эд, пока они поднимались.

— Все равно они скоро узнают, — ответил Ник. — Об этом узнают все. Если это происходит повсюду.

— Мы неподалеку от Таймс-сквер, — сказал Эд. — Может быть, он прощупывает концентрическими кругами; Маршалл получил это прямо сейчас, а вот Новые Люди в Джерси могут и до завтра не отовариться. — Лифт остановился. — Или до следующей недели. Все это, возможно, займет месяцы, а к тому времени Айлд — должно быть, именно он — может что-нибудь придумать.

— А ты хочешь, чтобы он придумал? — спросил Ник, когда они выходили из лифта.

В глазах Эда Вудмана мелькнул огонек.

— Мне...

— Тебе трудно решить, — закончил за него Ник.

— А ты как?

— Меня ничто бы так не обрадовало, — ответил Ник.

Вместе они вернулись в кваритру. Оба молчали: между ними словно выросла стена. Просто больше не о чем было говорить. И двое мужчин понимали это.

Глава 24

— За ними должен быть уход, — сказала Илка Вудман. Она все-таки вытащила из них отчет о состоянии здоровья мистера Маршалла. — Но ведь нас миллиарды — мы можем с этим справиться. Для них должны быть созданы специальные центры, вроде игровых площадок. И дортуары. И питание должно быть организовано.

Чарли молча сидела на кушетке, перебирая складки на юбке. У нее был раздраженный, недоброжелательный вид; Ник не знал, почему — тогда это его, впрочем, и не заботило.

— Если нужно это проделать, — сказал Эд Вудман, — не мог бы он делать это помедленнее? Чтобы мы могли организовать уход? Они же могут изголодаться до смерти или попасть под колеса скибов — ведь они как малые дети.

— Предельная месть, — пробормотал Ник.

— Да, — согласилась Илка. — Но мы не можем оставить их умирать — беспомощных и... — она искала слово, — отсталых.

— Отсталых, — повторил Ник. Да, именно такими они и были — не как дети, а как *умственно-отсталые* дети. Отсюда и расстройство Маршалла, когда они попытались расспросить его.

И все из-за повреждения мозга. Их мозжечки были повреждены изнутри этой прощупывающей тварью.

Из все еще работавшего телевизора теперь уже раздавался голос ведущего обычной трансляционной сети.

— ...Всего двенадцать часов назад знаменитый физик Эймос Айлд, приглашенный Председателем Совета Грэмом на время кризиса в качестве специального советника, предсказал по всей телевизионной сети, что присутствие на корабле Провони какой-либо инопланетной формы жизни полностью исключено — повторяю: полностью исключено. — Впервые Ник уловил в голосе ведущего неподдельный гнев. — Из этого можно заключить, что Председатель Совета доверился... как это говорится? Доверился колоссу на глиняных ногах или что-нибудь вроде того — не знаю. Господи помилуй. — Было видно, как ведущий опустил голову. — Казалось хорошей мыслью — нам, во всяком случае, — навести балтиморскую лазерную установку на дверцу «Динозавра». Теперь, задним числом, мне кажется, это было слишком простое решение. После десяти лет скитаний в космосе Провони вовсе не собирался позволить прикончить себя подобным образом. И с ним был Морго Ран Вилк, как нам сообщили имя или титул инопланетянина. — Отвернувшись от микрофона, ведущий сказал кому-то вне поля зрения камеры: — Впервые в жизни я рад, что я не Новый. — Похоже, он не понимал, что его слышит весь мир, — да его это и не заботило: он продолжал сидеть молча, качая головой и вытирая глаза. Потом он исчез с экрана, и появился другой ведущий — очевидно, его преемник. Вид у него был похоронный.

— Повреждение нервной ткани, по-видимому, умышленно... — начал он, но тут Чарли взяла Ника за руку и увела его от экрана.

— Я хочу послушать, — запротестовал он.

— Мы собираемся прокатиться, — сказала Чарли.

— Зачем?

— Чтобы не торчать тут, будто нас сняли с вешалки. Мы полетим быстро. Мы полетим в «Пурпурной морской корове».

— Ты хочешь сказать, мы вернемся туда, где был убит Дэнни? — Он очумело уставился на нее. — У черных пидоров наверняка там какое-то ограждение, система тревоги...

— Им теперь не до этого, — тихо проговорила Чарли. — Во-первых, всех их собрали разгонять толпу, а во-вторых, если я хоть несколько минут не прокачусь на «Корове» — высоко-высоко и быстро-быстро, — то, наверное, покончу с собой. Я серьезно, Ник.

— Ладно, — согласился он. Да и в чем-то она была права: не было никакого смысла торчать здесь, прилипнув к телевизору. — А как мы туда доберемся?

— На скибе Эда, — ответила Чарли. — Эд, можно мы возьмем твой скиб? Немного прогуляться?

— Конечно. — Эд передал ей ключи. — Только вам может понадобиться горючее.

Ник вместе с Чарли поднялись по лестнице на крышу: до нее было всего два этажа, и лифт оказался ни к чему. Какое-то время оба молчали, поглощенные поисками скиба.

Расположившись наконец у рычага управления, Ник заметил:

— Тебе следовало бы сказать ему, куда мы направляемся. Насчет «Коровы».

— Зачем его беспокоить? — Это был весь ее ответ; больше она ничего не добавила.

Ник поднял скиб в небо — теперь оно было практически свободно от движения. Вскоре они уже парили над бывшим пристанищем Чарли. Там, на посадочной площадке, стояла «Пурпурная морская корова».

— Ну что, спускаться туда? — спросил Ник у Чарли.

— Да. — Она внимательно осмотрелась. — Я никого поблизости не вижу. Им в самом деле больше не до того. Ведь все кончилось, Ник. Все кончилось для ПДР, для Грэма, для Эймоса Айлда — можешь ты представить, что сделает эта тварь, когда до него доберется?

Ник заглушил двигатель скиба и беззвучно спланировал вниз — так, чтобы остановиться рядом с «Коровой». Пока все в порядке.

Чарли ловко выпрыгнула с ключом в руке; она подошла к «Корове» и вставила ключ в дверцу. Дверца открылась — Чарли тут же протиснулась к рычагу управления и жестом предложила Нику открыть другую дверцу.

— Быстрее, — поторопила она. — Я где-то слышу тревогу — наверное, на первом этаже. Ну, теперь-то и черт с ней. — Она с ожесточе-

нием надавила на газ, и «Корова» взмыла в небо, скользя в воздухе как ласточка, как гладкий диск.

— Посмотри, — попросила Чарли, — нет ли за нами кого-нибудь.

Он оглянулся.

— Никого не видно.

— Я сделаю противозенитные маневры, — сказала она, — как называл их Дэнни. Мы с ним делали множество всяких «штопоров» и «иммельманов». От них аж мороз по коже. — Скиб нырнул, проревев в ущелье меж двумя высоченными зданиями. — Послушай-ка эти трубы! — крикнула она и еще сильнее выжала педаль газа.

— Если ты будешь так вести, — заметил Ник, — то наверняка напорешься на офиданта.

Она повернулась к нему.

— Как же ты не понимаешь? *Теперь им и дела нет.* Всех государственных институтов, всего, что им надо было охранять... ничего этого больше нет. Их начальники теперь вроде того мужчины, которого вы с Эдом навещали внизу.

— Знаешь, — сказал он, — ты изменилась с тех пор, как я впервые встретил тебя. — «За какие-то пару дней», — сообразил он. В ней уже не было той бурлящей жизнерадостности; ее манеры стали резкими, почти вульгарными; на лице ее по-прежнему был густой слой косметики, но теперь он превратился в настоящую безжизненную маску. Ник и раньше это подмечал, но теперь это приняло какую-то необратимую форму. Буквально все в ней — и то, как она говорила или двигалась — казалось лишенным жизни. «Словно она уже ничего не чувствует, — подумал Ник. — Но прикинь, сколько всего произошло: вначале разгром типографии на Шестнадцатой авеню, затем это ее жуткое свидание с сексуально озабоченным Уиллисом Грэмом, затем гибель Дэнни. А теперь и *это*. Ей просто уже *нечем* чувствовать».

Словно прочитав его мысли, Чарли сказала:

— Конечно, я не могу управлять «Коровой», как это получалось у Дэнни. Он был потрясающим пилотом — бывало, он разгонял ее до ста двадцати...

— В городе? — спросил Ник. — В уличном движении?

— На больших скоростных магистралях, — ответила Чарли.

— Вы оба давно должны были угробиться. — От ее бешеной гонки ему уже стало не по себе, а Чарли все увеличивала скорость. На шкале было сто тридцать. Слишком быстро для него.

— Знаешь, — сказала Чарли, обеими руками сжимая рычаг управления и пристально глядя вперед, — а ведь Дэнни был интеллектуалом, настоящим. Он прочел все книжки и брошюры Кордона — все его сочинения. И очень этим гордился; это позволяло ему ощущать превосходство над остальными. Знаешь, что он часто говорил? Он говорил, что он, Дэнни, никогда не ошибается и что если у него есть посылка, то он может вывести из нее абсолютно точное заключение.

Она сбавила ход и свернула в боковую улочку, застроенную зданиями поменьше. Теперь у нее, казалось, появилась какая-то цель — до этого она вела скиб, просто испытывая радость полета, а тут замедлила ход, опустилась пониже... Ник посмотрел вниз и увидел какую-то пустынную площадь.

— Центральный парк, — мельком взглянув на него, пояснила она. — Ты бывал здесь раньше?

— Нет, — покачал он головой. — Я и не думал, что он до сих пор существует.

— А большей части уже и нет. Его урезали до одного-единственного акра. Но трава там осталась — это все еще парк. — Помрачнев, она сказала: — Мы с Дэнни как-то обнаружили его, когда кружили здесь поздно ночью — часа в четыре. У нас прямо глаза на лоб вылезли — в самом деле. Здесь мы приземлимся. — Скиб спустился, замедляясь и просто двигаясь вперед; затем Чарли еще опустила его — и резиновые шины коснулись земли. С убранными крыльями скиб сразу превратился в наземное средство передвижения.

Открыв дверцу со своей стороны, Чарли выбралась наружу; Ник последовал за ней и тут же был поражен травянистой поверхностью под ногами. Первый раз в жизни он ходил по траве.

— Как там твои шины? — спросил он.

— Что?

— Ведь я нарезчик протектора, помнишь? Если ты дашь мне фонарик, то я осмотрю их и скажу, нарезаны они заново или нет. Понимаешь, это ведь может стоить тебе жизни. Если одна из шин заново нарезана, а ты об этом не знаешь.

Чарли растянулась на траве, подпирая руками голову.

— С шинами все в порядке, — отозвалась она. — Мы пользовались «Коровой» только по ночам, когда есть где разогнаться и летать. А днем, как наземный транспорт, мы ее не использовали — только при крайней необходимости. Вроде того случая, когда погиб Дэнни. — Потом она долго-долго молчала — просто лежала на холодной сырой траве, разглядывая звезды.

— Сюда никто не приходит, — сказал Ник.

— Никогда. Его бы совсем уничтожили, но у Грэма есть о нем какие-то теплые воспоминания. Наверное, он играл здесь ребенком. — Она подняла голову и удивленно спросила: — Можешь представить Грэма младенцем? Или Провони, если уж на то пошло? Знаешь, зачем я тебя сюда притащила? Затем, чтобы мы могли заняться любовью.

— Ого! — вырвалось у Ника.

— Ты не удивлен?

— С тех пор, как мы встретились, каждый из нас уже думал об этом, — ответил он. Так, по крайней мере, было для него; он подозревал это и в ней, хотя она, конечно, могла бы это отрицать.

— Можно я тебя раздену? — спросила она, роясь в карманах его пальто в поисках чего-нибудь ценного, что могло бы выпасть и затеряться в траве. — Ключи от машины? — спросила она. — Идентабели? Ох, ну что за черт. Сядь-ка. — Он сел, и она сняла с него пальто, которое аккуратно положила на траву рядом с ним. — Теперь рубашку, — сказала она и продолжала в том же духе, пока не раздела его догола. А потом принялась за свою одежду.

— Какие у тебя маленькие груди, — прошептал Ник, едва различая ее в тусклом свете звезд.

— Слушай, — тут же отозвалась она, — для тебя, кажется, это в порядке вещей.

Это тронуло его.

— Нет, конечно нет, — ответил он. — Я не хочу, чтобы ты это делала... — Он положил руку ей на плечо. — Ведь все из-за того, что здесь ты занималась этим с Дэнни. «Для тебя, — подумал он, — это может быть каким-то возвратом в прошлое, а для меня... перед глазами у меня какой-то призрак: юноша с лицом Диониса... вся эта жизнь, погубленная как раз вот так». — Это напоминает мне отрывок одного стихотворения Йитса, — сказал он. Потом он помог ей снять квазиворговый свитер: снимать его было куда сложнее, чем надевать, поскольку он прилегал по всем изгибам тела.

— Лучше бы я просто опрыскалась краской, — заметила Чарли, когда свитер был снят.

— Тогда бы ты не получила фактуру ткани, — возразил Ник. Он замялся на секунду, потом с надеждой спросил: — Тебе нравится Йитс?

— Он был до Боба Дилана?

— Да.

— Тогда я и слышать о нем не хочу. Насколько мне известно, поэзия начиналась с Дилана, а потом постепенно приходила в упадок.

Совместными усилиями они избавились от остатков одежды; какое-то время они просто лежали голые на холодной влажной траве, а затем одновременно подкатились друг к другу; он оказался наверху, обнял ее и стал внимательно разглядывать ее лицо.

— Я уродка, — заявила она. — Правда?

— Ты так считаешь? — ошеломленно пробормотал он. — Да ты что — ты одна из самых привлекательных женщин, каких я вообще встречал.

— А я не женщина, — безапелляционно выдала она. — Я не могу отдавать. Я могу только брать, но не отдавать. Так что ничего от меня не жди — кроме того, что я сейчас здесь.

— Это изнасилование несовершеннолетней, — немного погодя сообщил он ей.

— Да посмотри — настал конец света, — стала втолковывать ему Чарли. — Нами овладевает, разрушая неврологически, какая-то неуничтожимая тварь. Так какой же пидор в такое время соберется при-

влечь тебя? И в любом случае должна быть подана жалоба, а кто этим станет заниматься? Кто будет свидетелем?

— Свидетелем, — повторил он, на мгновение крепче прижав ее к себе. Системы слежения ПДР... Наверняка у них установлена такая в Центральном парке, хоть он ими и почти забыт. Он отпрянул от нее, а затем вскочил на ноги. — Быстро одевайся, — бросил он, подбирая свою одежду.

— Если ты подумал, что у пидоров тут есть монитор...

— Именно.

— Будь уверен, все они смотрят на Таймс-сквер. Кроме их Новых Людей — например, директора Барнса. Те присоединяются к уже поврежденным. — Вдруг ее осенила мысль. — А ведь достанется и Уиллису Грэму. — Она села, погрузив руки в свои взъерошенные, влажные от травы волосы. — Жаль, — сказала она, — а мне он чем-то нравился. — Она стала подбирать свою одежду, но затем бросила ее на землю и умоляюще проговорила: — Ну посмотри же, Ник. Никакое ПДР и не думает нас свинчивать. Знаешь, что я сделаю... возьми меня еще ненадолго — может, хоть минуток на пять. И можешь прочитать мне — как его там? — то стихотворение.

— Ты же знаешь — у меня нет с собой книги.

— А так ты его не вспомнишь?

— Думаю, вспомню. — Страх поднимался у него в груди, заставляя его трепетать, пока он снова снимал с себя одежду и приближался к распростертой на траве девушке. Обняв ее, он сказал: — Это грустное стихотворение; я просто думал о Дэнни и об этом пятнышке, куда вы раньше прилетали на своей «Корове». Здесь словно похоронен его дух.

— Ты делаешь мне больно, — пожаловалась Чарли. — Постарайся помедленнее.

Потом он снова поднялся. И принялся методично одеваться.

— Я не могу позволить себе, — пояснил он, — попасть в лапы этим рыщущим за мной убийцам, этим черным пидорам.

Она даже не пошевелилась. А потом попросила:

— Прочитай мне стихотворение.

— А ты оденешься? Пока я буду его читать?

— Не-а, — отозвалась она, закинув руки за голову и разглядывая звездное небо. — Провони явился оттуда, — сказала она. — Боже мой, я просто черт знает как счастлива, что я не Новый Человек... — Она вдруг жестко процедила: — Он правильно делает, и все же... просто нельзя их не пожалеть — этих Новых Людей. Лоботомированных. Нет у них больше узлов Роджерса — и еще Бог знает чего. Хирургия из космоса. — Она рассмеялась. — Давай все это подробно опишем и назовем «Космический хирург с далекой планеты». Идет?

Он ползал на четвереньках, собирая ее вещи. Сумочка, свитер, нижнее белье.

— Я прочту тебе стихотворение, и тогда ты поймешь, почему я не могу бывать там, где бывали вы с Дэнни; я не могу заменить его, став чем-то вроде нового Дэнни. А то ты начнешь давать мне его бумажник, который, верно, припрятан где-нибудь, как страусиная голова, его часы «Критерион», его сногсшибательные запонки... — Он прервался. — «Пусти — я должен уходить туда, где волнами нарциссы, лилии...» — Он замолчал.

— Продолжай, — сказала она. — Я слушаю.

— «Лилии, где бедный фавн лежит под сонною землей — увенчан век его, — но там все мнится мне...»

— А что значит «мнится»? — спросила Чарли.

Он не обратил внимания и продолжал:

— «Все мнится мне: выходит он в росе купаться по утрам и растворяется, как дым...» — «Пронзенный пением моим», — мысленно досказал он. Но вслух ему этого было не произнести — слишком это его трогало.

— И тебе нравится? — спросила Чарли. — Такая старая дребедень?

— Это мое любимое стихотворение, — буркнул Ник.

— А тебе нравится Дилан?

— Нет, — покачал он головой.

— Прочти мне еще стихотворение. — Уже одетая, она села рядом с ним, обняв руками колени и положив на них голову.

— Других я наизусть не помню. Я даже не помню, как это кончается, хотя читал его тысячу раз.

— А Бетховен был поэтом? — спросила она.

— Композитором. Музыку писал.

— Как и Боб Дилан.

— Ну, мир не с Дилана начался, — заметил Ник.

— Пойдем, — сказала Чарли. — Я, кажется, простудилась. Тебе понравилось?

— Нет, — признался он.

— Почему?

— Ты слишком напряжена.

— Если бы ты испытал то, что испытала я...

— Может быть, и так. Ты слишком многое узнала. Слишком многое и слишком рано. Но я люблю тебя. — Он обнял ее, крепко прижал к себе и поцеловал в висок.

— Правда? — Что-то от ее былой жизнерадостности вернулось к ней; она вскочила, широко раскинула руки — и закружилась, смеясь в полный голос.

Полицейский патрульный корабль с выключенными красными огнями и сиреной спланировал за спиной у Ника, бесшумно приземляясь.

— К «Корове»! — крикнула Чарли — и они бросились туда, протиснулись внутрь, и Чарли села к рычагу управления. Она запустила двигатель — «Корова» покатилась вперед, разворачивая крылья.

Вспыхнули красные огни поганой машины ПДР; завыла и сирена. А через мегафон с патрульного корабля им протрубили что-то нераз-

борчивое — слова все повторялись и повторялись, пока Чарли не завизжала от невыносимого рева.

— Я скину его с хвоста! — выкрикнула она. — Дэнни тысячу раз так делал — а я у него научилась. — Она изо всей силы выжала газ, сровняв педаль с полом. Рев заработавших на полную мощность труб загрохотал позади Ника, а голова его запрокинулась, когда «Корова» резко рванулась вперед. — Теперь-то я покажу тебе все, на что способен этот движок, — заявила Чарли; взгляд ее метался по сторонам. А «Корова» продолжала набирать скорость; Нику еще не приходилось летать в таком форсированном скибе, хотя он видел немало скибов с форсированными двигателями, которые привозили на стоянку для перепродажи. Но там не было даже ничего похожего.

— Дэнни вкладывал в «Корову» каждый заработанный юкс, — сообщила Чарли. — Он *приспособил* ее как раз для таких случаев — чтобы удирать от пидоров. Смотри. — Она щелкнула переключателем и откинулась назад — уже не касаясь рычага управления. Скиб вдруг упал почти до земли; Николас весь напрягся — катастрофа казалась неизбежной, — а затем, благодаря какой-то неизвестной ему системе автопилота, корабль на умопомрачительной скорости заскользил по узким улочкам меж старых деревянных лавок — где-то в трех футах от земли.

— Нельзя так низко летать, — сказал ей Ник. — Мы теперь ниже, чем если бы катили с выпущенным шасси.

— А теперь посмотрим. — Она обернулась взглянуть на летевший позади патрульный корабль ПДР — он следовал за ними, в точности на их уровне, — а затем она рванула ручку набора высоты, переведя ее на девяносто градусов.

Они буквально выстрелили вверх, в темноту — а патрульный корабль за ними.

И теперь с юга появился еще один патрульный корабль.

— Нам придется сдаться, — сказал Ник, когда два патрульных корабля объединились. — Теперь они в любую секунду могут открыть огонь и сбить нас. В следующее же мгновение, если мы не подчинимся этим мигающим красным сигналам, они так и сделают.

— Но если нас поймают, они прикончат тебя, — возразила Чарли. Она увеличила угол полета, но за ними по-прежнему два патрульных корабля полиции выли сиренами и сверкали огнями.

«Корова» еще раз спикировала — в свободном падении, — пока система автопилота не остановила ее в нескольких футах от мостовой. Корабли полиции следовали за ними. Они сделали точно такое же пике.

— О Господи, — пробормотала Чарли. — У них тоже стоит система граничного контроля Ривса — Ферфакса. Ладно, посмотрим. — Ее лицо яростно подергивалось. — Дэнни, — позвала она. — Дэнни, что же мне делать? Что мне теперь делать? — Она резко свернула за угол — задев уличный фонарь, как отметил Ник. А потом прямо перед ними вспыхнуло рвущееся облако огня.

— Гранатометы или термотропные ракеты, — сказал Ник. — Предупредительный выстрел. Включи радиосвязь на волосе частот полиции. — Он потянулся к пульту управления, но она бешено отбросила его руку.

— Я не намерена с ними разговаривать, — процедила она. — И не собираюсь их слушать.

— Они уничтожат нас следующим же выстрелом, — убеждал ее Ник. — У них есть на это санкции — они обязательно так и сделают.

— Нет, — отрезала Чарли. — Им не сбить «Корову». Обещаю тебе, Дэнни.

«Корова» ринулась вверх, сделала «иммельман», еще один, затем «бочку»... а патрульные корабли остались у них на хвосте.

— Я направляюсь... знаешь, куда я направляюсь? — спросила Чарли. — К Таймс-сквер.

Ник ждал этого.

— Нет, — покачал он головой. — В тот район не пропускают никаких кораблей; его изолировали. Ты влетишь в плотный строй черно-белых.

Но она летела дальше. Впереди Ник увидел огни прожекторов и несколько кружащих военных кораблей. Они были уже на подлете.

— Я хочу пробраться к Провони, — пояснила она, — и попросить у него убежища. Для нас обоих.

— Ты хочешь сказать, для меня, — уточнил Ник.

— Я прямо попрошу его, — продолжала Чарли, — впустить нас в его защитную сеть. Он сделает это — я уверена, что он так и сделает.

— Может быть, — сказал Ник, — он так и сделает.

Впереди вдруг замаячили какие-то очертания. Тихоходный военный транспорт, перевозящий боеприпасы для установки, выпускающей ракеты с водородной боеголовкой; предупредительные огни горели непрерывной цепью по всему его корпусу.

Крик Чарли:

— Господи, я не могу...

И потом удар.

Глава 25

Свет вспыхнул прямо ему в глаза. Рядом с собой он расслышал — почувствовал — какое-то движение. Свет резал глаза, и Ник попытался поднять руку, чтобы от него заслониться, но рука не двинулась с места. «Но я же ничего не ощущаю», — сказал он себе. Он чувствовал себя в полном сознании. «Мы на земле, — подумал он. — Это официант ПДР светит фонариком мне в глаза, пытаясь разобрать, мертв я или без сознания».

— Что с ней? — спросил Ник.

— Ты о девушке, что была с тобой на корабле? — Спокойный, неторопливый голос. Слишком спокойный. Безразличный.

Ник открыл глаза. Зеленый офидант ПДР стоял над ним с фонариком и пистолетом. А вокруг — повсюду — валялись обломки, в основном от военного транспорта; Ник заметил медицинскую команду — людей в белом за работой.

— Девушка погибла, — сказал офидант ПДР.

— Могу я увидеть ее? Я должен ее увидеть. — Ник поднатужился, пытаясь подняться; офидант помог ему, а затем достал ручку и записную книжку.

— Твое имя? — спросил он.

— Покажи мне ее.

— Она скверно выглядит.

— Покажи мне ее, — повторил Ник.

— Ладно, парень. — Подсвечивая себе фонариком, офидант ПДР повел его по грудам обломков. — Вон она.

Это была «Пурпурная корова». Шарлотта так и осталась внутри. С первого же взгляда было ясно, что она мертва: ее череп был аккуратно раздвоен рычагом управления, на который она со всего размаху налетела, когда «Корова» врезалась в тот громадный бочонок транспортного корабля.

Кто-то, впрочем, выдернул из нее рычаг, оставив открытым проделанный им канал. Виден был мозг — влажный от крови, извилистый, пронзенный насквозь. «Пронзенный, — подумал Ник, — как в том стихотворении Йитса — «пронзенный пением моим».

— Это должно было случиться, — сказал он менту. — Если не так, то как-нибудь по-другому. Как-нибудь по-быстрому. Может, с кем-то под алкоголем.

— В ее идентабеле, — заметил мент, — написано, что ей всего шестнадцать.

— Так и есть, — ответил Ник.

Донесся ужасающий гул, сотрясая вокруг всю землю.

— Водородная ракета, — пояснил мент, возившийся с блокнотом и ручкой. — Еще один залп в эту фроликсанскую тварь. — Он наконец приготовился писать. — Все без толку. Она уже в мозгах у всех на этой планете. Так как твое имя?

— Дэнни Стронг, — ответил Ник.

— Покажи мне твой идентабель.

Ник повернулся и побежал — так быстро, как только мог.

— Постой! — крикнул ему вдогонку мент. — Я не стану в тебя стрелять. Какое мне теперь дело? Мне только жалко девушку.

Притормозив и остановившись, Ник обернулся.

— Да ну? — спросил он. — Почему это она тебя заботит? Ты же ее не знал. Почему бы тебе не побеспокоиться обо мне? Я в списке на ликвидацию у черных пидоров — тебе это что, все равно?

— В общем, да. С тех пор, как я глянул по видеофону на своего шефа — с тех пор, как увидел его таким. Он Новый Человек, знаешь

ли. Вроде младенца. Он играл со всякой дребеденью у себя на столе, раскладывая ее кучками — кажется, по цвету.

— Ты мог бы меня подбросить? — спросил Ник.

— А куда тебе нужно?

— В Федеральное Здание, — ответил Ник.

— Но там же теперь дурдом. Все эти Новые Люди в своих кабинетах... они там отсутствуют.

— Мне нужно видеть Председателя Совета Грэма.

— Он, наверное, вроде остальных — других Аномалов и Новых Людей. — Поразмыслив, офидант добавил: — Впрочем, делал ли он что-то с Аномалами, я, по правде, не знаю. Только насчет Новых Людей.

— Отвези меня туда, — попросил Ник.

— Ладно, приятель, но ты ранен — у тебя сломана рука и, возможно — очень даже возможно, — есть внутренние повреждения. Может, тебе лучше отправиться в городскую больницу?

— Мне нужно видеть Председателя Совета Грэма.

— Хорошо, — согласился офидант, — мы слетаем туда. Но я просто высажу тебя на крыше — на посадочной площадке. У меня нет желания впутываться в то, что происходит, — я не хочу, чтобы он начал на меня воздействовать.

— Ты Старый Человек? — спросил Ник.

— Ну, ясное дело. Как и ты. Как и большинство людей. Во всем этом городе, кроме таких мест, как Федеральное Здание, где Новые Люди...

— Он не станет на тебя воздействовать, — уверил его Ник, с трудом ковыляя, хотя и без посторонней помощи, к припаркованной неподалеку поганой машине ПДР. Шел — и отчаянно старался не потерять сознание. «Только не теперь, — сказал он себе. — Сначала Грэм, а потом уже все безразлично». Возможно, фроликсанин не тронул Грэма — похоже, как сказал мент, он прежде всего обрабатывает Новых Людей, а не Аномалов.

Мент не торопясь забрался в машину, подождал Ника, а затем пустился в небо.

— Какая все-таки неприятность с этой девушкой, — вспомнил мент. — Но я обратил внимание, что за движок был в ее скибе — форсирован так, что не дай Бог. Это ее машина?

Ник не ответил; он придерживал правую руку, а голова его была совершенно пуста. Только ощущение мелькающих под ногами кварталов, пока патрульный скиб направлялся к Федеральному Зданию в пятидесяти милях от города Нью-Йорка в сатрапии Вашингтон, округ Колумбия.

— Зачем она так быстро летела? — спросил мент.

— Она спасала меня, — ответил Ник. — Потому и летела так быстро. Это ее и убило.

Скиб пыхтел дальше, издавая привычный звук работы вакуумного фильтра.

Глава 26

Посадочная площадка на крыше Федерального Здания была залита светом от взлетавших и садившихся кораблей. Однако здесь можно было заметить только служебные скибы; для частного транспорта площадка, очевидно, была закрыта... Бог знает, надолго ли.

— У меня есть разрешение приземлиться, — сообщил мент и указал на мигающий зеленый огонек у самого края замысловатого приборного щитка своего скиба.

Они пристроились на площадке; Ник с помощью офиданта выбрался наружу, нетвердо держась на ногах.

— Удачи, приятель! — крикнул офидант и в какое-то мгновение был таков; его скиб исчез в ночном небе, а красные мерцающие огоньки затерялись среди звезд.

На дальнем конце площадки у входного эскалатора Нику преградили путь несколько черных пидоров. Все они были вооружены карабинами с дуговыми прицелами. И все они смотрели на него как на падаль.

— Председатель Совета Грэм... — начал Ник.

— Сначала про себя, — перебил один из черных пидоров.

— ...просил меня прибыть, чтобы увидеться с ним, — закончил Ник.

— Тебе что, не известно про сорокатысячетонного инопланетянина, который...

— Я здесь по крайней необходимости, — сказал Ник.

Один из черных пидоров что-то проговорил в прикрепленный к его запястью микрофон, затем молча подождал, прислушиваясь к наушнику, и наконец кивнул:

— Он может пройти.

— Я буду тебя сопровождать, — сказал другой черный пидор. — Во всем этом трахнутом здании сплошной бардак. — Он пошел вперед, указывая путь, и Ник, собрав все силы, заковылял следом.

— Что с тобой такое? — спросил офидант. — Ты как будто побывал в аварии.

— Со мной все в порядке, — ответил Ник.

Затем они миновали какого-то Нового Человека, стоявшего с письменным указанием в руках и явно пытавшегося его прочесть. Какое-то остаточное чувство подсказывало ему, что он должен прочесть это, но во взгляде его не было понимания — лишь испуганное замешательство.

— Сюда. — Черный офидант ПДР вел Ника сквозь целый ряд кабинетов; там и тут Ник замечал Новых Людей — кто-то усаживался на полу, кто-то пытался что-то делать, возиться с разными предметами, а остальные просто сидели или лежали, устремляя пустые взгляды по сторонам. А некоторые, как он заметил, проявляли буйную ярость — за ними старались приглядывать срочно собранные для этого служащие из Старых Людей.

Наконец отворилась последняя дверь; официант отступил в сторону, кивнул Нику и зашагал обратно — тем же путем, каким они и пришли.

На этот раз Уиллис Грэм не лежал в своей огромной мятой постели. Вместо этого он сидел на стуле в дальнем конце комнаты, явно сохраняя спокойствие; лицо его казалось сдержанным и невозмутимым.

— Шарлотта Бойер, — сказал Ник, — мертва.

— Кто? — Грэм моргнул и повернулся, сосредоточивая внимание на Нике. — А-а. Ну да. — Он поднял руки. — У меня отобрали телепатическую способность. Теперь я просто Старый Человек.

Переговорник у него на столе вдруг ожил:

— Господин Председатель Совета, мы смонтировали вторую лазерную установку — уже на крыше Карриаджер-Билдинг — и через двадцать секунд она сфокусирует свой луч в ту же точку, что и балтиморская лазерная установка.

— Провони по-прежнему там стоит? — громко спросил Грэм.

— Да. Балтиморский луч направлен прямо на него. Когда мы добавим луч от установки из Канзас-Сити, то фактически удвоим энергию на функциональном уровне.

— Держите меня в курсе дела, — ответил Грэм. — Спасибо. — Он повернулся к Нику. Сегодня Грэм был полностью одет: выходные брюки, шелковая блуза с широкими рукавами, ботинки на слоистой подошве. Он был изящно одет, выхолен и невозмутим. — Я сожалею об этой девушке, — сказал он. — Сожалею, но не по-настоящему — нет, если уж добираться до самой сути — не так, как мог бы сожалеть, если бы узнал ее лучше. — Он устало провел рукой по лицу — белый слой с только что напудренного лица остался у него на руке; он раздраженно хлопнул в ладоши. — Я не собираюсь лить слезы о Новых Людях, — проворчал он, кривя губы. — Они сами виноваты. Знаете об одном таком Новом Человеке по имени Эймос Айлд?

— Конечно, — отозвался Ник.

— «Абсолютно никакой возможности, — процитировал Грэм, — что он привез с собой какого-либо инопланетянина». Нейтрологика, которую все мы остальные — и Старые Люди, и Низшие Люди, и Аномалы, — понять не способны. Ну что же, тут и понимать нечего — она не работает. Эймос Айлд оказался просто чудаком, забавлявшимся с миллионами компонентов для своего проекта Большого Уха. Он был сумасшедшим.

— А где он теперь? — спросил Ник.

— Там где-то, играет с пресс-папье, — ответил Грэм. — Составляет для них замысловатые равновесные системы, используя линейки в качестве поддерживающих штанг. — Он осклабился. — И он до конца жизни будет этим заниматься.

— А географически насколько далеко уже зашло разрушение нервной ткани? — спросил Ник. — Как насчет всей планеты? С Луной и Марсом в придачу?

— Не знаю. Большинство линий связи растеряли персонал; там никого нет — никто не отвечает с того конца. Жуткое впечатление.

— Вы запрашивали Пекин? Москву? Суматру — один?

— Я скажу вам, кого я запрашивал, — отозвался Грэм. — Чрезвычайный Комитет Общественной Безопасности.

— И он больше не существует, — догадался Ник.

Кивнув, Грэм подтвердил:

— Он... оно... убил их. Выскреб им черепа — чуть ли не начисто. Оставил только зачем-то промежуточный мозг. Это у них еще осталось.

— Чисто растительная жизнь, — сказал Ник.

— Ну да, мы могли бы ухаживать за ними, как за овощами. Но это не стоило труда; зная степень поражения мозга, я приказал докторам позволить им умереть. Впрочем, это относится только к Новым Людям. В Комитете Общественной Безопасности были и два Аномала: ясновидец и телепат. Их способности пропали, как и у меня. Но мы живы. Пока что.

— Он больше ничего с вами не сделает, — заверил Ник. — Теперь, когда вы Старый Человек, вам грозит не больше, чем мне.

— А зачем вы хотели со мной увидеться? — спросил Грэм, поворачиваясь лицом к Нику. — Чтобы сообщить о Шарлотте? Чтобы заставить меня ощутить вину? Черт побери, да ведь миллионы таких прошмандовок шляются по этой планете; через каких-нибудь полчаса вы запросто раздобудете себе другую.

— Вы послали трех черных пидоров убить меня, — процедил Ник. — Вместо этого они убили Дэнни Стронга, а из-за его смерти мы не смогли справиться с «Морской коровой»; отсюда и катастрофа. Отсюда и ее гибель. Вами была выстроена цепочка обстоятельств; все это исходило от вас.

— Я отзову черных пидоров, — сказал Грэм.

— Этого недостаточно, — отрезал Ник.

Переговорник оживленно забубнил:

— Господин Председатель Совета, оба лазерных луча направлены в точку мишени — на Торса Провони.

— Как результаты? — спросил Грэм, напряженно застыв, опираясь о стол, чтобы поддерживать свою огромную массу.

— Они только сейчас ко мне поступают, — ответили из переговорника.

Грэм молча ожидал.

— Никакого видимого изменения. Нет, сэр, никакого изменения.

— А три лазерных установки? — прохрипел Грэм. — Если мы перетащим сюда и ту, что в Детройте...

— Сэр, мы не можем толком справиться и с тем, что у нас уже есть. Умственный недуг, поражающий Новых Людей, вызывает у нас нехватку...

— Спасибо, — перебил Грэм и отключил переговорник. — «Умственный недуг», — издевательски передразнил он. — Если бы только

это. Если бы это можно было вылечить в каком-нибудь санатории. Как там его называют? Психогенный?

— Я хотел бы видеть Эймоса Айлда, — сказал Ник. — Как он уравновешивает пресс-папье на линейках.

«Величайший интеллект, какой до сей поры произвела человеческая раса, — думал он. Неандерталец, гомо сапиенс, Новый Человек — такова эволюция. И, используя нейтрологику Нового Человека, он придумал — он попал в десятку. — Хотя, быть может, прав Грэм. Может быть, Эймос Айлд всегда был сумасшедшим... только у нас не было возможности оценить столь уникальный мозг — не с чем было его сопоставить. Хорошо, что мы избавились от Айлда. Хорошо, что мы от всех них избавились. Может быть, все эти Новые Люди были в каком-то смысле сумасшедшими. Это ведь зависит, с какой стороны посмотреть. А вся их нейтрологика — это логика сумасшедшего».

— Вы паршиво выглядите, — заметил Грэм. — Вам лучше бы получить медицинскую помощь; я смотрю, у вас сломана рука.

— В вашем лазарете? — спросил Ник. — Так вы это называете?

— Там работают компетентные медики, — сказал Грэм. — Странно, — пробормотал он, обращаясь наполовину к себе самому, — я все время прислушиваюсь к вашим мыслям, а они так и не приходят. Для продолжения разговора у меня есть только ваши слова. — Он вскинул лохматую голову и внимательно посмотрел на Ника. — А вы пришли не за тем, чтобы...

— Я хотел, чтобы вы узнали о Шарлотте, — перебил Ник.

— Но вы не вооружены; вы не собираетесь пытаться прикончить меня. Вас разыскивали; вы этого не знали, но прошли пять контрольно-пропускных пунктов. Верно? — С необычным для столь грузного человека проворством он резко повернулся и дотронулся до кнопки у себя на столе. В комнате тут же оказались пятеро черных полицейских; было похоже, что они туда и не входили, а просто находились там. — Проверьте, нет ли у него оружия, — приказал Грэм черным полицейским. — Ищите что-нибудь небольшое, вроде пластикового ножика или бактериальной микрокапсулы.

Двое из них обыскали Ника.

— Ничего нет, сэр, — отрапортовали они Председателю Совета.

— Оставайтесь на своих местах, — проинструктировал их Грэм. — Постоянно держите его на прицеле и прикончите, если он двинется. Этот человек опасен.

— В самом деле? — спросил Ник. — 3XX24J опасен? Но ведь тогда опасны и шесть миллиардов Старых Людей, и всем вашим черным пидорам ни за что их не удержать. Эти шесть миллиардов теперь Низшие Люди — они видели Провони, они знают, что он вернулся, как и обещал, они знают, что ваше оружие против него бессильно, они знают, что может сделать (и что уже сделал) с Новыми Людьми его друг, фроликсанин. Моя сломанная рука парализована — я все

равно не смог бы спустить курок. Почему вы не оставили нас в покое? Почему вы не могли допустить, чтобы она пришла ко мне и мы были вместе? Почему вам понадобилось посылать за нами черных пидоров? Почему?

— Ревность, — тихо промолвил Грэм.

— Собираетесь ли вы уйти в отставку с поста Председателя Совета? — спросил Ник. — Ведь у вас нет для этого особой квалификации. Дадите ли вы править Провони? Провони и его другу с Фроликса-8?

Немного помолчав, Грэм покачал головой:

— Нет.

— Тогда вас убьют. Это сделают Низшие Люди. Они придут сюда сразу же, как только поймут, что произошло. А все эти танки, вооруженные скибы и черные отряды остановят разве что первых несколько тысяч. Шесть миллиардов, Грэм. Могут ли военные вместе с черными пидорами убить шесть миллиардов людей? Да еще Провони и фроликсанина? Разве у вас есть хоть какой-нибудь реальный шанс? Разве сейчас не самое время передать контроль над правительством, над всем аппаратом государственного управления кому-нибудь другому? Вы уже старик, вы устали. И работа ваша была плоха. За одно убийство Кордона вас, согласно действующему законодательству, следовало бы повесить.

«Что очень даже возможно», — подумал он. — За это и за другие решения, принятые Грэмом в качестве правителя».

— Я собираюсь выбраться и переговорить с Провони, — сказал Грэм. Он кивнул черным полицейским. — Приготовьте для меня полицейский скиб; пусть все будет наготове. — Он нажал кнопку у себя на столе. — Мисс Найт, пожалуйста, попросите связистов попробовать установить для меня аудиоконтакт с Торсом Провони. Пусть займутся этим прямо сейчас. Порядок срочности — высший.

Он отключился, постоял, затем обратился к Нику:

— Мне хочется... — Он заколебался. — Вы никогда не пробовали шотландское виски?

— Нет, — качнул головой Ник.

— У меня есть двадцатичетырехлетнее шотландское — эту бутылку я еще никогда не открывал, берег для особого случая. Вам не кажется, что сейчас именно такой случай?

— Похоже, что так, господин Председатель Совета.

Подойдя к книжной полке справа от Ника, Грэм вытащил оттуда несколько томов, пошарил за оставшимися и извлек на свет высокую бутылку с янтарной жидкостью.

— Идет? — спросил он у Ника.

— Идет, — отозвался Ник.

Грэм сел за стол, сорвал с горлышка бутылки металлическую пломбу, вытащил пробку, а затем, после недолгих поисков, обнаружил в царящем на столе беспорядке два бумажных стаканчика. Он

выплеснул их содержимое в ближайшую мусорную корзину, затем разлил виски.

— За что мы выпьем? — спросил он у Ника.

— Это что, часть ритуала выпивки? — поинтересовался Ник.

Грэм улыбнулся.

— Мы выпьем за девушку, вырвавшуюся из лап четверых шестифутовых ВП. — Какое-то время он молчал и не пил. Ник тоже молчал, не поднимая стаканчик. — За какую-нибудь лучшую планету, — провозгласил Грэм и опорожнил стаканчик. — За планету, где нам не понадобятся наши друзья с Фроликса-8.

— За это я пить не буду, — сказал Ник и отставил виски в сторону.

— Ладно, тогда выпейте просто так! Попробуйте на вкус настоящее шотландское виски! Лучшее из всех! — Грэм уставился на него в смущении и негодовании... последнее чувство все росло, пока лицо его не побагровело. — Вы что, не понимаете, что вам предлагают? Вы утратили всякое представление о вещах. — Он гневно стукнул кулаком по ореховой крышке массивного деревянного стола. — Все происшедшее лишило вас понимания истинных достоинств. Мы должны...

— Специальный скиб готов, господин Председатель Совета, — донеслось из переговорника. — Он на посадочной площадке у пятого выхода.

— Спасибо, — отозвался Грэм. — А как насчет аудиоконтакта? Я не могу лететь, пока не свяжусь с ними и не оговорю, что не собираюсь причинять им никакого вреда. Отключите лазерные лучи. Оба.

— Простите, сэр?

Грэм торопливо повторил приказание.

— Есть, сэр, — ответили из переговорника. — И мы постараемся наладить аудиоконтакт. А ваш корабль тем временем будет стоять наготове.

Взяв бутылку, Грэм налил себе еще виски.

— Не могу я понять вас, Эпплтон, — сказал он Нику. — Вы являетесь сюда — зачем, Бога ради? Вы ранены, но отказываетесь...

— Может быть, именно поэтому я сюда и пришел, — перебил Ник. — Бога ради. Как вы сами сказали.

«Чтобы не спускать с тебя глаз, — подумал он, — пока ты не выйдешь из игры. Потому что ты и тебе подобные должны исчезнуть — освободить дорогу тому, что уже на подходе. Тому, что намерены сделать мы. Дать возможность реализоваться нашим замыслам — вместо ваших полубезумных проектов вроде Большого Уха. Большое Ухо... Какое превосходное средство в распоряжении правительства, чтобы держать всех по струнке. Очень жаль, что его создание так и не будет завершено, — подумал он. — Уж мы об этом позаботимся, хотя Провони со своим другом уже почти все сделали. Но мы доведем это до конца».

— Мы получили видео- и аудиоконтакт, господин Председатель Совета, — донеслось из переговорника. — Пятая линия связи.

Грэм поднял трубку красного видеофона и сказал:

— Здравствуйте, мистер Провони.

На экране появилось грубое, костистое лицо Провони с его многочисленными тенями и морщинами, мешками и рытвинами; глаза его хранили в себе ту абсолютную пустоту, которую Ник ощутил, когда сквозь него проходил тот зонд... Но эти глаза хранили в себе и нечто большее: они как-то по-звериному светились — подобно глазам напряженного и жаждущего живого существа, отчаянно стремящегося к тому, в чем оно нуждается. Зверь, вырвавшийся из клетки. Сильные глаза на сильном лице — усталом до невозможности.

— Думаю, неплохо было бы вам подъехать сюда, — сказал Грэм. — Вы причинили много зла; вернее, находящийся с вами безответственный организм причинил много зла. Тысячи мужчин и женщин, необходимых для управления государством, для науки и промышленности...

— Нам надо бы встретиться, — хрипло перебил Провони, — но моему другу будет затруднительно у вас разместиться.

— В качестве акта доброй воли мы отключили лазерные лучи, — напряженно проговорил Грэм, устремив немигающий взгляд в экран.

— Да, кстати, большое спасибо вам за эти лазерные лучи. — Каменное лицо Провони расколола язвительная улыбка. — Без такого источника энергии он наверняка не справился бы со своей задачей. Во всяком случае, так скоро. Хотя, в конечном итоге, через несколько месяцев все это было бы завершено — наша работа должна была быть проделана.

— Вы серьезно? — мертвенно побледнев, спросил Грэм. — Насчет лазерных лучей?

— Вполне. Он перерабатывал энергию лазерных установок; это восполняло его жизненные силы.

Грэм ненадолго отвернулся от экрана, явно стараясь обрести самообладание.

— С вами все в порядке, господин Председатель Совета? — поинтересовался Провони.

— Здесь вы могли бы побриться, — предложил Грэм, — принять ванну, воспользоваться услугами врачей и массажистов, отдохнуть какое-то время... а затем мы могли бы побеседовать.

— Вы должны прилететь сюда, — спокойно отозвался Провони.

Немного помолчав, Грэм сказал:

— Хорошо. Я буду через сорок минут. Можете ли вы гарантировать мою неприкосновенность и то, что я смогу уйти, когда пожелаю?

— Вашу «неприкосновенность», — повторил Провони и покачал головой. — Вы так и не поняли, что же, собственно, произошло. Да, я буду рад гарантировать вашу неприкосновенность. Вы уедете в том же физическом состоянии, как и приедете, — по крайней мере, на-

сколько это зависит от наших действий. Если вас вдруг хватит апоплексический удар...

— Хорошо, — сказал Грэм.

И вот, в течение какой-то минуты, Уиллис Грэм полностью капитулировал; именно он отправлялся к Провони, а не наоборот... и даже не в какой-нибудь нейтральный пункт где-то посередине между ними. И это было необходимое, разумное решение — у него просто не было выбора.

— Но только никакого апоплексического удара не будет, — заверил Грэм. — Я готов встретиться лицом к лицу с любой неизбежностью. С любыми возможными условиями. Все. — Он повесил трубку. — Знаете, Эпплтон, что меня постоянно преследует? Страх, что могут явиться другие фроликсане, что этот может оказаться лишь первым.

— Больше их не потребуется, — сказал Ник.

— Но если они хотят завоевать Землю...

— Они этого не хотят.

— Но они уже это сделали. В каком-то смысле.

— Но это все. Больше не будет разрушений. Провони уже получил то, что хотел.

— Предположим, им нет дела до Провони и до того, чего он хотел. Предположим...

Один из черных полицейских сказал:

— Сэр, чтобы добраться до Таймс-сквер за сорок минут, мы должны вылететь немедленно. — Он носил эполеты — высокопоставленный пидор.

Недовольно ворча, Грэм подобрал тяжеленное шерстяное пальто и натянул его себе на плечи. Один из полицейских помог ему.

— Этого человека, — сказал Грэм, указывая на Ника, — следует направить в лазарет и обеспечить ему медицинскую помощь. — Он кивнул головой, и двое полицейских угрожающе подступили к Нику; взгляды их были нерешительными и в то же время напряженными.

— Господин Председатель Совета, — начал Ник, — я прошу вас об одном одолжении. Могу я, перед тем как отправиться в лазарет, ненадолго повидаться с Эймосом Айлдом?

— Зачем? — спросил Грэм, направляясь к двери с двумя другими черными полицейскими.

— Я просто хочу поговорить с ним. Взглянуть на него. Попытаться понять все это — все, что случилось с Новыми Людьми, — повидавшись с ним. Увидеть его на его теперешнем уровне...

— Уровне кретина, — отрезал Грэм. — И вы не хотите отправиться со мной на мою встречу с Провони? Вы могли бы стать выразителем желаний... — Он сделал жест. — Барнс говорил, что вы были типичным их представителем.

— Провони знает, чего я хочу — чего хотят все. А у вас с Провони все произойдет очень просто: вы сдадите властные полномочия, а он займет

ваше место. Система Государственной гражданской службы будет радикально пересмотрена; многие посты из занимаемых по назначению станут выборными. Для Новых Людей будут устроены лагеря, где они будут счастливы; мы должны обязательно позаботиться о них, помня об их беспомощности. Вот почему я хочу увидеться с Эймосом Айлдом.

— Тогда идите и занимайтесь этим. — Грэм кивнул двум черным полицейским, стоявшим по бокам у Ника. — Вам известно, где Айлд, — отведите его туда; затем, когда он закончит, в лазарет.

— Спасибо, — поблагодарил Ник.

Все еще мешкая, Грэм спросил:

— А она правда мертва?

— Да, — кивнул Ник.

— Простите. — Грэм протянул руку для пожатия. Ник не подал ему руки. — Вы были тем, кому я желал смерти, — сказал Грэм. — А теперь... черт побери, теперь это не имеет значения. Что ж, я наконец отделил свою личную жизнь от общественной — моя личная жизнь кончена.

— Вы же сами сказали, — холодно процедил Ник, — что «миллионы таких прошмандовок шастают по этой планете».

— Верно, — каменным голосом выговорил Грэм. — Я действительно так сказал.

И вышел, сопровождаемый двумя охранниками. Дверь, скользнув, захлопнулась за ним.

— Пойдем, — сказал один из двух оставшихся черных пидоров.

— Я пойду так, как меня устраивает, — отозвался Ник; его рука зверски разболелась, а добавились еще и боли в животе. Грэм был прав — ему надо бы как можно скорее отправляться вниз, в лазарет.

Но только после того, как он собственными глазами увидит Эймоса Айлда. Величайшего из умов человечества.

— Вот здесь. — Один из конвоиров указал на дверь, охранявшуюся офидантом ПДР в зеленой униформе. — Отойди, — приказал ему черный пидор.

— Я не уполномочен...

Черный полицейский поднял свой пистолет. Похоже, собираясь его использовать.

— Как скажете, — сдался офидант в зеленом и отошел в сторону.

Николас Эпплтон прошел за дверь.

Глава 27

В самой середине комнаты сидел Эймос Айлд, его огромная голова удерживалась в равновесии с помощью воротника с металлическими штырями. Он окружил себя самыми разными предметами: дыроколами, ручками, пресс-папье, линейками, стиральными резинками, лис-

тами бумаги, картона, журналами, рефератами... Из журналов он повырывал страницы, скомкал их и разбросал по всей комнате. Сейчас же он что-то рисовал на клочке бумаги.

Ник подошел к нему. Человечки из палочек, огромное кольцо на небе, изображавшее солнце.

— А этим людям нравится солнце? — спросил он у Эймоса Айлда.

— Оно делает их теплыми, — ответил Айлд.

— Поэтому они выходят под его лучи?

— Да. — Теперь Эймос Айлд рисовал на другом клочке — тот ему уже надоел. Получилось что-то похожее на животное.

— Лошадь? — попытался угадать Ник. — Собака? У него четыре ноги — это медведь? Кошка?

— Это я, — ответил Эймос Айлд.

Сердце Ника Эпплтона сжалось от боли.

— У меня есть нора, — сообщил Айлд, рисуя в самом низу коричневым карандашом неровный, сплющенный круг. — Она там. — Он ткнул своим длинным пальцем в сплющенный коричневый круг. — Я забираюсь туда, когда идет дождь. И сохраняю тепло.

— Мы сделаем тебе нору, — пообещал Ник. — Точно как эта.

Улыбаясь, Эймос Айлд скомкал рисунок.

— А кем ты собираешься стать, — спросил Ник, — когда вырастешь?

— Я взрослый, — ответил Айлд.

— Тогда чем же ты занимаешься?

Айлд заколебался. Затем он сказал:

— Я строю всякое. Вот смотрите. — Он встал с пола, голова его угрожающе раскачивалась... «Господи, — ужаснулся Ник, — она же сломает ему позвоночник». Айлд с гордостью показал Нику сооруженную им из линеек и пресс-папье конструкцию.

— Замечательно, — похвалил Ник.

— Если убрать один груз, — сказал Айлд, — все рухнет. — Озорное выражение появилось на его лице. — Я думаю убрать какую-нибудь деталь.

— Но ведь ты не хочешь, чтобы все рухнуло.

Возвышаясь над Ником со своей громадной головой и ее замысловатой поддержкой, Эймос Айлд спросил:

— А вы чем занимаетесь?

— Я нарезчик протектора, — ответил Ник. — На шинах.

— А шина — это такое в скибе, которое все крутится и крутится?

— Верно, — подтвердил Ник. — Скиб на это приземляется. На них, точнее.

— А я смог бы так когда-нибудь? Смог бы я стать... — Айлд замялся.

— Нарезчиком протектора, — терпеливо подсказал Ник. Он чувствовал себя спокойно. — Это очень плохое занятие. Не думаю, что оно понравилось бы тебе.

— Почему?

— Потому что, видишь ли, на шинах есть такие канавки... и ты все углубляешь их — и кажется, что там больше резины, чем на самом деле, — но ведь у того, кто купит такую шину, она может лопнуть. Тогда он попадет в аварию и тоже поранится.

— Вы поранились, — сказал Айлд.

— У меня сломана рука.

— Тогда вам должно быть больно.

— Не так уж. Она парализована. Я еще немного в шоке.

Дверь отворилась, и один из черных полицейских заглянул в комнату — его узкие глаза оценивали ситуацию.

— Ты не принес бы мне таблетку морфина из амбулатории? — попросил его Ник. — Моя рука... — Он указал на нее.

— Ладно, кореш, — отозвался полицейский и прикрыл дверь.

— Должно быть, она действительно очень болит, — сказал Эймос Айлд.

— Не так уж сильно. Пусть тебя это не беспокоит.

— А как вас зовут?

— Мистер Эпплтон. Ник Эпплтон. Зови меня Ник, а я буду звать тебя Эймос.

— Нет, — сказал Эймос Айлд. — Мы пока не настолько хорошо знаем друг друга. Я буду звать вас мистер Эпплтон, а вы зовите меня мистер Айлд. Знаете, мне тридцать четыре года. А в следующем месяце исполнится тридцать пять.

— И вы получите множество подарков, — подхватил Ник.

— Я хочу только одного, — сказал Айлд. — Я хочу... — Он вдруг замолчал. — У меня в голове есть какое-то пустое место. Я хочу, чтобы его там не было. Обычно там не было пустого места.

— Большое Ухо, — спросил Ник. — Вы помните о нем? Как вы его строили?

— О да, — ответил Айлд. — Я это делал. Оно будет слушать каждого, а затем... — он замялся, — мы сможем отправлять людей в лагеря. В лагеря для перемещенных.

— А хорошо ли так делать? — спросил Ник.

— Я... не знаю. — Айлд сжал ладонями виски и зажмурил глаза. — Что такое другие люди? Может быть, и нет никаких других; может, это просто фантазия. Вот вы... может, я вас выдумал. Может быть, я могу заставлять вас делать все, что мне захочется.

— А что вам хочется, чтобы я сделал? — спросил Ник.

— Подхватите меня, — попросил Айлд. — Мне хочется, чтобы меня подхватили... и есть такая игра — вы кружитесь, держа меня за руки. И центро... бежная сила... — Он запнулся и попробовал по-другому: — Вы делаете так, что я улетаю за горизонт... — Он опять запнулся. — Могли бы вы подхватить меня? — жалобно попросил он, глядя на Ника сверху вниз.

— Я не могу, мистер Айлд, — ответил Ник. — Из-за сломанной руки.

— Все равно благодарю вас, — сказал Эймос Айлд. Задумавшись, он прошаркал к окну комнаты и стал вглядываться в ночное небо. — Звезды, — проговорил он. — Туда летают люди. Мистер Провони отправился туда.

— Да, — подтвердил Ник. — Он безусловно это сделал.

— А мистер Провони хороший человек?

— Он — человек, сделавший то, что необходимо было сделать, — ответил Ник. — Нет, вряд ли он хороший человек — он скверный человек. Но он хотел помочь.

— А это хорошо — помогать?

— Так считает большинство людей, — сказал Ник.

— Мистер Эпплтон, — спросил Эймос Айлд, — а у вас есть мать?

— Нет, она умерла.

— И у меня нет. А у вас есть жена?

— Пожалуй, нет. Уже нет.

— Мистер Эпплтон, а у вас есть подружка?

— Нет, — резко ответил Ник.

— Она умерла?

— Да.

— Совсем недавно?

— Да, — проскрежетал он.

— Вам надо найти себе новую, — сказал Эймос Айлд.

— Правда? — спросил Ник. — Мне так не кажется — по-моему, мне больше никогда не захочется иметь подружку.

— Вам нужна та, которая будет о вас заботиться.

— Та как раз заботилась обо мне. Это убило ее.

— Как прекрасно, — сказал Эймос Айлд.

— Почему? — уставился на него Ник.

— Подумайте только, как сильно она любила вас. Представьте, что кто-нибудь вас так сильно любит. Мне хочется, чтобы кто-нибудь так сильно любил меня.

— Так это важно? — спросил Ник. — Значит, все дело в этом, а не во вторжениях инопланетян, разрушении десяти миллионов превосходнейших мозгов, переходе политической власти — всей власти — от какой-то элитной группы...

— Этого я не понимаю, — сказал Эймос Айлд. — Я знаю только, как это прекрасно, когда кто-то вас так сильно любит. А если кто-то вас так сильно любил, то вы несомненно достойны любви, а значит — очень скоро и другие полюбят вас так же, и вы точно так же будете их любить. Понимаете?

— Кажется, да, — ответил Ник.

— Нет ничего выше этого — когда человек отдает свою жизнь за друга, — сказал Айлд. — Хотел бы я это сделать. — Присев на враща-

ющийся стул, он задумался. — Мистер Эпплтон, — спросил он, — а есть еще такие взрослые, как я?

— В каком смысле как вы? — уклоняясь от ответа, переспросил Ник.

— Которые не могут думать. У кого пустое место вот здесь. — Он приложил ладонь к своему лбу.

— Да, — ответил Ник.

— Полюбил бы меня кто-нибудь из них?

— Да, — кивнул Ник.

Дверь отворилась; за ней стоял черный охранник с таблеткой морфина и бумажным стаканчиком с водой.

— Еще пять минут, кореш, — сказал охранник, — а потом ты отправляешься в лазарет.

— Спасибо, — поблагодарил Ник, тут же принимая таблетку.

— Земляк, тебе и впрямь очень больно, — заметил охранник. — И вид у тебя такой, будто ты вот-вот свалишься. Получится не очень хорошо для этого малыша... — Он сделал паузу и исправился: — Для мистера Айлда, что он это увидит: он разволнуется, а Грэм не хочет, чтобы его будоражили.

— Для них будут устроены лагеря, — сказал Ник. — Где они смогут общаться на своем уровне. А не будут стараться подражать нам.

Охранник что-то проворчал и закрыл за собой дверь.

— А черный — это цвет смерти? — спросил Айлд.

— Да, верно, — кивнул Ник.

— Значит, они — это смерть?

— Да, — сказал Ник. — Но вам они не повредят.

— Я и не боялся, что они повредят мне; я только подумал, что у вас уже сломана рука и что это, возможно, сделали они.

— Это сделала девушка, — сказал Ник. — Маленькая, курносая подвальная крыса. Девушка, за которую я отдал бы жизнь — только бы всего этого не случилось. Но уже слишком поздно.

— Это ваша подружка, которая умерла?

Он кивнул.

Эймос Айлд взял черный карандаш и стал рисовать. Ник смотрел, как появлялись фигурки из палочек. Мужчина, женщина. И черное животное на четырех ногах, напоминавшее овцу. И черное солнце, черный пейзаж с черными домами и скибами.

— Все черное? — спросил Ник. — Почему?

— Не знаю, — ответил Эймос Айлд.

— Разве это хорошо, что все они черные?

Немного помолчав, Эймос Айлд сказал:

— Сейчас. — Он перечеркнул картинку, затем порвал бумагу на полоски, скомкал их и отбросил в сторону. — Я больше не могу думать, — досадливо пожаловался он.

— Но ведь мы же не совсем черные, правда? — спросил Ник. — Ответьте мне, пожалуйста, а потом можете перестать думать.

— Мне кажется, девушка вся черная. И вы отчасти черный — ваша рука, например, и кое-что внутри вас, — но остальное, мне кажется, нет.

— Спасибо, — сказал Ник, поднимаясь и едва не падая от головокружения. — Пожалуй, теперь я лучше пойду к доктору, — выговорил он. — Я еще навещу вас.

— Нет, не навестите, — сказал Эймос Айлд.

— Не навещу? Но почему?

— Потому что вы узнали то, что хотели. Вы хотели, чтобы я нарисовал Землю и показал вам, какого она цвета, особенно — черная ли она. — Айлд взял листок бумаги и нарисовал большой круг — зеленым карандашом. — Она живая, — сказал он. И улыбнулся Нику.

Ник прочел:

— «Пусти — я должен уходить туда, где волнами нарциссы, лилии, где бедный фавн лежит под сонною землей — увенчан век его, — но там все мнится мне: выходит он в росе купаться по утрам и растворяется, как дым, пронзенный пением моим».

— Благодарю вас, — сказал Эймос Айлд.

— За что? — удивился Ник.

— За объяснение. — Он стал рисовать другую картинку. Черным карандашом он нарисовал женщину — горизонтально и под землей. — Там могила, — указал он карандашом. — Куда вы должны пойти. Ваша девушка именно там.

— А она услышит меня? — спросил Ник. — Узнает ли она, что я пришел?

— Да, — сказал Эймос Айлд. — Если вы будете петь. Но вы должны будете петь.

Дверь отворилась, и черный охранник позвал:

— Эй, мистер, пойдем-ка. В лазарет.

Ник медлил.

— А должен ли я принести туда нарциссы и лилии? — спросил он у Эймоса Айлда.

— Да, и запомните, что вам обязательно надо позвать ее по имени.

— Шарлотта, — сказал Ник.

— Да, — кивнул Эймос Айлд.

— Пойдем, — сказал охранник, положив ему руку на плечо и выводя его из комнаты. — Что толку болтать с малышами?

— С «малышами»? — переспросил Ник. — Вы так собираетесь их называть?

— Ну да, мы вроде бы уже так начали. Они ведь как дети.

— Нет, — сказал Ник, — они совсем не как дети. — «Они как пророки и святые, — подумал он. — Предсказатели, старые мудрецы. Но нам придется заботиться о них — сами они справиться не смогут. Они даже не смогут сами вымыться».

— Ну как, сказал он что-нибудь стоящее? — спросил у него охранник.

— Он сказал, что она услышит меня, — ответил Ник.

Они добрались до лазарета.

— Проходи внутрь, — указал охранник. — В эту дверь.

— Спасибо, — поблагодарил Ник. И присоединился к уже ожидающим своей очереди мужчинам и женщинам.

— Ну, — заметил черный охранник, — не слишком много.

— Достаточно, — отозвался Ник.

— Какие они жалкие, правда? — спросил охранник. — Я всегда хотел быть Новым Человеком, но теперь... — Он скривился.

— Уходи, — сказал Ник. — Я хочу спокойно подумать.

Одетый в черное охранник зашагал прочь.

— А ваше имя, сэр? — обратилась к Нику сестра, держа наготове ручку.

— Ник Эпплтон, — ответил он. — Я нарезчик протектора. — Он добавил: — И мне нужно подумать. Может быть, если бы я просто где-нибудь лег...

— Свободных коек нет, сэр, — сообщила сестра. — Но ваша рука... — Она осторожно дотронулась до нее. — Мы можем поправить ее.

— Хорошо, — кивнул он. И, прислонившись к ближайшей стенке, стал ждать. А пока ждал, он думал.

Адвокат Гораций Денфельд бодро вошел в приемную канцелярии Председателя Совета Уиллиса Грэма. В руке у него был дипломат, а выражение его лица и даже его походка демонстрировали дальнейшее совершенствование его способности вести дела с позиции силы.

— Будьте любезны, сообщите мистеру Грэму, что я желаю представить ему некоторые дополнительные документы касательно его алиментов и собственности...

Мисс Найт взглянула на него из-за стола и сказала:

— Вы опоздали, консультант.

— Прошу прощения? Вы хотите сказать, что он сейчас занят? Мне придется подождать? — Он сверился со своими наручными часами в бриллиантовой оправе. — Я могу ждать самое большее пятнадцать минут. Будьте любезны уведомить его об этом.

— Его нет, — произнесла мисс Найт, опуская остренький подбородок на переплетенные пальцы — неторопливый, уверенный жест, отмеченный Денфельдом. — Все его личные проблемы — в частности, и ваша с Ирмой... теперь со всем этим покончено.

— Вы имеете в виду, из-за этого вторжения. — Денфельд раздраженно потер ноздрю. — Ну что ж, мы будем преследовать его судебным предписанием, — заявил он, хмурясь и напуская на себя самый свирепый вид. — Куда бы он ни уехал.

— Уиллис Грэм, — сказала мисс Найт, — уехал туда, где его не достанут никакие предписания.

— Вы хотите сказать, что он умер?

— Он просто ушел из нашей жизни. Теперь он вне той Земли, на которой живем мы. Он у своего врага, своего старого врага, — и с тем, кто может стать новым другом. Так, по крайней мере, можно надеяться.

— Мы отыщем его, — пообещал Денфельд.

— Хотите пари? На пятьдесят юксов?

Денфельд заколебался:

— Я...

Мисс Найт вернулась к своей машинке, а затем, на секунду оторвавшись от нее, сказала:

— Всего хорошего, мистер Денфельд.

Денфельд замер у ее стола — что-то привлекло его внимание, и затем он потянулся, чтобы взять это: маленькую пластиковую статуэтку, изображавшую человека в мантии. Какое-то время он держал ее в руках — мисс Найт попыталась не обращать на него внимания, — но он все стоял, ощупывая статуэтку, разглядывая ее внимательно, торжественно. Лицо его приобрело удивленное выражение, словно он ежесекундно подмечал что-то новое в пластиковой фигурке.

— Что это? — спросил он у мисс Найт.

— Статуэтка Бога, — ответила мисс Найт и прервала свое суетливое стрекотание на машинке, разглядывая Денфельда. — У многих такие есть — это же повальное увлечение. Разве вы не видели их раньше?

— А Бог выглядит именно так? — спросил Денфельд.

— Нет, конечно же нет; это ведь только...

— И все же это Бог, — сказал он.

— Ну, вообще-то да. — Она смотрела на него и видела в его взгляде удивление, его сознание сузилось до восприятия одного лишь этого предмета... И тут она поняла: «Ну конечно же, Денфельд — Новый Человек. И я наблюдаю за тем самым процессом — он становится малышом». Встав из-за стола, она попросила:

— Присядьте, пожалуйста, мистер Денфельд. — Она довела его до кушетки и усадила... «Он забыл о своем дипломате, — дошло до нее. — Забыл окончательно и бесповоротно». — Может, мне вам что-нибудь принести? — спросила она, не найдя ничего лучшего и пребывая в затруднении. — Может быть, коки? Или дзиня?

Денфельд глянул на нее широко распахнутыми, полными надежды глазами.

— А можно мне вот это? Чтобы хранить?

— Конечно, — ответила она и почувствовала к нему сострадание. «Еще один из немногих оставшихся Новых Людей дождался своей очереди, — подумала она. — И где теперь его высокомерие? Где оно у остальных?»

— А Бог может летать? — спросил Денфельд. — Может ли Он раскинуть руки и полететь?

— Да, — кивнула она.

— Когда-нибудь... — Он вдруг замолчал. — Мне кажется, все живые существа будут лететь — или бежать — или хотя бы ползти; кто-то быстро пойдет, как в этой жизни, но большинство будут лететь или ползти. Выше и выше. Непрестанно. Даже слизняки и улитки — они поползут очень медленно, но когда-нибудь они это сделают. Все они в конце концов это сделают — не важно, как медленно они будут ползти. Оставляя позади долгий путь — ведь это должно быть сделано. Вы согласны?

— Да, — ответила она. — Очень длинный путь позади.

— Благодарю вас, — сказал Денфельд.

— За что?

— За то, что вы подарили мне Бога.

— Ну хорошо, — сказала она. И стоически принялась за машинку. В то время как Гораций Денфельд все играл и играл с пластиковой статуэткой. С беспредельностью Бога.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОВА НА БЛЮДЕ
Роман
Перевод с английского О.А. Воейковой
5

СО СМЕРТЬЮ В КАРМАНЕ
Роман
Перевод с английского Н.А. Перевезенцевой
133

ЛУЧШИЙ ДРУГ БОГА
Роман
Перевод с английского М.К. Кондратьева
325

Дик Филип

Д45 Лучший друг Бога: Фантастические романы. — Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центрполиграф, 1996. — 504 с.

ISBN 5-218-00135-X

Фантастика, философия, детектив — в сборнике популярного американского писателя-фантаста Ф. Дика (1928—1982 гг.) представлены романами, в которых писатель разрабатывает такие темы, как загадка управления человеком извне, путешествие во времени, личное и алогичное в законе шанса, теория игр.

Острые, динамично развивающиеся сюжеты, вихрь разворачивающихся событий, полные жизни герои — удовлетворят вкус даже самого изысканного читателя.

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Дик Филип

ЛУЧШИЙ ДРУГ БОГА

Фантастические романы

Редактор *Г.Н. Белов*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректоры *Л.Е. Мельникова, В.С. Фадеева*

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 24.05.96.
Формат 60×84/16. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,76. Уч.-изд. л. 35,41.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2416

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ФИЛИП ДИК

Лучший друг Бога

К середине XXII века на Земле установился новый, невиданный доселе общественный строй. Окрепшие «Силы морали и порядка» — сокращенно МОРС — положили конец эпохе «былого расточительства», уничтожили «греховность и коррупцию» и по минутам регламентировали жизнь простого человека. Один из новоявленных и обласканных властями блюстителей норм общественной морали — Аллан Перселл не сразу понимает, что жизнь его самого и ему подобных стала походить на существование в огромной камере пыток...

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®